

love_sf

Марина
Эльденберт
<https://www.litlib.net/author/17355>
<https://coollib.net/a/102175>

Цепи его души

Есть тайны, которые сводят с ума. Есть маски, под которые лучше не заглядывать. Есть мужчины, от которых лучше держаться подальше. Эрик — один из них, но именно рядом с ним мне отчаянно хочется нарушить все правила и запреты. Шагнуть за грань, чтобы узнать его настоящим. Помочь ему сбросить цепи, которыми опутано его прошлое. Цепи его души.

ru

Марина
Эльденберт

FictionBook Editor Release 2.6.6
15.9.2018
<https://www.litlib.net>
2f331c4f-a33c-4f8b-9f4b-5728d798f4f8
1.0

СИ
2018

Марина Эльденберт
Цепи его души

Пролог

Когда скрипнула дверь, старший констебль Фетрой поднял голову. Впрочем, тут же подскочил и вытянулся по струнке: перед ним стоял сам комиссар Лайдгэн. Невысокий мужчина с прилизанными светлыми волосами, зачесанными назад. Усы и бороду он не носил, от бакенбард тоже отказался, что придавало главному полицейскому Лигенбурга довольно моложавый вид. — Вы подготовили документы по делу? — хмуро поинтересовался он. — Да, разумеется, но мы не ждали вас так скоро...

— Мы тоже не ждали. Некромант из Королевской службы безопасности прибудет через четверть часа.

Старший констебль слегка побледнел. Сотрудники Королевской службы безопасности занимались преимущественно внешней политикой, шпионажем и прочими далеко не рядовыми делами. В том, что их заинтересовало дело об убийстве, а точнее, убийствах (не далее как вчера было совершено третье), чудилось что-то зловещее. В принципе, любое убийство можно назвать зловещим, и за годы своей службы старший констебль многое повидал, но в деле «Озмее», как его называли в полиции, изначально было нечто особенно жуткое.

Все три девушки были молодыми, если не сказать юными. Все три девушки были бедны и работали с утра до ночи. Все три девушки были довольно свободных нравов, не отказываясь принимать знаки внимания от молодых людей. Все три девушки были найдены полностью обнаженными и умерли от удушья (от яда змей), хотя официальная версия для журналистов была такова, что девушек задушили. Подобное расхождение всегда дается намеренно, чтобы в случае попытки скопировать убийство можно было отличить почерк. Всем трем девушкам вокруг шеи оборачивали мертвых змей. И, наконец, все три девушки были рыжими.

От этих змей на хрупких женских телах по коже шел мороз. От змей, а еще от мыслей о том, что эти несчастные девочки пережили перед смертью.

— Здесь все. — Фетрой подвинул комиссару несколько папок, в которые заранее собрал все материалы по делу.

Хотя признаться, их было не так уж много. Убийца не оставлял следов, а все, что он оставлял, скорее было жестокой насмешкой и дерзостью. Например, на первом месте преступления нашли обрывки веревки, которой связали жертву, на втором — туфельки погибшей (вся одежда исчезала бесследно), на третьем — пару перчаток. Крепких, кожаных, дорогих: такие не носят люди, которые доедают последний хлеб или даже неплохой пирог. Все эти вещи сейчас находились внизу, в камере хранения, и будут выданы некроманту по первому требованию. Хотя не факт, что он вообще что-то потребует.

Некроманты сами по себе странные (что оправдывает специфика их магии). Некроманты из Королевской службы безопасности — и подавно.

— Чудесно. — Комиссар подхватил папки, хотя найти что-то чудесное в происходящем мог только человек с очень странным чувством юмора. — Будьте готовы, что с вашими сотрудниками захотят переговорить. С вами, разумеется тоже...

Договорить он не успел: дверь распахнулась, и запыхавшийся секретарь комиссара выпалил:

— Комиссар, к вам пришли.

То, что пришли, стало понятно в ту же минуту, когда секретарь был отодвинут с той беспепеляционной бесцеремонностью, свойственной людям, считающим себя вправе пренебрегать нормами этикета.

— Добрый день, — комиссар шагнул к некроманту и протянул ему руку.

— Не сказал бы, что он добрый, — сухо прозвучало в ответ. — Где жертва?

— Так... в морге же, — вырвалось у Фетры.

Сухой взгляд пробежался по нему от макушки до кончиков штиблет, снова поднялся вверх и остановился где-то на уровне переносицы. Тяжелый взгляд, неприятный, из-под которого хотелось незамедлительно ускользнуть.

— Понимаю, что в морге. Проводите меня к ней.

— Разумеется, — комиссар опомнился первым. — Пойдемте, мистер... Как я могу к вам обращаться?

— Это совершенно необязательно.

— Но позвольте. Как я могу быть уверенным в том, что вы — это вы?

Некромант раскрыл ладонь, под кожей сверкнула магическая печать Королевской службы безопасности. Знак, который с некоторых пор наносился всем сотрудникам без исключения и давал особые преимущества. Впрочем, не только преимущества: случись кому-то с такой печатью проболтаться о том, что происходит в закрытых стенах здания КСБ, его ждала мгновенная, но достаточно болезненная смерть.

— Убедились? — по-прежнему сухо поинтересовался он. — Теперь ведите.

Из кабинета старшего констебля они вышли вдвоем, оставив взволнованного секретаря за спиной.

— Пригласите коронера, — бросил комиссар отрывисто, а после обратился к некроманту: — Вот, документы по делу.

Он протянул мужчине папки, но тот покачал головой.

— Позже.

Мужчина был таким же, как его голос: высоким и худым, как высушенный солнцем бамбук. Тем не менее под его уверенными шагами стонал старенький настил коридора, а ступеньки, уводящие вниз, разразились жалобным хрустом. Фетрой украдкой взглянул на комиссара, но тот оставался невозмутим. Перехватив папки так, чтобы не выскользнул ни один лист, он спускался следом за некромантом. Настенные артефакты — слишком дорогое удовольствие для полиции, поэтому здесь по-прежнему горели газовые светильники.

Под землей было очень холодно, не говоря уже о том, каково было в морге, среди стальных стен, укутанных магией охлаждения. Комиссар недавно выбил средства на эту роскошь: со скрипом, но чиновники подписали разрешение и выдали из бюджета необходимую для установки артефактов сумму.

Коронер вошел следом за ними: запыхавшийся, на ходу натягивающий халат, с измазанным джемом уголками губ. Честно говоря, старший констебль не представлял, как этот человек вообще может есть.

— Беттина Гилберт, — сообщил он, взявшись за ручку ящика, где лежала погибшая, — смерть от удушья после укуса змеи...

Некромант отодвинул его бесцеремонно: так же, как в свое время — секретаря.

— Выйдите все, — сказал он, и достал из кармана небольшую пробирку, окутанную серебристым мерцанием.

— Но я должен присутствовать... — начал было коронер.

— Выйдите. Все.

Взгляд некроманта, только что напоминавший сухой вереск, потемнел. Причем старший констебль не был уверен, что не буквально: радужку заполнял черный цвет, растекавшийся не то от зрачков, не то Всевидящий знает от чего еще.

— Когда закончу, поднимусь в ваш кабинет.

Последнее относилось к комиссару, и тот поспешно кивнул, указав коронеру и Фетрою за дверь.

— Откуда только такие берутся, — проворчал коронер, пухлый невысокий человечек, — они же давно повывелись все.

Что правда то правда, некромантов в мире остались единицы.

— В Королевской службе безопасности найдется все, — заметил Лайдгэн.

И то правда. Новейшие секретные разработки, зелья и артефакты самого разного действия: все, что считалось невозможным, невероятным, поразительным, можно было найти именно в стенах здания, расположенного в центре Лигенбурга, на возвышении, над протекающей под ним Бельтой. Считалось, что выходов здесь гораздо больше чем входов, слухи о нем ходили самые разные, а как оно на самом деле, знали только те, кто там работал.

— Поднимайтесь, Брик, — скомандовал комиссар коронеру и, когда шаги на лестнице затихли, повернулся к старшему констеблю. — А вы возвращайтесь.

— Но как же...

— Подозреваю, вы что-то обронули: там, в конце коридора, — заметил комиссар, и, ни слова не говоря, направился вверх.

Фетрой посмотрел ему вслед и на негнувшихся ногах направился обратно, мимо дверей архивов, склада улик, к двери, за которой остался некромант. Сам процесс возвращения покойной казался ему диким, неправильным, противоестественным, поэтому когда мужчина попросил их выйти, констебль вздохнул с облегчением. Сейчас же каждый шаг отсчитывал глухой удар сердца, а дыхание казалось оглушающе громким.

Мысленно ругая себя за слабость, он тем не менее старался ступать едва слышно. Показалось, или в самом деле стало еще холоднее? Что творилось за дверью, он не видел, но по спине заструился противный липкий пот. Особенно в минуту, когда выдох сорвался облачком пара. Приложив ухо к двери, констебль замер, слушая тишину, в которую сначала ворвалось какое-то звяканье. Затем — шорох.

А потом голос, от которого волосы на затылке встали дыбом. Не голос некроманта, звучавший по-прежнему сухо:

— Что с тобой произошло?

Нет, другой, голос девушки. Слабый, тихий, доносящийся словно с того света.

— Змея... должна... умереть...

Констебль сжал руки так, что ногти впились в ладони.

— Змея... должна... умереть... — Голос становился все громче, громче и громче, мертвая девушка говорила все быстрее, слова сливались воедино и превращались в какой-то потусторонний речитатив. — Змеядолжнаумереть, змеядолжнаумереть, змея... должна... умереть!

Последнее она выкрикнула, и Фетрой отпрянул от двери. Пожалуй, так он не бежал даже в детстве, когда за ним погналась собака размером с теленка. Он бежал, а в ушах до сих пор звучал этот голос, и, казалось, теперь он будет звучать вечно. Полицейский взлетел на этаж, пробежал по коридорам, столкнувшись с кем-то, даже не заметил с кем, на ходу бормоча извинения. В кабинет комиссара влетел, задыхаясь, чтобы доложить, но секретарь продержал его в приемной минут двадцать. Оказывается, за время их отсутствия по какому-то важному поводу приехали из градоуправления.

Чиновника, как и полагается, провожали с расшаркиваниями, но стоило констеблю зайти в кабинет и опуститься в кресло, как дверь тут же распахнулась снова.

— Передайте мне все документы и улики по делу, — прозвучало сухое за спиной. — Теперь этим будет заниматься Королевская служба безопасности.

Часть 1. Ученица

Глава 1

Я смотрела на Ирвина, не в силах поверить своим глазам.

Он был моим сводным братом. Был моим лучшим другом. Мужчиной, который был мне безумно дорог...

Был?

Печать, поставленная на воспоминания, дрогнула и пошла трещинами, я подавила желание обхватить себя руками. Лишь бы не чувствовать. Не думать. Не вспоминать. Знал ли он о том, что собирается сделать леди Ребекка и его отец? Вряд ли. Не знал, не задумывался, ему было все равно, что со мной станет. Наверное, это правильно: с той минуты, как Ирвин спустился по лестнице после моей лжи, я уже не думала, что мы встретимся вновь. Так легче и проще, так спокойнее, так и должно быть.

Взгляд его скользил по мне: по обнаженным плечам, по декольте. Крылья носа чуть дрогнули, и на миг мне захотелось прикрыться. Накинуть на плечи шаль, скрывая роскошь платья и глубокий вырез, несомненно, слишком глубокий. Как раз в эту минуту он взглянул мне за спину — туда, где лежал небольшой чемоданчик с моими вещами, две шляпные коробки, сумка с красками и кистями и разобранный мольберт.

— Нам нужно поговорить, Шарлотта.

Дурацкая фраза. Дурацкая, особенно из уст того, кого не было рядом, когда я сходила с ума после оскорбительной статьи и тряслась в карете в полубессознательном состоянии. Это было неправильно: обвинять в этом его (сама же его оттолкнула!), но остановиться я не могла. Обида разъедала сердце, растекалась в крови ядом, обжигающим сильнее, чем узор на запястье в тот день, когда должно было состояться наше свидание.

Он шагнул ко мне, но я покачала головой.

— Я опаздываю в театр, Ирвин.

По его лицу словно судорога прошла.

— С ним?

— Возможно, — пожала плечами и направилась к двери.

Сама не знаю, зачем. Сюин все равно встречает экипаж, а еще мне надо взять шаль.

Ирвин перехватил меня за руку: так неожиданно и резко, что я вскрикнула. Оказавшись лицом к лицу с ним, так близко и в то же время так далеко. Смотреть ему в глаза было просто невыносимо. Невыносимо было знать, что все это время он разгуливал по городу, общался с полковыми друзьями, но не нашел даже минутки, чтобы поинтересоваться мной. Я вырвалась и отступила на несколько шагов.

— Тебе лучше уйти.

— Я не уйду, пока мы не поговорим. — Ирвин преградил мне путь. — И к нему тебя не отпущу тоже.

— Вот как? — я вскинула брови.

— Именно так. Этот мужчина опасен.

С трудом сдержала рвущийся с губ смешок.

— Всевидящий, Ирвин! Этот мужчина меня спас!

— Что значит — спас? От чего?

В глазах его мелькнуло изумление, но я уже шагнула к двери и распахнула ее.

— Ты не понимаешь... — произнес он.

«Не понимаю! — хотелось закричать мне. — Я действительно не понимаю, Ирвин! Не понимаю, что ты здесь делаешь именно сейчас. Спустя два дня после того, как я чуть не умерла по дороге в Фартон! После того, как твой отец решил увезти меня из города, потому что я могла навредить его репутации одним своим существованием! После того, как меня чуть не убила долговая метка!»

— Чего? — я спокойно встретила его взгляд. — Того, что тебе срочно понадобилось со мной поговорить? Вполне. Но я не хочу.

Не ожидала, что эти слова вырвутся так легко. Не ожидала, что даже больно не будет, разве что чуть.

— Он наслаждается тем, что причиняет женщинам боль.

Я замерла, вцепившись в металлическую ручку, холод которой вползал мне в ладонь и растекался по телу. Замерла, чтобы медленно обернуться: Ирвин больше не пытался приблизиться, просто смотрел мне в глаза.

— Все эти дни меня не было в городе, потому что я ездил в Вэлею. В Ольвиже есть закрытый клуб для особых развлечений. Туда приходят те, кто любит причинять боль или ее испытывать.

Столица Вэлеи, Ольвиж, всегда славилась самыми разными развлечениями. Кабаре, публичные дома, зачастую два в одном, игорные дома. Нравы там изначально свободнее наших, но о таком... о том, что мне говорил Ирвин, я никогда не слышала. Разве что вспомнились слова Эрика про дом удовольствий: в тот вечер, когда он пришел за мной к Вудворду. Там прозвучало что-то о наручниках и исхлестанной заднице, но видимо, память вымарала это из моих воспоминаний за ненадобностью. До сегодняшнего дня.

— Официально он принадлежит женщине по имени Камилла де Кри, но Пауль Орман — один из завсегдатаев этого клуба, больше того, это заведение существует за его счет. С этой женщиной он состоит в постоянных отношениях, она живет в его доме вместе с маленькой дочерью.

Единственная опора, дверная ручка, по-прежнему обжигала ладонь, но держаться мне больше было не за что. Ирвин шагнул ко мне, шагнул вплотную, не позволяя мне отступить.

— Я совершил ошибку, Шарлотта. — Он заключил мое лицо в ладони. — Ужасную ошибку, когда ушел и оставил тебя рядом с ним, но теперь все будет иначе.

Опомниться не успела, пальцы Ирвина скользнули по моей щеке, а потом коснулись запястья.

— Я предлагаю тебе свое имя и свою защиту. После нашей помолвки Орман больше не посмеет к тебе приблизиться.

Что?!

— Ты предлагаешь мне стать твоей женой?

— Не сразу, разумеется. Я буду за тобой ухаживать и сделаю тебе предложение по всем правилам высшего света.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное. Наверное, случись такое еще неделю назад, я была бы без ума от счастья. Что изменилось теперь? Как минимум

осознание того, что мы с ним совсем не знакомы. Мы не виделись шесть лет, в моей памяти все еще живет образ молодого человека, который вступил в ряды королевской армии и уехал в Рихаттию, а я... кто я для него? Девочка-подросток, которая страстно мечтает писать картины?

— Я не могу выйти за тебя замуж.

Ирвин нахмурился.

— Почему?

— Потому что мы не знаем друг друга.

— Не знаем? Шарлотта, я знаю тебя достаточно...

— Правда? — я сложила руки на груди. — И что же ты обо мне знаешь? Кроме того, сколько мне лет.

По традициям Энгерии будущим супругам было вовсе необязательно знать друг друга, зачастую вопрос о браке решался между родителями, особенно у аристократов. Будущие муж и жена едва ли танцевали вместе несколько танцев и перебрасывались парой слов в присутствии дуэньи или старшей (обязательно замужней!) родственницы.

Наверное, для Ирвина такое в порядке вещей, наверное, когда-то было и для меня.

До той ночи, которая все изменила. Я не собираюсь выходить замуж, как леди Ребекка — за того, кого видела несколько раз. Пусть даже за того, кому когда-то верила всем сердцем.

Леди Ребекке я тоже верила.

— Мне не обязательно знать о тебе все, Шарлотта. Для этого у нас с тобой будет вся жизнь.

Конечно, я не могу обещать, что мы будем жить на одном месте: по долгу службы меня могут направить в Рихаттию или Вэлею, или куда-нибудь еще. Но я сделаю все, чтобы ты была счастлива и ни в чем не нуждалась. Твоя репутация будет полностью восстановлена. У меня достаточно связей, чтобы о случившемся с той ужасной картиной просто-напросто забыли.

«С той ужасной картиной».

Он знал.

От этого почему-то стало еще больнее, гораздо больнее, чем если бы он просто мной не интересовался, ничего не слышал о той статье, почти разрушившей мою жизнь. Наверное, с этим я бы могла справиться, как справилась с поступком леди Ребекки, временно затолкав его поглубже на чердак воспоминаний и заколотив дверь. С этим, но не с таким. Он уехал в Вэлею, зная, что со мной происходит. Уехал, чтобы — что?

Чтобы узнать и рассказать мне о... специфических пристрастиях Эрика?

О том, что у него есть любовница, которая живет в его доме.

— Я не выйду за тебя.

— Ты что, не слышала, что я только что сказал? Он любит причинять женщинам боль, Шарлотта. Он из тех, кто получает удовольствие, наслаждаясь их болью во время близости. Ты хочешь стать одной из них?

Он развернул мою руку, потянул рукав наверх и замер. Непонимающе взглянул на меня: глаза его затягивало льдом, как озера зимой. Вот только почему-то в памяти сейчас стояла пронзительно-чистая, словно заполненная растаявшим небом река. Островок лета среди заснеженных берегов, и поцелуй, удивительно теплый, ударил в сердце навывлет.

«С этой женщиной он состоит в постоянных отношениях, она живет в его доме вместе с маленькой дочерью».

Мне казалось, еще чуть-чуть, и я закричу.

— Уходи, Ирвин, — прошептала я, чувствуя, как все внутри переворачивается. — Уходи немедленно.

Отняла руку и указала ему на дверь.

— Меня не волнует, где ты был, и что ты узнал. Я не хочу больше слышать от тебя ни слова, — сказала жестко. — Мне пора. И тебе тоже.

Он больше не пытался меня коснуться, смотрел так, словно хотел что-то сказать, но не знал, что. Не знала и я, в голове набатом стучали его слова, отдаваясь глухими ударами сердца.

— Что с тобой стало, Шарлотта? — произнес он, наконец. — Что стало с девочкой, которую я знал?!

— Она повзрослела.

Я не представляла, что мой голос может звучать так холодно. Очевидно, не представлял и он, потому что взгляд его сверкнул яростью.

— Если опомнишься... — Он достал конверт и бросил на стол. — Здесь есть карточка с моим адресом.

Ирвин вышел за дверь, а я прислонилась к стене.

Меня не просто трясло, меня колотило.

Правда ли то, что он сказал?

Вспомнился жесткий взгляд Ормана, в котором клубилась ночь. Жесткий и страшный, проникающий в самую душу. Наверное, мне бы хотелось его забыть, но я не могла. В тот вечер, когда просила его отпустить меня, чтобы поговорить с герцогиней.

Сталь, оплетенная сетями тьмы.

С какой стати это вообще должно меня волновать? Его личная жизнь ни коим образом меня не касается, равно как и его... увлечения.

Нет, Шарлотта, очень даже касается.

Касается куда больше, чем ты можешь себе представить.

Веревки на теле сейчас ощущались так, словно я была стянута ими под платьем.

«Мне хочется делать с тобой ужасные вещи, Шарлотта, — голос Ормана звучал так отчетливо, как если бы он находился рядом со мной, в мансарде. — И приятные. Безумно приятные».

Всевидающий!

Разве это может быть приятным?! Разве может быть приятной боль? Как вообще можно причинять боль тому, кого любишь?

Приложив ладони к пылающим щекам, пыталась унять бешено бьющееся сердце. Да, Шарлотта, куда-то не туда тебя понесло. Совсем не туда, особенно учитывая последнее. О какой вообще любви может идти речь? В дома развлечений ходят не за любовью, а за запретными удовольствиями, за тем, что нельзя позволить себе с нормальными людьми, с собственной женой или мужем.

Любит ли он женщину, которая живет с ним в Вэлее? А маленькая девочка... что, если это его дочь?!

Прежде чем фантазия завела меня в совсем непроходимые дебри, дверь распахнулась, и в мансарду впорхнула Сюин. На руках у нее лежала без преувеличения роскошная накидка с капюшоном, отороченным мехом. Плотная темно-зеленая ткань переливалась даже в неярком свете лампы, и при мысли о ее стоимости мне захотелось глупо хихикнуть.

Действительно, его увлечения тебя ни коим образом не касаются, Шарлотта.

Он просто ухаживает за своей... ученицей.

Я закусила губу, а Сюин изменилась в лице. Видимо, с моим лицом тоже было что-то не так, потому что иньфаянка мигом отложила накидку и подбежала ко мне.

— Все в порядке, мисс Шарлотта? Вы побледнели.

Хорошо, что не позеленела. В тон платью.

— Да, — выдохнула через силу.

Дыши, Шарлотта. Дыши.

Ровно. Вот так.

— Вам принести воды?

— Нет, спасибо.

Иньфаянка внимательно посмотрела на меня.

— Тогда позвольте вам помочь. Экипаж уже ждет.

Экипаж.

«Лацианские страсти».

Встреча с Орманом.

Ох-х-х-х...

Шагнула ближе к зеркалу, позволяя Сюин расправить и подать мне накидку. Она села как влитая, мягко обтекая платье. Вечерний выход, в общем-то, сам по себе предполагал высокие перчатки, но к такому фасону платья они не шли. Только сейчас я увидела муфточку, которую не заметила из-за меховой оторочки. Но... в театр без перчаток? Осознание этого накрыло как-то совсем не вовремя.

Всевидящий, я собираюсь в театр, в наряде, который мне прислал Орман. Одна, без сопровождения, что само по себе неприлично, зная, на что способен этот мужчина, и о чем я вообще думаю?!

О перчатках!

— Чудесно выглядите, мисс Шарлотта, — иньфаянка улыбнулась.

— Спасибо, Сюин.

— Я провожу вас в театр, а потом вернусь, чтобы перевезти ваши вещи. И эту красавицу, конечно, тоже. — Сюин взглянула на мисс Дженни, устроившуюся поверх шляпных коробок.

Позорное желание запереться в мансарде и для верности пододвинуть под дверь стул, стол и тахту я тут же отмела. Учитывая способности Ормана, его это не остановит. Учитывая, что он ожидает меня увидеть, лучше пусть будет добрый Орман в театре, чем злой здесь. Не считая того, что я подписала с ним договор на бессрочное обучение магии, поэтому начиная с понедельника мы будем видеться с ним каждый вечер.

Тогда как в Вэлее его ждет другая.

Возможно, не только она, но и ее дочь. Их. Постоянными любовницами не становятся на ровном месте. А как ими становятся? Я ровным счетом ничего не знаю о любовницах, в моем мире тема внебрачных связей всегда была запретной.

Мысль об этом посетила меня уже в ту минуту, когда мы с Сюин спускались по лестнице. Сердце колотилось все сильнее, с каждой ступенькой, с каждым шагом, приближавшим меня к экипажу, а значит, и к нему тоже.

Кучер подал мне руку, чтобы помочь подняться на подножку, затем то же самое проделал с Сюин. Захлопнул дверцу и вскочил на козлы, карета дернулась и покатила по улицам Лигенбурга, отстукивая в такт цокоту копыт. Иньфаянка улыбнулась, и я улыбнулась в ответ, хотя мои мысли в эту минуту были далеки от улыбок. Я напоминала себе струну, которое одно неосторожное движение может порвать. Руки так и тянулись к туго накрученным локонам, поэтому я не стала вынимать их из муфты.

«Жало иглы или ожог плети...»

Зажмурилась, как если бы это могло меня спасти от непрошенных мыслей. Представить в руке Ормана плетью было ну очень легко, особенно после того, как в памяти отпечатались прикосновение бамбукового стебля к обнаженной коже ягодиц.

— Мисс Шарлотта, о чем вы думаете? — Голос Сюин разорвал тишину, и к счастью.

Потому что я уже была готова, подхватив юбки, сигануть из кареты и бежать в ночь.

«Обо всяких непотребствах».

— О спектакле.

Орман не ударил меня тогда, в ванной, но если бы ударил, я не сомневаюсь, что это дико больно. Даже первый удар, не говоря уже о втором, третьем или тридцать шестом, как он мне тогда обещал. Кто вообще может получать от такого удовольствие? Ну если предположить, что тот, кто бьет, может наслаждаться криками, стонами и... бр-р-р... красными полосами на коже, то как может этим наслаждаться тот, кого бьют? Или та... Зачем она позволяет делать это с собой?!

— О, думаю вам понравится, — Сюин улыбнулась.

Я чуть не свалилась с сиденья, но вовремя вспомнила, что мы заговорили о спектакле.

— Вы его видели? — Разговор о «Лацианских страстях» — это совершенно точно то, что мне сейчас нужно, чтобы забыть обо всем.

— Нет, но очень много о нем слышала. Это маэлонская труппа, которая гастролирует по миру с прошлого года, в Лигенбурге будет всего три показа. — Она потрясающе разговаривала на нашем языке, без малейшей неловкости или подбора слов, с легкой ноткой акцента. — Первый состоится сегодня, второй в следующую пятницу, а третий через две недели. На входе всем выдают маски...

— Маски?

— Да, — девушка кивнула. — Конечно, вы сами можете выбрать, надевать ее или нет, но большинство зрителей предпочитают их надевать.

— Почему? — спросила я, уже предчувствуя, что ответ мне может не понравиться.

— Во-первых, это отсылка к Маэлонии, родине маскарада. А во-вторых, спектакль весьма провокационный, поэтому не все аристократы хотят, чтобы их лица видели остальные.

Весьма провокационный.

Ну разумеется. Не думала же я, что Орман пригласит меня посмотреть комедию?

Желание выскочить из кареты на полном ходу только что стало еще ярче. Я представила, как бегу в ночь в развевающейся накидке, в роскошном платье и с вечерней прической, отмахиваясь от пытающих остановить меня прохожих муфточкой. А потом раскрывается портал, из него выходит Орман и тащит меня в свой особняк в Дэрнсе, как недавно, спеленав магией.

«За одно это тебя стоило бы выпороть».

Мамочки.

Я хихикнула и тут же зажала рот ладонью.

— Мисс Шарлотта, с вами точно все в порядке? — Взгляд Сюин стал сосредоточенным.

— Да, я просто очень волнуюсь перед... выходом.

Всевидящий, что мне делать?

Я была близка к истерике, поэтому уставилась в окно. Не хватало еще, чтобы иньфаянка приняла меня за припадочную. За стеклом проплывал вечерний город, укутанный в согревающий свет фонарей, дома жались друг к другу, словно пытаясь согреться. Королевский театр, переливающийся огнями, был прекрасен. Мне не доводилось здесь бывать: билеты сюда стоили очень и очень дорого, даже на самый верхний балкон. Поэтому сейчас я смотрела на широкие ступеньки, ведущие к зданию. На каменные завитки в арках первого этажа, на двойные колонны на втором, между которыми располагались высокие окна. Эту красоту венчал купол, украшенный короной, а перед зданием театра на постаменте возвышалась статуя короля Витейра, который принес нашей стране свободу и независимость.

Экипажи подъезжали один за другим, я даже заметила несколько мобилей. Негромко хлопали дверцы, шаги, голоса и шорохи вечерних платьев сливались в шум радостного предвкушения вечера. Если бы не встреча с Ирвином и не его слова, которые засели в сознании, мешая наслаждаться происходящим, сейчас я бы радовалась тоже.

И ни о чем не подозревала.

Когда подошла очередь нашей кареты, кучер открыл дверцу и подал мне руку.

Спустившись на подножку, а затем и на землю, я на миг испытала странное чувство.

Сердце забило сильнее, особенно когда мимо прошла пара: мужчина в дорогом пальто с бакенбардами и его спутница, наградившая меня придиричьим взглядом. Женщина вздернула подбородок и отвернулась, а я вдруг осознала, что никогда раньше на меня не смотрели так.

С потаенной завистью.

Да и на что было смотреть, в общем-то...

— Хорошего вечера, мисс Шарлотта, — мелодичный голос Сюин заставил обернуться. — Буду ждать вас домой.

Домой?

Это прозвучало как то-то слишком уютно, но ответить я не успела: кучер уже вскочил на козлы, и карета отъехала, уступая место следующему экипажу. К ступенькам повернуться тоже не успела, потому что в глубине, за распахнутой дверцей, мелькнуло лицо графа Вудворда. Он первым шагнул на улицу, держа руку на перевязи под пальто. Здоровую подал жене, которая выплыла следом за ним с крайне недовольным выражением лица, за ней последовал Ричард.

— Какая же мерзкая сегодня погода! Я вся продрогла. — Лина вышла последней, зябко кутаясь в роскошную накидку. — Надеюсь, эти маэлонские актеришки не заставят нас скучать...

Она увидела меня первой.

Мазнула недовольным взглядом по моему лицу, отвела глаза...

Наверное, если бы я не вросла в землю, если бы подхватила юбки и быстро поднялась по ступенькам, Лина бы меня не узнала. Но я не отвернулась, и она медленно, удивительно медленно, снова повернулась ко мне, а за ней — граф, его жена и Ричард.

Глава 2

— Всевидящий! — Лина ахнула и приложила ко рту ладонь.

Изумление в ее глазах сменилось брезгливостью, а после и вовсе презрением: точно так же, как у графини. Ричард вообще избегал на меня смотреть, а вот взгляд Вудворда стал тяжелым, если не сказать злым. Он подхватил жену под руку, то же самое Ричард проделал со своей невестой. Они обошли меня за несколько футов, словно боялись коснуться или испачкаться, поднялись по ступенькам и вскоре исчезли за дверями театра. Я же стояла на улице, не в силах сделать и шага.

Вудворды смотрели на меня так, словно одним своим присутствием я оскорбляла их и все приличное общество Лигенбурга. Странно, что они не развернулись и не уехали тут же, чтобы не дышать со мной одним воздухом.

А впрочем, какая мне разница, что обо мне подумают Вудворды. Мужчина, способный принуждать женщину к близости и его дочь, готовая бросить подругу, только чтобы спасти себя. Равно как и те, кому я не сделала ничего плохого: ни графине, ни будущему мужу Эвелины, тем не менее глядящим на меня так, словно я грязь под ногами.

Подхватив юбки и тяжелые полы накидки, расправила плечи и шагнула к лестнице.

Никакой договоренности о встрече с Орманом у нас не было, разве что мы «случайно» окажемся на соседних местах. Наш с ним договор подразумевает исключительно магическое обучение и ничего личного. С какой стати мне волноваться о том, как и с кем он проводит свой досуг?

Уже второй раз за этот вечер в голову пришла такая мысль. Разум услужливо подсказал, что подарки в стиле накидок и платьев ученицам не дарят, на что я успокоила его тем, что верну все в целости и сохранности. Лина тоже обещала одолжить мне платье на помолвку, поэтому ничего страшного в этом нет.

Успокаивая себя таким образом, я медленно поднималась навстречу люющемуся сквозь широкие окна и арки свету. Он стекал по ступенькам, согревая холодный камень, обещая непривычную роскошь переливающихся огнями люстр и красоту зала, где тяжелый занавес легко скользит над сценой.

Интересно, ее светлость, герцогиня де Мортен, играла здесь? Вспомнилось пренебрежение, звучащее в словах леди Вудворд, пренебрежение, граничащее с презрением, и это прибавило мне уверенности. Уверенности, которая сейчас была очень мне нужна. Если ее светлость справилась с таким отношением в свое время, я тоже смогу.

Поэтому за двери, в укутанный ослепительным сиянием холл я шагнула спокойно. Ну, почти спокойно, потому что встречи с Орманом никто не отменял, а неопределенность будоражила еще больше. Настолько, что даже восхищаться роскошью широкой лестницы, уводящей наверх, мраморными полами и лепниной, узорчатыми балясинами и высокими потолками получалось относительно.

— Добрый вечер, синьорина. — Голос справа заставил меня вздрогнуть и обернуться. — Прощу, ваша маска, которая несомненно оттенит вашу красоту и заставит всех гадать, кто же под ней скрывается.

Мужчина, протягивающий белую, расписанную золотыми узорами маску, был невысок. Его лицо тоже было скрыто под синей, выложенной по узору имитацией драгоценных камней.

Лацианские маски, которые мне доводилось видеть на картинках, представляли собой произведения искусства, и теперь я в этом убедилась. Длинный, словно птичий нос, нависшие надбровные дуги, объемный контур рисунка на щеках и на лбу: открытыми оставались только подбородок и губы. Темные волосы, карие глаза и смуглая для наших мест кожа выдавали в нем маэлонца. Так же, как говор и обращение.

Он подмигнул мне и поклонился, когда наши пальцы соприкоснулись.

— До начала представления все ходят в масках, а после окончания первого акта — по желанию. Хотите программку?

— О, да! С удовольствием, — после рассказа Сюин мне еще больше хотелось почитать о том, куда я иду.

Расплатившись, убрала ее в ридикюль и улыбнулась:

— Спасибо!

— Вам спасибо, синьорина! Чудесного вечера!

В том, что вечер будет... чудесным, я не сомневалась, поэтому надела маску и поспешила в сторону гардеробных. Указатель привел меня к лестницам, уводящим вниз. Навстречу мне попадались женщины в самых разных нарядах и мужчины во фраках, от многоцветия платьев, украшений, причесок пестрело в глазах, тем не менее маски были только двух цветов. Белые с золотом для женщин, черные с серебром для мужчин: те цвета, которые подойдут к любому наряду.

Незаметно всматривалась в лица, пытаясь уловить стальной блеск глаз в прорезях маски, знакомые плотно сжатые губы или плавный контур подбородка. В меня, к слову, тоже всматривались, особенно мужчины, что шли в одиночестве. Те, что со спутницами — украдкой, мой наряд привлекал внимание. У многих женщин были платья с открытыми плечами, но большинство целомудренно прикрывали их шарфами из органзы. Даже те, кто не прикрывал, смотрели с интересом: фасона, где открытые плечи переходят в весьма смелое декольте, не было ни у кого.

У меня приняли накидку и выдали номерок, после чего я вдруг отчетливо осознала, что до встречи с Орманом осталось столько же, сколько до начала представления. В том, что его место окажется рядом с моим, я даже не сомневалась, поэтому сейчас медлила.

Ровно до того момента, как локтя коснулись пальцы, а следом низкий и сильный голос прокатился по телу волной:

— Вы обворожительны, мисс Руа.

Я не подпрыгнула только потому, что выросла в пол. Орман обошел меня, чтобы предложить руку: в темно-синем фраке, оттененном сталью жилета и брюк, с тростью и в неизменной маске, выделяющейся из черно-белой толпы, он сразу притягивал взгляды. Теперь, вместе с ним, и я. С чего я вообще взяла, что он воспользуется маэлонской маской, когда у него есть своя?

Неприлично так глазеть на мужчину, но сейчас именно это я и делала.

— Шарлотта, почему ты так смотришь? Еще немного, и я решу, что ты рада меня видеть.

А говорил, нет чувства юмора. Все у него есть, даже любовница.

Мысль о другой женщине почему-то отозвалась в сердце жалящей болью, но я все равно положила руку на сгиб его локтя.

В конце концов, он мне ничего не обещал.

— Просто не ожидала вас так скоро увидеть, — произнесла как можно более небрежно. — Думала, мы встретимся в партере.

Не представляю, как вести себя с ним. Не представляю, о чем с ним говорить. А мы вообще о чем-то должны говорить? Ну да, если мы вместе идем в театр, это предполагается. Хотя мы вообще-то не вместе идем, по крайней мере, такой договоренности не было.

— Что-то не так, Шарлотта?

— Все так, — очаровательно улыбнулась.

Одно радует, наедине с ним я не останусь. До завтрашнего вечера.

Чем я вообще думала, когда подписала с ним договор?!

— Тогда почему ты такая напряженная?

Вы еще спрашиваете? Это не я луплю людей, чтобы... чтобы доставить им удовольствие.

— Я столкнулась с Вудвордами, — это было первое, что пришло мне в голову.

— Они что-то тебе сказали? — Вголосе его прозвучала сталь.

Та самая сталь, которую легко было спутать со свистом лопнувшей струны... или хвостов плети.

Выкинь это из головы, Шарлотта! Немедленно выкинь это из головы.

— Просто прошли мимо.

Орман остановился прямо у лестницы. Развернул меня лицом к себе и внимательно заглянул в глаза. Несмотря на то, что здесь свет был приглушен, его радужка словно светилась золотом. Уже не первый раз замечаю такое, что это вообще за магия?

— Ты расстроилась?

— Нет, — покачала головой. — Если не возражаете...

Смотреть на него вот так было неправильно, и уединяться — на глазах у всех, в переполненном людьми холле нижнего этажа — тоже. Но именно это сейчас и происходило, от его прикосновений по коже бежало тепло, а все мысли (разумные и не очень) испарялись.

«Этот мужчина опасен», — сказал Ирвин.

Можно подумать, я сама этого не знала. Знала, чувствовала, догадывалась, но...

Какое тут вообще может быть «но»?!

У него есть другая.

— Давайте поднимемся наверх, — произнесла как можно спокойнее. — Мне хотелось бы осмотреться.

В конце концов, что такого в совместном походе в театр, особенно когда мы оба под масками. Не съест же он меня, честное слово. Прямо сейчас.

«Прямо сейчас может и не съест, — любезно подсказал внутренний голос, — а вот завтра...»

Я посоветовала ему замолчать.

— Ты еще не бывала здесь? — спросил Орман, когда мы, продолжая собирать взгляды, поднялись и вышли в главный холл.

— Нет, раньше не доводилось, — ответила я, рассматривая мраморных девушек, держащих подсвечники. Они застыли по обе стороны лестницы, рассыпая свет на невысокие широкие ступени. В переходе между этажами, где лестница расходилась направо и налево, такие же подсвечники держали мраморные юноши. Когда-то, наверное, в их руках горели настоящие свечи, но сейчас их заменили на электрические.

— Волнуешься?

Еще как.

— Немного.

— Не волнуйся, Шарлотта. Я с тобой.

Вот поэтому и волнуюсь, чуть не брякнула я, но вовремя прикусила язык. Потому что все, что может быть неверно истолковано, Орманом обязательно будет неверно истолковано. Да что там, им будет неверно истолковано даже то, что в принципе нельзя неверно истолковать, а если неверно истолковать неверно истолкованное...

О чем я вообще думаю?!

Мы прошли через холл, в сторону раскрытых дверей, сквозь которые людские потоки стекались в зал. Приблизилась к застывшему возле витража служителю в темно-синей ливрее и таких же брюках. Ослепительная белизна рубашки и перчаток выгодно подчеркивала цвет форменной одежды.

Я потянулась к ридикюлю, где лежала контрамарка, но Орман уже вручил проверяющему два билета и, прежде чем я успела что-то спросить, мы шагнули за двери.

— Что... — прошептала было я, но тут на глаза попался указатель, и у меня кончились слова.

— Я решил, что нам будет удобнее в бенуаре*, — как ни в чем не бывало сообщил Орман. Он решил?!

— Вам — возможно и будет, — сказала я, резко остановившись. — Но не мне. У меня есть билет в партер, и...

— Есть? — уточнил Орман.

Я заглянула в ридикюль, и на моих глазах контрамарка вспыхнула изумрудным пламенем.

Когда я обрела дар речи, от нее уже осталось одно воспоминание.

— В таком случае я вернусь домой, — сказала я. — Желаю доброго вечера, месье Орман.

Отняла руку, но не успела сделать и шага. Он подхватил меня, как в вальсе, я даже пискнуть не успела. В неярком свете настенных бра в его глазах снова мерцало золото, но самое ужасное заключалось в том, что сюда, в коридор к бенуарам, в любой момент мог кто-нибудь войти.

— Пустите, месье Орман.

— Отпущу, если согласишься на бенуар, Шарлотта.

— А ваши методы не меняются, правда?

Золото сверкнуло ярче, и тут же погасло. Он все-таки меня отпустил.

— Чем тебя не устраивает отдельная ложа?

— Всем. Вы пригласили меня в театр, и снова мошенничаете.

— Ни разу, — серьезно произнес он. — В партере даже толком не пообщаешься, не говоря уже о том, чтобы насладиться обществом друг друга.

И что он подразумевает под наслаждением, позвольте спросить?!

— В партере можно превосходно пообщаться до начала представления, — заметила я. — Точно так же, как и во время антракта.

— Этого слишком мало, Шарлотта.

— Слишком мало для чего?

— Времени, проведенного с тобой. Мне его всегда мало.

Ей он тоже так говорил? На этой мысли осеклась так резко, как это вообще возможно.

Всевидающий! Я что, ревную?!

Нет. Нет, конечно нет. Не может такого быть, я не могу его ревновать. Хотя бы потому, что мы знакомы меньше месяца, потому что он ужасный, невыносимый, и нас ничего не связывает.

— Кроме того, ты тоже мошенничаешь, — неожиданно заявил он.

— И в чем же? — поинтересовалась.

— Скажу, если ты наконец изволишь подать мне руку.

Мелодичный звонок прокатился над театром, со стороны дверей донеслись шаги.

А вот ни капельки я не ревную, и вообще. Пусть будет бенуар, какая мне разница!

— Подам, если пообещаете больше не принимать решений за меня, — сказала, глядя ему в глаза.

Он вернул мне взгляд.

— Обещаю.

Мы прошли по мягкой ковровой дорожке, заглушающей наши шаги. Орман отодвинул полог, пропуская меня внутрь, в затемненную ложу, после чего задернул его и притворил двери.

— Так гораздо лучше, правда? — негромко спросил он, отодвигая для меня кресло.

А я... я замерла от раскинувшейся передо мной роскоши. Бенуар был погружен в полумрак, тогда как над залом рассыпала ослепительно-яркий свет большущая люстра. Кажется, электрическая. Партер, должно быть, на несколько сотен мест, и все заполнены людьми. Возносящиеся вверх ложи, бельэтаж и балконы, украшенные лепниной. Огромная сцена, совсем рядом с нами, с утопленной внизу оркестровой ямой, тяжелый красно-золотой занавес, струящийся волнами складок. Верх над королевской ложей (в два этажа высотой) был выполнен в форме короны, балкон украсили возлежащей на мече пантерой, гербом Англии.

Из оцепенения меня вывел второй звонок и голос Ормана:

— Ты обещала называть меня Эрик.

«Пусть тебя Камилла Эриком называет», — подумалось мне, но я тут же себя одернула.

Расправила юбки и опустилась в кресло.

— Вы обещали сказать, в чем заключается мое мошенничество.

— Так я же только что сказал, — он положил руки на подлокотник.

Руки в перчатках.

«Перчатка смягчает удар. Без нее все чувствуется ярче. Особенно кончиками пальцев».

Подавила желание прижать ладони к щекам. Слава Всевидающему, сейчас начнется представление!

Да что со мной вообще такое творится?!

Достала из ридикюля программку и раскрыла ее. Не успела даже пару строчек пробежать глазами, как сложенный вдвое листок выхватили из моих рук, и его постигла та же участь, что и контрамарку.

— Вы что делаете?! — возмутилась.

— Никогда не покупаю, и вам не советую. Это все равно что заглянуть в конец книги.

— Можно подумать, вы никогда не заглядывали, — ядовито заметила я.

— Никогда. В детстве будущее меня пугало, в юности мне не было до него никакого дела. Сейчас я предпочитаю путешествие конечной точке.

— Все равно вы ненормальный! — воскликнула я. — Это же остается на память!

Глаза его потемнели так, словно в зале приглушили свет. Я даже бросила взгляд вверх, но поняла, что люстра по-прежнему сияет в десятки хрустальных ярусов.

— Память, — глухо произнес он, — это то, что происходит здесь и сейчас. В этом бенуаре, на сцене, но никак не в клочке бумаги. Никогда не называй меня ненормальным, Шарлотта. Последние слова были сказаны так, что я приросла к стулу.

Жестко. Холодно. Как приказ.

Ничего общего в голосе этого мужчины не было с тем, кто встречал меня у гардеробных и говорил о времени, что хочет со мной провести. По коже прошел мороз, я отвернулась и уставилась на сцену. Как раз в ту минуту, когда по театру прокатился третий звонок. Занавес с тихим шорохом разошелся, стирая последние голоса, и в зале погас свет.

* Бенуары — одни из самых дорогих лож в театре, для очень важных гостей. Располагаются по обеим сторонам партера на уровне сцены или несколько ниже.

Глава 3

История происходила в Лации, одном из самых известных маэлонских городов. Славился он своими каналами и длинноносими лодками, которые горожане использовали как средство передвижения, приезжие — как развлечение, а влюбленные парочки как место для романтического уединения. Главная героиня, девушка из небогатой семьи, приглянулась влиятельному мужчине намного старше себя, вхожому в круги правителей города. Он обещал ей красивую жизнь, если та согласится стать его любовницей, но она отказалась. Тогда он подставил ее отца, и его казнили за преступление, которого тот не совершал. Девушка осталась с матерью, младшим братом и четырьмя сестрами. Им с матерью отказывали во всех местах, куда бы они ни шли. Последней каплей стал момент, когда она пришла к нему (не зная о том, что случившееся с отцом произошло по его вине), чтобы продать себя за возможность кормить семью.

— Тебе нравится, Шарлотта? — негромкий голос Ормана совсем рядом заставил меня вздрогнуть.

Я вдруг поймала себя на мысли, что тереблю прядку, наматывая локон на палец.

Немедленно отдернула руку.

— Нравится, — ответила я.

Мне и правда нравилось. Настолько, что переживания главной героини, Виттории, заставили меня полностью окунуться в ее чувства и забыть о собственных. Но теперь я вернулась в реальность (спасибо кое-кому!), и снова вспомнила о происходящем. В частности, о том, что наши кресла стоят очень близко, и что Орману достаточно шевельнуть пальцами, чтобы коснуться моей руки.

— Я рад, — произнес он. — Признаться, у меня были некоторые сомнения...

— О чем же?

— Приглашать ли тебя на этот спектакль. В Энгерии принято осуждать все, что не укладывается в рамки морали.

— Рамки морали не имеют значения, когда твоей семье нечего есть.

— Хочешь сказать, на ее месте ты поступила бы так же? — Он внимательно смотрел на меня.

Интересно, какого ответа он ждал, этот мужчина?

Мужчина, увлекающийся запретными наслаждениями и чужой болью.

— Нет, — ответила я. — Но у меня преимущество, месье Орман: у меня нет семьи.

Воспоминания о леди Ребекке (даже в мыслях я не могла называть ее мамой) обожгли сердце, но я не позволила себе им поддаться.

— Ты не поверишь, но иногда отсутствие семьи действительно преимущество.

— Поэтому вы не женитесь? — поинтересовалась я, и тут же прикусила язык.

Хорошо хоть не ляпнула «на Камилле». Украдкой взглянула на Ормана, но он неожиданно улыбнулся:

— Почему ты спрашиваешь, Шарлотта?

Передернула плечами:

— Просто к слову пришлось.

— Просто?

— Да, — я отвернулась.

— Ты знаешь, что эта история основана на реальных событиях? — Орман чуть подался ко мне, не прикасаясь, но ни одно в мире прикосновение не обжигало так, как его близость. Сама не знаю, почему: именно эта близость, когда он замирал в дюймах от меня, не дотрагиваясь, сводила с ума сильнее, чем самые откровенные ласки. Возможно потому, что в воспоминаниях о нем, о моих-его снах и сеансах позирования было слишком много непристойного.

Да, разумеется дело лишь в этом, и ни в чем больше.

— Нет.

— Это видоизмененная история Виттории дель Поззо, женщины, в которую влюбился один из правителей Лации.

— Вы сожгли мою программку. — Я незаметно отодвинулась чуть подальше, небрежно поставив руку на подлокотник и подперев подбородок. — А теперь решили сами мне все пересказать?

— Я не рассказываю. Просто подогреваю интерес. — Орман подался ближе и коснулся моего плеча. — Чтобы ты немного расслабилась. Мы в театре, а не на занятиях. От скольжения перчатки по обнаженной коже по телу прошла дрожь: я вдруг вспомнила, как горячие ладони касались рук, стягивая с меня нижнее платье. Пусть даже это было давно, пусть даже этого не было, потому что оно было во сне... Ну да, я определенно расслабилась.

— Давайте лучше смотреть, — убрала его руку и целиком сосредоточилась на происходящем на сцене.

Ну, если можно так выразиться.

Девушка как раз готовилась к первой ночи с мужчиной, разрушившим ее жизнь, и заметно волновалась, натягивая тонкие чулки под почти прозрачную сорочку. В зале стояла такая тишина, что слышен был шелест шелков и кружева, скользящих по атласной коже.

На миг даже перед глазами потемнело от бесстыдной откровенности происходящего.

Бесстыдной, но... красивой. Я не могла этого не признать. Точно так же, как не могла не признать, что такого белья у меня никогда не было. В мои панталоны можно завернуться, как в паруса, а в нижнее платье еще раза четыре, не меньше.

Интересно, Камилла тоже надевает для него такое... порочное белье?

Почти наверняка. Не только белье, но и позволяет ему делать с собой все, что ему нравится. Если она владеет таким делом, то наверняка искушена в любви и уж совершенно точно не стесняется, когда веревки стягивают ее тело. Наверняка бесстыдно раскрывается и подается навстречу его пальцам, или... плети.

Я мысленно вlepила себе пощечину, но помогло смутно.

Какая она, Камилла де Кри?

Воображение рисовало зрелую женщину, роскошную женщину — такую, как ее светлость, герцогиня де Мортен. Возможно, не такую утонченную, но...

Чтоб у нее на носу бородавка вскочила!

У Камиллы, разумеется, ее светлость тут ни при чем.

Представила, как Орман стягивает с нее платье, как его руки небрежной лаской скользят по покатым, красивым плечам, и внутри все перевернулось. Горячая волна прокатилась по телу, заставляя пальцы сжаться на подлокотниках, резной узор до боли впился в ладони. Всевидящий!

Неужели я на самом деле ревную?

Эта мысль ошеломила и оглушила настолько, что я замерла. Даже упустила момент, когда над сценой пошло затемнение: мужчина как раз рванул с плеч девушки полупрозрачный занавес сорочки, обнажая ложбинку между грудей, и припал к ней губами. На этом в зале вспыхнул свет, а занавес сомкнулся, отрезая любовников от нас.

— Интригует, правда?

— Нет! — выпалила я. — Это ужасно! Она сейчас потеряет девственность с мужчиной, который убил ее отца.

Орман приподнял брови.

— Не так давно ты говорила иное.

— Я была не в себе.

— Определенно, — заметил он. — Ты и сейчас не в себе, Шарлотта. У тебя глаза, как чайные чашки.

— Пойдемте лучше пройдемся. — Я вскочила. Слишком прытко для благовоспитанной мисс. — Посмотрим театр.

— Признаться, не ожидал, что ты вообще это предложишь...

В отличие от меня, Орман поднялся медленно, как готовый в любой момент напасть хищник. Миг — и удерживающий портьеры бенуара шнур развязался, отрезая нас от зала и запечатывая внутри.

— Признаться, не ожидал, что я это скажу, но мы никуда не пойдем, Шарлотта. — Он шагнул ко мне вплотную.

— Что вы имеете в виду?

— Пока ты не расскажешь, что с тобой происходит.

Всевидающий, Всевидающий, Всевидающий!

— Ничего со мной не происходит, — я осторожно попятилась. Пятиться было особо некуда, за спиной начиналась стена.

— Неужели? Ты сегодня весь вечер сама не своя. — Он шагнул ближе, оказавшись со мной лицом к лицу. — Что тебя волнует, Шарлотта?

Он оперся ладонями по обе стороны от меня, так близко, непростительно близко, что мне стало нечем дышать.

— Вы... меня волнуете вы! — выпалила я.

Ну молодец, Шарлотта. Ничего умнее не придумала?

— Я? — Лицо Ормана стало удивительно светлым даже под маской.

— Я имела в виду... несмотря на маски, это мой первый выход в театр. И вообще все это... очень волнительно.

— Тогда волнуйся, но только самую малость, — Орман подался ко мне, обжигая щеку кончиками пальцев. — Ровно настолько, чтобы краснеть, как это сейчас делаешь ты.

Я краснею? Я? Краснею?

— Это от духоты. Здесь... очень жарко?

— Ты меня спрашиваешь?

— Вас я?

— Гм. — Он окинул меня пристальным взглядом. — До начала второго акта у нас есть еще более получаса. Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть в буфет?

В буфете наверняка будет проще, чем с ним наедине, поэтому я кивнула. Позволила ему отодвинуть полог и облегченно вздохнула, оказавшись в царстве картин в позолоченных рамках и рожков светильников. В коридоре, ведущему к бенуарам, народу было немного, поэтому мы спокойно прошли к лестнице, уводящей вверх. Моя рука лежала поверх его, и это смотрелось так правильно, словно так было всегда.

Всегда.

Странное слово. Орман считает, что никогда — это слишком долго. Тогда что он скажет об этом?

— Ты смотришь так, Шарлотта, словно хочешь что-то спросить.

— Нет, просто задумалась.

— Как у тебя получается всегда выглядеть так соблазнительно?

Вопреки моей воле к щекам снова прилила краска.

— Как вам удастся приплести соблазнение даже к самым невинным ситуациям?

— Потому что невинность соблазнительнее всего, Шарлотта.

Орман чуть подался ко мне, еще чуть — и это будет непристойно.

Запах сандала, запах нашего с ним знакомства и его близость. Что может быть опаснее?

Пальцы в перчатке скользнули по моему обнаженному запястью, и я вздрогнула.

— Месье Орман, мне напомнить о том, что мы в театре?

И что мы по-прежнему притягиваем взгляды.

— Ты только и делаешь, что об этом напоминаешь.

— Потому что кто-то постоянно об этом забывает.

Я вздернула подбородок и сделала вид, что меня вообще не волнует происходящее. Между тем как мы, к счастью, уже добрались до буфета. Огромный, заполненный аппетитными запахами, голосами и шелестом платьев, он занимал просторную залу. Золотисто-кремовое

убранство, лепнина под потолками и несколько сияющих люстр. Последние отражались в паркете, рассыпали свет над столиками, за которыми уже устраивались гости. Зеркальные панели-ромбы за спинами официантов отражали залу.

— Что тебе принести, Шарлотта? — Эрик отодвинул стул, на который я немедленно опустилась.

У меня было такое чувство, что первый же кусочек еды выпрыгнет из меня обратно. Не то от волнения, не то от затянутого непомерно корсета. Сюин постаралась на славу и добила талии, которую принято называть осиной. Зато теперь я понимаю, почему осы такие злые.

— Чаю.

— И только?

— С сахаром.

Эрик улыбнулся, но, к счастью, настаивать на большем не стал. Стоило ему отойти, как на меня свалилось очередное осознание: я уже называю его по имени даже в мыслях.

Всевидящий, что же дальше-то будет?

Дождаясь его, подняла голову и принялась считать подвески на люстрах. Впрочем, долго этим заниматься не получилось: люстра была совсем рядом, и от яркого света зарябило в глазах.

— Невероятно! — Громкий шепот женщины за соседним столиком заставил меня вздрогнуть. — История падшей женщины на Королевской сцене Лигенбурга!

Чуть скосила глаза вправо: за соседним столиком устроились леди, запечатанные в темные футляры платьев. Фиолетовый и синий добавляли им возраста — так же, как складки у губ, которые не скрывали маски.

— Не в первый и не в последний раз, я полагаю. Вы только посмотрите! Они сняли маски. Я проследила их взгляды, чтобы наткнуться на... ее светлость Луизу Биге де Мортен и ее мужа. Пожалуй, платье герцогини могло посоперничать с моим: ярко-сиреневый атлас, открытые плечи и глубокий лиф, который облегал ее фигуру, подчеркивая все достоинства, пышная юбка струилась волнами. Рядом с герцогом (высоким темноволосым мужчиной с тяжелым взглядом), одетым в черно-белую классику, она выглядела ослепительной летней бабочкой.

— Можно подумать, без масок их было не узнать, — заметила сидевшая рядом с ней леди. — Мало того, что она постоянно рядится, как... как главная героиня этого спектакля... Вы посмотрите, с кем они садятся за столик.

Пара, которая тоже сняла маски, была мне не знакома, но показалась очень приятной. Миловидная светловолосая девушка и рыжий мужчина, который с нежностью смотрел на свою спутницу.

— А кто это? — спросила ее соседка.

— Джулия Рокенфорд. В прошлом — Джулия Пирс, дочь этого ненормального ученого, Фрэнка Пирса, который вроде как подарил нашему обществу много полезных достижений. — Яд из нее так и сочился, им было пропитано каждое слово.

— А ее сопровождающий?

— Патрик Рокенфорд.

— Погоди-ка, но он же...

— Да-да, тот самый скандальный делец, фабрикант, сколотивший состояние на производстве двигателей для дирижаблей.

— Какой кошмар! Только в наше время герцог может сесть с дельцом за один стол. Я отвернулась, потому что мне стало противно, но заткнуть уши на глазах у всех не представлялось возможным.

— Больше чем уверена, что его отец просто в гробу переворачивается. Уильям де Мортен был приверженцем старых традиций, он бы не потерпел в невестках такую особу, как эта Луиза... Не помню, как же ее звали в девичестве...

— Луиза Лефер?

— Да, кажется так.

— Говорят, именно он изначально желал этого брака. Изначально, пока она была неиспорченной юной особой...

— Ах, моя милая, вы так наивны! Разве можно быть неспорченной и учудить такое?

— Вы не могли бы делиться своими желчными выводами потише?

Я не сразу поняла, что этот голос принадлежит мне. А когда поняла, было уже поздно: обе дамы повернулись и уставились на меня.

Да, лучше бы я заткнула уши.

Глаза почтенных дам расширились: видимо, мой наряд произвел на них неизгладимое впечатление.

— Всевидящий знает, что творится, — пробормотала та, что в синем. Именно она начала разговор о герцогине. — Всякий сброд смеет указывать мне, что делать.

— Не принимайте близко к сердцу. Не будь не ней маски, вряд ли она бы осмелилась...

Я сняла маску и положила ее на стол, спокойно глядя на них.

— А теперь сделайте то же самое и повторите в лицо ее светлости то, что вы только что о ней говорили, — я приподняла брови, наслаждаясь выражениями их лиц.

Судя по тому, как стремительно наливались красным двойные подбородки, их мысли обо мне оставляли желать лучшего. Прежде чем так называемые леди успели меня испепелить, между ними и мной возникла нерушимая преграда Эрика. Он устроился за столом, нисколько не заботясь о том, что дамы лицезреют его тыл, сцепил руки и чуть подался вперед.

— Эти старые перчатки что-то тебе сказали?

— Нет, — я отмахнулась. — Зато они много сказали про ее светлость герцогиню де Мортен.

— Вот как, — тон его стал чуть холоднее.

— А еще про пару, что сидит с де Мортенами. Патрик и Джулия... Рокстенхард, кажется. Эрик обернулся, бросил на них быстрый взгляд.

— Рокенфорд.

— Рокенфорд, — согласилась я. — По их мнению, эти люди недостойны оказаться за одним столом с герцогом и его супругой. Просто потому, что они не аристократы! Хотя насколько я поняла, этот мужчина всего добился сам, а не получил от папочки в наследство. Разумеется, я не считаю, что все аристократы такие, но...

Замолчала, наткнувшись на его пристальный взгляд. Губы Эрика чуть подрагивали.

— Вам смешно? — холодно поинтересовалась я. — Я сказала что-то смешное?

Он покачал головой.

— И что же произошло дальше?

— Я посоветовала им говорить потише.

Губы его снова дрогнули.

— Если вам так весело, может быть, расскажете какую-нибудь шутку?

— Мне хватает того, что говоришь ты.

Ах, вот как?

Хотела было вскочить, но рука легла на мою так плотно, что подняться из-за стола бесшумно было бы просто невозможно.

— Ты девушка-парадокс, Шарлотта. То смущаешься, то приказываешь молчать, — к счастью, он оставил мою руку в покое.

— Я не приказывала, а попросила.

— Судя по твоему тону сейчас, ты именно приказала. Почему ты сняла маску?

Только сейчас поняла, что я действительно сняла маску и открыла свое лицо на всеобщее обозрение. Наверное, стоило бы надеть снова, но я оттолкнула ее на край стола.

— Мне нечего стесняться.

Эрик пристально на меня посмотрел.

— Ты права.

Прежде чем успела вздохнуть, он снял свою маску и отложил в сторону.

В ту же минуту к нам подошел официант. На подносе у него стояли бокалы с игристым вином, два из которых сразу переключались к нам. Он поспешил дальше, а я скептически посмотрела на тонкий хрусталь на высоких ножках.

— Мне кажется, или чай подают иначе?

— Я уже говорил, что ты умеешь кусаться, Шарлота? — пробормотал Эрик и подвинул бокал ближе. — Попробуй. Тебе понравится.

Раньше я бы непременно отказалась, но сейчас перехватила ядовитый взгляд из-за соседнего столика (дама ерзала на стуле, что иметь возможность наблюдать за мной из-за спины Эрика) и подняла бокал.

— Скажете тост, месье Орман?

— За свободу.

Взгляд, от которого мне вновь стало жарко: темнеющий, внимательный, только мой.

Казалось, он не замечает никого и ничего кроме, и мысль эта оказалась еще более будоражащей. Поспешно пригубила вино, первое вино, которое мне довелось попробовать в моей жизни. Оно оказалось с легкой кислинкой и ярко выраженным виноградным вкусом. К нам приблизился другой официант, который поставил на стол блюдо с тарталетками и вазочку, наполненную ягодами.

Клубника! В такое время года?

— Магия творит чудеса, — заметил Орман, словно мысли мои читал. — Именно поэтому все маги аристократы.

— Потому что могут выращивать клубнику зимой?

— Скажем так, помочь ей созреть даже зимой. Сейчас это способен сделать тепличный артефакт.

— Значит, дело не в аристократах, — заметила я.

— Именно в них, Шарлотта. Каждый маг — сосуд, силу которого можно заключить в артефакт.

Я замерла.

— Да, в основе всех артефактов — магия человека, — хмыкнул он. — Сейчас существует устройство, способное перерабатывать магию, которой кто-то решил поделиться во имя науки. Оно разбавляет влитую силу, из-за чего ее хватает на более долгий срок, но концентрация с каждым разом становится все меньше и меньше.

— То есть вы хотите сказать...

— Когда магия в людях иссякнет, артефакты станут просто бесполезными безделушками.

Не сразу, но со временем.

— О, — только и сказала я.

Получается, весь его завод, все его производство... на нем?! То есть на его магии?! То есть вот прямо все-все?!

— Не обращай внимания, — хмыкнул Орман, — ешь клубнику. Не стоит забивать себе голову тем, до чего мы не доживем.

— Но доживут наши дети, — сказала я.

И чуть не поперхнулась глоточком вина, потому что прозвучало это крайне двусмысленно. К счастью для меня, он этого не заметил.

— Вы знаете мистера Рокенфорда? — поспешила перевести тему. — Вы так уверенно о нем говорили...

— Лично не знаком, но много о нем слышал. — Эрик подвинул ко мне вазочку с клубникой, и я взяла ягоду. — Это действительно уникальный человек, который с нуля поднял огромное производство. К сожалению, большинство аристократов не готовы признать такие заслуги. Для них все решает титул, хотя, как ты правильно сказала, многие до сих пор тратят наследство в мужских клубах и получают пассивный доход с земель.

Он помолчал и добавил:

— Такие люди ненавидят нас за то, что у нас есть деньги. Что мы можем позволить себе то же, что и они. В их мире такого просто не могло случиться — какой-то «выскачка» живет бок о бок с ними, живет лучше, чем они, но теперь приходится привыкать.

— Но это же...

— Неправильно, да. Это пережитки прошлого, Шарлотта, от которых не так-то легко избавиться, но есть и другая крайность.

— Какая?

— Несколько столетий назад могущественные маги становились легендами, сейчас даже свои смотрят на них с опаской. Их остерегаются просто потому, что они есть. За то, на что они способны, и де Мортен — один из них.

Эрик покачал головой, словно очнулся.

— Ты так ничего и не попробовала.

Я дотянулась до ягодки: она оказалась удивительно сладкой, оттеняющей кислинку вина. Которого, кстати сказать, осталось на доньшке (сама не заметила, как так получилось). Орман перехватил взгляд официанта, и нам тут же заменили бокалы.
— У меня есть еще один тост, Шарлотта, — произнес он. — За нас.

Глава 4

К счастью, я еще не успела взять бокал, потому что иначе он оказался бы на полу.

— За нас? — переспросила я, чувствуя, как дрожат пальцы.

— За нас. За нашу встречу. За наше знакомство. — Орман смотрел на меня, и от этого взгляда внутри бежали пузырьки, совсем как в золотистом вине. — К сожалению, оно оказалось далеким от того, что можно назвать приятным. Но теперь все будет иначе. Это было сказано настолько серьезно и так глубоко, что оставить бокал на столе просто рука не поднялась. Прикоснулась к тонкой ножке, обнимая ее пальцами.

— Скажи это, Шарлотта, — негромко произнес он.

— Сказать — что?

— За нас.

Я смотрела ему в глаза, не в силах отвести взгляд. Наверное, никогда в жизни я не встречала настолько противоречивого мужчину. Мужчину, способного превратить твои сны и реальность в кошмар, а после защищающего от Вудворда. Мужчину, способного уничтожить одним словом, а после спасти и вынести на руках в портал. Мужчину, столь же жестокого и опасного, сколь и нежного.

— За нас, — произнесла я.

И пригубила вино.

Как раз в ту минуту, когда наши бокалы вернулись на место, я увидела ее светлость. Они с мужем и парой, так бурно обсуждаемой дамами за соседним столиком, направлялись к выходу из ресторана. Герцогиня почувствовала мой взгляд, и наши глаза встретились. Сначала она удивленно замерла, а потом улыбка озарила ее лицо, придавая ему еще большую солнечность.

Ох!

Я поспешно поднялась из-за стола, Орман последовал моему примеру, обернулся... Ее светлость этого видеть не могла, но взгляд герцога потемнел буквально до черноты. Что касается Эрика, его рука плотно сжалась на набалдашнике трости.

— Добрый вечер, Шарлотта. — Луиза остановилась первой, и его светлость последовал ее примеру. — Позволь тебе представить моего супруга, его светлость Винсента Биго де Мортена, и наших друзей, мистера и миссис Рокенфорд. Винсент, это та девушка, о которой я тебе говорила...

Она повернулась к мужу и осеклась. Холод во взгляде герцога, несмотря на тлеющие в глубине глаз угли, явно предназначался не мне. Орман на него смотрел едва ли мягче: обманчивая расслабленность и складка у губ говорили о том, что он «взаимно рад» этой встрече.

— Мисс Шарлотта Руа, — закончила ее светлость и снова повернулась ко мне. — Шарлотта, представишь нам своего спутника?

— Месье Орман, — негромко произнесла я. — Месье Пауль Орман. Приятно познакомиться, ваша светлость.

Запоздало опустила в реверансе, но в этом знакомстве все изначально пошло не так.

— Мистер Рокенфорд. Миссис Рокенфорд.

Ноздри герцога едва уловимо шевельнулись, словно он собирался сказать что-то резкое. Что ему не позволило — выдержка или воспитание, сложно сказать, но в следующую минуту положение спас именно мистер Рокенфорд. Вблизи он оказался не менее приятным: энергичный, крепкий и коренастый, с тонкими вкраплениями веснушек на светлой коже. Глаза его лучились уверенностью, силой и счастьем.

— Орман? Тот самый месье Орман? — произнес он и шагнул вперед, протягивая руку для знакомства. — Я о вас наслышан. У моего дома стоит «Ваорхан» последней модели, и должен сказать, это что-то невероятное!

— Взаимно, — отозвался Эрик, отвечая на рукопожатие. Только после этого я смогла немного расслабиться, хотя взгляд его светлости по-прежнему оставался тяжелым. — Благодаря вам я путешествую гораздо быстрее, чем мог бы делать это раньше.

— О, так вы предпочитаете дирижабли! — Рокенфорд ослепительно улыбнулся. — Рад это слышать, потому что большинство моих знакомых до сих пор боятся подниматься на борт этого «летающего кошмара».

— Вероятно, они просто не имели возможности его оценить, — голос Ормана смягчился: хороший признак. Он коснулся пальчиков Джулии губами: — Миссис Рокенфорд. Рад встрече.

От меня не укрылось, что радость встречи относилась именно к знакомству с Рокенфордами. Что касается де Мортенов, он едва удостоил их взглядом, как, впрочем, и де Мортен — его. Я чувствовала, что вот-вот провалюсь сквозь землю от стыда, ведь ее светлость была так ко мне добра! С другой стороны, ее муж на меня вообще не смотрел, а Ормана явно пытался расплавить или пригвоздить к стене.

— Взаимно, — отозвалась Джулия.

Судя по растерянному выражению ее лица, не одна я чувствовала это странное напряжение. — Нам пора, — герцог первым прервал обмен любезностями, но сейчас я даже была этому рада. — Хорошего вечера, мисс Руа.

— Доброго вечера, ваша светлость. Ваша светлость.

Сейчас называть герцогиню Луизой у меня при всем желании язык бы не повернулся. Я снова сделала реверанс, и только когда они отошли, смогла вздохнуть спокойно. Медленно опустилась на стул, потянулась за бокалом.

Глоточек, еще и еще... Теперь уже глаза Ормана стали похожи на чашные чайки. То есть на чайные чашки, разумеется. Я не остановилась, пока бокал не опустел, а кислинка послевкусия не стала обжигающе-пузырьковой. Только после этого подвинула к себе вазочку с клубникой. Интересно, Камилла тоже любит такое вино и клубнику? То есть мужчины, насколько я знаю, предпочитают более крепкие напитки, но Орман выбрал именно этот. Почему?

Пробегающий мимо официант тут же заменил бокал. Мне и Орману, но я на него не смотрела, полностью увлеченная клубникой. То есть камикой. То есть клубникой. И еще немного вином, которое пошло очень хорошо, вслед за первым бокалом. Или уже за вторым?

— Как ты познакомилась с де Мортенами, Шарлотта?

Это прозвучало холодно. Очень холодно.

— Это имеет значение?

— Имеет. И очень серьезное.

— С ее светлостью я познакомилась на выставке, — заметила я. — А после обратилась к ней за помощью. Именно она помогла мне найти место помощницы художника-декоратора. Взгляд его снова сверкнул золотом.

— Вот как.

Я не отвела глаз.

— Именно так, месье Орман. Вы что-то имеете против?

— Разумеется нет.

— Вот и чудесно, — ответила я. — А вы? Мне кажется, или его светлость был не очень рад встрече?

Пузырьков во мне становилось все больше и больше, они поднимались вверх и грозили унести меня вместе с собой. Прямо к потолку, где я зависну как воздушный шарик и буду светить нижними юбками.

— Не кажется, — ответил Орман, внимательно глядя на меня. — Но это долгая история.

— А вы говорите, говорите, — я указала на него клубникой. — Потому что мы совершенно никуда не торопимся.

Как раз в эту минуту над театром прокатился звонок, поднимая волну скрежета отодвигаемых стульев, шагов и шелеста платьев.

— Уже торопимся.

Орман едва успел отодвинуть стул для меня, потому что я быстренько поднялась (на пузырьках, видимо). Пузырьков действительно стало больше, голова кружилась, но как-то приятно. Неловкая встреча с ее светлостью и слова Ирвина отодвинулись на второй план, на первый выступило лицо Ормана. Так близко... я даже почти коснулась его кончиками пальцев, но вовремя вспомнила, что мы в театре. Поэтому просто положила руку на сгиб его локтя. Точнее, сначала ткнулась ему в запястье, но он вовремя перехватил мою ладонь и устроил ее поверх своей руки.

— Ты никогда не пробовала игристое вино? — негромко спросил Эрик, когда мы вышли из буфета.

— Нет, — покачала головой. — По правде говоря, я никакого вино не пробовала. А вы, месье Орман, этим воспользовались!

— Как я мог воспользоваться, если я об этом не знал?

Ну... наверное, логика в этом есть.

— Все вы знали, — сказала я и вздохнула. — Я так и не попробовала тарталетки.

— Надо было налегать на них, а не на вино.

— Вы грубиян!

— Я просто прямолинеен. — Он внимательно заглянул мне в глаза. — Пожалуй, лучше отвезу тебя домой.

— Нет! — возмутилась я. — Я хочу досмотреть спектакль. Мне интересно, что станет с Витторией.

Орман покачал головой.

— Тебе нужно на свежий воздух, Шарлотта.

— Мне просто нужно посидеть, и все пройдет.

Это все просто потому, что я никогда раньше не пробовала игристое вино.

Несколько мгновений Орман пристально вглядывался в мое лицо, а потом кивнул. Мы спустились по лестнице и через небольшой холл прошли в коридор к бенеуарам. На этот раз я не сопротивлялась и под второй звонок покорно позволила усадить себя в кресло: так голова кружилась не столь сильно. Орман раздвинул портьеры, открывая зрительный зал. Сцена не плавала перед глазами, люстра не двоилась, но я все равно казалась себе легкой и воздушной. Как сахарная вата, которую продают на ярмарке.

— Что ты там говорила про мой коварный план? — Он опустился в соседнее кресло и чуть подался ко мне.

— Коварный план?

— Да, по спаиванию невинных девиц.

— Я такого не говорила, — отмахнулась. — Я имела в виду, что вы нагло воспользовались тем, что я не пила игристое вино.

— Это одно и то же.

— Разве?

Третий звонок оборвал наш диалог, я чуть подалась назад, позволяя себе откинуться на мягкую спинку кресла: сейчас это было мне просто необходимо. Занавес разошелся в стороны, открывая второй акт новой сценой. В доме любовника Виттории давали прием, где она и познакомилась с одним из правителей города.

— Все-таки вы раскрыли мне всю интригу, — заметила я.

— Неужели?

— Вот если бы вы не сказали, что у Виттории дель Поппо...

— Дель Поззо.

— А я как сказала? В общем, если бы вы мне не сказали, что у нее был роман с правителем, я могла бы подумать, что эта история совсем о другом.

— О чем же?

Учитывая, что говорили мы едва-едва слышно, чтобы даже случайно не помешать ни актерам, ни зрителям, приходилось постоянно напрягать слух.

— О том, как женщина понемногу влюбляется в мужчину, который убил ее отца и разрушил ее жизнь, а потом узнает, что это все сделал он.

— И что случилось потом?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Сначала я подумала, что она убивает его, а потом себя, но это слишком жестоко.

— Дитя, воспитанное на классике.

— Что вы сказали?

— Ты не хотела бы попробовать себя в драматургии?

Я обернулась: Орман улыбался.

— Вы снова надо мной смеетесь?!

— Что ты, Шарлотта, как можно?

— Смеетесь! — воскликнула я. — Вы сегодня весь вечер надо мной смеетесь! А знаете, что? Не стану больше с вами разговаривать.

Я отвернулась к сцене, давая понять, что разговор окончен.

Отношения Виттории и Джанкарло (так звали мужчину, которого она полюбила), развивались стремительно. Несмотря на то, что он собирался жениться на другой, а она запятнала свою честь внебрачной связью, их влекло друг к другу с неудержимой силой. Поначалу они оба противились этому чувству, но запретная страсть оказалась сильнее. Сильнее невозможности таких отношений, сильнее обстоятельств, сильнее сомнений Виттории о том, что его интерес угаснет после первой ночи.

Поймала себя на мысли, что слежу за происходящим, затаив дыхание. Мне одновременно хотелось поддаться соблазну вместе с Витторией, и в то же время... В то же время я отчаянно боялась того же, что и она. Ведь Орман не сказал, что эта влюбленность закончится хорошо.

— Шарлотта, — негромкий голос за спиной. — Отпусти подлокотники, они ни в чем не виноваты.

— Я с вами не разговариваю, — дернула плечом.

— Уже разговариваешь.

Гневно обернулась к нему.

— Разумеется! Я же не могу смотреть, когда вы все время бормочете.

— А я не могу не смотреть на тебя.

— Не можете — не смотрите... что?!

Только сейчас взгляд упал на его руки: он снял перчатки, и почему-то от этого бросило в жар. Инеевая прядь, немного потеплевшая под солнышком плафона, и прядка, падающая на лицо. Никогда раньше Орман не казался мне таким близким.

Таким... соблазнительным.

Осознание этого краской плеснуло на щеки, растеклось по телу. Не жаром, дрожью: странной, волнующей, жаркой. Я не должна была на него смотреть и думать о нем в таком ключе тоже не должна, тем не менее и смотрела, и думала. Особенно когда его пальцы коснулись моего запястья, и тело пронзила острая вспышка предвкушения. Предвкушения другого прикосновения, когда его ладонь снова коснется моей щеки, а губы накроют мои.

— Не смотрите на меня! — возмущенно заметила я. — Так...

— Так — это как?

— Как смотрите вы, — голос сел на пару октав или даже больше.

— А как я смотрю, Шарлотта?

Ух, мы сейчас договоримся.

— Неприлично.

— Нет ничего неприличного в том, чтобы неприлично смотреть на женщину, которая тебе нравится до неприличия.

Он продолжал ласкать меня голосом: идущим из груди, низким. Таким глубоким и сильным, что мне окончательно стало нечем дышать.

— Есть! — воскликнула я. — Знаете, тетушка Эби рассказывала мне про таких, как вы.

— Тетушка Эби?

— Кухарка в доме виконта Фейбера, мы с ней очень дружны. Так вот, она рассказывала, как один непристойный не-джентльмен поднес юной девушке бокал вина, чтобы узнать, что она к нему чувствует, и вывести ее на откровенность.

— И вы считаете, что я хочу того же?

— Разумеется! Но я вам все равно ничего не скажу.

— Вот как? И почему же?

— Потому что вы беспринципный, бессовестный...

— Продолжайте.

— Развратный, — сказала я.

Совсем шепотом.

— Ты даже не представляешь, как это звучит твоими устами, Шарлотта.

Орман погладил мое запястье кончиками пальцев, а потом, совершенно не стесняясь, взял мою руку в свою и коснулся тыльной стороны ладони губами. Легкое, едва ощутимое прикосновение, но пол под ногами пошатнулся (насколько такое возможно, когда ты сидишь), а дыхание сбилось.

— Прекратите, — я отняла руку. — Прекратите немедленно, или я и впрямь вынуждена буду уйти. А мне бы этого очень не хотелось.

И, пожалуй, не столько из-за спектакля...

Ой-й.

Не позволив Орману прочесть мысль в моих глазах, повернулась к сцене. Не позволив себе почувствовать ее по-настоящему... ее или его? Благодаря пузырькам в голове все настолько перемешалось, что я с трудом могла усидеть на месте. Желание поддаться этой провокационной, бесстыдной ласке и продлить ее (пусть даже на глазах у всех, пусть даже на нас никто не смотрит!), боролось с осознанием того, что я не должна допускать таких вольностей. Что бы ни случилось — не должна!

Но Камилла наверняка допускает.

Ох... почему мужчин всегда так тянет к испорченным женщинам? Или это я испорченная излишней моралью?

От таких мыслей щеки алели еще сильнее, я едва успевала следить за тем, что происходит на сцене. А на сцене действительно разыгрались самые настоящие страсти.

Любовник Виттории решил сделать ей предложение, потому что осознал, что не готов терпеть других мужчин рядом ней (поскольку он был достаточно известен, приемы в его доме были частыми, а она своей красотой и образованностью притягивала все больше мужского внимания). В тот день, когда он собирался подарить ей кольцо, Виттория первая пришла к нему. Она призналась, что полюбила Джанкарло и сообщила, что уходит. Разозленный, он вышвырнул ее из дома и распустил слух, что их разрыв произошел по причине ее распутства. Он подкупил нескольких именитых вельмож, зависящих от него, чтобы те подтвердили свою связь с ней. Когда эти слухи дошли до Джанкарло, он отказался даже говорить с Витторией.

В момент, когда она одна возвращалась домой вдоль каналов, я почувствовала, что мне что-то капнуло на руку. Потом еще. И еще. Мне всегда говорили, что женские слезы — это недостойная благопристойной мисс слабость, и что плакать, особенно при мужчине, ужасно. Но я почему-то не могла остановиться, хотя и не полезла в ридикюль за платком, чтобы не привлекать внимания Ормана.

— Шарлотта, ты плачешь?

Как? Вот как, скажите, он это делает? Насквозь меня видит, что ли?

— Нет, — хлопнула я. — Соринка в глаз попала.

— Шарлотт-а-а-а. — Низкий голос, словно... зовущий меня сквозь сон?

Вздрогнула от странного чувства: настолько этот голос был похож на тот, что я слышала в мансарде. Но ведь тогда Ормана в моей мансарде не было, и быть не могло, он даже не знал, где я живу. Не говоря уже о чем-то большем.

Медленно обернулась: Эрик внимательно смотрел на меня.

— Что тебя так расстроило?

— Мужская жестокость.

— Женщины тоже умеют быть жестокими.

— Почему вы все время нападаете?! Я ведь говорила именно о нем. О том, что он мог бы поверить ей, а не сплетням.

— Ты не веришь, Шарлотта, но сплетни убивают не реже ножа и пистолета. — Он достал платок и, прежде чем я успела отодвинуться, подался ко мне. — А я просто не привык к тому, что ты другая.

Короткое прикосновение пальцами под шелком платка.

Сначала к одной щеке, потом к другой.

— Смотри дальше, — произнес он.

И я смотрела. Смотрела, как ослепленный ревностью и злобой бывший любовник Виттории приказал ее похитить и вывез из города. Как Джанкарло, который все же не смог забыть Витторию, выяснил, почему погиб ее отец. Опомившись, поехал за ней, чтобы ее спасти. Как бросил вызов похитителю и убийце, как просил прощения и предлагал Виттории стать его женой.

В момент, когда они целовались на мосту, я снова вцепилась в подлокотники, а когда спектакль был завершен, в зале повисла тишина. Такая тишина, от которой даже мне стало не по себе: не хлопал никто. Актеры замерли на сцене, явно не понимая, что происходит. Но я понимала. Пожалуй, сейчас особенно остро.

Как никогда раньше, как никто другой, ведь не далее как неделю назад я пережила это с «Девушкой». Я смотрела, как гаснут улыбки на лицах тех, кто стоит на сцене. Смотрела в зрительный зал, полный, но сейчас никто из них не собирался благодарить маэлонскую труппу за представление.

Не знаю, сколько это длилось — секунды, минуты или же вовсе мгновения.

Помню только, что взвилась с кресла и шагнула к перилам.

Тишину разорвали аплодисменты, от которых загорелись ладони, но сейчас я хлопала, как никогда раньше. Чувствуя, как сердце отбивает такт. За всех, кто собрался в этом зале.

Глава 5

На меня начали оборачиваться: сначала актеры, затем зрители. Орман поднялся следом за мной. Я слышала, как его аплодисменты вливаются в мои, разносясь по огромному залу. Следом отозвались сидящие справа от нас, и эхо потекло по цепочке. Спустя минуту овации громыхали над партером и бельэтажем, катились по балконам и бусинам лож. Некоторые поднимались, чтобы уйти, но их никто не замечал, пустые места темнели щербинами гнилых зубов, теряясь в калейдоскопе фраков и разноцветных платьев. Люди поднимались, чтобы аплодировать уже стоя. Наверное, так и могло бы быть, так и было в моих мечтах, на самом же деле...

Орман подхватил меня за талию, рывком увлекая в полумрак бенуара, а затем чуть ли не силой вытряхивая в коридор.

— Что вы делаете?! — вскрикнула я, когда опомнилась.

— Мы уезжаем. — Холоду в его голосе могла позавидовать самая лютая зима.

— Но я хочу их поддержать! Вы не можете...

— Ты уже и так сделала все, что могла, — он подхватил меня под руку. — Идем.

— Пустите! Отпустите немедленно! — Я снова рванулась и заработала ледяной взгляд, от которого по коже побежали мурашки.

— Не заставляй меня применять магию, Шарлотта.

От неожиданности вздрогнула. Вздрогнула, потому что поняла: он действительно опутает меня заклинанием без малейших колебаний.

— Вы не имеете права!

— Ты подписала договор. Пункт один-четыре. Наставник несет ответственность за все, что происходит с ученицей во время обучения, и обязуется оберегать ее ото всего, что может произойти во время раскрытия магического потенциала. Пункт два-один: ученица обязуется неукоснительно соблюдать требования безопасности.

— И какое отношение это имеет к моей безопасности?! — выдохнула ему в лицо.

— Самое непосредственное.

Орман перехватил мою ладонь и положил себе на сгиб локтя.

— Пойдешь сама, Шарлотта?

— Сама! — Я отняла руку и направилась к дверям. — Месье Эрик.

В последнее вложила все свои чувства, но кажется, на него это особого впечатления не произвело. Мы молча спустились в гардероб, не вместе, но и не порознь. Одними из первых получили одежду. Я с трудом подавила желание оттолкнуть Ормана, когда он набросил

накидку на мои плечи. Внутри все кипело от ярости и отголосков несправедливости. Несправедливости, с которой я столкнулась в звенящем тишиной зале.

Хуже тишины был только громкое возмущение одной дамы, которая прошла мимо нас под руку со своим спутником:

— ... бездарно потраченное время и деньги. Такая пошлость!

На выходе стоял тот же мужчина, его маска — безумно красивая — лежала рядом с ним.

Судя по выражению его лица, усталому, с глубокими складками на лбу, вести со сцены уже до него добрались. Я вспомнила, как он улыбался мне перед началом представления, и сердце болезненно сжалось.

— Спасибо, — прошептала сдавленно, возвращая ему маску. — Спасибо за чудесный вечер, мне безумно понравилось!

Оттолкнула руку Ормана, попытавшегося меня удержать и выбежала в раскрытые двери.

Непролитые слезы душили, дыхание тут же перехватил и унес холодный колющий ветер. Я бежала по ступенькам, желая оказаться как можно дальше от этого театра и ото всех, кто там собрался. Перед глазами стояли удивленные лица актеров, словно они до конца не верили в то, что произошло.

Всевидящий, это же было потрясающе!

Как они играли! Сколько чувств вложили в каждую сцену!

— Шарлотта! — Орман перехватил меня на середине лестницы.

Перехватил и прижал к себе, не опасаясь, что это кто-то может увидеть. Впрочем, сейчас не опасалась и я: мне было все равно, кто на нас смотрит, и как.

— Отпустите! — я забилась в его руках. — Отпустите, отпустите, отпустите! Вы такой же, как все они! Вы лицемер!

— Неужели? — Он продолжал меня удерживать, но уже не так сильно. Лицо его, обрызганное светом фонарей и искрами падающего снега, сейчас казалось выточенным из мрамора. — И в чем же заключается мое лицемерие?

— В том, как вы поступили!

— Как я поступил, Шарлотта? Увел тебя из зала? Да, и сделал бы это снова. Ты не понимала, что творишь.

— То есть по-вашему, стоило просто встать и уйти?

— Стоило. Ни к чему привлекать к себе лишнее внимание.

От неожиданности я только моргнула.

— Это мне говорите вы?!

Орман наградил меня тяжелым взглядом, но промолчал.

— Не вы ли говорили, что мнение общественности — не то, о чем стоит заботиться?

— Говорил, — холодно произнес он. — Пока не узнал тебя.

— При чем тут я?!

— При том, что когда я это говорил, мне не за кого было бояться.

Что?

Замерла в его руках, вглядываясь в лицо, в раскаленные золотом глаза. Только они сейчас и согревали.

— Однажды я уже позволил им причинить тебе боль, Шарлотта. Не хочу, чтобы это повторилось.

От того, как это было сказано — низко, опасно, моя ярость утихла. Растворилась, рассыпалась пылью или перетекла в силу его голоса, оставив после себя лишь горечь разочарования.

— Думаете, мне есть дело до них? — я указала в сторону то и дело раскрывающихся дверей, проливающих на ступени свет. Свет, который больше не казался теплым. — До тех, кто мог так поступить? Нет, месье Орман. Эти люди больше не способны причинить мне боль.

Он покачал головой и подал мне руку.

— Пойдем, Шарлотта. Прошу.

В его голосе больше не было приказа, только усталость. Возможно, именно это и заставило меня принять предложение. А может быть, странное свечение в его глазах, от которого становилось не то горячо, не то страшно.

Экипаж нам подали быстро: еще бы, сейчас, когда они отъезжали один за другим, задержка грозила немалыми неприятностями. Недовольные аристократы и свет общества Лигенбурга расплзлся по своим теплым норкам, чтобы втайне от всех сокрушаться по поводу «ужасного спектакля», который им пришлось посетить. Примерно так я представляла себе вечер поскупившихся на аплодисменты снобов. Ладно бы все остальные, но... ее светлость?! Ведь она сама играла в театре! Почему смолчала? Почему не выступила вперед? Ее уж точно поддержали бы, ее и герцога. Но она предпочла остаться в стороне. На руку снова что-то капнуло, и я быстро отвернулась к окну.

Сегодня определенно какой-то «сырой» вечер.

Сидевший напротив Орман пересел ко мне, и я даже не стала возражать. Не отодвинулась, не забила в угол, не попыталась отстраниться.

— Зачем они так? — всхлипнула и подняла на него глаза. — За что? Они ведь... они ведь досидели до конца, никто из этих людей не ушел...

Он невыносимо долго смотрел мне в глаза, а потом произнес:

— Есть вещи, которые нельзя объяснить, Шарлотта. Исправить тоже. Нужно просто смириться с тем, что они есть, и жить дальше.

— Смириться с черной неблагодарностью?! С ханжеством, которое переходит все границы?! — воскликнула я. — Эти люди приехали из другой страны! Разве они заслужили такой прием?

— Какая же ты все-таки еще девочка. — Орман осторожно привлек меня к себе. — Дело не в них. Дело в тех, кто не готов принять свои пороки, отраженные в других людях.

— Вы сейчас говорите что-то очень странное, — заметила я.

— Отчего же?

— При чем тут люди и их пороки?

— При том, что яростнее всего порицается и отрицается самое желанное.

Прежде чем я успела ответить, он наклонился ко мне и коснулся губами моих губ.

Прежде чем я успела ответить, он наклонился ко мне и коснулся губами моих губ. Коснулся не так, как в лесу, и даже не так, как в мансарде. В этом поцелуе было нечто сумрачно-властное, как дыхание жарких южных ночей, сминающих день столь стремительно, что даже опомниться не успеваешь. Вот и я не успела: свойственная Орману сила и бесцеремонный напор сейчас отозвались внутри пьянящим влечением. Я потянулась к нему, отвечая, впитывая вкус его губ. Легкие нотки игристого вина, тонкая кислинка и терпкость. Неуверенно приоткрыла рот, позволяя ему целовать меня глубже.

Объятия, от которых кружилась голова, объятия, о которых я сегодня весь вечер думала, неожиданно стали непростительно крепкими. Он целовал меня так, что сбивалось дыхание, не позволяя отстраниться даже на миг. Совсем осмелев, коснулась кончиком языка жестких, горячих губ.

Чтобы спустя мгновение сжать зубы на нижней.

Орман вздрогнул — и его дрожь передалась мне, словно мы были единым целым.

— Ты что творишь, Шарлотта? — выдохнул он.

Хрипло, сумасшедше, низко. Так, что его голос отозвался жаром в каждой клеточке тела.

— Я вас целую, — медленно облизнула губы и посмотрела ему в глаза.

Глаза такие же сумасшедшие, как его голос. Как он сам.

Как мы оба.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, коснулась его волос, повторяя инеевую прядь кончиками пальцев. Орман перехватил их, переплетая со своими. Так тесно, что ладони сливались, что я перестала понимать, где кончаюсь я, и начинается он.

Удивительно, но именно этот жест стер последние рамки, последнюю грань между нами, не позволяющую чувствовать его так, как мне хотелось уже давно.

Всей кожей.

Я подалась к нему и коснулась губами уголка жесткого рта. Обжигающе-нежно.

— Ты хоть понимаешь, что еще чуть-чуть, и я просто не смогу остановиться, Шарлотта?

Он поднес мои пальцы к губам. Сжимая так же сильно, сколь мягко коснулся их поцелуем.

— А я этого не хочу. Не хочу, чтобы вы останавливались.

Взгляд Ормана потемнел до черноты. Если так можно выразиться о светло-серых глазах, вбирающих в себя всю темноту, проносающуюся за окнами. Наверное, раньше я могла бы

этого испугаться. Раньше, но не сейчас. Сейчас, напротив, потянулась к его руке за прикосновением, которое вышло пронзительно-острым. Щекой — по тыльной стороне ладони.

Доверяя. И доверяясь.

Эрик хрипло вздохнул, а потом его губы снова накрыли мои: исступленно-медленно, жарко. Шнуровка накидки разошлась, как по волшебству. Впрочем, почему как: я видела тающие в полумраке экипажа изумрудные искры. Его пальцы скользнули по обнажившемуся плечу, коснулись бешено бьющейся жилки на шее. Дыхание прервалось, когда Эрик дотронулся до моих волос, перебирая тяжелые от укладки пряди. Мгновение — и шпилька со звоном отлетела в сторону.

Одна, другая, третья...

Волосы плеснули на плечи и грудь, а потом он слегка отстранился, глядя на меня.

— К демонам все, — прорычал яростно.

Прежде чем успела что-то понять, вспышка разорвала пространство экипажа. Снаружи испуганно заржали лошади, а меня втокнули (или втянули?) в портал. В прошлый раз я находилась в странном полусне, сейчас же отчетливо осознала, как из тесного экипажа мы шагнули прямо в спальню его особняка в Дэрнсе.

Точнее, шагнул Орман, прижимая меня к себе, и сомкнувшийся за спиной контур (как разорванный надвое лист, снова склеенный воедино) отрезал нас от мчащейся по улицам Лигенбурга кареты. Впрочем, сейчас мне было не до нее: оказаться лицом к лицу с Эриком, так близко... так непростительно близко, так неестественно близко, как никогда и ни с кем. Всевидящий, мне никогда не хотелось оказаться так близко ни с одним мужчиной. Просто не пришло бы это в голову.

Просто...

— Повернись ко мне спиной, Шарлотта, — скомандовал он.

По-прежнему хриплый голос стал еще более низким, и от него по коже прошла дрожь.

«Он любит причинять женщинам боль».

Отмахиваюсь от этой мысли, как от надоедливой мухи, поворачиваюсь к нему спиной. Его пальцы отводят волосы: все еще тугие, не разошедшиеся локоны. Невольно выдыхаю, когда по шее течет цепочка прикосновений. Коротких, непростительно откровенных касаний от позвонка к позвонку.

Вздрагиваю, когда слышу первый щелчок: невидимые, скрытые под полоской ткани застёжки платья освобождают меня из плена наряда. Жесткий лиф становится гораздо свободнее, но юбка держится на кринолине. До той минуты, когда, когда Орман касается завязок на талии, и обручи оседают к моим ногам вместе с волнами атласа.

Прикосновение-воспоминание — к обнаженным плечам, заставляет все внутри сжиматься.

Сладко, от бесстыдного предвкушения, перетекающего в легкий будоражающий страх. Я чувствую, как холодный воздух скользит по коже, оттеняя след горячих ладоней. Это платье не предполагает нижней рубашки, поэтому сейчас на мне только корсет и панталоны.

Ах, да. Еще туфельки с чулками, но думать об этом как-то странно. Особенно сейчас.

— Шарлотта.

Орман разворачивает меня лицом к себе, прямо так, в ворохе тряпок.

Поднять на него глаза... наверное, раньше я бы просто не осмелилась, но сейчас поднимаю. Не знаю, что сейчас отражается в моих, но в эту минуту Эрик подхватывает меня на руки и несет к кровати.

Теперь я все превращаюсь в одно сплошное оголенное чувство. Там, где грубая ткань его пальто касается моей кожи, она начинает гореть. Там, где касаются его руки — плавиться. Прохладный атлас напоминает о постели, на которой я лежала, когда он меня рисовал. Веревки, стягивающие тело, касающиеся меня везде. От воспоминаний о них по телу проходит дрожь, от кончиков пальцев до макушки, как по звенящей струне. Ловлю взгляд Ормана и понимаю, что тереблю прядь, наматывая ее на палец.

— Почему ты дрожишь? — хрипло спрашивает он. — Замерзла?

Пальто летит на пол, следом за ним — фрак и шейный платок. Орман раздевается, глядя мне в глаза, и этот взгляд (неотрывный, глубокий, темный) заставляет меня гореть, хотя в комнате свежо.

Нет, я при всем желании не могу сказать, что я замерзла.

— Нет. Просто...

— Просто? — Он опускается рядом со мной на кровать, стягивая с меня туфли. Касается пальцами лодыжек, пробегается по ноге до колен, снимает чулки. Сначала один, затем второй, повторяя каждый оголившийся дюйм кожи пальцами, и я подавляю желание отползти подальше. Просто потому, что это так неестественно для меня, так... ново и остро.

— Нет, ничего.

Смущение затапливает меня целиком, когда по щелчку его пальцев над нами вспыхивают магические светильники.

Первый, второй, третий.

Шары рассыпают свет, поэтому сейчас мне хочется отодвинуться и натянуть одеяло до подбородка.

— Зачем?.. — спрашиваю я.

Получается низко, незнакомым мне голосом, идущим из глубины груди.

— Потому что я хочу видеть тебя. Всю. — Он касается прядки, падающей мне на лицо, заправляет ее за ухо. А потом подается вперед, и я отклоняюсь назад — неосознанно. До той минуты, когда чувствую, что дальше просто упаду без опоры, но Орман не останавливается.

— Везде, — произносит он.

Так, что я краснею даже раньше, чем до меня доходит смысл его слов. А потом он ослабляет шнуровку корсета (едва-едва) и тянет его вниз. Медленно, по ставшей безумно чувствительной груди, по напряженным соскам, цепляя их грубой тканью. Перед глазами темнеет от острого, яркого наслаждения, с губ срывается стон (раньше, чем я успеваю его поймать). Кусаю губы, чтобы прийти в себя, но в себя не приходится. Под взглядом Ормана, под скольжением жесткого каркаса, открывающего кожу дюйм за дюймом. Когда граница корсета оголяет соски, выдыхаю, пытаюсь сесть и закрыться, но он перехватывает мои запястья.

Таким быстрым, отточенным жестом, словно знал, что я собираюсь сделать.

Браслеты пальцев смыкаются на руках, а потом он разводит их в стороны и легко подталкивает меня, заставляя лечь на кровать.

— Везде, — повторяет негромко, и взгляд у него сейчас совсем сумасшедший.

Мысль об этом приходит в ту же минуту, когда Орман заводит мои руки над головой и наклоняется ко мне. Кажется, что он сейчас снова меня поцелует, и он целует...

Туда, где краешек корсета цепляет сосок.

Прикосновение выходит таким пронзительным, что я вздрагиваю всем телом.

Не дрожу, именно вздрагиваю, когда волна удовольствия прокатывается от зажатых в тиски его пальцев запястий до самых ног. Впрочем, в следующий миг меня уже накрывает второй: губы Ормана плотно обхватывают сосок, кончик языка касается безумно-чувствительной вершинки.

— А-а-ах...

Дыхание вырывается вместе со стоном. Мне кажется, что все, до предела. Особенно когда он перехватывает мои руки одной, а второй скользит по шее, цепляя грудь и спускаясь все ниже. Прикосновения через корсет почти не чувствуются, скорее, звучат во всем теле предвкушением.

Он плотнее сжимает губы, вырывая у меня сдавленный всхлип. Проводит рукой между моих ног, прямо в разрезе панталон. Пытаюсь свести бедра, но в это мгновение меня обжигает пронзительно-острая вспышка укуса. Боль, обычно отрезвляющая, сейчас расходится от вершинки груди по всему телу. Пьянящим, будоражающим, диким чувством. Прохладный воздух обжигает собравшийся тугим комочком сосок, когда Орман произносит:

— Не смей закрываться от меня, Шарлотта.

Не смей.

Это звучит как приказ, в его глазах — тоже приказ: жесткий, подобный тому, что он так привык отдавать. Он почти касается моей груди губами, дуется на нее — легонько, скользя пальцами там, внизу.

Медленные, дразнящие прикосновения заставляют выгибаться, потому что сил терпеть больше нет. Я даже дышу через раз, чтобы не кричать на весь дом.

— Шарлотта, — пристальный взгляд.

Только он умеет смотреть так, что все мысли разбегаются.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Шарлотта.

Хочется двигать бедрами, хочется вжиматься в его пальцы, бесстыдно. Хочется просить его не останавливаться... отчаянно хочется большего, особенно когда он задевает безумно чувствительную точку у меня между ног, или дотрагивается чуть ниже. Там, где вход в мое тело становится совсем влажным и скользким.

— Вы... вы же и так знаете, — смущаться сейчас уже поздно, но я почему-то не могу вытолкнуть из себя ни слова.

Точнее, не могу сказать о том, о чем только что думала.

— Знаю, — хрипло говорит он, и в его радужке снова течет золото. — Но хочу услышать это от тебя.

Пальцы поглаживают вход и смещаются к бедрам, вызывая разочарованный вздох.

— Скажи, — повторяет Орман. — Мне нужно это слышать.

Это совершенно точно не приказ, это — просьба. И не откликнуться на нее невозможно, просто потому что его голос эхом отзывается во мне.

— Вас. Я хочу вас, — закусив губу, смотрю ему в глаза, и тут же поправляюсь: — Тебя. Эрик.

Его выдох больше напоминает хриплый стон, который заглушает мой. От проникновения внутрь — сначала одного пальца, затем, медленно — второго, все сладко сжимается: изнурительно, невыносимо. Пожалуй, эти движения еще более жестокие, от них я окончательно теряю себя и перестаю сдерживаться. Выгибаюсь, шире развожу бедра, сжимаю пальцы так, что ногти впиваются в ладони.

От взгляда — плывущего взгляда в упор — томительно сводит низ живота.

Пальцы выskalывают из меня столь неожиданно, что я вскрикиваю.

Орман стягивает с меня панталоны, отбрасывает их в сторону.

Расстегивает брюки, и я отвожу глаза. Не могу заставить себя смотреть.

— Шарлотта, — низкий голос, скользящий дыханием по груди. — Посмотри на меня.

Сжимаю губы и качаю головой.

Это просто выше моих сил, достаточно уже и того, что свет течет по моему телу, открывая каждый его изгиб. Я прикрыта только сползшим корсетом, под грудью, на животе, все остальное бесстыдно обнажено.

Все.

Он действительно может видеть меня везде.

Словно понимая, что для меня это и так уже слишком, Орман отпускает мои запястья.

— Ты так возбуждающе стесняешься, Шарлотта.

Он разводит мои бедра чуть шире, а потом заставляет согнуть ноги в коленях.

Прикосновение его... там... заставляет вздрогнуть и широко распахнуть глаза.

— Расслабься, — произносит Орман, продолжая меня ласкать.

Возвращая это нарастающее сладкое чувство, от которого хочется кричать. От непристойных прикосновений воздух становится густым и вязким, я хватаю его губами до той минуты, когда одно резкое движение обжигает низ живота болью. Вскрикиваю, пальцы сжимаются на простынях. Дыхание перехватывает — не то от ощущения невозможной растянутости в точке, где соединяются наши тела, не то от того, как хрипло он выдыхает, замирая внутри.

— Очень больно? — всматривается в мое лицо.

— Нет, — выдыхаю в ответ. — Нет, не очень.

— Моя девочка, — шепчет, нависая надо мной на руках. — Моя... маленькая мисс Шарлотта Руа.

Медленно подается назад, вызывая внутри тягучее, болезненно-жаркое удовольствие.

С губ срывается стон, а Орман уже снова подается вперед.

О-о-ох...

Назад, под мой громкий стон.

И снова вперед.

С каждым движением боль отступает... не затихает, нет, но становится мягче, внутри собирается странная, тягучая пульсация, от которой по телу растекается жар. Орман вглядывается в мое лицо, и я больше не отвожу глаз. Бесстыдно подаюсь навстречу, не сдерживая стонов и комкая атласное покрывало. Его пальцы скользят по ягодицам, чуть приподнимая мои бедра. Я вскрикиваю и задыхаюсь от новых ощущений, когда что-то внутри отзывается острым, ни с чем не сравнимым удовольствием.

Снова и снова.
Еще и еще.
До стонов, переходящих в выдохи. До выдохов, переходящих в стоны.
— Кричи, Шарлотта, — он скользит губами по моим губам, с силой подаваясь вперед. И я кричу от жаркого удовольствия.
Удовольствия, собирающегося в одной-единственной точке, которой хочется коснуться пальцами. Словно прочитав мои мысли, он опускает мои бедра на покрывало, скользит ладонью между наших тел. Новое прикосновение отзывается вспышкой, невыносимо-жаркой, выбивающей меня из сознания.
Потому что в сознании не может быть так хорошо.
Так горячо.
Так сладко, как сейчас, когда мир вокруг рассыпается тысячами искр.
Не сразу понимаю, что это взрываются магические светильники, и в этих ослепительных вспышках на миг перестаю быть собой.
Ни с чем не сравнимое наслаждение пульсирует внутри, отзываясь в точке под его пальцами. Вырываясь моим протяжным шепотом-стоном:
— Эри-и-и-к...
И его рычанием, запускающим по телу волну.
Волну удовольствия, в которой мы содргаемся вместе, я тону в его руках и собственных всхлипах до той минуты, пока он подается назад. Этот рывок не менее ощутим, чем когда он оказался внутри, но Эрик уже прижимает меня к себе. Подхватывает, обнимает, заворачивая в покрывало. Или в себя.
Почему-то именно сейчас на ум приходит: «Я не позволю тебе замерзнуть», — и эта мысль отзывается во мне пронзительным теплом.
Я прижимаюсь к нему, вдыхая запах сандала и разгоряченного тела.
Чувствуя, как сильная ладонь скользит по спине, по взмокшим волосам: не то лаская, не то успокаивая.
— Вы прекрасны, мисс Шарлотта Руа, — произносит он.
Я лишь на миг открываю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.
Темным и глубоким, как зимняя ночь за окном. Удивительно, как преобразились его черты, словно передо мной совсем другой человек.
— Вы тоже, месье Эрик.
Он касается моих губ, убирает со лба налипшие прядки и улыбается.
Я улыбаюсь в ответ — слабо, а потом позволяю себе крепче прижаться к нему и оплести рукой его грудь. Закрываю глаза и понимаю, что под ладонью по-прежнему жесткая ткань жилета: Эрик, в отличие от меня, одет. Это кажется неправильным, но почему, я понять не могу. Мысли путаются, ускользают, стекая в сон, и я падаю в него вслед за ними.
Последнее, что слышу, это его шепот:
— Спи, моя светлая девочка.

Глава 6

«Я не позволю тебе замерзнуть».

Отголоски эха разносятся по лабиринтам коридоров. Пустынным коридорам театра, в которых я стою совершенно одна. Холод бежит по обнаженным плечам, стекает в глубокое декольте, заставляя кожу покрываться мурашками. Тишина такая, что слышен шорох моего платья, когда я иду вперед. Все ближе, ближе и ближе к бенуару, в котором меня ждет

Эрик. Сердце бьется все быстрее, пальцы с силой сжимаются на атласной ткани. Мне невыносимо холодно, я обхватываю себя руками, но руки просто ледяные.
«Я не позволю тебе замерзнуть-у-у-у!».

Эхо его голоса вплавляется в шелест моих юбок, и получается шипение. Странное, мягкое, тягучее шипение, словно он произносит это нараспев, простуженным голосом. Но я уже почти дошла: отодвигаю тяжелые портьеры, шагаю внутрь, и... оказываюсь на сцене. На сцене, где удивительно красивая женщина (я не могу видеть ее лица, оно в темноте, но точно знаю, что это так), выгибается под ударами плети. Стоны мешаются с криками, пальцы сжимаются на обвивающих запястья веревках, тянущихся к изголовью кровати. Замираю, потому что в стоящем ко мне спиной мужчине уже узнаю его.

Это Эрик.

Волосы слегка растрепаны, ладонь обхватывает рукоять почти нежно, особенно когда он замахивается снова. Вместе с холодом по телу проходит дрожь и лицо вспыхивает огнем. В тот миг, когда плеть оставляет полосу на светлой коже, а затем взлетает снова, чтобы опуститься между широко разведенных ног в тонких ажурных чулках.

Больно должно быть ей, но криком захлебываюсь я.

Захлебываюсь, зажимаю рот, но уже поздно. Он оборачивается, и хвост плети медленно течет между влажных складок, по внутренней стороне бедер.

— Любишь подсматривать? — негромко произносит Эрик, и глаза его вспыхивают золотом. — Любишь лезть в чужую жизнь, Шарлотта?

— Нет, я...

Я не знаю, что ответить, просто отступаю назад, а он идет ко мне. Плеть ползет за ним покорной змеей, с шипением извиваясь по полу.

— Эрик, вернись ко мне, — шепчет женщина на кровати.

— Разумеется, я вернусь, — он говорит с ней, но смотрит на меня. Золото в его глазах сменяется пугающей тьмой, когда Эрик добавляет: — Только разберусь с одной бессовестной девочкой, Камилла.

Камилла?!

— Ты должна спать, — произносит он.

Замах — и хвост плети ложится в его ладонь, поверх перчатки.

— Ты должна спать, но ты не спишь. Почему ты не спишь, Шарлотта-а-а?!

Эта фраза разрывает тишину и мое оцепенение.

Но такого просто не может быть! Не может, не может, не может!

Разворачиваюсь, чтобы бежать, но передо мной зрительный зал. Люстра вспыхивает пучками ламп, рассыпая свет рваными пятнами. Они собираются, стягиваются воедино изодранными краями и ползут ко мне. Повсюду темно, только я стою одна перед всем высшим светом Энгерии. В первом ряду вижу ее светлость Луизу и герцога, Патрика и Джулию. Чувствую, как на мне ключьями расплзается платье, обнажая меня перед всеми собравшимися здесь людьми. Пытаюсь прикрыться руками, но ничего не получается, дыхание перехватывает, холод бежит по телу вместе с обжигающим стыдом.

— Невероятно! — восклицает дама в темном платье. — История падшей женщины на Королевской сцене Лигенбурга!

Лицо ее светлости искажает гримаса отвращения, она подхватывает юбки, чтобы уйти. Ее муж следует за ней, а за ними и все остальные. Но все это уже не имеет значения, потому что свист плети за спиной заставляет меня мысленно содрогнуться.

— Эрик, не надо! — сжавшись, кричу я.

Кричу так, что горло отзывается болью, дергаюсь, и... просыпаюсь.

В комнате действительно холодно, но лишь потому, что камин так и не растопили. Его пасть скалится холодом мрамора и зияющей темнотой, я лежу обнаженная, выпутавшаяся из покрывал. Горло действительно саднит, но скорее потому, что я замерзла, а еще саднит там, внизу. Вспоминаю обо всем, что произошло, заливаюсь краской и откидываюсь на подушки, подтягивая к себе одеяла.

Только сейчас понимаю, что я одна. Эрика рядом нет.

Не на огромной кровати, которая сейчас кажется еще больше из-за своей ледяной пустоты, его нет в спальне. Нет и в ванной, дверь плотно прикрыта, из-под нее не тянется даже крохотная полоска света, которой мне бы сейчас хватило.

Хватило для чего?

Лежу и смотрю в потолок, перебирая ощущения, как бусины на четках. Хотя в связи с тем, что случилось, наверное, такие мысли просто кошунство. По крайней мере, в представлении всех добропорядочных леди, и... Перед глазами вспыхивает картина, как эти добропорядочные леди сидели с выражениями неприятия на лицах, а потом уходили, покусившись даже на пару хлопков в ладоши, и мне мигом становится на них наплевать. На них, на их мнение.

Но не на то, что произошло.

Что произошло, я пока осознать не могу. Могу принять, но не понять или вместить в себя это странное чувство... Чувство, когда дыхание сбивалось вместе с дыханием Эрика, когда мы становились единым целым.

Когда по венам бежал огонь, а наши пальцы переплетались.

Что из этого было правдой? Почему он ушел?

Переворачиваюсь на другой бок, и тело немедленно отзывается на это простое и такое привычное движение. Странное ощущение: боль сменяется сладким тягучим жаром, стоит мне вспомнить о том, как он в меня входил.

Зарываюсь лицом в подушки, по сравнению с моими щеками они просто ледяные. В комнате темно: небо затянуто плотными тучами, не пропускающими даже частицу лунного света. Может, оно и к лучшему, иначе сейчас я могла бы видеть разбросанные во всей комнате вещи.

Мои.

Эрик так и не разделся.

Почему?

Этого я не знаю, равно как и не знаю, что связывает их с Камиллой. Мысли о ней мгновенно воскрешают в памяти сон. На миг представляю, что все это мне устроил он, но тут же отказываюсь от предположения. Зачем ему играть со мной во сне, когда игрушка в его постели?

Эта мысль отзывается внутри меня странной, обжигающей болью.

Что, если я и впрямь для него всего лишь игрушка, а потом он вернется к Камилле?

«Поздновато об этом думать», — ехидно шепчет внутренний голос, и я с ним соглашаюсь.

Действительно поздновато.

А чтобы не думать, нужно просто встать и найти Эрика.

Вот только где? По сути, в этом доме я знаю только два места: спальню, в которой нахожусь, и мастерскую. Поэтому если Эрика нет в мастерской... Хотя, еще странную столовую с иероглифом опасности на потолке, но вряд ли я найду его в столовой в такое время. Остается только мастерская.

Правда, для начала нужно одеться. Представила, как я заворачиваюсь в сто десять одежек без помощи Сюин и мысленно покрылась мурашками от холода. Нет, мне не привыкать одеваться самой, но зачем одеваться в пустом доме?

Раньше сама мысль о таком показалась бы мне невозможной, но сейчас... Сейчас я поднялась, старательно завернулась в простыню, на всякий случай завязав ее узлом на груди. На плечи набросила теплое стеганое покрывало, дополнительно укутавшись им, как накидкой. Правда, крючков и петель на этой накидке не было, поэтому края приходилось держать руками, зато было тепло. Очень.

Если не считать босых ног.

Наверное, если идти быстро, я даже замрзнуть не успею.

Когда я найду его, о чем спрошу?

Почему ты ушел? Или: «Не собираешься ли ты в ближайшее время вернуться к Камилле?»

Стоит ли вообще куда-то идти?

Застыла у двери, но потом отмела все сомнения. В конце концов, бродить по дому одна я точно не буду. Не найду Эрика в мастерской, значит, просто вернусь сюда и лягу спать. Коридор встретил меня тишиной и неярким светом артефактов. Они вспыхивали и гасли за моей спиной, стоило отойти на несколько футов. Будь я в тувельках, единственным моим спутником было бы эхо шагов, но сейчас только еле слышно шуршали тянущиеся шлейфом покрывало и простыня.

Да, сказал бы мне кто-нибудь, что я буду разгуливать по дому Ормана в таком виде — простоволосая, завернутая в постельное белье, решила бы, что этот кто-то тронулся рассудком. Сейчас у меня такое чувство, что рассудком тронулась я, но почему-то меня это совсем не смущает. Разве что самую малость, и та малость терялась за спиной, как приглушенное сияние светильников.

Лестница уходила вверх множеством ступенек, и я коснулась перил. Мягкий настил под ногами не позволял ступням мерзнуть, хотя в доме было ощутимо холодно. Оно и неудивительно, меня изначально не оставляло чувство, что здесь никто не живет, сейчас же оно только усилилось. Ночью, когда темнота стягивалась в каждом уголке, этот особняк выглядел еще более заброшенным, чем днем.

Зачем такой огромный дом, если ты живешь один?

То есть зачем, в принципе, понять можно, но люди, выбирающие такую роскошь, обычно содержат огромный штат прислуги и устраивают приемы, чтобы покрасоваться перед остальными. Либо же это дань обязательствам перед статусом (как у де Мортена), но Орман никогда не задумывался о статусах. Или я просто плохо его знаю.

По сути, что я вообще о нем знаю?

Мысль эта показалась холодной, как сталь цепей.

Третий этаж и снова тишина. Я хорошо запоминала дорогу именно потому, что всегда обращала внимание на детали, вот и сейчас свет артефактов открывал передо мной воспоминания. От первого визита в мастерскую с Тхай-Лао до последнего, когда мы с Эриком были в ссоре после прогулки в лесу. Вот картина, совершенно не вписывающаяся в мои представления о том, что ему нравится. Яркий пейзаж, рассвет над лесом, в лучах солнца зелень насыщенного изумрудного цвета. Соседствует с ней пустое место, а у рамы сразу за поворотом облупилась позолота.

Диванчики для отдыха у стен, застывшие у дверей мастерской (как почетный караул ее величества) подсвечники. Из-за сияющих настенных артефактов я не могла сказать, горит ли за высокими дверями свет. Помедлив, шагнула вперед и распахнула их.

Эрик действительно оказался в мастерской, сидел у мольберта.

Заметив меня, вскинул голову и нахмурился.

— Почему ты не спишь, Шарлотта?

Эта простая фраза ударила меня навывлет. Не то потому, что я столько раз ее слышала, во снах и в воспоминаниях, разве что сейчас он не растягивал мое имя. Не то потому, что хотела услышать что-то другое.

Что именно?

За этой мыслью теряется все остальное, особенно когда он смотрит на меня. Холодно и жестко, пряди волос падают на лицо. Я очень хорошо помню, как они растрепались, возможно, именно это и останавливает меня от того, чтобы выйти за дверь.

— Я пришла к тебе.

Простой ответ, от которого его глаза темнеют еще сильнее. Он поднимается, и дыхание перехватывает.

Наверное, раньше мне не хватило бы на такое смелости, но сейчас я просто иду к нему.

Наверное, это могло бы случиться со мной во сне, вот только сейчас я отчетливо понимаю, что это не сон. Потому что мастерская впитывает шаги моих босых ног, а белье стелется за спиной, как мантия королевы.

Да уж, сравнила.

С губ едва не срывается смешок, но вряд ли он сейчас будет уместен. Подхожу и останавливаюсь в двух шагах от него. Скольжу взглядом по губам, по губам Ормана, но не Эрика. Плотные сжатые, резкие, они ничуть не напоминают о невыносимо нежных поцелуях. Когда он такой, его лицо становится хищным, преображаясь в считанные минуты.

Вот только сейчас я не представляю, сколько минут прошло, прежде чем он стал таким.

В ту же минуту, как я закрыла глаза?

Или когда ушел от меня?

Его пальцы испачканы в краске, рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу, но жилет по-прежнему на нем. Тот, который я чувствовала под ладонью, проваливаясь в сон. Точно так же, как биение его сердца.

Легко касаюсь подушечками рамы мольберта, не затрагивая холст.

— Можно посмотреть?

Наверное, если он откажет сейчас, все будет гораздо проще. Потому что тогда я развернусь, выйду из мастерской и просто... нет, просто уже ничего не будет. Почему-то мне становится невыносимо страшно при мысли о том, что я могу услышать отказ. Может быть, из-за того что смотреть в затянутые грозовой теменью глаза хочется невыносимо долго. А может быть, потому что мне действительно интересно, как он пишет.

Ведь на свой портрет я так и не решилась взглянуть.

— Ты уверена, Шарлотта? — негромко произносит он.

И мне почему-то становится легче дышать.

Улыбаюсь и киваю, а Эрик протягивает мне руку. От прикосновения пальцев к его ладони по телу проходит дрожь. Он подтягивает меня ближе к себе, невыносимо близко, и растянувшиеся надолго мгновения мы смотрим друг другу в глаза. Не знаю, что он ищет во мне, но я теряюсь и соскальзываю в воспоминания, в которых его губы скользили по моим, когда обжигали поцелуями кожу. Наваждение отпускает в тот миг, когда он кладет ладони на мои плечи и медленно разворачивает к холсту.

Воздух во мне неожиданно заканчивается, и не только во мне.

В мастерской.

Повсюду.

Потому что на холсте я вижу себя.

Девушка на нем — это я и не я одновременно. В оплетенном веревками теле, в каждом его изгибе — искушение. Волосы огнем разметались по покрывалу, губы чуть приоткрыты на вдохе, на миг даже кажется, что заметно, как вздымается грудь. На белоснежной коже выделяются потемневшие тугие соски, съездившиеся не то от холода, не то от возбуждения, и завитки рыжих волос в самом низу живота. Эти веревки, обжигающие кожу, я чувствую даже сейчас. Равно как помню то непристойное чувство: смесь стыда и желания, в котором еще не готова себе признаться.

Впрочем, на этой картине я вся — желание.

От кончиков пальцев рук, напряженных, дрожащих, до разведенных бедер.

Лица не видно под маской, разве что тонкие тени от ресниц на разлитом по серебру свете. Все это настолько живо, настолько четко, настолько ярко и красиво прорисовано (каждая деталь, каждый штрих), что мне хочется дотронуться до волос девушки, чтобы почувствовать их под пальцами.

Если бы не знала, что смотрю на картину, решила бы, что смотрю в зеркало прошлого.

— Нравится? — хрипло спрашивает Эрик.

Он меня не касается, точнее... почти не касается. От его дыхания, скользящего по шее, по телу проходит дрожь.

Нравится ли мне? Я не знаю ответа на этот вопрос. Точнее, не хочу знать, потому что он не должен быть положительным. Мне не должно нравиться собственное распутство, но оно мне нравится. Мне нравится, какой меня видит он: соблазнительной, яркой, бесстыдной. Я никогда себя такой не считала.

Я никогда такой не была.

Или была всегда?

— Не молчи, Шарлотта, — он развернул меня к себе, вглядываясь в лицо.

— Мне нравится, — слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их поймать.

— Тогда она твоя, — он касается пальцами моей щеки, и меня обжигает.

Один короткий, невинный жест, одно легкое прикосновение.

Мне не хочется думать, что было бы, скажи я, что мне не нравится. Не хочется, но перед глазами почему-то вспыхивает изумрудный огонь, пожирающий холст, и разрастающаяся в глазах Эрика дикая тьма.

— Давно ты пишешь? — спрашиваю, осторожно выворачиваясь из его объятий.

Ночью мастерская совсем не такая, как днем. Залитая светом магии, она кажется волшебной или потусторонней, столь же чуждой этому миру, как элленари, волшебный народ из легенд. По сказаниям, они приходили с обратной стороны лесов и холмов, надежно укрытые собственной магией от людских глаз. Наделенные нечеловеческой силой, необычайно красивые и столь же жестокие.

— Десять лет.

— Десять лет? — ахнула я.

Обернулась, чтобы встретить его взгляд.

— Что тебя так удивляет, Шарлотта?

— Наверное, то, что я до сих пор не слышала твоего имени в мире искусства. Ты где-нибудь выставлялся?

Он усмехнулся.

— Нет. К моим картинам мир еще не готов.

Прежде чем я успеваю спросить, что это значит, он приближается ко мне.

— Иди спать, Шарлотта.

— А если я не хочу?

— Не хочешь?

— Не хочу без тебя.

Наверное, стоило промолчать, но эта ночь изначально была неправильной. Острой, отчаянной, пронизанной смелыми поступками и непонятными чувствами, от которых до сих пор перехватывало дыхание. Точно так же его перехватило сейчас, когда пальцы Эрика легли на мой подбородок.

— Какая ты все-таки непослушная девочка.

Почему-то от этих слов все внутри переворачивается и становится горячо-горячо.

Настолько, что хочется выпутаться из покрывала, в которое я по-прежнему кутаюсь.

— Ты хочешь видеть меня такой? — неожиданно спрашиваю я.

— Такой?

— Такой, — киваю на картину.

Эрик на мгновение прикрывает глаза, а когда открывает, в них тают отголоски расплавленного золота. Еще одна сторона его магии, о которой мне невыносимо хочется спросить, но наверное, это лучше оставить до завтра. До того, как мы начнем обучение.

— Давай оставим этот разговор до завтра.

Вздрагиваю и смотрю на него: он повторил мои мысли. Почти слово в слово.

— Почему?

— Потому что на сегодня с тебя достаточно потрясений, Шарлотта.

Потрясений?

Он подхватывает меня на руки прежде, чем я успеваю переспросить. Покрывало все-таки ползет вниз, я едва успеваю его поймать. Кожа мгновенно покрывается мурашками, но сейчас я не уверена, что это от холода.

— Замерзла? — Эрик снова нахмурился.

— Я просто выпуталась из одеял, а камин был не затоплен...

— Ты выпуталась из покрывал, ты замерзла, ты пришла сюда босиком, и ты об этом молчала все это время?..

Дверь открывается пинком, без каких бы то ни было церемоний. Он идет по коридору так быстро, что я даже не успеваю что-либо сказать. Впрочем, слова сейчас лишние, от того, как хмурятся его брови, уже невероятно тепло. Он злится, потому что я не сказала о том, что замерзла. Эрик бросает на меня всего лишь один взгляд, но брови на переносице сходятся еще сильнее.

— Я сказал что-то смешное?

Качаю головой, но улыбка становится только шире.

— Шарлотта.

— Да, месье Эрик?

— Почему ты смеешься?

— Потому что ты за меня беспокоишься.

— Я беспокоюсь за то, что ты свалишься с простудой и не сможешь обучаться.

Да, об этом я как-то не подумала. О нашем договоре и о пункте, где я должна ответственно относиться к своему здоровью. Или что-то вроде.

— Пусти, — говорю я и упираюсь кулаками ему в грудь. — Я могу идти сама.

— Босиком?

— А почему бы и нет? — с вызовом смотрю на него.

— Потому что я тебя отнесу. Сиди смирно, Шарлотта.

Что-то такое в его голосе, а может быть, в глубине глаз, заставляет оставить все попытки вырваться. Я делаю вид, что меня гораздо больше интересуют стены, чем он, например, завитки на светильниках.

Лестница, коридор и спальня.

Эрик толкает дверь плечом, а потом проходит внутрь и сажает меня в кресло.

— Сиди смирно, — повторяет он.

Как будто мне есть куда идти в этом особняке, где помимо нас только Тхай-Лао, призраки и эхо. Интересно, кстати, здесь есть призраки? Наверное, когда я освою магию, хотя бы немного, этот вопрос отпадет сам собой. Сама мысль о моей магии заставляет подтянуть колени к груди и обхватить их руками. Откуда у меня такая страшная сила? Насколько я помню, леди Ребекка магии не обучалась, да и ее отец, граф Велсфердский, не мог похвастать магическими способностями.

Может ли стать, что сила досталась мне от отца?

Каким он был?..

Эрик застает меня за этими мыслями, когда выходит из ванной. Прежде чем успеваю пискнуть, подхватывает и заносит внутрь. От кресла, которое зацепила магия смерти, не осталось даже воспоминаний, на его месте стоит другое. В него меня и опускают, заставляя сунуть ноги в глубокий таз с горячей водой.

— В ванную тебе сейчас нельзя, — говорит он. — Поэтому сиди здесь.

— Смирно? — я вскидываю брови.

Эрик замирает и смотрит пристально-пристально.

Потом произносит:

— Все верно. Смирно, Шарлотта.

Мне очень хочется проверить, что будет, если я не стану сидеть смирно, но он уже выходит за дверь. От горячей воды ноги согреваются мгновенно, а вместе с ними согреваюсь я вся. Покрывало больше не нужно, я позволяю ему сползти на пол, и только тут замечаю, что ковер тоже заменили. Ни следа испепеляющей темной силы.

Глаза закрываются сами собой, поэтому приходится подпереть ладонью подбородок.

Смотрю на поднимающийся от таза пар и пытаюсь поймать какую-нибудь фигурку в дымке, но она расплывчатая, как... как проступающая сквозь стену белесая тень. На мгновение она замирает над пустой ванной, обретая смутные очертания мужской фигуры, а потом рывком бросается вперед.

На меня.

Сидеть и трястись под одеялом — не самое лучшее завершение вечера. У меня по-прежнему зуб на зуб не попадал, только теперь уже точно не от холода. Чувство, что в тебя вливается чистая ярость и злоба, ледяная и неумолимая, заставляло внутренне сжиматься. Зубы звучно клацнули о чашку с чаем и настойкой, которую мне принес Эрик.

— Шарлотта, здесь нет призраков.

— Да? Тогда что я, по-твоему, видела?

— Уверена, что это был не сон?

— Если я не сплю сейчас, то в ванной точно был не сон, — отрезала я. — Почему ты мне не веришь?

— Потому что будь здесь призрак, я бы его почувствовал. Увидел.

— Но...

— Я говорил тебе про свое проклятие, Шарлотта, — голос его прозвучал глухо. — Я не маг смерти, но я вижу смерть. Вижу Грань. Вижу обратную сторону жизни и все, что с ней связано, потому что я умирал.

От такого признания даже я похолодела. Отставила чашку, чудом не промахнувшись мимо тумбочки, осторожно коснулась его руки.

— Прости.

— Это часть моей жизни, — он отмахнулся от собственных чувств, как от ничего не значащей ерунды, и руку отнял тут же. — Просто я хочу, чтобы ты была спокойна.

Наверное, именно так и стоит успокаивать девушек. Небрежным тоном заявляя, что ты умирал.

— Я... — после такого даже толком и не знаешь, что сказать. — Просто это чувство было настолько ярким...

Поежилась, вспоминая, как в меня врезалась белесая фигура. Врезалась сквозь мгновенно утративший краски мир, заполняя меня собой, лишая возможности дышать, пошевелиться, хоть слово сказать. Никогда раньше я не чувствовала ничего подобного... никогда, и надеюсь, что уже не почувствую.

— Сны иногда бывают очень яркими, Шарлотта.

Да уж, кому как не ему это знать.

— Ты задремала, глядя на пар, а перед этим замерзла. Одно наложилось на другое...

В точности так же, как в предыдущем сне.

— Поэтому так и получилось.

— Надеюсь, — вздохнула.

— Только поэтому, — Эрик кивнул на чашку. — Допивай чай и спать. Помимо прочего, призраки не могут нападать на людей.

— Не могут? — я приподняла брови. — Почему?

Чашка в руках больше не дрожала, и это определенно радовало.

— Потому что это бестелесные существа, без сознания и тем более без разума. Отголосок испытанной человеком эмоции в последние минуты его жизни. Они остаются на местах смерти, привязаны к ним. Со временем их силы истощаются, и призраки просто развеиваются без следа.

— А люди... то есть... все так остаются после смерти?

— Нет, только те, кто испытал какое-то сильное чувство в момент гибели. Чаще всего призраки — последствия насильственной смерти.

Я поежилась.

— Они что-нибудь чувствуют?

— Только последние отголоски испытанного.

Бррр, ужас-то какой. Все время чувствовать страх, боль или ярость...

И снова я мысленно вернулась к случившемуся. В моем сне, как уверял Эрик, этот призрак, это непонятное существо, точно было злым. Не просто злым, это был сгусток концентрированной ненависти, направленной на меня.

— Подозреваю, что совсем не так, как мы, Шарлотта. То, что остается, это уже не человек. Сгусток, всплеск, бесформенное неопределенное нечто.

— То есть призраки не могут обретать форму?

— Сейчас уже нет.

— Сейчас?

— Во времена расцвета цивилизации армалов существовала раса, которая изучала таинства некромагии. И не только некромагии, они собирали самые сильные заклинания из самых разных отраслей магии, экспериментировали и получали... иногда самые непредсказуемые результаты. Но об этом не стоит говорить вслух.

— Почему?

— Потому что большинство их заклинаний относится к запрещенным. Почти все они на крови, из-за этого настолько сильны. Они содержат в себе знания, повторить которые не брались даже сильнейшие маги Темных времен. Одно из таких — заключение сознания в оболочку призрака, накопление силы, принятие формы и возвращение разума.

— О... — только и сказала я.

Чай кончился, но я продолжала держать чашку в руках. Она немного грела ладони, или уже ладони грели ее?

— Так что живи ты в то время, призрак вполне мог броситься на тебя, — Эрик покачал головой. — Но не сейчас.

Ладно, это меня немного успокоило. Ключевое слово «немного», потому что мне все равно было не по себе. Глаза начинались слипаться (не представляю, что такого было в этом чудесном чае, но догадываюсь, что какая-нибудь настойка вроде усыпившей меня в прошлый раз в ванной).

— Это радует, — пробормотала я, сползая на подушки.

Камин был растоплен, и в комнате стало очень тепло. Языки пламени оживляли уютную, безликую обстановку. Темно-синий в обивке стал густым и насыщенным, по

вплетавшемся в черное серебру узоров бежали теплые искры. Если забыть о том, что за дверями — огромный пустынный дом, то можно представить себе сияющий огнями особняк, наполненный голосами, шелестом платьев, перешептываниями горничных и звонким смехом детей.

Детей?

Эта мысль поразила меня настолько, что я широко распахнула глаза.

Чтобы наткнуться на внимательный взгляд Эрика. Живой огонь отблесками играл на его волосах, согревая даже иней пряди.

— Не бойся, Шарлотта. Призраки больше не потревожат тебя даже во снах.

— Почему?

— Потому что я буду рядом.

Он лег, притягивая закутанную в кокон покрывал меня ближе. Я выкрутилась из свертка и потянулась к нему, чтобы расстегнуть жилет, но Эрик перехватил мои руки.

— Я разденусь позже. Сам.

Почему?

Этот вопрос я поймала на губах, в ответ только молча кивнула. Холод, которым потянуло от него несмотря на прогретую спальню, отразился в серых глазах, но я все равно обняла. Обняла и прижалась, устраиваясь у него на плече, стараясь вложить в эти объятия все тепло, что во мне было.

«Потому что я умирал».

Не знаю, что произошло в его жизни, но после такого, должно быть, очень сложно согреться.

Не знаю, но постараюсь его согреть.

Глава 7

— Ты чудесно поработала, Шарлотта. Молодец!

Несмотря на то, что поработала я пока что относительно (мне все было в новинку в мастерской декораций, и я больше мешалась, чем помогала), щеки покраснели от похвалы. Возможно потому, что она была искренней: мистер Стейдж, художник-декоратор театра ее светлости, всегда говорил искренне. Среди его подчиненных я была единственной девушкой, но кажется, это никого здесь не смущало. Ко мне вообще отнеслись очень тепло, не только не бросали косые взгляды (чего, признаться, я очень боялась), но еще и всячески опекали.

— Спасибо, — ответила я. — Мне было очень приятно работать с вами.

— Вот и хорошо. Завтра продолжим, — он кивнул на начинавший обретать очертания эскиз, который мы воссоздавали с утвержденного макета, стоявшего на столе. — Тебе далеко добираться до дома?

— Нет, мне... — тут я вспомнила, что мне еще предстоит занятия с Эриком. — Просто нужно еще кое-куда по делам.

— Ну, хорошо, — мистер Стейдж кивнул. — В таком случае хорошего тебе вечера.

— Хорошего вечера, — я сделала книксен.

— Давай обойдемся без этих формальностей, — он махнул рукой. — Мы все здесь художники, и все немного сумасшедшие, верно? Так что нам простительно. Доброго вечера, Шарлотта.

Он поднялся, чтобы открыть мне дверь, и я вышла из кабинета.

Театр ее светлости был небольшой, но я все равно еще немного путалась в расположении коридоров. В служебной части на втором этаже располагались кабинеты антрепренера, мистера Стейджа и других руководителей, на первом устроились гримерные. Кажется, если пойти направо, будет выход к подъему над сценой, а вот налево как раз лестница, ведущая вниз.

Память меня не подвела, спустя несколько минут я уже стояла у служебного входа, раздумывая, как быть дальше. В Дэрнс не ходил общественный транспорт: действительно,

кому он нужен в таком районе, где каждый может позволить себе личный экипаж или мобиль.

Похоже, придется внести в статью расходов поездки до Дэрнса. Вот только, наверное, выгоднее будет брать экипаж, доехав до ближайшей остановки.

Пока я об этом раздумывала, рядом раздался негромкий голос Тхай-Лао:

— Мисс Руа. Прошу вас.

Я настолько не ожидала его увидеть, что сейчас растерянно моргнула. Утром Эрик нанял мне экипаж, а впрочем, утро вообще выдалось суетным. Я проснулась на рассвете и вспомнила, что мне сегодня на работу. Не считая вечернего платья, которое благодаря небрежному отношению тоже было не в лучшем состоянии, у меня не было никакой одежды.

К счастью, пока мы завтракали (если так можно выразиться, мне кусок в горло не лез), Эрик послал за моим повседневным нарядом, и мне его привезли. Отглаженное и готовое к выходу светло-серое платье.

— Тебе пора переставать носить свои мышинные наряды, Шарлотта, — хмыкнул он, едва увидел меня в нем.

В другое время я бы искренне оскорбилась, но сейчас волновалась настолько, что даже оставила это замечание без внимания. Сейчас внимание вернулось: и к замечанию, и ко встрече Тхай-Лао, и к пробуждению. Проснулась я сегодня одна, подушка рядом была примята, но Эрика рядом со мной уже не было. Он вышел из ванной спустя пару минут, полностью одетый и невыносимо далекий, насколько мне показалось.

Возможно, только показалось.

По крайней мере, сейчас мне бы очень хотелось в это верить.

— Пойдемте, нас ждет экипаж, — иньфаец указал в сторону стоявшей у стены кареты. Лошади перетаптывались, кучер откровенно скучал. Серое небо затягивали еще более плотные тучи, грозящие вот-вот разразиться снегом. Сумерки обволакивали серый камень мостовой, стирали цвета со стен лавочек и домов. Насколько я поняла, мой новый дом находился где-то неподалеку, но где именно, я пока не представляла. Вчера мне так и не удалось там побывать, потому что...

Тхай-Лао подал мне руку, помогая ступить на подножку, сам забрался следом и постучал по стенке. Экипаж тронулся.

Я отодвинула шторку, делая вид, что меня интересуют улочки Лигенбурга. На самом деле украдкой скосила глаза на мужчину, пытаюсь угадать его настроение: как он на меня смотрит, не осуждает ли. Времени подумать о случившемся у меня было не то чтобы много, скорее, совсем не было. На новом месте приходилось вникать во все и стараться делать это быстро, чтобы не отвлекать от работы остальных, а по возможности еще и помогать. Сейчас же, когда основное напряжение схлынуло, вернулись сомнения, с которыми я вроде бы успешно справилась ночью.

В моем случае ключевым оказалось «вроде».

Иньфаец тоже смотрел в окно, поэтому мгновение, когда он обернулся, стало для меня полной неожиданностью.

— Пауль просил встретить вас, потому что занят, — пояснил он, спокойно глядя на меня.

Интересно, его спокойствие и невозмутимость вообще возможно нарушить? — Но к нашему приезду он уже будет вас ждать.

Интересно, сколько мы будем заниматься?

Освободилась я не позднее, чем от Илайджи, то есть около четырех, пока доберемся, будет уже пять, в лучшем случае. Когда я утром ехала в театр, руки у меня холодели по одному поводу. Теперь — по-другому. Ведь я теперь не просто его ученица, я... а кто я, собственно, для него? Имеет ли для него значение то, что между нами случилось?

Вчера ночью мне показалось, что для него это значит не меньше, чем для меня. Но сегодня утром он вел себя так, словно мы... ну, просто снова писали меня в его мастерской.

Еще и эта картина...

Воспоминания о веревках снова плеснули на щеки румянцем.

Да уж, нашла чему смущаться, Шарлотта. После такой ночи.

— Как вы познакомились? — спросила я, чтобы немного отвлечься от темы предстоящей встречи.

И обучения.

— Я обязан ему жизнью.

Жизнью?!

— Это история вашего знакомства? — спросила я, улыбнувшись.

Но Тхай-Лао не ответил на улыбку.

— Именно так.

Голос его звучал по-прежнему приветливо, но прохладно, из чего я сделала вывод, что поднимать эту тему не стоило. Впрочем, едва я попыталась поднять какую-то мало-мальски серьезную тему, касающуюся Эрика, как наткнулась на вежливое отчуждение. Сначала в разговорах с ним, и теперь вот с Тхай-Лао.

— А Сюин? — попыталась зайти с другой стороны. — Она ваша сестра?

— Жена моего брата, мисс Руа.

И снова холодная вежливость.

Чувство было такое, что я разговариваю с кем-то из круга леди Ребекки или графа Вудворда, потому что рядом с Эби и другими никогда такого не испытывала. В общем-то, подобные разговоры всегда считались личными, но среди прислуги никогда не возбранялись. Я охотно слушала, как Эби рассказывает о своей сестре, о зяте, о внуках, и никогда не находила это скучным. Горничные, забегавшие к нам на кухню, тоже охотно делились семейными историями. Впрочем, возможно в Инфье просто другие традиции.

— Я прошу прощения, если спросила что-то не то.

— Вам не за что извиняться.

Или Эрик запретил ему со мной разговаривать. Хотя с чего бы?

Понимая, что разговор затух, не успев разгореться, снова повернулась к окну. Вот только на сей раз руки похолодели еще сильнее.

Что, если Эрик действительно запретил ему говорить со мной?

Нет, Шарлотта, так невесть до чего можно додуматься.

Я сцепила пальцы, расцепила, поправила локон в простенькой, дальше некуда, прическе.

Чем ближе становился Дэрнс, тем сильнее колотилось сердце.

Какой будет наша новая встреча?

Чем ближе мы становились к дому, тем отчетливее я хотела... сама не знаю, чего.

Чтобы Эрик вышел меня встречать? Чтобы сказал — что?

Дом спал: это было видно еще издалека, когда мы подъезжали. Он выделялся из роскошных особняков Дэрнса темными окнами и молчаливой уединенностью. Так может стоять на балу старая дева, чуть поодаль от стайки дебютанток, лишенная их красок и привлекательности, мрачная и нелюдимая.

Не представляю, откуда в голове возникло это сравнение, но мне оно показалось весьма подходящим.

— Не сложно управлять таким огромным домом? — спросила я у Тхай-Лао.

Инфьяец покачал головой.

— Не сложнее, чем лачугой.

— Но здесь же столько комнат, за которыми нужно следить...

— У каждого дома есть свое сердце, мисс Руа. Главное его сразу почувствовать.

Сказать, что я ничего не поняла — значит, ничего не сказать. Но если у этого дома и было сердце, оно билось в каком-то особом ритме. Холодное, жесткое, оттаивающее только в мастерской. Вот она всегда была полна света, даже в самый пасмурный день или в самый ужасный (для меня, как когда-то казалось). Даже вчера ночью мне было там спокойно и уютно, хотя за ее пределами брала дрожь.

В ту минуту, когда я об этом подумала, экипаж остановился.

Тхай-Лао вышел и подал мне руку, помогая спуститься, а после проводил до дверей. По холлу растекался ненавязчивый, приглушенный свет, но вопреки моим предположениям, встречать нас вышел не Эрик. Сюин едва уловимо поклонилась, когда мы вошли.

Дождалась, пока мужчина примет у меня пальто, а после кивнула:

— Пойдемте, мисс Шарлотта. Я вас провожу.

— Можно просто Шарлотта, — напомнила я.

— Хорошо.

На ходу бросила взгляд в зеркало: волосы слегка примялись под шляпкой, но в целом я выглядела довольно-таки привлекательно.

И вовсе у меня не мышинные платья!

По просторному коридору мы направились в крыло, где мне раньше бывать не приходилось. По крайней мере, тот странный иероглиф опасности на потолке, кажется, остался в комнате по правую руку от холла. Сюин не торопилась, но и заговаривать не спешила, а идти в тишине было, по меньшей мере, странно.

— Я думала, ты здесь не бываешь, — произнесла, чтобы нарушить молчание.

— Очень редко. Когда требуется моя помощь, как сегодня.

— Помощь?

— Да, я готовила ужин, пока Тхай-Лао вас встречал.

— Ужин? — я даже чуть замедлила шаг. — Но...

— Здесь две столовые. Даже три. Одна, где предпочитает обедать Пауль.

Я обратила внимание на то, что она тоже называет его Пауль.

— Вторая малая, куда мы сейчас идем. И третья для приема гостей, но она закрыта.

Учитывая, что гостей у Эрика не бывает...

Эта мысль мигом вылетела из головы, когда Сюин приоткрыла передо мной дверь. Я скорее почувствовала его, чем увидела, потому что в малой столовой горели всего лишь две свечи. Портьеры были плотно задернуты, не пропуская даже капельку света от фонарей с отрезанной каменными стенами улицы. Показалось, что в груди кончился воздух, а может быть, он и впрямь кончился, когда я шагнула вперед, а дверь с мягким щелчком закрылась. Порыв воздуха скользнул по щеке, пощекотав выпущенной из прически прядкой лица.

— Здравствуй, Шарлотта.

Голос Эрика прозвучал из-за спины, и я едва не отпрыгнула. Обернувшись, глядя на мужчину, стоящего в двух шагах от меня. С зачесанными назад волосами он выглядел как-то слишком официально. В серых глазах, помимо неопределенности тумана, застыли отблески стекающего со стен серебра.

— Здравствуй. Ты... — только сейчас заметила, что за его спиной ниша.

Открытая, вроде тех, в которые ставят вазы и прочие предметы искусства. Сейчас она была пуста, точно так же, как и вторая: присмотревшись, заметила еще одну справа от дверей.

— В этом доме тоже много потайных комнат?

— Этот дом невероятно скучен, — он взял мою руку в свою. — Пойдем ужинать.

— Тогда зачем он тебе?

Эрик отпустил мою ладонь и отодвинул для меня стул.

— У тебя графит на лице, Шарлотта.

— Что? Правда?

Прежде чем я успела достать зеркальце, он коснулся пальцами моих губ, размыкая их. Я даже вздохнуть не успела, когда надавил сильнее, заставляя приоткрыть рот, а потом скользнул влажными подушечками по щеке. Беспардонно-интимный жест заставил замереть, пока Эрик стирал следы моего рабочего дня с кожи. Наверное, стоило его остановить, убрать руку или сказать, что приличные люди для такого пользуются платком, но...

Ничего приличного рядом с ним со мной не происходило.

Несколько долгих мгновений он смотрел мне в глаза, смотрел так глубоко, что я забывала дышать. После чего коснулся спинки стула.

— Полотенце для рук, — Эрик указал на стоявшую рядом с приборами странную коробочку с крышкой. — Горячее. Не обожгись.

И правда, стоило мне стянуть перчатки и снять крышку, как изнутри повалил пар. Внутри оказалось влажное полотенце, которое приятно пахло травами. Дожидаясь, пока оно остынет, взглянула на него. Вопреки этикету и любым правилам, его место оказалось совсем рядом с моим. Не напротив, не во главе стола, а рядом. Даже свечи, плачущие от жара, были плотно придвинуты друг к другу. Возможно, именно поэтому в комнате было так темно: их свет едва перетекал на нас и на блюда.

— Что тебе положить, Шарлотта? Салат или жаркое?

— Салат, — пробормотала я. — И жаркое.

Хотя решительно не представляла, из чего этот странный салат с какими-то прозрачными белыми макаронинами: тонюсенькими, как иглы, и длинными, как нитки. Зато жаркое пахло так, что мне даже захотелось есть. Несмотря на то, что днем мы только немного перекусили пирогом, припасенным одним из художников, голодной я себя не чувствовала. До этой минуты.

— Как прошел твой день?

— Чудесно, — выдохнула я, чувствуя себя неловко от того, что приходится сидеть так близко к нему. Возможно, после случившегося понятие «неловко» было чересчур громким, но именно это я сейчас и испытывала.

— Чудесно, — повторил Эрик и потянулся к высокой глиняной бутылки, чтобы наполнить мой бокал.

— Нет! — вскрикнула я и тут же добавила. — После вчерашнего...

— Здесь нет алкоголя, Шарлотта. Это напиток на основе иньфайских ягод и трав, который снимает усталость, придает сил и пробуждает аппетит.

— А, — сказала я, все еще недоверчиво косясь на бутылку. — Тогда ладно. Хотя на аппетит я не жалуюсь.

Эрик улыбнулся.

— Похоже, ты единственная леди, готовая открыто признаться в своих аппетитах.

— Аппетитах?

— Вчера ты открыто признавалась в аппетитах, никак не связанных с едой.

От такого заявления я чуть не уронила салфетку, которую собиралась расстелить на коленях.

— Ты мог бы говорить об этом не так откровенно?

— Мог бы. Но не хочу. Особенно рядом с тобой.

По цвету напиток напоминал вино, а вот по запаху — скорее, ягодный компот, который летом так любила готовить Эби. Правда, в винах я не особо разбиралась, а если быть точной, не разбиралась совсем. Иначе не выпила бы вчера столько пузырьков.

Интересно, с Камиллой он тоже так откровенно обо всем разговаривает?

Наверняка!

Ревность кольнула сердце металлической занозой, причем по ощущениям, эту занозу для начала сунули в кипяток.

— Не думаю, что я единственная, — хмыкнула я и разгладила салфетку, — готовая в таком признаваться.

— В аппетитах по поводу еды точно единственная, — ответил он. — За чудесный вечер, Шарлотта.

— За быстрое обучение, — заметила я и подняла бокал.

— Значит, тебе понравилось в театре?

— Очень, — заметила я. Какой-то демоненок толкнул меня в затылок, не иначе, потому что я тут же добавила: — Там столько хороших людей... и все они удивительно тепло ко мне отнеслись. Каждый норовил подать стул, если я уставала, или принести чай.

Глаза Эрика сверкнули, но я только подцепила вилкой кусочек мяса.

— Безумно приятно, когда мужчины признают твои способности и не стесняются об этом говорить.

— Приятно? — вот теперь его глаза потемнели, а может быть, это мне просто показалось.

— Безумно, — добавила я с улыбкой.

Которая, впрочем, тут же погасла, когда в его глазах отразилось пламя свечей. Раньше я думала, что такое только в книгах пишут, но нет, язычки пламени словно перетекли в радужку и обратно. Только на этот раз свечи словно впитали холод и темноту, даже потускнели слегка.

— Мне кажется, должность художника-декоратора может помешать обучению, Шарлотта.

— Что?!

— И как твой наставник я вынужден настоять, чтобы ты отказалась от места.

— Ты шутишь? — я отложила вилку и попыталась улыбнуться.

Не получилось.

— Вовсе нет.

— И каким же образом моя должность может помешать обучению?

— Ты поздно возвращаешься.

— Что?!

— Поздно возвращаешься, — Эрик положил руку на спинку моего стула. — В то время, когда по-хорошему тебе стоит отдыхать и читать теорию, практику по которой мы будем отрабатывать на следующее утро.

Внутри все сжалось.

— Я говорила тебе о том, что буду работать, когда подписывала договор.

— Знаю, — он смотрел на меня, и цвет его глаз сейчас напоминал штормовое море. — Но ты его подписала, а там ясно сказано, что ты обязана подчиняться мне во всем, что касается обучения.

— Это не касается обучения! — меня затрясло. — Эрик! Мы же договорились...

— Устная договоренность перед магическим договором не значит равным счетом ничего. От жестокости холодных слов на глаза чуть не навернулись слезы. Я не могла поверить в то, что мне придется расстаться с работой... с работой, которая так меня вдохновляла. Всевидящий, сегодня утром я ехала туда и тряслась от страха, но эти люди, все они, и мистер Стейдж, и его помощники, действительно оказались очень милыми. Любезными, внимательными, добрыми, а работа с ними каждую минуту была мне в удовольствие.

— Эрик, пожалуйста, — прошептала я. — Ты не можешь так со мной поступить...

— Могу. И поступлю, — в море отразились не то вспышки молний, не то огонь свечей. Снова.

— Если ты еще хоть раз вздумаешь говорить со мной о других мужчинах.

Что?!

Я молча хлопала глазами, пытаюсь переварить случившееся. То есть все, что он сейчас говорил... все, что заставил меня пережить: страх лишиться нового места, отчаяние, сомнения — это все потому, что я осмелилась с ним так говорить?

В груди что-то дрогнуло, я отшвырнула салфетку и выскочила из-за стола, чудом не опрокинув стул. Бросилась к двери, испытывая одно-единственное желание: оказаться как можно дальше от него.

Успела лишь коснуться дверной ручки, когда меня перехватили за талию и толкнули к стене. Зажатая между ним и шелком обивки, рванулась, но тщетно. Эрик перехватил мои запястья, завел руки над головой, вжимая всем телом в стену. Сейчас, когда все внутри разрывалось от обиды, эта близость не вызывала ничего, кроме желания освободиться. От него, от чувства, которое рождал внутри его голос:

— Не смей заставлять меня ревновать, Шарлотта.

Пальцы на запястьях сжались сильнее, а вторая ладонь скользнула по моей шее, заставив вздрогнуть. В том, как он вжимал меня в стену, было что-то дикое, бессовестно-острое и совершенно непохожее на случившееся между нами ночью. Неправильное, невыносимое, безумное. Притягательное и отталкивающее одновременно. Когда пальцы сжались на моей шее, перед глазами потемнело. Насколько может потемнеть в комнате, в которой и света-то толком нет.

Только бессильные язычки пламени, пытающиеся сорваться с восковой привязи.

Безуспешно.

Как я.

Он почти ничего не делал, только прижимал меня к себе, но дыхание участилось. Дыхание, которого не хватало, потому что его ладонь давила на мое горло.

По телу снова прошла дрожь, от которой мне стало страшно.

Пожалуй, страшнее, чем от того, что сейчас между нами творилось.

— Эрик, — прошептала еле слышно, насколько хватило сил. — Отпусти. Отпусти, ты меня пугаешь.

Он медленно разжал руку, так медленно, что я почти почувствовала, как моя грудь раскрывается навстречу возможности вдохнуть в полную силу. И так же медленно освободил запястья, в которые впивался тонкий узор настенной обивки.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, обернулась.

Чтобы снова увидеть это странное золото в его глазах.

— Давай вернемся за стол, — он протянул мне руку.

Помедлив, вложила в нее ладонь и вздрогнула: слишком яркими были воспоминания о том, как она сжималась на моей шее. В этом собственническом, жестоком жесте не было ничего привлекательного, но я до сих пор ощущала давление пальцев на кожу. Плавное усиливающееся с каждой минутой, заставляющее меня слабость и поддаваться этому наваждению. Усилием воли отогнала эти воспоминания, опускаясь на стул и чувствуя легкую дрожь в пальцах.

«Он любит причинять женщинам боль, Шарлотта».

— В Иньфае считается неуважением садиться далеко от гостя, — произнес Эрик, — и уж тем более разделять себя преградой стола.

Он говорил об этом так спокойно, словно между нами ничего не произошло.

— Исключение — когда гостей много. Ешь, Шарлотта. Жаркое может остыть.

И я ела, хотя кусок в горло не лез. Понимала, что нужно затолкать в себя хотя бы что-то, чтобы во время занятий желудок не начал урчать, а голова кружиться. Поэтому съела все, что он мне положил, вдобавок щедро запила это предложенным мне напитком, который на вкус чем-то напоминал приправленный травами компот. Необычно, но после него и впрямь почувствовала прилив сил. Никакой «пузырьковости» не последовало, напротив, разум прояснился, как если бы я только что проснулась.

Но в этом сне осталось то, что я отчаянно хотела забыть.

— Где мы будем заниматься? — спросила, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— В библиотеке. Начнем с теории.

— А практика? Как скоро я смогу начать практические занятия?

— Думаю, через неделю.

— Через неделю?!

— Что тебя так удивляет?

— Не знаю, — пожала плечами. — Возможно, то, что ты говорил о магии смерти. Я ведь могу кому-то причинить вред...

— Не причинишь.

— Не причиню? А что насчет кресла и ковра в ванной, которые тебе пришлось поменять?

— Это был единичный случай. Больше такое не повторится.

Он говорил, как выдавал информацию из справочника. Из весьма запутанного справочника, в котором одно слово расходилось с другим.

— Не повторится? Но ведь магия смерти...

— Твоя магия не имеет отношения к магии смерти, — Эрик повернулся, чтобы встретиться со мной взглядом.

Не имеет отношения к магии смерти...

— То есть как?!

— Твоя магия — полная ей противоположность. Ее называют магией жизни.

Не в силах поверить в услышанное, замерла. Магия жизни?!

— Но ты говорил...

— Я помню, что я говорил, Шарлотта.

Помнит?! Все это время я думала, что моя магия способна убить, все это время, когда сходила с ума от переживаний, когда мучилась от неизвестности, когда...

— Но как же то, что произошло?! Что это было?

— Это способность сродни моей. Ты тоже видишь смерть.

— Но ты... ты видишь ее, потому что ты...

Осеклась.

Внутри все мелко подрагивало, дрожь перетекала в пальцы и бежала по телу. Эрик молчал, но мне не нужны были слова, его взгляд говорил о том, что я и так знала.

Потому что я умирала. Я тоже умирала, как и он.

Вот теперь меня затрясло и затрясло по-настоящему. То, что я не помнила свою смерть, точнее, свою к ней близость, еще не значит, что этого не было.

Вскочила, комкая в руках салфетку.

— И ты только сейчас это говоришь?! Эрик, это не просто магия, это... моя жизнь. Ты должен был сказать об этом до того, как я подписала договор!

Глаза Эрика сверкнули сталью.

— Сказать тебе? Когда, Шарлотта? Я сам узнал об этом, когда ты сказала про ожившие розы. Сказать тебе, что ты умирала, когда ты и правда чуть не умерла?

Он поднялся вслед за мной, и мы оказались лицом к лицу.

— Я. Чуть. Не потерял тебя. Тогда.

Сейчас это был голос Ормана: надломленный, низкий, глухой. Не успела даже опомниться, как его ладонь легла мне на затылок, а губы прижались к моим. Раскрывая и выпивая мое дыхание, сжигая остатки сомнений. Сейчас я сама подалась к нему, отвечая на поцелуй.

Прижимаясь и чувствуя, как резкими сильными ударами отзывается под ладонью его сердце. Он целовал меня так, словно в последний раз, и этот поцелуй ничем не напоминал все, что у нас было раньше.

Рванный.

Между вздохами, которых не хватало.

От этого поцелуя горели губы. От прикосновения его ладони, мягкого и в то же время уверенно-сильного, горела я вся. До той минуты, когда Эрик хрипло выдохнул и отстранился. Если так можно выразиться: несколько дюймов между нами, текущее по коже дыхание и пальцы, перебирающие мои волосы.

— Обещай, что больше не будешь умалчивать ни о чем, что касается меня, — попросила серьезно. — Особенно о моей магии. Пожалуйста.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Обещаю. А ты обещай, что не будешь заставлять меня ревновать, Шарлотта. Ты моя и только моя.

Взгляд его потемнел, но в груди почему-то стало тепло.

Так тепло, что никакой камин не нужен.

— Обещаю, — ответила в тон ему.

— Хочешь десерт?

— Разве что чаю, — ответила, глядя в эти плывущие глаза. — А ты?

— Он у меня уже был.

Несмотря на то, что надо бы уже отучиться от этой вредной привычки, я покраснела.

— О чем ты сейчас подумала, Шарлотта?

— О том, что... нам, наверное, пора в библиотеку?

Попыталась вывернуться из его рук, но Эрик перехватил меня и привлек к себе.

— Упрекаешь меня в том, что я слишком прямолинеен?

— О чем ты?

На сей раз мое сердце колотилось так, что я не слышала собственного дыхания.

— Об откровенности. И аппетитах.

Я покраснела еще сильнее.

— Похоже, учить тебя придется не только магии, Шарлотта. Но еще и открыто выражать свои чувства и желания. Говорить о том, что тебе нравится, и не прятать глаза.

«И ничего я не прячу», — подумала я, разглядывая что-то за его спиной.

— Посмотри на меня.

— Может быть, уже займемся магией? — поинтересовалась я, глядя на темную виньетку на стене.

— Займемся. Магией.

Почему его устами даже это звучит неприлично?

— Но не раньше, чем ты выполнишь мою просьбу.

Вздохнула и посмотрела на него.

— Так о чем ты подумала, Шарлотта?

— О поцелуе?

— Это вопрос?

— Эрик! — выдохнула я. — Спрашивать о таком неприлично!

— И думать тоже, но невероятно возбуждает, правда?

Я сейчас сгорю со стыда!

— Хорошо. Сегодня я тебя отпущу, — произнес он и даже почти разжал руки.

Сегодня?

— Но начиная с завтрашнего дня ты будешь говорить мне обо всех своих желаниях, не скрываясь и не таясь.

Еще чего!

— А если вздумаете краснеть и отмалчиваться, мисс Руа, будете получать дополнительные задания.

Что-о-о?!

Мои щеки заалели так, что никакие артефакты не нужны.

— Немедленно отпустите, месье Орман!

— Немедленно? — хмыкнул он.

Но все-таки отпустил.

— Если вы так стремитесь начать обучение, — я с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить лишнего, — я бы предпочла, чтобы мы перешли в библиотеку и к этому приступили. Наконец-то.

— Как пожелаешь.

По столовой пронесся порыв ветра, загасивший уставшие дрожать свечи. Ледяная вуаль тумана протянулась по утратившей последние искорки света комнате и растаяла без следа. К счастью, в эту же минуту вспыхнули артефакты, указывая мне дорогу к дверям.

Мы прошли бесконечными коридорами, едва касаясь друг друга кончиками пальцев.

Избежать этих прикосновений не удавалось, потому что стоило мне сдвинуться к стене, Эрик тут же приближался. Честно говоря, совсем не хотелось проверять, что будет, когда между мной и стеной кончатся последние дюймы.

Остановиться пришлось у высоких дверей, запертых между колоннами: этот... месье Орман замедлил шаг и указал на узорчатые тяжелые створки.

— Мы пришли, Шарлотта.

Его пальцы едва шевельнулись — и перед глазами полыхнула фиолетовая дымка. Охранное заклинание.

— Оно тоже отрывает руку? — не удержалась. — Или сразу голову?

— Сжигает, — заметил он. — Медленно. Изнутри. Так, чтобы к прибытию хозяина вор уже корчился от боли, но был еще в состоянии отвечать на вопросы.

Поскольку слов во мне не нашлось, Эрик легко коснулся ручки и толкнул дверь.

— Прошу.

Такие двери могли бы вести в бальную залу, но вели в библиотеку.

В библиотеку, какой мне раньше не доводилось видеть. Все три этажа особняка этой бесконечной залы были заставлены книгами. На каждом имелось несколько лестниц на колесиках (каждая в своем секторе), в начале каждого коридора — каталоги, лежащие на невысоких, в половину моего роста подставках. Такую библиотеку не соберешь за год и даже за два, такую библиотеку собирают десятилетиями, а то и веками.

Откуда у Эрика, занимающегося производством мобильных, такая библиотека?

Нет, не так: откуда у Эрика, занимающегося производством мобильных в Вэлсе, такая библиотека в Энгерии?

И... почему она в Энгерии?

Глава 8

Стоило нам войти, как на стенах вспыхнули артефакты, и зал, по крайней мере, нижний его уровень, согрело теплым светом. Чтобы оценить библиотеку, пришлось задрать голову: настолько огромной она была.

Стоявший у окна одинокий стол однозначно намекал на то, что кроме Эрика ею никто не пользуется.

— Садись, Шарлотта, — Эрик кивнул, предлагая мне выбрать либо кресло у стола, либо диванчик, пристроившийся рядом.

— Ты не выносишь отсюда книги? — поинтересовалась я.

Он пристально взглянул на меня.

— Выношу.

Тогда для чего здесь эта мебель? Для меня, что ли, поставили?

Поскольку Эрик повернулся ко мне спиной, рассматривая полки, мне не оставалось ничего другого, как подойти к столу. Помедлив, все-таки опустилась на диванчик: неудобно будет, если я займу его место. А он неожиданно вскинул руку, и на моих глазах книга с третьего этажа буквально выскочила с полки. Словно подчиняясь невидимому аркану, мягко легла ему в руку. То же произошло еще с несколькими, он собирал их, не двигаясь с места и даже не заглядывая в каталог.

Я же замерла, глядя на то, как легко он управляется с магией. То, что мне довелось видеть раньше, скорее напоминало демонстрацию силы или было необходимостью (например, портал, когда он перебросил нас к полицейскому участку), но сейчас... Эрик напоминал пианиста, к которому по невидимым струнам стекалась мелодия знаний. Движения его пальцев, легкие и уверенные, подчиняли пока что неведомые мне силы.

— Все, — сообщил он, развернувшись на каблуках и направляясь ко мне. — Пожалуй, для начала хватит.

Для начала?

На стол легло восемь увесистых книг. Большая часть из них была написана на вэлейском, но внимание привлекла одна, на совершенно незнакомом мне языке. По крайней мере, корешок прочитать так и не удалось.

— Древний арнейский, — пояснил Эрик. — Язык армалов.

— А... понятно, — сказала я.

Хотя на самом деле понятно было только то, что в этой книге мне ничего не будет понятно.

Наверное, эта мысль отразилась в моих глазах, потому что Эрик снял несколько верхних книг и вручил мне «Арнейский для начинающих магов».

— Это тебе поможет, — произнес он. — На первых порах.

— Я думала, на первых порах мне поможешь ты.

— Разумеется. Но если ты действительно хочешь чего-то достичь в магии, тебе придется учить арнейский, Шарлотта. На нем написано большинство мало-мальски стоящих книг.

— Разве не существует переводов?

— Частично. Большую часть знаний сильные маги предпочитают хранить на древнем языке.

Еще раз окинула взглядом библиотеку: чем дальше я здесь находилась, тем больше становилось не по себе. Это же не просто книги, это, судя по всему, настоящее богатство.

— Откуда они у тебя? — спросила негромко.

— Эта библиотека принадлежала моему отцу.

Эрик так резко дернул кресло, что оно жалобно скрежетнуло ножками.

— Сюда, Шарлотта.

Вспомнила, что он говорил об отце, и продолжать разговор не решилась. Можно ли считать правдой то, что услышала во сне? Зная Эрика, можно. Судя по непроницаемому выражению лица, говорящему не больше, чем маска, тема семьи была для него не самой приятной.

— Прости, — произнесла негромко и коснулась его руки. — Я не хотела.

В его глазах мелькнуло что-то странное: едва уловимое, настоящее, живое и острое.

Мелькнуло, чтобы тут же исчезнуть за привычной отстраненностью.

— Вернемся к обучению.

Он указал на книги. Точнее, на ту, что положил рядом со мной. Остальные разместил на столе в понятном ему одному порядке.

— «Основы магии жизни». Начнем с нее. И еще вот с этого, — Эрик уперся пальцами в книгу и подвинул ближе ко мне.

«Таинства грани».

Название на вэлейском однозначно намекало, что этот трактат толщиной с мою ладонь принадлежит к разделу некромагии.

— Из-за своей особенности ты будешь уходить на грань, поэтому нужно научиться делать это осознанно. В том числе выбираться оттуда, когда это происходит не вовремя.

— Все книги на вэлейском, — пробормотала я.

— Тебя это смущает?

— Нет.

В силу того, что мне приходилось работать гувернанткой, вэлейский я знала хорошо.

— Но я все равно сомневаюсь, что мне известны все магические термины, и...

— Для этого у тебя есть я, — заметил Эрик.

Он опустился на подлокотник дивана и едва повел рукой. Над нами тут же вспыхнул магический светильник.

— Начнем с азов. Пожалуй, первое, что тебе стоит знать о проводниках...

Подтянула к себе бумагу, лежавшую на подставке, и чернильницу. Перьевая ручка оказалась на удивление удобной, не в пример той, что были у Вудвордов. Перо скользило по листу с такой легкостью, словно я писала по шелку.

Я узнала о том, что проводников (таких, как мы с Эриком), в мире насчитывались единицы. Что в отличие от магов смерти (некромагов) и некромантов, мы не могли управлять глубиной тьмы, которая таится за гранью. Управлять не могли, зато могли видеть то же, что и они: обратную сторону жизни. Гранью называли пространство между миром живых и миром мертвых, где обитали призраки. То есть сгустки эмоций погибших на пике чувств людей.

Когда Эрик об этом рассказывал, по коже тянуло холодом. Оставалось только радоваться, что мой дар не настолько темный, как я считала в самом начале.

— «Таинства грани», — он указал на книгу. — В конце занятия прочитаем первые два параграфа. Вместе. Там самое начало, о подводных камнях, с которыми ты можешь столкнуться.

— Ты уверен, что я больше не смогу... — потерла ладони друг о друга. — Ну... никому навредить.

— Уверен, — произнес он.

— Но почему?

— Потому что магия жизни — единственное, что может запечатать проводника. Чем больше ты будешь осваивать свою силу, тем быстрее будешь отдаляться от грани. И от тьмы, которая способна прорваться через тебя в мир.

Теперь мне стало полегче. Чуть-чуть.

— А пока я не отдалилась? Это же произошло из-за сильного потрясения, и...

— А пока ты не отдалилась, Шарлотта, я буду рядом, — Эрик серьезно посмотрел на меня. — И не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. Ни с тобой, ни с кем-нибудь еще. Алаэрнит и связующий артефакт у тебя не просто так. Кстати, где они?

Ой.

В библиотеке повисла пауза. Тяжелая такая, давящая.

Эрик подался вперед и оперся ладонями о спинку кресла, заставляя меня вжаться в обивку.

— Ты не взяла их, Шарлотта? — негромко произнес он.

Так, что по коже побежали мурашки.

— Нет.

— Нет? Я правильно понимаю, что ты оставила камень мага и связующий артефакт, который я тебе дал для защиты, непонятно где?

— Не непонятно, — выдохнула я. Желание вжаться в спинку еще сильнее не помогало: кресло пружинило и выталкивало меня обратно к Эрику. — Они в моей шкатулке с драгоценностями...

— Шарлотта.

Он даже голос не повысил, но я вцепилась в подлокотники.

— Скажи пожалуйста, что непонятного в том, что тебе нужно постоянно носить защиту?!

Он не двинулся с места, но от его голоса по коже шел мороз.

— Эрик, это произошло случайно!

— И какая же случайность заставила тебя пренебречь правилами безопасности?

Ирвин.

Это был Ирвин, который явился ко мне со своими новостями. Я почти собралась, мне оставалось только незаметно прикрепить этот связующий артефакт и взять с собой кольцо с камнем, но после встречи с Ирвином все вылетело из головы.

Все, кроме мыслей об Эрике, и...

И об этом я ему сказать не могла.

— Я просто забыла.

— Просто забыла, — повторил он.

Оттолкнулся от спинки кресла и выпрямился, но дышать почему-то легче не стало. Возможно, из-за грозовой бури в потемневших глазах. Мне кажется, я уже начала различать, когда они темнеют так, что жить можно, а когда лучше прятаться под стол. Вот сейчас мне хотелось сделать второе, но что-то подсказывало, что это не поможет.

— Эрик, но мы же собирались в театр с тобой! Что может случиться, когда ты рядом? — я чуть подалась вперед и закусила губу.

— В экипаже ты ехала без меня, Шарлотта. Сегодня на работе ты была без меня. Туда и обратно тоже добиралась без меня.

Он произнес это так, что я почувствовала себя маленькой и глупой.

— Вот именно! На работу! Я волновалась перед выходом на новую работу! — вскочила. — Ты хоть представляешь, что это для меня значит?! Я даже не вспомнила, что...

— По-твоему, новая работа серьезнее, чем пробудившаяся в тебе магия? — жестко спросил он. — Или чем то, что случилось на прошлой неделе?!

Вот теперь его взгляд обжег, насколько способно обжечь свинцовое небо.

— Спасибо, что напомнил! — огрызнулась. — А теперь, когда ты меня отчитал, может быть, продолжим?

— Непременно, — произнес Эрик. — После того, как ты отработаешь свое наказание. Что?!

— За что ты хочешь меня наказать?! — выдохнула я. — За то, что так торопилась в театр, что забыла надеть артефакт?! Или за то, что слишком волновалась перед первым рабочим днем?

— За то, что ты пренебрегаешь мерами безопасности, — он шагнул ко мне, я отступила, но наткнулась на стул. — За то, что рискуешь собой. За то, что не слушаешься и не доверяешь мне, Шарлотта.

— Что?

— Не доверяешь. Мне, — повторил Эрик. — И этому мы тоже будем учиться. Повернись.

— Нет, — выдохнула я, чувствуя, как все тело охватывает дрожь.

— Ты хочешь продолжать обучение?

— Хочу, но...

— В таком случае тебе придется мне подчиняться. Иначе у нас ничего не получится.

— Подчиняться, доверять или слушаться? — поинтересовалась я, с трудом сдерживая сарказм.

— Все вместе.

Он не двигался с места. Не пытался до меня дотронуться. Вообще ничего не делал, просто стоял и ждал, но это молчание и темный взгляд почему-то давили с каждой минутой все сильнее. Я чувствовала, как напряжение стягивается в узел где-то в груди, мешая дышать и мыслить здраво.

— Эрик, — прошептала я. — Давай сегодня обойдемся без наказаний. Ну пожалуйста. Всего один раз, и я обещаю, что больше никогда не забуду артефакт и камень. И вообще ничего не забуду, правда.

— Не забудешь, — подтвердил он. — Повернись, Шарлотта.

Сказано это было спокойно и холодно.

Чувствуя, как все внутри скручивается от напряжения, повернулась.

— Что ты собираешься делать?

Голос не дрогнул, но я была к этому очень близка.

— Узнаешь. Подойди к столу.

Тут и идти-то особо не надо было, обогнуть кресло, из которого меня выдернули... точнее, я сама себя выдернула, но мысли путались и разбегались. Он что, действительно хочет меня наказать? И что будет делать? Перед глазами почему-то вспыхнула клятая линейка, и я зажмурилась. Вцепилась пальцами в краешек стола.

Не станет же он...

— Эрик, ты...

— Шарлотта. Еще один вопрос, и наказания будет два.

От такого заявления задохнулась и решила, что вообще говорить с ним не буду. Вот не буду, и все. Обидно было дальше некуда, пусть даже я сама виновата, что забыла этот дурацкий артефакт, но я ведь правда собиралась его надеть!

Если бы знала, что все так будет, вообще не пошла бы в театр. И договор бы не подписала, и...

— Убери книги.

Пальцы почти не слушались, но я все-таки собрала книги и сложила их в две аккуратные стопки, чтобы не развалились.

— Теперь ложись. Поперек.

Я вцепилась в стол и замерла, из-за спины не доносилось ни звука. Ни звука, ни шороха, ничего, что вообще как-то определяло его присутствие. Тишина резала слух до той минуты, пока я медленно подалась вперед, коснувшись раскрытыми ладонями полированной поверхности. Сердце дергалось, сбиваясь с ритма и сбивая дыхание, но вместе с этим внутри рождалось какое-то странное чувство, понять которое я не могла. Будоражащее, заставляющее то плотнее сжимать губы, то покусывать их. Опускаться все ниже и ниже, вытягиваясь по столу струной. От тишины и неопределенности все чувства обострились настолько, что даже прикосновение ткани платья к коже ощущалось иначе... ярче.

— Теперь о наказании.

Шагов я не слышала, а значит, Эрик все еще стоял чуть поодаль.

— Чтобы ты больше ничего не забывала, будем тренировать твою память.

Что?! Облегчение нахлынуло одновременно с недоумением. Я решительно не представляла, как можно тренировать мою память в таком... гм, положении. А главное — зачем.

— Сейчас я буду рассказывать тебе основы магии жизни. Первое, что тебе нужно делать — внимательно слушать. Запоминать. Когда мы закончим, перескажешь мне все, что узнала. А?

— Все время, что я буду говорить, ты должна оставаться неподвижной и молчать. Ни звука, Шарлотта. Если справишься со всеми условиями, наказание будет засчитано. Если нет... «Я еще что-нибудь придумаю», — прозвучало невысказанное у меня в сознании.

Нет уж, лучше я ему основы магии жизни перескажу, лежа поперек стола.

— Ты все поняла?

— Да, — выдохнула недоуменно.

— Хорошо. Разрешаю держаться за край стола. Больше никаких движений.

За край стола?!

Я все равно решительно не понимала, что он собирается делать: до той минуты, когда сзади раздался скрежет отодвигаемого кресла, а потом мои юбки потянули наверх.

— Ты ненормальный! — вырвалось у меня.

За что ягодицу тут же ожег удар, отозвавшийся на коже огненной вспышкой.

— Я не разрешал тебе говорить, Шарлотта, — напомнил он.

Не разрешал?! Говорить?!

Да он... он...

— Магия жизни. Армалы называли ее «Aelmaries viaene», что означает «Вечный свет», — его ладонь скользнула по пылающей ягодице, сминая ее через ткань панталон. Не знаю, почему это вышло так остро: я вздрогнула всем телом, вовремя подавив желание дернуться. — На самом деле эта сила действительно самая светлая, которую только можно представить. Раньше ее противопоставляли магии смерти, их природа действительно в чем-то схожа.

Эрик говорил так спокойно, словно я не торчала перед ним с задранными до пояса юбками. Все это было настолько дико, неправильно, ненормально... Мысли путались, не желая сходиться на его словах, стоило немалых усилий сосредоточиться на том, о чем он говорит. Особенно когда он оставил в покое горящую ягодицу и скользнул пальцами между ног.

— И первое, и второе способно как возродить, так и уничтожить. Но если магия смерти обращается к глубине потусторонней тьмы, магия жизни проистекает из силы природы, из того, что принято называть жизнью, светом, всем сущим. Она берет свое начало из нашего мира, — Эрик поглаживал внутреннюю сторону бедер, заставляя чувствовать себя донельзя испорченной и развратной. Потому что мне это нравилось, нравились его прикосновения, нравились его ласки, сколь бы бесстыдными и порочными они ни были. — Хотя существует теория, что магия жизни — наследие элленари, как их называют в Энгереи.

Пальцы скользнули в разрез панталон, медленно прошлись между влажных складок, и вот теперь я действительно вцепилась в край стола. Закусила губу и зажмурилась, стараясь ничего не упустить.

— Магия жизни в большинстве своем применялась в возделывании земель, садоводстве и скотоводстве. Она очень плавная, — движения там, внизу, тоже были плавными, а если быть точной — плавающими. От его прикосновений хотелось выдохнуть стоны, вместо этого я только сильнее сжимала пальцы на краю стола. — Мягкая и естественная. Светлая, согревающая. Поэтому очень легко переоценить свои силы, особенно на первых порах. Особенно начинающему магу.

Мне не хватало воздуха: корсет давил на ребра чересчур сильно, хотя еще пять минут назад я этого почти не замечала. Вжимающаяся в поверхность стола грудь, отделенная от нее преградой верхнего и нижнего платья, стала невыносимо, болезненно-чувствительной. Хотелось дотянуться до нее, сжать в ладонях, перекачивая между пальцами напряженные соски.

Всевидящий...

Когда я успела стать... такой?!

— Маги жизни очень тонко чувствуют этот мир: природу, животных, людей. Они способны восстановить увядающие цветы, вдохнуть жизнь в засыхающее дерево или замерзший урожай.

«Хватит, — подумалось мне. — Хватит, или я сойду с ума».

Когда его пальцы касались чувствительной точки, по телу шла дрожь. Касались мягкими, круговыми движениями, бесстыдно-мучительными, от которых внутри все сладко сжималось и хотелось большего. Большого, хотя там все еще саднило, особенно когда я поднималась или садилась. Но ни за что на свете я бы не сказала такое вслух, не сгорев от стыда.

— Их общение с животными — это что-то уникальное...

Сам ты животное!

Бессердечное животное, которому доставляет удовольствие меня мучить.

— Общение на уровне магии, позволяющее чувствовать каждое живое существо. Его боль, страх, агрессию, привязанность — любую эмоцию. Не только чувствовать, но смягчать... — поглаживание стало почти невесомым. — Или усиливать. Именно поэтому со стороны кажется, что маги жизни понимают язык животных.

Движения стали более резкими, настойчивыми. Теперь уже мне хотелось кричать, от накатывающего волнами наслаждения: подступило — схлынуло — снова набирает силу. Недавно я сравнила Эрика с музыкантом, и сейчас в голову пришла абсолютная дикая мысль. Он играет на мне, точно зная, на какую клавишу я отзовусь, а какая понизит тональность.

— Поначалу их сравнивали с целителями, — пальцы сменились ладонью, в которую невыносимо хотелось вжаться. Ладонью, которая замерла, заставляя считать секунды... или минуты промедления, превращая происходящее в иступленно-сладкую пытку. — Даже пытались доказать, что природа их магии берет свое начало от одного источника, но нет. Целители черпают силу...

Ладонь снова сменилась пальцами, и я вздрогнула. Эрик поглаживал вход в мое тело, заставляя все сильнее кусать губы. Желать продолжения и в то же время страшиться этого. Как же сладко, как же горячо...

А-аах...

С ужасом напряглась, понимая, что выдохнула стон.

И не только. Кажется, даже упустила что-то, потому что следующая его фраза никак не была связана с предыдущей:

— ... то, что способно навредить окружающим.

А потом все прекратилось.

Вместо пальцев по чувствительным складкам скользнул прохладный воздух, я услышала шорохправляемых юбок и его голос:

— Поднимайся, Шарлотта.

Что... что-о-о?!

— Поднимайся, — повторил он в ответ на незаданный вопрос.

Кое-как оттолкнулась дрожащими ладонями от стола, выпрямилась. Чувствуя, как пылает лицо, как пылает внутри, как низ живота тянет — болезненно-остро — неудовлетворенным желанием. Повернулась к нему, но его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Вот совсем, словно из камня вылепили.

— Садись.

Холодный приказ.

— Продолжим занятия.

Садись?! Продолжим занятия?!

Меня так потряхивало, что дыхания не хватало. Я схватила первый попавшийся под руку том и со всей силы шмякнула им Эрика по голове.

То, что произошло, поняла только в тот момент, когда книга вырвалась из моих рук и свалилась на пол.

Между нами.

Перевела взгляд на лицо Эрика, который смотрел на меня. Смотрел очень пристально, и если до этого я собиралась спрятаться под стол, то сейчас нужно было бежать. Бежать, при том очень быстро, в сторону улицы.

Только я больше бежать не собиралась.

— Кто я тебе, кукла?! — выдохнула севшим голосом. — Игрушка, которую можно приласкать, а потом ударить побольнее?!

По сути, мне и бежать-то особо некуда, даже второй дом, где сейчас все мои вещи, принадлежит Тхай-Лао. А Тхай-Лао целиком и полностью на его стороне, в этом я сегодня убедилась. Воля Эрика для него закон, вот уж кто наверняка подчиняется по полной!

— Когда я соглашалась на обучение, — сжала кулаки. — Я доверилась тебе. Ты говоришь о доверии, но о каком доверии может идти речь, когда я не знаю, чего от тебя ждать?! Что тебе взбредет в голову в следующую минуту?

Дыхания не хватало, глаза немного жгло, но я все равно продолжала говорить:

— Нравится?! — прошептала, указывая на книгу. Прошептала, потому что боялась, что просто позорно разревусь. — Нравится неожиданно получить по голове, когда совсем этого не ожидаешь?!

Терять мне все равно было уже нечего: если за повышение голоса или забытую побрякушку полагается наказание, то после такого... Пусть даже я сделала это неосознанно, сейчас ни капельки об этом не жалела! Пусть внутри все сжималось, решительно шагнула к нему, оказавшись лицом к лицу. Пусть знает об этом.

Пусть знает, что я его не боюсь!

— Это все? — холодно поинтересовался он.

Так холодно, что меня даже внутри охватил озноб. Я поняла, что сейчас меня спеленают заклинанием, а потом продолжат начатое. И хорошо, если здесь, а не в ванной, с бамбуком. Подавила желание отступить, глядя в свинцовую грозовую хмарь.

— Начнем с доверия, — жестко произнес Эрик. — Я доверил тебе камень, принадлежащий моей семье. Камень, которых в мире остались считанные единицы, остальные либо потеряли силу, либо безвозвратно утеряны. Почему? Потому что после того, что случилось, мне нужно было знать, что ты в безопасности. Что твоя магия не вырвется бессознательно, вытягивая из тебя силу. Что тебя снова не попытаются увезти, причинить вред, так или иначе. Для этого я дал тебе связующий амулет, которым ты просто-напросто пренебрегла. Потому что для тебя это неважно.

Открыла было рот, чтобы возразить, но он не позволил.

— Дальше. Доверие — есть доверие, Шарлотта. Ты либо доверяешь, либо нет. Безо всяких условий. В противном случае это не доверие, а тонкий расчет на видимость благополучия, которую нам вбивают в голову с детства. Доверие — это возможность повернуться к человеку спиной, закрыть глаза и позволить ему делать все, что угодно. Зная, что он не причинит тебе вреда.

Пальцы Эрика легли на мой подбородок, не позволяя отвернуться.

— И последнее. Принимая правила, Шарлотта, нужно их соблюдать. Ты подписала договор, но постоянно пререкаешься, споришь, пытаешься защищаться. Та же ситуация с наказанием. Ты согласилась, когда сказала: «Да». Ты признала, что понимаешь и принимаешь мои условия.

— Тебе не приходило в голову, что это может быть мне неприятно? — сбросила его руку. — Что я не хочу чувствовать себя вещью, которую... которую используют! Взгляд его потемнел до черноты.

До черноты, в которой отразилась я сама, взволнованная и бледная.

— Тебе было неприятно? — он жестко посмотрел на меня. — Я сделал тебе больно?

Больно? Нет, это не было больно. Даже тот шлепок отзывался румянцем на щеках и желанием продлить бессовестные ласки, но сейчас я бы ни за что себе в этом не призналась, а особенно — ему!

— Нет.

— Тогда в чем дело?

В чем?

— В том, что я не хочу, чтобы меня наказывали!

— Со мной иначе не получится, Шарлотта.

— Почему?!

— Потому что мне нравятся такие игры. Нравится, когда ты мне доверяешь. Себя.

Я или Камилла? Или это неважно?

К счастью, это всего лишь мысли.

Не более настойчивые, чем мысли о том, что...

«Он любит причинять женщинам боль».

Такие игры он сейчас подразумевает?

— А если они не нравятся мне, Эрик? Если меня это пугает?

Мне и правда не по себе. Настолько не по себе, что даже дрожь проходит по телу, но я ведь знала все заранее, правда?

— Значит, я просто поторопился.

— Просто поторопился?

— В этом нет ничего страшного. Остается один главный вопрос: доверия. Я больше не буду его задавать, Шарлотта. Тебе нужно решить самой.

Решить — что? Хочу ли я повторять за ним магическую теорию, пока он меня ласкает?

Сгорать от желания, когда отталкивает за миг до накатывающего волнами наслаждения и приказывает садиться? Или это только начало? Определенно, это только начало.

Ото всего этого просто голова идет кругом.

Передо мной мужчина, который спас мне жизнь. Мужчина, который был так нежен со мной прошлой ночью. Мужчина, которого я не могу понять, как ни стараюсь.

— Я хочу домой, — говорю я.

— Домой?

— Да. Сегодня. Сейчас.

Мне нужно время, чтобы подумать. Этого я не говорю, но подразумеваю.

Не уверена, что у меня есть дом. Как назвать то место, где я еще ни разу не была? Мансарда и то была роднее: по крайней мере, там я себя чувствовала свободной. Свободной от странной тьмы, которая временами ложится на мои плечи, когда я рядом с ним. Свободной от этих странных игр и непонятных желаний, которые разрывают меня на части. Свободной от сомнений, которых во мне сейчас гораздо больше, чем ответов на них.

И в то же время тогда я не испытывала этой странной тоски, которой тянет под сердцем, когда я представляю себе, что Эрика в моей жизни больше не будет.

Это откровение ударяет навывлет, так остро и больно, что на глаза действительно почти наворачиваются слезы. Глупое чувство: когда и как оно проросло во мне? Осознание только добавляет сомнений, и вот теперь это уже точно — перебор.

— Хорошо, — он смотрит на меня как-то странно. — Сейчас я отвезу тебя и Сюин.

— Не надо. Просто вызови нам экипаж. И пожалуйста, позволь его оплатить самой.

— Ты помнишь условия договора, Шарлотта?

— Помню, — это выходит резко. — И там нет ни слова о том, что я должна принимать от тебя подарки или денежную компенсацию. Я — твоя ученица, Эрик. Возможно, любовница. Но я не твоя содержанка.

В жестком прищуре жесткий отказ, но я тоже умею быть жесткой. Или учусь. Я ведь хорошая ученица.

Спокойно смотрю на него и жду.

— Сегодня, Шарлотта, — говорит он неожиданно. — Тебе можно все. Но только сегодня. Мы поговорим обо всем завтра, когда ты успокоишься.

Завтра.

Не знаю, что будет завтра, но сейчас мне хочется только одного: обнять мисс Дженни, уткнуться носом в густую шерстку и спать. Спать без снов, в которых я буду оплетена веревками, которые позволила накинуть на себя сама.

Эрик

Шарлотта ушла и сразу стало пусто. Настолько пусто, насколько вообще способен чувствовать пустоту тот, кто сам ею является. В его жизни слишком долго не было места тому, что он испытывал сейчас, возможно, именно поэтому подобрать этому определение не получалось. В том, что на любовь не способен, Эрик убедился окончательно и бесповоротно. Страсть, наваждение, болезненное помешательство — возможно, но только не любовь. Столько света не найдется даже в этой девочке. Столько света, чтобы развеять бесконечную тьму, клубящуюся внутри.

А ведь вчера ночью он почти поверил в то, что это возможно. Почти поверил, когда прижимал ее к себе: спящую, безумно прекрасную и еще более желанную даже после такой неистовой умопомрачительной близости. Казалось невозможным хотеть ту, которую только что получил (как бы мерзко это ни звучало), но он хотел. Хотел еще больше, чем до того, как по-настоящему прикоснулся к ее чувственной нежности. Откровенной, искренней, безусловной, с какой ни разу в своей жизни не сталкивался.

Она отдавалась ему, не думая о том, что будет потом.

Завтра.

Через месяц или через год.

Отдавалась, ничего не требуя взамен.

Отдавалась так неистово и так безрассудно, как, наверное, способна только она.

Чуть позже, засыпая в его объятиях, Шарлотта улыбалась. Вглядываясь в эту улыбку, Эрик почти позволил себе поверить в это счастье.

Пока не пришел новый приступ.

Приступ, которого не случалось долгие годы. До встречи с ней.

Тщательно запертые чувства не позволяли клубящейся тьме и безумию прорываться в этот мир. Мерзость, которая подтачивала его изнутри, гнилые страшные мысли, жестокость и собственное проклятие, именуемое смертью. Он даже не сразу понял, что произошло, когда в ушах зашумело. Отчетливо ощущалось лишь пульсация под пальцами: ниточка тонкого пульса на ее запястье. Желание сдавить хрупкие руки в браслетах пальцев, впиваться в губы не поцелуями, а укусами. Слышать не стоны, а крики, снова и снова грубо врываясь в это хрупкое тело, жестко и яростно. Желание темное, как он сам, обрушилось на него вместе с рвущейся на свободу тьмой.

Разжав руки, отпрянул от сладко спящей Шарлотты, сдернул себя с кровати.

Из зеркала на него смотрело отражение собственного безумия: залитый золотом взгляд и черная радужка, неестественно-жуткие глаза на бескровном лице и судорога, сводящая пальцы. Голова разрывалась от боли, недавняя нежность, от которой сжималось сердце, отзывалась внутри лишь глухим раздражением.

Усилием воли вытолкнул себя за дверь, направляясь к дальней лестнице. Перила крошились под текущей с пальцев магии искажений, позолота осыпалась во тьму, как искры золотой мглы, раскалявшей его изнутри.

Образ Шарлотты неожиданно возник перед глазами: припухшие от его поцелуев губы, широко раскрытые глаза, высоко вздымающаяся грудь. Мысленно он снова был с ней, впиваясь зубами в нежную кожу и оставляя на ней ожоги укусов. Крики, да-а-а... ее крики были бы самой сладкой музыкой. А после он с удовольствием посмотрел бы в ее глаза, чтобы спросить:

— Я нравлюсь тебе таким?

Настоящим, Шарлотт-а-а-а... Ты же хотела увидеть меня без маски.

Сквозь окутывающее разум безумие прорывалась одна мысль.

Нельзя.

Нельзя думать о Шарлотте.

Только не о ней и не о той нежности, с которой все началось.

Лестница натужно закрипела, когда с ладоней сорвалась магия и ударила в ступеньки.

Хруст и шипение, он перешагнул через проломленные оплавленные доски, представляя водопад.

Потоки ледяной воды, обрушивающиеся с высоты с немыслимой силой.

Спокойствие. Концентрация. Никаких чувств.

Глубокий вздох — и воздух снаружи показался раскаленным. Он знал, что это действие золотой мглы. Знал, поэтому выдох сорвался с губ облаком солнечных мерцающих искр.

Шаг, еще шаг. И еще.

Коридор показался бесконечным, а новый поворот привел к мастерской. Толкнув двери, ввалился внутрь, зажигая магические светильники. Они растеклись по кругу, и тогда Эрик тяжело оперся ладонями о стену, выравнивая дыхание. Приступ миновал, но в памяти отчетливо звучали собственные мысли.

Шарлотта.

Обнаженная.

Растянутая на веревках, оплетающих ее тело. Кричащая под ним от черной животной страсти... или от страха.

От боли.

Золото перед глазами еще сменяло тьму, но безумие уже отступало. Отступало, унося за собой обломки разбившихся о берег реальности надежд. С какой стати он решил, что ему позволено испытывать нежность? Джинхэй предупреждал, что любое сильное чувство приведет к такому. Любая эмоция разрушит хрупкую плотину контроля и приведет к непредсказуемым последствиям.

Нельзя позволить этому случиться.

Особенно теперь, когда рядом с ним она.

В такие минуты он предпочитал находиться не здесь, в сыром ледяном подполе, возвращающем трезвость ума. Там, где можно разрушать, не причиняя вреда никому, кроме себя.

Сегодня обошлось, но что будет завтра?

Что случится завтра, если он еще раз позволит себе окунуться в такую светлую, отчаянную, яркую нежность этой девочки?

Оттолкнувшись от стены, пошатнулся и направился к прикрытому тканью мольберту.

Сбросил ее, отшвырнул в сторону и задохнулся от обрушившихся на него чувств.

Шарлотта.

Обнаженная.

В оплетающих тело веревках, но все равно удивительно светлая.

Он смотрел на картину, смотрел на

нее

до тех пор, пока вместо чувств не осталась одна ледяная пустота, с которой он давно стал на «ты». Только после этого опустился на стул, потянулся к палитре и принялся смешивать краски. Банка с водой, которая всегда здесь стояла (на всякий случай), подчиняясь магии проскрежетала по полу, расплескав половину содержимого.

Закончить оставалось всего-ничего, и сделать это стоило сейчас.

Прямо сейчас убедиться в том, что Шарлотте в его лице больше ничего не угрожает, что он сможет смотреть на нее и держать себя в руках.

Что он никогда не позволит собственной тьме коснуться ее.

Вынырнув из воспоминаний, отодвинул портьеру. Она шла вместе с Сюин к экипажу, который просила вызвать. Шла, расправив плечи и вскинув голову, считая, что ему нет никакого дела до того, что между ними произошло. Вряд ли она понимала, что происходящее между ними сейчас — большее из того, что он может себе позволить.

Себе.

Ей.
Им двоим.
Нет, он никогда ее не отпустит. Пусть даже никогда не сможет ей дать больше того, что есть.
Отец называл его ничтожеством, но он ошибался.
Не ничтожество.
Чудовище.
Вот что он такое.
И этого не изменить никому.

Глава 9

Шарлотта

— Не представляю, каким нужно быть идиотом, чтобы такое написать, — Джон отшвырнул газету в сторону, а Ричард тактично кашлянул. Молодой человек взглянул на меня и слегка покраснел. — Прости, Шарлотта.

В нашей художественной мастерской мы еще вчера договорились называть друг друга по именам, и, признаться честно, это мне нравилось. Никаких тебе официальных «мисс Руа», «мистер Фард» и «мистер Рэнгхольм», никаких отстраненных взглядов, каменных лиц и напускной вежливости, за которой непонятно что скрывается. Все просто и легко.

Если бы все было так просто и легко.

— Ничего страшного, — я махнула рукой и тыльной стороной запястья заправила выбившуюся из прически прядь за ухо. — Что там написали-то?

Джон скривился.

— Очередное дерь... Прости, Шарлотта.

Ричард расхохотался.

— Джонни у нас известный сквернослов, но кажется, ему придется справляться с этой вредной привычкой. Иначе весь день будет повторять как заведенный: «Прости, Шарлотта».

Джон ткнул его локтем в бок: точнее, попытался, потому что Ричард увернулся и, хохоча, направился к разложенному на полу эскизу. Темноволосые, невысокие и коренастые, они были чем-то неуловимо похожи. Возможно, из-за того что слишком долго работали вместе, переняли друг у друга повадки, жесты и даже отчасти мимику. Если не присматриваться, мужчин можно было бы принять за братьев. Ричард старший, а Джон младший.

Улыбнулась собственным мыслям, подняла валяющуюся на полу газету и развернула.

Впрочем, долго на моем лице улыбка не продержалась, померкла, стоило увидеть заголовок.

«Скандалная труппа, поджав хвост, бежала из Лигенбурга»

Пусть я и знала, что ничего хорошего там уже не увижу, все равно зачем-то продолжала читать.

«На прошлых выходных случился грандиозный конфуз: спектакль «Лацианские страсти», который давала приезжая труппа, был встречен энгерийцами очень и очень холодно. Неудивительно, ведь тема, которая в нем поднимается, в любом приличном обществе достойна осуждения и порицания.

В этой бесстыдной пьеске рассказывается о гулящей женщине, которая мало того, что согласилась стать содержанкой, так впоследствии еще и изменяла мужчине, вынужденному взять на себя бремя заботы о ней. Разумеется, оправдывать подобное поведение со стороны мужчины было бы с нашей стороны ханжеством...»

С губ сорвался смешок. Я подавила желание отшвырнуть газету, как это только что сделал Джон: ханжеством в этой статье была пропитана каждая строчка. Тем не менее из какого-то чистого упрямства я продолжала это читать.

«Достойным финалом для такой мерзости стало бы раскаяние или гибель распутницы, чей образ жизни порочит каждую достойную женщину, вынужденную смотреть этот ужасный фарс...»

Да, вне всяких сомнений каждую достойную женщину в зрительном зале просто гвоздиками к креслу приколотили, ну или малярным клеем приклеили. Другого объяснения, почему они просидели до конца спектакля, я найти не могла.

«Разумеется, весь высший свет и прочие зрители были шокированы подобным, поэтому аплодисментов горе-актеры не дождались. Единственную попытавшуюся встретить этот позор овациями быстро вывели из залы, чтобы избежать позора».

Отшвырнуть, говорите?

Теперь мне захотелось разорвать эту газету на мелкие клочки и затолкать написавшему это журналисту в... В то место, на котором он сидел, когда сочинял эту пафосную мерзость. — Шарлотта, у тебя выражение лица какое-то кровожадное, — заметил Ричард, который дорабатывал верхнюю часть фасада.

— А я говорил: не читай, — хмыкнул Джон, растушевывая оконную раму.

Еще немного, и я начну выражаться не хуже него, поэтому глубоко вздохнула и мило улыбнулась.

Пробежала глазами последние строчки:

«Маэлонские развратники уносили из Энгерии ноги под свист и улюлюканье. В гостинице, где они остановились изначально, им отказали в номерах, пришлось перебраться в место подешевле и попроще, чьи владельцы были не столь щепетильны. На следующее утро они уехали дилижансами, не дожидаясь поезда».

Пусть эта история станет хорошим уроком всем тем, кто...»

Я услышала какой-то странный звук и не сразу поняла, что газета развалилась на две части. Точнее, я ее разорвала: это выяснилось, когда я перевела взгляд на неровные половинки. — Туда ей и дорога, — фыркнул Джон. — Этой макулатуре. Пойдем лучше эскиз делать. Скоро Стейдж явится, а мы тут чай гоняем.

Швырнула «Светоч» в корзину для мусора и поднялась, следом за коллегой.

Чай мы и правда пили, здесь такое не возбранялось. С очень вкусным печеньем, которое испекла жена Джона, и пирожками, которые готовила мама Ричарда. Последнее вообще пришлось очень кстати, потому что проснулась я абсолютно без аппетита и завтракать дома не стала. Вчера вечером думала, что засну, стоит мне остаться одной и накрыться одеялом,

вот только этим мечтам не суждено было сбыться. Мисс Дженни пришла убаюкивать меня теплым мурчанием, но убаюкалась сама. Я же еще полночи ворочалась с боку на бок, пытаюсь уложить в голове все случившееся.

Укладывалось оно плохо.

Эрик вел себя так, словно происходящее было для него абсолютно естественным. Естественно задрать мне юбки и приказать молчать, естественно прервать ласки и вернуться к занятиям, как ни в чем не бывало. Нежность и жесткость, а если уж посмотреть правде в глаза — жестокость, свет и тьма переплетались в нем таким причудливым образом, что понять какой он настоящий, просто не представлялось возможным.

Любые попытки поговорить о нем пресекались и откладывались на потом.

Взять хотя бы тот случай в театре, когда я попыталась расспросить его о странном поведении де Мортена. Почему они смотрели друг на друга, как два зверя, подобравшиеся перед прыжком. Хотя нет, герцог больше напоминал охотника, опытного и знающего гораздо больше, чем остальные. Не считая мишени. А мишень в ту минуту сжимала пальцы на трости, внутри shaft которой скрывалось от посторонних глаз смертоносное лезвие.

— Шарлотта, ты сегодня все утро в облаках витаешь, — заметил Ричард.

— Влюбилась, что ли? — поддел Джон.

Что?!

— Да точно, у моей сестры такой же взгляд был, когда она с будущим мужем познакомилась, — заметил Ричард. — Все время о нем думала.

Ну... надеюсь, у его сестры не было таких вопросов, какие сейчас возникали у меня.

И очень надеюсь, что ее будущий муж не собирался ее наказывать.

«За одно это тебя стоило бы выпороть».

Резкий, хлесткий, разрывающий воздух удар бамбукового стебля.

Он что, реально этого хочет?

Хочет проделать это со мной, и чтобы я считала удары?

Рука сама потянулась к подколотой на платье броши, точнее, связующему артефакту.

Алаэрниит лежал в ридикюле, надевать его в мастерской я не решилась: не дай Всевидящий испачкаю. Даже думать не хочу, что за такое полагается, я же так небрежно отношусь ко всему, что он мне говорит! И выдает, высочайшей Орманской милостью.

А я должна слушать, внимать и подчиняться.

На последней мысли к щекам прилила кровь, я решительно запахла халат и занялась делом.

— Эй, ты обиделась? — Джон легонько коснулся моего плеча. — Мы же не со зла. Не хотели тебя смутить, слышишь?

— Прости, Шарлотта! — громогласно заявил Ричард.

Так возвышенно и скорбно, что мы не выдержали и расхохотались.

Даже я, хотя мне в общем-то было не до смеха. С утра кусок в горло не лез именно из-за предстоящей встречи с Эриком.

Его слова: «Сегодня тебе можно все», — до сих пор отдавались дрожью во всем теле.

А завтра?

То есть уже сегодня, которое неумолимо приближалось, с каждой уходящей в прошлое минутой. Утром я так переволновалась, что едва не забыла шляпку, о ней мне напомнила Сюин. Не говоря уже о том, чтобы рассмотреть свой новый дом, он сливался перед глазами в череду небольшого холла, уводящей на второй этаж лестницы, коридора и дверей. Впрочем, дверей было не так много: в отличие от особняка Эрика, этот казался совсем крохотным. Ванная комната была одна на этаж, а отведенная мне спальня показалась светлой и уютной.

Удивительно, но здесь я чувствовала себя спокойно.

Насколько это вообще возможно.

— Не обиделась, — решила сменить тему. — Просто эта статья...

— Так ты о ней думаешь? — хмыкнул Ричард.

— Не о ней. О людях, которых выгнали из страны ни за что.

— Почему же ни за что? Они просто осмелились показать Энгрии историю запретной любви. Общество такого не прощает.

— Общество у нас вообще мало что прощает, — заметила я.

Джон пристально на меня посмотрел.

— Это правда. Я читал о твоей картине, Шарлотта.

Вздрыгнула и подняла на него глаза.

— И что думаешь?

— Думаю, что это было очень смело.

— По крайней мере, меня не выгнали из страны со свистом и улюлюканьем.

— Это радует, — серьезно ответил Джон.

Мы замолчали и сосредоточились на работе. Точнее, на работе сосредоточились мужчины, изредка отвлекаясь, подсказывая мне, что и как делать. Я же при всем желании не могла перестать думать про Эрика.

И про то, что меня ждет в самом ближайшем времени.

Впрочем, когда появился мистер Стейдж, думать стало особо некогда. Под его руководством мы продолжали работу над эскизом, и честно говоря, я даже не представляла, сколько всего еще не знала о том, чем мне предстояло заниматься. Что уж говорить о магии.

Хотя о магии сейчас точно лучше не думать.

Погрузившись в работу, я сама не заметила, как пролетело время до обеда. Мужчины снова усадили меня с собой за стол, как я ни пыталась этого избежать и сбежать на улицу, в небольшую хлебопекарную лавочку неподалеку, где можно было купить пирожков.

— Зачем покупать пирожки, когда пирожки уже есть? — задал резонный вопрос Ричард.

— Потому что мне стыдно. Я второй день подряд вас объедаю...

Джон хохотнул, но Ричард посмотрел на него так, что он плотно сжал губы и сделал вид, что оценивает доработки в своей части эскиза и за что братья в первую очередь.

— Вообще-то, чтобы нас объесть, тебе придется сильно потрудиться, — сурово произнес мужчина. — И если я еще раз услышу что-то подобное, серьезно обижусь. Понятно?

Он так строго на меня посмотрел, что мне мигом расхотелось спорить. Ладно, сегодня приготовлю что-нибудь, а завтра им принесу. Успокоив себя этой мыслью, села за обед: помимо пирожков в меню было жаркое и суп. Супа вкуснее я вообще не ела, он был густой, совсем не наваристый, зато с овсянкой. А вот Джон трудов жены не оценил:

— Вечно выдумывает что-нибудь... начитается всяких рецептов в этих модных журналах, — пробурчал он. — Или от подружек притащит...

— А по-моему, очень вкусно, — заметила я.

— По-твоему, — буркнул он. — А мясо где? Мяса здесь нет!

— Не в мясе же дело, — заметила я, — а во вкусе.

— С такого вкуса я через пару дней ноги протяну...

— Ну, тебе это точно не грозит, — расхохотался Ричард. — У тебя запас на три года вперед.

— Кто бы говорил!

— А вот Шарлотту точно надо кормить. Как ее только ветром не сдувает?

— У меня каблук тяжелые.

В таких дружеских перепалках и подтруниваниях мы продолжали обедать, а потом и работать. Разумеется, когда мистер Стейдж был с нами, вели себя гораздо более серьезно и официально, но даже его появление не приносило неловкости. Высокий, полноватый, с первой сединой в волосах и светло-голубыми, слегка навывкате, глазами, он сразу производил впечатление человека добродушного. Хотя и строгого, когда дело касалось работы, но если у Вудвордов я постоянно оглядывалась, как бы не сказать что-то не то, здесь такого напряжения не возникало.

Я чувствовала себя спокойной, а еще... счастливой.

По-настоящему счастливой, потому что создавала декорации к спектаклю.

К спектаклю, который увидит множество людей, и пусть работа над декорациями остается в тени, это ощущение причастности к чему-то волшебному заставляло сердце петь.

Вот только стоило мистеру Стейджу объявить, что работа закончена, все вернулось.

И волнения, и вопросы, и сомнения.

Последних было особенно много, поэтому когда я шла к выходу из театра, руки слегка подрагивали. Колени тоже, а заодно и что-то внутри.

А ну соберись, Шарлотта. Нельзя же быть такой трусихой!

«Можно», — тоненько пропищало что-то внутри.

Ну дожили, я уже сама с собой разговариваю.

Резко потянула на себя дверь, задохнувшись от колючего ветра, ударившего в лицо. А может быть, от прямого взгляда в упор: на противоположной стороне улицы, опираясь на трость, стоял Эрик. И вот к этому я совершенно точно была не готова.

Думала, что снова столкнусь с Тхай-Лао, который поможет мне подняться в экипаж, и у меня будет еще около часа времени до Дэрнса, чтобы обо всем подумать. Предполагала, что за мной пришлют наемный экипаж, который, разумеется, будет уже оплачен. Или...

Что там насчет «или», додумать я не успела, потому что Эрик направился ко мне. Колени почему-то задрожали еще сильнее.

— Здравствуй, Шарлотта.

Понятно, почему. Этот голос, низкий и обволакивающий, напрочь отключал разумную часть меня. Если она, конечно, вообще во мне есть.

— Здравствуй, — ответила негромко. — Почему ты приехал сам?

— А не должен был?

— Не знаю.

Я уже вообще ничего не знаю и не понимаю.

— Пойдем в машину, или так и будем здесь стоять?

Наверное, я могла бы: вот так, глядя ему в глаза. Даже несмотря на ледяной, продирающий до мурашек ветер и сырость, гораздо более страшную, чем самые сильные морозы. В такую погоду отчаянно хочется закутаться в теплый плед, сесть поближе к камину. С какой-нибудь уютной книжкой, например, с томиком стихов Жюстины Виаль, они у нее все безумно пронзительные, бьют в самое сердце.

Совсем как присутствие этого мужчины и его протянутая рука.

Раскрытый искренний жест.

— Пойдем, — шагнула ближе и положила руку на сгиб его локтя.

Хотя с ним можно было бы стоять и дальше. Те, кто меня просто снес бы с ног, если бы я так же осмелилась застрять посреди улицы в одиночестве, его просто-напросто обтекали (и меня вместе с ним). Бросали хмурые взгляды, что-то недовольно бурчали, но ни один не осмелился подтолкнуть или наградить крепким словом, как частенько бывает на запруженных улицах Лигенбурга.

— Как прошел твой день?

— Хорошо.

Помнится, вчерашний разговор мы тоже начали с этого. И чем все закончилось?

Темная, с проплешинами грязи мостовая, в подступающих пасмурных сумерках казалась иссиня-серой. Почему-то вспомнилась «Девушка», с ее резким переходом из бесцветия в яркие краски.

«Девушка»!

— Эрик! — воскликнула я, когда он распахнул дверь. — В конце прошлой недели должна была закончиться выставка, и...

— Я уже обо всем позаботился. Картину доставят по новому адресу.

Облегченно вздохнула:

— Спасибо!

Он бросил на меня какой-то странный взгляд, и указал на сиденье. Нырнула в салон, где уже привычно пахло кожей, сандалом... им. Наверное, аромат сандала теперь никогда не будет восприниматься отдельно от него. Точно так же, как легкая примесь запаха дорогого коверкота и холодная горчинка стали.

Потерла руки друг о друга, пытаюсь согреть, но стоило Эрику сесть рядом и захлопнуть дверцу, в салоне сразу стало тепло. Воздух стремительно разогревался, как будто мы с улицы шагнули в заранее натопленную комнату.

— Что это? — удивленно вскинула брови.

— Простенькое бытовое заклинание.

— Простенькое?

— Очень.

Проследила, как зятанутая в перчатку рука касается ястреба на рукоятке. Эрик едва до него дотронулся, и машина заурчала, по салону прокатилась волна магии.

Наверное, никогда к этому не привыкну.

— Значит, я тоже так смогу?

— Сможешь. О чем будет спектакль?

Моргнула.

— Спектакль?

— Да, к которому ты рисуешь декорации.

— О... Об элленари и девушке, оказавшейся у них в плену.

В другое время я бы с радостью развила эту тему, тем более что смена декораций предполагалась четыре раза, и больше всего мне нравились мини-эскизы, к которым нам еще только предстояло приступить в дальнейшем. Живописные виды долины элленари, где те скрывались от ныне живущих людей, а еще виды над обрывом.

Море.

Жаль, не получится это оживить...

— Значит, легенды, — произнес он, по-прежнему глядя на дорогу.

И тут я не выдержала:

— Эрик. Мы что, так и будем говорить обо всем, кроме того, что случилось?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— А что-то случилось, Шарлотта?

То есть для него ничего не случилось? Вот совсем ничего? Я полночи не могла заснуть, весь день об этом думала, а для него... ничего не случилось!

— Хорошо, — сказала я, с трудом сдерживая горечь.

Подвила желание отвернуться, вместо этого просто смотрела прямо, сквозь стекло. На спешащих людей, которых подгонял ветер, порывами захлестывая с брусчатки мусор и швыряя его о стены.

— Нет.

Это вышло так резко, что я вздрогнула.

— Что — нет?

— Нет, не хорошо, — произнес он. — Я не должен был торопить события. И уж тем более не должен был тебя пугать. Мне просто не хватает терпения рядом с тобой, Шарлотта.

— Не хватает терпения на что? — спросила тихо.

— Ни на что. Я хочу тебя, всю и сразу. Хочу так, как привык, и забываю о том, что для тебя все это... необычно.

Необычно?! Ну, наверное и так можно сказать.

— То, что произошло вчера... — Он смотрел на дорогу, но говорил со мной, и от этого возникало странное ощущение исповеди. — У меня не было цели тебя оскорбить или унижить. Это просто игра, в которой есть свои правила. Правила, которые можно и нужно соблюдать, и остановить эту игру можно в любой момент.

— То есть если бы я тебя вчера попросила, ты бы остановился?

— Да.

Вздохнула и покачала головой.

— Почему ты сразу об этом не сказал? Почему вообще... зачем вообще тебе нужны эти игры? Неужели нельзя просто...

— Просто не будет, Шарлотта. Со мной не будет. — Мы свернули на дорогу, по которой можно было разехаться в две полосы. Я не ждала его взгляда, поэтому ловила выражение лица в зеркале, которое крепилось наверху, под крышей салона. — Мне это нужно. Что касается того, почему я не сказал об этом вчера, мы говорили немного о другом, не находишь? Ты была не готова обсуждать то, что мы обсуждаем сейчас.

Ладно, возможно он прав. Вчера я действительно была не готова об этом говорить, и наверняка не услышала бы даже половины того, что он хочет мне объяснить.

— Ты не ответил, почему тебе это нужно, — напомнила я.

— Впервые я познакомился с магией, когда мне было три года.

— Сколько?!

Нет, я знала, что вся магия пробуждается в детстве, но чтобы в три года...

— Магия должна проснуться в ребенке естественным образом. Чем сильнее будущий маг, тем раньше просыпается сила. Начинается это, в зависимости от того, какой силой наделен человек, с мелочей. У стихийных магов с искр на пальцах и подпаленных штор или

небольшого потопа в ванной, у некромагов — с падения на Грань, у целителей с залеченной царапины...

— А у магов жизни?

Я понимала, что сейчас не время, но просто не смогла удержаться. Удивительно, но Эрик улыбнулся, на миг становясь светлым. Настолько, что мне захотелось получить возможность управлять временем, чтобы задержать эту улыбку у него на лице.

— А управлять временем можно?

Он приподнял брови и вопросительно взглянул на меня.

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Потому что время существует независимо от сил природы, наших внутренних ресурсов, жизни или смерти. В отличие от огня, которого в мире предостаточно, или от темных глубин Смерти, к источнику которого обращаются некромаги, для каждого человека существует один-единственный момент времени: здесь и сейчас.

— То есть даже самые сильные маги... армалы тоже не могли управлять временем?

— Я сказал: нельзя, но я не сказал, что это невозможно.

М-м-м-м... Как все понятно, просто предельно ясно.

Решила оставить тему времени, потому что говорили мы немного о другом.

— О чем ты сейчас подумала, Шарлотта?

— О чем?

— Да. Зачем тебе понадобилось управлять временем.

— Чтобы продлить твою улыбку, — сказала я.

Выражение его лица было настолько изумленным, что я не выдержала и продолжила:

— Мне нравится, когда ты улыбаешься... так.

— Так — это как?

Как будто в твоей жизни все легко и просто. Как будто тебе не нужно никаких игр и масок.

— Просто. Так.

Мы въехали в деловой центр, один из самых благоустроенных районов Лигенбурга.

Брусчатка здесь обновлялась регулярно, потому что служба Королевской безопасности и члены Парламента неохотно отбивали пятые точки о выбоины на дорогах. В общем, если что-то случалось, все средства на ремонт дорог в первую очередь направлялись сюда. И в Дэрнс, разумеется, но Дэрнс ремонтировали за счет повышенных налогов, которые платили аристократы.

— Магия жизни, — произнес Эрик, — обычно начинается с неосознанной тяги к природе. К желанию как можно больше времени проводить в лесу или у моря, с любви к животным. Проявляется она по-разному. Например, со случайно возвращенного к жизни цветка.

Как случилось с розами.

— Или с прыжка белки на руку.

Рассмеялась:

— Белки часто прыгают на руку.

— Но задерживаются и тем более добровольно следуют за тобой не часто. Особенно если у тебя нет орешков.

— Мне ни разу не удавалось поймать белку.

— Ты просто не пробовала, Шарлотта.

— То есть во мне магия должна была проснуться в детстве, но не проснулась? Почему это произошло именно сейчас?

— Не проснулась, как я предполагаю, именно потому, что ты стала проводником еще во младенчестве или совсем крохой. Это на долгие годы отрезало тебя от твоей силы, потому что Грань продолжала тянуться к тебе. Близость магии искажений и сильные потрясения спровоцировали пробуждение твоей собственной. Разумеется, не только они. Все эти годы ты набиралась сил, чтобы получить возможность раскрыться.

Ой.

— А магия искажений? Твоя магия, с чего началась она?

— Моя магия не проявлялась никак.

— Никак?..

— Нет. Мой отец хотел видеть меня сильным магом, поэтому произвел обряд замещения.

Почему-то от этих слов стало холодно. Очень холодно.

— Магом искажения нельзя родиться, она не передается по наследству. Это знания, навыки, перечень заклинаний, заклятий, которые работают на силе, черпаемой из разрывов пространства. Именно поэтому она настолько могущественная и неиссякаемая, потому что ресурсы любого другого мага ограничены. С помощью магии искажений можно усилить любое известное заклинание, например, превратить огненный хлыст армалов в орудие пытки или разрывающую пространство плеть. То же искусство гааркирт частично основано на магии искажений. Вмешательство в разум, внушение — тоже. Перечислять можно до бесконечности.

Я поежилась.

— Эрик, что такое обряд замещения?

— Обряд замещения, Шарлотта, это когда из тебя выжигается твоя собственная магия, чтобы ты могла получить доступ к чужеродной силе. В моем случае — к магии искажений. Как я уже говорил, отец счел, что моя магия недостаточно сильна и не стоит того, чтобы ее дожидаться.

Я вздрогнула и широко распахнула глаза, повернувшись к нему, но Эрик этого не заметил. Сейчас он смотрел на дорогу, но чувство было такое, что смотрит он гораздо дальше. В пространство, откуда черпает силы, или в прошлое, которое черпает силы из него.

— Во мне была стихия, Шарлотта. Водная стихия, которую из меня выжгли. И это свело меня с ума.

То, что вцепилась в сиденье, я поняла, когда Эрик взглянул на мои руки. Как он это заметил, только что погруженный в собственные мысли, ума не приложу. Каким чудовищем надо быть, чтобы учинить такое над собственным сыном — тоже.

— И что было дальше? — спросила тихо.

— Следующие несколько лет я помню смутно. Целители говорили, что это нормально, и что дело не в сумасшествии. Отец отрицал сам факт того, что оно имело место быть, и называл это магическим откатом. Как бы там ни было, этот магический откат сводил меня с ума всю мою сознательную жизнь. В Иньфае я научился с этим справляться, и чтобы с этим справляться и дальше, мне нужно то, о чем мы с тобой говорили. Это самый простой способ выпустить мое внутреннее зло на свободу, не причиняя зла.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное.

— Я не хочу, чтобы оно коснулось тебя даже случайно. Тебя или кого бы то ни было еще. Профиль его заострился и стал резче, словно неумелый скульптор стесал мрамор слишком грубо для усиления черт. В мыслях творилось непонятно что: я пыталась представить трехлетнего ребенка, совсем малыша, из которого выжигают еще не проснувшуюся магию. Выжигают, чтобы заменить сильнейшей и сделать... сделать кем? Ради чего?!

Я поняла, что дрожу, и на этот раз не от холода. Что-то мешало нормально вздохнуть: странное, незнакомое чувство. Темное и жестокое.

Надеюсь, его отец долго мучился перед смертью.

Эта мысль испугала меня едва ли больше, чем осознание того, что я о ней не жалею.

— Знаю, что это может быть слишком, но иначе было не объяснить, — голос его звучал глухо. — Надеюсь, теперь ты понимаешь.

Я не знала, что ответить, и честное слово, даже не представляла, о чем говорить дальше. Лучше всего понимала то, что нужно что-то сказать, но слова крутились на задворках сознания и отказывались собираться в предложения. Да что там, они даже по одному не складывались из разваливающихся на лету букв.

— И ты хочешь меня наказывать? — спросила я, наконец, когда молчание совсем затянулось.

— Иногда.

Всевидающий, знала бы я, о чем буду говорить со своим мужчиной, покрутила бы пальцем у виска. Хотя еще неделю назад я бы покрутила пальцем у виска, если бы знала, что допущу близость с мужчиной до венчания. С точки зрения современного общества я уже пала дальше некуда, грязнее только сточная канава.

— В чем это будет заключаться?

— Мы можем составить договор, Шарлотта. И подробно прописать в нем все, на что ты согласна, а на что нет.

— Магический? — из груди вырвался не то смешок, не то странное бульканье, поэтому я закрыла руками рот.

Эрик пристально взглянул на меня сквозь зеркало.

— Зря я тебе рассказал.

— Нет, — покачала головой. — Нет, не зря. Потому что теперь я действительно понимаю, и я... я хочу попробовать. Если ты обещаешь меня не торопить, и если мы обойдемся без договоров. Мне гораздо важнее смотреть тебе в глаза и слышать то, что ты от меня хочешь, чем читать все это на бумаге. Боюсь, я просто не сумею это переварить.

— Хорошо.

— Хорошо.

Ладони вспотели даже под перчатками. Кажется, я только что добровольно согласилась... на что? Если бы у меня была возможность узнать обо всем заранее, наверное, я бы смогла подготовиться. Но если я сейчас спрошу его про то, хочет ли он причинить мне боль, придется рассказать и про Ирвина, а этого я точно не стану делать. Не сейчас, когда все так, как есть.

— О чем ты хочешь спросить, Шарлотта?

— Не знаю. Столько вопросов, что я даже не знаю, с чего начать. Я растерялась.

— У тебя будет время до субботы, можешь составить список.

— До субботы? — развернулась к нему. — Ты уезжаешь?

— Нет. Просто до субботы не будет никаких игр. Хочу, чтобы ты привыкла к этой мысли. И все осознала.

Сдается мне, к такому привыкнуть вообще нельзя, но сейчас я почему-то вздохнула. С облегчением.

— Записывай все, что приходит тебе в голову, спрашивай обо всем. Не стесняйся, как ты любишь это делать. В таких вещах стеснение неуместно.

— Хорошо, — я пожевала губы.

Похоже, с моей стеснительностью придется окончательно распрощаться, или я рискую...

— Потому что иначе мне придется учить тебя говорить обо всем прямо.

Вот этим.

— У меня одна просьба.

— Какая?

— Пожалуйста, давай не будем совмещать игры и обучение. Вчера для меня это был перебор. Понимаю, что в твои руки магия идет по щелчку пальцев, но для меня все совсем не так просто. Вряд ли я сумею сосредоточиться, если буду думать о... о...

— Не стесняйся, Шарлотта, — напоминание прозвучало строго.

Вот не тем он занимается со своим мобилестроением. Не тем. Надо было в учителя идти, такой талант пропадает.

— О наказаниях. О твоих ласках. О том, что произойдет, если я что-то не так скажу или не так сделаю, или ошибусь в магическом заклинании, или неправильно перескажу параграф, или...

— Достаточно, Шарлотта. Я понял.

Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Ты хочешь разделить учебу и подчинение. Совсем.

— Да. Пожалуйста. Если можно.

Если какое-то время назад слова отказывались подбираться, то теперь хлынули сплошным потоком. Я бы сказала, рвались наперегонки и мысли следом за ними, как взбесившиеся кони. Что-то похожее уже было в театре, еще до пузырьков. Или уже после?

Эрик снова взглянул на меня.

— Сними перчатку.

— Зачем?

— Снова пререкаешься?

Глубоко вздохнула и стянула перчатку, и он сделал то же самое. Накрыл мою ладонь свободной рукой, переплетая наши пальцы. Это тепло ударило в сердце так проникновенно, что на глаза навернулись слезы. Мне почему-то представился мальчик, доверчиво идущий к отцу, который...

— Обещаю, что не сделаю ничего против твоей воли. Слышишь?

— Слышу, — сказала я, с трудом сдерживая всхлип.
— Отлично. Тогда прекращай волноваться.
— С чего ты взял, что я...
— У тебя такие же глаза, как были в театральном гардеробе. Правда тогда ты волновалась о другом.
Лучше тебе не знать, о чем я тогда волновалась. Ой, лучше не знать.
— Вот. Так уже лучше, — Эрик легко сжал мои пальцы и отпустил. — Никаких наказаний во время учебы.
Я вздохнула и улыбнулась. Точнее, попыталась.
Напряжение начинало отпускать, ком в горле тоже.
Его тепло втекало в меня сквозь переплетенные пальцы, растворяя все страхи и все сомнения. Растворилась даже горькая темная злость, злость на этого страшного человека, оставшегося в его прошлом. Даже когда Эрик отпустил мою руку, чтобы повернуть на мост, злость не вернулась.
И к счастью.
Пусть остается в прошлом, как и его отец.
А в настоящем... в настоящем я сделаю все, чтобы помочь ему об этом забыть.

Глава 10

Эрик слово сдержал, и во время занятий мы ни разу не возвращались к теме, которая не давала мне покоя вот уже несколько дней. Мы не только не говорили о наказаниях и о подчинении, он даже ни разу не попытался меня приобнять, взять за руку или еще как бы то ни было обозначить наши с ним отношения. Эрик действительно превратился в учителя, объясняющего теорию магии. Если поначалу это казалось немного странным, то потом я полностью погрузилась в учебу и забыла обо всем. Потому что мир магии оказался невероятен.

Сама магия концентрировалась в человеке, но поскольку каждая сила имела под собой ту или иную основу (стихию, исцеление, жизнь или смерть), маги становились сильнее вблизи определенных мест. Так, например, магия жизни в городе ослабевала из-за того, что города закованы в камень и удалены от природы. Обратиться к смерти проще всего было в местах массовых захоронений или в непосредственной близости от них, либо от умершего человека (там, где грань особенно истончалась). Строгой зависимости от такой дополнительной подпитки не было, то есть источником магии являлся сам человек, но огненному магу было гораздо проще что-нибудь поджечь рядом с полыхающим костром, факелом или свечой, на это уходило значительно меньше сил.

Магия жизни действительно была самой светлой из всех, она даже ощущалась как легкое тепло внутри. Мягкое, согревающее, как весеннее солнце. Из того, что рассказывал Эрик, я поняла, что у каждой магии есть свои внутренние ощущения. Магия смерти — холод, пустота и тьма. Магия огня — жар, иногда раскаляющий так, что становится трудно дышать. Воды — прохлада, свежесть, туманные нити под пальцами. Он говорил так много, и так интересно, что временами я сама забывала дышать. И даже записывать.

Только когда слышала легкое покашливание, возвращалась к лежащим передо мной листам бумаги. Эрик сказал, что забрать с собой я смогу любую книгу, какую пожелаю, но по сжатым материалам вспоминать и разбираться будет гораздо проще. Если честно, я в этом ни минуты не сомневалась: информации было столько, что уже к концу нашего занятия я чувствовала себя ходячей энциклопедией по основам магии.

— На сегодня все, — произнес он, и я уставилась на шесть с половиной исписанных моим не сказать что крупным почерком листов. — Пусть уложится в голове, а завтра разберем основы безопасности перед практикой.

— Перед практикой? Но ты же сказал...

— Я передумал. Хочу, чтобы ты чувствовала магию с самого начала.

Если это будет так, как с цветами, то я не возражаю. Воспоминания-ощущения уже немного стерлись, но это мягкое, окутывающее ладони тепло, текущее из груди, по-прежнему

отзывалось внутри едва уловимым зовом. Зато теперь становилось понятно, почему я так хорошо чувствовала себя в поместье под Фартоном, в парках, у моря. И почему дог ее светлости не отходил от меня, пока герцогиня его не отозвала.

Воспоминания накатили не вовремя, стирая улыбку.

— Что случилось, Шарлотта?

Эрик опустился на подлокотник дивана, глядя мне в глаза. Можно было уйти от ответа, сослаться на усталость, но сегодня он раскрыл о себе слишком многое. Да и к чему молчать, если эти чувства все равно не дадут мне покоя. Сколько бы я ни старалась, рано или поздно придется с ними справляться.

— Я подумала о леди Ребекке. О том, что она моя мать, но я не чувствую ничего по отношению к ней.

Эрик нахмурился.

— Ничего, кроме желания никогда больше ее не видеть.

— После того, что случилось, это нормально.

— Не знаю. Не уверена. Она меня вырастила, дала мне крышу над головой... не бросила, хотя могла бы. Не отдала в приют.

— Иной раз лучше оказаться в приюте.

— Ты так говоришь, потому что никогда там не был.

— Зато там была моя сводная сестра. Смотри, — Эрик стремительно поднялся, выдернул меня из кресла и взмахнул рукой.

Портьеры разошлись в сторону, и я увидела, что за окнами валит густой снег. Казалось невозможным поверить в то, что на улице вместо промозглой колючей сырости, при воспоминаниях о которой даже сейчас хотелось зябко поежиться, настоящая зимняя сказка.

— Откуда ты...

— Я его чувствую.

— Снег?!

— Разумеется. Снег — это вода.

— Но твоя магия...

— Я просто чувствую все, что связано с водой. А управлять этим могу исключительно с помощью магии искажений.

— Не понимаю...

— Например, вот так.

На нос упала снежинка. Одна, другая, третья... Четвертая прилепилась на лоб, пятая на щеку. Прежде чем успела понять, что произошло, рядом вздохнула зима и на нас посыпался густой снег. Подняла голову, и увидела, что сквозь изумрудное сияние в библиотеку летят белые искры. Невольно залюбовалась такой красотой, даже подставила руку, собирая их в ладонь.

Они покалывали пальцы мягким холодом и тут же таяли, а потом Эрик неожиданно притянул меня к себе. Его губы накрыли мои: легко и нежно, едва уловимой лаской.

Поцелуй вышел удивительно коротким, настолько, что когда он прекратился вместе со снегом, широко распахнула глаза.

— Уже поздно. Отвезу тебя домой, — невозмутимо заявил Эрик и отстранился.

Мне оставалось только хлопать глазами и пытаться понять, что это только что было. И было ли вообще? Скажешь кому, что целовалась под снегопадом в библиотеке, не поверят же. В лучшем случае не поверят, а в худшем отправят куда-нибудь поправить здоровье. Не думаю, что многие на такое способны.

Пока мы собирались (точнее, собиралась я, а у него книги просто разлетались по полкам), я просто не могла на него не смотреть.

Как он управляется с магией!

Это же просто волшебство какое-то, как бы странно это ни звучало.

Но... почему он так быстро прервал поцелуй?

Комнату согревал артефакт, лежащий в самом центре. По форме он напоминал выпуклый диск, излучающий солнечный свет, вот только расходящееся от него тепло духоты не создавало. В кои-то веки мне не пришлось тереть мокрые волосы полотенцем до сухих спутанных прядей (решение искупаться пришло внезапно, когда я очутилась в небольшой,

но очень уютной ванной). В этом доме все было небольшое и уютное, не в пример холодному роскошному особняку Эрика в Дэрнсе. Вчера мне было не до того, но сегодня я поняла, что этот дом действительно мог бы стать мне домом.

Два этажа, небольшой холл и лестница, уводящая на второй этаж. Здесь было несколько комнат, одну из которых отвели мне, и, надо признаться, она мне очень понравилась. Теплые персиковые обои становились еще теплее от света артефактов. Огромная кровать из орехового дерева, зеркало, комод и стул: вот и вся нехитрая обстановка. Хотя, в стену еще встроили гардероб, но он так и остался пустым, складывать туда мне было нечего.

Поплотней запахнула халат и подошла к окну: снег валил еще сильнее, и я невольно задумалась о том, как сейчас Эрик. Добрался ли уже, или все еще едет (сквозь метель на мобиле мы продвигались крайне медленно). Мысли о странном и нежном поцелуе, немыслимо коротком, не давали покоя. Я даже прижала палец к губам, рассматривая вид из окна. В высветленной снегом темноте выделялись массивные очертания купола Миланейского собора, чуть в стороне — громада Большого королевского театра. Воспоминания о театре заставили задернуть шторы и отойти.

«Достойным финалом для такой мерзости стало бы раскаяние или гибель распутницы...»

Они что, всерьез хотели бы смерти этой женщины только из-за того, что она осмелилась любить?! Энгерийское общество заклеило ее позором лишь потому, что Виттория не позволила своей семье умереть с голода. Что уж говорить обо мне. О таких, как я.

К этому я тоже мысленно возвращалась, снова и снова.

К этому и, пожалуй, к тому, что осталось в прошлом моих родителей. Как получилось, что я появилась на свет, если леди Ребекка всегда придерживалась строгих нравов? Что случилось с моим отцом? Любила ли его леди Ребекка? А он ее? Почему она оказалась со мной на руках в Фартоне?

Вопросы, которым суждено остаться без ответа.

Опустившись на кровать, принялась расчесывать волосы, просматривая лежащие рядом записи по магии. Записи просматриваться отказывались, потому что в голову все равно лезла эта дурацкая статья.

Распутница...

Да что они знают о распутстве!

Ой.

Неожиданно вспомнила, что собиралась испечь пирогов для Джона и Ричарда, но после занятий с Эриком совершенно об этом забыла. Что говорить, я обо всем забываю, когда оказываюсь рядом с ним. Похоже, пора это признать, смириться... и не думать о поцелуе! А он все еще горел на губах дразнящей лаской, продолжения которой хотелось немыслимо. Эрик проводил меня до самых дверей, но заходить не стал. Просто коснулся губами кончиками пальцев и попрощался. Он шел к мобиле, а снег падал и кружился над нами, совсем как в библиотеке. Сегодня, когда он уходил, мне совсем не хотелось с ним расставаться, не хотелось, чтобы Эрик меня отпускал. Не говоря уже о том, что мне самой не хотелось его отпускать. Хотелось... вот даже не знаю, чего мне больше хотелось.

Наверное, обнять его и провести этот вечер рядом с ним. Вместе заснуть.

Несмотря на все приличия, правила и запреты.

Отложила щетку и решила спуститься за водой. Мисс Дженни, сытая и счастливая, спала у меня на подушке. Точнее, на одной из подушек, на этой постели было много места даже для двоих. А для меня одной так и вовсе чересчур.

Да что за мысли!

Решительно поднялась и вышла из комнаты. Артефакты загорались и гасли, обои в коридоре тоже были светлыми, и вообще весь этот дом был светлым. Словно лучился изнутри: возможно, дело было в тех, кто в нем жил. Я всегда считала, что места впитывают чувства людей, именно этим объясняется странный холод и желание поскорее покинуть какой-то дом, а в каком-то, напротив, задержаться подольше.

Вот и Тхай-Лао говорил, что у каждого дома свое сердце.

А еще он говорил, что Эрик спас ему жизнь. Интересно, если я спрошу об этом самого Эрика, захочет ли он ответить? Захочет рассказать, как это произошло?

Лестница совсем не скрипела, когда я по ней спускалась. Удивительно, потому что в подобных этому старых домах уж точно должны скрипеть половицы и доски. Коснулась перил и вздрогнула: странное ощущение, забытое чувство. Или не очень забытое? Эта лестница, этот холл вдруг показались мне очень знакомыми. Невольно ускорила шаг, прислушиваясь, но тишину по-прежнему нарушал лишь шорох ткани, еле слышные шаги, украденные ковровой дорожкой, и мое дыхание. Внимание привлекли светильники на невысоких столбиках, вспыхнувшие сразу, стоило мне к ним приблизиться. Едва ступив в холл, обернулась.

Вечером все выглядит по-другому, но эта лестница и витраж под ней удивительно напоминали дом из моего сна. Из того сна, в котором Эрик показал мне оплетенную веревками меня, а потом...

Да нет же. Это точно был именно этот дом.

Поднимаясь сегодня вместе с Сюин, я совсем не обратила внимание на разноцветный мозаичный витраж. Что уж говорить про вчера: вчера я и упавшего рядом носорога не заметила бы, но сейчас с каждым мгновением все больше и больше убеждалась в том, что во сне видела именно это место.

Почему?

Почему Эрик показал именно его?

Шаг, еще шаг. И правда, половицы под моими ногами не скрипели, пахло деревом и лаком. Такое чувство, что здесь только-только сделали ремонт. Оглядевшись, поняла, что так и есть: ковры, кушетка, обои на стенах — все новое.

«Этот дом принадлежит не мне».

То есть Тхай-Лао приехал в Лигенбург и занялся ремонтом? Снаружи дом выглядел не то чтобы старым, старинным. Если внутри все пришло в негодность, проще было бы снять или купить другой. Почему вообще нельзя было жить в Дэрнсе? То есть в Энгерии считалось нормальным, что в жалованье дворецкого и остальных слуг входит постоянное проживание по месту работы. Нет, конечно, бывали и исключения, особенно в городе, особенно для семейных, но Тхай-Лао не женат, а его брата с женой уж точно можно было где-нибудь поселить. В том особняке всех королевских гвардейцев разместить можно!

— Шарлотта?

— Ай!

Я резко обернулась и чуть не сбила с ног Сюин, которая неслышно подошла сзади.

Сердце колотилось как сумасшедшее, и я прижала руку к груди.

— Вам что-нибудь нужно? — иньфаянка внимательно смотрела на меня.

Судя по ее виду (Сюин была полностью одета, волосы убраны наверх), спать она еще не собиралась.

— Да, я спустилась за водой. Покажешь, где кухня?

— Нет, что вы, — девушка покачала головой. — Я принесу. Возвращайтесь к себе, и... ох!

Я же совсем забыла сказать, вам привезли вот это.

Сюин подошла к дверце под лестницей, отперла ее и достала тубу. Мою тубу.

«Девушка» вернулась домой!

— Спасибо! — подхватив ее, взлетела по лестнице чуть ли не вихрем: мне не терпелось ее увидеть.

— Мисс Дженни! — закусил губу. — Мисс Дженни, она вернулась!

Поспешно открыла тубу, потянула холст на себя, и...

Растерянно смотрела на то, как он разваливается в моих руках на куски.

Сначала я даже не поняла, что случилось. Часть холста осталась в тубе, часть в моих руках, часть сползла на пол. Но даже та, что я держала в руках, была безжалостно исполосована ножом... или ножницами. Не знаю. Там, где была «Девушка», сейчас красовались множественные порезы: платье, лицо, волосы — все это превратилось в лохмотья.

Я выпустила ее из рук, глядя как пласт изуродованной картины сползает на пол.

Попятилась, наткнулась спиной на стену.

Перед глазами потемнело, стало нечем дышать, комната пошатнулась.

За что?!

В груди словно разрастался холодный ком, ком, который давил на сердце и мешал ему биться. Инстинктивно потянулась к горлу и замерла: комната стремительно теряла краски,

и вместо нее повсюду расцветала серая хмарь. Проплешины Грани вползали одна в другую, окружая меня, стягиваясь, захватывая в кольцо. Миг — и сама я очутилась между жизнью и смертью, ледяные руки задрожали, вместе с кусками валяющейся на полу картины, тубой и возвышающейся над ними кроватью.

Нет, нет, нет...

Мисс Дженни выгнула спину и зашипела, глядя на меня, а сквозь мое тело словно протолкнули что-то холодное, мерзкое, жуткое: с силой, рывком, и эта неведомая сила швырнула меня на пол. Я рухнула прямо на обрывки холста, цепляясь слабеющими руками за ковер, стремительно перевернулась на спину, чтобы увидеть... белесую фигуру, обретающую очертания мужского тела.

Призрак больше не парил надо мной, если, конечно, это был призрак.

Ноги коснулись пола, бледное лицо с зачесанными назад по моде прошлых лет волосами было искажено яростью. Не в силах пошевелиться, замерла под жутким взглядом неживых глаз. Или живых?

Всевидящий!

Нужно было закричать, позвать на помощь, но я даже рта раскрыть не могла, а он медленно шел ко мне. Медленно, едва касаясь полупрозрачными ботинками пола. Заострившиеся черты, тонкий нос, плоские надбровные дуги. Тонкие губы едва шевелились, но я, разумеется, не слышала ни звука. Тянувшийся от него холод впивался в кожу, иглами пронзал до костей, сковывая по рукам и ногам.

Связующий артефакт!

Не чувствуя даже биения сердца, рывком сорвалась с пола, отпрянув от яростно ударившей в мою сторону тени. Упала на кровать, стремительно выбросила вперед руку, коснувшись заветной броши. Меня с силой вдавило в покрывала, перекрывая воздух, по телу растекался холод, сознание помутилось.

— Змея... Должна... Умереть...

Не сразу поняла, что это шипение вырывается сквозь плотно сжатые губы, моим изменившимся до неузнаваемости голосом.

— Змея-я-я-я...

Щелчок, медальон распахнулся. Рука ослабла, пальцы почти не слушались: подчиняясь непонятному порыву, я замахнулась, чтобы отбросить его в сторону... и последним усилием воли вдавила палец в самое его сердце.

Над створками полыхнули искры, меня вздернуло вверх, а потом снова отбросило на кровать. Изумрудные искры портала разорвали забвение грани, я успела увидеть искаженное болью и злобой лицо с раззявленным ртом, словно сквозь него вытекала вся ненависть этого существа. Пугающий потусторонний образ сменился белесой дымкой и растаял в ту же минуту, как в комнату шагнул Эрик.

Между его пальцами клубилась магия искажений, в потемневших глазах — золото.

Это было последнее, что я увидела, перед тем как соскользнуть в темноту.

Я чихала и смеялась: пыльца оседала на волосы, рассыпающая солнце ранняя осень искрилась на лепестках аламыны. Меня подхватывали на руки, подбрасывали в воздух и ловили на лету. Я чувствовала льющее сквозь широкие ладони тепло, льнула к нему и тянулась крохотными пальчиками за огненно-рыжими, совсем как язычки костра, прядями. День сменялся ночью, и язычки костра тоже мельтешили перед глазами, они взлетали в ночное небо россыпью золотых искр.

— Ты когда-нибудь чувствовала себя настолько счастливой? — низкий мужской голос рокотом отдавался во мне.

Я уже засыпала, засыпала на широкой мужской груди, взлетающей и опадающей, как качели.

— Нет, никогда, — в женском голосе звучала улыбка. — Только с тобой. С вами...

Мужчина приподнимался, поддерживая меня, тянулся к губам сидевшей рядом женщины.

Я запрокидывала голову, сонно моргая, и ее лицо...

— Шарлотта, просыпайся.

Прикосновение пальцев к щеке вышло невыносимо-легким, а еще нежным. Я невольно потянулась за этой лаской. Улыбнулась, открыла глаза, и... в ту же минуту вспомнила все, что произошло.

— Доброе утро. — Эрик сидел на кровати рядом со мной. Полностью одетый, соседняя подушка не смята.

— Уже утро?!

Взглянула в окно, где в предзвездной темноте по-прежнему падал снег.

— Уже.

Он что, всю ночь провел здесь?! И даже не сомкнул глаз?

— Мне жаль, — ладонь его легла на мою. — Но он за это ответит.

Не сразу поняла, что Эрик говорит о Ваттинге, а когда поняла, рывком села на постели:

— С чего ты взял, что это он?!

— Больше некому. Рабочим, которые разбирали картину и упаковывали твой холст, не было до него дела. Точно так же, как и тем, кто его доставлял.

— Но ты же не думаешь, что...

— Разумеется, не он сам. Такие, как Ваттинг, все делают чужими руками.

Глаза темные, как небо перед страшной бурей. Таким я не видела его лицо даже в тот вечер, когда мы в последний раз поссорились из-за Ирвина. Четко очерченные губы плотно сжаты, превращая его в Ормана, я почти видела узор маски, проступающий на его лице.

— Эрик, ее уже не вернешь. Или ты... мог бы?

С надеждой взглянула на него, но он покачал головой.

— Магия тоже не всемогуща, Шарлотта. Я бы очень хотел это исправить, но...

Он не договорил, только лицо стало еще более жестким.

— Нет, — попросила я. — Не надо. Не ходи к нему.

— Не надо? — тихо произнес Эрик. — Хочешь оставить все, как есть?

Наклонился рывком, что-то подхватил с пола. Перевела взгляд на его ладонь: вид истерзанной «Девушки» заставил внутренне сжаться, но я не отвела взгляд. Мне придется привыкать к мысли, что ее больше нет.

— Хочу. Это всего лишь картина.

Никогда не думала, что скажу такое, но ни одна картина, пусть даже дорогая моему сердцу «Девушка», не стоила того, что я сейчас видела в его глазах. Нечто страшное и жестокое, пугающее меня ничуть не меньше случившегося этой ночью.

— Всего лишь?! — теперь его голос звенел от гнева.

— Она уже сделала все, что могла.

Подарила нам встречу. Большого она сделать все равно не смогла бы, не в наше время.

Хотя куда уж больше.

— Теперь это уже неважно.

— Настолько неважно, что ты лишилась сознания?

— Не поэтому, — я перехватила его ладонь, позволяя обрывку холста скользнуть вниз. —

Потому что на меня напали. Я позвала тебя, потому что на меня напали.

Лицо его окаменело.

— Когда я пришел, здесь никого не было, Шарлотта.

— Не было, потому что... — глубоко вздохнула и мысленно содрогнулась от ледяного, дрожью прокатившегося вдоль позвоночника ощущения-вспоминания. — Потому что он уже ушел.

— Кто — он?

— Призрак. — Не дожидаясь, пока он возразит, подняла руки. — Да, я помню, что ты говорил. Помню, что призраки не могут нападать на людей, но именно это со мной и произошло. Когда я увидела порезанную картину, я упала на Грань, и там был он. Эрик, там был он, не бесформенное нечто, не слепок с эмоций... я не знаю, что это за существо, но оно прошло сквозь меня, а потом...

Облизнула пересохшие губы, стараясь не думать о том, как они шевелились, выпуская в мир чужую злобу.

— Потом он снова набросился на меня. Я едва успела активировать артефакт.

— Этот дом, — произнес Эрик, — защищен сигнальными артефактами и заклинаниями.

Случись кому-то проникнуть сюда, я бы об этом узнал.

— Сигнальными артефактами?

— Они позволяют видеть все, что происходит в доме и предупреждать любую угрозу.

— Ты мне не веришь?!

— Верю.

— Но?..

— Но я не могу этого объяснить, Шарлотта. Я знаю о магии больше, чем кто бы то ни было, и я не могу этого объяснить.

— Но ты ведь не можешь знать всего! — выдохнула я. — В твоей библиотеке сотни тысяч книг... скажи, ты всех их прочитал?

— Большую часть.

Не зная, что добавить еще, замолчала: уж кто-кто, а я этого точно объяснить не могла. Разве что сейчас была полностью уверена в том, что мне не почудилось. Случившееся вчера ночью было так же реально, как изодранный холст, как сидящие друг напротив друга мы и осыпающийся за окном мягкими хлопьями снег.

Когда молчание уже становилось невыносимым, Эрик плотно сжал губы, а потом вытолкнул глухое:

— Возможно, я знаю того, кто сможет. Точнее, ту.

Ту? Он знает женщину, которая... разбирается в магии лучше него?!

Он внимательно заглянул мне в глаза, а потом обхватил ладонями мое лицо.

— Расскажи мне все, что случилось. По порядку. Не упуская ни единой детали, потому что это очень и очень важно. Все, что ты видела, все, что ты чувствовала, и что произошло после того, как ты ушла на Грань.

Глубоко вздохнула, восстанавливая жуткие картины случившегося, и принялась вспоминать. Вот мир вокруг меня расползается темно-серыми кляксами, а сквозь тело проходит пустота и жуткая сущность. Я падаю, оборачиваюсь, и на моих глазах бесформенная белесая дымка обретает очертания человеческой фигуры. Она формируется, как под ладонями невидимого сумасшедшего скульптора, решившего вместо глины или мрамора использовать потусторонние силы.

— Он шел по полу, — сказала я и поежилась. — Не летел, а именно шел. У него было жуткое лицо. Немыслимо жуткое... перекошенное от злобы и ненависти...

Эрик приподнял брови. Выразительно так приподнял, и я осеклась.

— Значит, лицо, — произнес он.

— Если ты сейчас опять скажешь, что у призраков не может быть лица...

— Не скажу, Шарлотта, — он сжал мои пальцы. — Зато скажу другое. Сколько времени тебе потребуется, чтобы набросать портрет?

Глава 11

В зале-мастерской, где под ногами было раскатано огромное полотно холста, пахло красками, графитом и вошеной бумагой. Окна здесь были огромные, какие могли бы быть в анфиладе королевского дворца. Арочные, пропускающие как можно больше дневного света, что в нашей профессии немаловажно. Но сейчас, хотя снегопад и унялся, тучи по-прежнему покрывали небо густой пеленой. Из-за этого трудиться над декорациями приходилось под электрическими лампами, которых здесь было бесчисленное множество.

— Шарлотта сегодня в ударе, — заявил Ричард, когда мистер Стейдж задержал на мне внимательный взгляд.

— Я вижу, — художник кивнул на проделанную мной работу. — Это чудесно. Но мне бы хотелось, чтобы ты находила время и для отдыха, Шарлотта. Творческому человеку просто необходим прилив сил для вдохновения.

— Она сегодня даже от обеда отказалась, — заявил Джон.

Я укоризненно посмотрела на него: ябеда! Но ничего не сказала.

— И уж тем более пища насущная, — мистер Стейдж улыбнулся. — Мне нравится, что ты подходишь к делу с таким энтузиазмом, но выкладываясь сверх меры очень легко сторгеть. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

Я улыбнулась:

— Мне это в радость и совсем не сложно.

Если не сказать больше. После случившегося мне нужно было занять мысли всем, чем угодно, лишь бы не думать о «Девушке». И не только: набросок, который я составила для Эрика, заставил его измениться в лице. Он долго смотрел на эскиз, а потом сообщил, что ему нужно срочно уехать. Сказал, что до его возвращения придется походить под защитной паутиной заклинания, которое не позволит призраку причинить мне вред. Попытки расспросить его о том, что это за человек и что за загадочная женщина может ему помочь, ни к чему ни привели: Эрик сказал, что все объяснит, когда вернется.

И ушел.

Точнее, уехал.

В Вэлею.

Оставив меня наедине с пустой тубой (растерзанную «Девушку он тоже унес с собой, сказав, что незачем мне на нее смотреть), и самыми разными мыслями. Например, о том, почему его взгляд стал таким ледяным и кого он узнал по наброску, почему он не может назвать имя женщины, к которой собирается обратиться, и о том, что в Вэлее его ждет Камилла с маленькой дочерью.

Понимая, что эти мысли сведут меня с ума, я углубилась в работу. Благодаря этому балкон второго этажа, лежавший отдельно (его предстояло прикрепить к фасаду уже после завершения и установки декораций) теперь выглядел не как кусок картона, а как самый настоящий балкон. Осталось доделать небольшие детали, на которые мне указывал мистер Стейдж. Если продолжать в том же ключе, сумею закончить сегодня.

— Мы сегодня отлично потрудились. Все, — художник сложил пухлые руки на слегка приподнимающем сюртук животе. — Поэтому можно уйти пораньше.

Пораньше?

— Снова собирается снегопад, — пояснил он, — и добираться домой будет очень сложно.

Так что увидимся завтра. Спасибо всем!

Вздохнула и отправилась переодеваться: просить о том, чтобы я осталась одна в мастерской, не имело смысла. Начнутся вопросы, расспросы, а я к ним была не готова. Не готова признаться в том, что лишилась «Девушки», не хотела выслушивать сожаления, особенно самые искренние. Слишком велика была вероятность, что я просто-напросто расплачусь, когда Джон, Ричард или мистер Стейдж примутся меня утешать. Нет ничего страшнее, чем увязнуть в жалости к себе самой и в мыслях о том, чего изменить нельзя. С «Девушкой» навсегда ушла частичка... нет, не моей души, моей жизни. Сумасшедшие бессонные ночи и перерывы, когда смотришь в окно, а пальцы горят от желания продолжать писать. Огни над Бельтой, ругань на соседнем этаже и пакости Илайджи. Разговоры с Линой. Аромат врывающегося в окно лета и высоченное небо, шелест листвы, сменяющей яркую зелень на огненные краски осени. Желание дышать полной грудью и парить над землей, когда все получается, раздражение — когда нет.

Каждая картина содержит чуточку больше, чем находится у всех на виду.

Убрала халат на вешалку, привела прическу в порядок и потянулась за пальто. Эрик сказал, что Тхай-Лао привезет мне книги, по которым я буду самостоятельно заниматься до его возвращения, но мне отчаянно не хотелось ехать домой. Стоило представить, как я поднимаюсь в комнату, и мне становилось не по себе. Ледяной сквозняк, впитывающийся в мое тело, как в губку, ощущение, что руки и ноги меня не слушаются, и страшный, свистящий шепот: «Змея... Должна... Умереть...»

Опутывающие меня сети защитного заклинания поначалу чувствовались, как легкая осенняя паутинка на коже, сейчас же и вовсе пропали. Нет, в словах Эрика (о том, что призрак больше меня не тронет) я не сомневалась, но воспоминания по-прежнему заставляли внутренне содрогаться. Вчера я ушла на Грань, поэтому смогла увидеть это существо, а если оно просто будет рядом, будет парить надо мной, когда я засыпаю или сижу перед зеркалом?

Б-р-р-р.

Б-р-р-р, но ехать мне, по большому счету, особо некуда.

Разве что к Эби, только вряд ли меня теперь пустят на порог дома Фейберов. Признаться, на тот порог мне самой не особо хотелось: даже мимолетная возможная встреча с леди

Ребенкой вызывала желание держаться от особняка виконта подальше. Не представляю, что я могу ей наговорить, не представляю и представлять не хочу.

Если бы можно было переночевать в мансарде, я бы так и сделала, но ключи я уже вернула хозяину вместе с полным расчетом. Наверняка, туда уже кто-то заселился, и...

Миссис Клайз!

Улыбчивая сухонькая старушка, боящаяся паровых котлов и электричества. Старушка, которой я подарила картину с зонтиками, и которая всегда была не прочь поболтать на лестнице (со всеми, кого встречала), чем вызывала раздражение у большинства соседей. Она останавливалась, немыслимым образом перегораживая своей хрупкой фигурой ступеньки, и говорила обо всем на свете, начиная с погоды и заканчивая новостями, почерпнутыми из газет. Последних у нее в квартире, кстати, было бесчисленное множество: она их не выбрасывала, а раскладывала по углам, из-за чего их частенько подбьдали мыши. С тех пор, как умер ее муж, она осталась одна (детей у них не было), поэтому пообщаться миссис Клайз любила.

Решено!

Поеду к ней в гости. Только куплю чего-нибудь к чаю: если правильно помню, она любит пироги с вишневым вареньем.

Улыбнувшись своим мыслям, поправила шляпку, распахнула дверь и оказалась лицом к лицу с Ирвином.

— Прежде чем ты пройдешь мимо, Шарлотта, — он шагнул ко мне почти вплотную, — и будешь права, я хочу сказать, что ничего не знал о случившемся. Я действительно заикнулся на себе, а не на том, на что стоило бы обратить внимание. Мне было сложно принять, что в твоей жизни появился другой мужчина. Сложно принять, что я не сумел тебя от него защитить, но я даже предположить не мог, что произошло в мое отсутствие. Я не прошу прощения, потому что такое сложно простить. Я просто прошу о возможности поговорить с тобой. Недолго.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри трескается хрупкая скорлупка запечатанных наглухо чувств. Если я кого и ожидала здесь увидеть, то Ирвина — в последнюю очередь. Не после того, как мы расстались, не после того, что мы наговорили друг другу. И все-таки сейчас, глядя ему в глаза, почти не дышала. Это странное, глупое чувство, что все еще можно вернуть, всегда приходит не вовремя и бьет в самое сердце.

— Мы можем поговорить на улице, — сказала я. — Сюда сейчас придут мои коллеги. Комната, где можно переодеться и запереть одежду, была одна на всех, но Ричард и Джон всегда уступали ее мне, как утром, так и после работы.

— На улице не получится, — сухо произнес Ирвин. — Там дежурит твой согладатай. Нахмурилась.

— Тхай-Лао не согладатай. Он просто сопровождает меня...

— Да брось, Шарлотта. Он «просто сопровождает» тебя, чтобы докладывать о каждом твоём шаге своему хозяину. Ты же так любила свободу, и где все это сейчас?

Должно быть, я изменилась в лице, потому что Ирвин покачал головой.

— Прости. Я не ссориться пришел, просто никак не могу с этим смириться.

Прежде чем я успела ответить, в коридор с хохотом вывалились мужчины.

— А я тебе говорил, что... — начал было Ричард, но тут увидел нас и осекся.

Ирвин был в штатском, но широкие плечи и выправка сразу выдавали в нем военного.

Возможно, еще чересчур пристальный, цепкий взгляд — как рыболовный крючок, которого я раньше за ним не замечала. Возможно, не замечала, потому что раньше он таким не был.

Что и говорить, он тоже... повзрослел.

— Ирвин, это мои коллеги, мистер Ричард Фард и мистер Джон Рэнгхольм. Ричард, Джон, это...

Я запнулась, потому что не знала, как теперь представить Ирвина. Раньше я могла сказать «лорд Ирвин Лэйн», сын моего опекуна, но сейчас привязывать имя Оливера Лэйна, виконта Фейбера, к себе я не хотела. Да и не знала, хочет ли этого Ирвин.

— Лорд Ирвин Лэйн, — он первым нарушил молчание и шагнул к мужчинам, по очереди встречая рукопожатия. — Сводный брат Шарлотты.

— Брат? — переспросил Джон.

— О... а я-то уж думал, что мы наконец-то познакомимся с тем, кто занимает все ее мысли.

Глаза Ирвина заledenели, и Джон поспешно наступил Ричарду на ногу. Пospешно, но все равно уже поздно, если можно так выразиться. В одном Ирвин был точно прав: если Тхай-Лао увидит нас вместе, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Вы позволите нам поговорить здесь? — спросила я. — Это недолго.

— Да нам только халаты сбросить, — заметил Ричард, который мигом стал серьезным. — И вещи забрать.

Они действительно управились за минуту: когда их голоса затихли в конце коридора, Ирвин открыл дверь и указал мне в сторону комнаты. Шагнула внутрь (свет мужчины оставили включенным), и только сейчас вспомнила, что я уже одета. Сняла шляпку, расстегнула пальто и положила его на спинку стула. Закусила губу и повернулась к Ирвину.

— Я просто хотел сказать, что мне жаль, — произнес он. — Жаль, что так получилось с картиной, что мне не хватило понимания, чтобы почувствовать, насколько для тебя это важно. Для меня эта статья показалась всего лишь трепом, но для тебя...

— Это все в прошлом, Ирвин, — я покачала головой.

Прислушалась к себе и поняла, что да. Действительно в прошлом.

По крайней мере, статья.

— Я рад, если так.

Кивнула. Рассказывать о том, что случилось с «Девушкой» не хотелось. По большому счету, теперь это тоже в прошлом. Как и многое другое.

— Я не знал, что леди Ребекка твоя мать.

Хрупкая скорлупка треснула сильнее. Если бы я могла закрыться, защититься от этого взгляда навывлет, так бы и сделала, но я не могла. Поэтому просто сложила руки на груди.

— И уж тем более не представлял, что она на такое способна. Ты говорила ей про долговую метку?

— Говорила.

Еще сильнее.

Запертые внутри чувства поднимались волной, грозя смести меня вместе с остатками самообладания, поэтому я покачала головой.

— Пожалуйста, Ирвин, давай не будем. Просто скажи, зачем ты пришел.

— За этим. Я пришел за этим, Шарлотта. С той минуты, как я узнал о случившемся...

Он шагнул ко мне, и я отступила. Наткнулась на стул, поэтому Ирвин остановился, в потемневших глазах отразилось... что? Сожаление? Мои чувства? Я не знала. Знала только, что оно может выбить меня из хрупкого равновесия, в котором я уверенно (или не очень) держалась последние дни.

Неделя.

Даже меньше. Меньше недели прошло с того дня, как леди Ребекка пришла ко мне, чтобы поговорить, а потом попыталась меня увезти. Вытряхнуть из жизни: из своей, из Лигенбурга, вымарать, стереть, как однажды стерла из своего сердца саму мысль о том, что я ее дочь.

Почему?!

— Я не могу ни о чем больше думать. Я вообще ни о ком не могу думать, только о тебе. О том, что оставил тебя одну. Уже в который раз.

Нет, это уже слишком.

Во мне сейчас столько всего намешано, что если продолжать в том же духе, я просто взорвусь (как тот паровой котел, которого боялась миссис Клайз), и полечу над Лигенбургом. Вот только у меня даже зонтика нет, чтобы за него зацепиться.

— Ты ведешь им счет?

Спросила исключительно для того, чтобы чем-то заполнить паузу. Эта пауза была слишком яркой и звучала на разные голоса. Смехом леди Ребекки, подхватывающей меня на руки на побережье, резким и сухим, как ветки под ногами по осени, голосом ее отца и его взглядом, пронизывающим, как порыв ледяного ветра. Чеканным и церемонным, как монетный звон отсчитываемых в банке денег — виконта Фейбера, и резковатым, ломающимся — Ирвина, когда мы впервые увиделись. Он наклонился и протянул мне руку (совсем не кичился тем, что мальчишка, да еще и намного меня старше, чтобы обращать внимания на такую мелочь, как я), улыбнулся и сказал: «Ну здравствуй, Рыжик».

— Веду. Первый был, когда я уехал в Рихаттию, — Ирвин достал из внутреннего кармана сюртука ленту, и у меня потемнело перед глазами.

Лента (лазорева, как спокойное летнее море в жаркий день), лежала у него на ладони.

Лента, которую он подарил мне. Мы были в городе, и я увидела ее на витрине: она лежала среди множества таких же, выделяясь только простеньким узором, расшитым бисером. Я смотрела на нее, не отрываясь, и он запомнил. Кажется, дороже подарка у меня не было за всю мою жизнь.

Я отдала ее ему, когда он уезжал в Рихаттию, отдала со словами:

— Только ты не забывай меня, пожалуйста.

— Не забуду. Никогда не забуду. Что бы ни случилось, сколько бы лет ни прошло, я всегда буду тебя любить, и всегда буду с тобой, даже если я далеко. Слышишь?

Наши голоса вплетались в то, что я помнила, слышала, чувствовала.

Вплетались, как лента в мои волосы (впервые именно Ирвин заплел мне косу с ней: такую кривую, с торчащими в разные стороны прядями), и скорлупка осыпалась пылью. Я почувствовала, что у меня дрожат губы, а вместе с ними и сердце. Он ведь мог представиться Джону и Ричарду как угодно, но вместо этого назвался сводным братом. Сказал, что я его сестра... несмотря ни на что.

— Я знаю, что поздно, но... — Ирвин помолчал и добавил: — Что бы ни случилось, ты всегда можешь рассчитывать на меня, Рыжик.

Он шагнул ко мне, обнял прежде, чем я успела вздохнуть. И лента скользнула по моему плечу шелковой рекой.

В его объятиях было уютно, тепло, но... неправильно. Сама не знаю почему, осторожно отстранилась.

— Прости.

— Тебе не за что просить прощения, Шарлотта. Я слишком часто тебя подводил.

— Нет, дело не в этом. Просто...

— Дело в нем, я знаю, — голос Ирвина стал глухим. — Дело всегда было в нем, но я был слишком слеп, чтобы это увидеть. Чтобы тебя понять. Я столько всего тебе наговорил... жестокого, лишнего, Рыжик, но я просто с ума сходил, когда все это узнал. Был зол на него, на себя, на тебя, на весь мир.

— Я тоже много всего наговорила, — призналась, глядя ему в глаза. — Но мое мнение не изменилось, Ирвин. Ты же это понимаешь?

Он плотно сжал губы, но потом кивнул.

— Понимаю. Для меня это ничего не меняет.

Сейчас, когда я уже немного справилась с чувствами, говорить было легче. Если в настоящем наши отношения начнутся снова, это будет нечто совсем другое, непохожее на то, что было между нами раньше. Тот мальчик, который подарил мне ленту, будет жить в моих воспоминаниях, на смену ему придет мужчина, который сейчас стоит передо мной. Какой он сейчас? Я видела Ирвина разным, видела его глазами маленькой девочки, и девушки, влюбленной в образ, оставшийся в прошлом.

Теперь все иначе.

— Леди Ребекка уехала в Фартон, — неожиданно произнес он. — Отец ничего не знал о том, что ты... в общем, он был в бешенстве. Сказал, что не желает ее больше видеть рядом с собой.

От неожиданности замерла, а Ирвин подвинул стоявший рядом с нами свободный стул.

— Может, присядешь?

Опустилась на него скорее неосознанно, а он подвинул еще один. Сел и, слегка расстегнув сюртук, чуть подался ко мне.

— Не уверен, что понимаю, что там вообще произошло.

— Если честно, я тоже.

— Ты не пыталась поговорить с матерью?

— Не думаю, что она хочет ей быть.

— А ты спрашивала, Шарлотта?

Помолчала, кусая губы.

— По-моему, она все сказала своим поступком.

— Мы все совершаем глупости. О которых потом жалею, — Ирвин отодвинулся, видимо, понимая, что я все еще испытываю некоторую неловкость.

Лента скользнула с моего плеча вниз, я едва успела ее подхватить и принялась осторожно сворачивать. Виконт Фейбер отказался от леди Ребекки, стоило ему узнать правду. Не этого ли она боялась, когда хотела отправить меня в Фартон? И ради чего жить рядом с человеком, который вышвырнет тебя из своей жизни только потому, что ты... что? В прошлом наделала глупостей? Или была отчаянно, безоглядно влюблена?

— Виконт... твой отец говорил о разводе? — спросила я, глядя на лазоревый шелк, складывающийся между пальцев легкими волнами.

В нашем обществе развод — клеймо похуже, чем связь до брака. Разводятся только с женщинами, опорочившими себя самым страшным образом, вот только почему-то никто не думает, что мужчина тоже способен себя опорочить. Неужели в жизни виконта Фейбера не было ни одного греха? Он чист, как младенец? Да ни за что не поверю! Женщина не может стать инициатором развода, пусть даже ее муж пускается во все тяжкие, и она об этом узнает. Больше, что может сделать обманутая жена, это вернуться в родительский дом.

— Нет. Сейчас все выглядит так, будто она поехала ухаживать за графом, ему и правда нездоровится. Впоследствии, надеюсь, мне удастся уговорить отца, чтобы он позволил ей вернуться.

— Позволил?! — я вскочила. — По-твоему это нормально?! Ирвин, а... а... Миралинда?! Только сейчас вспомнила о сестренке. Всевидающий, а она ведь действительно моя сестренка, сестренка по матери!

— Миралинда осталась здесь. Отец не позволил ее забрать.

Ирвин тоже поднялся, а я задохнулась от жесткой прямоты этих слов. Не позволил ее забрать! Получается, леди Ребекка осталась совсем одна?! Ведь там, в Фартоне, она тоже была одна. Этот пронизывающий колющий взгляд, взгляд ее отца (и моего деда!), я помню очень хорошо. Тогда я не могла его понять, но сейчас... что ей пришлось пережить в те годы?!

— Шарлотта, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы это исправить. Сейчас отцу просто надо немного остыть и подумать...

— Подумать! Подумать ему точно надо, головой, а не тем, на чем он сидит! — выдохнула я. — Она рисковала всем, чтобы сберечь его репутацию, она... она готова была...

Перед глазами возникло лицо Эрика, залитое бледностью, стремительно расплывающееся по белоснежному рукаву кровавое пятно. Почему-то в эту минуту мне резко захотелось леди Ребекку жалеть. Все сострадание мигом испарилось, осталось только желание как следует встряхнуть ее за плечи и, глядя в глаза, спросить: «Ну и чего ты добилась?»

— Она стреляла в человека.

— Она не знала, кто он, — негромко произнес Ирвин. — С какими намерениями пришел за тобой. Об этом ты не подумала?

— Сейчас ты скажешь, что она хотела меня защитить.

— Возможно, это действительно так.

От меня не укрылось, что он сказал «возможно». Без какого-либо давления и нажима, поэтому я просто протянула ему свернутую в рулончик ленту, но Ирвин покачал головой.

— Нет, Шарлотта. Она твоя. Можешь выкинуть, если хочешь.

— Выкинуть? — вскинула брови. — Зачем мне ее выкидывать, Ирвин?

— Потому что ты сейчас стоишь передо мной, но чувство такое, что с каждой минутой отдаляешься все сильнее, — голос его стал глухим от горечи. — И я не знаю, что мне с этим делать.

Эта горечь ударила так сильно, что на миг стало нечем дышать.

— Я вовсе не отдаляюсь, Ирвин, — прошептала. — Просто мне нужно время... время, чтобы справиться со всем, что сейчас происходит в моей жизни. Я бы очень хотела, чтобы между нами все было как прежде, но как прежде уже не получится.

— Знаю. Я сам в этом виноват.

— Нет. Никто в этом не виноват, — я шагнула к нему, положив руки поверх его, и подняла голову, заглядывая в глаза. — Ты сказал, что ты мой брат, и это правда. Ты мой брат, и всегда им останешься, но нам с тобой нужно привыкнуть к тому, какими мы стали. Не

только мне, и тебе тоже. Думаешь, я не вижу в твоих глазах лед, когда речь заходит про Эрика?

Ирвин дернулся, ноздри его шевельнулись.

— И это нормально. Мы выросли рядом, но потом... сейчас мы слишком разные, понимаешь? Я рада, что мы увиделись, рада, что поговорили нормально, без взаимных упреков и обвинений. И я рада, что у меня есть такой брат, как ты. Самый лучший брат в мире.

Он перехватил мою руку, легко сжимая пальцы поверх ленты.

— Тебе идет коса.

— Тугая, или такая, как ты заплел в первый раз?

В глазах Ирвина сверкнули смешинки, и я поняла, что тоже улыбаюсь.

— Это была моя первая коса.

— Это было заметно!

— Эй! — он приподнял брови. — Ты хочешь меня обидеть?

— Вовсе нет, — я закусила губу, чтобы не рассмеяться, а потом добавила уже серьезно. — Спасибо. Спасибо, что сохранил ее для меня.

Взгляд Ирвина потеплел. Он дождался, пока я спрячу ленту в сумочку и подал мне пальто.

— Буду рад любой весточке от тебя, Шарлотта. У тебя ведь остался мой адрес?

Кивнула: тот конверт, что он передал мне в нашу прошлую встречу, Сюин перевезла в дом вместе с остальными вещами. Я спрятала его в тумбочку, но так туда и не заглянула.

— Когда я говорил, что ты всегда можешь на меня рассчитывать...

— Я знаю.

Глаза потеплели еще сильнее. Теперь они действительно напоминали по цвету высокое летнее небо, под которым так здорово лежать в траве и слушать жужжание пчел.

На этот раз я первой шагнула к нему и обняла: легко, осторожно. Ощущения неловкости и неправильности больше не было, пусть даже Ирвин на мгновение замер, а потом мягко привлек меня к себе, едва коснувшись виска подбородком. Задержал это объятие на миг, и тут же отпустил, провожая взглядом мой шаг назад. Какое-то время молча смотрел на меня, а потом поцеловал мне руку и вышел, оставив наедине с удивительно светлым чувством. Это чувство разрасталось внутри, согревая и заставляя улыбаться.

Широко-широко, как в детстве.

Я завязала банты шляпки, закусила губу, глядя на свое отражение, а потом вышла в коридор. Прошла по ковровой дорожке, кое-где истертой, слегка смягчающей стук каблуков, спустилась на первый этаж.

— Доброй ночи, мистер Гарс!

Мужчина, сидящий за конторкой, поднял голову.

— Доброй ночи, мисс Руа.

— Спасибо, что пропустили моего брата.

Несмотря на обманчиво-добродушную внешность (седые бакенбарды и широкое круглое лицо), пройти мимо него не представлялось возможным. Служебный вход предназначался только для персонала, и ни для кого больше.

Густые брови сошлись на переносице, соединяясь в рожицу-уголок. Мужчина пристально взглянул на меня.

— Боюсь, я не видел вашего брата, мисс Руа, — строго сказал он. — Вы же знаете, правила одинаковы для всех.

— О... понимаю, — кивнула. Он наверняка намекает на то, что это должно остаться между нами. — Все равно большое вам спасибо.

— Мисс Руа...

— Спасибо, мистер Гарс!

Меня ждут пироги с вишневым вареньем и уютная квартирка миссис Клайз! С этими мыслями я и шагнула на улицу, в укутавшую Лигенбург шубой сугробов зиму. А потом к экипажу, возле которого меня дождался Тхай-Лао.

Ольвиж, Вэлея

Эрик

Эрик смотрел на роскошный трехэтажный особняк, отрезанный от суеты улиц высоким кованым ограждением. Огромный по городским меркам внутренний двор, высокие этажи и квадратные окна, расчерченные перекрестьями рам. В зимние сумерки просачивался свет: теплый, яркий, растекающийся по светлому камню стен. Этот особняк, пожалуй, был главной достопримечательностью улицы и располагался в самом сердце Ольвижа, неподалеку от набережной Лане. Поблизости многочисленные парки и площади, мосты, увенчанные скульптурами и фонарями, бесконечное многоголосье, шум, суета и краски. Кто бы мог подумать, что она, так любившая уединение, сможет жить в таком месте. Кто бы мог подумать, что она откажется от своей магии. Безумной, сильной, неистовой, темной и такой притягательной.

Только ненормальный мог назвать магию Смерти притягательной.

Так что Шарлотта права, он ненормальный. Но именно из-за нее он здесь.

Расставаться с ней, оставлять ее одну надолго не хотелось, но переход порталом между городами отозвался бы ему магическим истощением на несколько дней. Отец был очень силен, но портал, который он однажды открыл между Вэлеей и Маэлонией, стоил ему двух суток могущества. Эрик не видел его в те дни: Симон Эльгер никому не показывал своей слабости. Не видел, но знал, что к нему не входила даже прислуга, единственный, кого допускали в покои отца — целитель, которому тот безоговорочно доверял.

Поэтому пришлось потерять пару дней в дороге, вдали от Шарлотты. И еще столько же придется потерять на обратном пути.

Эрик шагнул на мостовую, сунув руки в карманы. Прохладный ветер швырнул волосы на лицо, но он даже не стал их убирать. Не стал запахивать пальто: зимы в Вэлее гораздо более мягкие и теплые, чем энгерийские. Даже в Ольвиже, что уж говорить о Ларне, где находится поместье брата.

И этот дом тоже принадлежит ему.

Наверняка нашпигованный магическими ловушками, как кекс изюмом. Даже не прибегая к магии, Эрик мог почувствовать часть из них, а пройти их все, даже самые сложные, можно было просто пустив по венам золотую мглу. Силу хэандаме, антимагию, которая погасит любой магический удар. Нет, брешью в защите жилища Начальника Комитета (или попросту вэлейской разведки), это не было. Просто в мире осталось всего четыре человека, наделенных антимагией.

Трое из них жили в этом доме.

В доме, который он ни разу не видел до сегодняшнего дня, намеренно обходя его стороной.

Эрик приблизился к тяжелым кованым воротам и положил ладони на прутья. Металл впился в кожу холодом (перчатки он сунул в карман еще в экипаже, да так и не надел их снова). Изумрудные искры под пальцами вспыхивали и гасли, обтекая заостряющиеся наверху темные колья. Странное это было чувство: стоять в нескольких футах от крыльца, невысокого, уходящего вглубь дома, подсвеченного фонарем. Стоять и знать, что где-то там ходит женщина, которая долгие годы была его наваждением. Сумасшедшим, выжигающим кровь и разум, заставляющим забывать обо всем.

Где-то совсем рядом. Так близко.

Возможно, сидит с документами в кабинете — она занималась домами и школами для сирот, и под ее покровительством они действительно расцветали. Или над книгами, книги ее страсть. Возможно, практикуется в магии, которую никому никогда не раскроет, или просто...

Довольно!

Решительно толкнув тяжелые ворота, шагнул на ведущую к дому дорожку. С этой стороны она была короткой, не в пример той, что протянулась сквозь уснувший на зиму сад с фонтаном.

Шаги отдавались в ушах эхом, подхваченные ветром, разносились по улице: чуть более безлюдной, чем она могла бы быть в такое же время осенью, весной или летом. Шум за спиной — проехал экипаж. Женский смех и стук каблучков, негромкий бас. Эрик шагнул на крыльцо, но даже не успел прикоснуться к цепочке звонка. Дверь распахнулась, а яростный взгляд в упор мало напоминал приветствие.

— Что ты здесь делаешь?

— Я бы тебя рассчитал, Жером.

Бессменный дворецкий и друг брата, который тоже работает на Комитет. Светловолосый, невысокий и крепкий, ему бы больше подошло махать кулаками в подворотне, в уличных боях за ставки на пару ночей с девицей, чем встречать гостей брата. Но тут уж каждый выбирает сам.

— Повторю. Всего. Один. Раз: что тебе нужно?

— Поговорить. Не с тобой. Поэтому будь любезен, — указал ему за спину, — сообщи властелину Вэлеи всея, что я здесь.

— Ты полтора часа торчишь под нашими окнами. Думаешь, он об этом не знает?

— И что, совсем не хочет поговорить с блудным братом?

Улыбка на губах вышла сама собой, а вот Жерома знатно перекосило.

— Как еще объяснить, что тебе здесь не рады?

— В твои обязанности это не входит.

Эрик шагнул в дом, не дожидаясь ответа. Движение за спиной уловил сразу, и отреагировал мгновенно: блокируя захват, легко выпуская из шафта лезвие и отточенным молниеносным движением перекрывая любую попытку дернуться. Смотреть Жерому в лицо над вжатым в горло острием было приятно. Совсем как в старые добрые времена.

— Магия, — произнес, наслаждаясь удивлением и яростью в серых глазах, — давно не единственное, чем я могу тебя уложить. Надеюсь, не в обиде?

Приподнял брови, глядя как бешено бьется жилка пульса и дергается кадык.

Возможно, именно поэтому и не заметил легкое колебание воздуха справа: точнее, заметил, но слишком поздно.

Игла кинжала коснулась шеи над воротником-стойкой. В ту же минуту, как за спиной раздался жесткий голос брата:

— Отойди. От него.

— Братец, ну ты бы хоть репертуар сменил, что ли.

Лезвие шиинхэ, иньфайского кинжала, обжигало кожу. Сквозь холодный металл по телу бежали огненные нити, рождая внутри знакомое чувство. Знакомое и опасное: проверить себя на прочность. И Анри заодно.

Жером, судя по взгляду, готовый превратить его в обугленную головешку (наградил же Всевидящий огненной магией идиота!), к счастью, отлично понимал, что любое движение будет стоить ему жизни. Поэтому только бесился (видно по сжатым губам, смятым как бумажные полоски), не забывая жрать себя с потрохами за неудавшуюся попытку вышвырнуть его из дома и за то, что так легко подставился. Впрочем, Жером волновал Эрика меньше всего.

Если чуть скользнуть взглядом по лезвию, можно увидеть брата. Точнее, смутную тень, пойманную в ловушку отражения металла.

— Кажется, я говорил, что в этом доме тебе нечего делать.

— Да ну?

Давно он такого не испытывал: все предыдущие встречи были слишком официальными и короткими. В этой была своя особая прелесть. Особенно когда шиинхэ ужалил кожу, впиваясь в нее раскаленной иглой.

— Я повторять не стану.

— Не боишься, что у меня рука дрогнет? Конвульсии, все дела... Замучаешься пол оттирать.

— Может, хватит уже?!

Звнящий от гнева голос. Звнящий, яростный, сильный и такой знакомый.

Голос, который звучал в воспоминаниях сквозь года, расстояние и пространство. Наяву и во снах. Шаги за спиной, шорох платья.

Этой встречи он ждал столько, что со временем потерял счет дням. Медленно отвел от горла Жерома лезвие, медленно вернул его в шафт и так же медленно обернулся. Скользнул взглядом по брату, чьи глаза сейчас были не теплее жала шиинхэ, а потом взглянул на нее.

— Почему вы не можете просто нормально поговорить?

— Потому что нормально и он — несовместимые вещи, Тереза.

За годы, что они не виделись (страшно представить, сколько) Тереза стала еще красивее. В чертах, правильных и резких, на чей-то взгляд особенно резких для женщины, появилась непривычная мягкость. Ее красота всегда была темной, как ее магия, но сейчас никто в здравом уме не назвал бы эту женщину Леди Смерть. Только складки у губ и сложенные на груди руки выдают настроение.

Знакомое настроение.

Его Тереза...

Нет, не его.

— Что тебе нужно? — Анри шагнул в сторону, закрывая жену собой.

А вот черты его лица, напротив, стали гораздо резче. Глубокие морщины, собравшиеся на лбу, придавали лицу Анри Феро опасную хищность. Точно так же, как подрагивающие крылья носа, но сильнее всего был взгляд. Навылет, как кинжал шиинхэ, которым братец остановил сердце Вероник.

— Поговорить.

— Все, что ты хочешь мне сказать, ты можешь сделать в Управлении.

Эрик усмехнулся: в Управлении Комитета, в ведомстве брата он бывал не раз. Первые пару лет по возвращении, можно сказать, был частым гостем — Анри постоянно находил предлоги для встреч, целью которых неизменно было одно. Убедиться, что с его, Эрика, психическим состоянием все в порядке, и что прошлое осталось в прошлом. Проверки по предприятию, которое взяли под особый контроль, доскональное изучение связей, интересов, мест, которые он посещал. Поначалу все это здорово раздражало, потом... потом стало обыденностью.

Не считая холодной ярости, змеей свернувшейся в сердце.

Он помнил, как пришел в себя в холодной сырости подземелий, помнил лицо Вероник, обманчиво-беззащитное, в смерти застывшее восковой маской. Пусть она была слепо предана отцу, она всегда оставалась его сестрой.

Сестрой, способной убить за него.

Или умереть.

— Боюсь, в Управлении не получится. Мне нужна Тереза.

Взгляд брата заледенел, как льды севера.

— Нет.

— А что ты скажешь на это?

Портрет графа Аддингтона, который набросала Шарлотта, лежал сложенный вчетверо во внутреннем кармане сюртука. Эрик медленно достал его, держа на весу и позволяя бумаге раскрыться под весом собственной тяжести.

Вот теперь взгляд брата изменился: стал пристальным, хищным, цепким.

Тереза приблизилась, ее аромат коснулся кожи невидимой одурью. Горьковато-сладкий аромат лаванды, который неизменно носил на себе Анри.

Теперь и она.

— Что это?

— Это нарисовала женщина, на которую он набросился. Сейчас мне нужно понять почему, а главное, как это произошло.

Супруги переглянулись. Судя по короткому замешательству, вклинившемуся в яростный взгляд Жерома, Аддингтон произвел на них впечатление не менее сильное, чем когда он сам впервые увидел набросок Шарлотты.

— Анри, пойдем в кабинет, — ладонь Терезы мягко легла на плечо мужа.

— Нет.

— Нет? Ты сам знаешь, что это значит.

— Это тебя не касается.

— Касается, еще как! — Темные глаза сверкнули, всю мягкость как рукой сняло. — Это касается моего брата и Луизы, а значит, и меня тоже.

Жером выхватил портрет из его рук, и Эрик, приподняв брови, оперся о трость. Взгляды супругов скрестились, но даже сейчас в них не было противостояния. Скорее, вопросы, понятные только им двоим. Молчание было настолько громким, что он с трудом удержался от комментария. Исключительно потому, что помощь Терезы сейчас ему действительно была очень нужна.

— Ладно, — сухо произнес Анри и кивнул в сторону центральной арки.

Лестницы, привычно уводящей из холла наверх, здесь не было. Зато были коридоры, расходящиеся в разные стороны, в один из них они сейчас и направились. Эрик — вслед за Жеромом, и пусть для незнающего это выглядело как провожающий гостя дворецкий, на самом деле это был конвой. Учитывая, что в спину ему дышал дружелюбно настроенный братец, пусть даже рядом с ним шла она.

Лестница обнаружилась в просторном зале: извиваясь локоном, уходила на второй этаж. Справа от нее распластались высокие арочные окна (портьеры на одном задернули неплотно). Повсюду светлый камень и двухцветная плитка на полу, лепнина на небольшом балкончике, у дверей на второй этаж.

Мимо этого балкончика они и прошли, свернув в очередной переход, к кабинету брата.

Просторному и днем, должно быть, достаточно светлому. Анри отодвинул для Терезы кресло, стоявшее рядом с массивным столом из орехового дерева. Она опустилась в него, и только самый внимательный мог заметить, что их пальцы соприкоснулись, когда Анри скользнул ладонью вдоль подлокотника.

Эрик заметил.

Заметил и вдруг осознал, что эта странная, проникновенная, выматывающая душу и сердце нежность между ними больше не бьет раскаленным хлыстом. Больше всего на свете ему сейчас хотелось точно так же дотронуться до Шарлотты. Коснуться хрупких пальцев: едва уловимо, украдкой сорвать улыбку с мягких, нежных губ. А потом долго и упоительно целовать: до тихих, отзывающихся возбуждением стонов. Целовать, пока ее губы не припухнут, не станут болезненно-чувствительными под любым самым легким прикосновением...

Эта мысль оглушила. Пронзила, вышла навывлет между лопатками, пригвоздила к месту.

В его жизни было множество женщин, но рядом с ними он неизменно думал о Терезе.

А сейчас, рядом с ней — о Шарлотте.

— Кто эта женщина? — вопрос брата выбил в реальность с силой магического удара.

— А есть разница?

— Есть, — Анри передвинул лежавшую на столе папку, по виду абсолютно пустую. — Мне нужно понять, что это не очередной из твоих трюков.

— Доверие — главное в семье, — пробормотал Эрик, опуская глаза на носки ботинок.

— По-твоему, это смешно? — голос брата был металлическим, как колонна его настольной лампы под неброским, в тон ореховым тонам кабинета, абажуру.

— Ты видишь на моем лице улыбку? — он поднял голову, встречая его взгляд.

Напряжение задрожало, как перетянутый холст. Скулы брата обозначились четче, крылья носа чуть дрогнули.

— Тебе придется поверить мне на слово, братец.

— Последний раз, когда я поверил тебе на слово, мы чуть не умерли.

— Не умерли вы тоже благодаря мне, не так ли? — Эрик приподнял брови.

Холодная ярость, клубком разворачивающаяся внутри, брызнула в кровь.

— Ты точно ничего не путаешь?

— Ни капли. Вы живы благодаря мне, именно я вас спас.

— Ты себя-то спасти не можешь, — Анри подался назад, только приклеившиеся к поверхности стола ладони, обманчиво-расслабленные, выдавали его с головой.

— Ты сейчас о чем?

— О бумагах, которые ты должен подписать, Эрик.

— Должен? Кому?

На скулах брата заиграли желваки.

— Вэлес.

— О да, Вэлес я должен безмерно! За то, что меня вышвырнули, как нашкодившего щенка, на другой конец света.

— Сейчас не время для старых обид. Ты прекрасно знаешь, что после смерти Альтари престол шатается, как...

— С удовольствием посмотрю, как он рухнет, — узор набалдашника впился в ладонь.

— Не посмотришь. Я не выпущу тебя из страны, пока ты не подпишешь бумаги.

— Да ты что?!

Магический фон уплотнился, стал густым и вязким. Он чувствовал, как магия искажений втекает в ладони, готовая вот-вот вырваться на свободу. Обрушиться ядом искр, молний, сметая хрупкое препятствие между ними.

— Ты и так прятался слишком долго. Имей смелость выйти на свет, — прорычал Анри.

— Ты прячешь магию своей жены ото всех. И ты говоришь мне о смелости?

Глаза брата полыхнули золотом, и это отрезвило. Что, демоны его раздери, он делает?

«Время уходить под водопад», — говорил Джинхэй, когда безумие накатывало волнами, а ярость и отчаяние рвали на части.

Спокойствие. Контроль. Выдержка.

Он здесь совсем по-другому поводу.

Эрик глубоко вздохнул и оттолкнул трость, с глухим стуком ударившуюся о крышку стола.

— Даю слово, что никакого подвоха нет. Шарлотта не видела Аддингтона и не могла его знать.

— Шарлотта? — губы Анри дрогнули. — Одна из твоих...

Резкий хруст прорвался сквозь взорвавшуюся ледяным холодом магию. Сверкающие на пальцах изумрудные искры, отозвавшиеся золотом глаза. Полоса поперек стола напоминала трещину в дереве, которое пришло в негодность. В целом и общем, стол действительно пришел в негодность... из-за магии смерти.

— Закончили? — ядовито поинтересовалась Тереза.

Глаза ее сверкали так, что бра за спиной Анри, по обе стороны от тяжелых портьер, померкли.

— Тогда давайте перейдем к делу. В Лигенбурге убивают девушек. Душат. Оборачивают вокруг шеи змей.

Эрик кивнул:

— Да, я читал в газетах.

— В газетах вряд ли напишут, что все девушки были рыжими, — голос Анри по-прежнему был жестким, но теперь уже по-деловому. — Все были достаточно свободного поведения.

И о том, что они слышали перед смертью: «Змея должна умереть».

Вот теперь пальцы снова сжались, на сей раз на подлокотниках.

«Змея должна умереть». То же самое сказала Шарлотта.

— Что ты знаешь об Аддингтоне? — хмуро поинтересовался Анри.

— Он путался с папочкой и знал секреты мааджари. Он же пытался убить де Мортена, и это убило его.

Супруги переглянулись.

— Он действительно пытался уничтожить моего брата, — сказала Тереза. — Только убил его не Винсент.

Разговор получился долгим. О событиях, когда граф Аддингтон пытался подставить де Мортена, наложив смертельное заклятие на его бывшую... гм, возлюбленную, а ныне жену. Суть «змеиного» заклатья в том, что женщина становится зависима от мужчины страстью и верностью. В случае, если она попытается ему изменить, умрет от удушья. По сути, на это Аддингтон и рассчитывал: в те годы будущая герцогиня не отличалась примерным поведением. Заклятие, которое она активировала «случайно» должно было ее убить, но случилось иначе. Луиза искренне любила де Мортена, и это спасло ей жизнь.

Когда Аддингтон понял, что заклятие не сработает, он решил убить ее сам, заставив спрыгнуть с балкона в оранжерею, в замке де Мортена. В случае смерти Луизы заклятие выплыло бы наружу, и в этом обвинили бы Винсента. Заклятие на крови такого уровня мало кто мог сделать, а де Мортен — очень сильный маг, и на Луизу, в прошлом опозорившую его и сбежавшую из-под венца, у него точно был зуб. К тому же, кровь герцога добыть очень и очень непросто.

— Как ему вообще это удалось? — хмыкнул Эрик.

— Он воспользовался нашим хранилищем, — Тереза пожевала губы.

Хранилище предназначалось для магического консервирования крови аристократов и королевских особ. Чтобы в случае их внезапной смерти некромант мог расспросить умершего о случившемся.

— И как он туда попал?

Попасть в хранилище Биго могли только Биго.

— Влез в голову нашей младшей сестры. Лави тогда была еще совсем ребенком, — ноздри Терезы раздулись. — Пытался подчинить меня, но ему это не удалось, тогда и принялся за нее.

Попытка убить Луизу удалась бы, если бы де Мортен не успел вовремя. Защищая ее, он выложился на полную, но магии искажений и знаниям мааджари мало кто может что-то противопоставить. Непонятно, знал ли Аддингтон о другой стороне заклęcia (в основе его лежала клятва верности воинов-армалов), позволяющая в случае опасности обернуться огромной змеей, чтобы защищать того, кому присягнул, до последнего вздоха. Скорее всего знал, но даже не предполагал, что в хрупкой женщине хватит смелости и магического ресурса, чтобы совершить оборот.

Как бы там ни было, Луиза обернулась, убила Аддингтона, тем самым спасла Винсента и себя. После чего Аддингтон, а точнее, его призрак, остался в оранжерее.

— Мне сейчас другое интересно, — Эрик постукал пальцами по столу. — Даже если предположить, что он не растаял со временем, как он оттуда выбрался? Я помню ситуацию с твоим искрящим папулей, Анри, без обид. Но если мне не изменяет память, это был единичный случай. К тому же, призраки всегда привязаны к месту. Ты же сама его вытащила?

— Да, я открепила лорда Адриана от развалин в Ларне.

Тереза задумчиво посмотрела сквозь портьеры. Сдается, гораздо дальше, чем могли предположить все присутствующие.

— Лорд Адриан был первым и единственным в моем опыте призраком, обладающим сознанием, — сказала она, наконец. — Но если он нашел способ, как удержать сознание в призрачной оболочке, не вижу причин, почему этого не мог сделать Аддингтон. Знания мааджари открывали безграничные возможности, многие, кто имел к ним доступ, ставили опыты на себе. Возможно, Аддингтон решил подстраховаться на случай поражения.

— Это все равно не объясняет, как ему удалось вырваться, — хмыкнул Эрик.

Открепить призрака способен только очень сильный некромаг, но Тереза этого явно не делала.

— Есть разница? — поинтересовался Анри. — Если он оттуда вырвался.

— Есть. Потому что призрак вырваться действительно не мог, — Тереза закусил губу. — Эрик прав, призраки не способны причинить людям вред.

— И уж тем более они не могут тянуть из людей силу, — Эрик перевел взгляд на книжный шкаф, скользнул взглядом по запертым за стеклом корешкам.

— Тянуть силу? — она вскинула брови.

— Да. Сначала я решил, что Шарлотта потеряла сознание из-за сильного потрясения, но после ее рассказа незаметно изучил ее магический фон. Он тянул из нее силу, Тереза. Силу и магию.

Тереза побледнела, скулы обозначились четче.

— Нет, — прошептала она, подавшись вперед и вцепившись в край стола. — Нет, не может быть!

Судя по выражению лица Терезы: брови сошлись на переносице, губа закусена, собственное предположение ей очень и очень не нравилось. Ему это тоже не нравилось, потому что призрак посягнул на Шарлотту. Потому что убивали рыжих женщин, и здесь прослеживалась прямая связь с одержимостью Аддингтона Луизой Биго де Мортен.

— Есть что-то, что я должен знать?

— Агольдэр, — вытолкнула, наконец Тереза. — Тянуть силы из человека или любого другого живого существа призрак способен, только если он становится агольдэром.

Существом, застрявшим между двух миров, но чтобы стать агольдэром, нужно...

Она взвилась из кресла стремительным вихрем.

— Анри, пригласи сюда близнецов.

Они с братом поднялись одновременно, но тяжелый взгляд Анри сейчас его мало беспокоил.

— Анри, пожалуйста.

Стоило ему выйти, Тереза прошла по кабинету.

От окна к двери и обратно, после чего вернулась и резко опустилась в кресло, сосредоточенно глядя прямо перед собой.

— Кто такой агольдэр, Тереза?

— В Темные времена один некромаг экспериментировал с призраками. Он пытался напитать их тьмой, чтобы посмотреть, насколько дольше они продержатся, и можно ли из них сделать слуг, как из кукол-зомби. Большинство экспериментов ни к чему не привели, часть призраков была уничтожена за счет перенасыщения смертью, часть остались в прежнем состоянии, но одно существо выжило. Если можно так выразиться. Лучиано Агольдэр создал монстра, который способен был воздействовать на людей и на материальный мир, вот только ему он не подчинился. Существо убило помощников некромага, вырвалось на свободу и выпило всех жителей деревушки, которая располагалась поблизости. Сознания в нем не было, только жажда насыщения, и когда Агольдэр попытался его развезать, у него ничего не вышло: тот был уже слишком силен. Он уничтожил свое создание с помощью глубинной тьмы, раскрыв воронку и вливая в безумного монстра смерть. До той минуты, пока она не превратила его в тлен.

— Неужели были еще попытки?

— Безумцев в мире много, но столь сильного больше не удалось создать никому.

— Каким образом Аддингтон им стал?

Тереза помедлила.

— Прежде чем сказать точно, мне нужно кое-что узнать.

Эрик опустился в кресло вслед за ней.

— Что вообще представляет из себя агольдэр?

— Это существо, застывшее между жизнью и смертью. Оно никогда не обретет материальную форму, но способно двигать предметы, способно набрасываться на людей и тянуть из них жизнь. Чтобы самому стать сильнее.

— Это все, что ты о них знаешь?

— Да. Агольдэры мало изучены, потому что их создание было запрещено во все времена и каралось смертной казнью.

— Но все-таки их создавали. Значит, информацию о них найти можно.

— Разве что в Тритте. В Маэлонском Фонде Знаний, — Тереза кивнула.

Да, если чего-то нет в самой огромной магической библиотеке мира, этого нет нигде.

— На него не сработали сигнальные артефакты.

— Потому что оно не принадлежит ни нашему миру, ни миру мертвых. Не зря это существо называют монстром. В нем нет ни капли магии, ни капли человечности, только бесконечная пустота, требующая насыщения.

— Ну и мерзость.

— Не то слово.

Они замолчали.

Сейчас Эрик изучал Терезу открыто и не таясь, не видел в этом необходимости. Возраст не коснулся ее лица, разве что в уголках глаз собрались крохотные морщинки. Платье кремового оттенка, украшенное вязью узоров в сплетении черного и серебра мягко облегло фигуру. Волосы цвета крепкого кофе, чуть присобранные на затылке, крупными волнами обрамляли узкое лицо, даже серебряные пряди в них (печать Глубинной Тьмы, плата за его спасение, соединившая их навсегда) согревались под теплым светом ламп.

— Ты снял маску.

Ее устами это прозвучало неожиданно.

— Надо же, хоть кто-то это заметил.

— Эрик, хватит. Здесь у тебя врагов нет.

— Ты уверена?

Пристальный взгляд, взгляд в упор: глаза в глаза.

— Уверена.

— Хорошо, если так.

Молчание давило, поэтому на этот раз он заговорил первым:

— Откуда ты знаешь про маску, Леди...

— Не называй меня так.

— А как мне тебя называть?

— Можно просто по имени. У меня есть имя, Эрик.

— Ты спрашивала обо мне, Тереза?

Она почему-то помедлила, и момент был упущен. Вслед за Анри в кабинет вошли двое мальчишек. Похожие, как две капли воды, внешность де Ларне в кои-то веки перебила внешность Биго. Хотя как сказать: несмотря на волосы насыщенного медового цвета, глаза были темными, как ночь. Совсем как у Терезы, возможно, даже глубже. Несмотря на юность, сыновья де Ларне уже были высокими, напроць лишенными юношеской угловатости. Сразу видно, что проводят много времени на тренировках, причем упражняются не только в магии. Анри наверняка гоняет их так, что мало не покажется. Взгляды близнецов скрестились на нем, жесткие и внимательные: судя по всему, брат его уже представил.

— Добрый вечер, — тем не менее произнес он.

— Добрый вечер, — сухо поздоровался тот, что справа.

— Добрый вечер, — эхом отозвался второй. — Мам, о чем ты хотела спросить?

— Кристоф, Кристиан, — Тереза сдвинула брови, — когда вы ездили в Мортенхэйм этим летом, вы случайно не практиковались в оранжеее?

— Это обязательно обсуждать при посторонних?

Резкий голос первого мальчишки однозначно намекал на то, кто из них двоих лидер.

— Посторонних здесь нет, Кристоф, — в голосе Терезы звучал металл. — Я все еще жду ответа на свой вопрос.

— Мы изучали свойства Грани, — он проследил, как отец опустился в кресло, и снова перевел взгляд на мать. — И совсем немного призрака.

— Одного?

— А сколько их там должно быть?

— Двое, — выдохнула Тереза. — Вы. Открывали. Грань?

— Да, — как ни странно, на этот вопрос ответил Кристиан. — А что?

Она судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы, глубоко вздохнула.

— Возвращайтесь к себе. С вами я поговорю позже.

— Но... — начал было Кристоф.

— Возвращайтесь к себе.

Этот голос, спокойный и невозмутимый принадлежал Анри, но мальчишек как ветром сдуло. Только щелчок закрывшейся двери напомнил о том, что в кабинете был кто-то еще.

— Значит, агольдэр, — пробормотал Эрик.

— Агольдэр с сознанием. Знала бы, на что эта сволочь способна, развеяла бы в секунду, — процедила Тереза. — Надо было сразу понять, когда он душил матушкины цветочки. Но в те времена я была так на него зла, что хотела, чтобы он мучился вечно.

Анри поднялся, обошел стол и положил руки ей на плечи.

— Ты не могла знать.

— Он набирался сил уже тогда, — она покачала головой. Тем не менее, хмуриться перестала, повернулась к мужу и накрыла его руки своими. — И, вероятно, поглотил Чепмена.

— Чепмена? — переспросил Эрик.

— Да, вторым призраком был сводный брат Луизы, Себастьян Чепмен. Аддингтон столкнул его с балкона с помощью ментального внушения.

— Широкой души человек.

— Какую цель он преследует? — негромко произнес Анри, пропустив его слова мимо ушей. — Действительно охотится на Луизу или просто убивает девушек с цветом ее волос? Он вообще способен обернуть змею вокруг шеи?

Тереза покачала головой.

— Анри, мне придется поехать в Тритт. Я должна знать, с чем мы можем столкнуться.

— Нет. Пусть этим занимается Королевская служба безопасности. Ты и так дала им свою кровь, чтобы допросить жертву.

— Они будут с этим разбираться еще два года! — Тереза вскочила.

— Есть еще кое-что, что я вам не сказал.

Взгляды супругов вонзились в него.

— Аддингтон приходил к Шарлотте не один раз. Первый — в моем особняке в Дэрнсе, — он тоже поднялся. — Не представляю, с чем это связано.

Тереза нахмурилась еще сильнее.

— Единственная причина, которая мне приходит на ум — магия жизни.

Вот теперь ее глаза широко распахнулись.

— Магия жизни?!

— Да, в ней течет кровь магов, — Эрик положил руку на набалдашник трости.

— Ты же говорил, что она не могла знать Аддингтона, — процедил Анри.

— Так и есть. Она не аристократка. Точнее, не признана родителями.

В кабинете на миг воцарилась тишина.

— Магия жизни действительно позволяет восстановиться быстрее. Любому, кто к ней прикасается, — произнесла Тереза. — Возможно, Аддингтон почувствовал это, и если это так...

Она снова нахмурилась.

— Эрик, ты оставил ее одну?!

— На ней защитная паутина. Заклинание риханн мааджари, которое не пробить никому. Сложнейшее заклинание, которое считается давно утерянным. Оно запечатывает человека непроницаемым коконом, защищая от любых угроз. Единственный минус — вместе с ним запечатывается и магия: наглухо, изнутри.

— Если я правильно понимаю, — хмыкнул Анри. — Он распробовал твою девочку?

Еще до того, как брат произнес следующие слова, Эрик уже знал, о чем пойдет речь. Поэтому лицо его закаменело: он физически чувствовал, как напряглись мускулы, и как взгляд становится ледяным.

— Нет.

— Тереза правильно сказала, что ловить его можно до бесконечности, — Анри шагнул к нему. — Если сделать твою Шарлотту приманкой...

— И думать забудь, — пальцы впились в набалдашник трости. — В Королевской службе безопасности закончились рыжие оперативницы? Одолжите своих, пусть вербуют новых. Мне наплевать. Мне плевать, как вы будете его ловить, но к Шарлотте это не будет иметь никакого отношения.

— Как это на тебя похоже, — прорычал брат. — Наплевать! Тебе действительно наплевать на всех. Ты появляешься, только когда тебе что-то нужно, и хорошо, если это не имеет смертельных последствий. То, что в Лигенбурге умирают молодые девчонки, тебе тоже безразлично? Сколько еще жизней заберет Аддингтон из-за твоего эгоизма?!

Жесткий взгляд брата мог кого угодно придавить к полу, но только не его.

— Шарлотта не станет в этом участвовать, — неестественно-спокойно произнес он.

Развернулся и вышел из кабинета, едва не столкнувшись с Жеромом, держащим в руках поднос.

— Эрик! — голос Терезы заставил его остановиться. Только она, пожалуй, и была на это способна.

Обернулся, впитывая ее взгляд. Ее лицо, чтобы запомнить навсегда.

— Спасибо за попытку, Леди Смерть, — легко коснулся ее руки. — Но мы никогда не станем семьей. Пожалуй, это просто надо принять.

В первую очередь ему самому.

— Я помню дорогу, — кивнул.

На улицу вышел, не оборачиваясь и не оглядываясь.

Закрывая эту страницу прошлого навсегда.

Шарлотта

Заплетать косу по утрам в последние дни вошло у меня в привычку. Во-первых, это помогало успокоиться и не думать об Эрике с Камиллой (насколько это вообще возможно), а во-вторых, коса мне действительно шла. Особенно если делать ее свободной, оставляя несколько завитков поверх незатянутых в прическу волос. Кто-то, возможно, счел бы это небрежным, но мне нравилось. Нравилось, как лазурь ленты вплетается в мои медно-рыжие пряди: я ведь почти забыла, как мне идет этот цвет. В Фартоне у меня было платьице такого же оттенка, но в Лигенбурге я из него быстро выросла. А еще в столице не было принято носить яркие цвета, все больше пастельные, либо неброские и немаркие. Особенно маленьким девочкам и юным особам.

Призрак больше не появлялся, по крайней мере, я не чувствовала никакого холода рядом с собой. Не чувствовала вообще ничего странного: то ли его спугнуло появление Эрика, то ли он все-таки приходил, но почувствовал защитное заклинание и ушел. Как бы там ни было, я уже не вздрагивала от каждого шороха и ни разу не проснулась от ощущения, что ко мне тянутся призрачные руки. Что не могло не радовать, но прикроватные бра я все равно оставляла включенными на всю ночь.

Выходные я провела, штудирова книги по магии и делая конспекты. Занималась в гостиной, потому что там чувствовала себя в разы уютнее. В доме еще был кабинет, но проситься туда я постеснялась. В общем-то, в гостиной мне очень нравилось: несмотря на темно-синие тона, выглядела она довольно мило, а во второй половине дня сюда заглядывало солнце, преображая комнатку и делая ее невероятно домашней.

Подогнув под себя ноги, обложившись книгами, я сидела на небольшом диванчик и выписывала то, что мне интересно. То, о чем хотела спросить Эрика и даже подумывала о том, чтобы потренироваться. Вот только магия отказывалась мне подчиняться, как бы я ни пыталась ее «позвать», словно во мне ее просто-напросто выключили. Поэтому я с головой ушла в книги и читала, читала, читала.

Выяснила, что природа магии жизни всегда стремится отдать как можно больше, именно поэтому мне (и любому другому магу с подобной силой) в первую очередь нужно учиться очень тонко чувствовать свой предел. То есть ту черту, за которой пойдет перерасход сил и остановиться будет уже гораздо сложнее, если не сказать, невозможно. При работе с магией чувствовать это вообще было необходимо всем, но магам жизни — особенно. Именно за счет легкости нашего дара, который был для этого мира и для нас самих столь же естественен, как дыхание.

Боевых проявлений у магии жизни не было. Точно так же, как и у целительской. Но мы могли управлять растениями и животными, а при необходимости «попросить» их себя защитить. Например, опутать стеблями, ветвями, корнями растений пытающегося напасть, или позвать волков, оказавшись в опасности в лесу. Все это казалось настолько нереальным, волшебным, мистическим, что на ум действительно приходили мысли об элленари.

А еще мне очень хотелось попробовать.

Я помнила то чудесное тепло, которое ощутила «воскрешая» розы, возвращая их к жизни, и тот свет, который лился сквозь меня, когда я помогала Эрику. Тогда я даже не догадывалась о том, что делаю, но сейчас мне хотелось сделать это осознанно. Почувствовать льющуюся сквозь меня магию, которой я (подумать только!) смогу управлять. Несколько попыток «поймать» мисс Дженни (все начиналось именно с того, что нужно было почувствовать кошку, ее настроение, ее внутреннее состояние, ее желания) и попросить ее ко мне подойти, больше напоминали трюки неумелого гипнотизера, поэтому пришлось отступить. Видимо, я что-то делала не так.

Вот Эрик вернется, и все объяснит.

Эрик...

Всего пять дней без него. Целых пять дней без него, но кажется, что прошла вечность. Как же я по нему скучала! Наверное, гораздо больше, чем готова себе признать.

Поэтому так упорно гнала мысли о Камилле, поэтому так упорно старалась не думать о том, что нас ждет. Но не думать не получалось: сколько бы я ни уговаривала себя, что мы знакомы до неприличия мало, их (этих неприличий) в нашей жизни было уже гораздо больше, чем у любовников, которые провели вместе несколько лет. Хотя я даже приблизительно не представляла себе, как любовники проводят вместе годы. Точнее, что заставляет людей быть просто любовниками, если они по-настоящему хотят быть вместе. Впрочем, об этом я тоже старалась не думать.

Зато твердо решила, что когда наши отношения станут немного более понятными, поговорю с ним об Ирвине. Возможно, мне даже удастся совместить две разные жизни, на границе которых я оказалась. По крайней мере, мне бы очень хотелось в это верить, а пока...

Пока мне нужно на работу.

На работу, где меня тоже ждет магия, только магия кисти и красок: наши декорации «оживали» на глазах, пусть даже понемногу, а ведь столько всего еще предстояло сделать! Еще на работе мне удавалось отвлечься от мыслей и счета дней.

Я коснулась артефакта, предупреждая Сюин о том, что спускаюсь. Первое время чувствовала себя странно, когда мне накрывали на стол и подавали одежду, но сейчас я уже начала к этому привыкать. Единственное, от помощи с прической и в одевании отказывалась: мне казалось неловким заставлять человека делать то, что я могу сделать сама. Правда, когда попыталась помочь Сюин убрать после обеда посуду, она как-то странно на меня посмотрела и сказала, что справится.

Прошла по коридору, недлинному, поворачивающему к лестнице, шагнула вперед и застыла. В холле, который отсюда отлично просматривался, стояли Тхай-Лао и Эрик. Услышав мои шаги, он повернулся.

Мгновение, невыносимо долгое, мы смотрели друг на друга.

Потом он стремительно шагнул к лестнице, а я бросилась вниз.

К нему.

Остановились мы тоже почти одновременно: я «поймала» себя на небольшой площадке, на повороте лестницы. Эрик — на последней ступеньке, перед тем как подняться ко мне. Большой неловкости я, наверное, в жизни не испытывала, вот только сейчас смотрела на него и не могла насмотреться.

— Доброе утро, — произнесла смущенно. — Не думала, что ты вернешься так скоро.

— Это значит, что ты рада меня видеть, или не очень?

Рада ли я?!

Неожиданно Эрик улыбнулся, улыбнулся той короткой и нечастой улыбкой, которая отражалась в его глазах, и я задохнулась от нахлынувших на меня чувств.

— Тебе нравится меня дразнить?

— Нет, Шарлотта, это тебе нравится дразнить меня.

Мы стояли друг от друга от силы в нескольких футах. Эрик едва касался перил, и я тоже. Создавалось такое чувство, что сквозь них наши пальцы уже соприкоснулись. Чем еще объяснить это сумасшедшее покалывание в подушечках? Разве что взглядом, повторяющим контур моих губ, скользящих по плечам и груди, обжигающим кожу даже через одежду. Этот взгляд говорил гораздо больше, чем могут сказать любые слова, поэтому я судорожно вздохнула.

— И чем же я тебя дразню, можно узнать?

— Ну как же, — он шагнул вперед, повторяя узоры дерева на перилах кончиками пальцев, — сначала бросаешься ко мне, а потом замираешь, словно передумала.

— Я не...

Покосилась вниз, но Тхай-Лао уже ушел.

— Знаю, ты не передумала, — несколько футов между нами уже превратились в один. —

Просто это неприлично, так выражать свои чувства.

Эрик остановился совсем рядом, почти касаясь пальцами моих. Он был без перчаток, и при одной только мысли о том, как они скользят по моей щеке, бросило в дрожь.

— Совершенно верно, это неприлично, и...

— Если ты еще раз произнесешь слово «неприлично» в моем присутствии, я тебя накажу.

Кто о чем!

— Ты сам его только что произнес! — воскликнула я. — И... и если честно, я просто растерялась. Я не ждала тебя так рано, потому что ближайший поезд из Ольвижа прибывает завтра вечером, но я не могла быть уверена, что ты даже им приедешь, поэтому...

— Ты ходила смотреть расписание поездов?

Ой.

— Я не... просто случайно оказалась у железнодорожного вокзала, и...

И случайно оказалась у стенда, где выставлено расписание поездов, да.

— Ты действительно скучала по мне так сильно?

Невозможно смотреть в эти глаза и пытаться скрыть то, что рвется из самого сердца.

— Действительно, — выдохнула я. — Очень.

— Поцелуй меня, Шарлотта.

— Что? — переспросила от неожиданности.

— Поцелуй меня, — повторил он.

Его рука по-прежнему касалась перил в каких-то дюймах от моей, но в ушах зашумело отнюдь не от этого. Эрик уже просил меня его поцеловать, но тогда я не чувствовала того, что сейчас. Например, этого голодного взгляда: по-настоящему, по-мужски голодного.

Почему-то именно это дикое сравнение пришло в голову, и, хотя у меня не было никакого опыта в любовных играх, сейчас это была не игра. Возможно, ему хотелось так думать, но для него это было не менее важно, чем для меня.

Поэтому именно я сократила последние дюймы расстояния между нами, скользнула кончиками пальцев по его запястью. Коснулась губами губ, обвивая плечи руками, чуть приподнялась на носочки. Правда, прежде чем успела вздохнуть, меня рывком притянули к себе, вплетаясь пальцами в волосы. Поцелуй вышел настолько яростным, что перехватило дыхание. Я тихо всхлипнула и слышала хриплый вздох, ожегший мой рот едва ли слабее настойчивых губ. Заставляющих раскрыть мои, позволяя Эрику скользнуть языком по кромке нижней, сдавить ее зубами, вызывая приятную дрожь от непристойного чувства и нежности, смешанных воедино.

Вздрогнула, когда его ладонь коснулась моей шеи над жестким воротничком платья. Эрик судорожно вздохнул и медленно разомкнул наши губы. Так медленно, что от этой необычной ласки низ живота сладко потянуло.

— Ох, Шарлотта, — низкий полный желания голос и абсолютно сумасшедший темный взгляд. — Тебя нельзя оставлять одну.

— Почему? — тихо спросила я, понимая, что мне совсем не хочется, чтобы он меня отпускал. Но он и не отпускал, продолжал удерживать: лицом к лицу, глаза в глаза, и это было так же интимно, как и то, что он только что творил с моим ртом.

— Потому что ты начинаешь думать о приличиях.

— Это плохо?

— Можешь думать о них, сколько хочешь. Когда меня нет рядом.

Невольно вскинула брови:

— То есть когда тебя рядом нет, я должна быть приличной мисс?

— Обязана, — он чуть потянул меня за волосы. — Неприличной ты будешь только для меня.

От того, как это было сказано, к щекам прилила кровь.

— Тебе это слово говорить можно?

— Мне да.

Эрик снова скользнул по моему лицу ласкающим взглядом.

— Мне нравится твоя новая прическа.

Всевидающий!

Я содрогнулась, потому что он сильнее потянул за косу. Не больно, но так... собственнически-властно.

— Кажется, я понимаю почему, — прошептала, глядя ему в глаза.

Глаза, которые сейчас сияли, несмотря на залегшие под ними темные круги: усталость.

Осознание этого захлестнуло меня с головой.

— Ты сразу пришел ко мне?!

О последнем говорила и небрежная прическа, и чуть смятый манжет рубашки, выглядывающей из-под задравшегося рукава пальто.

— Конечно, я пришел к тебе, моя девочка, — хрипло выдохнули мне в губы.

Жестко и в то же время так искренне-откровенно.

Ох...

Как ему удастся быть таким... и таким одновременно?! Мне бы хотелось стоять так еще долго-долго, но ему нужно домой, отдохнуть. Да и мне, кажется, пора. Но как же не хочется его отпускать...

— Эрик, — прошептала еле слышно. — Я опоздаю на работу.

Он нахмурился, но все-таки разжал руки.

— Я тебя провожу. Тхай-Лао уже вызвал экипаж.

Улыбнулась:

— Буду рада.

— Мяу!

Требовательный вопль мисс Дженни мог означать только одно: «Я проснулась и готова есть». Учитывая, что здесь ее кормили только на кухне, кошке это совсем не нравилось. Она привыкла, что поблизости всегда есть блюдечко с тем, чем можно перекусить между честно пойманными на охоте мышами, голубями, а летом еще и кузнечиками. Поэтому сейчас мисс Дженни сидела, задрав голову и укоризненно глядя на меня, в желтых глазах застыл немой вопрос: «Почему мне не подали завтрак?»

Прежде чем я успела ответить, Эрик наклонился и подхватил пушистую вымогательницу на руки.

— Ш-ш-ш-ш-ш! — она замахнулась лапой.

— Ш-ш-ш-ш-ш! — он молниеносно перехватил ее за шкурку, и кошка передумала драться. —

Ну что, готова к новому переезду?

Мисс Дженни моргнула. Я тоже.

— Отдай! — опомнившись, отняла болтающегося тряпочкой зверя у этого изувера. Только сейчас до меня дошло: — Какой переезд?!

— Ты переезжаешь ко мне, Шарлотта.

— Куда?

Глупее вопроса не придумаешь, но он вырвался сам собой.

— В Дэрс, — Эрик кивнул вниз, где уже снова возник Тхай-Лао.

По умению появляться этот иньфаец ни в чем не уступал призраку: такой же бесшумный и внезапный.

— Эрик, я не могу жить в твоём доме, — прижимая мисс Дженни к груди, покачала головой.

— Пойдем. Поговорим по дороге, — он отступил, пропуская меня вперед.

Не оставалось ничего другого, кроме как спускаться и думать о его словах. Когда Эрик уезжал, и речи не шло о переезде, он накинуд на меня заклинание и сказал, что мы поговорим, когда вернется. Выходит, он узнал что-то такое, что связано с призраком? Что-то страшное, и это что-то связано еще и со мной?

— Ваше пальто, мисс Руа.

Пришлось, наконец, отпустить мисс Дженни. Почувствовав свободу, она радостно шмыгнула в коридор, а Эрик перехватил пальто у иньфайца и помог мне одеться. Завязывая банты шляпки, с трудом сдерживалась, чтобы не начать расспрашивать его прямо сейчас.

Удержалась.

Он распахнул дверь, выпуская меня на улицу. Над крышами Лигенбурга на небо медленно взбиралось зимнее солнце. Отражаясь слепящим золотом от металлических навесов и обманчиво разогревая черепицу, оно обещало морозный день. И правда: снег поскрипывал под ногами, норовя забраться в мои невысокие ботинки при быстрой ходьбе. Поэтому я с радостью поднялась в экипаж, и, когда Эрик захлопнул дверь, вопросительно взглянула на него.

— Это не совсем призрак, Шарлотта, — он постучал тростью, и мы поехали. — Это существо гораздо опаснее, чем я предполагал. Именно поэтому ему удалось обойти защиту дома и подобраться к тебе.

— Но...

— Эта тварь называется агольдэр. Он вытягивает силы из людей, чтобы самому становиться сильнее. К тебе он прицепился из-за магии жизни, твоя сила для него как сахар для осы.

Агольдэр! Существо, которое выпивает силы... И я... не сумею я тогда дотянуться до артефакта...

Оглушенная такой пугающей откровенностью, я смотрела на Эрика. А он — на улицы Лигенбурга, где вереницами тянулись витрины лавок, сразу за которыми начинался городской рынок. На улицах уже всю кипела жизнь: кутаясь кто во что, люди спешили по своим делам. Мимо прошла недовольная женщина с изодранной шалью поверх вытертого мужского пальто, из-под чепца выбивались давно немые волосы. Угрюмый мужчина, что-то жующий и постоянно сплевывающий себе под ноги.

— Эрик, но у меня же есть связующий артефакт! Я в любой момент могу тебя позвать.

— Связующий артефакт не защитит от него. Ты сама сказала, что едва успела до него дотянуться.

— Я могу пристегнуть его на платье. А ночью класть под подушку, и...

— Нет.

— Почему?!

— Потому что он опасен. Он очень опасен, — Эрик сжал пальцы на набалдашнике: жест, выдающий крайнюю степень раздражения.

— А заклинание, которое на мне сейчас? Ты же сказал, что призрак... агольдэр... Ты говорил, что он не сможет ко мне подобраться.

— Ты не сможешь ходить с этим заклинанием постоянно.

— Нет?

— Нет. Оно перекрывает возможность чувствовать магию и ей управлять.

Так вот почему у меня ничего не получалось!

— Достаточно того, что тебе придется ходить с ним, пока ты в театре.

— Эрик, я все равно не могу переехать! — воскликнула я.

— Почему?

— Потому что это будет означать...

— Что ты моя любовница. Но ты и так моя любовница, Шарлотта.

«Всего лишь?» — хотела спросить я, но прикусила язык.

Не время сейчас заводить такой разговор, тем более что я и правда его любовница.

— Содержанка, — поправила я. — Если я перееду к тебе, я стану содержанкой.

— Следуя твоей логике, если я поселюсь в борделе, я стану шлюхой.

От такого сравнения у меня снова вспыхнули щеки.

— Эрик!

— Что? — он приподнял брови.

— Твои аналогии меня оскорбляют.

— А твои возражения оскорбляют меня. Ты хоть представляешь, кто такая содержанка?

— Очень хорошо представляю! Это женщина, которая живет за счет мужчины...

— В таком случае большинство жен — содержанки.

Ну вот и как с ним разговаривать?

— Это другое!

— Неужели? — он приподнял брови. — Ты переезжаешь ко мне. Не спорь, я все равно не изменю своего решения.

Не изменит, это можно было понять по холодному взгляду и жестким, сплавленным в одну линию губам.

— Такие решения нужно принимать совместно, — прошептала я.

И отвернулась.

Знала ведь, что он делает это, чтобы меня защитить, но обидно все равно было. Хотя бы потому, что сказать это можно было совершенно иначе, а не ставить меня перед фактом.

— Шарлотта.

Я плотно сжала губы и решила, что разговаривать с ним не буду. Не буду — и все!

— Шарлотта, — он пересел ко мне, осторожно коснулся моих плеч.

Не бу-ду.

— Шарлотта, — вот теперь в голос ворвались резкие нотки, — для тебя настолько ужасно мое предложение?

Что?!

— Нет! — выдохнула я, резко повернувшись к нему. — Нет, Эрик. Не предложение. Это приказ. А я тебе не собачка, чтобы выполнять приказы и команды.

Глаза его сверкнули так, что я с трудом подавила желание отпрянуть.

— Ты меня боишься, Шарлотта? — негромко спросил он.

— Нет.

— Тогда почему ты так смотришь сейчас? — Эрик провел пальцами по моей щеке, но в глазах застыло что-то такое... жутковато-отчаянное, что мне стало не по себе.

Всевидящий! Что мы творим?

Перехватила его руку, но отнимать от щеки не стала.

— Если это настолько серьезно, я перееду, — сказала негромко.

— Только поэтому?

— Нет. Потому что ты меня попросил, — заглянула ему в глаза. — Я знаю, что ты хочешь меня защитить, но для меня очень важно, чтобы ты меня спрашивал, понимаешь? Очень важно, чтобы ты спрашивал, что важно для меня.

— И что же для тебя важно?

— Моя репутация, — сказала тихо. — Не в глазах общества или других людей. В моих собственных. И в твоих тоже. Важно, кем меня видишь ты, и кем себя вижу я.

Он молчал долго, а потом привлек меня к себе.

— Я совсем забыл, какая ты у меня маленькая.

Ну ничего себе!

— Я не маленькая, — попыталась вывернуться из его рук.

— Ты не просто маленькая, ты совсем ребенок, Лотт

е

.

— Как ты меня назвал?!

— Лотт

е

. Так твое имя сокращали бы в Вэлее. Тебе нравится?

Он спрашивает, нравится ли мне?

— Необычно, — призналась я. — Наверное, да.

— Тогда я буду звать тебя Лотт

е

. Чем ты занималась, пока меня не было?

— Магией... в основном, — я улыбнулась. — На улице было холодно, поэтому выходить совсем не хотелось.

Не считая поездки к миссис Клайз (кстати, мы с ней очень мило пообщались под пирог, я помогла ей убратся, потому что у нее разболелась спина, и оставила свой адрес, если вдруг что-нибудь понадобится), я в основном бывала только на работе и дома. Ну, еще в субботу выбралась в парк, чтобы хоть немного прогуляться, и на железнодорожный вокзал, чтобы посмотреть расписание.

— Настолько холодно?

— Да. Сейчас уже гораздо теплее...

Эрик опустил глаза и неожиданно нахмурился: так резко и темно, что я невольно проследила его взгляд. И быстро дернула подол вниз, прикрывая залатанные ботинки.

— Тебе нужна новая обувь. И одежда.

— Мне вполне достаточно этой...

Он посмотрел так, что мне захотелось спрятаться под сиденье.

— Тебе. Недостаточно. Этой. И если я еще раз узнаю, что ты мерзнешь и молчишь...

— Вовсе я не мерзну, — поспешила перевести тему. — Сюин делает потрясающий чай с травами, согревающий.

— Согревающий?! — прорычал Эрик, резко дернув мою юбку наверх. — Это что, домашние тапочки?

— Это ботинки, — обиделась я.

— Ботинки... — процедил он.

Но поймал мой взгляд и продолжать не стал, я же поспешила вернуться к погоде, только с другой стороны.

— В Вэлее не так холодно, да? — и незаметно потянула юбку вниз.

Снова.

— В Вэлее куда теплее, чем здесь.

— Говорят, что на Севере, на границе с Загорьем, еще холоднее, — заметила невинно.

— Разве что там, — буркнул Эрик.

— А эта женщина... к которой ты ездил, чтобы спросить по поводу призрака — кто она?

— Жена моего брата.

Короткий ответ и резкость его голоса заставили меня вздрогнуть. А потом я вспомнила, что он говорил про свою семью, и мне стало не по себе. Настолько не по себе, что захотелось забрать свой вопрос обратно, потому что лицо его снова стало чужим и жестким, как маска. Из оцепенения меня вывел скрежет за окном и зычный голос извозчика:

— Приехали!

Глава 14

— Разумеется, ты будешь спать в моей комнате. Иначе какой смысл было просить тебя переехать?

Смысла действительно не было: в этом особняке в Дэрнсе даже соседние комнаты достаточно далеки друг от друга, можно кричать и не дозваться. Сегодня я полдня думала о призраке, который пьет человеческую силу и которому очень понравилась моя магия жизни, а еще полдня о том, что мне придется переехать к Эрику. Что я буду жить в его доме, и что для него это всего лишь вынужденная мера, потому что он хочет меня защитить. Но ведь и для меня это вынужденная мера, не так ли?

— О чем ты снова думаешь, Лотте?

Я вздрогнула и обернулась: Эрик расставлял, а точнее, «разгонял» книги по полкам с помощью левитации. Это имя его устами звучало дерзко, непривычно и провокационно. Гораздо проще было, когда он называл меня Шарлотта, проще и спокойнее, вот только рядом с ним спокойно не бывает никогда. Или бывает?

— О том, как быстро все в моей жизни меняется, — заметила я.

— Перемены — это всегда к лучшему.

— Всегда?

— Всегда, крошка Лотте.

Ой, нет.

— Ты мог бы не называть меня крошкой?

— Мог бы, — Эрик приблизился. — Но не стану. Тебе идет.

Он обнял меня за талию и привлек к себе.

— А вот ты не станешь мне возражать.

— Мы договаривались, что во время занятий не будет никаких игр, — заметила я.

— Занятие закончено.

— Я...

— И выходные уже прошли.

М-м-м-м... во мне все как-то разом похолодело. Похолодело несмотря на то, что сегодня я чувствовала в себе магию, ощущала ее тепло, текущее от сердца по всему телу. После расспросов по изученному материалу Эрик решил, что пришло время немного попрактиковаться: точнее, пока что попробовать наладить взаимосвязь между мной и

магией. То, что в теории казалось легким и пустяковым, на деле получалось гораздо сложнее. Например, я никак не могла уловить мгновение, когда магия втекает в ладони, но еще не готова вырваться в мир. Этот момент был очень важным, потому что перед тем, как ее отпустить, нужно было понимать, сколько сил ты направляешь вовне. В общем, сегодня я свою магию так и не увидела, Эрик не разрешил. Мы занимались только тем, что позволяли ей согреть ладони, а затем отступить. И так снова и снова.

— Почему я не чувствовала магию под заклинанием? — спросила, когда мы закончили. — Оно ее подавляло?

— Нет, оно просто не выпускало ее из тебя. Ты привыкла к внешним проявлениям всего, что происходит вокруг, поэтому не всегда ее осознаешь. Сейчас ты только учишься чувствовать, потому что магия просыпается постепенно и так же постепенно набирает силу. Со временем она станет для тебя естественной, как дыхание или биение сердца. Эрик был прав, когда говорил, что запирает магию нельзя, нельзя долго ходить под этим ужасным заклинанием. Пусть даже (как он мне объяснил) магия жизни никогда не разрушает, чувствовать ее течение во мне было невероятно! С непривычки этого не понять, но когда он снял с меня защитный кокон, я ощутила разницу. С первых мгновений, как магия забурилась в груди, отзываясь на свободу и внешний мир, за спиной словно выросли крылья.

— А завтра ты позволишь мне ее увидеть? — спросила я.

— Посмотрим, как у тебя будет получаться сегодняшнее упражнение. Нам некуда спешить. Легко ему говорить! Я хотела спешить, хотела быстрее увидеть то, что спасло цветы. Может, если сейчас вернуться к этому разговору, он забудет про всякие игры?

— Мне очень понравилось занятие, — заметила я, упираясь ладонями ему в грудь и закусывая губу. — Может быть, еще немного попрактикуемся?

— Хорошая попытка, Шарлотта, — губ его снова коснулась улыбка, которая спустя мгновение растаяла без следа. — Но у тебя сегодня еще один урок по другому предмету. Пойдем.

Он отстранился и подал мне руку, пришлось вложить слегка подрагивающие пальцы в его ладонь. Ладно хоть Лотте больше не называл, потому что в этом имени было что-то совсем на меня непохожее. Непокорное, дерзкое, своенравное, и, пожалуй, порочное. Бесстыдное и откровенное, как то, о чем мы с ним договаривались. Но ведь он обещал, что не будет делать ничего такого, что мне не понравится.

Мы вместе поднялись в знакомую спальню. Отодвинув тяжелую, темно-синюю с золотом портьеру, Эрик показал мне дверь. Оказалось, мои вещи Сюин разместила в соседней (смежной), там же мне предстояло переодеваться. В отличие от его, эта комната была выполнена в нежно-зеленых тонах и больше подошла бы молодой женщине. Смежные комнаты в богатых домах Энгерии всегда предназначались супругам, изредка отводились под детскую, чтобы мать или отец в любой момент могли попасть к малышу. Но эта... эта была словно в точности для меня.

— Почему бы мне не спать здесь? — спросила я. — Ведь нас будет разделять только дверь.

— И сон, — коротко заметил Эрик.

— Твоими устами это звучит особенно интересно. Просто я думала о отдельных комнатах, но если с твоей спальней есть смежная, почему бы...

— Не спорь, Лотте.

Он указал мне на комод.

— Бери все, что нужно. Сколько времени тебе потребуется, чтобы привести себя в порядок?

— В порядок? — чтобы не вцепиться в юбку, я сложила руки на груди.

— Да. Ванная в твоём распоряжении.

— О... Не знаю. Полчаса, может быть.

— Хорошо.

Он отошел к столу и, открыв верхний ящик, достал бумагу, чернильницу и ручки. Я же направилась в комнату, где, распахнув шкаф, увидела два сиротливо болтающихся платья: в одном я ходила в театр, в другом к Вудвордам на работу. То, что на мне — мое лучшее, выходное, было третьим. Но если так говорить, роскошный наряд от Хлои Гренье никогда моим не был, поэтому я отодвинула его в сторону и принялась раздеваться. Дрожащие пальцы расстегивали пуговицу за пуговицей, я выпуталась из платья и принялась за корсет,

но тут вспомнила, что мне придется пройти мимо Эрика и замерла. Конечно, стесняться после всего, что случилось — глупо, но я стеснялась. Все равно дико, до ужаса стеснялась. Халат! Мне нужен халат!

Подбежала к комоду, выдвинула ящик... второй, третий, четвертый...

Нет, не может быть. Не может быть, чтобы Сюин не взяла халат! Он же лежал на самом видном месте.

Подошла к двери, осторожно выглянула из-за нее:

— Эрик... Кажется, Сюин не взяла мой халат. Ты не мог бы... у тебя не найдется запасного, в котором я могу дойти до ванной?

— Сюин здесь ни при чем, — донеслось невозмутимое из-за стола.

— То есть?

— Я его просто выкинул. В таком старой деве ходить не стоит, не то что очаровательной девушке.

Что?!

От возмущения уставилась в его затылок.

— Не прожди во мне дыру, Лотте.

— Эрик! В чем я, по-твоему, должна ходить в ванную?

— Сегодня можешь пойти туда в нижнем платье.

От такого «фразершения» я задохнулась.

— Что значит — сегодня?

— То и значит, — не оборачиваясь, произнес он. — Насколько ты чувствуешь, в комнатах очень тепло. Здесь вполне можно ходить без одежды.

От такого предложения щеки мгновенно вспыхнули огнем.

— Я не буду разгуливать перед тобой обнаженной!

— Сегодня не будешь.

— Никогда!

Захлопнула дверь и огляделась: комната выглядела вполне жилой, то есть к моему переезду ее полностью привели в порядок. А значит... значит, с наибольшей вероятностью, и постель застелена тоже. Приподняла уголок покрывала: точно! Быстренько закатала его валиком и вытянула верхнюю простыню. Вот так! А теперь и переодеваться можно.

Разделась я и впрямь до нижнего платья, с собой взяла сорочку и смену белья (спасибо, что без белья не оставили!). Велико было искушение высказать эту благодарность Эрику, но воспитание остановило. Поэтому целомудренно завернувшись в простыню от плеч до пят, запахнув ее на груди так, что сама стала похожа на призрака, я вышла в соседнюю комнату и гордо прошествовала мимо этого бессовестного мужчины в ванную комнату.

Не забыв напоследок хлопнуть дверью чуть громче, чем полагается.

И щелкнуть замком.

Развернулась к зеркалу, подумывая, куда бы положить белье, прекрасно понимая, что это всего лишь небольшая отсрочка.

Отсрочка от чего?

В сотый раз напомнила себе, что Эрик обещал ничего не делать. Ничего такого, что мне не понравится, но рядом с ним мне нравилось все. Мне нравилось даже то, какой порочной и распутной я становилась под его ласками. Нравилось то, что он делает, хотя нравиться было не должно! Как далеко я смогу зайти?

Сейчас я стояла напротив зеркала. Там, где меня перекинули через кресло и обещали выпороть: сама мысль об этом казалась дикой, неправильной, страшной. Но ведь и веревки, которыми он оплетал мое тело — это тоже ненормально. Ненормально плавиться от его прикосновений, когда они впивались в обнаженную кожу волокнами.

Зажмурилась и замотала головой.

Нет, это точно не для меня.

Нет!

Стянула простыню на кресло, белье положила на подставку для полотенец. Она обнаружилась рядом с ванной: тяжелая, на бронзовых ножках, состоящая из нескольких полок. В доме, где я снимала квартиру, приводить себя в порядок было одной из самых неприятных процедур (вода со ржавчиной, то слишком холодная, то слишком горячая, но чаще всего первое, облупившийся кафель, сквозняки, тянущиеся изо всех дверных щелей),

здесь же (да даже в доме Тхай-Лао), я могла бы провести вечность. Поэтому быстро открыла кран, сунула пробку в слив и обернулась к шкафчику, где в прошлый раз Орман оставил для меня какое-то чудо-средство, после которого меня сморил сон.

Хм, а это идея!

Если я быстро засну, мы пропустим сегодняшний «урок». Распахнула дверцы и принялась быстро перебирать флакончики, пытаюсь найти нужный. Не обращала внимания даже на чудо-шарики (мыло разных цветов), лежащие в небольшой корзинке. В другое время они привели бы меня в восторг: так же, как и бесчисленное множество ароматических масел, но сейчас у меня была цель. Нашлась пена с мускатным орехом, с жасмином, с миндалем и кокосом, настойка для мытья волос с сандалом и иньфайскими травами, но только не то, что нужно! Да где же оно?!

Перевела взгляд на нижние полки шкафа: там стояла курительница, лежали какие-то странные палочки, от которых тоже очень приятно пахло. А если совсем внизу?

Закусив губу, опустилась на корточки и потянула на себя первый ящик. Чтобы широко распахнуть глаза. Вместо вожделенной бутылочки с пеной там лежал... лежало... нечто по форме напоминающее мужской орган. Очень большой и ребристый. И одновременно являющийся рукояткой плети. Ее хвосты расплескались внутри черными лентами, внахлест. Во рту пересохло, а перед глазами на миг потемнело.

Сейчас я была искренне рада, что природа наградила меня магией жизни, а не стихии. Огня, например, потому что щеки вспыхнули, и все вокруг тоже вспыхнуло бы. Наверняка.

В глубине ящика лежало что-то еще, но я даже не стала туда заглядывать. Захлопнула его, мечтая только об одном: больше никогда этого не видеть.

И не вспоминать о том, что видела.

Не вспоминать!

Следующий ящик потянула за резную ручку уже гораздо осторожнее, приоткрыв один глаз, но там не нашлось ничего, кроме...

Аламьена!

Я открыла флакончик и поднесла его к носу. Вдох — и голова закружилась от концентрированной сладости с легкой ноткой горчинки. Быстренько влила средство в воду, взболтала, пока на поверхности не образовалось пенное облако. Подумала — и добавила еще, чтобы наверняка, только после этого быстро разделась и села в ванну, с наслаждением вдыхая полевой аромат.

Подложила под голову валик, лежавший на полотенцах, перекинула через него косу.

Интересно, сколько времени потребуется, чтобы я заснула? Десять минут? Двадцать?

Тридцать?

Перед глазами то и дело возникало это жуткое... непристойное приспособление, и я глубже погрузилась в пену, позволяя ей окутать меня по самый подбородок.

Что это? Зачем оно вообще нужно?

Разум подбрасывал ответы, и ни один из них мне не нравился. Большая часть из них вспыхивала кострами на щеках: кострами, которые растекались по телу огненными реками, заставляя то и дело облизывать губы. Перед глазами все плыло, дыхание сбивалось, а кожа стала невероятно, безумно чувствительной. Такой, что даже легкое прикосновение пены к ней ощущалось, как скольжение шелка по телу. От дурманящей, сладостной неги между ног было горячо. Я скользнула пальцами по животу и ниже, чувствуя, как на них остается моя влага. Запрокинув голову, двинула их чуть выше, нажимая, задохнулась от пронзившей тело сладкой судороги и... поспешно отдернула руку.

Что это?!

Что со мной вообще творится?!

Я не только не хотела спать, я вся горела, горела от желания ласкать себя... или чтобы меня ласкал Эрик.

Осознание этой мысли подбросило меня прямо в воде. Я выскочила на коврик, как ошпаренная, с дикими глазами, подхватила первое попавшееся полотенце и завернулась в него. Легкая прохлада после теплой воды скользнула по коже мурашками, но легче не стало. Полотенце казалось дерюжным: там, где я стянула его над грудью, оно впивалось в тело чуть ли не раскаленным шнуром. Сама грудь стала невероятно чувствительной и тяжелой, хотелось обхватить ее ладонями, сжимая соски.

— Шарлотта, — стук в дверь, — у тебя все в порядке?

— Да, я же говорила, что мне нужно полчаса.

— Прошло уже около часа.

О... час?!

Уже?!

Нет, не может быть!

Не могла же я столько рыться в ящике и просидеть в ванной?

Метнулась к зеркалу, вглядываясь в собственное отражение: лицо покраснелось, губы искусанные, как после долгого нескромного поцелуя, грудь высоко вздымается. Я не могу выйти к нему такой!

Нет.

— Мне нужно одеться, — постаралась, чтобы мой голос звучал как можно более ровно. —

Еще пять минут, хорошо?

Пять минут... Пять минут!

Бросилась к раковине, открыла холодную воду. Плеснула себе в лицо: раз, другой, третий, но не помогло, я по-прежнему вся горела. В отчаянии рванула полотенце, быстро натягивая штаны и сорочку, от каждого скольжения ткани по коже хотелось всхлипывать. Все мысли и ощущения сосредоточились там, где я только что себя ласкала, сердце колотилось, как бешеное. Прижимая ладони к горящим щекам, смотрела на свое отражение, потом вспомнила, что нужно выпустить воду из ванной. Наклонилась и закусил губу, когда край штана впились в чувствительную кожу бедер.

Глубоко вздохнула, замотав в простыню все лишнее, и с таким тюком вышла в комнату, чтобы остановиться прямо на пороге. Над постелью парила цепочка магических светильников, из-за чего в спальне было светло, как днем. Сам Эрик по-прежнему был одет, а на свету, растянутая между его ладоней, переливалась темно-синяя шелковая лента.

— Ну и зачем ты одевалась? — поинтересовался он, приподняв брови.

В ответ я только крепче вцепилась в тюк, как если бы он мог меня защитить от меня самой.

От жажды прикосновений, от сбивающегося под его взглядом дыхания и от непристойности мыслей, возникающих при одном взгляде на ленту в руках.

Эрик шагнул ко мне, перехватил сверток из моих рук и отбросил в сторону.

— Пойдем, — протянул мне раскрытую ладонь.

Вложила в нее пальцы и облизнула пересохшие губы. Помогло не сильно: они тут же снова вспыхнули. От желания поцеловать его, вжимаясь всем телом, потереться, как загулявшая по весне кошка, кружилась голова. Я опустила глаза, чтобы он ни о чем не догадался, позволяя проводить себя к кровати.

— Сегодня будем учиться говорить о том, что тебе нравится, — меня мягко подтолкнули к постели.

— А это... зачем? — кивнула на ленту.

— Чтобы ощущения были ярче.

В том, что ощущения будут яркими, я не сомневалась, но стоило Эрику положить ленту мне на глаза, дернулась и перехватила его руку.

— Помнишь, что мы говорили про доверие? — он внимательно посмотрел на меня. — Ты в любой момент сможешь остановить все, что происходит.

Остановить?! Не была уверена, что захочу что-либо останавливать, чем бы это для меня ни обернулось. От желания запустить руку себе между ног хотелось хныкать, от стыда за собственные мысли полыхнуло лицо, и от Эрика это не укрылось.

— Снова краснеешь, Лотте?

— М-м-м-м... — это все, на что меня сейчас хватило.

Лента снова легла мне на лицо, и на этот раз я не стала противиться. Еще немного, и начну умолять, чтобы он меня ласкал, а потом больше никогда не смогу смотреть ему в глаза!

— Сегодня я хочу, чтобы ты говорила мне обо всем, что тебе нравится, — прикосновение пальцев к плечам прокатилось по телу обжигающе-яркой волной. — Откровенно.

— Откровенно? — В темноте, в которой я оказалась, каждый шорох звучал как громовой раскат. Мне казалось, я слышу биение собственного сердца, которое вот-вот выпрыгнет из груди, и наше дыхание.

— Откровенно. Где ты хочешь, что я тебя касался. И как.

Губы Эрика коснулись моей шеи, и пальцы сильнее сжались на моих плечах.

— Сюда, — неожиданно жестко произнес он, поддерживая меня под локоть.

Попыталась нащупать балясину, и с ужасом осознала, что мы отдаляемся от кровати. Но...

— Куда мы? — с губ невольно сорвался вопрос.

Ответа не последовало, а потом меня потянули вниз, и я поняла, что мы оказались в кресле.

Эрик прижимал меня к груди, легко поглаживая тыльную сторону запястий.

— Откровенно обо всем, Шарлотта. Тебе надо научиться быть со мной откровенной и избавиться от этого идиотского смущения. Я не прикоснусь к тебе, пока ты не попросишь, и пока не скажешь, чего ты хочешь.

Словно в подтверждение своих слов он убрал руки. Теперь я просто сидела на нем, чувствуя всей кожей, даже через ткань сорочки и панталон, каждое соприкосновение наших тел.

— Я не...

— Откровенно обо всем, — напомнили мне.

И слегка потянули за косу, заставляя откинуть голову ему на плечо, срывая с губ не то стон, не то хриплый выдох. Но я же не могу говорить ему... не могу говорить о том, что я хочу, чтобы...

— Эрик, пожалуйста...

— Да?

Я чувствовала, что горю. Не просто горю, сгораю в огне, природу которого понять не могу.

Чувствительная грудь под тканью сорочки вздымалась все сильнее, но я никак не могла вытолкнуть из себя эту идиотскую просьбу. Просьбу коснуться ее пальцами, погладить соски, сжимая их хотя бы через ткань. Нет, нет, нет! Это невозможно, бесстыдно, о таком нельзя говорить.

— Я жду. Или ты хочешь спать?

Такое предложение огорошило. Заставило вздрогнуть и судорожно вздохнуть: если еще час назад я была бы этому только рада, сейчас мысленно застонала.

— Хорошо, — выдавила из себя через силу.

Возможно, когда он уйдет в ванную, я смогу... сама. Пусть мне потом будет дико стыдно, но лучше так, чем высказать ему в лицо все свои порочные желания.

— Хорошо?

— Да, я хочу спать.

— Понимаю.

Потянулась, чтобы снять ленту, но Эрик меня остановил.

— Сегодня ты спишь в ней.

В ней?!

— Это часть урока.

Он поднялся, подхватив меня на руки, я слышала, как гулко бьется его сердце под моей ладонью. Чудом не всхлипнула, когда меня опустили на подушки, и разочарованно выдохнула, когда он отстранился. Впрочем, ненадолго: Эрик накинул на меня одеяло, и кровать прогнулась под его весом.

— Ты разве не пойдешь в ванную? — спросила еле слышно.

Чтобы скрыть дрожащий от напряжения голос.

— Позже. Когда ты заснешь, Лотте, — Эрик подтянул меня к себе и почти невинно коснулся губами виска. — Доброй ночи.

Щелчок. Еще и еще. С мягким шипением гасли магические светильники, темнота вокруг стала густой, как черная краска, и я закрыла глаза. Кусая губы и стараясь не думать о том, что можно втянуть одеяло между ног и потереться об него. Вцепилась в угол подушки, стараясь дышать ровнее, успокоиться, но успокоиться не получалось. Я превратилась в какой-то сгусток желания, сходила с ума от невозможности к себе прикоснуться, от его близости: такой желанной и в то же время недостижимой.

Грудь была уже не просто тяжелой, она стала болезненной. Прикосновение ткани сорочки к твердым соскам заставляло дрожать с каждой минутой все сильнее и сильнее.

— Это невероятно, — процедил Эрик за моей спиной.

А потом резко развернул меня лицом к себе и сдернул повязку. Перед глазами все плыло, в темноте (должно быть, из-за повязки) я сразу увидела его лицо: сдвинутые брови и

сверкающие глаза. Губы впились в мои, даря такое долгожданное наслаждение, и я застонала в них, уже совершенно не сдерживаясь. Теряя контроль, цепляясь пальцами за его плечи, вжимаясь ноющей грудью в его, всхлипывая от невозможности ощутить это прикосновение обнаженной кожей.

Поэтому даже не вздрогнула, когда он рванул воротник сорочки. Старая ткань подалась легко, от разреза, расходясь на две половинки. Стоило его пальцам обхватить сосок, сжимая его, а колену скользнуть между разведенных бедер, цепляя грубой тканью брюк чувствительную плоть, как я задрожала от острого, болезненно-яркого наслаждения. Судорогой пронзившего меня изнутри и заставляющего выгнуться дугой в его руках. Оно прокатилось по телу волной, отчаянной дрожью, разбавившей мучительно-жаркое напряжение, и только тогда я осознала, что бесстыдно вжимаюсь в его ногу. Больше того, мне хотелось еще. Отчаянно хотелось продолжения чувственного безумства: осознание этого заставило меня широко распахнуть глаза. Эрик склонялся надо мной, не отпуская моего взгляда, и я растерялась еще больше. Растерялась, чувствуя, как стыд снова заливает щеки краской: мне никогда не было так хорошо. Но почему он молчит?

И почему смотрит...

так

?

— Ты скорее умрешь, чем скажешь это, да?

— Ч-что? — выдохнула я.

— То, что ты каким-то образом нашла в моей ванной возбуждающее. То, что хочешь меня до безумия. Что хочешь, чтобы я касался тебя везде — откровенно, бессовестно, жарко. Что тебе нравится то, что я могу с тобой сделать, что ты дрожишь при мысли о том, как я могу тебя ласкать, Шарлотта.

— Возбуждающее? — пролепетала я.

— Да. Средство, стимулирующее желание.

Всевидящий!

Если бы можно было провалиться сквозь кровать, наверное, я бы так и сделала, вот только кровать была прочной. Руки Эрика, запечатавшие меня в клетке, не позволяли даже откатиться в сторону, свернуться клубком, закрыться от нахлынувших чувств.

— Я не знала, — пробормотала сдавленно, пряча глаза.

— Не знала?! — почти прорычал он. — А что, спрашивается, ты там искала?!

— Снотворное, — прошептала еле слышно.

— Что?!

— Снотворное, которое ты дал мне в прошлый раз. Я искала пузырек с аламельной... подумала, что это оно. Наверное, перепутала.

Признаваться в этом было еще более стыдно, чем в том, что со мной происходит. Я никогда в жизни ничего не брала без спроса, и уж тем более не рылась в ящиках в чужих домах.

Поэтому сейчас под его взглядом мне хотелось съежиться, заползти под одеяло и накрыться им с головой. Неожиданно Эрик меня отпустил, и я поспешно отвернулась, натягивая покрывало до подбородка. Сжимая колени так плотно, как только можно.

Кровать за моей спиной прогнулась, а потом стало неожиданно пусто и холодно. Раздался шорох выдвигаемого ящика, что-то звякнуло. Я обернулась как раз в тот момент, когда Эрик плеснул воды в стакан: резко, из-за чего она брызнула ему на руку и на прикроватную тумбочку. На ней стояла какая-то склянка, в густой вязкой жидкости, напоминающей сироп от кашля, вспыхивали жемчужно-перламутровые искры.

— Что это?

— Пей, — меня вздернули над кроватью, нисколько не заботясь о том, что в плечо отдало болью. Эрик бесцеремонно сунул мне в руку стакан.

— Что...

— Я сказал: пей, Шарлотта. Ты же не думаешь, что я хочу тебя отравить? — Его глаза потемнели до такой глубины, что по сравнению с ними самая черная ночь на свете показалась бы светлой.

Под этим взглядом молча поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков. Ничего особенного, вода, как вода. Разве что чуть сладковатая на вкус, как если бы в нее добавили ложечку сахара.

— До дна, — голос звенел металлом.

Залпом осушила стакан и сунула ему в руку.

— Еще распоряжения будут?

— Сегодня — больше нет.

— Неужели? — сдавленно пробормотала я. — Я уже думала, что ты заставишь меня выпить весь графин.

Во тьму плеснуло золото.

— Любая другая на твоём месте осталась бы привязанной к кровати на всю ночь. Без возможности прикасаться к себе, — холодно произнес он и отвернулся.

От жестокости его слов внутри что-то болезненно сжалось. Я вдруг поняла, что край надорванной сорочки свисает вниз, бесстыдно обнажая грудь. Грудь, одно прикосновение к которой заставило меня содрогаться в его руках, пока его колено вжималось между моих разведенных бедер.

— Я — не любая другая, Эрик, — произнесла еле слышно.

Потянула покрывало на себя, чтобы прикрыться.

— Поэтому ты сейчас выпила зелье, которое позволит тебе остаться в своём уме, а не превратиться в одержимую страстью девицу.

Он закрутил крышку склянки, швырнул ее в ящик и захлопнул с такой силой, что я вздрогнула.

— Ты хотела спать? Спи.

Эрик расстегивал жилет с такой яростью, что пуговицы чудом не отлетали в стороны. Оглянувшись, поймал мой взгляд, выругался и направился в ванную. Хлопнула дверь: с треском, чудом не раскрошив косяк. Я смотрела ему вслед, а потом упала на подушки, плотнее заворачиваясь в покрывало. Напряжение, горячившее кровь, схлынуло, словно его и не было. Слабые отголоски жара еще несколько минут прокатывались по телу, но вскоре ушли и они.

В мыслях все еще звучали его слова: «Любая другая осталась бы привязанной к кровати на всю ночь...»

Он что, действительно мог оставить женщину, сходящую с ума от безумной страсти, привязанной к кровати? Горящей от невозможности прикоснуться к себе, когда тело превращается в оплавленный воск свечи?

Что-то подсказывало: да, мог.

Ощущения были еще слишком живы в памяти: настолько, что представившаяся мне картина заставила содрогнуться. И сколько их было таких, любых других, готовых рядом с ним на все?

Совсем как я.

Мысли горчили, как переваренный кофе, не давали покоя, мешали уснуть. Поэтому я поднялась, подошла к окну и распахнула портьеры, впуская в эту мрачную спальню лунный свет. Даже холод зимней ночи с накренившимся ковшом полумесяца, распластавшимся над Дэрнсом, сейчас казался более теплым, чем наш разговор. Деревья и дорожки в парке, мостик, перекинувшийся через Ирту, даже фонарные столбы — все сейчас было припорошено снегом. Разве что мостовая расчищена, тянется вдоль района этакой темной широкой полосой. Пустынные улицы, подкрашенный теплым электрическим светом снег. Снова скользнула взглядом по парку: в глубине аллеи стоял мужчина. Должно быть, вышел прогуляться перед сном...

В ванной что-то скрежетнуло, и я обернулась.

Тишина.

Дверь по-прежнему оставалась закрытой, из-за нее не доносилось больше ни единого звука. Бросила еще один взгляд в окно, но мужчина уже ушел, и я решила вернуться в постель.

Не знаю, сколько лежала в одиночестве, то соскальзывая в полудрему, то выныривая обратно, уже почти заснула, когда дверь в ванную все-таки открылась. Поразительно, но оттуда даже не плеснуло светом: похоже, Эрик погасил артефакты прежде чем выйти. Пристальный взгляд задержался на мне, и я замерла, стараясь дышать ровно и глубоко. Пусть думает, что я уже сплю. Негромкие, еле слышные шаги: кажется, он подошел к шкафу. Тихонько скрипнула дверца, и я все-таки приоткрыла глаза. Приоткрыла, чтобы наткнуться взглядом на его обнаженную спину. Спину и плечи, расчерченные бесчисленным множеством ужасных, глубоких, уродливых шрамов.

Глава 15

Эти шрамы не шли у меня из головы. Кошмарные, глубокие, рваные рубцы, при одном воспоминании о которых передергивало от ужаса. От ужаса, что должен испытывать человек, который через такое прошел. И от осознания того, что возможно, ими он обязан своему отцу. Нет, Эрик не говорил, что отец поднимал на него руку, но тот, кто способен выжечь магию из собственного сына, способен на любое зверство. Даже на то, что осталось запечатленным на его спине.

Вот только почему он от них не избавился? Хороший целитель и дорогое зелье способно вывести любой, даже самый застарелый шрам. У леди Ребекки был такой на запястье: глубокий, пересекающий его наискось с оплавленными краями, как странный и страшный браслет. Она избавилась от него в Лигенбурге, после нескольких визитов целителя (в Фартоне не нашлось того, кто бы за него взялся), и кожа на ее руке стала гладкой и ровной, словно жуткой отметины никогда не было.

Из-за всех этих мыслей я ходила сама не своя, чуть не разлила краски на почти законченную часть фасада (хорошо хоть Ричард успел подхватить падающий стул), постоянно отвечала невпопад и думала, думала, думала... О том, что произошло ночью. О том, что я этой ночью увидела, и о том, что Эрик так и не вернулся в постель. Он оделся и опустил в кресло, стоящее у камина. Высоченное, с широкой спинкой, из-за чего я могла видеть только сгиб его локтя и пальцы, почти бесшумно постукивающие по подлокотнику. Все это время я смотрела на него, не в силах сдвинуться с места.

Смотрела, как змеятся между пальцами изумрудные нити, то сплетающиеся в крохотный шар над его ладонью, светящийся приглушенным светом, то расплетающиеся магической проволокой. Смотрела, не зная, как к нему подойти, с чего начать разговор о том, чего знать не должна. Смотрела до тех пор, пока все-таки не провалилась в сон.

Когда я проснулась, Эрик стоял у окна, и портьеры снова были задернуты.

— Доброе утро, Шарлотта, — не оборачиваясь, произнес он. — Завтрак подадут в столовую через полчаса.

И вышел прежде, чем я успела что-то ответить.

Все наше утреннее общение продолжалось в том же ключе: короткие вежливые фразы и отстраненная учтивость. Это было настолько на него не похоже, что с каждой минутой мне все больше становилось не по себе. Эрик скрывал за маской свое лицо, но себя он не скрывал никогда. Даже образ Ормана казался более близким, чем этот холодный и учтивый незнакомец рядом со мной.

Единственное чувство, что промелькнуло в его глазах — беспокойство, когда он набрасывал на меня защитное заклинание и проверял его на прочность.

— Ты думаешь, что призрак может явиться за мной в театр? — спросила я, чтобы хоть как-то разбавить раскинувшееся между нами отчуждение.

— Не представляю. Поэтому пока он существует, вдали от меня ты будешь ходить под защитой.

— Пока он существует?

Молчание.

Я тщетно пыталась поймать его взгляд: Эрик не отводил глаз, но смотрел сквозь. Словно все, что его во мне интересовало — плетение защиты, которое сетью оседало на кожу и с серебристым мерцанием впитывалось в нее.

Я не представляла, что делают с призраками, которые тянут из людей силу. И уж тем более до конца не представляла, на что способно такое существо. Агольдэр, не призрак, поправила себя мысленно.

— Эрик, агольдэр... он же не может никого убить, правда?

Нить под его пальцами дрогнула, впервые за все утро он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Стой смирно, Шарлотта.

Вот и все наше общение.

Несмотря на то, что Эрик отвозил меня в театр, несмотря на то, что распахнул передо мной дверцу машины и пожелал хорошего дня, это было не более чем учтивость. Эрик и учтивость, особенно такая — светски-сдержанная, очень плохо сочетались. Ну или я очень плохо его знала.

А что я, по сути, знала о нем?

Глядя сквозь отражение, поправила ленты шляпки, пусть она и сидела как-то криво.

Плотнее запахнула пальто и вышла на улицу. Оглянулась в поисках мобиля Эрика, но его нигде не было, и я растерянно замерла. Стоявших поблизости экипажей тоже не наблюдалось, только мимо проехал один, скрип в стареньких рессорах заставил поморщиться.

— Шарлотта! — из дверей вылетел запыхавшийся Ричард. — Ты шарфик забыла!

— Ой... спасибо большое!

Приняла шарф из его рук и принялась расстегивать верхние пуговицы пальто.

— Давай поддержку, — мужчина широко улыбнулся, подхватывая ридикюль. — Все забываю сказать, нас Гарс уже замучил, расспрашивая про твоего брата.

— Что? — переспросила растерянно, полностью погруженная в свои мысли.

Шарф никак не хотел влезать в образовавшийся треугольник, пришлось расстегивать пальто до середины и заматываться, чуть приспустив рукава.

— Наш бессменный сторож, мистер Гарс. Говорит, что он не видел твоего брата и сильно по этому поводу переживает. Скорее всего, отбежал куда-то, и теперь ест себя с потрохами. Краска...

— Где? — оглядела пальто. — Я такая растяпа сегодня.

— Сейчас.

Ричард подался ко мне и мягко коснулся пальцами щеки, потер пятнышко.

— Ну, вот и все.

— Добрый вечер, — голос Эрика раздался так резко, что я вздрогнула.

Обернулась, и Ричард вместе со мной. По правилам этикета мне стоило его представить, но я поняла, что не могу выдавить и слова. Под холодным колючим взглядом, несмотря на достаточно теплую для зимы погоду, захотелось поежиться.

— Пауль Орман, — донеслось скупое раньше, чем я все-таки вытолкнула из себя его имя.

Эрик шагнул вперед и остановился рядом со мной. — Будущий муж Шарлотты.

Теперь я не выдавила бы из себя и слова при всем желании.

Судя по тому, как вытянулось лицо Ричарда, он тоже оказался слегка не готов к такой новости.

— Жених Шарлотты? — мужчина все-таки попытался разбить трескающийся под нами лед и протянул ему руку. — Ричард Фард. Признаюсь честно, горжусь знакомством с вашей невестой и искренне завидую...

— Зависть — плохое чувство, молодой человек, — он перебил ему со свойственной ему жесткой бесцеремонностью.

Руки, разумеется, в ответ не подал.

— Хорошего вечера.

Эрик перехватил мою ладонь, устранив ее на сгибе локтя и шагнул к стоявшему чуть поодаль мобилю, я же пыталась справиться с охватившими меня чувствами. Он мог назваться кем угодно, хотя бы моим учителем (и это была бы правда!), мог вообще дожидаться, пока Ричард уйдет, и только потом подойти, но он...

Почему он это сделал?

Почему сказал именно это?

Я вглядывалась в его лицо, но оно оставалось бесстрастным. Эрик распахнул передо мной дверцу, а потом так же легко ее захлопнул, не в пример вчерашней резкости. Дождалась, пока он сядет рядом, судорожно сцепила руки на платье. Мне так много надо было ему сказать, так много о том, о чем я молчала. Так много, что не хватало слов, а мысли цеплялись одна за другую и сплетались в клубки, как его магия этой ночью.

— Эрик... — начала было я, но он меня перебил.

— Можешь не благодарить, Шарлотта. Я сказал это исключительно для того, чтобы твоя репутация осталась кристально чистой.

Эрик сдвигал пальцы на рычаге с такой силой, что будь под ними настоящий ястреб, его кости превратились бы в крошку. Впрочем, его ладонь тут же расслабилась, а мобиль заурчал и стремительно сорвался с места.

Раздался скрежет, и декорации начали медленно подниматься вверх. Я смотрела, как фасад здания вырастает над сценой, испытывая волнующую, приятную гордость: я принимала участие в создании этой красоты! Сегодня мы поднимали их, чтобы узнать, как декорации будут смотреться при освещении, чтобы потом дорабатывать уже в соответствии с этим. Мистер Стейдж объяснил, что такой взгляд поможет отметить и устранить все недочеты, поэтому нужно было очень внимательно осмотреть свою часть работы — сначала в общей композиции, а после акцентируя внимание именно на ней. От волнения у меня даже ладони вспотели, и я начала теревать перекинутую через плечо косу.

— По-моему, здорово вышло, — шепнул Ричард.

— По-моему тоже, — подтвердил Джон.

Я кивнула.

Две недели нашей работы гордо возвышались над сценой, и это действительно было волшебное чувство. Знать, что когда разойдется занавес, зрители увидят то же, что сейчас видим мы. Я стояла в зале у оркестровой ямы, мистер Сэвидж уже пробежался по рядам и пошел проверять, как декорации будут смотреться с возвышения бельэтажа и балкона.

— Ну, как тебе первый опыт?

— Очень нравится, — призналась я.

Хотя и необычно. В том, что касается написания картин, все было легко и просто: в голове возникал сюжет, и я приступала к его воплощению. Писала, забывая обо всем, здесь же приходилось долго всматриваться в проделанную работу, монотонно и скрупулезно, изо дня в день работать над одной и той же деталью. Да, создание декораций имело непосредственное отношение к творчеству, но если говорить честно, процесс этот оказался гораздо менее творческим, чем я себе представляла. Особенно если учесть, что эскизы разрабатывал мистер Сэвидж, а мы занимались только их воплощением.

— Если так пойдет и дальше, — хмыкнул Джон, сунув руки подмышки, — через пару недель закончим с этим и займемся холмами. А там еще две недели — и Праздник Зимы! Красота!

— О да! — воскликнул Ричард. — Праздничная неделя, за которую можно будет отоспаться...

— Вдоволь накататься с горок...

— Тебе только с горок кататься...

— Посмотрю я на тебя, когда у тебя дети появятся!

— А ты, Шарлотта?

— Что? — отвлеклась от рассматривания своей части фасада.

Мистер Сэвидж был прав: при таком освещении декорации выглядели совсем по-другому, я уже видела, где можно иначе положить краски, а что стоит поправить.

— Ты будешь кататься с горок? — поинтересовался Джон.

— С женихом! — фыркнул Ричард. — На свадьбу-то хоть позовешь?

Со вторника, когда мы столкнулись с Эриком, эти поддразнивания сыпались на меня постоянно. Мне оставалось только улыбаться и делать вид, что все так, как и должно быть. Вот и сейчас я улыбнулась и пристально уставилась на балкон.

— Рич, совесть у тебя есть? — хмуро заявил Джон. — Хватит смущать девушку!

— Я тебя смущаю, Шарлотта? — Ричард заглянул мне в лицо.

— Немного.

— Ладно, больше не буду, — сказал он и тут же добавил: — Но жених у тебя гро-о-о-озный. Такой...

— Ричард! — рыкнул Джон.

— Смотрите на дверь! — донесся крик мистера Сэвиджа с центральной части балкона. — И на мансарду справа, сразу под крышей! Видите?

К счастью, мы отвлеклись на рабочий процесс, и к теме моего «жениха» больше не возвращались. Я до сих пор не могла забыть короткие скупые слова, которые Эрик обронил, когда мы сели в машину. Несмотря на заклинание, в салоне сразу стало холодно, и мигом расхотелось продолжать разговор. Я не просила его звать меня замуж и представляться так тоже не просила, но замечание про благодарность и репутацию отпечаталось на сердце раскаленным клеймом.

Это клеймо болело до сих пор.

Из-за него даже радость, когда с моих ладоней впервые сорвалась магия жизни: светло-серебристая, напоминающая иней или лунный свет, удивительно теплая, была неполной. В общем-то, только на занятиях мы с Эриком сейчас и пересекались: мне разрешили спать отдельно, и когда я просыпалась, Сюин подавала мне завтрак прямо в комнату.

Эрик в это время чаще всего еще спал, а в театр меня сопровождал Тхай-Лао. Встречал тоже он, и тоже неизменно молчал. Ужинала я одна, Эрик возвращался из города позже, как раз к началу занятий. Моя попытка спросить его о том, чем он занят, закончилась коротким: «Дела», и больше о его делах я заговаривать с ним не пыталась. Во время уроков мы общались исключительно как учитель и ученица. Он не пытался меня коснуться, не пытался поцеловать, и с каждым днем раскинувшаяся между нами пропасть становилась все больше.

О ней я и думала, сидя в экипаже напротив Тхай-Лао, когда мы ехали в Дэрнс. О ней, а еще о той ночи, с которой все началось. О том, что если бы я не нашла эту дурацкую настойку с запахом алабамы, все, возможно, могло быть иначе. О том, что любые мои попытки заговорить о чем-то, кроме обучения магии, наталкиваются на холодную вежливость.

Однажды утром, когда меня снова оплетали защитой, я не выдержала и спросила:

— Кто я для тебя, Эрик?

И получила исчерпывающий ответ:

— Ученица.

Темнело сейчас очень рано, но Лигенбург расцветал праздничными гирляндами. Почти в каждом окне светились звездочки артефактов, свечей или фонариков. Украшения и мишура лежали в облаках ваты, и снежное настроение передавалось даже хмурым горожанам. Улыбки на лицах расцветали все чаще, все чаще слышался вплетающийся в голоса смех. Еще немного — и витрины заполонят горы подарков, традицию дарить которые тоже ввела ее величество Брианна.

Я вдруг подумала о том, что ни разу не видела у Эрика часов.

И о том, что ни разу не дарила ему подарков: неожиданное, но странное желание все набирало силу. Пока мы медленно ползли через центр из-за вечерней загруженности улиц, я все внимательнее смотрела на приближавшуюся часовую лавку. Хотя лавкой это заведение назвать было сложно. Витрина одного из самых известных магазинов Лигенбурга представляла собой огромное пространство, внутри которого парили гигантские часы. Разумеется, без магии дело не обошлось, но самое уникальное заключалось в том, что эти часы шли и всегда показывали точное время.

Экипаж медленно, по несколько футов в минуту, продвигался по улице, а я, не отрываясь, смотрела на них. Чуть подсвеченные сиреневым стрелки замерли на без пяти двенадцать, секундная двигалась по кругу. Вместе с часами в витрине парили шестеренки и механизмы, над ними позолоченной дугой выгнулась надпись-название.

«Часовых дел мастер, Льюис Талбот».

Хозяин магазина в свое время подружился с не менее известным владельцем салона «Колье Арджери», создателем уникальных, безумно красивых (и столь же безумно дорогих)

украшений на самый взыскательный вкус. Иными словами, мистер Талбот создавал часы, а браслеты, цепочки и оправу для них создавали в мастерских Арджери, на заказ. Сейчас я прикидывала, сколько это может стоить (мой заработок за две недели в театре остался почти нетронутым), и хватит ли мне того, что я заработаю до праздника, чтобы купить Эрику часы здесь. Попыталась вспомнить, сколько стоит грамм золота в мастерской Арджери (мы как-то заходили туда с Линой), но не смогла. Ладно, если золотой браслет выйдет слишком дорогим, можно попробовать серебро. Мне кажется, серебро Эрику подойдет куда больше (по крайней мере, исходя из его стиля). Вот только как мне выбраться сюда, чтобы об этом никто не знал? Разве что в обеденный перерыв. Правда, от театра здесь достаточно далеко, но если предупредить мистера Сэвиджа, а еще идти быстрым шагом...

Мы снова остановились, и Тхай-Лао, распахнув дверцу, выглянул на дорогу. — Пятница, мистер, — донеслось раздраженное от извозчика. — С полчасика точно будем еще ползти через центр, а то и больше.

Вздыхнула и откинулась на спинку сиденья. Значит, во вторник надо будет точно добраться сюда и посмотреть часы, которые могу себе позволить. Мне хотелось бы еще нанести на них гравировку, а перед праздниками наверняка будет очередь. Если буду делать на заказ, потребуются задаток, и...

О чем я вообще сейчас думаю?

Нужны ли ему подарки от меня? И где он хочет провести Праздник зимы? Я ведь даже не знаю, останется ли Эрик на это время в Энгерии. От этой неизвестности кольнуло сердце, захотелось малодушно зажмуриться.

Вместо этого я продолжала смотреть в окно, за которым протягивались улицы Лигенбурга. Смотрела до тех пор, пока мы не выбрались из центра, а потом закрыла глаза. Когда мы подъехали, мобиль Эрика уже стоял на подъездной дорожке, и я для себя решила, что после занятий мы с ним обязательно поговорим.

Поговорим о том, что случилось той ночью, прямо и начистоту.

Поговорим о том, что между нами происходит. Точнее, о том, что между нами не происходит.

С этой мыслью я поднялась в комнату, чтобы привести себя в порядок перед ужином. Пальто и шляпку забрал Тхай-Лао, а вот перчатки я снимала уже у себя в комнате. Подошла к шкафу, распахнула дверцы и уставилась на висящие в нем наряды. Справа громоздились шляпные коробки, слева коробки с обувью. Но акцент, конечно, был на платьях. Не меньше дюжины, разных цветов и фасонов, они пестрели перед глазами, юбки, пышные и не очень, шлейфами стелились по полу.

С минуту я смотрела на это великолепие, а потом резко захлопнула дверцы.

Чувствуя, что закипаю, вылетела из комнаты и решительным шагом направилась к лестнице. Ученица, значит?

А это тогда что, школьная форма?!

Сгорая от желания высказать Эрику все, что думаю по поводу обновления своего гардероба, вылетела на лестницу и замерла, перегнувшись через перила.

— Спасибо, Тхай-Лао, — голос гостя был низким, грудным.

С легкой, несвойственной женщинам хрипотцой, которая возникает либо от запущенной простуды, либо от курения сигарилл.

Я не успела отступить: девочка, которая стояла рядом с ней, подняла голову.

Еще до того, как наши взгляды встретились, я поняла, кто передо мной.

Камилла.

И ее дочь.

Глава 1

Осознание этого меня настолько ошеломило, что теперь я уже при всем желании не смогла бы отклеиться от перил. Точнее, чтобы меня от них оторвать, потребовалась бы недюжинная сила или магия, да и бежать было уже поздно: вслед за дочерью, Камилла тоже подняла голову, а за ней и Тхай-Лао.

Лучше бы я никогда не выходила из комнаты! Лучше бы я не...

— Тхай-Лао, почему ты сразу не сказал, что у вас гостя? — пристальный взгляд Камиллы разве что дыру во мне не прожиг. — И кто же эта очаровательная юная леди?

— Мисс Руа моя ученица, — силой, все-таки оторвавшей меня от перил, стал голос Эрика. Он вышел из-под лестницы: очевидно, из коридора, который уводил к библиотеке. — Спускайтесь, мисс Руа, я вас представляю.

Теперь мне при всем желании было не сбежать: пришлось подхватить юбки и направиться вниз. Плечи я расправила так, что мисс Хэвидж и леди Ребекка мной бы однозначно гордились. Ровнее меня в этом доме были разве что стены, и то не уверена.

Пока я спускалась, Камилла приблизилась к Эрику, и, совершенно не стеснясь присутствия посторонних, коснулась губами его щеки. Он, на миг задержал пальцы на ее локте, а потом сделал то же самое, словно эта встреча была самым долгожданным событием в его жизни.

— Безумно рада тебя видеть, Пауль.

— Взаимно, Кэм. Эмма!

Девочка широко улыбнулась, а Эрик шагнул к ней и легко подхватил на руки.

— Соскучилась?

— Очень!

— Я тоже.

В этот момент я запнулась о ступеньку и чуть не полетела с лестницы, не полетела только потому, что основательно держалась за перила. Сейчас они выглядели не просто как семья, а как счастливая семья: его улыбка, улыбка, которой я так дорожила, сейчас была адресована сидящему на его руках ребенку. Почти наверняка его, мужчины не смотрят так на чужих детей.

Или смотрят?

К счастью, эта идиотская лестница наконец-то кончилась, а Эрик поставил малышку на пол и повернулся ко мне.

— Мисс Шарлотта Руа, моя ученица и подающий надежды маг жизни, — произнес он ничего не значащим тоном.

Ровным, спокойным и настолько холодным, что внутри все сжалось.

— Камилла де Кри, мой друг. Ее дочь Эмма.

Девочка сделала книксен.

— Приятно познакомиться, мисс Руа.

— Взаимно приятно, Эмма, — ладно, кажется, в первый раз в жизни я солгала.

Солгала ребенку.

Ребенку, который ни в чем не повинен, кроме того, что живет в доме Эрика в Вэлее. Или в доме своего отца?

— Приятно познакомиться, мисс Руа, — низкий голос Камиллы был куда более приветливым, чем представление Эрика, но в ярко-зеленых, как трава по весне, глазах мелькнула насмешка. Ответа дожидаться не стала, словно вместе со мной решила, что одной лжи будет достаточно. — Пауль, мы решили сделать тебе сюрприз, Эмма давно хотела побывать в стране, которую ты так любишь. Но если наше присутствие нежелательно...

Она сделала паузу, коротко взглянув на меня.

— Никаких неудобств, — Эрик окинул взглядом дом. — Разумеется, вы будете жить здесь. Сказано это было тоном, не терпящим возражений, и Камилла улыбнулась: наклонившись, расстегнула накидку дочери, после чего отдала ее Тхай-Лао. В этот момент меня основательно передернуло — хотела бы я посмотреть на человека, способного выставить женщину с ребенком в гостиницу. Особенно в Энгерии.

— Попроси Сюин накрыть на четверых, — Эрик коротко взглянул на иньфайца. — Заодно распорядись по поводу комнат и багажа.

— Ипусти экипаж, пожалуйста, — Камилла протянула Тхай-Лао сумму, видимо, оговоренную с извозчиком. Иньфаец улыбнулся, и я на миг забыла обо всем: даже не представляла, что этот мужчина вообще на такое способен (широкая улыбка обнажила идеальные белые зубы, преображая его бесстрастное лицо). — Сегодня мы вряд ли поедем куда-то еще.

Эрик едва уловимо покачал головой, и иньфаец сделал вид, что не заметил протянутые ему деньги. Камилла даже не подумала возражать или спорить, без слов убрала их в ридикюль и принялась расстегивать накидку: в цвет ее глаз, отороченную кремовым мехом. Шляпку она не носила, или же сняла заранее, поэтому светлые волосы, оттенком напоминающие не то залитые солнцем поля, не то растопленный мед, расплескались по плечам. Когда Эрик едва уловимо их коснулся, чтобы ей помочь, мне стало нечем дышать.

— Нам придется подождать в гостиной, — произнес он. — Комнаты в этом доме больше похожи на музейные залы.

— Такие же пыльные?

— И такие же востребованные.

Камилла рассмеялась.

— Если хотите отдохнуть и переодеться, моя спальня к вашим услугам.

Нет, это уже слишком!

— Прошу меня извинить, — заметила я. — Мне нужно привести себя в порядок.

— Мы ждем вас к ужину, мисс Руа, — снова этот официальный тон и «мы», ударившее в самое сердце.

Эрик едва на меня взглянул, и я не стала дожидаться продолжения, с трудом удержалась от того, чтобы метнуться к лестнице и взлететь по ней, оставив за спиной все увиденное, услышанное, все то, что сейчас заставляло сердце болезненно сжиматься. Вместо этого медленно поднималась, стараясь не вслушиваться в голоса за спиной и удаляющиеся шаги, в смех Эммы, эхом разнесшийся по дому, оживляя его.

Разумеется, ни на какой ужин с ними я не собиралась идти. Поем у себя в комнате, если, конечно, кусок в горло полезет, потому что мне нужны силы перед занятиями. У нас сегодня вообще будут занятия, или Эрик будет занят другим? Точнее, другими?

Когда за спиной негромко хлопнула дверь (Тхай-Лао вышел на улицу), я подхватила юбки и оставшуюся часть лестницы пролетела, как и ведущий в мою комнату коридор. В спальне подбежала к окну, вцепилась в раму и распахнула ее, вдыхая холодный воздух всей грудью. Судя по тому, что из соседней комнаты не доносилось ни звука, Камилла от щедрого предложения Эрика отказалась.

В мыслях я не раз представляла ее себе, но не ожидала, что она будет настолько красивой.

А еще молодой. Когда Ирвин говорил, что Камилле де Кри принадлежит клуб, я представила себе женщину возраста герцогини де Мортен. Возможно, самую чуточку моложе, но Камилле едва ли исполнилось двадцать пять. Все в ней источало соблазн: от покатых, красивых плеч, до слишком глубокого для дорожного платья декольте, от тонкой талии до грациозных, по-кошачьи мягких движений. Даже ее смех — низкий, грудной, звучал вызывающе-откровенно. Крупные черты лица совсем не портили внешность, скорее наоборот. Глубоко посаженные глаза с длинными ресницами и пухлые губы придавали лицу чувственную выразительность, таких женщин художники выбирают музами, а не натурщицами.

Она целовала Эрика, совершенно не стесняясь ни меня, ни Тхай-Лао. Не стала возражать, когда он оплатил ее поездку, и... вряд ли все это можно было назвать дружбой.

Эмма очень походила на нее, но сейчас, прижимаясь щекой к леденеющему стеклу, я тщетно пыталась воскресить в памяти лицо девочки. Отметить черты, которые все расставят по местам. Нет, я была слишком увлечена ее матерью, чтобы выхватить схожесть с Эриком, и сейчас это меня убивало.

Он сказал: «вы будете жить здесь», а это значит...

Значит, что мне придется каждый день с ними встречаться. Всевидящий! Завтра же выходные. Выходные, которые мне нужно будет провести с ними? Нет. Нет, я не смогу.

Поеду к миссис Клайз, помогу ей по хозяйству, куплю для нее продукты, и, может быть, потом прогуляюсь по парку.

Я пришла в себя только когда поняла, что заledenели пальцы, а заодно и я вся.

Опомнившись, захлопнула раму, и, стуча зубами от холода, направилась к артефакту, чтобы вызвать Сюин. Попрошу принести ужин сюда, заодно и спрошу, состоится ли наш урок сегодня. Говорить с Эриком прямо сейчас я была не готова, слишком велико было искушение высказать ему все, а высказать ему все не получится. Потому что я не должна знать про Камиллу, про то, что их связывает, и...

Как же мне сейчас хотелось что-нибудь разбить!

С треском захлопнула дверцы шкафа, запечатывая платья и прочие наряды внутри, а потом коснулась артефакта с такой силой, что от него пошло жалобное гудение. Сюин появилась спустя десять минут:

— Вы что-то хотели, мисс Шарлотта?

«Шарлотта! — захотелось рявкнуть мне. — Просто Шарлотта, мы же договаривались!»

Ее спокойствие и непроницаемость сейчас откровенно раздражали. Интересно, рядом с Камиллой она тоже оттаивает, как Тхай-Лао, а все это спокойствие предназначается исключительно мне?

— Да, — холодно заметила я, холоднее, чем когда бы то ни было. — Пожалуйста, принеси мне ужин сюда.

— Но Пауль сказал...

— Мне все равно, что сказал Пауль. Я неважно себя чувствую, и не готова встречаться с посторонними людьми.

Сюин даже в лице не изменилась, кивнула и вышла за дверь, а я подхватила с комода тяжелую бронзовую статуэтку и все-таки запустила ей в стену. Глухой удар отпечатался в сознании, а я снова распахнула дверцы и принялась стягивать платья с вешалок, одно за другим. Швыряла их на постель, слоями, из-за чего покрывало очень скоро стало напоминать заляпанный красками холст. Последняя «клякса» упала на него в ту минуту, когда дверь за спиной распахнулась.

— Поставь на комод, пожалуйста, — попросила, не оборачиваясь, — и как освободишься, помоги мне собрать все это...

— Все это, — резкий голос Эрика за спиной заставил подпрыгнуть, — соберешь ты. После ужина.

Ну конечно! Не могла же я быть настолько наивной, представляя, что Сюин не побежит к нему жаловаться.

— Нет, — резко развернувшись, сложила руки на груди. — Я не пойду на ужин.

— Пойдешь, Шарлотта.

— И не подумаю. У нас в контракте нет ни слова о том, что я должна общаться с вашей знакомой или носить наряды, похожие на те, что носит она. Я не стану принимать от вас подарки и деньги с той же легкостью, с которой принимает эта женщина. Чем быстрее вы это себе уясните, месье Орман, тем лучше.

Он стремительно шагнул ко мне: заledenевший взгляд и впрямь напоминал взгляд готового напасть ястреба. Вокруг меня полыхнули изумрудные искры, платье расплзлось клочками прямо на мне, а вслед за ним и то единственное попроще, что оставалось на смену ему в шкафу.

— Ты. Спустишься. На ужин. Сама, — холодно припечатал Эрик. — Или я потащу тебя с помощью магии. Выбирай.

Сомнительное удовольствие быть вытасненной на ужин безмолвной куклой на глазах у Камиллы радовало мало. Точно так же, как вообще радовала перспектива этого ужина, поэтому когда первое потрясение миновало, я сжала кулаки и ответила:

— Спускаюсь. Сама.

После чего резко повернулась к нему спиной, давая понять, что разговор между нами окончен. Шаги и захлопнувшаяся дверь окончательно поставили в нем точку, я же замерла рядом с кроватью. Наверное, не будь с Камиллой дочери, я бы просто сбежала к миссис Клайз прямо сейчас, но взгляд малышки отпечатался в памяти. Наивный, простой, в широко распахнутых глазах светится доброжелательное любопытство.

Именно поэтому я отложила мысли о побеге и принялась перебирать платья. Зацепилась за это чувство, чтобы не зацепиться за что-нибудь другое.

Разложенные наряды были самых разных фасонов (интересно, когда только успел заказать?!), и я остановила свой выбор на желтом, насыщенно-желтом, как яркий осенний листок. Приближенное к домашнему, довольно-таки простое, с квадратным вырезом, оно надевалось без кринолина или турнюра и застегивалось сзади. Вот это, пожалуй, и было единственной сложностью: я все руки вывернула, пока справилась с крючками, но Сюин мне звать не хотелось. От нижнего платья пришлось избавиться, сюда оно не подходило из-за ворота, от моих грубых башмаков тоже.

Одну за другой открывая коробки с обувью, где обнаружились и зимние теплые ботинки, которых у меня никогда не было, и множество самых разных туфель, решила надеть изящные туфельки кремового цвета на невысоком каблуке. Таких у меня тоже никогда не было, да что там, ничего из того, что сейчас находилось в этой комнате, у меня никогда не было.

Даже возможности почувствовать себя такой яркой.

Замерла напротив зеркала, с удивлением отмечая, как преобразилось лицо: глаза стали выразительнее, даже волосы, кажется, разгорелись ярче. Покусывая губы, я смотрела на свое отражение, прикидывая, как бы подтянуть лиф повыше. За счет формы он не делал акцент на ложбинке между грудями, но она все равно казалась мне слишком открытой. Такое можно надевать на балы или в театр, и то рекомендовалось прикрывать газовым шарфиком. Плечи и рукава, правда, здесь были полностью закрыты, и в целом фасон был достаточно скромным, если бы не вот это... декольте.

Вздохнула, опустила взгляд и наткнулась на валяющиеся на ковре лоскутки.

Наткнулась и с трудом удержалась, чтобы не сорвать с себя новое платье: грубо, не заботясь о его состоянии. Обрывки уничтоженного магией платья у моих ног почему-то напомнили мою жизнь. Буквально. Это платье и было моей жизнью, которую Эрик уничтожил, даже не спросив о том, дорого ли оно мне. Дороги ли мне связанные с ним чувства и воспоминания, мгновения, которые я пережила, собираясь в музей к мистеру Ваттину, или на выставку, или... на встречу с Ирвином. Пальцы непроизвольно потянулись к волосам, коснулись ленты.

— Мисс Шарлотта, — тихий голос заглянувшей в комнату Сюин заставил вздрогнуть и обернуться. — Пауль просил проводить вас в столовую.

Боится, что убегу?

Вслух я не стала этого говорить, я вообще ничего не стала говорить, просто последовала за ней. Мы вместе спустились по лестнице, и в холле свернули направо. Если правильно помню, столовых здесь три, и мы сейчас наверняка идем в ту, что предназначена для гостей? Прежде чем я успела задать вопрос, Сюин уже распахнула передо мной дверь.

— Пожалуйста, устраивайтесь удобнее, — произнесла иньфаянка и вышла.

Оставив меня в Красной столовой, той самой, где на потолке изображен иероглиф опасности. Сейчас, вечером, она полностью преобразилась: вытянутые узорчатые фонарики отбрасывали причудливые тени, из-за чего картины на стенах оживали. У подножия горы появились люди и дома (за счет вырезок в необычных светильниках). Над вершинами поднималось солнце, на которое падал свет, и оно полыхало золотым огнем. Смотреть на него было почти больно, даже темная гладь озер искрилась бликами рассвета.

От такой красоты я замерла, позабыв о блюдах, источавших аромат даже под крышками, но долго мое оцепенение не продлилось. Открылась дверь, и в столовую впорхнула Эмма. А следом за ней вошли Эрик с Камиллой.

Сначала я обратила внимание на то, что ее рука лежит на сгибе его локтя, и только потом — на нее саму. И это себя я называла яркой? По сравнению с этой женщиной я напоминала полевой цветок рядом с только что распустившейся садовой розой. Алое платье с открытыми плечами подчеркивало светлую кожу и хрупкость (Камилла действительно была удивительно хрупкой). Пышная грудь и чувственные черты лица притягивали внимание на контрасте, и в этот момент я поняла, насколько я ошибалась. Таких женщин не просто пишут, по ним сходят с ума.

Взгляд ее скользнул по мне, не то оценивая, не то изучая, а потом задержался за моей спиной.

— Всевидящий, Эрик! — воскликнула она на энгерийском, а потом рассмеялась. — Ты не мог заранее предупредить, где мы будем ужинать? А если бы я выбрала платье с кринолином?

— Но ты же не выбрала.

— И в этом он весь, Шарлотта. Ты же не против, если я буду называть тебя Шарлотта? — прежде чем я успела сказать, что против, Камилла уже продолжала: — Однажды Эрик пригласил нас с Эммой в ресторан. Мы собирались, должно быть, часа три, а когда приехали, выяснилось, что там абсолютная темень и передвигаться по залу можно только с помощью официантов. Ну, или этого выдумщика.

Эмма хихикнула и села на подушку, ближайшую к ней. Пожалуй, девочке было удобнее всего: ее платье едва прикрывало щиколотки по последней детской моде, и могло сгодиться как для ужина, так и для пикника. Впрочем, Камилле ее наряд тоже не помешал, она грациозно опустилась рядом с дочерью, совершенно не переживая по поводу того, что щиколотки оказались открытыми и у нее. Даже чуть больше: алый шелк скользнул выше, подчеркивая изящную линию ног и тонкие, как паутинка, чулки с выбитым узором. От такого зрелища я лишилась дара речи, и, если бы Эрик не подошел ко мне, наверное, не смогла бы и слова сказать.

— Вам нужно особое приглашение, мисс Руа?

«Мне вообще ничего от вас не нужно!»

Эту мысль я оставила невысказанной, опустившись со стороны Эммы и стараясь не смотреть на Камиллу. Вообще.

Что за круглым столом весьма и весьма сложно, надо сказать.

— Надеюсь, иньфайская кухня никого не смущает? — поинтересовался Эрик, одну за другой снимая крышки. В другой раз от таких умопомрачительных запахов у меня бы голова закружилась: все-таки, с обеда прошло уже достаточно времени, но сейчас я даже не представляла, как запихну в себя хотя бы кусочек лапши под соусом или рыбы.

— Меня точно не смущает, — Камилла положила еды дочери, пока Эрик наполнял ее тарелку. Очевидно, очень хорошо знал ее вкусы, что в общем-то, неудивительно. Если он приглашал их с Эммой в рестораны.

— Мисс Руа?

Его голос вышвырнул меня в реальность.

— Да?

— Что будете вы?

— Удивительно, что вас это интересует.

Слова сорвались с языка, и даже прикуси я его, отменить этого уже не могла. Чтобы сгладить впечатление и избежать взгляда Эрика, рухнувшего мне на плечи невыносимой тяжестью, подтянула к себе блюдо с лапшой и попыталась подхватить ее странными щипцами. Щипцы напоминали не то приспособление для пыток, не то склеенные лопатки для торта, поэтому удалось мне это далеко не с первого раза, а когда удалось, на тарелку шмякнулась увесистая порция — должно быть, втрое больше того, что я в принципе могла съесть.

У-у-у-у, ненавижу!

Подтянула к себе тарелку и воззрилась на лежащие рядом... палочки. Две аккуратные палочки на подставке с иньфайскими узорами. Одной из этих палочек мне захотелось ткнуть Эрику в глаз.

— Рад, что ваш аппетит не пострадал. В отличие от вашего чувства юмора, мисс Руа, — заметил он, сопроводив взглядом горку на моем блюде.

— На аппетит я никогда не жаловалась, месье Орман, — заметила в тон ему. — А сильнее моего чувства юмора пострадало только ваше чувство такта.

Отвернулась, давая понять, что разговор окончен, и что я вообще-то хочу есть. Раньше со стыда бы сгорела от такого, но если Камилла может оголять ноги в чулочках, я могу есть, сколько хочу, даже с общего блюда. Руками. Не исключено, что мне так и придется делать, потому что как обращаться с этими копалочками, я не имела ни малейшего представления. То есть в свое время я, конечно, читала, что в иньфайской культуре принято вместо приборов использовать палочки, вот только как их использовать...

— Приятного всем аппетита, — раздался голос Камиллы.

И вам не подавиться.

— Пауль, ты не возражаешь, если я воспользуюсь обычными приборами? Мне очень неловко, но я никогда не любила жонглировать едой.

— Разумеется.

Камилла дотянулась до небольшого подноса, который я ошибочно приняла за одно из блюд, сняла крышку и взяла оттуда самые обычные приборы. Нормальные! С которыми я умела управляться в совершенстве, поэтому стоило ей отвернуться, тут же взяла и себе все, что полагается.

От меня не укрылось, что Эмма подхватила палочки и довольно ловко подцепила ими лапшу. Так ловко, словно всю жизнь этим занималась, и в этот момент я поняла, что забыла расстелить салфетку у себя на коленях. Впрочем, салфетка была меньшим злом, а большее не замедлило проявиться.

— Расскажите, как вы познакомились? — Камила внимательно смотрела на меня.

Я чувствовала на себе ее взгляд, но стоило мне поднять голову и открыть рот, как слева прозвучало:

— Мисс Руа выставлялась в Королевском Музее Искусств.

— О, неужели? Вы тоже пишете?! — от соблазнительной хрипотцы в ее голосе мне хотелось вскочить и выбежать из столовой. Вместо этого я вернула ей внимательный взгляд и ответила:

— С детских лет.

— Ваши картины можно где-то посмотреть, Шарлотта?

— Увы, нет. Я писала их на продажу, а единственную, которую хотела оставить себе, покровсали на клочки.

— Шарлотта! — резкий голос Эрика вонзился в сердце раскаленным кинжалом.

— Что такое, месье Орман? Вы же сами хотели, чтобы я всегда и обо всем говорила прямо. Глаза у него были темнющие, как гроза ночью, и молнии в них сверкали в точности так же. Ну и пусть сверкают, может, если одной из них ему прилетит по темечку, мне легче станет. Хотя где ж в разгар зимы в Лигенбурге взять грозу? У-у-у-у, ну почему я не стихийница?!

— Мне очень жаль, Шарлотта, — в голосе Камиллы звучало вроде как сожаление.

Ну да, конечно. Жаль ей.

Взгляд зацепился за Эмму: девочка смотрела на нас, и я тут же мысленно отругала себя за несдержанность.

Все, ни слова больше не скажу.

Ни слова!

Но те слова, что уже вырвались, горчили на языке и в сердце. По сути, я никогда не писала исключительно для продажи, сюжеты, которые отражались на моих холстах, рождались из самых искренних порывов, рождались исключительно потому, что иначе я не могла. Солнечные летние пейзажи и осенний листопад, гроза над рекой, мостик над озером Милуотского парка, где девочки-близнецы держались за руки, а их родители стояли рядом, чуть касаясь друг друга кончиками пальцев. В каждой из них была частичка моего сердца, и сейчас я собственными руками облекла это в лед цинизма. Такого же, каким пропитано каждое слово Эрика.

Циничная, бессердечная скотина, вот он кто!

Учитель выискался. Учитель-мучитель.

Чтоб ему икалось безостановочно!

Я так увлеклась, сочиняя характеристики и кары на его голову, что упустила момент, когда Камила снова о чем-то спросила. То, что это произошло, я поняла исключительно в ту минуту, когда на мне скрестились все взгляды.

— Мисс Руа, вы сегодня польстите нам своим присутствием? — холодно произнес он.

— Пауль, девочка просто задумалась.

Эта милость с Камиллиного обнаженного плеча, соблазнительно развернутого к Эрику, полыхнула внутри яростью. Ух, как же она меня раздражала, своей фальшивой благосклонностью и желанием поддержать разговор! Можно подумать, ей действительно есть до меня дело.

— Я спрашивала, как вы уговорили Пауля вас обучать. Раньше он никому такого не предлагал.

Да вы что?! И жить в его доме тоже никому не предлагал?!

— Это он меня уговорил, — отложила приборы, чтобы случайно не распилить тарелку напополам. — Предложил мне договор, согласно которому я должна ему подчиняться во всем.

— Очень на него похоже, — улыбнулась Камилла.

Ну конечно, вы же так хорошо его знаете!

— О да. Согласно этому договору я должна носить то, что хочется месье Орману, ходить туда, куда хочется ему, и есть, даже если меня тошнит.

От присутствующих.

— Выйдите из-за стола, мисс Руа.

Что?

— Я сказал: выйдите, — Эрик обманчиво-мягко оперся ладонями о стол, но пальцы его были напряжены так, что напряжением плеснуло даже в меня, хотя я к этому столу вовсе не прикасалась. — Отсюда. Немедленно.

От того, как это было сказано, к щекам прилила краска.

Я отчаянно хотела избежать этого ужина, но Эрик умудрился сделать это так, что я снова почувствовала себя провинившейся ученицей.

На глазах у Камиллы.

Выйти?!

С удовольствием!

Я стряхнула салфетку и поднялась так стремительно, что звякнули приборы. Подхватила платье и направилась к двери, стараясь не думать о том, что в спину вонзаются взгляды, а может, и не было их, мне все это только чудилось. По-настоящему я никогда не была нужна за этим столом, и Эрику тоже никогда не была нужна. Разве что как его любимая игрушка, которую очень интересно изучать.

По лестнице взлетела, чувствуя застывшие в груди слезы. Они обжигали ничуть не меньше, чем унижение, которое он только что заставил меня пережить.

Нет, в этом доме я не останусь. Не останусь точно, ни минуты больше! Надо только решить, куда мне пойти, потому что... потому что идти мне, по сути, особо некуда. Не в Фартон же ехать, хотя даже там меня никто не ждет. Леди Ребекка в лучшем случае брезгливо посмотрит и выставит вон, не говоря уже о ее отце, он всегда считал меня чем-то средним между прислугой и насекомым.

Взгляд зацепился за кончик перекинутой через плечо косы, в которую была вплетена лазоревая лента.

Нет, к Ирвину я тоже не могу пойти.

Не могу, потому что это нечестно по отношению к нему. Нечестно после всего, что он для меня сделал, после того, как он обо мне заботился. Воспользоваться его добротой, потому что нет другого выхода — это слишком.

Миссис Клайз!

Она наверняка согласится приютить меня на одну ночь, а завтра я уже точно решу, что делать дальше.

Скинула туфельки, вбила ноги в свои старые башмаки, а потом замерла.

Пальто, мое пальто и шляпка внизу, у Тхай-Лао. Если я отправлюсь за ними, тут же явится иньфаец, а дальше все будет, как с Сюин. Нет, искать верхнюю одежду не получится.

Недолго думая, сдернула с постели покрывало, из-за чего все платья горкой повалились на пол. Открыла шкапулку с булавами и скрепила грубые края, превратив его в своеобразную накидку. Правда, я в ней смотрелась не то как торт горе-кондитера, не то как муравейник, из которого торчит девичья голова, но главное же, чтобы было тепло, правда?

Тихонько выскользнула за дверь, прислушалась: в доме царила тишина.

Единственное место, где сейчас звучали голоса и, почти наверняка, смех, была Красная столовая. Сердце болезненно сжалось, но я только крепче прижала ридикюль со всеми деньгами к груди и продолжила спускаться.

Мисс Дженни!

Мысли о разгуливающей где-то по дому (или по Дэрнсу) кошке, которая придет ко мне в спальню, когда меня не будет, чуть не заставили повернуть обратно. Я замерла в двух ступеньках от холла, но потом решительно шагнула вперед.

Завтра утром подумаю, что мне делать.

Завтра утром вернусь и заберу мисс Дженни: днем, когда в выходные на улицах Дэрнса будет много людей. Заберу, расторгну этот договор, и буду искать того, кто сможет мне помочь с магией жизни.

Агольдэр пока не страшен, на мне защитное заклинание, которое Эрик забыл снять из-за появления Камиллы. Разумеется, забыл, он обо всем забыл, мозги отшибло с концами, как только ее увидел.

Слезы подступили к глазам, но я решительно пресекла эту попытку послезокапствовать. Идти через пустынный холл было страшно, мне казалось, что из-за угла вот-вот выскочит Тхай-Лао, который поинтересуется, куда это я собралась, и все будет кончено. Но нет, иньфаец не появлялся: должно быть, был очень занят тем, что готовил десерт для милых гостей, а Сюин приводила в порядок комнаты.

Вот и отлично.

В этом доме я всегда чувствовала себя лишней, ноги моей больше тут не будет.

Никогда!

Скрип входной двери, когда я потянула ее на себя, показался мне самым громким звуком на свете, а потом я быстро шмыгнула в ночь. Холод впился в неприкрытую шляпкой голову, кусая за шею, за руки (перчатки остались наверху!), и я плотнее стянула края покрывала. Впрочем, тут же обо всем забыла: на улице, у особняка де Мортенов остановился экипаж, из которого вышел мужчина. Худой, сутулый и на мой взгляд, слишком нервный (по крайней мере, движения его были именно такими — резкими, какими-то дергаными). Он подал спутнице руку, и следом на землю с подножки шагнула она — изящная, хрупкая, как статуэтка. В роскошной накидке, расстелившейся за ее спиной шлейфом.

Странно, но меня на миг накрыло теплом. Удивительным теплом, столь не свойственным зимнему вечеру. Таким же, как брызнувший из распахнутых дверей свет, расплескавшийся по ступенькам и расчищенной дорожке де Мортенов.

Дверь захлопнулась, укрывая пару в особняке, и снова стало темно. И холодно.

Что ни говори, а я этому району подходила, как мне все подаренные Эриком наряды.

Мысль мелькнула и ушла, а в следующий момент я уже метнулась на улицу. Тенью, едва уловимо, толкнула калитку и вылетела чуть ли не под колеса набирающему ход экипажу, который едва не упустила.

— Стойте! — крикнула я, срывая голос.

Извозчик натянул поводья, и лошади встали. Меня окинули подозрительным взглядом, но я вытащила из ридикюля деньги, и подозрения как-то мигом сошли на нет. Видимо, муравьиная горка с человеческой головой тоже достойна уважения, если она может за себя заплатить.

Только забравшись в экипаж, я выдохнула.

Забилась в угол и почувствовала, как меня трясет. Не от холода, не то от пережитого.

В салоне приятно пахло женскими духами: легкими, напоминающими ароматы лета — яблоко, вишни, травы. Сам салон тоже был очень дорогой отделки: мягкие диванчики-сиденья, перетянутые утепленной замшей стены. Поездка в таком экипаже стоила недешево, но мне было все равно. Я готова была отдать все, что у меня есть только для того, чтобы оказаться как можно дальше от этого дома. Как можно дальше от Эрика с Камиллой, от ее соблазнительного голоса и от воспоминаний о том, как тонкие пальцы лежали на сгибе его локтя.

Так, Шарлотта, уймись. Скатиться в жалость к себе проще простого, а вот выкатиться из нее уже сложнее.

Но в груди почему-то все равно стояли слезы, а в горле ком. Ком, который не хотел растворяться, как я ни пыталась с ним справиться. Оставалось скользить кончиками пальцев по узорам на замше, по стягам, соединяющимся в узлы и мягким подушечкам, пружинящим в ответ даже на самое легкое нажатие.

И не думать о том, какими мягкими были губы Эрика, когда он меня целовал.

Домчались мы быстро: сейчас, в отличие от раннего вечера, дороги были уже пустые. Вся суэта в центре рассосалась, люди разошлись и разъехались по домам к семьям, а завернувший ближе к ночи морозец не способствовал прогулкам и выездам.

Если извозчик и удивился тому, где я попросила остановить, то вида не подал. Несколько раз пересчитал деньги, посмотрел банкноты на свет под мигающим фонарем, а потом подстегнул лошадей, оставив меня одну на расстилавшейся вправо и влево знакомой до каждого камешка улице.

Миссис Клайз говорила, что в моей мансарде пока еще никто не живет. Интересно, если я попрошу у мистера Холла разрешения снова заселиться в нее, он возражать не будет? Все-таки я всегда исправно вносила квартирную плату, да и грязи у меня никогда не бывало: раз в неделю стабильно проходила салфеткой по всем поверхностям и надраивала полы грубой, жесткой тряпкой, которая собирала с досок все возможные занозы.

Стоять на этой улице было лишним, особенно молодой девушке, особенно одной, поэтому я шагнула к дверям.

За спиной мелькнула тень, и все волоски на коже встали дыбом, тело покрылось мурашками. Ощущение близости чьего-то присутствия заставило обернуться, но я никого не увидела. Покачивался на ветру фонарь, скрипя проржавевшим железом. Где-то вдалеке лаяли псы.

Воспоминание (яркое, как разорвавшаяся в темноте лампочка), когда блеклая тень на этой самой улице метнулась ко мне, заставило сердце пропустить удар. Бросилась к дому, не оглядываясь, чувствуя, как ледяное полотно страха стягивает тело коконом. Мешающим мыслить здраво, нормально двигаться и даже дышать.

Почти не чувствуя заледеневших рук, рванула на себя дверь, и, напоследок обернувшись через плечо, влетела в стоящего в темноте мужчину.

Глава 2

Дыхание перехватило — от неожиданности, а еще от запаха немытого тела и алкоголя, ударивших в нос. Я отпрянула, в тусклом холодном свете, пробравшимся на лестницу через немытые окна, в глаза сразу бросилось обветренное, испитое лицо и поношенная одежда. Должно быть, один из тех работяг, кто забредал переночевать к нам, потому что спать на стройке зимой было очень холодно.

Вздохнув с облегчением, приложила руку к груди.

— Простите пожалуйста! — произнесла искренне. — Просто мне показалось, что за мной... Следит призрак, да.

— Кто-то шел. Я испугалась. Еще раз извините.

— Кто-то шел, — повторил мужчина.

Он стоял, покачиваясь, осмысленности во взгляде глубоко посаженных мутных глаз было не больше, чем у ближайшей дверной ручки. Алкоголем от него пахло сильно (увы, для рабочих, у которых не было даже койки, это был один из немногих способов согреться), поэтому я решила осторожненько его обойти. Миссис Клайз жила на первом этаже, дальше по коридору, но стоило мне шагнуть в ту сторону, как мужчина качнулся мне наперерез. — Кто-то шел, — промычал он, а следом из его горла вырвалось странное бульканье.

Попыталась обойти его справа, но он с поразительной для нетрезвого человека проворностью снова перегородил мне путь. В эту минуту стало не по себе: да, в дом частенько забредали перепившие рабочие, бродяги и беспризорники, но они никогда не пытались буянить. Собственно, это был способ избежать встречи с полицией, поэтому ходить мимо них было совершенно безопасно. По крайней мере, я так считала, но сейчас желудок сжался от страха, а я сильнее жала ридикюль. В нем все мои деньги!

— Позвольте пройти, — невольно повысила голос.

Ровно до того, каким разговаривала с Илайджей, когда тот пакостничал.

— Позвольте пройти, — повторил мужчина.

На потрескавшихся губах расплылась улыбка, обнажившая гнилые зубы, а потом он выкинул руки вперед, вцепившись в мои плечи словно клешнями. Я взвизгнула, с силой ударила его в грудь, и рабочий, пошатнувшись, выпустил мое плечо. Почувствовав свободу, рванулась с удвоенной силой, но немытая пятерня тут же вцепилась мне в волосы.

Дернула так, что из глаз брызнули слезы, а с губ невольно сорвался крик. Не понимая, откуда в пьянчуге такая сила, вцепилась ногтями в волосатое запястье, раздирая кожу. — Помогите! — закричала во весь голос. — Помогите, пожалуйста!

На втором этаже приоткрылась дверь, но тут же с треском захлопнулась. Мужчина же рывком подтянул за волосы и поволок за собой к выходу. На миг потемнело перед глазами, в шею и плечи плеснуло болью, показалось, что с меня сняли скальп. Я поняла, что ридикюль выпал из рук, только когда рабочий пинком распахнул дверь, и в лицо ударил холодный отрезвляющий воздух.

— Нет, — прохрипела сдавленно. — Нет.

Извернувшись, сжала руку в кулак, и, зажмурившись, изо всех сил ударила его между ног. Он взвыл, пошатнулся, хватка на моих волосах ослабла, и я рванулась к оставшемуся в грязи ридикюлю и спасительной двери миссис Клайз. У нее хорошая цепочка и замок, вряд ли этот тип попытается вышибить дверь, а если попытается...

Ладони скользнули в дюймах от перепачканной ткани, когда в волочащееся по доскам покрывало-накидку вцепились скрюченные пальцы и с силой дернули назад. Я упала на спину, сильно ударившись головой. Перед глазами замельтешили звездочки, в которые мгновением позже плеснули изумрудные искры. Пространство разошлось, как надорванный холст, и из него шагнул Эрик.

Рабочий шарахнулся в сторону, сильно ударившись о перила. Запрокинул голову, издав странный звук, схватился за грудь, а потом начал заваливаться набок. Меня же подхватили на руки и шагнули в портал, магическая спайка которого сомкнулась за спиной с ядовитым шипением.

Широко раскрытыми глазами я смотрела в белое, как мел, лицо.

Прикосновение пальцев — и внутри забурило согревающее тепло магии жизни. Следом на меня упала мерцающая паутина, по которой бежали потоки сиреневых искр.

— Цела, — не то процедил, не то выдохнул Эрик, а потом рывком вздернул меня над кроватью.

— Там... там человеку плохо, — вытолкнула я.

Единственное, на что меня сейчас хватило.

— Плохо?! — его голос сейчас напоминал шелест бумаги. — Человеку?! Сейчас будет плохо вам, мисс Руа. Очень плохо, если вы не потрудитесь объяснить, почему сбежали. Почему сбежали без связующего артефакта.

Резкий, жесткий тон.

Я вдруг осознала, что снова нахожусь в комнате из которой, крадучись, вышла часа полтора назад. Что снова смотрю в лицо человеку, чей холод в глазах снова предназначается мне. Мне, мне, мне и только мне, всегда только мне — этот холод, эта жесткая, непроницаемая маска, эта жестокость.

— Вы-ы-ы!!! — прошипела я. — Вы еще спрашиваете, почему я сбежала?! После того, как заставили меня ужинать со своей любовницей, а после выставили, как нашкодившего котенка?! Думаете, у меня нет чувств, месье Орман? Считаете, я должна опускать глаза и соглашаться со всем, что вы мне говорите?! Так вот, больше такого не будет, я больше не намерена иметь с вами ничего общего! Я расторгаю контракт и буду искать нового учителя магии, вам понятно?!

— Вот как, — жестко произнес Эрик. — Будете искать нового? И где же, простите, вы собираетесь его искать? Не в той ли части города, куда сунулись в попытке спрятаться от меня? И где вас едва не зажали у стенки, как портовую шлюху?!

Задохнувшись от раздражающих меня чувств, вскинула руку, но он ее перехватил. В грозовом взгляде замельтешили искры золотых молний.

— Не стоит, мисс Руа, — процедил мне в лицо. — Если вы помните, с чего началось наше знакомство, не стоит. Клянусь всем, что мне дорого, вы заслужили наказание. Так что лучше не провоцируйте меня.

— Наказание? — я рванулась, отнимая запястье. — Ну конечно! Все, как вы любите, правда?

— О чем вы?

— О том, что вам нравится, месье Орман. Вы же любите причинять женщинам боль. Или просто любите боль?

Миг — и радужка полыхнула, словно в нее плеснули солнца.

— Вы же хотели это сделать со мной, да? Расскажите, что вы хотели бы сделать. Что вы делали со своей Камиллой, у себя дома в Вэлее или, может быть, в вашем клубе по интересам?!

Зрачки его, сейчас напоминающие угли островов в бушующей лаве, сузились в две крохотные точки, на скулах заиграли желваки.

— Лорд Ирвин Лэйн, верно? — процедил Эрик.

Он сжал кулаки и отступил, резко повернувшись ко мне спиной. Резко, но все равно недостаточно: меня хлестнуло темной, разрушающей силой, от которой перехватило дыхание.

До меня вдруг дошло, что я только что сказала, а еще дошло, что я сказала потом.

— Хочешь узнать, что я могу с тобой сделать? — Эрик обернулся и недобро прищурился.

Шагнул ко мне и, прежде чем я успела отпрянуть, палец ужалило болью.

— Что вы...

По стенам комнаты взметнулись алые полосы, напоминающие струи дождя. Только росли они вверх, а не вниз, втекали в потолок: я не успела вздохнуть, как от двери потекли такие же, в параллель с полом и орнаментом наверху. Сливаясь узлами под быстрыми движениями пальцев Эрика, они вспыхивали и гасли, но перед глазами до сих пор стоял узор, напоминающий прутья раскаленной клетки.

— Клетка Каори, — пояснил он, — не позволит вам выйти из этой комнаты, мисс Руа.

Точнее, из этих комнат, ванная тоже к вашим услугам, я вас не побеспокою, пока вы сами не пожелаете. Если вам потребуется что-то извне, вызовете Сюин. Кричать или звать кого-то из окна бесполезно, заклинание поглощает все звуки.

Ошеломленная, смотрела на него, а он тем временем опустился на кровать, снова вплетая в мое тело защитную паутину. Я смотрела, как движутся его пальцы, проверяя узлы магического плетения на прочность. Закончив, поднялся и направился к двери.

Все еще не в силах поверить, что это происходит со мной, вцепилась пальцами в простыни.

— Вы не можете со мной так поступить... месье Орман... Эрик! — выкрикнула я.

Но он не остановился. Только скользнул пальцами по ребру распахнувшейся от рывка двери.

Потом она с мягким щелчком захлопнулась, и я осталась одна.

Эрик

Перед глазами было темно. Так же темно и глухо было в душе, и даже парящие шары магических светильников не спасали от этого чувства. Хотелось рычать, кромсать все вокруг — руками, магией, и снова руками, вместо этого он сидел и смотрел на застывший перед ним холст. Писать в таком состоянии не представлялось возможным, в таком состоянии ему лучше находиться в подвале дома, который сейчас стоял закрытый и запечатанный магией.

Наверное, там ему самое место.

В подвале.

Среди картин и безумия, которое возвращается всякий раз, стоит ему поддаться чувствам.

Джинхэй предупреждал его, что так будет, но тогда ему было все равно. Тогда он считал, что сможет с этим справиться, потому что единственная, кому эти чувства предназначались, была замужем за его братом.

— Можно?

Стук в дверь заставил поднять голову: Камилла застыла у входа.

— Проходи.

Негромкие шаги, шелест платья. Она остановилась у мольберта, не заглядывая на холст, но смотреть там было особо не на что. набросок, который он начал, Эрик не собирался никому показывать до самого завершения. Даже ей, хотя Кэм знала о нем больше, чем кто бы то ни было... из новой жизни.

Поэтому сейчас он поднялся, подхватил с пола ткань и набросил на мольберт.

— Расскажешь? — негромко произнесла она, не двинувшись с места.

Изящные пальцы сейчас покрывала ткань: руку с мольберта Камилла так и не убрала, почему-то именно это чувство сейчас отбросило в воспоминания о совершенно другой ночи. Когда Шарлотта, завернутая в простыню, поднялась к нему, когда тонкие пальчики точно так же путались под складками ткани, а она смотрела на себя. Обнаженную, в перехлесте веревок. Знала ли она уже тогда обо всем, чем Ирвин Лэйн решил с ней поделиться?

Внутри заворачивалась глухая, темная ярость, и Эрик поднял голову, встречая взгляд Кэм.

— Я ее нашел.

— Это я уже поняла, — Камилла внимательно посмотрела на него. — Эрик, что с тобой происходит? Я никогда в жизни не видела тебя таким.

Таким — это каким?

— Таким чудовищем, ты хотела сказать.

— Прекрати.

— Я запер ее, Кэм. Посадил в клетку.

Губы женщины дрогнули, словно она пыталась удержать в себе лишние слова.

— Посадил в клетку, как отец когда-то посадил мою мать. Я всю жизнь боялся стать похожим на него, но теперь...

Он замолчал и отвернулся. Отошел к окну, привалившись к стене щекой, глядя на ночной, одетый в зиму Дэрнс. Район, где он впервые увидел Терезу, когда она гостила в доме своего брата. Район, где началась его безумная игра, чуть не убившая Анри, и ее тоже. И вот теперь все повторялось, с той лишь разницей, что у Шарлотты не было сил, чтобы ему противостоять. Он хотел ее защитить, но превратился в того, от кого нужно защищать ее. Снова.

— Эрик, — негромкий голос Камиллы, прикосновения ладоней к плечам. — Всевидящий, Эрик, ты ее любишь.

— Это не любовь, Кэм. Это жажда обладания.

— Неужели? — она прижалась щекой к его спине. Такой знакомый жест, который в другое время мог бы закончиться совершенно иначе. Не будь в его жизни Шарлотты, он бы просто повернулся к Камилле и жестко сжал пальцы на красивом подбородке. — Сколько мы с тобой знакомы?

— Шесть лет.

— Шесть лет, — эхом повторила она. — Шесть лет я пыталась расспросить тебя о семье бесчисленное множество раз. Но заговорил о своем отце ты только сегодня. Из-за нее.

— Я не умею любить, Камилла.

— Ты не позволяешь себе любить, — сердито произнесла она. — Посмотри на меня.

Посмотри на меня, Пауль, демоны тебя раздери!

— Не смей повышать на меня голос.

Он обернулся так стремительно и резко, что любая другая попятилась бы, но не она.

Камилла не отводила взгляда, и смотрела бесстрашно, в самую тьму. Ни на миг не уступая.

— Почему ты это сделал? — спросила она. — Почему запер эту девочку?

— Потому что боюсь ее потерять, — признание вышло усталым. — Потому что уже потерял.

— Ты так в этом уверен?

Сейчас он не был уверен ни в чем. Кроме одного: в ту ночь Шарлотта хотела заснуть рядом с ним, потому что дико, до одури боялась его. Осознание этого до сих пор черным цветом разливалось в груди, и пусть сейчас в него вплеталось ядовитое кружево слов Лэйна, черный по-прежнему оставался черным.

— Уверен. Один имеющий на нее виды доброжелатель с хорошими связями рассказал ей о том, что я люблю причинять женщинам боль, — он усмехнулся. — Представил все это так, что я бы сам сбежал от себя на край света.

— Она, разумеется, до тебя с этим не сталкивалась? Ее любовник...

— Он не ее любовник, Кэм. Я был у нее первым.

У Камиллы округлились глаза. Казалось, эту женщину уже ничем невозможно удивить, но вот ему удалось. Снова.

Поэтому какое-то время в мастерской клубилась тишина. Такая же густая и вязкая, как отравляющая его тьма, такая же ледяная, как пустота, которая раскрывалась в сердце всякий раз, когда он пытался представить, что Шарлотты в этом доме больше не будет. Не будет рядом с ним. Что однажды он просто узнает о том, что Ирвин Лэйн (раздери его все демоны ада на мелкие клочки), или такой же, как он, стал ее мужем.

Тьма за клубилась сильнее, пытаясь вырваться наружу рычанием, не имеющим никакого отношения к человеческой сути. Временами ему казалось, что отец что-то здорово напутал с заклинанием, и внутри него действительно поселился монстр. Чудовище, просыпающееся от всего светлого, что происходит в его жизни. Просыпающееся, чтобы это уничтожить, чтобы остатки человечности растворились во тьме, и в мире появился второй Симон Эльгер.

Или нечто пострашнее.

— Ох, Эрик, — наконец, сказала Камилла, — что ты наделал?

— Если это говоришь ты, значит, и правда что-то ужасное.

— Я не об этом, — она бесцеремонно протиснулась к окну и опустила прямо на подоконник, закусив губу. — Твоя Шарлотта...

— Она не моя.

— Заткнись, — рыкнула Камилла. — Можешь потом открутить мне голову, но сейчас просто заткнись и послушай меня. Твоя Шарлотта, которая родилась и выросла в Энгерии, которая отдала тебе всю себя... Кажется, для нее это действительно все, хотя за ужином я была вовсе не так в этом уверена... так вот, она сбежала. И ты говоришь мне о том, что ее потерял?

— При чем тут это? — хмуро спросил он.

— При том, — фыркнула она. — Я весь вечер пыталась ее понять, и не могла. Не могла, потому что не знала этого! Девственница, Эрик! Она же стала твоей любовницей не потому, что ей больше не с кем было развлечься. И сбежала точно не потому, что ты ей безразличен.

— Это ничего не значит.

— Правда? И то, что она знает твое настоящее имя — тоже?

— Откуда ты...

— Я специально назвала тебя Эрик, но ты не заметил. Не поправил меня, и она тоже не удивилась.

— Ты меня проверяла, Кэм? — негромко спросил он.

— Разумеется, я тебя проверяла! — Камилла оттолкнулась от подоконника и шагнула к нему. — Ты не приезжал в Вэлею... сколько ты уже не приезжал? И вот Жиль сообщает мне, что видел тебя на вокзале, но ты даже не заглянул домой. Ни на минуту. Больше того, ты был без маски, и от Ормана в тебе не осталось ровным счетом ничего. Я подумала, что случилось что-то серьезное! Что тебе нужна моя помощь!

Она сложила руки на груди и наклонила голову.

— Поэтому я скинула все дела на Жилия и прилетела сюда. Чтобы увидеть, что ты по уши влюблен в девочку, которую до смерти запугал. Может, тот кретин и наговорил ей всякого, но остальное сделал ты. Своими руками, Эрик.

Можно подумать, он этого не знал.

— И что мне теперь делать, Кэм?

— Неужели я дожила до того дня, когда ты спрашиваешь моего совета? — Камилла заглянула ему в глаза.

Вместо ответа он положил ладони на ее талию, притягивая к себе.

Так близко, как только можно, вдыхая аромат прохладного цветения ее духов.

— Хочешь, чтобы я тебя

упрашивал

? — сделал акцент на последнее слово.

— О, я бы очень хотела на это посмотреть. Временами мне снилось, как ты стоишь передо мной на коленях...

Губы дрогнули, и Эрик с трудом удержал улыбку. Судя по тому, как она закусила губу, Камилла тоже. Что скрывалось за этой улыбкой, он едва ли мог объяснить.

А она?

— Мы с тобой отравлены болью, Эрик, — негромко произнесла эта хрупкая, но удивительно сильная женщина, запуская пальцы в его волосы. Ощутимо сжимая пряди, и тут же отпуская, возвращая ладони ему на грудь. — Болью нашего прошлого, которую упорно тянем за собой в настоящее. Поэтому наше спасение в таких, как она. Чистых. Искренних. Светлых. Ты никогда не смотрел на меня так, как смотришь на нее. Камилла помолчала, а потом отстранилась. Отвернувшись, обхватив себя руками, словно пытаясь согреться, но тут же выпрямилась и раскрылась.

— Ты спрашивал, что тебе делать, — она внимательно взглянула на него. — Для начала... тебе придется ее отпустить.

Глава 3

Шарлотта

Утро согрело щеку солнечным лучом: обманчиво, обещая тепло и маня за собой. Разумеется, когда я открыла глаза, в комнате ничего не изменилось. Не считая того, что теперь все платья были аккуратно развешены. Мне нужно было чем-нибудь заниматься, чтобы не сойти с ума, и я решила, что платья вполне подойдут. Теперь они томились за закрытыми дверями шкафа, запечатанные в темноте, как я в этой комнате. Воспоминание о случившемся вернуло меня в реальность, выбросило из уютной на первый взгляд комнаты в холод клетки.

А комната и впрямь была уютной. В отличие от смежной, в которую вела наглухо закрытая дверь, эта выглядела очень светлой. Все оттенки зеленого, от светло-зеленого до изумруда на темной подушечке, наводили на мысли о лете. Особенно сейчас, когда сквозь раскрытые портьеры в спальню втекал солнечный свет. Я поднялась, подошла к окну, глядя на искрящийся снег. Такой хрустит под ногами, пока ледяной воздух пощипывает лицо. Мороз я любила не меньше снегопада или дождя, летнего зноя и звенящей осенней прохлады, капли, наполненной свежестью или неожиданных холодов, когда аромат сирени сводит с ума. В городе они не настолько яркие, как на природе. Там, где над головой смыкаются кроны деревьев, образуя живую крышу. Шелестящую на ветру, в такт негромкому шуму реки, идущей вдоль берегов. Усилив воли прогнала мысль о нашей с Эриком поездке и поцелуе. Жаль, у меня не было времени выбирать на природу, да и экипаж за город стоил столько, что позволить себе это я не могла.

Хлопнула дверь.

— Доброе утро, Шарлотта.

Услышав его голос, сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

Вчера я пообещала себе (или это было уже сегодня?), что не стану больше из-за него плакать. Не пролью ни слезинки. Их достаточно пролилось, пока я сидела в комнате после нескольких безуспешных попыток выйти: невидимая стена не пускала меня, хотя мисс Дженни совершенно спокойно зашла и вышла, а потом снова зашла, когда ей потребовалось. Умение открывать двери лапами, видимо, досталось кошке из предыдущей суровой жизни, когда нас не было друг у друга.

Плакала я, правда, не из-за клетки. Ну или не только из-за нее.

Разбирая платья, подсознательно ждала, что Эрик вернется. Наверное, развесить их можно было бы гораздо быстрее, но я разглаживала каждую складочку. Устроила на спинке кресла послужившее мне накидкой покрывало, потом аккуратно сложила его на сиденье. Время шло, а Эрик не шел, и с каждой минутой я все отчетливее понимала, что он уже не придет. Зачем ему ночевать в своей комнате, если есть Камилла? Камилла, готовая исполнить любую его прихоть, любую фантазию.

Пусть даже самую жестокою.

Сейчас эта мысль не вызывала во мне ничего, кроме какой-то горькой усталости, но тогда, вернувшись из ванной, я безвольно оставила дверь между нашими комнатами приоткрытой. Ворочаясь, прислушивалась к каждому шороху, к каждому звуку, чтобы уловить даже самый тихий, но так ничего и не услышала. Он остался с ней, и это было настолько больно (куда больнее прочего), что я не выдержала и заплакала. Глухо, в подушку.

Мисс Дженни, облюбовавшая соседнюю, тут же пришла ко мне и принялась мурлыкать, но очень скоро поняла, что неблагодарное это занятие: залитая слезами шерстка в ее планы не входила. Поэтому кошка вывернулась из моих рук, укоризненно на меня посмотрела и отправилась на середину кровати. Подальше ото всяких рыдающих девиц.

В ту минуту я себе и пообещала, что больше никаких слез не будет.

Поэтому сейчас обернулась, и ровным, ничего не выражающим тоном (как могла бы говорить с незнакомцем), произнесла:

— Добрый вечер, месье Орман.

Я старалась смотреть куда угодно, только не на него. Например, считать наливающиеся золотом виньетки на обоях.

— Утро, — поправили меня. — И ты можешь называть меня Эрик.

— Могу, но не стану, — ответила я. Мне сейчас было все равно, что я путаюсь во временах дня и ночи. — Вы что-то хотели?

— Да. Я хочу извиниться, Шарлотта. За то, что случилось вчера.

А вот это было нечестно. Нечестно, и больно. Так же больно, как осознавать, что ночь он провел с Камиллой. Я просыпалась перед рассветом, от дурного сна, который сейчас не могла вспомнить, но Эрика в соседней комнате не оказалось. Поэтому ходила в ванную ополоснуть лицо и на обратном пути наглухо запечатала ход между спальнями дверью.

Поэтому сейчас вскинула голову, встречая его взгляд: уставший, внимательный.

Желание приблизиться, стереть залегшие в уголках губ морщины кончиками пальцев, было настолько отчетливым, что впору по рукам себя бить.

— Давайте уточним, за что, — произнесла я. Негромко, потому что боялась, что голос будет дрожать. — За то, что посадили меня за стол со своей любовницей, за то, что из-за него выставили, или за то, что заперли здесь? Надолго, кстати? Или я смогу выйти, когда соберусь на работу?

Голос все-таки дрогнул.

Эрик шагнул ко мне, но я выставила вперед руки.

— Не подходите, месье Орман. Не приближайтесь. Не приближайтесь, или я закричу.

Может быть, в доме этого никто не услышит, зато услышите вы.

Он остановился, словно наткнулся на невидимую стену.

— Уходите, — попросила быстро. — Уходите, пожалуйста.

Находиться рядом с ним в одной комнате мне противопоказано, потому что после всего я думала о темных кругах у него под глазами и о том, как хочется сократить расстояние между нами. Как хочется просто забыть все, позволить себе упасть в эти объятия, и обнимать в ответ. Обнимать так отчаянно, что заходится сердце, но...

Но за этими дверями, в этом доме где-то ходит Камилла.

И ночь он провел с ней.

Эта мысль отрезвила, хлестнула пощечиной решимости.

— Уходите, — добавила уже жестче. — Я бы ушла сама, но я не могу выйти.

— Можешь, Шарлотта, — Эрик отступил на несколько шагов, достал из кармана жилета сложенные вчетверо бумаги. — Клетки больше нет. Это — соглашение о расторжении договора. Все, как ты хотела. Если не передумаешь до вечера, мы его подпишем.

От такого во мне кончились слова. То есть слова, может и были, но они отказывались складываться в предложения, хотя на косноязычие жаловаться не доводилось.

— Завтрак Сюин принесет сюда, — он положил бумаги на комод, скользнул взглядом по моему лицу. — Ты спрашивала, за что я прошу прощения. За все. За все, что тебе пришлось пережить из-за меня. Не только вчера.

Он смотрел на меня, но я молчала.

Молчала из последних сил, и только когда Эрик вышел за дверь, медленно опустилась на пол. Подтянула колени к груди, кусая губы и глядя на краешек своей свободы. Сложенная

бумага раскрылась и теперь уголками нависала над полом, а я смотрела на них и думала о том, что мне с этой свободой делать.

Наверное, мне стоило написать миссис Клайз, как я и хотела, спросить по поводу мансарды, но писать мне не хотелось. Мне вообще ничего не хотелось, кроме как свернуться клубочком на кровати и жалеть себя до умопомрачения. Может, если оно (умопомрачение) случится, мне будет проще все это забыть.

Я несколько раз перечитала соглашение: в нем не было никаких подводных камней. По большому счету, в нем ничего особо не было. Только строки о том, что мы расторгаем договор по обоюдному согласию, и что не имеем друг к другу никаких претензий. Ну да, разумеется. Желание свернуться клубочком чередовалось с желанием запустить в Эрика этим соглашением, а потом еще чем-нибудь потяжелее. Вместо этого я продолжала сидеть в комнате и смотреть на то, как по улицам Дэрнса проезжают немногочисленные экипажи и мобили (за все время «сидения» я насчитала от силы штук пять).

Дети с нянями потянулись к парку ближе часам к десяти, тогда как их родители, наверняка, еще спали. На выходные можно позволить себе безделье, особенно если ты аристократ. Попытки собраться тоже ни к чему не привели: во-первых, у меня все валилось из рук, а во-вторых я поняла, что собирать мне особо нечего. Мой и без того хилый гардероб вчера окончательно поредел, так что уезжать предстояло, видимо, в этом желтом платье. Просто потому, что другого у меня теперь не было.

И я снова возвращалась к вопросу о том, куда уезжать.

Есть мансарда, где мне все привычно, включая ранние подъемы, чтобы добираться до работы. Вот только после случившегося вчера, когда на меня напал этот странный человек, туда мне не хотелось возвращаться. Хотя бы потому, что я теперь не смогу спокойно заходить в подъезд и шарахаться буду от каждого встречного. Особенно от тех, кто спит на лестнице.

Где мне найти жилье за день на выходных?

Этот вопрос не давал мне покоя. Разумеется, я не думала, что после расторжения договора Эрик выставит меня за порог, но оставаться в этом доме после всего, рядом с ним и с Камиллой, не представлялось возможным. Даже если я закроюсь за этими дверями и буду ходить по стенке, чтобы избежать нежелательной встречи, ничего хорошего из этого не выйдет. Я все равно буду знать, что она здесь.

Если бы он только сказал, что она не имеет для него значения... что ничего между ними не было и не будет, возможно, мне бы было проще с этим смириться. Но он не сказал, потому что Эрик никогда не лжет.

Не в силах больше выносить эти мысли, решительно поднялась. Мисс Дженни снова отправилась исследовать Дэрнс, так почему бы мне не заняться тем же. Возможно, на свежем воздухе станет легче, и я что-нибудь придумаю. Ключевое слово «что-нибудь», потому что сейчас у меня даже вариантов не было.

Глубоко вздохнула, выбирая между своими старыми башмаками и новенькими теплыми ботиночками. Изящными и удобными, насколько это возможно для зимней обуви, а главное, изнутри подбитыми мехом. В таких мне не грозило заledenеть через полчаса, поэтому я отмела сомнения и надела новую обувь. Шляпку тоже взяла потеплее: темно-зеленого цвета, она плотно прикрывала уши и завязывалась под подбородком широким атласным бантом. Наверное, не стоило, но я так устала от условностей, от собственных принципов, которые никому не нужны, от того, что всем можно все (например, Эрику и Камилле), а мне ничего, что сейчас отмахнулась от этих мыслей.

Спустилась в пустынный холл и коснулась настенного артефакта. Дожидаясь, пока придет Тхай-Лао, покрутилась перед зеркалом: если бы не темные круги под глазами, в точности такие же, как у Эрика, я бы выглядела очень модной. Современной уверенной в себе даже не мисс, а леди, сталкиваясь с которой на улице мужчины приподнимают шляпы. Ну а что? Аристократическая бледность уже есть.

Вот только боюсь, что леди мне уже не быть.

— Могу я узнать, куда вы собираетесь, мисс Руа? — бесстрастно поинтересовался иньфаец. В руках он держал новое пальто и накидку, отороченную мехом. Ту, в которой я ездила в театр, словно знал, кто его вызывал и зачем. А может быть, знал? Посетившая меня догадка

ужалила сердце, заставляя внутренне сжаться. Конечно, он знал. Эрик с Камиллой и Эммой наверняка отправились на прогулку, ведь сегодня выходной.

— В парк, — это вышло грубо. Гораздо грубее, чем могло бы быть. — Надеюсь, это мне не запрещено?

— Разумеется, нет, — Тхай-Лао шагнул ко мне. — Позвольте вам помочь.

Хоть бы улыбнулся, хоть бы какие-то чувства возникли на этом смуглом тонком лице или в раскосых глазах! Но нет, оно оставалось безупречно спокойным, как вылепленная из глины тонкая маска, словно эту идеальность к нему приклеили, и теперь он всю жизнь будет ходить с ней. Не считая моментов, когда видит Камиллу, разумеется.

— Справлюсь сама, — я перехватила одежду из его рук.

Пальто тоже оказалось теплым. Настолько теплым, что когда накидка легла на плечи поверх него, я ощутила себя в сугробе. В сугробе, который изнутри подогревают магией, и который вот-вот растает. Несмотря на плотные ткани, одежда была красивой и стильной: приталенное сливочно-кремовое пальто, ярко-зеленая накидка с мехом, даже ботинки не черные, а в цвет шляпки.

Не лучший вариант для той, кому хотелось бы слиться со снегом, но сейчас я бы надела даже оранжевую простыню в малиновый горошек, только чтобы побыстрее оказаться подальше от этого дома.

Побыстрее не получилось, за калиткой я поскользнулась и чуть не полетела прямо носом в брусчатку. Пришлось хвататься за прутья и делать вид, что так и было задумано, что я наклонилась рассмотреть что-то на подоле. Подол, кстати сказать, выглядывал из-под пальто: согласно последней моде полы были чуть приподняты, открывая платье. Накидка тоже лишней не оказалась, неожиданный мороз завернул так, что мои щеки уже горели, а вместе с дыханием вырывались облачка пара. Раньше в такие дни я сидела дома, ну или (если забывала купить что-то нужное) очень быстро бежала до остановки, а после от продовольственной лавки к лавке булочника, где не всегда было значительно теплее. С этой мыслью я подняла голову и встретилась взглядом с герцогиней де Мортен. Первым порывом было развернуться и перейти на другую сторону, но она меня уже узнала. Больше того, увидела, что я тоже узнала ее, и такой поступок можно было расценить не просто как дурной тон, а как оскорбление. Особенно после всего, что эта женщина для меня сделала (пусть даже я до сих пор не могла понять, почему она не поддержала маэлонскую труппу).

Поэтому пришлось сделать вид, что так и д

о

лжно, и идти вперед. Стараясь не представлять, что подумала Луиза, когда увидела меня в Дэрнсе. В таком виде, разодетую, как... как она и ее спутница. Герцогиня была не одна: молодая женщина, что шла рядом с ней, держала за руку Хлою, дочь Луизы. Сбоку степенно вышагивал черный дог.

С другой стороны, не все ли мне равно, что она подумает?

«Не все», — подсказал внутренний голос. Именно в том, что касается нее, не все.

Станет ли она вообще со мной разговаривать, особенно после той странной встречи в театре. Мы с Эриком так и не поговорили о том, почему они с де Мортеном пытались заморозить друг друга взглядами.

Бесчисленное множество мыслей, сменявших друг друга со скоростью несущегося на полном ходу экипажа, превратили мою голову в наонаэрянский шатер или даже в наонаэрянский табор. По крайней мере, шума в ней было столько же.

— Доброе утро, Шарлотта, — негромко произнесла герцогиня, когда мы поравнялись.

Мы остановились одновременно, что самое интересное, даже Арк замер. Потянулся ко мне носом, и на этот раз я положила ладонь между больших седых ушей совершенно без страха.

— Доброе утро, ваша светлость.

— Доброе утро, Шарлотта! — воскликнула девочка, и сделала книксен.

— Доброе утро, леди Хлоя, — я улыбнулась, и дочь герцогини просияла.

— Лавиния, это мисс Шарлотта Руа, помощница художника-декоратора в моем театре, — Луиза повернулась к своей спутнице. — Шарлотта, это Лавиния Вайд, леди Эрден. Сестра моего мужа и моя подруга.

— Приятно познакомиться, мисс Руа, — Лавиния кивнула мне, и я обратила внимание на ее голос.

По-девичьи высокий, нежный и очень живой. За ним хотелось бежать на край света, если такой существует, а еще я почувствовала разливающееся в груди тепло. Показалось, что даже если скину накидку и пальто, все равно не замерзну, все проблемы почему-то отступили на второй план. Я как зачарованная смотрела в это лицо, лицо молодой женщины с мягкими чертами: пухлые, но не крупные, губы, чуть вздернутый аккуратный носик и очень грустные глаза. Глаза в цвет листвы в сумерках.

— Мне тоже, — опомнившись, произнесла я. — Очень рада встрече, леди Эрден.

— Лучше просто Лавиния, — от ее улыбки солнце на миг превратилось в весеннее.

Впрочем, ненадолго: улыбка погасла, и сразу вернулся мороз.

Я поняла, что пришло время прощаться, и даже открыла рот, чтобы произнести привычные вежливые слова о том, как рада была этой встрече, но Лавиния меня опередила:

— Вы торопитесь, Шарлотта?

От неожиданности я широко распахнула глаза.

— Простите мою вольность, я не очень люблю официальные обращения, в них есть что-то безликое.

— О... — только и сказала я, когда обрела дар речи. — Мне нравится, когда меня называют по имени. И...

Под пристальным взглядом Луизы немного ступевалась, но все-таки ответила.

— Я собиралась прогуляться в парке.

— Какое совпадение! Мы тоже, — Лавиния взглянула на герцогиню. — Луиза, как думаешь, возможно нам стоит пройти вместе?

Луиза внимательно посмотрела на нее и улыбнулась.

— Если Шарлотта не возражает, буду рада.

Шарлотта возразить не успела, потому что Хлоя запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

— Да, да, да!!! Чем больше девочек собирается вместе, тем веселее!

Губы Лавинии дрогнули, а Луиза повернулась к дочери.

— Это кто тебе такое сказал?

— Кристоф, — с самым серьезным видом заявила Хлоя. — И не мне. Он Дарену говорил, а я просто услышала.

Губы Лавинии дрогнули еще сильнее, но от смеха она удержалась. Впрочем, Луиза тут же покачала головой и кивнула в сторону центрального входа в парк (как раз напротив него мы и остановились). Мы перешли широкую улицу, на которой легко могли разъехаться несколько мобилей или экипажей, но сейчас совершенно пустую. Прошли по выгнувшейся спине мостика, небольшого, пропускающего под собой запечатанную подо льдом и под снегом воду, и оказались у распахнутой калитки.

— Не припомню, чтобы ее хоть раз запирали, — сообщила Луиза, когда Арк стремглав умчался по дорожке вперед.

— Она здесь для красоты. Хотя красоты здесь и так хватает, и она в другом. — Лавиния обвела взглядом укутанные снегом деревья, а потом взглянула на меня. — Не обращайтесь внимания, Шарлотта, я просто очень люблю природу. В Лигенбурге ее непростительно мало.

— Я тоже очень люблю природу, — призналась, — мне гораздо легче дышится за городом.

— Неужели? Вы разве не отсюда?

— Нет, я... — закусила губу, но потом все-таки продолжила. — Я приехала из Фартона. Там холмы, море и очень много цветов.

— О, я знаю! — воскликнула Лавиния, и глаза ее сверкнули. — Оттуда родом шоколадник, у нас он не растет, ему слишком холодно.

— Да, и не только он. Еще ригоцвет, он тоже очень любит тепло.

— Ригоцвет? Это цветок, который зацветает как небо?

Удивительно точное сравнение, почему я сама не додумалась? Ригоцвет сочетает в себе небесно-голубой и белый, а растет густо-густо, поэтому когда он зацветает, холмы напоминают отраженное небо (вата облаков и по-летнему нежная синева).

— Да, это он.

— У матушки в оранжерее росли и шоколадник, и ригоцвет.

В этих словах мне почудилась едва уловимая, потаенная грусть.

— Росли?

— Сейчас я редко бываю в Мортенхэйме. Это замок брата, — тут же пояснила Лавиния. — На сотни тысяч акров вокруг леса, поля, и еще там есть парк. Огромный, и разве что самую малость уступает Милуотскому.

Мы шли по расчищенным дорожкам, но искры снега рассыпались с покрывала газонов во все стороны. Порой настолько ярко, что хотелось зажмуриться даже несмотря на защиту шляпки. Луиза тоже изредка прикрывала глаза ладонью, а вот Лавинию, кажется, это совсем не смущало. Она не хмурилась, не опускала глаз, словно и не было вокруг ослепительно-яркого сияния отраженных от белизны лучей. Не замечали его и Хлоя с Арком, которые с визгом и рычанием носились друг за другом по дорожке вперед-назад. Мне всегда казалось, что быть дочерью герцогини еще серьезнее, чем воспитанницей виконтессы, но Хлою не одергивали. Не тянули за руку к себе, не говорили строгим ледяным тоном, что она ведет себя недостойно леди, прыгая по сугробам (даже когда мы поравнялись с пожилой парой, и мужчина приподнял цилиндр).

Я ждала неловкого вопроса, как я здесь оказалась, или просто вскользь оброненной фразы о том, что меня не ожидали встретить в Дэрнсе, но ничего такого не последовало.

— Как тебе новая должность, Шарлотта? — спросила Луиза.

— Очень нравится, — призналась искренне. — Мистер Стэйдж, Джон и Ричард... они потрясающие... Ой! Я хотела сказать, мистер Рэнгхольм и мистер Фард.

— Мистер Стэйдж тебя очень хвалит, — герцогиня неожиданно улыбнулась, а Лавиния быстрым шагом направилась к Арку и Хлое. Я же не нашлась, что ответить: мне редко говорили, что я что-то делаю хорошо, и еще реже по-настоящему хвалили. Мисс Хэвидж придерживалась мнения, что незачем говорить ребенку о его успехах, чтобы избежать зазнайства и высокомерия. А леди Ребекка во всем с ней соглашалась, впрочем, сейчас я уже не была уверена в том, что она слушала что-то из того, что гувернантка обо мне говорила.

— Он уверен, что из тебя выйдет отличный декоратор, в будущем ты сможешь возглавлять группу, как это сейчас делает он.

— Не уверена, что я этого хочу, — вырвалось у меня.

Луиза приподняла брови, и я тут же пояснила:

— Мне кажется, что... когда я рисую от души, это по-настоящему. А когда на заказ, уже немного не то. То есть я не хочу сказать, что я не рада тому, чем сейчас занимаюсь, но мне гораздо больше нравится писать картины, пусть даже этим и не заработаешь себе на жизнь. Возможно, когда-нибудь я найду время совмещать, и...

— Почему ты так решила? — спросила герцогиня.

— Что именно?

— Что если ты будешь писать картины, тебе будет нечего есть.

— Но это же правда, — я развела руками. — Так все говорят. И мой учитель, мастер Викс, он вынужден был учить детей рисованию. То есть ему это тоже нравилось, но не так, как писать.

— Значит, твой учитель просто не обладал должной долей настойчивости, — хмыкнула Луиза. — Чтобы побороться за то, что ему дорого.

Легко вам говорить, подумалось мне. Вы ведь герцогиня, и даже если играли в театре, наверняка, вам все давалось гораздо проще, чем девочке с улицы.

— Ты наверняка не знаешь, что я в свое время была актрисой, — задумчиво произнесла ее светлость.

«Знаю», — чуть было не брякнула я.

К счастью, не брякнула, а герцогиня была полностью погружена в свои мысли, чтобы заметить выражение моего лица.

— Когда я решила, что хочу играть, я знала, что просто не будет. В те времена я работала гувернанткой, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы выйти на сцену. Легко, разумеется, не было, но я знала, что если откажусь от этого, откажусь от чего-то важного. За меня никто не просил, поэтому я вышла на сцену служанкой второстепенной героини. Служанка появлялась в спектакле один-единственный раз, чтобы забрать поднос.

Луиза улыбнулась: светло, солнечно.

— Лишь спустя несколько лет я стала известной. Самой известной актрисой Лигенбурга, меня ставили только на главные роли, на гастроли приглашали в первую очередь. Успеха, которого я добилась было вполне достаточно, чтобы купить себе дом и содержать его, чтобы нанять экономку и баловать себя дорогими нарядами и путешествиями. Хотя для нашего общества это казалось просто невозможным.

Она помолчала, а потом кивнула:

— Поэтому не бойся бороться за то, что ты любишь, Шарлотта. Или за тех... — герцогиня осеклась и посмотрела на Лавинию, вокруг которой кругами бегали Арк и Хлоя. Пес догонял, девочка убегала и пряталась за пышными юбками.

Мне же в этот момент стало стыдно. Стыдно, что я подумала о ней так, что на нее все сыпалось по праву рождения. Теперь мне вовсе так не казалось, больше того, теперь мне стало еще более непонятно, как она смогла просто встать и уйти с «Лацианских страстей».

— Скажите, почему вы промолчали? — я взглянула на нее, в очередной раз отметив красивый чувственный профиль. — Тогда, в театре. Вместе с остальными.

Ее светлость вскинула брови, а потом широко распахнула глаза:

— Так той девушкой была ты?! Которая аплодировала, о которой писали в газете?

Да, еще в той газете писали, что меня быстро вывели из зала.

— Мне стоило догадаться, — она улыбнулась еще ярче, но потом улыбка ее померкла. — Мы вынуждены были уйти, Джулии стало нехорошо. Она в положении, и я не могла ее оставить. Рядом с ней, разумеется, был муж, но в таких ситуациях муж вряд ли сумеет правильно успокоить.

Луиза покачала головой.

— Мне жаль, что все произошло именно так, Шарлотта. Искренне жаль.

— Мне тоже, — выдохнула я. — Простите, что... подумала про вас, что вы просто не захотели...

— Я бы тоже так подумала, — герцогиня кивнула. — Особенно после того, что я рассказывала тебе про общество на выставке.

— Вы были правы, — я вспомнила «Девушку»: такой, какой видела ее в последний раз, и поспешила перевести тему: — А Джулия... с ней же все хорошо?

— Да, разумеется, — Луиза снова улыбнулась. — Это их первый и очень долгожданный малыш, поэтому она безумно волнуется. Я бы даже сказала, чересчур. Пришлось объяснять ей, что в эти месяцы бывает многое, и ничего страшного в этом нет.

— Ох, — я слегка покраснела, а на глаза почему-то навернулись слезы.

Не горькие, а какие-то светлые, от слов «долгожданный малыш» стало очень уютно на сердце. Наверное, это здорово, когда родители так любят ребенка даже когда он еще не родился. Я закусила губу, потому что слезы грозили все-таки свернуть мои мысли не туда, как раз в эту минуту к нам присоединилась Лавиния.

— О чем вы говорили? — весело спросила она.

Раскрасневшаяся, на щеках ямочки, на губах озорная улыбка. Хрупкая, ростом едва ли выше герцогини. Волосы цвета кофейных зерен, уложенные аккуратными локонами, слегка растрепались, и сейчас она выглядела совсем молоденькой, даже грустинка из глаз пропала.

— Об искусстве, — Луиза заговорщицки мне подмигнула. — Шарлотта не только создает декорации, она пишет картины.

— Невероятно! — воскликнула Лавиния. — Вам больше нравятся портреты? Или пейзажи?

— За портреты я пока не бралась, — сказала задумчиво. — Я все больше пишу природу... а в целом... мне больше интересны люди и отражение их чувств на фоне того, что их окружает. М-м-м-м... путано выражаюсь, наверное. Мне нравится ловить мгновения и переносить их на холст. Каждая эмоция, каждый миг жизни — это то, что уже никогда не повторится...

Я осеклась, потому что женщины очень пристально смотрели на меня.

— Это прекрасно, — без тени улыбки, искренне произнесла Лавиния. — Расскажите, как это происходит? Это же так интересно!

Не сговариваясь, мы медленно направились дальше. Не считая встреченной нами пожилой пары, здесь было безлюдно: все-таки в такой мороз большинство людей предпочитает сидеть дома, у пышущих жаром каминов.

— Все начинается с образа... — я закусила губу, подбирая слова. — Такого... яркого, как вспышка. Иногда эмоции рождаются из увиденного, иногда просто возникают сами по себе. Почему-то вспомнилась картина на выставке, где пара стояла на заснеженном мосту.

— Потом появляется набросок... и все, что я чувствую, когда вижу этот образ, я вкладываю в него.

За разговорами о живописи и создании картин мы обошли весь парк несколько раз. Подальше от реки, потому что рядом с ней становилось еще холоднее. Потом Арк с Хлоей все-таки убежали налево, и нам пришлось повернуть за ними. На узенькую аллею, тянущуюся вдоль берега Ирты. К запертой подо льдом и снегом воде уходил невысокий склон, с которого чуть попозже вполне будет можно кататься... наверное. Не знаю, насколько хорошо замерзает речка в этих местах.

Кстати, об образах: представила летящую с горки малышку, заливающуюся смехом, и напуганную няню, прижимающую ладони к щекам. Почему-то так ярко, что отчаянно захотелось взяться за кисть прямо сейчас. Вот только кисти у меня нет. Точнее, есть, ведь все мои вещи где-то здесь, в доме Эрика, но их я не видела со дня переезда в Дэрнс.

— ... задумалась, — донесся до меня голос Лавинии, и я поняла, что пропустила часть разговора.

— Простите, — пробормотала, чувствуя, как к морозному румянцу добавляется румянец стыда. — Я просто подумала о катании с горок.

— Здесь кататься опасно, — сказала Луиза. — А вот в деревушке, где скоро откроется ярмарка, поставят такую горку... Загляденье!

— А мы поедем, поедем, поедем? — подбежавшая Хлоя заглянула матери в лицо.

— Обязательно, — Луиза притянула ее к себе. — Это же наша семейная традиция.

На лице Лавинии снова мелькнула грусть, и на миг я ощутила ее так отчетливо-остро, словно в сердце вонзились крохотные ледяные иголочки. Арк тут же ткнулся носом ей в ладонь, словно утешая. Она потрепала его по голове, и меня снова согрело теплом. Мягким, солнечным, как летнее утро, которое хочется вдохнуть полной грудью, теплом раскрытых объятий, на которые хочется ответить улыбкой. Таким же, как вчера, когда я бежала из дома.

Осознание этого оказалось таким пронзительным, что я споткнулась о выбившийся из ровных рядов камешек на дорожке, и Лавиния подхватила меня под руку:

— Осторожно!

— Спасибо, — пробормотала я, тщетно пытаюсь справиться с охватившими меня чувствами.

Ее тепло, тепло которое я ощущала рядом с ней и которое исчезало вместе с ее улыбкой, напоминало то, что я чувствовала, когда во мне пробуждалась магия жизни.

Маг жизни?!

Лавиния?!

Неужели такое возможно?

Не успела я справиться с этой мыслью, как меня огорошила Луиза:

— Шарлотта, что скажешь, если я приглашу тебя присоединиться к нам за обедом?

Глава 4

Обед? С ее светлостью?

То есть у них дома?

— Понимаю, что это могло прозвучать неожиданно, и что у тебя могут быть планы...

Ну да, у меня определенно планы. Сидеть дома и смотреть в окно, думая про Эрика с Камиллой!

В другой раз я бы непременно отказалась, хотя бы из соображений приличия (Луиза выше меня по социальной лестнице настолько, что мне на нее смотреть в театральный бинокль, задрав голову), но сейчас мне не хотелось думать про социальные лестницы. Не хотелось думать о том, насколько это уместно, пусть даже леди Ребекка говорила, что иногда люди приглашают кого-то из вежливости. Я никого к себе из вежливости не приглашала, и если Луиза считает это уместным, не вижу повода думать иначе.

— Сочту за честь, — сказала я и улыбнулась.

— Ура, ура, ура! — Хлоя захлопала в ладоши, но под взглядом матери смутилась и добавила: — То есть... я тоже очень рада, что вы к нам присоединитесь, Шарлотта.

Украдкой взглянула на Лавинию, но та была занята Арком: чесала его за ушами сразу с двух сторон. Пес, явно счастливый от такого обращения, не мог понять, в какую сторону ему лучше наклонить голову, подставляясь под ласку. Я же пыталась понять, права ли в своем предположении, или мне просто отчаянно хочется, чтобы эта удивительная молодая женщина тоже оказалась магом жизни, чтобы я могла поговорить с ней об этой невероятной силе, и...

И — что?..

До дома мы дошли быстро. Дворецкий, наше первое знакомство с которым оставляло желать лучшего, меня не узнал. Я поняла это, когда он скользнул почтительно-внимательным взглядом по моим одеждам. Лишь когда я сняла шляпку, и волосы рассыпались по плечам, лицо его вытянулось.

— Гилл, сегодня мисс Руа наша гостья, — подтвердила его догадку Луиза. — Распорядись, пожалуйста, чтобы накрыли стол еще на одну персону.

— Как скажете, ваша светлость, — когда лицо его становилось кислым и сморщенным, как вымоченный в спирте перец, морщины подчеркивали возраст дворецкого особенно ярко. Впрочем, я и так уже поняла, что он из тех, кто судит по внешнему виду.

Равно, как и то, что если бы не ее светлость, гнали бы меня отсюда пинками: это явно читалось в его глазах. До него мне сейчас не было малейшего дела, последние несколько недель и случившееся в театре научили меня, что не стоит обращать внимание на мнение тех, кто считает тебя недостойной (того, этого, потому, поэтому — нужное подчеркнуть). Я с милой улыбкой вручила ему одежду и отвернулась, оставив дворецкого с его мнением за спиной.

— Пойдемте пока в гостиную, к камину, — Луиза кивнула, предлагая следовать за ней.

— Ваша светлость! — неожиданно воскликнул Гилл. Чувство было такое, что каждый раз, когда он обращается к Луизе и произносит «ваша светлость», у него нарывает язык. — Его светлость прислал посыльного, он задерживается в Парламенте. Просил передать, чтобы вы обедали без него.

— Вот как? Спасибо, — герцогиня подхватила юбки и направилась вслед за Хлоей и Арком.

Лавиния чуть посторонилась, пропуская меня вперед, и я невольно прислушалась к своим ощущениям. Сейчас разливающегося по венам тепла не было, но ведь я точно помню, что чувствовала его. Вчера, да и сегодня тоже. Не может же такого быть, чтобы мне почудилось? И если это не магия жизни, тогда что?

В уже знакомой мне гостиной было тепло, потрескивали угли в камине. На диване расположился мужчина — нескладный, сутулый, он согнулся над разложенной на коленях газетой. Зажатая между пальцев сигара дымилась, длинные скрещенные ноги почему-то напомнили мне о кузнечиках. Сама не знаю, почему в голову пришло такое сравнение, но в следующую минуту уже раздалось легкое покашливание.

— Мне кажется, Майкл, или я просила вас не курить в гостиной?

Понимаю, почему: он подскочил в точности, как кузнечик, не зная, куда приткнуть сигару. В глазах мелькнуло раздражение, лишь на миг, тут же сменившись каким-то подобострастным выражением. Сигара отправилась в пепельницу на подлокотнике, а мужчина шагнул к нам и поцеловал руку ее светлости.

— Простите, Луиза, я совершенно измотан всеми этими новостями, задумался...

Показалось, или руку она отняла чуть быстрее, чем того требовал этикет?

— Милая моя, вы отлично выглядите! — это уже относилось к Лавинии.

Он взял ее руки в свои и поцеловал сначала одну, затем другую.

Я чуток скосила глаза, и увидела, что Хлоя показывает ему язык. На нее никто не смотрел, кроме меня, поэтому леди Биго по-детски расстаралась, даже пальцы приложила к ушам, чтобы рожица вышла пострашнее. С трудом удержавшись от смешка, чуть шагнула в сторону, закрывая ее собой. Вовремя, потому что Лавиния повернулась ко мне. Или, точнее, к нам.

— Майкл, позволь тебе представить: мисс Шарлотта Руа. Художница и невероятно интересная собеседница, знакомству с которой я обязана нашей Луизе. Шарлотта, это мой супруг, лорд Эрден.

— Приятно познакомиться, милорд, — я сделала реверанс.

— Взаимно, взаимно приятно, мисс Руа, — пробормотал он, отпустив руки Лавинии и целуя мою.

Нервные движения, резковатые и дерганные прогнали последние сомнения. Да, вчера я видела именно их, семейную чету Эрден. Вблизи виконт оказался достаточно красивым мужчиной, я бы даже сказала больше, смазливый. Большие глаза в обрамлении длинных загнутых ресниц и не по-мужски мягкие черты, зачесанные назад длинные волосы, открывающие правильной формы уши. Он смотрел на меня, а точнее, куда-то в район шеи... я очень не хотела думать, что груди. Тем не менее дернула руку на себя и чуть не оставила виконту перчатку. Пришлось незаметно подтягивать съехавшую ткань за спиной.

— Что же, сейчас мы, наверное, пойдем обедать... — он улыбнулся, тоже как-то нервно. — Винсент скоро вернется, я полагаю?

— Винсент задерживается, — сухо отозвалась Луиза, — обедать мы будем без него.

— Чудесно, просто чудесно, — пробормотал виконт, окончательно стушевавшись. — Я безумно скучал по вам, милая Лавиния...

Арк шумно зевнул, перекрыв окончание его фразы, и плюхнулся у камина. Виконт предложил жене руку, чтобы проводить к дивану, и Лавиния мягко положила пальчики на сгиб его локтя.

А я поймала себя на мысли, что мне самой невыносимо хочется показать Майклу язык.

Обед подали очень быстро. Мне досталось место рядом с Лавинией и Майклом, напротив нас расположились Луиза, Хлоя и Дарен, старший сын де Мортенов: об этом я узнала, когда нас представили. Впрочем, даже если бы не представили, я бы догадалась сама, маркиз оказался невероятно похож на отца. Высокий, несмотря на достаточно юный возраст, широкоплечий, подтянутый и смуглый. Темноволосый, с глубоко посаженными карими глазами и тяжелыми надбровными дугами. Красивыми таких мужчин не называют, но их внутренняя сила и стать с лихвой компенсирует это упущение. Когда Дарен повзрослеет, у него явно не будет отбоя от дебютанток.

Да и не только от дебютанток, я полагаю.

— Значит, вы художница, мисс Руа? — спросил Майкл.

Я как раз рассматривала панно на стене. Оно занимало всю стену, отвоевав классическое место камина, а выполнено было настолько искусно, что даже в холодный зимний день я поверила в играющие на воде блики и услышала шум листвы под ладонями ветра. Густая зелень, укрывшая берег, манила коснуться ее пальцами, раскинув руки, упасть на ковер травы, поэтому голос Майкла оказался чем-то вроде будильника.

— Да, милорд.

— И вы, должно быть... гм, ну а как ваши родители смотрят на такое баловство?

Я не подавилась кусочком ягнатины исключительно потому, что она была нежной, мягкой, и я уже успела ее прожевать. Почти. Сейчас же только быстро подхватила стакан с водой и запила слова Майкла, чтобы не закашляться.

— Не знаю, — ответила я.

— Не знаете?

— Нет. Я не помню своих родителей, милорд, поэтому не имею ни малейшего представления о том, как бы они к этому отнеслись.

— О... так вы, стало быть, воспитывались не в семье?

Вместо меня закашлялась Лавиния, которая накрыла руку мужа своей.

— Милорд, возможно, мы поговорим о чем-то другом?

— Да-да, конечно, мне просто очень интересно, — продолжал Майкл, словно не замечая, что Дарен закатил глаза. — Неужели вы собираетесь всю жизнь рисовать? Я далек от мира искусства, мисс Руа, — он повернулся ко мне. — Поэтому мне интересно все, что с вашими картинами связано.

И от чувства такта вы тоже далеки, захотелось ответить. Вместо этого я коротко улыбнулась:

— Собираюсь, милорд.

Сейчас мне хотелось не просто показать ему язык, но еще и стукнуть ложкой по лбу. Потому что за красивым фасадом виконта Эрдена (прости, Всевидящий!), скрывался совершенно невнимательный к своей жене и окружающим самовлюбленный пустозвон. За первым блюдом мы выслушивали новости о скачках, которыми, как выяснилось, Майкл увлекался. То, что помимо него никто за этим столом ими не увлекается, виконта совершенно не беспокоило. Когда подали горячее, он принялся разглагольствовать о каких-то Уитморах, у которых совершенно отвратительная ягнятина, которую прожевать невозможно. Казалось невероятным представить, что такая женщина, как Лавиния (милая, чуткая, тактичная), делает рядом с ним.

Впрочем, что тут представлять. Наверняка, за нее все решили родители.

Снова скользнула взглядом по закатному пейзажу, придававшему облику просторной и очень светлой столовой завершенности.

— Хм... — пробормотал Майкл. — Хм... хм... кстати, об искусстве. Вы же наверняка слышали про тех бессовестных актеров, которых выставили из страны? Так вот, я вчера был в клубе, и Брайс рассказывал, что они давали представление в Вэлее, в Ольвиже. Он сам недавно оттуда вернулся, и говорил о том, что там их представление сорвало море оваций. Зал был забит до отказа, и это ужасно. Ужасно, что в Вэлее такие нравы, что... Звякнула вилка, и Майкл замолчал.

Неужели?!

— Что же вы делаете в обществе таких ужасных людей? — прищурившись, поинтересовалась герцогиня.

— Я... — Лицо виконта пошло красными пятнами. — Не совсем понимаю, о чем вы говорите, Луиза.

— Ну как же о чем? — мило поинтересовалась ее светлость. — Этот ваш Брайс... Майкл, он же наверняка был на том представлении, которое собрало море оваций.

Хлоя хихикнула, но Дарен грозно посмотрел на нее, и девочка осеклась. Впрочем, судя по тому, как плотно маркиз склеивал губы, он сам с трудом удерживался от смеха.

— Луиза, представляете, что я недавно видела? Новый сорт роз, его как раз привезли из Вэлее. Чайные, с темно-красными ободками на лепестках. Очень необычно! Хочу по весне высадить в нашем с Майклом небольшом садике, что скажете? — Лавиния легко коснулась руки мужа и взглянула на ее светлость.

Виконт раздраженно отдернул руку и принялся за еду, но от темы ей все-таки удалось увести. Довольно изящно.

— Скажу, что если ими займешься ты, они зацветут быстрее, чем у кого бы то ни было.

Снова украдкой взглянула на сидевшую рядом женщину: значит, все-таки маг жизни? Или же Луиза имела в виду совершенно иное?

Что, если мне спросить напрямую?

Возможно, не за обедом, но все же. Могла бы Лавиния помочь мне понять себя и то, чем я обладаю? Ведь если это правда...

— Доброго дня всем, — в столовую широким шагом вошел герцог. — Прошу прощения, что не смог сразу к вам присоединиться, возникли неотложные дела. Не вставайте, Майкл, обойдемся без церемоний. Луиза...

Взгляд его светлости зацепился за меня и потемнел еще сильнее.

Насколько, конечно, может потемнеть глубокая ночь.

— Мисс Руа, — Винсент остановил меня жестом, хотя я собиралась подняться. — Доброго дня.

Он обошел стол, чтобы занять свое место, следом тут же скользнул лакей с подносом, на котором стояла прикрытая крышкой супница.

— Доброго дня, ваша светлость.

— Рада, что ты все-таки успел к обеду, — Луиза ослепительно улыбнулась.

Настолько ослепительно и тепло, что оживила даже жесткое, словно выточенное из камня, лицо мужа. Улыбка тронула уголки его губ:

— Да, я на это уже почти не надеялся.

— Тебе нужно предложить закон, по которому работа в выходные будет строго запрещена.

— На меня он все равно не будет распространяться, — герцог расстелил салфетку и снова переключил внимание на меня. — Мисс Руа, не ожидал вас увидеть. Какими судьбами?

— Я... — Под взглядом этого мужчины я терялась. Он словно хотел разглядеть, что у меня внутри, поэтому приходилось тщательно подбирать слова. — Я вышла на прогулку и встретила вашу супругу, леди Хлою и леди Лавинию.

— На прогулку? Не знал, что мы соседи.

Что я там говорила о неловких вопросах? Вот это было оно.

— Мы не соседи, ваша светлость. Я оказалась в Дэрнсе потому, что здесь живет мой учитель.

— Месье Орман, я полагаю.

— Винсент, — Луиза чуть подалась вперед.

— Да, Луиза? — он встретил ее взгляд с непробиваемым жестким спокойствием.

— Мне кажется, ты смущаешь нашу гостью.

— Мне кажется, наша гостья не из тех, кто смущается, в противном случае мы сейчас не сидели бы с ней за одним столом. Не так ли, мисс Руа?

К щекам прилила краска. От ледяного тона, от намека, завуалированного вежливостью, от того, что по сути, его светлость был прав.

— Месье Орман, — я вскинула голову и спокойно посмотрела на него, пока его светлость хлебал... простите, вкушал суп со всем своим герцогским величием.

— Чему же он вас обучает? Живописи?

— Магии.

После этих слов за столом воцарилась тишина. Такая, что даже треск пламени в камине показался оглушающе громким.

— Магии? — переспросил его светлость.

— Магии, — жесткий сарказм в голосе герцога отбил всякую охоту теряться. — Магии жизни, которая у меня проснулась совершенно внезапно, и о которой я не имела ни малейшего представления. Если бы не месье Орман, вероятно, я бы уже была мертва, что, конечно, не имеет ни малейшего отношения к моей магии, но является неоспоримым и очевидным фактом.

Я понимала, что меня несет, но остановиться уже не могла.

— Что касается моего смущения, тут вы правы. Не вижу смысла смущаться, сидя с вами, вашей супругой или вашими близкими за одним столом, потому что считаю вас в высшей степени достойными людьми. К моему глубочайшему сожалению, я только что вспомнила о неотложных делах. Поэтому прошу прощения и от всего сердца благодарю вас за гостеприимство, — перевела дух, отложила салфетку и поднялась. — И за чудесное утро, которое стало для меня удивительно светлым. Пожалуйста, не беспокойтесь и не провожайте.

Я улыбнулась Лавинии, Луизе и Хлое, после чего сделала реверанс и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Еще бы не заблудиться: в этих богатых домах Дэрнса можно экскурсии устраивать, каждая из которых займет по меньшей мере день. Так, кажется, мне сюда, вон те ряды светильников очень знакомые. Свернула налево и ускорила шаг, только оказавшись в холле, замерла.

Артефакт вызова был расположен на виду, рядом с зеркалом, но я все же немного помедлила, собираясь с духом. После разговора с его светлостью оставаться один на один с Гиллом и его обо мне мнением не хотелось, хотя особого выбора не было. Потянулась к каплевидной кнопке, но меня опередили. Луиза коснулась артефакта раньше, чем я успела до него дотронуться.

— Всевидящий, Шарлотта, — произнесла она, когда я обернулась. — Я прошу прощения за своего мужа. Не представляю, что на него нашло... — герцогиня осеклась и вздохнула. — Представляю, но не могу тебе рассказать. Или ты уже знаешь?

Луиза пытливо заглянула мне в лицо, но я покачала головой.

— Не знаю, ваша светлость. Мы не настолько близки с месье Орманом.

Увы, это даже не было ложью, и горечью отозвалось гораздо более сильной, чем могли ударить самые жестокие слова герцога.

— Все равно это было очень грубо, — произнесла Луиза. — И никакие серьезные обстоятельства этого не оправдывают. Ты добрая и светлая девушка, Шарлотта. Мне бы очень не хотелось, чтобы прямолинейность моего мужа причинила тебе боль.

— Ваша светлость, я же не слепая, — улыбнулась. — Я была в театре и видела то же, что и вы. Не знаю, о чем речь, но пусть это останется тайной. Там, за столом, я сказала вам правду. Вы сделали мое утро солнечным и теплым, и я была искренне рада провести с вами все это время.

Она закусил губу, покачала головой, а потом шагнула ко мне и мягко обняла. Впрочем, тут же отстранилась.

— Это правда? — внимательно глядя мне в глаза, спросила она. — Правда — то, что ты сказала про магию жизни? Откуда она?

— Не знаю, — пожала плечами. — Как я уже говорила, мне не довелось познакомиться со своими родителями.

Пусть сейчас я отчасти кривила душой, говорить о леди Ребекке у меня не было сил. Да и не нужно это ее светлости.

В ту минуту, когда я об этом подумала, в холле появился Гилл.

— Поддай мисс Руа накидку, — распорядилась герцогиня.

К счастью, она не стала уговаривать меня остаться: мы обе прекрасно понимали, что это невозможно.

Дворецкий ненадолго исчез, а потом вернулся с моей одеждой. На лице его при этом играла такая торжествующая улыбка, словно он знал обо всем, что произошло в столовой.

Впрочем, эта улыбка тут же превратилась в кривенькую, стоило ему наткнуться на холодный взгляд Луизы, а после и вовсе погасла.

— Прошу, мисс Руа, — мрачно пробормотал он, помогая мне с пальто и накидкой.

А после очень резко открыл дверь.

— Чудесного дня, — мягко произнесла Луиза.

— Чудесного дня, ваша светлость, — прошептала я и поспешила покинуть дом.

На глаза навернулись слезы: не потому, что произошло в столовой в особняке де Мортенов, нет. Просто сегодня мне удалось прикоснуться к семье, о какой я всегда мечтала. На миг стать ее частью, чтобы потом опять выйти на улицу, в лютую, обманчиво-подсвеченную зимним солнцем стужу. Еще немного — и оно упадет за красивые крыши, стремительно стемнеет и станет еще холоднее.

Слезы все-таки брызнули из глаз и потекли по щекам.

— Слезокапница! — в сердцах обругала себя я. — Тряпка! Нюня! Сейчас ресницы слипнутся, так тебе и надо!

Как ни странно, ругательства возымели действие, и к дому Эрика я подходила уже, слабо шмыгая носом. Достала платок, вытерла подсыхающие (или подмерзающие) дорожки слез, только после этого поднялась по ступенькам и коснулась дверного молотка.

Встречал меня, предсказуемо, Тхай-Лао, который спросил, когда мне подать обед, и я ответила, что не голодна. Сейчас мне отчаянно хотелось подняться к себе и воплотить... точнее, приступить к воплощению сюжета, который я «увидела» в парке.

— Подскажи, где мой мольберт? — спросила я, когда иньфаец уже собирался оставить меня одну.

— Мы не стали его перевозить.

— Почему?

— Потому что Пауль сказал, что у вас будет новый.

Чудесно.

Ладно хоть альбом с карандашами оставили, и на том спасибо!

— Эр... Месье Орман сейчас у себя?

— Нет, он еще не вернулся.

С прогулки с Камиллой, вероятно.

Не проронив больше ни слова, направилась к лестнице. Искренне надеясь, что сегодня вечером Эрик мне скажет, что мой мольберт жив. Потому что если нет, если его постигла та же участь, что мои платья, я... я просто не представляю, что сделаю!

Схватила за перила так яростно, что края впились в ладони.

В ту же минуту до меня донесся голос Камиллы:

— Шарлотта, мы можем поговорить?

Глава 5

— Что вам нужно?

Да, возможно это прозвучало грубо, но я устала быть воспитанной. Устала быть милой с людьми, которые врываются в мою жизнь, делают с ней все, что им заблагорассудится, а потом с улыбкой на губах спрашивают: «Мы можем поговорить?»

Нет, не можем.

Улыбка сбегает с ее губ, и вот это мне нравится гораздо больше.

По крайней мере, это уже честно, а не как минуту назад.

На ней снова другое платье (интересно, сколько их у нее?), сейчас Камилла стоит так близко, что холодный аромат ее духов вплетается в образ, навевая странную ассоциацию.

Ледяная роза.

Да, пожалуй, точнее и не скажешь.

Я представляю эту картину еще более отчетливо, чем увиденную в парке: женщину в серебристо-голубом платье, меняющем цвет ее глаз почти до неузнаваемости, оттеняющем теплый шелк волос невидимым инеем. Ледяная роза в ее руках плачет каплями, а сама она улыбается, лишь сильнее сжимая ладонь на вонзающихся в кожу обжигающе холодных наростах шипов. Меня ударяет этими чувствами, как несколькими минутами ранее несбывшейся мечтой о семье.

Только сейчас это чужие чувства.

Всевидящий!

Откуда это во мне?

Образ настолько яркий, что я пытаюсь вытряхнуть его из сознания, но ничего не получается. Это удерживает меня на месте, не позволяет развернуться спиной, и это же позволяет Камилле произнести:

— Я уже сказала, Шарлотта. Просто поговорить.

Просто поговорить?

— У меня есть десять минут, — зачем-то говорю я.

Сама не знаю, зачем.

— Потом я хочу подняться к себе и отдохнуть.

— Боюсь, десяти минут нам не хватит, — она пытается улыбнуться. Снова. Но, видимо, понимает, что это не самый лучший вариант вызвать меня на разговор, и перестает улыбаться. Теперь уже окончательно. Совсем. Сейчас в ее глазах нет ни капли тепла, только сосредоточенность. — Но я постараюсь. Как ты смотришь на то, чтобы пройти в гостиную?

— Я попрошу не обращаться ко мне столь фамильярно. Мы с вами не настолько близки, мадам де Кри...

— Жаме. Де Кри — фамилия моего мужа, а я не очень люблю о нем вспоминать.

Если Камилла могла сделать что-то более ошеломляющее, чем ее приезд сюда, она только что это сделала.

Камилла замужем?!

— Пойдем в гостиную, Шар... Пойдемте, мисс Руа, — поправляется она и кивает в сторону уходящего под лестницу коридора.

В гостиной Эрика в Дэрнсе мне бывать еще не доводилось, и в отличие от гостиной де Мортенов она гораздо более светлая. Что (лично для меня) удивительно, но я все равно рассматриваю ее с интересом. Светло-серое оживляется серебром и вставками орехового дерева на стенах, перетекающими в высоту под потолком. Им соответствует позолота рамы

картины, на которой изображена бальная зала, и множество пар кружатся в танце. В остальном интерьер довольно прохладный: от обивки мебели до столика, где застыла полупрозрачная ваза. Ваза интересна тем, что в ней живые цветы.

Белые розы.

Судя по едва раскрывшимся бутонам, появились они здесь недавно, и мне очень интересно, как. Подарок Эрика Камилле?

Не хочу об этом думать.

И еще больше не хочу думать о том, что за странные отношения их связывают, если она замужем и не любит вспоминать о своем муже.

Камилла не садится, предлагая мне выбрать место, и я выбираю кресло.

Она опускается на диван, расправляет юбки и произносит:

— Жаме — моя девичья фамилия, мисс Руа. Меня выдали замуж в пятнадцать лет. За человека, достаточно обеспеченного и знатного для того, чтобы закрыть глаза на некоторые его недостатки.

— Вы всерьез считаете, что это мне интересно?

Если я сегодня перейду все допустимые границы грубости, я это переживу. Точно как-нибудь переживу, в отличие от желания Камиллы попроситься ко мне в подруги.

— Я считаю, что вам интересен Пауль. Или Эрик, как мы обе знаем, — произносит она. — Поэтому мы сейчас здесь. Поверьте, я не имею ни малейшего удовольствия от разговора с вами, точно так же, как и вы.

— Чудесно, — говорю я. — Но я решительно не понимаю, каким образом связаны Эрик и ваш муж.

— Мой муж — граф, к слову сказать, родство с которым стало для моей семьи пропуском ко двору, обладал множеством недостатков, которые принято мужчинам прощать. Одним из них являлась склонность к причинению боли.

Да, это многое объясняет.

— В свою первую брачную ночь я познакомилась не с супружескими объятиями, а с плетью и кандалами в подвале мужа. Ему нравились мои крики, но еще больше ему нравилось бить меня, когда я кричала от боли. Когда я отлежалась, сбежала и пришла с этим к родным, они сказали, что не станут вмешиваться в наши с ним отношения. Больше того, они сами отвезли меня к нему, и ты, я полагаю, можешь представить, что за этим последовало.

От таких откровений во мне кончились слова.

То есть умом я понимала, что мне нужно подняться, выйти из этой комнаты и плотно прикрыть за собой дверь, но сейчас почему-то продолжала сидеть, словно кресло оплело меня невидимыми корнями.

Возможно, именно потому, что это действительно оказалось гораздо больше связано с Эриком, чем я себе представляла. Точнее, связано с тем, что я представляла, когда думала о наказаниях.

— Мой муж не использовал заживляющие мази или тем более зелья, и мое тело превратилось в уродливое отражение его жестокости. Каждый его дюйм был покрыт шрамами, глубокими или не очень. Ему это нравилось. Нравилось заставлять меня раздеваться и смотреть на них. Проводить по ним пальцами или повторять каплями раскаленного воска.

Она сумасшедшая, подумалось мне.

Она тронулась умом, и неудивительно. После такого я бы тоже тронулась...

И, возможно, тоже смогла бы с легкостью рассказывать обо всем совершенно незнакомому человеку.

— Потом он решил, что этого недостаточно, — Камилла впервые за все время разговора посмотрела мне в глаза, до этого она рассматривала стены, обивку, подол собственного платья или руки. — И отвез меня в закрытый клуб, располагающийся на самом видном месте Ольвижа, под вывеской одного из известнейших кабаре. К своим друзьям, где все это происходило уже на виду у остальных.

— Замолчите! — я вскочила, сжимая кулаки и чувствуя, как все внутри переворачивается. — Я больше не стану слушать все это. Вы... вы... неужели вы не понимаете, что это... ужасно?

— О, я понимаю это лучше кого бы то ни было, Шарлотта, — Камилла поднялась следом, не отпуская моего взгляда. — Потому что его друзья не только смотрели, они были непосредственными участниками событий. Когда родилась Эмма, я часами вглядывалась в ее личико, чтобы понять, кто на самом деле ее отец. Вглядывалась, ненавидя ее с той же лютой силой, с которой ненавидела своего мужа. Мечтая только о том, что однажды он подпустит меня к себе достаточно близко, чтобы я могла перерезать ему горло. Теперь вместе со словами во мне кончился еще и воздух.

— К счастью, до того, как мне это удалось, я встретила Эрика.

Не в силах что-либо сказать или пошевелиться, я просто смотрела на нее, а она на меня.

— Он вытащил меня из этой грязи и боли, Шарлотта. Полубезумной, отчаявшейся, обожженной болью и ненавистью. Он научил меня любить себя и Эмму, заново, потому что когда я впервые оказалась в его доме, я умела только ненавидеть. Несколько месяцев ему пришлось терпеть мои истерики, злость, недоверие и все, что было адресовано моему мужу и остальным мужчинам. Любой на его месте просто вышвырнул бы меня на улицу или сдал в лечебницу, а мою дочь отправил в приют, но он заботился о нас двоих. Он не подпускал ко мне ни моего мужа, ни моих родственников. Он терпел то, что я шарахалась от малейшей попытки ко мне прикоснуться, хотя ни разу не сделал мне ничего дурного. Камилла замолчала, но лишь ненадолго, чтобы перевести дыхание. Провела пальцами по плечам:

— Благодаря ему я снова могу носить открытые платья и смотреть на себя в зеркало без желания его разбить. Благодаря ему у меня есть дочь, а у нее есть я, и это только малая часть причин, по которой я готова была приехать сюда, чтобы узнать, что стряслось. Он никогда не снимал маску в присутствии посторонних людей, Шарлотта. И уж тем более никогда не появлялся без нее на людях. Его лицо видели только те, кому он безоговорочно доверял.

Она говорила все быстрее, словно боялась, что я убегу, или что у нее самой кончатся слова. Не знаю.

По крайней мере, сейчас от спокойствия Камиллы не осталось и следа. Она путалась, подбирая слова, задыхалась.

— Все это время... все время я пыталась уговорить его избавиться от нее. Избавиться от того, что тянет его назад, в прошлое, в образ Ормана, за которым от него самого мало что остается, но сделала это именно ты. Ради тебя он снял маску, Шарлотта. Ради тебя он снова стал собой.

Последнее она вытолкнула через силу, а потом развернулась и вылетела из гостиной, оставив меня, оглушенную ее словами и жуткой историей, одну. На негнущихся ногах я приблизилась к перехваченным шнурами портьерам, остановилась рядом с окном. Казалось невероятным представить, что где-то в мире может твориться такой ужас, о котором мне сейчас рассказала эта женщина. Поэтому сейчас я просто стояла, глядя на улицу, на облетевшие деревья (окна здесь выходили на другую сторону). Летом, они, должно быть, создают густую тень и не позволяют солнцу разогревать дом, но сейчас сквозь растопыренные пальцы ветвей отчетливо просматривался изгиб дороги, уводящей за город. Улица извивалась так, что виден был уголок дома де Мортенов, и, зацепившись за него взглядом, я отвернулась.

Если не сказать отпрянула.

Поспешно вышла из гостиной, поднялась к себе и вытащила из тумбочки альбом и карандаши. Подтащила кресло к окну, понимая, что впервые за долгое время после создания «Девушки» не могу избавиться от образа у себя в голове. Не могу настолько, что сводит пальцы, несмотря на то, что по телу проходит дрожь, стоит мне представить чувства, выброшенные на холст. Я понимала, что просто не смогу оставить это в себе. Или только для себя.

Глубоко вздохнула, и, сама не знаю зачем, начала первый за долгое время набросок. Пусть у меня не было мольберта, даже в черно-белом эскизе, штрих за штрихом, я выплескивала раздражающий меня на части лед, отчаяние, боль и черную, злую страсть, превращая их в нечто совершенно иное. Вскоре стемнело и пришлось зажечь артефакты, но я не остановилась. Продолжала до тех пор, пока пальцы начало ломить и сводить уже по-настоящему, до тех пор, пока образ наброска не обрел четкие очертания.

Только тогда я отложила альбом в сторону, потянувшись, чувствуя, как хрустит каждая косточка. Поднялась и вздрогнула, наткнувшись взглядом на Эрика: он стоял у комода, едва касаясь пальцами соглашения.

— Давно ты здесь? — спросила негромко, глядя ему в глаза.

— Около получаса.

— Почему ничего не сказал?

— Хотел на тебя насмотреться. Наблюдать за тобой, когда ты по-настоящему увлечена, Шарлотта — ни с чем не сравнимое удовольствие.

Кресло и впрямь было развернуто так, что Эрик мог видеть мой профиль даже несмотря на высокую спинку. Ну ладно, не профиль. Три четверти, как скажет любой художник.

Подхватила альбом, осторожно закрыла его и прижала к груди.

— Я хочу знать, где мой мольберт.

— У тебя будет новый.

— Это я уже слышала. Мне интересно, что стало с тем?

— Он отправился на заслуженный покой.

Всевидящий, о чем мы вообще говорим? Взгляд невольно тянулся к длинным пальцам, лежащим на бумагах, я упорно его отводила. Точно так же, как и от его лица, потому что «хотел на тебя насмотреться» было отражением моих чувств.

— Краски, я полагаю, тоже.

— Их все равно оставалось мало.

— Я приняла решение.

Кто-то же должен был это сказать.

Эрик шагнул вперед, подхватывая листы с соглашением. Шагнул ко мне: судя по тому, как обманчиво-невесомо сжимал между ладонями бумаги, он готов был испепелить их магией в считанные доли секунды. Судя по тому, что снова подошел ко мне непростительно близко, он верил в то, что я попрошу его именно об этом.

— Я хочу расторгнуть договор.

Листы под пальцами съезжились, втягиваясь в сминающий их кулак.

Красивые губы сложились опасным, спаянным лезвием, подчеркивая ставшие хищными черты. В светлых глазах мелькнула черная глубина тьмы и раскаленное золото: впрочем, они тут же растаяли, уступив место туманам. Туманам, за которыми не разглядеть ничего. Точно таким же стало и его лицо, неестественно-спокойным, каменным. В противовес этому пальцы расслабились, смятая бумага жалобно зашелестела, когда он согнул листы пополам.

— Сегодня?

— Не вижу смысла откладывать.

— Нам придется спуститься в мой кабинет.

— Хорошо.

Кивнула и направилась к двери, когда Эрик отступил в сторону. По дороге вспомнила, что все еще держусь за альбом, и положила его на комод. Туда, где весь день пролежало соглашение.

Из комнаты вышла первой: из тепла спальни в полумрак коридора. Артефакты тут же его разогрели, но мне все равно отчаянно хотелось обхватить себя руками.

Вместо этого я расправила плечи и шагнула вперед.

В сторону лестницы.

Эрик

То, что идея отпустить Шарлотту оказалась так себе, он понял, едва вышел из комнаты. Камила считала, что свобода поможет ей осознать, хочет ли она остаться рядом с ним, но он не был уверен, что Шарлотта этого хочет. Не был уверен с той самой ночи, когда она искала снотворное в его ванной, а наткнулась на то, что видеть была не должна. Об этом он тоже думал, непрестанно, каждую минуту. Жизнь рядом с таким как он, не для такой девушки как она.

Паршивое оправдание, чтобы прикрыть собственный страх.

Ему казалось, что это чувство для него уже давно забыто, но страх, что она захочет расторгнуть договор, не оставлял ни на минуту. Въедался под кожу, расплавляя ее как когда-то выжигающее магию заклинание. Или демонова кровь Анри, заставившая его повторно пройти через этот ад. Отец хотел исправить свою ошибку, выдрать из него то, что стало его второй сутью, но взамен наградил еще большей силой.

Противоестественной, чуждой этому миру.

Так же, как он сам.

Он чувствовал это каждую минуту — до того самого мгновения, пока в его жизнь не вошла она. Молоденькая девочка, удивительно светлая, раскрасившая его жизнь, как яркую часть «Девушки в цепях». Когда Эрик увидел обрывки картины, первым порывом было выдернуть Ваттину руки и придушить его, но она сказала: «Не надо. Не ходи к нему». И осознание обрушилось на него со всей ужасающей ясностью: он не пойдет, потому что она попросила. А она убежит от него, если узнает, о чем он сейчас подумал.

Такой девушке, как она, не место рядом с таким, как он.

Чем больше Эрик об этом думал, тем отчетливее понимал, что не хочет ее отпускать.

Шарлотта делала его светлее, он отравлял ее своей тьмой.

День за днем.

Это сводило с ума, поэтому он уехал в дом, который сейчас стоял закрытым. Шум центра (голоса, шаги, топот копыт, ржание и скрежет колес по мостовой) резко оборвался, стоило ему закрыть за собой дверь. Здесь, в этом доме, всегда было тихо. Настолько тихо, что ему хотелось крушить все вокруг, лишь бы избавиться от чувства давящей тишины. От образов, сгущающихся над ним, стоило бросить взгляд на лестницу или в сторону коридора.

По этому коридору Эрик и направился в кабинет, который чаще всего обходил десятой стороной.

Потому что самые яркие воспоминания остались за его дверью.

Блеск широко распахнутых глаз и длинные волосы, струящиеся между пальцами. Резко натянутая прядь, сверкнувшее лезвие.

И обрыв.

Узнай Шарлотта о том, что он творил раньше, тоже обходила бы его десятой стороной.

Как в свое время Тереза.

Мысль об этом оказалась такой пронзительно-острой, что Эрик остановился перед дверью.

Пальцы царапнули по шелку стен, яростно заворочалась внутри тьма.

Он глубоко вздохнул и так же глубоко выдохнул.

Несмотря на то, что в доме был сделан ремонт, он по-прежнему хранил много тайн.

Несмотря на это, Эрик постоянно сюда возвращался.

Потому что за дверями кабинета, в подвале, был его личный водопад.

То, что приводило в чувство гораздо лучше ледяной воды, срывающейся с высоты камня.

Возможно, именно поэтому он позволил себе считать, что проведя большую часть дня здесь, готов к любому ее ответу. Вот только стоило войти в комнату, как все сомнения разом вернулись. Шарлотта сидела в кресле у окна: склонившись над альбомом, настолько увлеченная своим делом, что даже не услышала шагов. Не заметила его, зато он, глядя на свою девочку, отчетливо осознал, что не готов ее потерять.

Дом, в котором не будет ее, ему не нужен.

Не нужна жизнь, в которой не будет ее.

Она не поднимала головы, волосы прикрывали опущенный подбородок, расплавленной медью текли по плечам. Хрупким, напряженно сведенным из-за долгой работы над эскизом. Карандаш порхал по листу, создавая набросок, но его Эрик видеть не мог. Очень хотел, но не мог заставить себя подойти к ней, наклонившись, провести пальцами по тонкой скуле. Поэтому просто стоял и смотрел, смотрел, как у него на глазах возрождается Шарлотта-художница.

Сколько раз за последнее время она бралась за кисть или карандаш?

Не считая работы, ни разу. Она и про мольберт спросила только сегодня.

В эту минуту Эрик подумал о том, что возможно, Камилла была права. Шарлотте нужна свобода, чтобы быть счастливой.

Свобода от него.

Именно поэтому он не разодрал клятое соглашение в клочья у нее на глазах, а только пригласил пройти в кабинет.

Одной из ступеней повышения сознательности (во время обучения в Иньфае) было испытание. Методику его Джинхэй позаимствовал из древних практик Рихаттии: хождение босиком по углям. Первое время ему частенько приходилось лечить ожоги, но эти ощущения не шли ни в какое сравнение с тем, что он испытывал сейчас. Не имея ни единой возможности дотронуться до нее и зная, что она хочет избавиться от него навсегда.

Тем не менее они шли рядом, почти касаясь друг друга пальцами. Он слышал, как бьется его сердце, а может быть, это билось ее, отзываясь в нем. Чем ближе к кабинету, тем сильнее становилась охватывающая его внутренняя дрожь. Дрожь, которую невозможно заметить, только почувствовать. Желание шагнуть к ней, перехватить за плечи, вжимая в стену и выдохнуть, глядя ей в глаза:

— Я никогда больше не причиню тебе боль, — жгло изнутри, как те самые угли.

Выдохнуть всем сердцем, а потом притянуть к себе, обнимая, согревая, защищая от всего мира, от себя, от того, что осталось в прошлом, от всего, что могло быть в будущем.

Вместо этого он открыл дверь, пропуская ее вперед.

Кабинет встречал предсказуемой мрачностью. Часть пространства «съедалась», словно его затагнуло под фиолетовые портьеры или в высветленные серебром черные вставки на безукоризненных квадратах стен. Единственное, что относительно оживляло это место — камин из белого мрамора, который, впрочем, все равно терялся в царстве темной мебели. Для Шарлотты Эрик отодвинул кресло, сам обошел стол и сел напротив, открыл верхний ящик.

Футляр с иглой и смятые бумаги легли на полированную поверхность. Один взмах руки — и бумага разгладилась, подчиняясь магии, на стальном жале вспыхнул изумрудный огонек. — Ты правда этого хочешь? — собственный голос прозвучал спокойно.

Настолько спокойно, что сам он ни за что бы не поверил, что испытывает по этому поводу хотя бы какие-то чувства.

Шарлотта вскинула голову и вернула ему совершенно спокойный взгляд.

— Правда.

— Думаю, не стоит тебе напоминать, что агольдэр...

— Не стоит. У меня есть тот, кто всегда меня защитит.

Игла обожгла палец с такой силой, словно пронзила его насквозь. Перо царапнуло бумагу, и вслед за подписью на соглашении упала капелька крови. Обманчиво-легкие искры вихрем скользнули по листу, скрепляя бумаги нерушимой магией с его стороны. Эрик смотрел, как она ставит подпись, и почему-то отказывался в это верить.

В то, что она откладывает перо, а магия снова раскаляет иглу изумрудом искр, спустя мгновение охлаждая легкой тающей дымкой. В прошлый раз он уколол ей палец, но сейчас Шарлотта сама подхватила иглу.

Эрик перехватил ее запястье за мгновение до того, как жало коснулось нежной кожи.

Взгляд, которым она наградила его, был не просто холодным. Он был ледяным.

— Эрик, ты обещал.

Так его Шарлотта раньше не умела смотреть, ни за что на свете он не хотел бы, чтобы она так смотрела. Ни на него, ни на кого-либо еще. Эта светлая девочка, рядом с которой могли растаять даже многовековые льдины, не должна быть такой.

Ему придется ее отпустить.

— Обещал, — сказал он. — Но я помню, что ты боишься боли.

В глазах ее на миг мелькнуло непонимание, которое тут же сменилось сосредоточенностью. Он скользнул по тонким пальчикам магией (ненадолго лишая чувствительности), и собственные закололо, словно магия перекинулась и на них. Невыносимо хотелось отвернуться, но Эрик смотрел как на подпись Шарлотты падает капелька ее крови, и как на соглашение опускается вуаль скрепления.

Теперь его уже не разорвать и не выбросить, не сжечь, не разрушить даже силой Глубинной Тьмы. Такова суть магического договора, и магического расторжения тоже.

Его Шарлотта... или теперь уже не его, поднялась, и он последовал ее примеру.

Удивительно, какими тяжелыми и непослушными показались собственные ноги.

И все тело.

— Снимешь заклятие? — спросила она.
— Уверена, что тот, кто у тебя есть, сумеет достойно тебя защитить? — сухо спросил он. Это единственное, на что его сейчас хватило, чтобы не сорваться.
Пожалуй, это и было сейчас самым важным. Подумай он о чем-то другом — и этот дом окутало бы зеленое пламя, пожирая его дюйм за дюймом, но сейчас Эрик думал только о ее безопасности. Если демонов Ирвин Лэйн, чтоб ему на ходу осыпаться прахом, сумеет ее защитить, если он действительно на это способен, с остальным он сам справится.
Ради нее.
— Уверена, — твердо ответила Шарлотта и добавила: — Потому что он передо мной.

Глава 6

Шарлотта

Что-то такое промелькнуло в глазах Эрика в этот момент, что я с трудом подавила желание отступить. Подавила усилием воли и одной-единственной мыслью, за которую цеплялась все это время. Мне нужно учиться ему доверять: ему, мужчине, который с легкостью закрыл меня собой от выстрела. А ему придется понять, что я не желаю быть для него провинившейся девочкой и постоянно ждать наказания.
— Мне не нужен договор, чтобы быть с тобой, — сказала я, спокойно отражая его взгляд. — Не нужны обязательства, чтобы быть твоей ученицей.
Я едва не сказала: «Быть твоей», — но в сложившихся обстоятельствах это, наверное, было слишком поспешно.
Это было самое сложное решение в моей жизни. По крайней мере, сейчас я не могла припомнить того, что далось бы мне с таким же трудом. Всевидящий, да я до сих пор не могла быть уверена в том, что он захочет таких отношений. Его женщины (я думала об этом, вполне отдавая себе отчет, что до меня у него было самое разное прошлое) легко принимали правила его игры, соглашаясь на все.
— Я с тобой, потому что я этого хочу, — повторила, испытывая желание сцепить пальцы или сложить руки на груди. — А чего хочешь ты?
Он шагнул ко мне так стремительно, словно и впрямь был ястребом.
Остановился в дюймах от меня, ровно на том расстоянии, на котором проходила невидимая черта между нами.
— Я хочу быть с тобой, Шарлотта, — произнес Эрик, глядя мне в глаза. — Больше всего на свете я хочу провести с тобой всю свою жизнь, но еще больше я боюсь однажды все разрушить. То, что разрушает меня, может вырваться на свободу, и я не прощу себе, если в этот момент ты окажешься рядом.
— А я не прощу себе, если в эту минуту меня рядом не будет, — тихо сказала я. — Сними защиту, Эрик.
Он покачал головой.
— Сними, — сказала я, не отпуская его взгляда. А потом шагнула к нему вплотную, разрушая невидимую черту. — Сними и просто позволь себе быть собой.
Не дожидаясь ответа, приподнялась на носочки и коснулась губами его губ. В этот раз он не просил меня этого делать, но я сама обвила руками его плечи: напряженные, каменные, вкладывая в эту ласку все свои чувства. От нежности до отчаяния, запертых все те долгие минуты, что мы шли от спальни до кабинета. Отпуская их, освобождая, скользнула губами по плотно сжатым губам, прижимаясь к Эрику все сильнее. Ощущая, как еще сильнее каменеют под моими руками мышцы — за миг до того, как он рывком притягивает меня к себе. Еще плотнее (хотя казалось бы, плотнее уже некуда) — и впивается ответным поцелуем в мои губы.
Яростным, бесстыдным, раскрывающим меня перед ним.
Обнажая, хотя мы оба стоим в одежде, сливая нас воедино.

Его пальцы привычно вплетаются в мои волосы, с них течет магия, стягивающая с меня путы, под которыми спит моя сила. Я чувствую (кажется, впервые), как рвутся нити защитного плетения, и вместе с ними рвется что-то внутри. Невидимые нити, прочнее стальных канатов, удерживающих на границе самообладания. Он раздевает мою силу, но невесомые прикосновения скользят по телу, словно Эрик раздевает меня. В миг, когда в груди раскрывается цветок магии, губы начинают гореть. От поцелуев-укусов, которые отзываются во мне с такой отчаянной силой, что становится нечем дышать. Я отрываюсь от его рта, чтобы немного прийти в себя, а еще чтобы заглянуть ему в глаза.

Глаза, которые сейчас неестественно-светлые, вспышки золота в них и впрямь напоминают грозу. Не знаю, откуда взялись эти искры, но обязательно спрошу у него.

Потом.

А сейчас...

— Ты удивительный, — говорю я, закусывая пылающую губу. Пораженная тем, каким глубоким и низким становится мой голос, на мгновение замираю, потому что его зрачок раскрывается чуть ли не во всю радужку. Особенно когда я кончиками пальцев повторяю контур его губ, которые сейчас горят ничуть не меньше моих.

Эрик перехватывает мою руку, целует ладонь.

Самый ее центр, заставляя меня вздрогнуть и выгнуться от неожиданной остроты совершенно невинной ласки. Я тянусь за ее продолжением, бесстыдно вжимаясь в его бедра, чувствуя сквозь ткань брюк и собственное платье его напряженное желание. Мое отзывается пульсацией внутри.

— Поднимемся в спальню, — хрипло говорит он.

— Завяжи мне глаза, — говорю я.

Это вырывается раньше, чем я успеваю это осознать. Осознать настолько, что краска отмечается на щеках вспышкой, как искры в его глазах. Мгновение — и они тают, возвращая им грозовую тьму, а я уже тянусь к шейному платку. У него он темно-синий, настолько темный, что почти сливается по цвету с рубашкой. Если бы не стальная нить булавок, можно было бы принять за воротник.

Я вытаскиваю булавку, кладу ее на стол, но она скатывается вниз и с легким звоном ударяется об пол. Несоизмеримо тихий звук сейчас для меня громче выстрела, и еще громче хриплый выдох Эрика, когда пальцы случайно касаются его шеи. А может быть, не случайно: наверное, я сама уже не ведаю, что творю, но мне это нравится.

Нравится, как он на меня смотрит: глубоким, темным, как этот кабинет, взглядом.

Странно, что платье под ним не рассыпается, как под его магией, но так гораздо острее.

Лицо Эрика — удивительно живое, на нем отражается столько чувств: от изумления до безумного, сумасшедшего желания, сравнимого с голодом (невыносимо представить, что все это долгие годы скрывалось под маской). Видно, что он сдерживается из последних сил, и это сводит меня с ума.

Меня.

Он хочет только меня.

Медленно стягиваю с него платок и вкладываю в его ладонь, не опуская глаз. Искры вспыхивают между нашими пальцами, или мне так кажется, потому что в подушечки ударяет разряд. Мгновение — невыносимо долгое — я смотрю на Эрика.

А потом поворачиваюсь к нему спиной.

Я действительно чувствую себя немножечко сумасшедшей, особенно когда на глаза ложится плотный темный шелк. Рядом с ним мне не привыкать оказываться в темноте, но этот платок хранит его запах: сандала и трав, с которых началось наше знакомство. Этот запах отбрасывает меня сначала в холл служебного входа музея искусств, где пахнет деревом и лаком, и за моей спиной стоит незнакомец в маске, а после — в жаркую ночь. Туда, где шумят травы, а не колеса экипажей, дробящие мостовую, где над головой бескрайнее звездное небо, а не свет фонарей.

Эрик касается моих щек, и кажется, что на них вспыхивают золотые искры, как минутами ранее в его глазах. Кажется, я понимаю, что чувствовал он, когда мои пальцы скользили по его шее, потому что сейчас во мне не остается ни единой связной мысли, только эти прикосновения. Ласка, текущая от него ко мне, и я невольно приоткрываю губы, чтобы глотнуть воздуха (он неожиданно становится очень горячим).

Легкий шорох за спиной, а потом Эрик мягко сжимает мою ладонь:

— Пойдем.

Первые несколько шагов кажутся странными, в полной темноте, когда все чувства обострились до предела, из опоры — только его рука.

Только?

Сейчас этого более чем достаточно, я бы даже сказала, чересчур: там, где он меня касается, кожа горит огнем.

Негромкий шорох открывшейся двери, Эрик подхватывает меня за талию, помогая перешагнуть порожек, а потом снова отпускает. Эта свобода от его объятий сейчас кажется неправильной, но я молчу.

Просто иду за ним, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Наши шаги эхом разносятся по коридору, у лестницы он снова подхватывает меня за талию, и мы начинаем подниматься. В ту минуту, когда поворот на второй этаж остается позади, а подъем продолжается, я понимаю, что идем мы вовсе не в спальню. Вопрос о том, что происходит, застывает на губах: во-первых, потому что я ему доверяю. А во-вторых...

Кажется, я знаю, куда.

И кажется, представляю, что там произойдет.

Мысль об этом отзывается внутри диковатым, странным возбуждением. Настолько несвойственным мне и порочным, что пальцы начинают дрожать.

— Что-то не так, Шарлотта? — спрашивает Эрик.

— Все так, — мой голос хриплый и незнакомый.

— Ты уверена?

— Да.

Не могу же я признаться в том, что меня возбуждает предстоящее и мысли о веревках.

Точнее, могу, именно об этом он меня и просил, но не сейчас. На сегодня я уже и без того исчерпала предел безумств.

В распахнутые двери мы шагаем вместе, и запах краски сейчас бьет сильнее, чем возбуждающее средство с аламаной, в которое я по глупости окунулась. Эрик ненадолго отпускает мою руку (чтобы помочь мне разуться), и дальше по дощатому полу я ступаю уже босиком. Лак и дерево настолько теплые, словно на них лежит полоска солнечного света в жаркий летний день.

Эрик отпускает мою руку, а потом начинает расстегивать платье. Я не обращаю внимание на щелкающие крючки, все мысли сейчас сосредоточены на том, что меня ждет дальше.

Сердце бьется так, что удары отдаются в ладони, а сами ладони становятся влажными.

Платье с шорохом оседает на пол, за ним следует корсет и белье.

Он подхватывает меня на руки и опускает на кровать, в прохладу атласных волн.

Все в точности так же, как в тот день, когда я впервые оказалась здесь, с той лишь разницей, что сейчас я этого хочу. Струящаяся ткань ласкает кожу, и я жду, пока меня коснутся веревки. В противовес нежности ткани грубость шершавых волокон, врезающихся в кожу и обжигающих ее.

За окном морозный вечер, но я вся горю. Слушая шаги Эрика, шорохи, негромкий стук, судорожно выдыхаю, когда он заводит мои руки над головой, легко поглаживая запястья.

Грудь тяжелеет, одна лишь мысль о прикосновении к ней плотно стягивает соски, а он наклоняется ниже и легко касается губами чувствительной вершинки. Достаточно для того, чтобы я содрогнулась всем телом.

— Сегодня я не стану связывать тебя, Шарлотта.

Его голос тоже хриплый. Настолько хриплый, что до меня не сразу доходит смысл его слов.

Он продолжает поглаживать мои запястья, заставляя сердце все больше сбиваться с ритма.

— Нет?

— Нет.

Тогда что...

— Ты не сможешь опустить руки, пока я не позволю. Не сможешь говорить, пока я тебе не разрешу.

Говорить? Да я уже лишилась дара речи, от такого-то заявления.

— Не будешь шевелиться. Если захочешь остановиться, просто сожми руку.

В мою руку лег крохотный шарик, искры от него легко поцеловали ладонь.

— Что это? — хрипло спросила я.

— Розовая магическая вспышка. Тебе она вреда не причинит, зато привлечет мое внимание. Привлечет?! Чем таким он будет занят, что его внимание нужно будет привлечь?!

— Ты все поняла, Шарлотта?

Во рту пересохло. Чувствуя, что голос сел, кивнула.

— Замечательно.

Он скользнул пальцами по моим запястьям, а потом ненадолго отстранился. За эти мгновения я успела подумать столько непристойностей, что щеки загорелись кострами, а сердце окончательно сбилось с ритма. Разом вспомнилось и случившееся в библиотеке, и приспособление, найденное в ванной, но прежде чем я успела представить себе подробности, запахло... шоколадом?!

А в следующий миг моего запястья коснулась кисть.

Он что, собирается на мне рисовать?!

Собирается. Шоколадом.

Безумную мысль из меня выбило в ту же минуту, как кисть скользнула по руке, открывая известный только Эрику узор первым штрихом.

— Это специальная краска, — отвечая на незадаанный мной вопрос, произнес он. — Помогает пробуждать все чувства... даже те, которые ты постоянно подавляешь и о которых забываешь.

Так же, как та пенка для ванн?

— В ней нет возбуждающих компонентов, — я вздрогнула: Эрик словно мысли мои читал. — Это было бы лишним.

О да, вне всяких сомнений!

Легкая ласка, оставляющая на коже след, который я не могла видеть, отозвалась внутри томительной, тянущей сладостью. Закусив губу, я почти не дышала, пока язычок кисти осторожно скользил по мне, подбираясь к напряженному плечу. Отрываясь только затем, чтобы снова лизнуть кожу небрежным штрихом. Время замедлилось, а может быть, напротив — устремилось вперед бурной рекой под вскрывшимся льдом. Я понятия не имела, сколько минут прошло, пока Эрик добрался до ключиц и потянул линию ниже. К полушарию груди.

— Мы привыкаем воспринимать все с помощью зрения, но запахи...

Аромат действительно был умопомрачительный. Настолько, что у меня кружилась голова.

— Прикосновения...

Короткий поцелуй кончика кисти в чувствительную кожу, на границе соска, отозвался вспышкой в самом низу живота.

— И звуки, — хрипло произнес он, заставив меня содрогнуться от его откровенных интонаций, — не менее важны.

Замерев, я впитывала остающийся на коже узор, каждый его дюйм, плотно сжимая губы и борясь с желанием свести бедра. Жалела о том, что не могу этого сделать, потому что мягкая пульсация и невозможность себя коснуться сводили с ума. Впрочем, я вряд ли осмелилась бы — коснуться себя на глазах у него и тем более ласкать себя там. Или осмелилась бы?

Сейчас...

Если бы он позволил?

За мгновение до того, как кисть коснулась бы соска, Эрик увел ее в сторону, и с губ сорвался разочарованный вздох.

— Помнишь, что я тебе говорил об откровенности, Шарлотта? — горячее дыхание коснулось чувствительной вершинки: дыхание, но не губы. — Просто позволь себе чувствовать.

И я позволяла. Вздрагивала, когда кисть скользила по сгибу локтя на второй руке и не сдерживала стонов, когда рисунок стекал с груди на живот. Проявляющийся на моем теле узор одуряюще пах шоколадом и горел огнем. Невидимые пути запрета обжигали ничуть не слабее веревок. Когда язычок кисти скользнул по соску, с трудом удержалась, чтобы не впиться ногтями в ладони. Отрезвила только крохотная сфера магической вспышки, заволновавшаяся под пальцами, и я тут же расслабила руки.

Стараясь дышать ровно и не дергаться, пока скольжение вокруг чувствительной вершинки обжигало тонкую кожу. Дыхание срывалось с приоткрытых губ стонами, я чувствовала близость Эрика и тянулась за ней. За ней, или за этими изнурительно-сладкими ласками, заставляющими желать большего и водящими меня по грани. В ту минуту, когда пульсация между разведенных бедер стала почти невыносимой, кисть скользнула по кончику соска, и ласка оборвалась.

Оставив меня хватать ртом воздух, задыхаясь от ощущений-воспоминаний.

— Ты такая чувственная девочка, Шарлотта, — негромко произнес Эрик.

Заполняя паузу тишиной и ожиданием, после чего пытка продолжилась: на этот раз узор поднимался по моим ногам, сплетался на кончиках пальцев, тянулся к коленям и втекал на бедра. Вместе с кистью по коже скользил то холод, то жар, я пылала от бессовестного желания коснуться себя. Теперь уже такого вопроса, как раньше, не возникало.

Осмелилась бы.

Не просто осмелилась бы, коснулась бы пальцами влажных складок, раскрывая их, поглаживая чувствительный бугорок. Содрогаюсь все сильнее и сильнее, плотнее вжимала бы руку, чтобы продлить долгожданное, такое близкое и одновременно такое далекое наслаждение.

Но Эрик молчал, и коснуться себя я не могла.

Не могла даже его попросить, несколько раз будучи близкой к тому, чтобы сдвинуть проклятую сферу и все закончить, но...

Что-то все-таки меня останавливало.

Не то желание пойти до конца, не то эти дикие ласки. В миг, когда кисть заскользила по внутренней стороне бедер, я окончательно утратила ощущение реальности. Чем ближе узор подбирался к набухшим и влажным складкам, тем сильнее нарастал внутренний жар. Сладкий, исступленно-желанный, собирающийся внутри почти болезненным напряжением. Мир в абсолютной темноте рассыпался золотыми искрами, из-за этого казалось, что я парю в усыпанном звездами небе.

И даже почти не удивилась, когда кисть в последний раз дотронулась горячей кожи на границе с самым чувствительным местечком, чтобы снова перейти вверх.

Второй сосок он расписывал значительно дольше, а может быть, мне просто так показалось. Потому что мучительные, легкие касания, подводящие к пику наслаждения и расчетливо выдергивающие из него, стали мне жизненно необходимы. Сейчас я уже ни за что не отказалась бы от этого, от идущей по телу от кончиков пальцев ног до вскинутых, натянутых струнами над головой рук дрожи.

Это держало крепче любых веревок, и когда Эрик чуть отстранился, а запах шоколада стал более далеким, я по-прежнему была неподвижна.

Сердце билось ровными, сильными толчками.

Ударялось о ребра, чтобы отозваться эхом в каждой клеточке дрожащего от напряжения и сгустившегося желания тела.

Позволять себе чувствовать?

Я сама была чувством, вся я, каждое мгновение, и если бы Эрик сейчас коснулся меня где угодно, закричала и забилась от освобождающей тело сладкой разрядки. Но он не касался, только легкий шорох поблизости говорил о том, что он все еще здесь. Что он делал в этот момент, я не знала: до той минуты, пока кисть не скользнула по моим губам.

— Сейчас я сниму платок, — негромко произнес он. — Закрой глаза, Шарлотта.

Подчинилась, подхватывая новый сильный удар сердца на выдохе.

— Можешь говорить.

— Зачем... — голос не слушался, поэтому вышел сдавленный, низкий шепот. Такой низкий и гортанный, что рядом раздался судорожный вздох Эрика. Дождавшись, пока я смогу произнести что-то осмысленно, все-таки приоткрыла глаза и спросила: — Зачем?

— Говорить? — его жадный сумасшедший взгляд ударил в напряженное, растянутое по покрывалу тело острее любого прикосновения.

— Нет... платок...

Кажется, говорить нормально я так и не научилась, и неудивительно: когда все внутри горит, это очень сложно.

— Хочу тебе кое-что показать.

Пространство над кроватью полыхнуло изумрудными искрами, разорвалось, и в следующий миг я увидела себя в зеркале. Себя или не себя: на кровати лежала белоснежная бабочка. Покрывающий мое тело узор едва уловимо мерцал, от вытянутых рук на темном атласе раскрывались шоколадные крылья.

Шоколад оказался белым.

Об этом мне подумалось как-то отстраненно, сквозь дурман раскаленной нити чувственного напряжения.

А еще я не выглядела обнаженной. Искусный рисунок напоминал тонкие одежды, под которыми взгляд притягивали только пламя расплескавшихся по покрывалу волос и... огненный треугольник между ног.

Содрогнувшись от странного дикого чувства, замерла, глядя в свои шальные глаза.

Шальные и такие светлые, какими они не были никогда.

— Что... это? — хрипло спросила я.

— Магия жизни даст о себе знать таким образом.

Прежде чем я успела ответить, он рывком наклонился ко мне, выпивая тихий гортанный стон, родившийся во мне отдельно от меня самой.

— Сладкая, — рваным голосом Ормана произнес Эрик, оторвавшись от моих губ. — Девочка... моя.

Горячее дыхание скользнуло по моей груди и ниже.

Я смотрела в шальные глаза своему отражению, а потом перевела взгляд на Эрика.

Который повторял поцелуями мерцающий узор, обтекающий полушарие груди, спускающийся на живот. Узор, созданный им, в который вплеталась моя магия, и все это сейчас отражалось в «висящем над нами» зеркале.

Бессовестная возбуждающая картина, от которой я не могла оторваться.

Не могла оторваться, даже когда подхватив меня под ягодицы, он широко развел мои бедра.

Коснулся губами чувствительного, пульсирующего бугорка, и внутри все болезненно-сладко сжалось. Низ живота пронзило, так остро и сильно, что выдох сорвался на крик.

Я выгнулась дугой, перед глазами полыхнула темнота, которая тут же расцвела тысячей золотых искр, осыпающихся на меня, прокатывающихся по телу теплом и волнами ни с чем не сравнимого удовольствия. Я вздрагивала снова и снова, подхваченная его отголосками, затихающей пульсацией, рождающейся в самой чувствительной точке, которую все еще обжигали его губы.

Прежде чем я успела это осознать, он мягко опустил мои бедра на покрывало.

— Сладкая, — повторил еще более хрипло, проводя языком между чувствительных складок.

Я дернулась, и крылья на покрывале шевельнулись, словно пытаюсь обнять целующего меня мужчину.

Мужчину, который запретил мне двигаться.

Искры медленно гасли, в ладони вместо крохотной упругой сферы чувствовалась пустота.

Легкая, как я сама.

Только сейчас осознала, что все-таки раздавила магический шарик.

Приподнявшись на руках, Эрик потянулся ко мне новым поцелуем, когда в его глазах вспыхнуло золото. Мгновением позже отравленное растекающимися прожилками пугающей глубинной тьмы.

С шипением захлопнулось пространство, отрезая от нас зеркало, а Эрик отпрянул так стремительно, что я не успела вздохнуть. В мастерской стало холодно, даже магические светильники чуть померкли, и этот зловещий полумрак заставил меня вспомнить тесное пространство кареты. Когда мы возвращались домой из полицейского участка, и бледность заливала лицо Эрика. Когда он открыл глаза, а в них плескалось раскаленное золото, запечатанное в жутковатом черном ободке.

Так же, как сейчас.

В минуту, когда наши взгляды встретились, пространство разошлось снова.

— Эрик, нет! — крикнула я.

Взвилась с постели, оставляя крылья за спиной, но он уже шагнул в искрящийся ядовитой зеленой разрыв, который тут же сомкнулся, спаивая края невидимой раны.

Воцарившаяся после его ухода тишина звенящим эхом рассыпалась по мастерской. Не в силах поверить в то, что произошло, растерянно огляделась. Магические светильники по-прежнему парили под потолком, таяли в воздухе искорки магии.

Точно так же таяли отголоски его присутствия: каким-то образом я чувствовала, что Эрика нет не только в мастерской. Его нет в этом доме.

подавив желание обхватить себя руками, зацепилась взглядом сначала за лежащую на полу одежду, потом — за халат, сложенный в изножье кушетки. Подхватила, завернулась в него, плотно стягивая полы. Тонкий аромат аламы, не возбуждающе-пьяный, густой, а легкий, согретый солнцем и подхваченный ветром в шумящих травах, заставил вздрогнуть.

Присмотревшись к узору, поняла, что это тот самый халат, в котором я поднималась сюда, чтобы позировать в последний раз.

Он что, лежал тут все это время?

Зачем?

Накрытый полотном мольберт неподвижно застыл в углу.

Подчиняясь какому-то странному чувству, шагнула к нему и потянула за край ткани. Она поехала вниз, дюйм за дюймом открывая мне картину, но не ту, что я готова была увидеть. Вместо оплетенной веревками меня взгляду представилась темно-серая, как выжженная земля под ненастным небом, половина картины «Девушки в цепях». Написанная с такой точностью, что я сама не отличила бы ее от оригинала, если бы она была закончена.

Несколько мгновений я смотрела на нее, не в силах отвести взгляд, пытаюсь справиться с комом в горле, а потом опрометью бросилась к двери. По коридору, сквозь вспышки светильников-артефактов. Перепрыгивая через ступеньки, цепляясь за перила, чтобы не улететь вниз, вылетела в холл. Воздуха не хватало, но я все же пролетела до самой двери, заколотила кулаками по артефакту вызова.

Тхай-Лао появился спустя пару минут, окинул меня с головы до пят своим ничего не выражающим взглядом. Запоздало мелькнула мысль, что я стою перед ним в халате, босая и простоволосая, но я от нее отмахнулась.

— Куда мог пойти Эрик?! — выдохнула я.

— Не имею ни малейшего представления, мисс Руа.

Он даже в лице не изменился: ни дать ни взять, иньфайский болванчик. Разве что голова туда-сюда не мотается и улыбки нет.

— Послушайте, — я сложила руки на груди. — Ему сейчас очень нужна я. Где бы он ни был... вы должны мне помочь. Пожалуйста!

— При всем уважении, если бы вы были ему нужны, мисс Руа, сейчас вы бы не спрашивали меня о том, где он.

— Тхай-Лао, — глубоко вздохнула. — Я понимаю, что вы меня не любите, но речь сейчас не только обо мне. Точнее, совсем не обо мне. Эрику плохо, и я хочу быть рядом с ним. Иньфаец молчал. Молчал, а я смотрела на него и ждала.

Теря драгоценные минуты, потому что где-то там, непонятно где, Эрик снова сходил с ума в одиночестве.

— Возвращайтесь к себе, мисс Руа. Это лучшее, что вы можете для него сделать.

Несколько мгновений я смотрела на этого непробиваемого типа, а потом резко шагнула к нему.

— Демоны с вами! — прошипела ему в лицо. — Сама найду!

Рывком бросилась к лестнице, чувствуя, что меня душат слезы. Начну с этого дурацкого дома, где я провела несколько дней, а если его там не окажется, обойду весь Лигенбург. В каждый уголок его загляну, но найду Эрика. Потому что не должен он в таком состоянии оставаться один. Что бы с ним ни происходило, не должен мужчина, в котором столько нераскрытых чувств и добра, запирает себя непонятно где из-за того, что считает себя опасным.

Я почти взлетела на второй этаж, когда за моей спиной раздался голос Тхай-Лао:

— Одевайтесь теплее, мисс Руа. В мобиле будет достаточно холодно.

Я оглянулась на него лишь на миг, чтобы удостовериться, что мне не почудилось, но он уже повернулся ко мне спиной. Я же бросилась в коридор, ведущий к спальням, распахнула дверь к себе в комнату, на ходу сдернула с вешалки первое попавшееся платье. Тепло или

холодно... быстро натянула чулки, совершенно неподобающе выругалась, когда поняла, что белье осталось в мастерской. Ну и демоны с ним, обойдусь без белья.

Когда я спустилась вниз, в том самом облике, в котором не то что приличная леди, даже неприличная мисс не позволит себе появиться на людях (в частности, под платьем не было не только белья, но и корсета, из-за чего контуры груди совершенно бессовестно под ним просматривались), Тхай-Лао уже стоял внизу. В руках он держал мое пальто и накидку, шляпка пристроилась на стоящей у стены гостевой оттоманке.

— Я же сказал, чтобы вы одевались теплее, — произнес иньфаец, глядя на мои ноги. На них были те самые драные ботинки, в которых я ходила до появления новых.

— Мне некогда было тащиться за ними в мастерскую.

Я правда сказала тащиться?!

— Мы едем?

— Едем. Мобиль уже готов.

Действительно, из-за неплотно прикрытой двери тянуло холодом и негромким урчанием. Словно в ночи проснулся огромный зверь, которого только что покормили.

— И вам не оторвало руку, когда вы его заводили?

Тхай-Лао как-то странно на меня посмотрел. Как будто был удивлен тому, что я о таком знаю.

— У меня есть возможность снять защитное заклинание.

Я не стала продолжать разговор, просто завернулась в предложенную мне одежду, банты на шляпке завязывала уже на ходу. Получилось, наверное, криво-косо, но как уже получилось. Ехать в мобиле не с Эриком было странно, и я терзала платье напряженными пальцами. Комкая юбку, потом старательно ее разглаживая, стараясь глубоко дышать и не думать о том, что сейчас чувствует Эрик.

Возможно, Тхай-Лао прав, и если бы он хотел меня видеть...

— Я не должен был говорить с вами в таком тоне, мисс Руа, — донеслось с водительского сиденья. Иньфаец, несмотря на просьбу ко мне, был одет на удивление легко: под тонким пальто угадывалась его обычная одежда. Хорошо хоть сандалии сменил на ботинки, и то ладно.

Представила, как мы выглядим вместе, и с губ сорвался нервный смешок.

Отмороженный Тхай-Лао в тонких одеждах с родины, в пальто и ботинках, и я, с растрепанными, торчащими в разные стороны волосами и... в шоколаде. Только сейчас до меня дошло, почему иньфаец на меня так смотрел. Шоколадная краска под халатом с меня стерлась, но весьма избирательно.

Хорошо, что сейчас зима.

Иначе на меня слетелись бы все окрестные пчелы.

— Я не уверен, что он вас подпустит, — не дождавшись ответа, продолжил Тхай-Лао. — Но даже если такое случится... не уверен, что вы готовы к тому, что вам предстоит увидеть.

— Просто отвезите меня к нему, — ответила я. — А с остальным я справлюсь сама.

И отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Во-первых, потому что дико, несказанно волновалась и боялась, что начну заговариваться, а во-вторых, Тхай-Лао явно не тот, с кем я готова была поделиться своими страхами.

За окнами мелькал город, но я его не замечала. Перед глазами стоял раскаленный взгляд Эрика, в которые вплеталась тьма. Исходящий от него холод, короткий взгляд — и его шаг в раскрывшийся портал.

Руки вспотели, я стянула перчатки, но тут же снова надела обратно.

Кусала губы, глядя на то, как Тхай-Лао замедляет ход.

Рядом с домом, в котором я так недолго жила.

Иньфаец молча остановил мобиль, молча открыл передо мной дверцу, и так же молча подал руку. Негромко звякнули ключи, а вот дом впустил нас совершенно бесшумно. Половицы под моими ногами отзывались упругостью, но не скрипом.

Новенький дом, который якобы принадлежит Тхай-Лао.

Новенький дом, в котором на самом деле никто не живет. Или живет, но для вида.

Что только не лезло мне в голову, пока мы прошли через холл и свернули направо, в короткий коридор. Одна из дверей выделялась, обозначенная тонкой полоской протекающего из-под нее света. Тхай-Лао пропустил меня вперед, и мы оказались в

кабинете. Небольшом. Первое, что бросилось в глаза — ветхие обои и вытоптанный ковер. Затертые медные ручки книжного шкафа, старая мебель. Кабинет был выдернут из реальности этого дома, как неудачная вставка на уже завершенной картине. Не нужно было даже присматриваться, чтобы понять, что ремонт здесь не делался.

Все осталось таким, как было до...

До чего?!

Прежде чем я успела спросить, что мы тут делаем, Тхай-Лао наклонился и резким движением выдернул ковер из-под стола. Под ним обнаружился люк, ручка которого тяжело звякнула, когда иньфаец сначала поднял ее, а затем резко, на манер дверного молотка, опустил.

— Пауль, — негромко произнес он.

Ответом ему была тишина. Такая громкая, что я слышала, как бьется мое сердце.

— Пауль, позволь мне спуститься.

Молчание.

Я коротко взглянула на Тхай-Лао и опустилась рядом с люком, коснувшись истерзанных временем досок кончиками пальцев.

— Эрик.

— Уходи, — донеслось глухое снизу.

Настолько глухое, поглощенное разделяющим нас деревом, что поначалу я не поверила своим ушам.

— Уходи, Шарлотта.

— Эрик, я не уйду, пока тебя не увижу.

— Увези ее отсюда, — в сухой лед прорвалось раздражение. — Немедленно. Это приказ. Обернулась на Тхай-Лао, готовая в любой момент вскочить, но иньфаец покачал головой. А после развернулся и вышел, оставив меня одну. За спиной щелкнула дверь, и я вернулась к созерцанию разошедшихся досок.

— Эрик, он ушел, — негромко произнесла я. — Тхай-Лао ушел, а я останусь здесь. Буду сидеть здесь всю ночь, за этим самым столом. Или под столом. Ты еще помнишь про агольдэра? Что, если он вернется за мной?

Я бормотала всякую чушь, только чтобы заставить его отвечать, поэтому легкий щелчок стал для меня полнейшей неожиданностью.

Фиолетовая дымка над вдетым в петлю кольцом вспыхнула и растаяла в воздухе.

Защитное заклинание? Точно такое же, как в библиотеке?

Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно, тем не менее, я потянула крышку на себя и откинула в сторону. Снизу плеснуло холодом, уводящая в подпол лестница оказалась очень крутой.

Я глубоко вздохнула и шагнула на первую ступеньку. Перил здесь не было, поэтому приходилось внимательно смотреть под ноги. Удивительно, но снизу пробивался свет, неяркая золотая дымка, как если бы в подполе заперли небольшое солнце.

Правда, стоило мне ступить на пол: земляной, покрытый остатками трухи и пепла, как я замерла. Холод, который здесь царил, был мертвым. Я почувствовала, как меня затягивает в него, как выбрасывает силой проводника на грань, и краски вокруг померкли окончательно. Эрик стоял в центре подвала, со всех сторон к нему тянулись щупальца тьмы.

Мощные, страшные, обращающие в пепел и тлен все, через что они проходили.

Нетронутым здесь оставался, пожалуй, только он (окутанный облаком золотого сияния). А еще картины на стенах, картины, которых было бесчисленное множество, но на всех них была одна-единственная женщина.

Темноволосая, темноглазая, с яростным сильным взглядом.

Обнаженная и в разорванных одеждах, на коленях и в кандалах, в подземелье или запертая в магических ловушках, но несломленная.

Непокоренная.

Мне хотелось зажмуриться, как в детстве, чтобы не видеть впивающихся в ее тело веревок, ожогов укусов или следов плети на коже, вместо этого я продолжала стоять и смотреть. На лицо, переходящее с холста на холст. В глаза — страшные, сверкающие тьмой, или широко распахнутые, на губы, раскрывшиеся в беззвучном крике, приоткрытые словно в низком животном стоне или плотно сжатые, углами вниз. На изгиб тела, когда ее оплетали цепи,

или когда она сломанной игрушкой лежала на простынях, на руки, с которых срывались щупальца тьмы. Такие же, как сейчас в настоящем тянулись к Эрику.

Смотрела, не отрываясь.

Потому что написано это было яростно, отчаянно, жутко.

Потому что не могла двинуться с места, словно выросла в пол.

В ту самую минуту, когда я об этом подумала, Эрик обернулся. Взгляд его, отмеченный золотом и тьмой, задержался на мне.

И сердце пропустило удар.

— Кто она? — вопрос против воли сорвался с моих губ.

Кажется, сейчас я была близка к тому, чтобы взлететь вверх по ступенькам. Подхватив юбки и не думая о том, что оставляю за спиной, потому что Тхай-Лао оказался прав: к такому я была не готова. Не готова видеть женщину, глядящую на меня отовсюду, из-за чего создавалось ощущение, что я схожу с ума. Не готова знать, что все это... все это — его рук дело?!

Натянутые нити тьмы чуть дрогнули, но Эрик остался неподвижен.

— Жена моего брата.

Что?!

— Я был безумно влюблен в нее, Шарлотта. Сходил по ней с ума.

Лучше бы я не спрашивала. Лучше бы не спрашивала, потому что этот разговор точно не должен был быть таким. А каким должен?

С каждой минутой у меня все сильнее кружилась голова, словно тьма и грань вытягивали из меня силы.

Или же силы вытягивали его слова.

Эрик был влюблен в жену своего брата?!

Или... влюблен до сих пор?

— Я совершал ужасные поступки, Шарлотта. Я чуть не убил ее и Анри. Готов был убить, только чтобы она принадлежала мне. Я отдал ее в руки отца, потому что не знал, что мне делать со своим чувством. В ту минуту я думал, что если ее не станет, мне станет легче, но... Тереза была единственной, кто в меня верил, единственной, кого мне удавалось любить — больной, извращенной любовью, поэтому когда она должна была умереть, я закрыл ее собой. Поэтому она спасла меня, вытащила из-за грани.

Он говорил, а я чувствовала, что его слова обтекают меня подобно тому, как его обтекало это дикое золотое сияние. Весь его облик сейчас изменился, в бледность вплеталась хищная потусторонняя суть, а судорожно сжатые пальцы казались когтями. Но страшнее всего был взгляд: чувство создавалось такое, что я смотрюсь в саму Смерть или в ее посланника, заточенного в человеческом теле. Холод, расплывшийся от него, инеем подчеркнул прядь, запавшие глаза сверкали.

— После смерти отца я уехал в Иньфай, чтобы справиться с той тьмой, что живет у меня внутри. С тем, что гораздо страшнее самой смерти, — он улыбнулся, но улыбка вышла кривой. — Я научился рисовать, чтобы сохранить в памяти ее лицо, потому что она была единственной, ради кого я держался. Я был безумцем, и это — отражение моего безумия. Безумия, с которым я справлялся шаг за шагом, с помощью самых разных тренировок и практик. Но одно оставалось неизменным: сильные чувства его возвращали. Так или иначе, поэтому я от них отказался. Отказался от любой возможности испытывать сильную боль, ненависть или сострадание. Ото всего, что могло подтолкнуть меня к тому...

Он развел руки в стороны:

— Что ты видишь. Я продержался двенадцать лет, — он смотрел на меня. — Двенадцать лет. До встречи с тобой.

Нити протянувшейся к нему тьмы задрожали, словно их растягивала невидимая рука, а потом шевельнулись.

— Уходи, Шарлотта, — голос его был тихим и ледяным, как сочащаяся сквозь него тьма. — Ты увидела меня. Сегодня ты увидела больше, чем кто бы то ни было. Поэтому просто уходи.

— Нет.

Не сразу поняла, что ответ, звучащий так решительно и твердо, принадлежит мне.

Глубоко вздохнула, вытесняя зарождающийся страх воспоминаниями о том, как Эрик закрыл меня собой. Сбрасывая наваждение глядящей со стен женщины «Девушкой», которую он собирался восстановить. Вместе с осознанием вернулась и уверенность, с которой я рвалась к нему. Его прошлое для меня не имеет значения, а в настоящем... в настоящем я останусь с ним, что бы ни случилось.

— Я сказал: уходи, — почти проскрипел он. Сейчас его голос вряд ли можно было сравнить с человеческим, он напоминал не то клекот раненой хищной птицы, не то шипение глубинной тьмы, решившей заговорить со мной через него. — Не заставляй меня вышвырнуть тебя отсюда.

— Не заставляю, — с трудом сдерживая внутреннюю дрожь, шагнула вперед. — Если ты вышвырнешь меня, это будет только твое решение.

— Шарлотта, я сдерживаюсь из последних сил, — процедил он.

— Не сдерживайся, — я снова шагнула к нему, глядя, как его глаза становятся совершенно дикими.

— Ты меня слушала? — Жесткий взгляд словно невидимая стена. — Любое сильное чувство превращает меня в то, что я есть. Я могу причинить тебе боль...

— Тогда почему до сих пор не причинил?

Шаг. Еще один.

Расстояние между нами понемногу сокращалось, и чем меньше оно становилось, тем отчетливее я чувствовала исходящий от него холод. Мертвый, близости с которым противилось все мое существо. Что-то подобное я испытала, когда впервые упала на грань из-за своей сути проводника, но сейчас это было гораздо страшнее. Пространство вокруг Эрика дышало пустотой, черные нити расплзались в стороны щупальцами. Именно поэтому я заставила себя сделать еще шаг в ставшем вязком, как кисель, воздухе.

— Потому что тренировался долгие годы. Долгие годы учился сдерживать последствия того, что со мной сотворил отец. — Он кивнул на стены, в низкие нотки ворвалась странная, диковатая высота, от которой по коже прошел мороз. — Того, что я завершил сам.

— Но ведь ты справляешься с этим. Справляешься каждый раз в одиночку. Позволь мне сегодня остаться с тобой...

Снова шагнула вперед.

— Уходи. Сейчас же, — высота его голоса дрогнула, как мгновениями раньше — нити тьмы. Сквозь них пробилась изумрудные искры готового вот-вот раскрыться пространства. Остановилась, словно передо мной выросла стена.

Если сейчас он откроет новый портал, я его уже не найду. И только Всевидящий знает, что будет тогда.

— Поднимайся наверх, Шарлотта. Тхай-Лао тебя ответит.

— Он не защитит меня от агольдэра.

— Ты действительно не понимаешь? Защищать тебя сейчас нужно только от меня.

— Не понимаю, — выдохнула. — Не понимаю и не хочу понимать. Ты столько всего для меня сделал...

Мне не хватало слов, не хватало чувств, чтобы передать все то, что я хотела ему сказать.

— Ты спас меня от Вудворда, хотя мог просто остаться в стороне. Ты пошел за мной, когда леди Ребекка меня увезла, хотя знал, что портал вытянет из тебя все силы. Ты говорил, что хочешь меня наказать, но ты наказываешь себя, изо дня в день, Эрик. Почему?! Почему ты не позволяешь себе верить в то, что ты достоин любви, счастья, простых человеческих радостей... больше, чем кто бы то ни было?!

— Любви, Шарлотта? — теперь уже совершенно мертвый голос ударил сильнее, чем если бы Эрик просто приказал мне замолчать. Солнечное затмение его глаз (когда тьма поглотила золото, не оставив даже сияния ободка, и потекла в белки) было жутким.

Я же смотрела в них и видела совсем другие.

Светлые. Полные нежности. Живые.

Родные.

— Скажи, ты сможешь любить чудовище?

Этот простой вопрос прозвучал неестественно-спокойно. С тем же успехом он мог спросить у меня, что я хочу на ужин, но в глазах даже сквозь заливающую их тьму застыло нечто такое... такое, что застыла я. Чувствуя, как стыну изнутри.

Усилием воли вытолкнула себя из этой стужи в тепло. Разливающееся в груди, набирающее силу, согревающее.

— Я не верю в чудовищ, — сказала тихо.

— А во что веришь?

— В любовь.

Воспользовавшись короткой паузой-замешательством, стремительно шагнула в потусторонний холод. Позволяя ему вцепиться в меня когтями, обняла Эрика и глубоко вздохнула, отпуская бьющуюся во мне магию.

Полыхнувшая перед глазами золотая вспышка и рычание:

— Шаррррлотта! — заставило вскинуть голову.

Золота в его глазах больше не было, точно так же, как и тьмы, но было нечто похуже, и прежде чем я успела об этом подумать, меня уже втолкнули в раскрывшийся портал, даже пикнуть не успела.

— Ты... — яростно произнес Эрик. — Сумасшедшая. Несносная. Девчонка.

Он наступал на меня, и сейчас я все-таки попятилась. Боковым зрением уловив обстановку и понимая, что мы оказались в Дэрнсе. В его спальне.

— Я тебя согреть хотела! — выдохнула ему в лицо.

Которое внушало серьезные опасения.

— Сейчас согреемся, — произнес он.

Так выразительно, что я не выдержала и одним прыжком оказалась возле ванной. Влетела в нее, задвинула щеколду и привалилась спиной к двери.

— А ну выходи, Шарлотта, — донеслось снаружи.

— И не подумаю, — ответила, пытаясь отдышаться.

— Выходи, или войду я.

— И что будет?

— Ты правда хочешь это знать?

Нет.

Не хочу.

Я едва успела осознать эту мысль, когда щеколда за моей спиной повернулась. Сама. Точнее, не сама, а подчиняясь дымчатой туманной нити, протянувшейся в щель между спиной и дверью. С визгом, которого сама от себя не ожидала, отпрыгнула назад, а дверь чудом не слетела с петель.

— Думала, что меня это остановит? — Эрик захлопнул несчастную дверь с такой силой, что она жалобно хрустнула. — Ты хоть знаешь, что когда ты кинулась мне на шею, из тебя могло выжечь магию подчистую? Это ты понимаешь, ненормальная?!

Что?

Выжечь магию?!

— Как?!

— То, что ты видела — та дымка, которая меня окружала, называется золотая мгла. Это сильнейшая антимагия, при соприкосновении с ней любой маг лишается сил. Надолго. Очень надолго. И это очень больно, Шарлотта, — последнее он прорычал так, что задребезжали матовые стекла. Или мне просто так показалось. — Если бы я не успел ее отвести...

Это прозвучало зловеще.

— Откуда я могла знать?! — выкрикнула я. — Откуда, если ты мне об этом не сказал?!

— Ты не должна была бросаться ко мне. Не должна, потому что я просил тебя уйти.

Дурная!

Прежде чем я успела сказать, что сам он дурной, Эрик уже шагнул ко мне. Я не успела отпрыгнуть, как меня уже притянули к себе. Не просто притянули, сграбастали в объятия, уткнувшись носом в растрепавшиеся волосы.

— Знаешь, Шарлотта, — хрипло произнес он, — когда-нибудь я точно тебя выпорю, и увы, не потому, что это доставит мне удовольствие. Просто ты окончательно меня доведешь.

Что-о-о?!

— Это я? Я окончательно тебя доведу? — забарахталась в его руках, бессмысленно и тщетно.

Эрик отстранился только для того, чтобы взглянуть в мое лицо.

— Я ведь правда мог тебя зацепить, — произнес негромко. — Почему ты никогда не слушаешь, что я говорю?

— Но не зацепил же, — сама не знаю, почему, шмыгнула носом.

— Ты что, собираешься плакать? — подозрительно спросил он.

— Нет.

Не собираюсь, я сказала.

Нельзя столько плакать, я же не дырявая тучка.

— Я просто хотела остаться с тобой, — это не я всхлипнула, оно само. — Просто хотела, чтобы...

И тут меня прорвало. Слезы хлынули из глаз, а Эрик судорожно вздохнул и уселся на край ванной, увлекая меня за собой.

— Всевидящий, — вздохнул он. — Вот и что мне с тобой делать?

Шляпку с меня сняли в первую очередь. Потом накидку и пальто.

Когда пришла очередь платья, я вспомнила, что под ним нет белья, и снова начала вырываться.

— Н-не надо, — прошептала, давясь вздохами и всхлипами. — Я сама.

— Ты сегодня уже достаточно сама, — произнес Эрик.

А потом подтянул меня еще ближе к себе, усадил на колени и коснулся губами щеки. Раз, другой, третий... Так легко и невесомо, что если бы я не чувствовала его дыхания, наверное, не поверила бы, что он так может.

Может — что?

Губы коснулись моих, и я почувствовала вкус своих слез. Соленый, стирающийся за удивительно нежным поцелуем.

— Замерзла? — спросил он, заключая мои руки между ладоней.

Покачала головой.

— Замерзла, — Эрик мягко растирал озябшие пальцы.

Не знаю, когда успела. То ли в машине, то ли когда спустилась в этот жуткий подвал.

Он остановился лишь для того, чтобы открыть воду, а потом снова повернулся ко мне.

Расстегивая платье, смотрел мне в глаза. Смотрел так, что я сама не могла поверить в то, что знаю его... сколько? Чуть больше месяца? Всевидящий, сейчас мне казалось, что между нами раскинулись годы, а может быть, так оно и было.

— Что ты имел в виду, когда сказал про двенадцать лет?

Теперь я уже внимательно смотрела ему в глаза. Смотрела, не отрываясь, затаив дыхание, не вполне отдавая себе отчет, насколько для меня важен его ответ.

— Я говорил о том, что рядом с тобой не могу не чувствовать. Даже если бы очень хотел... не могу.

— Но ты не хочешь? — зачем-то уточнила я.

— Все, чего я хочу, это никогда больше не отпускать тебя. Ни на минуту, — негромко произнес он. А потом поднялся, увлекая меня за собой.

Платье с шорохом упало к моим ногам, и тут я вспомнила про шоколад.

И про белье.

Еще раз.

— Я вся липкая, — пробормотала смущенно.

— Это мы сейчас поправим.

Он подхватил меня на руки, мягко опуская в теплую воду.

Звякнули склянки, по ванной поплыл легкий аромат цветущей вишни. Эрик слегка повел рукой, и по воде словно прошла волна, вспенивая ее. Теперь я сидела, укрытая облаком пены по самую грудь. Сидела и смотрела на него сверху вниз, понимая, что хочу невозможного.

Хочу того, что приличным девушкам в голову приходить не должно.

Но наверное, мне уже давно пора смириться с тем, что я не приличная.

Вцепившись дрожащими руками в бортики ванной, медленно поднялась. Пена укрывала мое тело невесомым покрывалом растрепавшейся тюли. Эрик замер, взгляд его скользнул по моим плечам и груди.

— Ты уверена? — спросил хрипло.

— Уверена, — ответила я, мягко подавшись вперед, положила руки ему на грудь. —

Позволишь... тебя раздеть?

Эрик перехватил мои запястья, стоило мне коснуться верхней пуговицы. Наверное, не случись между нами всего, что случилось, я бы не решилась на такое. Уж точно не сразу, но сейчас только спокойно смотрела ему в глаза. Не пытаюсь отнять руки или отстраниться, не настаивая, но и не отступая. Невыносимо долгое мгновение, пока его пальцы браслетами сжимались на моих руках, просто ждала.

Эрик умел смотреть по-разному: холодно, жестко, даже жестоко или так, что сердце сжимается от чувств, которые он пытается в себе удержать. Сейчас же в этом взгляде было все, что я в нем узнала. Все и даже немного больше, незнакомая, странная осторожность, словно за моей простой просьбой крылась величайшая в мире опасность.

Опасность для него.

Но все-таки он меня отпустил.

Отпустил, позволяя моим пальцам скользнуть по пуговицам рубашки. Я расстегивала их, обнажая его кожу дюйм за дюймом, пока не наткнулась на преграду жилета. Тишина и наше дыхание, сливающиеся воедино, были ужасающе громкими. Так же отчаянно-громко колотилось мое сердце, особенно когда я вернулась к рубашке.

Между нами было много всего.

Минут, когда мне приходилось обнажаться, сгорая от стыда, ненависти его и себя.

Минут, когда я сгорала от желания рядом с ним, проклиная себя за свою слабость.

Минут странной, пугающей нежности, сменяющейся холодом и отстраненностью.

Минут откровенности и наслаждения, которое волнами прокатывалось по телу.

Минут-улыбок, когда я видела совершенно другого Эрика, а на щеках таяли снежинки, падающие из раскрывшегося над нами портала.

Но никогда раньше мы не были настолько близки, как сейчас.

И никогда не были настолько обнажены. Друг перед другом.

Мысль об этом заставила пальцы сорваться. Коснувшись его живота, почувствовала ударившую в подушечки дрожь напряженных мышц. Эрик никогда не показывался мне обнаженным (не считая той ночи, когда мы поссорились, и я увидела шрамы), поэтому сейчас я замерла. Замерла, глядя на дорожку волос, уходящую вниз от пупка, на подтянутый рельефный живот и на мощную грудь. Кажется, никогда в жизни я так не смущалась, даже когда он меня раздел. Поэтому сейчас сглотнула и уставилась ему строго в ямочку между ключиц. Ну или вот на дернувшийся кадык.

— Шарлотта, — хрипло произнес он. — Со стороны может показаться, что это не так, но я совершенно точно не каменный.

Всевидящий!

Кажется, я не представляла, на что подписалась, потому что щеки стремительно заливала краска. И не только щеки, паутина пенки стала совсем прохладной на горячей коже.

— Снова краснеешь, — усмехнулся Эрик.

А я скинула голову, встречая его сумасшедший и дикий взгляд.

Положила руки на плечи, медленно стягивая рубашку вместе с жилетом, освобождая сильные руки. Под кожей перекачивались мышцы, и я снова сглотнула. Ладно хоть краснеть дальше было некуда, потому что мысли у меня были хоть куда. Например, о том, что в Ангрии джентльмены так запакованы в футляры костюмов, что под ними не разглядеть ничего. Как-то раз виконт вышел из кабинета без сюртука, но под его рубашкой не угадывалось ничего, кроме хилых плетей, именуемых руками. А Эрик... он был сложен так, что скрывать это под темными тканями было просто преступлением.

В ту минуту, когда я об этом подумала, его пальцы легли мне на подбородок.

— Шарлотта, все хорошо?

Не считая моих диких мыслей? Более чем!

— Ммм... да. Я просто...

— Просто?

— Просто подумала.

— Даже не представляю, о чем.

— О том, насколько ты красивый.

Слова вырвались сами собой, а дальше я уже продолжала, потому что не могла остановиться:

— Ты сложен... Всевидящий, Эрик, с тебя надо писать арнейских богов. Я просто подумала, что ты ходишь во всех этих темных одеждах, хотя...

Договорить мне не позволили: Эрик просто приложил палец к моим губам. Приложил мягко, глядя на меня тем сумасшедшим взглядом, от которого я пьянела быстрее, чем от пузырьков.

— Теперь ты понимаешь, что я чувствовал, когда видел тебя в твоих платьях под горло? Моргнула, а в следующий момент он уже мягко перехватил мои руки.

— Хочешь продолжить?

Перевела взгляд ниже. Туда, где под брюками отчетливо выделялось его напряженное желание.

— Да.

Пальцы превратились в непослушные деревяшки, или мне так показалось. По крайней мере, когда я потянула брюки вниз, разгибаться они отказывались. Стоило немалых усилий их разжать, но вот опустить взгляд ниже я заставить себя не могла. Не могла и все тут.

Поэтому сделала то, о чем и помыслить не смела: подалась еще ближе, насколько позволял бортик разделяющей нас ванной, одной рукой оплетая его плечи и касаясь губами губ. Второй скользнула между наших тел, обхватывая напряженный ствол дрожащей ладонью. Хриплое рычание прямо мне в губы отозвалось во всем теле дрожью. Особенно когда я скользнула пальцами вдоль, чувствуя, как напряжение его бедер втекает в меня, позволяя ему раскрыть мой рот языком. Задыхаясь не то от бесстыдства того, что творила я, не то от глубокого поцелуя, в котором мы становились единым целым.

Так откровенно-порочно, что мир за пределами закрытых глаз стянулся в точку соприкосновения наших тел.

— Шарррлотта, — холодный воздух ожег губы сквозь горячее дыхание.

— Да? — тут же остановилась. — Я что-то делаю не так?

Эрик прерывисто вздохнул.

— Все так, — произнес негромко, обхватывая мои пальцы поверх своего напряженного желания: на миг, чтобы отпустить. — Сильнее.

Чуть сильнее сжала ладонь, срывая сдавленный стон, от которого низ живота потянуло. Сладко.

А потом снова расслабила пальцы и мягко скользнула рукой вдоль.

— Издеваешься? — хрипло произнес он.

— Разве что самую малость. — Я смотрела в его дикие глаза и сама становилась такой же дикой.

Даже в самом странном сне я не могла представить, что решусь на такое. Что буду откровенно его ласкать, глядя ему в глаза. Чувствуя, насколько он большой... там.

Понимая, что хочу чувствовать его в себе. Хочу, пока он будет во мне, касаться Эрика губами, ладонями, скользить телом по телу: бездумно, яростно, горячо. В ритме резких, сильных движений. То сжимая пальцы сильнее, как нравится ему, то...

Дразняще скользнула по напряженному стволу кончиками пальцев, расслабив ладонь. А потом медленно отступила, и он шагнул ко мне, опускаясь в ванную и увлекая меня за собой. Или, точнее будет сказать, на себя. От первого проникновения с губ сорвался стон, перекрытый плеском воды, и Эрик положил руки на мои бедра. Осторожно потянул вниз, заставляя прочувствовать каждый миг проникновения.

Сделав это движение медленным, невыносимо-долгим.

Вцепившись в скользкие от пены бортики, замерла, позволяя себе привыкнуть к этой наполненности, а Эрику — смотреть на меня. От пышных кружев на коже сейчас остались одни воспоминания, и его взгляд задержался на моей груди. Теперь уже он протянул ладони вдоль моих плеч, мягко оглаживая чувствительные полушария и сжимая потемневшие соски.

Так остро, что я всхлипнула, закусив губу.

Он поглаживал мою грудь, перекатывая между пальцами чувствительные вершинки. Перекатывая, поглаживая, вытягивая, сжимая. В сочетании с ощущениями там, внизу, где соединялись наши тела, это было просто невыносимо.

Я забыла обо всем, о чем помнила еще минуту назад.

О том, как дразнила его и отчаянно хотела продолжения, потому что продолжение не шло ни в какое сравнение с моим о нем представлением.

— Пожалуйста... — всхлипнула, когда наслаждение отразилось сквозь сдавленный между пальцами сосок, перетекая в обманчиво подступающую и тут же затихающую пульсацию между бедер. — Хочу тебя...

— Иди ко мне, — прошептал он, мягко подтягивая к себе.

Сжимая мои ягодички, помогая приподняться и направляя. Освобождая почти полностью. Сейчас я касалась его груди своей, и этот вид возбуждал и будоражил не меньше чувственных ощущений.

Пальцы Эрика скользнули между складок, к точке соединения наших тел, и я вздрогнула. От порочности этого прикосновения и от удовольствия, которое больше не хотела скрывать.

Ни от себя.

Ни тем более от него.

Короткие, отрывистые движения его руки под водой, рождали в теле вспышки удовольствия. В ту минуту, когда он надавил чуть сильнее, пальцы сжались на бортиках.

— Ох-х-х...

Только после этого мне позволили скользнуть вниз, и что-то внутри на этом движении отозвалось таким ярким удовольствием, что я вскрикнула. Вскрикнула, подаваясь наверх и снова вниз, чтобы ощутить это снова. Чувствуя легкие ладони Эрика на своих бедрах (он больше меня не удерживал и не направлял), а его взгляд — на себе.

— Моя маленькая Шарлотта, — негромко произнес он. — Соблазнительница.

Это слово ударило в сознание, сметая последние преграды, сомнения, остатки стыдливости. Я подалась ближе, положила руки ему на плечи.

Наверх — и вниз.

Снова.

И снова.

Я сходила с ума от неспешных движений, от странного, яркого удовольствия, вспыхивающего где-то внутри, в одной чувствительной точке.

От наслаждения перед глазами все плыло: и ванная комната, и кафель, и окно, разрисованное морозом узором на матовом полотне стекла. Я чувствовала, как внутри нарастает пульсация, и как она нарастает в нем. Становясь сильнее, острее, сливаясь воедино и заставляя цепляться пальцами за сильные плечи.

В миг, когда наслаждение стало невыносимым, я выгнулась.

Выгнулась в его руках, содрогнулась всем телом, сжимаясь на Эрике, и чувствуя, как напрягаются его бедра. Пульсация шла по нарастающей, растекалась сладкими волнами, заставляя меня всхлипывать, кусать губы, чтобы не закричать на весь дом.

А потом все-таки выдохнула стон.

Длинный, глухой и такой порочный, какой никогда в жизни даже представить себе не могла.

Ладони сдавливали мои ягодички, на миг приводя в сознание, но когда рычание Эрика ворвалось в мое сознание сладкой музыкой, я содрогнулась снова. Вторая волна оказалась гораздо сильнее, до звездочек в глазах и надвинувшегося потолка, поэтому я сползла прямо в его руки, успев только судорожно вздохнуть. Лежа на нем, вздрагивала раз за разом, пытаюсь справиться с отголосками прокатывающегося по телу чувственного удовольствия. Затихающего и оставляющего после себя сладкую истому.

Подумала о том, что наверное, стоило завязать волосы, но как-то лениво. Глаза слипались, и мне было уже все равно.

— Как же хорошо, — вздохнула, прижимаясь к нему плотнее.

Меня поцеловали в макушку, погладили по спине, мягко обнимая или обтекая собой.

Он все еще был во мне, и это ощущалось так правильно, что даже шевелиться не хотелось.

Я и не шевелилась. Лежала распластанная по его груди, вдыхая запах сандала от его волос.

Не знаю, сколько прошло времени, когда Эрик негромко спросил:

— Купаться будем?

— Да-да, сейчас, — ответила я.

Глубоко вздохнула и вздрогнула, когда он осторожно из меня вышел. Посмотрела в его совершенно счастливые глаза, светящиеся не золотом, а просто светящиеся... таким теплым, внутренним светом, который очень сложно передать на портрете. Сложнее всего, пожалуй, но я все-таки попробую.

Улыбнулась своим мыслям.

И уткнулась носом ему в плечо.

Глава 7

Пробуждение вышло ярким во всех смыслах этого слова: сначала мне в лицо ударил солнечный свет, потом раздалось ругательство, шипение и оглушительный кошачий вой, перешедший в глухой удар. От такого я подскочила на постели, растерянно моргая и глядя на выгнувшую спину мисс Дженни, раздувшую хвост до размеров руки Эрика. Которую, к слову, пересекали наливающиеся кровью глубокие царапины, а в глазах его читался настолько однозначный приговор, что я с визгом прыгнула к кошке, схватила ее в объятия и прижала к груди.

— Это что только что было? — хмуро поинтересовался Эрик, застегивая рубашку. По царапинам скользнула зеленоватая дымка магии, и они тут же поблекли.

— То же самое я хотела спросить у тебя!

— Для начала твоя кошка залезла под самый потолок...

— И это повод бросать ее через всю комнату?

— Раскачивалась на портьерах и мешала спать.

— И?

— Я не хотел, чтобы она разбудила тебя, — произнес он, приближаясь к нам, из-за чего мисс Дженни попыталась вырваться, но я только крепче прижала ее к себе, поглаживая полосатую спинку.

— Это все равно не повод швырять ее через всю комнату!

— Я не швырял, — заметил Эрик, приближаясь к нам.

В ответ на мою скептически приподнятую бровь, добавил:

— Бы. Я снял ее с помощью магии и хотел поставить на пол, но она вцепилась когтями мне в руку. В результате...

— Ты бросил ее через всю комнату.

— Отправил в портал, — вздохнул он.

— Что-о-о?!

У меня округлились в глаза.

— Подумаешь, портал в несколько футов.

— Подумаешь?! — воскликнула я, опуская мисс Дженни на кровать. — Это для тебя несколько футов, а для нее — как для меня на другой конец дома.

— Нечего было полосовать меня когтями.

— Да я бы тоже в тебя вцепилась, если бы ты меня с помощью магии куда-то потащил! — возмутилась я.

— Пожалуй, ты права...

— Вот именно!

— Да, — скептически заметил Эрик. — Надо было ее сначала обездвижить.

— Изувер! — заявила я, осматривая мисс Дженни, которая урчала громко-громко, и терлась об мои руки, пытаясь успокоиться.

— Оставь уже свою неблагодарную скотину, и поцелуй меня, — хмыкнул он.

Прежде чем я успела сказать, что неблагодарная скотина — мой друг, Эрик притянул меня за талию к себе и поцеловал. Так, что я почти забыла о мисс Дженни, зато вспомнила о том, что обнажена. Полностью. Это я поняла, когда прижалась грудью к прохладному темному

атласу, и мысленно покраснела. А может, даже не мысленно, потому что в глазах Эрика мелькнула знакомая сумасшедшинка.

— Что, снова краснею? — спросила, почти касаясь губами его губ.

Он кивнул.

— И так, что нам грозит остаться без завтрака.

— Ой, нет!

Я поспешно отпрыгнула в сторону, в поисках одежды. Одежды нигде не наблюдалось, и я вопросительно взглянула на Эрика:

— Думаешь, я шутил, когда говорил, что в этой спальне ты будешь ходить обнаженной?

— Думаешь, я шутила, когда говорила, что нет? — стянула покрывало и завернулась в него. Эрик вздохнул.

— Шарлотта. Неужели тебе так сложно признать, что я хочу любоваться тобой постоянно?

— Можешь любоваться мной, когда я в одежде.

— Любуюсь, — честно признался он. — Всегда.

От того, как это было сказано, я покраснела еще сильнее.

— Но мне нравится видеть каждый изгиб твоего тела, а не эти бесчисленные тряпки. Сколь бы красивыми они ни были, без них ты гораздо лучше.

— Тем не менее сам ты не ходишь передо мной обнаженным, — заявила, чтобы скрыть неловкость от бесстыдного комплимента.

До меня дошло, что я сказала, только когда Эрик изменился в лице. Клянусь, я совсем забыла про шрамы, и сейчас захотела откусить себе язык. Разумеется, они меня ни капли не смущали, но сказать об этом я бы хотела не так. Не в таком ключе, но теперь, кажется, этого разговора было уже не избежать.

— Эрик, — сказала я. — Прости. Я не хотела тебя обидеть.

— Обидеть? — он нахмурился.

— Да, я не имела в виду...

— Не имела в виду что, Шарлотта? — теперь он приподнял брови.

Какое же все-таки у него живое лицо! Не представляю, как можно было его скрывать под маской.

— Не имела в виду, что ты должен, или что-то вроде...

— Погоди-ка, — он взял меня за плечи и внимательно заглянул в глаза. — Я не совсем понимаю, о чем ты, но очень хочу разобраться.

— О шрамах, — негромко сказала я. — Ты ведь из-за них не снимаешь одежду передо мной, и...

— Откуда ты знаешь о шрамах? — голос его стал жестким.

Привычно жестким, но я не отвела взгляд. Не хотела, чтобы он подумал, что я считаю это уродством, или что-то вроде.

— Я увидела их в ночь, когда мы поссорились.

— И с тех пор молчала?

— А что я должна была сказать?

— Действительно. — Он вздохнул, а потом опустил на кровать, увлекая меня за собой. — Я не стесняюсь этих шрамов, Шарлотта. Я ими горжусь.

Я моргнула, а Эрик продолжил:

— Эти шрамы — цена спасения жизни брата Тхай-Лао. И одно из немногих хороших дел, которые я совершил в своей жизни.

От такого я растерялась окончательно.

— То есть... как?! При чем тут брат Тхай-Лао?

— Я уже говорил, что долгое время жил в Иньфае. Обучение, которое помогало мне удержать тьму, происходило в горах, но Иньфай — огромная страна, со своими традициями и обычаями. Со временем, когда я стал справляться с безумием, научился держать его в узде, я отправился в путешествие. Посещал места, наделенные силой очищения, на которые мне указал учитель, побывал в столице, в больших городах и провинциях. Последние — это маленькие государства в большом.

Я замерла, вспоминая: об Иньфае я знала не очень много, но знала, что каждой провинцией правит господин-наместник Императора. Кажется, и Эрик упоминал что-то подобное.

— В одной из таких провинций я задержался. Не знаю, почему: люди там жили очень бедно, большинство не умели ни читать, ни писать. Единственный богатый дом в округе — дом наместника Императора, работать в котором было очень почетно. Фьет-Лао был помощником конюха и кормил семью из шестнадцати человек вместе с братом, который работал на рисовых плантациях. Свободных дней у него почти не случалось, в свою лачугу он возвращался очень поздно, и чаще всего просто засыпал на своей лежанке, на полу. В доме своего нанимателя Фьет-Лао повезло встретить Сюин, она прислуживала жене наместника и сопровождала ее на прогулках. Или не повезло. Потому что вместе с Сюин на него обратила внимание и дочь наместника.

— Дочь наместника?! В Иньфае разве нет социальной пропасти?

Эрик покосился на меня.

— Дело не в социальной пропасти, Шарлотта.

— Но... — тут я снова покраснела, потому что догадалась. — А... она хотела его в любовники? А как же будущий муж? Или она уже была замужем?

Он покачал головой.

— Нет, замужем она не была.

Поскольку я очень выразительно моргала, Эрик вздохнул.

— Существует множество способов, Шарлотта, стать любовницей и сохранить девственность.

— Как?!

Он потер виски.

— Знаешь, давай пропустим эту часть. Я не уверен, что готов смотреть, как ты сгораешь в огне стыда, тем более что к делу это не относится.

Я нахмурилась, пытаюсь представить способ, о котором он говорил. Точнее, способы, но в голову ничего не приходило.

— К слову, о невинности. Это было неземное существо: кроткое на вид, хрупкое, и никому даже в голову не пришло бы, что она на такое способна. Эта девушка была образцом добродетели для всех, и умело притворялась. Настолько умело, что каюсь, будучи гостем в этом доме, я сам поначалу в это поверил.

Эрик усмехнулся.

— На деле Вьен Шу была той еще дрянью. Она пыталась соблазнить Фьет-Лао, но тщетно. Однажды я стал этому свидетелем, но не придавал значения. Знаешь, бывают такие события в жизни, которые пропускаешь мимо, потому что тебе нет до них никакого дела. К тому времени я уже собирался уезжать, мне не было никакого дела до ее репутации, и рушить ее я не собирался.

Он взял мою руку в свою и зачем-то развернул ладонью вверх, хотя говорили мы не обо мне.

— В день моего отъезда все и случилось. Учитель всегда говорил мне, что мы оказываемся там, где оказываемся, не случайно, но я не придавал большого значения этим словам. В Иньфае принято относиться к каждому, даже самому незначительному, событию очень внимательно, потому что оно может повлиять на всю твою дальнейшую жизнь и в корне ее изменить. В Вэлее, где я родился и вырос, такое считается... ну, наверное, хорошим началом для безумия. Но даже будучи безумным, я не особо прислушивался к знакам судьбы. Как выяснилось, зря.

Я растерянно посмотрела на повторяющие узор ладони пальцы, потом подняла глаза на него.

— Долгие годы после того случая я считал, что моим предназначением и поворотным событием стало спасение Фьет-Лао и встреча с его семьей, которые стали моими друзьями. Настоящими, впервые за всю мою жизнь. Я даже представить себе не мог, что этот случай подарит мне тебя.

— Меня?! — вот теперь я широко распахнула глаза.

Эрик наконец поднял голову и внимательно на меня посмотрел.

— Если бы не Вьен Шу с ее невинностью и личиком, способным ввести в заблуждение любого, с ее искусной игрой в непорочность и жестокостью, которой позавидуют самые знаменитые иньфайские палачи, я бы не поставил тебе ту метку.

Хорошо, что я сидела и мне не грозило свалиться с кровати. Нет, правда.

Особенно когда я начала понимать.

— Погоди-ка... — сказала я. — То есть ты поставил мне метку, потому что считал на нее похожей?

Эрик приподнял брови, а я отняла руку и вскочила.

Краснея теперь уже не от стыда, а от гнева.

— То есть ты решил, что я... что я...

— Что ты прикрываешься маской своей невинности, играя людьми, Шарлотта. Да, — он поднялся вслед за мной и мы оказались лицом к лицу.

Поскольку во мне кончились слова, я просто вдыхала и выдыхала, но сейчас это больше напоминало пыхтение разогнавшегося паровоза, нежели вздохи хрупкой девушки.

— Почему?! — вырвалось у меня, когда пыхтение все-таки прервалось.

— Потому что я не знал тебя. И не знал таких, как ты, до тебя, — Эрик покачал головой. — Настоящих. Искренних. Остающихся светлыми даже несмотря на все, что тебе пришлось пережить. Люди, которых я знал, обладали всем, чем только можно, только не таким светом, который ты носишь в себе. Скажем так, люди, с которыми меня сводила жизнь, вообще светом не обладали.

— В каждом человеке есть что-то светлое, — возразила я.

— Сейчас ты говоришь, как мой учитель, — он усмехнулся.

— Я не... — сложила руки на груди и покачала головой. — Погоди. Чем все-таки закончилась та история с Фьет-Лао?

— История с Фьет-Лао закончилась тем, что Вьен Шу его оболгала. Сказала, что он пытался взять ее силой, наставила себе синяков, порвала одежду.

— Зачем?! — ахнула я.

— Затем, что соблазнить его ей так и не удалось. Затем, что несмотря на все ее ухищрения, он смотрел исключительно на Сюин. Разумеется, его оправдания не стали даже слушать, и приговорили к наказанию плетьюми. Фактически, к смертной казни, потому что столько ударов, сколько предписали ему, простому человеку вынести не под силу.

Эрик шагнул ближе и мягко провел по моим плечам. Противиться этому не было никаких сил, и когда я расслабилась, он снова взял мои руки в свои. Наверное, даже если бы я очень хотела разозлиться на него за такое «лестное» сравнение, сейчас уже не смогла бы.

— В Иньфае существует традиция, что любой из семьи провинившегося может взять его вину на себя. Таким образом наказание переходит на него, а провинившийся обязан на нем присутствовать. Я стал его названным братом и принял его наказание.

Во мне снова не осталось слов. Единственный вопрос, который я никак не могла поймать, крутился где-то в сознании, но постоянно ускользал.

— Вот и вся история.

— Ты же мог умереть! — вырвалось, наконец, у меня.

Не совсем вопрос.

Но ужас от осознания того, что ему пришлось пережить, обрушился на меня с немыслимой силой.

Наказание плетьюми?!

— Мое обучение и путешествие по Иньфаю все равно подходило к концу, я собирался возвращаться в Вэлею, где меня особо никто не ждал. Так что вряд ли сей прискорбный факт кого-то расстроил бы.

— Эрик!

— Кроме того, мне было интересно, сколько я смогу выдержать...

Я вырвалась из его рук и сердито уставилась на него.

— Скажи, что ты сейчас пошутил.

— Ладно, это была дурацкая шутка. Мне просто захотелось это сделать, Шарлотта. Тхай-Лао без брата тоже не стало бы жизни. Они близнецы, и один без другого превратился бы в тень.

Я вздрогнула.

— На самом деле у меня было гораздо больше шансов, чем у Фьет-Лао. Или у его брата, который собирался взять вину на себя. Я маг, Шарлотта, не забывай.

Маг... не маг...

Я чувствовала, что по щекам снова текут слезы, и ничего не могла с этим поделать.

— Ты... ты... сумасшедший!

— Не то слово, — Эрик коснулся пальцами моих щек, стирая слезы. — А ты все время плачешь рядом со мной.

— Не все время, — всхлипнула я. — Иногда я еще краснею.

— Даже не знаю, что ты делаешь чаще.

Улыбки в ответ на шутку не вышло. Мне хотелось что-нибудь разбить, чтобы не чувствовать той боли, которую ему пришлось пережить.

— Шарлотта, если ты будешь так отзываться на все, я не смогу тебе ничего рассказывать.

— Сможешь, — всхлипнула я. — Это просто... просто...

— Просто?

— Просто это же дико больно и...

— К тому моменту, когда я там оказался, у меня было несколько иное восприятие боли. От такого заявления я даже плакать перестала.

— То есть?

— То есть я ее чувствовал, но умел от нее отгораживаться.

— Разве от такого можно отгородиться?

— Можно, — он кивнул. — Иначе я бы не научился ходить по углям.

— Ходить по углям? — я глубоко вздохнула. — А что ты еще умеешь?

— Например, я могу сделать так.

Эрик чуть отступил, и на одной ладони у него вспыхнули изумрудные искры, на другой полыхнула золотая дымка. Прежде чем я успела что-то сказать, он свел их вместе, и антимагия поглотила зеленоватое свечение без остатка.

Только сейчас я вспомнила о золотой мгле.

И о том, с чего начался наш разговор.

— Если дело не в шрамах, тогда... почему ты не хотел рядом со мной раздеваться?

Затаила дыхание, глядя на него.

— Вообще-то, Шарлотта, в этом нет никакой тайны.

— Нет?

— Нет. После отцовских экспериментов с магией у меня повышенная чувствительность к прикосновениям. То, что ты ощущаешь, как легкое касание, я чувствую в десять раз острее. Ничего себе, никакой тайны.

Разом вспомнились и перчатки, которые он рядом со мной поначалу почти не снимал, и глухие одежды. Да, пожалуй, теперь я понимала все.

— Поэтому я никому не позволяю до себя дотрагиваться с самого детства. Точнее, не позволял. До тебя.

— Даже Камилле?

Эрик улыбнулся.

— Ревнуешь?

— Вот еще, — хмыкнула я.

И сделала вид, что смотрю на мисс Дженни, хотя мне невыносимо хотелось, чтобы он ответил.

— Даже Камилле, — Эрик положил руки на мои плечи, но я по-прежнему на него не смотрела. — Шарлотта, у нас с Камиллой ничего не было.

— Ничего?

Все-таки повернулась к нему.

— В классическом понимании — нет.

— А в каком было?

— Ты уверена, что хочешь это знать?

Ревность царапнула сердце, но я от нее отмахнулась.

— Мне все равно, — сказала я ничего не значащим тоном. — Мы, кажется, собирались завтракать?

— Шарлотта, — укоризненно произнес он, а потом снова опустился на кровать и усадил меня к себе на колени. — То, о чем тебе говорил твой... гм, драгоценный братец...

Это прозвучало, как ругательство.

— У него есть имя, — хмыкнула я.

— Рад за него, — в тон мне хмыкнул Эрик. — Так вот, то, о чем он тебе говорил, и в чем не смыслит ровным счетом ничего — это особые отношения. Близость между партнерами в них обязательна, но далеко не всегда она переходит в физическую. Мы с Камиллой не были любовниками, но когда мы познакомились, ей было необходимо кое-что другое.

Кое-что другое?

— Я не совсем понимаю... — начала было, но осеклась.

Потому что вдруг вспомнила лежащую в нижнем ящике шкафчика в ванной плетть. Слова Камиллы о том, что с ней творил муж и его друзья. Мне невыносимо хотелось спросить Эрика о том, что с ними со всеми стало, хотелось узнать, что все они понесли заслуженное наказание, но я не была уверена, что Камилла скажет мне за это спасибо. Да и потом, выносить приватный разговор за пределы той гостиной — это неправильно. Пусть даже я знаю, что дальше Эрика это не пойдет, все равно.

— Ты ее... — почему-то я никак не решалась произнести последнее слово, оно всеми силами сопротивлялось тому, чтобы быть озвученным. Да и не знаю, правильно ли я его подобрала.

— То, что лорд Лэйн, — это снова прозвучало как ругательство, — представил тебе, как мерзость, ужас и страх — отдельный вид отношений, как я уже говорил. Они допускают игры самого разного рода, Шарлотта, но они всегда происходят по взаимному и обоюдному желанию. В таких отношениях никто никого не заставляет, не пользуется временными слабостями другого человека, не переходит границу игры.

Неужели?

А как насчет мужа Камиллы?

— А если все-таки перейдет? — спросила я.

— Тот, кто переходит границы, исключается из общества. Тот, кто способен на насилие, никогда не будет допущен в такие отношения... по крайней мере, в том клубе, о котором мы сейчас говорим. Конечно, бывает всякое, и в мире хватает мерзости...

Я снова подумала о мужчине, в первую брачную ночь запершую свою жену в подвале.

— Но среди тех, кто себя уважает, такое недопустимо, — произнес Эрик. — Боль воспринимается, как приправа, а не как самоцель. И уж тем более никто из наших посетителей не станет делать другому человеку больно, просто чтобы ощутить над ним власть, не станет ей злоупотреблять или издеваться просто ради издевательства. Тот, кто соглашается на причинение боли, имеет возможность в любой момент это остановить.

Ой, нет.

Не уверена, что я хочу продолжать этот разговор, вообще не уверена, что хочу об этом говорить. Когда-либо. Просто для меня причинение боли — это нечто из ряда вон, и если люди таким увлекаются — это их дело, но...

Но сейчас я сидела на коленях у мужчины, который говорил об этом так буднично и просто, как о чем-то незначительном.

— Эрик, — серьезно спросила я. — Ты хочешь, чтобы наши отношения были такими же? Я помню, что ты говорил про тьму, и...

— Шарлотта, я хочу отношений с тобой, — он мягко меня перебил. — Ты же помнишь, что я говорил про добровольность?

— Просто я не уверена, что когда-либо такого захочу, — сказала я. — Точнее, уверена в том, что не захочу никогда. А ты уверен, что захочешь продолжать наши отношения, если в них не будет... этого?

— С тобой сложно быть в чем-то уверенным, — Эрик поднес мою руку к губам и поцеловал. — Но в одном можешь быть уверена точно: между «этим» и тобой я выберу тебя.

От таких слов внутри разлилось тепло. Мягкое, согревающее, дарящее уверенность и странную, легкую радость. Точнее, от этой радости я сама становилась легкой, как воздушный шар, который согрели огнем, вот только огонь этот горел в руках самого удивительного в мире мужчины.

— Впрочем, это не мешает мне тебя выпороть, если ты еще хоть раз подвергнешь свою жизнь опасности, — он не позволил мне возразить, — какой бы серьезной ни была причина. Слышишь, Шарлотта?

Он посмотрел на меня внимательно, без свойственной его взгляду жесткости, но так, что я поняла: выпорот.

— Слышу, — буркнула я. — А говорил, выберешь меня.

— Тебя, — подтвердил он. — Именно поэтому и выпорю, так что когда вздумаешь в следующий раз собой рисковать, подумай об этом. А теперь идем завтракать.

Меня ссадили с колен, и пока я приводила себя в порядок, Эрик успел сменить рубашку, которую подрала мисс Дженни. Кошка, кстати сказать, выглядела крайне недовольной, что приходится делить жизненно пространство с таким безжалостным типом, поэтому в знак протеста растянулась поперек кровати в две свои длины.

— Совершенно невоспитанная тварь, — заявил Эрик, когда она зашипела на него, стоило ему попытаться стряхнуть мисс Дженни на пол.

Прежде чем я успела ойкнуть, раскрылся портал, и кошка провалилась сквозь кровать.

— Опять?! — взвыла я. — Эрик!

— Я открыл портал напрямик на кухню, так что не думаю, что она будет в обиде, — он шагнул ко мне с платьем бирюзового цвета. Яркого-яркого, как морская гладь в солнечный летний день. — А вот уважать меня научится.

— Скорее, научится гадить тебе в ботинки, — скептически заметила я, а потом кивнула на платье. — Мне нужно надеть корсет и белье, а они остались в мастерской.

— Не нужно, — уверенно заявил он. — Сегодня ты ходишь без него.

— Без чего? — уточнила я. — Без корсета или без белья?

Да, кажется общение с Эриком не прошло для меня бесследно.

— И без первого, и без второго.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда ты заплетаешь мне косу.

— Что?

Его лицо надо было видеть.

— Косу, — сказала я. — У меня как раз есть лента под это чудесное платье.

Не дожидаясь ответа, направилась в свою спальню, а вернулась уже с лентой, которую мне вернул Ирвин. Вручила ее Эрику.

— Вот.

Он приподнял брови.

— Ты точно этого хочешь, Шарлотта?

— Разумеется. А что? — невинно посмотрела на него.

— Ничего, — Эрик плотно сжал губы, и это меня всерьез насторожило. Я даже халат поплотнее запахнула, на всякий случай.

— Ничего?

— Не считая того, что в Иньфае женщина просит мужчину разобрать ей прическу, если приглашает к близости.

— А если просит собрать?

— Это означает, что ей все безумно понравилось, и она ждет его на следующую ночь. Или в любое время, когда ему заблагорассудится.

У-у-у-у-у!

Я выхватила ленту из рук Эрика.

— Ты о чем-нибудь другом хоть иногда думаешь?!

— Точно не когда смотрю на тебя, — он провел пальцами по моей щеке. — Но косу тебе все-таки заплету.

Я отвела руки за спину, и он приподнял бровь.

— Тебе не понравилось, Шарлотта?

— Понравилось! Но я бы хотела, чтобы ты не сводил все наше общение к ... к...

— Интимной близости, — подсказал он.

Я сверкнула глазами и резко развернулась, направляясь к себе в спальню. Разумеется, меня тут же перехватили и притянули к себе.

— Не буду, — сказал он. — Если тебе это неприятно.

Не сказать, чтобы мне было это неприятно, но...

Додумать про «но» я не успела, Эрик мягко перехватил ленту из моих рук, а потом потянул за пояс халата. Попыталась перехватить, но он отвел мои руки в стороны: по-прежнему легко и ненавязчиво.

— Сначала я помогу тебе одеться.

Это прозвучало так, что мне разом перехотелось завтракать.

— По-моему, сейчас ты меня раздеваешь.

— Я же не могу надеть платье поверх халата. Точнее, могу, но смотреться это будет не очень, не находишь?

— Вы невыносимы, месье Орман!

— Эльгер.

— Что?

— Эльгер. Моя настоящая фамилия.

Эльгер... Какое знакомое имя! Но где я могла его слышать?

Тем временем с меня стянули халат, отбросили на постель, а после Эрик действительно подхватил платье.

— Повернись, Шарлотта.

От короткого приказа из головы вылетели все мысли.

Сама не знаю почему, рядом с ним я тоже постоянно думала о... об интимной близости.

Должно быть, это какое-то помешательство, иначе с чего мне покрываться мурашками под его взглядом, даже когда он меня не касается?

— А теперь подними руки.

Платье накрыло меня атласным облаком, скользнуло по чувствительной коже. Я вздрогнула, когда сильные пальцы коснулись шнуровки на спине: удивительно, но оно действительно позволяло ходить без корсета. Это я поняла, стоило Эрику плотно затянуть лиф. Плотно, но все-таки не настолько, чтобы я почувствовала себя сплюсненной сухой рыбиной, из которой выдавили все соки. И да, это ощущалось совсем по-другому: ткань ласкала кожу, плотно прилегала к груди, открывая сквозь окно декольте лишь дюйм ложбинки. Рукава тоже не были плотными: закрывая плечи, книзу они расширялись. Юбка без кринолина была совсем не пышной, но переливалась бликами, как морская гладь.

— Вернемся к прическе, — Эрик кивнул на постель.

Искренне порадовалась этой передышке, потому что даже одевание в его исполнении выходило крайне провокационным. Опустилась на краешек кровати, чувствуя, как атлас скользит по коже, не защищенной корсетом и нижней одеждой.

Кажется, я поняла, зачем это было нужно Эрику, потому что одна только мысль о том, что под платьем у меня ничего нет, отозвалась внутри возбуждением. И это ему я ставила в укор, что он ни о чем другом думать не может?!

Он отошел лишь ненадолго, за гребнем, а в следующую минуту его пальцы уже скользнули по моим волосам.

— Где мы будем завтракать? — спросила я.

Только сейчас вспомнила, что он сказал «идем», да и не торопились нам накрывать в спальне.

— В мастерской.

— В мастерской?

— Да, это идеальное место, чтобы начать новый день.

Должно быть, место действительно идеальное, и раньше я была бы счастлива начать день вместе с Эриком среди красок и холстов, в самой светлой комнате этого дома, но...

— А как же Камилла с Эммой?

— При чем тут Камилла с Эммой? — голос его прозвучал отстраненно.

Он заплетал мне косу, я видела, как льется лента, перекинутаая через мое плечо, с каждой секундой становясь все короче.

— Ты говорил, что Камилла твой друг. Точнее, ты ее так представил...

— Так и есть, Шарлотта. Камилла стала одной из немногих, с кем я мог быть собой.

— И долго вы... были в таких отношениях, о которых ты говорил?

Мысленно прикусила язык, но поздно. Вот почему, почему, когда дело касается Камиллы, я не могу держать его за зубами?! Почему я не ревную Эрика к той женщине с картин, жене его брата?

— Несколько месяцев. Ей нужно было понять, что мужчина не равно безжалостная тварь, а еще — что боль тоже может быть исцеляющей. Даже если основа под ней всего лишь темная страсть. Она училась чувствовать заново, и она научилась.

— Она в тебя влюблена?
— Возможно.
Возможно?!
— И ты так спокойно об этом говоришь?
— Я никогда ничего ей не обещал, а что обещал — все исполнил. Сейчас нас связывают исключительно деловые и дружеские отношения, все остальное — ее выбор.
— Тебе не кажется, что это слишком жестоко?
— Не кажется, — холодно ответил Эрик. — Наши чувства никоим образом не касаются других людей. Если бы я сходил по тебе с ума, а ты оставалась ко мне холодна, это был бы мой выбор. Ты тут ни при чем.
— А если бы случилось наоборот?
— Такого не случилось, Шарлотта, — негромко произнес он.
Но с Камиллой случилось.
Все-таки временами я совершенно его не понимала. Пожалуй, лучше свернуть этот разговор, тем более что спросить я хотела о другом.
— Может быть, мы позавтракаем с ними? — предложила.
Не сказать, что я буду счастлива завтракать с Камиллой, но вся эта ситуация все равно казалась мне дикой. Особенно после нашего с ней откровенного разговора.
— Нет.
— Нет?! Они же твои гости.
— Были, — произнес Эрик, подтягивая ленту и завязывая бант.
— То есть?
— То есть этой ночью они уехали. Камилла и Эмма сейчас на пути в Вэлею.

Глава 8

Мысли о Камилле не оставляли, возможно, именно поэтому завтрак вышел несколько скомканным. Эрик то ли чувствовал мое настроение, то ли сам был погружен в размышления, поэтому за столом мы едва перекинулись парой слов. Преимущественно, наш разговор сводился к тому, не передать ли мне то или это, и все в том же духе светских бесед. Отчасти я была рада этому недолгому затишью, потому что сегодня узнала о нем больше, чем за все время нашего знакомства.

Камилла уехала ночью: собрала вещи, взяла Эмму и отправилась на вокзал, чтобы успеть на ближайший поезд до Вэлеи. Как ни старалась я прогнать ее образ из головы, не получалось. Слишком сильное впечатление произвели на меня ее слова, но гораздо большее — то, что она не сказала. О чувствах к Эрику, которые сквозили в каждом ее слове: запертые, глубоко скрытые от самой себя. О муже, которого она ненавидела, от которого желала избавления. И все это под толщей ледяной брони, которая дрогнула лишь единожды. Когда она, не выдержав, выбежала из столовой, поэтому сейчас мне не давало покоя то, что Камилла уехала из-за меня.

Пусть даже Эрик и говорил о том, что мы не в ответе за чувства других людей, мне все равно казалось, что я была слишком груба, и, пожалуй, жестока.

Я могла бы, по меньшей мере, просто спокойно ее выслушать. Могла бы...

Но не стала.

И это тоже не давало мне покоя.

Заметив мое настроение, Эрик предложил съездить в город, и я согласилась.

Воцарившийся в Лигенбурге мороз смягчала городская ярмарка, открывшаяся к Празднику Зимы. Пока что она работала только по выходным, но ближе к новому году каждая из лавочек будет открыта семь дней в неделю. Сейчас они, украшенные разноцветными флажками и красочными коробочками, выставленными для привлечения внимания, создавали праздничное настроение.

Площадь короля Витейра, залитая холодным солнцем, сверкала высокими окнами и шпилями окружающих ее зданий, мимо нас проходили люди, богато одетые и не очень, родители с детьми, джентльмены и леди, парочки: ладони женщин чинно покоились на

сгибах локтей их кавалеров. Было что-то удивительное и волшебное в том, чтобы идти вот так рядом с Эриком, не скрываясь и не таясь. Встречая заинтересованные взгляды и отвечая на них улыбкой.

Город искрился рыхлым от холодов снегом, счастливыми лицами, ожиданием праздника. А в самом деле, ведь не так долго уже осталось до дня, когда надо будет украшать елку.

Мы как раз проходили мимо статуи короля Витэйра, и я вскинула голову. Если перед королевским театром освободителя Энгерии изобразили на лошади и с мечом, в камне, то здесь бронзовая статуя короля опиралась на трость, а голова была гордо вскинута.

— Восхищаюсь им, — сказала я. — Он столько сделал для своей страны.

— А даже если чего-то и не сделал, это дописали.

Вот не люблю, когда Эрик в таком настроении. Не люблю — и все!

— Витэйр действительно освободил Энгерию, — заметила я. — И ничего дописывать здесь не надо.

— Ну разумеется. А Робер Дюхайм просто стоял в сторонке и держал знамя.

— Робер Дюхайм? Это тот ужасный...

— Тот ужасный некромаг, который ценой своей жизни вытащил страну из-под лапы Луанской империи, да.

— Хм, — сказала я. — История говорит другое.

— История пишется теми, кому это выгодно, а ты слишком доверчивая, Шарлотта.

— Нельзя же жить, ни во что не веря.

— Чрезмерная вера приводит к разочарованиям.

— А чрезмерное недоверие — к несчастью, — заметила я.

— Несчастье — понятие субъективное.

Ой, нет.

Мы же выбрались в город не за тем, чтобы спорить, честное слово.

— Впрочем, есть кое-что, чего я понять не могу, — кивнула на оставшуюся за спиной статую. — У него было трое детей, законная жена и любовница, с которой он проводил все свое время.

— Опять в тебе говорят пережитки твоего пуританства.

— Дело не в пуританстве. А в том, что она была его постоянной женщиной.

— То есть временную ты бы поняла?

— Эрик! — воскликнула я.

— Разумеется, он не мог жениться на Милене Верроу. Во-первых, она была иностранкой недостаточно высокого происхождения (не считая того, что была куртизанкой), а во-вторых, ему нужен был династический брак.

— Недостаточно высокого происхождения? Тогда зачем он позволил ей поехать за ним?

— Вероятно, потому что любил.

— Вероятно, потому что он очень любил себя, — хмыкнула я.

— Без этого не стать королем, Шарлотта.

— Не сомневаюсь. Но вообще-то я говорила не о нравах, а о том, что я не слепо слеую своим идеалам, как ты, должно быть, считаешь. Умею отмечать как достоинства, так и недостатки.

Эрик приподнял брови.

— И вовсе я не маленькая наивная девочка, которая верит всему, что ей говорят, — я вздернула нос и направилась к ближайшей лавочке, где продавали чудесные расписные пряники.

Эти пряники я безумно любила в детстве: мягкие, с начинкой из варенья, залитые густой разноцветной глазурью, они так и притягивали взгляд. И неизменно пользовались спросом у горожан, поэтому сейчас возле прилавка толпился народ.

— А говоришь, не маленькая девочка, — донеслось насмешливое из-за спины. — Хочешь пряник?

— Нет! — я направилась к следующему лотку.

Краем глаза отметила, что Эрик отошел к соседнему, и хмыкнула.

Вот и ладно!

Вот и пусть себе идет.

У этого лотка было поспокойнее: на прилавке лежали невероятно красивые ручные зеркала. Каждое как произведение искусства, и я засмотрелась на них. Узорчатые рамки были выполнены так искусно, что мне захотелось коснуться ближайшего ко мне зеркальца. Коснуться выбитого орнамента, почувствовать его тяжесть в руке.

— Хотите посмотреть? — с улыбкой обратилась ко мне женщина за прилавком.

Пожилая, в теплой накидке и чуть растрепавшейся шали.

— Нет, я просто люблюсь...

— Полнейшая безвкусица, — донесся из-за моей спины голос.

Знакомый голос.

Я обернулась и встретила взглядом с Линой.

Изумление, отразившееся на ее лице, словами было не передать. Равно как изумление на лицах Ричарда, ее будущего супруга, и графини Вудворд. Видимо, они были до глубины души поражены тому, что судьба продолжает сталкивать их с такой, как я, в самый неожиданный момент. Если к подобной встрече вообще можно подготовиться.

— Безвкусица — это открыто кричать о своих вкусах, когда тебя об этом не спрашивают, — заметила я.

Не знаю, что стало тому причиной: не то замешательство, промелькнувшее на лице продающей зеркала женщины, не то воспоминания о труппе маэлонских актеров, вынужденных покинуть страну. Как бы там ни было, меня затрясло, и затрясло основательно. Особенно когда Лина вздернула нос:

— И это мне говорит та, знакомство с которой любой порядочной мисс, не говоря уже о леди, может стоить репутации?

— Если знакомство с леди вроде тебя считать благом, то лично я лучше от него откажусь.

Лина ахнула, зато вперед шагнул Ричард.

— Да как женщина вроде вас смеет...

— Прежде чем вы скажете еще хоть слово, — из-за моей спины выступил Эрик. —

Советую вам десять раз подумать.

— Вы мне угрожаете? — Ричард вскинул подбородок, раздувая ноздри.

— Что вы, я просто взываю к вашему благоразумию.

— Эвелина, виконт, идемте, — графиня королевским движением развернулась. — Они не стоят того, чтобы тратить на них время и мараться о разговоры с ними.

— Хорошо быть женщиной, правда? — поинтересовалась я, сложив руки на груди. —

Можно бросаться грязными словами, не опасаясь, что за них придется отвечать.

— Что-о-о?! — обратно леди Вудворд повернулась уже совсем не по-королевски, лицо у нее вытянулось.

— Вы меня прекрасно слышали, — хмыкнула я.

А потом оставила их за спиной.

— У вас чудесные зеркала, — сказала растерянной женщине. — Эрик, я хочу это. И еще, пожалуй, это. Мне под разные настроения.

— Какая наглость! — ахнула графиня.

— Эти, говоришь? — Эрик задумчиво оглядел мой выбор. — Как ты смотришь на то, чтобы взять еще вот эти?

— Тогда уже на каждый день недели по зеркалу.

— Хм... Почему бы и нет.

Через пять минут у нас было семь зеркал, а удивление женщины сменилось совсем другими чувствами, потому что глядя на нас, к ее лотку подтянулись еще несколько пар и молоденьких девушек со старшими спутницами. К счастью, когда Эрик подхватил сверток с упакованными зеркалами, Лины и ее сопровождения уже не было видно. К счастью, потому что я все еще кипела.

— Последний раз я видел тебя в такой ярости, когда мы уходили из театра... Хотя, пожалуй, нет. Даже тогда ты была спокойнее, — казалось, Эрик с трудом сдерживает смех.

— Тебе смешно? — я сложила руки на груди.

— Разумеется. Когда малышка Лотте рвется в бой...

— Отдайте зеркала, месье Эльгер.

— Зачем это?

— Затем, чтобы я могла без зазрения совести и вреда для них шмякнуть вас ридикулем по голове.

Эрик вздохнул, но сверток перехватил покрепче.

— И эта девочка со страстью к драке укоряла меня за то, что я хочу ее выпороть.

— У меня нет страсти к драке!

— А кто, выражаясь твоими словами, шмякнул меня книгой по голове?

— С тобой бесполезно спорить!

— Спор — вообще занятие бесполезное, — он усмехнулся. — Пойдем-ка лучше в одно уютное место...

— Зачем это? — повторила его слова.

— Затем, что у тебя нос красный, — он коснулся затынутыми в перчатку пальцами кончика моего носа. — А я не хочу, чтобы он пострадал.

Я сложила руки на груди и вздернула нос.

— Все равно я на тебя сержусь!

— Сердись, сколько тебе угодно Шарлотта, — в его интонации все-таки ворвался смех. —

Разве я могу тебе это запретить?

Ну вот и как, как с ним разговаривать после такого?

Сверток он мне так и не отдал, зато предложил руку.

— И что же это за уютное место? — спросила, чтобы сдвинуть разговор с точки про сердитую меня.

— Узнаешь.

Мы пересекли площадь Витэйра и едва свернули за угол на ближайшей улице, когда Эрик указал мне на витрину.

— А вот и оно.

Уютным местом оказалась небольшая пекарня, от которой шел такой запах, что мне немедленно захотелось есть. Даже несмотря на то, что с завтрака прошло не так много времени, а я привыкла обходиться без обеда, сейчас у меня просто голова закружилась. Эту самую голову я и подняла, чтобы рассмотреть вывеску: аппетитный рогалик цеплялся за ручку чашки, над которой шел пар.

«Кофейный уголок», — гласила вывеска.

Эрик толкнул дверь, и колокольчик негромко звякнул, оповещая хозяев о нашем визите. Впрочем, здесь и без нас было много народа: у прилавка толпились родители с детворой, пары и люди самых разных возрастов. Стоявшие за ним мужчина и женщина едва успевали раздавать пакеты, витрины быстро пустели, но так же быстро наполнялись свежей выпечкой, покрытой глазурью, кремом или шоколадом, которую выносил расторопный паренек в белом халате и колпаке. Я обратила внимание на несколько столиков у стены, и еще несколько — у дальнего окна. Два из них даже были заняты.

— Что это? — удивленно спросила я.

— Это называется кофейня, Шарлотта. В Вэлее таких полно, а «Кофейный уголок» — очень известная в Ольвиже сеть заведений.

— Кофейня?

— Да, что-то вроде ресторана, где можно просто выпить кофе и съесть что-нибудь вкусное. Выпить кофе и съесть что-нибудь вкусное не дома и не в ресторане? Чудно как-то!

Эрик кивнул на столики.

— Пойдем.

— А разве мы не должны сначала что-то купить?

— К нам сейчас подойдут.

И правда, стоило нам устроиться за столиком, к нам тут же приблизилась девушка со скрученными в тугую косу волосами, в персиково-солнечном платье и белом переднике. К фартучку был прикреплен бумажечка в форме рогалика, на которой было написано ее имя: мадемуазель Сесиль.

— Добрый день, месье. Мадам. Прошу.

Хотела сказать, что никакая я не мадам, но меня опередили.

— Добрый день. Благодарю, — Эрик принял меню из ее рук. Одно протянул мне. — Что мне нравится в «Кофейном уголке», в любой стране чувствуешь себя, как дома.

Последнее он произнес, когда девушка отошла.

Я тоже успела обратить внимание, что здесь повсюду вэлейские мотивы: плетеные стулья, столики с узорчатыми ножками, панно с видами Ольвижа и Лавуа, столики украшены букетиками сушеной лаванды, в интерьере преобладают светлые тона. В кофейне было так тепло, что я порадовалась возможности оставить одежду на тяжелой кованой вешалке рядом с импровизированным комодом (ее туда отнес Эрик). Сейчас он странным пустым взглядом смотрел на крохотные ящички, ручки которых были украшены (видимо, к предстоящему празднику), множеством милых мелочей.

— Скучаешь по дому? — спросила я.

— Мне не по чему скучать. — Эрик кивнул на меню и раскрыл свое.

Я последовала его примеру, и едва взглянула на первую страницу, как у меня разбежались глаза. Столько самых разных сладостей мне видеть еще не доводилось. Успела лишь бегло просмотреть треть представленных здесь лакомств, когда меня огорошили предложением:

— Как ты смотришь на то, чтобы переехать в Вэлею?

— А говорил, не скучаешь.

За этой фразой я попыталась спрятать неловкость, возникшую после его слов. Переехать в Вэлею? Это же совсем другая страна! Другая, далекая от моей родной Энгерии, со своими традициями и укладом жизни. Не говоря уже о том, в качестве кого я поеду с Эриком.

— Не скучаю. А вот тебе будет проще в Вэлее.

— Проще? Чем?

— Например, никакая свистелка, встреченная тобой на улице, не сумеет испортить тебе настроение.

Я хотела сказать, что Лина вовсе не испортила мне настроение, но в эту минуту к нам снова подошла девушка.

— Кофе. Без сахара, — коротко произнес Эрик, откладывая меню.

— А вам? — девушка улыбнулась мне, и на ее щеках заиграли ямочки.

— Не представляю, что выбрать, — честно призналась я.

— А что вам нравится?

— Тарт с лавандовым сиропом, — Эрик, по всей видимости, решил, что наш разговор слишком затянулся. — И кофе. С молоком, ванилью и сахаром.

— Спасибо, что позволил выбрать, — заметила я, когда девушка снова оставила нас одних.

— Ты все равно не представляла, чего хочешь, Шарлотта.

Вздыхнула. И в этом он весь, ничего с этим не поделать.

Разве что снова объяснять, что я не привыкла, чтобы за меня принимали решения, но настроения на это сейчас не было. Тем более что впереди маячил гораздо более серьезный разговор, чем выбор торта в кофейне.

— Я не уверена, что хочу переезжать.

— Почему?

Вопрос поставил меня в тупик. Для него что, действительно все так просто?

— Во-первых, потому что у меня есть работа и обязательства...

— Если тебе так угодно, работу всегда можно найти в Вэлее.

Угодно ли мне?!

— Хотя я считаю, что сейчас тебе нужно сосредоточиться на учебе. Обучение магии гораздо важнее того, что ты будешь корпеть над декорациями или чем-то подобным.

— Это позволю решать мне, — я внимательно посмотрела на него. — Ты что, всерьез считаешь, что я могу просто так бросить все и сорваться в другую страну?

— Почему нет?

Снова это «почему»!

— Потому что! — в сердцах воскликнула я. — Потому что здесь мой дом...

— Где?

Действительно, где?

В Фартоне, рядом с леди Ребеккой, которая видеть меня не хочет и знать не желает, которая будет рада, если я исчезну с лица земли. Или в Дэрнсе? Где у меня есть одна на двоих с Эриком кровать и несколько футов личного пространства, которые появляются, когда он того пожелает?

— Спасибо, что напомнил, — сказала я.

И отвернувшись к окну, скрывая готовые выступить на глаза слезы. К счастью, мне удалось с ними сладить: такой сыростью, как я разводила в последнее время, можно было подточить с десяток основательных камней и уничтожить парочку небольших библиотек.

— Шарлотта, — Эрик коснулся моей руки, но я ее тут же отдернула. — Шарлотта, посмотри на меня. Я вовсе не это хотел сказать.

— Но сказал ты именно это, — я подняла на него глаза. — Может, у меня пока ничего нет, Эрик, но у меня есть сердце. И я всем сердцем люблю Энгерию, потому что это моя страна. Лигенбург... может, это не идеальный город, укрытый под вуалью промышленного дыма, но он мне нравится. Мне нравятся промозглые вечера и летняя жара, отражающаяся от пыльного камня. Нравятся закаты, играющие в куполе Миланейского собора. Да, я люблю место, где я живу, и я не считаю, что мне стоит бежать отсюда только потому, что сейчас у меня нет дома, как ты выразился. Потому что мой дом здесь.

Удивительно, но только сейчас, во время этого разговора я наконец поняла, что люблю этот город. Несмотря на душивший меня камень, несмотря на удаленность от моря, природы и суету, я действительно полюбила столицу Энгерии. Такой, какая она есть.

— Ты любишь все, Шарлотта.

Прежде чем успела возразить, Эрик поднял руку.

— Просто потому, что не умеешь иначе. Мне кажется, ты даже дождь любишь просто за то, что он идет, а снег — за то, что падает тебе на щеки.

— Это плохо? — спросила я.

— Нет. Это не плохо. И я не предлагаю тебе бросить все это сразу. Я просто хотел сказать — когда задал вопрос «где» — что кроме Энгерии ты не бывала ни в одной стране. Так откуда ты знаешь, где твой дом?

На такое я даже не нашлась, что ответить. Именно в эту минуту девушка приблизилась к нам с подносом и на удивление ловко составила на стол кофейник, соусницу, сахарницу и крохотный кувшинчик со сливками, тарелочку с тартom, приборы, чашки и блюда.

— Приятного аппетита, месье. Мадам, — она снова улыбнулась, и, прижимая поднос к груди, отошла.

Эрик подал мне белоснежную накрахмаленную салфетку, и занялся своей, после чего наполнил мою чашку густым ароматным кофе. Я смотрела за тем, как он добавляет сливки и ванильный соус, и думала о том, что он прав.

Отчасти.

— А ты уже нашел свой дом? — спросила я.

Эрик покачал головой.

— Я слишком много путешествовал, чтобы считать своим домом какое-то одно место.

— Но ведь ты родился в Вэлее?

— Да, и с ней у меня связано слишком много воспоминаний, о которых я хочу забыть.

Иньфай — страна, где я обрел другого себя и настоящих друзей, но жить там... нет, пожалуй, я бы этого не хотел. Разве что заглянуть ненадолго, чтобы вспомнить как это было. Маэлония для меня слишком шумная, в Намийе еще больше правил и ограничений, чем в Энгерии. Какое-то время я думал о том, что смогу остаться здесь, но пуританские нравы — это тоже не для меня. От них хочется не то задуться, не то придушить кого-то.

— Да, — с губ сорвался смешок. — Вам сложно угодить, месье Эльгер.

— Сложно — не то слово, — он усмехнулся и пригубил кофе. — Мне кажется, Вэлей тебе понравится. Особенно Лавуа и побережье. Хочу показать тебе эти места.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой, — ложечка в моей руке дрогнула, так и не коснувшись тарта. — Почему?

— Ты больше подходишь полям аламеены и лаванды, Шарлотта, — ответил он. — Гораздо больше, чем пыльному камню. Так что подумай над моими словами.

Наверное, в его словах не было ничего такого, но ложечка все-таки звякнула о край тарелки. Наверное, я ждала других.

Каких?

Будь моей женой, Шарлотта?

— Подумаю, — сказала я.

Лаванда немного горчила, и кофе тоже. Если не обращать на это внимание, их мягкая сладость была потрясающе тонкой, а крем и песочное тесто таяли на языке. Тарт исчезал с моей тарелки непростительно быстро для мисс, на нем я и сосредоточилась. Стараясь не думать о легкой горечи на сердце. И о том, каким для меня окажется послевкусие нашего знакомства, если я не захочу уезжать.

Глава 9

— Ты научишь меня делать магические огоньки?

— Что?

— Магические огоньки, — повторила я. — ну, как тот, который нужно было сжимать в руке, если мне что-то не понравится?

Эрик поперхнулся кофе. Вообще-то сейчас он восседал в кресле, с блюдцем и чашкой, и это единственное, что выбивалось из образа строгого учителя. В остальном он себе не изменял: темные одежды, запечатанные под горло, и тяжелый, сосредоточенный взгляд. Таким он становился всякий раз, когда мы практиковались с магией (Эрик следил за каждым моим движением с таким видом, словно я могла по меньшей мере разрушить мир).

Вот и сейчас передо мной на столе в горшке стояло несчастное растение. Несчастное, потому что оно увяло и единственный цепляющийся за жизнь листочек уже начинал желтеть. Откуда Эрик его притащил, я не имела ни малейшего понятия. Оставалось только надеяться, что цветок не специально приморили ради моего первого экзамена. По крайней мере, Эрик назвал это именно так. За две недели обучения (не считая дней до ночи нашего примирения) мне впервые предстояло нечто столь ответственное.

— Не отвлекайся, Шарлотта, — напомнил он. — Магические огоньки не имеют никакого отношения к тому, что тебе нужно сделать. Хотя вообще-то это называется сигнальная сфера.

— Как?

— Сигнальная сфера. Приступай.

У меня слегка вспотели ладони.

Да, одно дело — случайно оживить букет срезанных роз, совсем другое — то, что отчаянно пытается выжить, с крохотными корешками в пересохшей земле. При мыслях об этом глаза подозрительно защипало, и я поспешно сосредоточилась на текущей внутри меня силе. Все-таки это оказалось удивительно: чем больше она раскрывалась, тем ярче я чувствовала окружающий меня мир.

Растения, птиц, животных... мисс Дженни, например, которая сгрызла ботинки Эрика и разодрала его подушку. Когда она собралась сделать ему пакость в третий раз, я это почувствовала и успела предотвратить. Вытащила ее из ящика комода за пару секунд до пакости. Все потому, что кошачье недовольство отпечаталось внутри меня и заставило оторваться от картины.

Да, я снова писала, в свободное от работы и занятий магией время. Снова поймала этот порыв, когда бежишь в мастерскую, чтобы творить, даже если глаза уже слипаются.

Мастерская, кстати, у нас была одна на двоих, и мне отчаянно нравилось изредка бросать взгляд над своим мольбертом, чтобы увидеть, как пишет Эрик. Я ни словом не обмолвилась о том, что он восстанавливает для меня «Девушку» (и он тоже, к счастью: должно быть, посчитал, что ткань с мольберта съехала сама).

Так мы и писали.

Он — ее, а я... а я образ, который не давал мне покоя.

Временами я чувствовала на себе его взгляд, и тогда мне хотелось улыбаться. Мне вообще в последнее время хотелось то улыбаться, то плакать, но Эрик сказал, что это нормально.

Раскрытие магии, особенно магии жизни, влечет за собой пробуждение самых глубинных чувств, поэтому такие смены настроения — в порядке вещей.

Глубоко вздохнула и сосредоточилась на цветке.

Тоненький сухой стебелек торчал из земли, и я прикрыла глаза, чтобы почувствовать в груди согревающую искорку. Эта искорка разгоралась, становясь уютным теплом, какое обычно чувствуешь, сидя у камина. Я помнила, что Эрик рассказывал про безопасность, поэтому в кончики пальцев направила самую малость. Ровно столько, сколько, как мне казалось, нужно для спасения несчастного цветка.

Приоткрыла глаза, глядя, как с рук сорвалось серебристое сияние. Мягко окутало цветок, вплетаясь в живой листочек, перетекая по стеблю к корням. Я смотрела, как зелень снова набирает краску, возвращаясь в растение жизненной силой, как сморщенная кожа разглаживается, и в стебелек тоже возвращаются краски. Медленно, и я решила немного добавить силы, снова направляя в пальцы тепло.

Вместо сухих обломков появились новые крохотные отростки.

Получается!

Я плеснула силой в цветок, чувствуя, как все внутри раскрывается от счастья.

Крак!

Горшочек разлетелся на части, а в следующий миг мне в лицо ударил порыв ветра. Точнее, порыв ветра скользнул по моему лицу, потому что меня отбросило от стола. Отбросило, оттащило: это я поняла уже когда шлепнулась на пол, глядя на Эрика, медленно вырастающего над креслом.

В библиотеке, где мы занимались, выросал не только он.

Растение, которое пару минут назад сухим задохликом торчало из небольшого горшочка, разбросало мощные корни вокруг стола. Стеблем вонзалось в потолок, по прожилкам многочисленных листьев бежали серебристые искры, в точности такие же, какие сейчас сыпались с моих рук.

— Ой, — сказала я.

— Ой? — Эрик недобро прищурился.

Нет, ой — это вот та штуковина, которая сейчас опасно кренилась на столе. А Эрик с таким выражением лица — это ой-ой-ой.

— Давай ее в садик... посадим?

— В садик?!

— В садик. У тебя за домом.

— Сейчас зима, Шарлотта, — напомнил он. — Это раз.

— А два? — я осторожненько (благо, платье позволяло), отползала к ступенькам и перилам.

Рядом с ними подниматься проще.

— А два — это то, что я говорил про перерасход силы.

— Какой перерасход? — руки у меня дрожали вовсе не потому, что я что-то там перерасходовала, а от напряжения.

— Силы. А ну, иди сюда.

— Зачем? — и правда, держась за перила, подниматься гораздо проще.

— Потому что я предупреждал тебя, что будет, если ты станешь рисковать собой.

— Тогда в большой горшок, — я прикинула расстояние от лестницы до двери, и сделала вид, что дверь меня совсем не интересует.

— Думаешь, это шутки, Шарлотта?

— Нет, разумеется! — я мило улыbnулась, а потом шустро взлетела по ступенькам, дернула дверь на себя и нырнула в коридор.

До неприличия задрал платье, петляя коридорами, пролетела аккуратно до столовой (где нам должны были накрыть ужин), распахнула дверь и чуть не сбила с ног Тхай-Лао. Благо, он успел отступить в сторону и подхватить меня.

— Мисс Руа, что случилось? — в его голосе слышалась искренняя тревога.

Надо отдать должное, наши отношения после откровенности Эрика стали значительно теплее. После той ночи он перестал смотреть на меня с видом подмороженной рыбины, и я при всем желании уже не могла злиться на него за прошлое. Учитывая, через что им с братом и Сюин пришлось пройти, и наши с Эриком непростые отношения, его поведение можно было понять.

— Ничего, — яправила юбки и глубоко вздохнула. — Просто я сдавала экзамен и проголодалась. И сейчас мы будем...

— Не будем. Точнее, будем, но позже, — появление Эрика заставило меня взвизгнуть и спрятаться за спину Тхай-Лао.

— Что происходит, Пауль? — пробормотал совершенно сбитый с толку иньфаец.

— Мисс Руа рисковала собой, — коротко ответил тот. — Шарлотта, иди сюда. Тхай-Лао тебе не поможет.

— Поможет! — заявила я. — Потому что в отличие от вас, месье Эльгер...

Я хотела сказать, что Тхай-Лао гораздо более обходителен с девушками, чем он, но в эту минуту у меня закружилась голова. Потолки скакнули вверх, и я поняла, что падаю.

— О-о-ой, — прошептала я, потому что перед глазами плавали большие круги и взволнованное лицо иньфайца. — О-о-ой, — добавила уже громче, потому что из кругов выплыло лицо Эрика, который подхватил меня из рук Тхай-Лао.

— Ужин в спальню, — коротко распорядился Эрик, а потом развернулся, из-за чего кругов перед глазами стало значительно больше. Плечом толкнул дверь и шагнул в коридор. Сейчас я при всем желании не могла бы сопротивляться, потому что чувствовала себя слабой, как месячный котенок. Руки при попытке их поднять даже не шевелились, ноги тоже, я вся просто стекла в сильные объятия Эрика, напоминая живую куклу. Тепла в груди как ни бывало, зато в ней кололо иголочками. Противными такими, ледяными. В точности так же кололо ладони, сквозь которые несколько минут назад проходила моя магия.

— Ч-ч-то со мной? — выдохнула я.

— Магическое истощение. Первая ступень, — коротко отозвался Эрик.

Магическое истощение?! Из-за одного цветочка?

— И...

— И сейчас ты будешь молчать, Шарлотта, потому что я правда очень зол.

Мы вошли в спальню, где меня опустили на кровать. Круги перед глазами продолжали плавать, в них добавились искорки, и мне вдруг стало страшно. Особенно когда Эрик исчез из поля зрения, а потом что-то звякнуло. Попыталась повернуть голову, но она словно приклеилась затылком к подушке и стала очень, очень тяжелой.

Со стороны окна раздался плеск, что-то сверкнуло, а потом Эрик приблизился ко мне с зельем, подозрительно напоминающим воду после смыва акварельных красок. С той лишь разницей, что оно было гуще, а внутри поблескивали искры. Оранжевые такие. Они вспыхивали и гасли, из-за чего стекло переливалось огоньками, как праздничная ель. Стакан отправился на тумбочку, Эрик вздернул подушки, устраивая меня поудобнее.

— Пей, — мне сунули под нос подозрительную жидкость.

Хотела возразить, но поняла, что не стоит. Судя по его лицу, не стоило не только возражать, но и медлить, поэтому послушно коснулась губами стакана и сделала глоточек. На вкус оказалось, как варенье из лимона, смешанное с сиропом от кашля, и я послушно проглотила все. Эрик, все еще хмурясь, взял мою руку в свою, пристально вглядываясь в лицо. Что он там хотел увидеть?

Или я теперь оранжевыми крапинками пойду?

Как бы там ни было, слабость стремительно отступала. Сначала исчезли ледяные иголочки, потом — круги перед глазами. Руки перестали напоминать плети: по крайней мере, теперь я могла пошевелить ими без ощущения, что пытаюсь на ниточках поднять сваи. Правда, Эрик по-прежнему держал мою ладонь в своей, и строгость с его лица не сходила.

— И что теперь? — спросила я, подавив желание отползти.

Отползать, правда, было некуда.

— Теперь, Шарлотта, ты будешь отвечать за свой поступок, как взрослая девушка...

— Я не позволю...

— И как взрослая девушка, — он удивительно легко меня перебил, даже не повышая голос, — ты сейчас разберешь все ошибки, которые допустила во время урока. Приступай. Что, и все?

Я недоверчиво покосилась на него, но он не сказал больше ни слова. Даже о том, что будет, если я что-то скажу неправильно.

— Думаю, я переоценила свои силы...

— В какой момент?

Задумалась.

— Когда увидела первый успех, наверное. Мне показалось, что все происходит слишком медленно, и я решила добавить магии.

— Что ты почувствовала?

— Тепло...

— Нет, я сейчас говорю не о физических ощущениях. Об эмоциях.

— Радость. Радость, а еще воодушевление.

— Что еще?

Я закусила губу.

— Не знаю, как это назвать. Чувство, что я могу все, и даже больше. Восторг...

— Детский.

— Не детский! — возмутилась я.

— Именно детский. Только ребенок может так опрометчиво разбрасываться силой.

Впрочем, это ошибка большинства начинающих магов. Учитывая, что все постигают азы в детстве, им это простительно. Им, но не тебе.

Я вспыхнула, и в этот момент в дверь постучали.

— Заходите.

Тхай-Лао и Сюин вошли в комнату с подносами.

— Поставьте на стол. Спасибо, — Эрик едва взглянул в их сторону и кивнул в знак благодарности, а стоило им выйти, снова повернулся ко мне.

— Я не ребенок! — воскликнула возмущенно.

— Нет, но ты ведешь себя, как ребенок, Шарлотта. Мы несколько раз проходили теорию и практику безопасности, и все равно ты ей пренебрегла. Зная о том, к чему это может привести.

— Это...

— К чему это может привести? Именно мага жизни?

Я вздохнула. Да, мы действительно очень долго отрабатывали безопасность, учитывая то, что для мага жизни последствия такого могут оказаться весьма и весьма плачевны. Эрик объяснял мне про магическое истощение, первая ступень сопровождалась головокружением и упадком сил, особенно чувствительным в первый час после случившегося, вторая — потерей сознания и длительным восстановлением, третья приводила к тому, что маг лишался возможности пользоваться силой в течение какого-то времени, четвертая была смертельной. Маги жизни проходили все четыре ступени гораздо быстрее остальных за счет особенностей светлой силы: если дать ей волю, она утекала и впитывалась во все живое быстрее любой другой.

— К гибели, но я...

— Ты рисковала своей жизнью.

— Нет! — взвилась я. — Ты же был рядом со мной!

— Это ничего не меняет. В следующий раз меня может не быть рядом, когда ты захочешь спасти на улице цветочек, кошку или собаку. И что тогда?

— Я буду осторожна, — пообещала я.

— Будешь, — негромко произнес Эрик. — Потому что сейчас я сделаю то, что обещал, и повторения этого ты точно не захочешь.

— Нет! — выдохнула я. — Ты не станешь меня наказывать! Я тебе не позволю.

— Это не наказание, Шарлотта. Это урок.

— Урок чего?!

— Урок по обращению с магией. Иди сюда, — он указал себе на колени.

— И не подумаю! — замотала головой.

— Иди сюда, — повторил он.

Глядя в это непроницаемое лицо, сложно было представить, что с этим мужчиной я засыпаю бок о бок уже две недели. Что мы провели с ним столько времени, просто гуляя по улицам Лигенбурга, сидя в мастерской друг напротив друга или просто за столом, когда я рассказывала ему, как прошел день в театре.

— Эрик, — предприняла последнюю попытку. — Ты же знаешь, что на первой ступени истощения после восстановительного зелья полагается сытная еда?

— Вот именно. Поэтому чем быстрее мы закончим, тем быстрее приступим к ужину.

Непробиваемый!

— Если ты это сделаешь, — воскликнула я. — Я с тобой три дня не буду разговаривать!

— Да хоть три месяца.

Воспользовавшись моим замешательством, он подхватил меня подмышки и дернул на себя, аккуратно поперек коленей. В следующий миг мне уже задрали платье, а штаны дернули вниз. Я даже пискнуть не успела, когда первый удар ожег ягодицу.

Это вышло действительно больно и очень унижительно: учитывая, что я могла видеть подол платья на уровне своего плеча. Попыталась брыкнуться, но ладонь Эрика (та самая ладонь, которая только что прошла по моей попе, легла мне на затылок.

— Не заставляй меня применять магию.

Применять магию, применять магию, да чтоб тебя разорвало!

Второй удар вышел не менее болезненным, хоть и пришелся на другую половину. Я вцепилась в покрывало с такой силой, что оно жалобно треснуло. Или это хлесткий звук удара разорвал тишину? Я уже не знала. Знала только, что ягодицы горят огнем, и каждый новый удар обжигает все сильнее.

За что?

За то, что я спасла тот дурацкий цветок?!

Или просто потому, что он хотел это сделать? Хотел все это время, с той самой минуты, когда мне это пообещал?!

На глаза навернулись слезы, хоть я и обещала себе, что не стану плакать.

Особенно когда очередной удар вспыхнул болью на коже, заставив вздрогнуть всем телом.

Еще один.

И еще.

Я закусила губу, чтобы не закричать. Закусила, потому что знала, что больше не выдержу. Готовилась к следующему шлепку, но вместо этого ладонь скользнула по горячей коже почти нежно, вызывая целую гамму чувств: от болезненной вспышки и прокатившейся по телу жаркой волны до желания побольнее треснуть Эрика чем-нибудь тяжелым. Сейчас его рука казалась чуть не ледяной, и я дернулась, особенно когда он сжал пальцы.

— Урок закончен? — прошипела сквозь зубы.

— Да.

— В таком случае уберите от меня свои руки, месье Эльгер!

— Кажется, ты обещала не разговаривать со мной три дня.

Нет, он еще и издевается!

Если бы не моя поза, в которой я торчу на его коленях с оттопыренной пылающей попой, я бы ему все сказала. А впрочем, ничто не мешает мне сделать это сейчас.

— Я вас ненавижу!

— Это пройдет, — одной рукой он придерживал меня, чтобы я не могла подняться, другой скользил по пылающим ягодицам.

— Отпустите, — повторила я. — Отпустите, или я буду кричать!

— Ты всегда пугаешь тем, что будешь кричать, но еще ни разу не закричала, Шарлотта.

Ах, так?!

Я набрала в грудь побольше воздуха, готовая ему доказать, что сигнальный артефакт по сравнению со мной — детская свистулька, но неожиданно Эрик меня отпустил. Подтянул штаны вверх, заставив вздрогнуть от скольжения ткани по болезненной коже, а потом одернул подол.

— Приводи себя в порядок, и будем ужинать.

— Приводи себя в порядок?! — я оттолкнулась от кровати и вскочила. — Ты правда думаешь, что я буду ужинать с тобой?!

— Разумеется, будешь.

— Ха. Ха. Ха, — выразительно сказала я и пнула ни в чем не повинную кровать. Глядя в это непроницаемое лицо, постаралась улыбнуться как можно более издевательски: — Да меня стошнит, если я сяду за стол рядом с вами!

— Я жду, — произнес он.

И поднялся с таким видом, словно ничего не произошло.

Чувствуя, что еще немного — и я запущу в него подносом вместе с едой, метнулась в ванную, захлопнула дверь и закрыла ее на щколду. Скользнувший в крохотный зазор между дверью и стеной туман тут же вытолкнул ее из паза.

— Не смей от меня запираяться, Шарлотта.

У-у-у-у!!!!

Я подхватила первое, что попало под руку, то есть щетку для волос, и шваркнула ее о стену. Следом полетели бритвенные приборы вместе со стаканом, который разлетелся осколками. Именно брызнувшее в стороны стекло меня отрезвило, я вцепилась в туалетный столик и взглянула в зеркало. Лицо горело ничуть не меньше, чем ягоды, вот только если дотронуться до лица, не возникало чувства прикосновения раскаленного железа.

Ненавижу Эрика!

Ненавижу!!!

Ужинать с ним. Да меня и правда стошнит!

Подхватила щетку, стараясь не пораниться разлетевшимися осколками. Расплела косу, пропуская ленту между пальцами, расчесала волосы. Может, к ужину и не положено выходить в таком виде, но сейчас мне было наплевать. Единственное, о чем я жалела — так это о разбитом стакане. В конце концов, ни Тхай-Лао, ни Сюин не виноваты в том, что Эрик извращенец и ему нравится такое.

Вздохнув, опустилась на корточки и принялась осторожно сгребать стекло с помощью бамбукового стебля. От неудачного движения ткань панталон натянулась, вжимаясь в кожу, и я зашипела от боли. Спасибо хоть не бамбуком, и не... взгляд зацепился за нижний ящик, и меня передернуло.

И не тем, что я видела там, да.

Когда осколки собрались в кучу, закусил губу. Здесь не было ни совка, ни метелки, чтобы их выбросить, поэтому решила разобраться с этим позже. Ополоснула руки и лицо, промокнула их полотенцем и, гордо вскинув голову, вышла в спальню. Эрик уже успел расставить блюда на столике у камина (насколько они там поместились). Часть вместе с подносами перекочевала на каминную полку, сдвинув древесные статуэтки и колбу с россыпью разноцветных камней.

— Садись, Шарлотта.

Нет, он точно издевается.

— Я лучше постою, — хмыкнула я. — А вам, месье Эльгер, пусть будет стыдно.

— Я думал, что мы уже закрыли тему моего стыда, — хмыкнул Эрик. — В частности того, что у меня его нет.

Это уж точно.

— Садись, Шарлотта, или ты хочешь, чтобы усадил тебя к себе на колени?

От такого предложения мне стало дурно.

Стараясь не морщиться и вообще ничем не показывать своих чувств, опустилась в мягкое кресло. Не сказать, что сидеть было приятно, но в целом терпимо. Хотя желание треснуть Эрика подносом только усилилось.

— Ешь, — он подвинул ко мне тарелку с мясом, овощами и фруктами.

Это выглядело странно, но в Иньфае, насколько я понимаю, и не такое готовят.

Подтянула блюдо к себе и безо всякого аппетита отправила кусочек в рот. После первой ступени магического истощения мне полагалось быть голодной, но голодной я не была, поэтому едва поковырявшись в еде, глядя на танцующее в камине пламя, вернула тарелку на стол.

— Тебе надо поесть, — донеслось со стороны Эрика.

— Надо же, я так старательно не смотрела в вашу сторону, что почти о вас забыла. Не могли бы вы пореже напоминать о себе?

— Не мог бы. Ешь, Шарлотта.

— Я не хочу.

— Меня не интересует, что ты не хочешь. Тебе нужны силы для скорейшего восстановления. Ешь.

Я хотела сказать, что мне нужно, чтобы меня оставили в покое, но передумала. Чем меньше я на него смотрю и разговариваю с ним, тем проще. Снова подтянула тарелку к себе, чуть ли не с ненавистью глядя на еду. Никогда не думала, что меня будет так воротить от вкусного, в общем-то, блюда. И уж тем более не думала, что я когда-нибудь откажусь от еды, потому что обычно мне ее всегда не хватало.

Хм... может, про мой любимый жареный бекон подумать?

Я подумала, и меня затошнило.

Затошнило так сильно, что к горлу подкатил ком.

— Тебя покормить, Шарлотта?

Крутящаяся на языке колкость так и не сорвалась. Все потому, что ком двинулся выше, и я стремительно сорвалась с места. Едва успела добежать в ванную и захлопнуть дверь, как жалкое количество съеденного решило меня оставить. Влетевший следом Эрик бросился ко мне, и я резко вскочила. Перед глазами снова замельтешили звездочки, и я провалилась в темноту.

Глава 10

Впервые за долгое время утро началось не с солнечного света, вливающегося в комнату, когда Эрик раскрывал портьеры. Надо отдать ему должное, в спальне стало значительно светлей с тех пор, как мы начали засыпать и просыпаться вместе. Учитывая, что работать приходилось очень напряженно, а потом еще и учиться, спала я хорошо, ни разу не просыпалась по ночам. Этой ночью я тоже не просыпалась, но утро субботы застало меня в том самом состоянии, когда не хочется открывать глаза. Не хочется не то что вылезать из постели, но даже просто шевелиться.

Иногда, когда что-то случается, засыпаешь, а утром становится легче. Хотя бы в те краткие секунды, когда ты еще на грани яви и сна, но сегодня был не тот случай. Я отчетливо помнила, что случилось на этой самой кровати, и сейчас почему-то было гораздо больнее, чем вчера. Хотя (как ни странно) ягодицы больше не горели огнем, горело что-то внутри. Горело так, что становилось нечем дышать.

— Доброе утро, Шарлотта.

Я не стала отвечать. Не стала даже поворачиваться на голос, просто лежала, не открывая глаз. Наверное, за заслонками век нельзя спрятаться, но мне было все равно.

— Я знаю, что ты не спишь.

Знает он, надо же.

— Когда ты потеряла сознание, я проверил твой магический потенциал, — шаги заставили меня внутренне сжаться, и Эрик остановился. — Он был значительно ниже допустимого, несмотря на зелье, которое я тебе дал. Ты хоть понимаешь, чем могла закончиться твоя безответственность?

— По-моему, мы оба знаем, чем она закончилась, — хмыкнула я.

По-прежнему не открывая глаз.

— Шарлотта. Посмотри на меня.

Понимая, что дальше молчать бессмысленно, приподнялась и села на постели. Солнца и правда не было, я угадала: раскрытые портьеры и перечеркнутое рамами окно впускали в спальню пасмурный день. Тяжелые тучи запечатали небо серостью, не позволяя пробиться даже кусочку цвета.

Пусть так. Может, пойдет снег и станет теплее.

Эрику пришлось обойти кровать, чтобы поймать мой взгляд, и я с трудом заставила себя его выдержать.

— Магия — не игрушка, Шарлотта.

— А я не играла, — ответила спокойно. — У меня был экзамен, и я его не сдала. Мне кажется, говорить об этом больше не стоит. Если ты, разумеется, не хочешь поговорить о чем-то еще, но не знаешь, как иначе начать.

Он прищурился.

— Мне не нужно прятаться за словами.

— Ну разумеется. Зачем прятаться за словами, когда можно просто наказывать.

— Ты вчера потеряла сознание, — повторил он. — А потом провалилась в сон, не приходя в себя. По-твоему, это нормально?

— Ты вчера сделал мне больно, Эрик. По-твоему, это нормально?

— У тебя сейчас что-нибудь болит?

Я задохнулась от его спокойного тона. То есть вчера, когда я лишилась чувств, он намазал меня каким-то зельем, и теперь считает, что все в порядке?! Представила себе, как Эрик ко мне прикасался: снова, после того, как...

Мне захотелось запустить в него подушкой.

А лучше двумя.

— Болит, — ехидно заметила я.

Вот теперь на его лице возникло замешательство.

Неужели?

— Где?

Я указала себе на грудь. Точнее, не указала, а ткнула, в ребра над сердцем.

— Знаешь, это не исцеляется зельями. Не все можно поправить зельями, Эрик, и не всегда все сходится на магии, — я обхватила себя руками. — У меня был выбор, уйти или остаться, и я осталась, потому что хотела быть с тобой. Потому что я тебе доверяла.

Доверие — разве это не то, о чем ты просил? Скажи, как можно доверять мужчине, который задирает тебе юбку и шлепает, как провинившегося ребенка?! И что ты придумаешь в следующий раз, чтобы это сделать?

Лицо его потемнело.

— Я. Ничего. Не придумывал. Я уже сказал, Шарлотта, это было не наказание, и не игра.

— Тогда что это было? — поинтересовалась я. — Ты просто решил сделать мне больно?

— Мне нужно знать, что в следующий раз ты основательно подумаешь перед тем, как безответственно использовать магию.

— В следующий раз я основательно подумаю перед тем, как использовать ее рядом с тобой! — выдохнула я, до боли сжимая кулаки. — Потому что могу случайно что-то напутать, что-то забыть, а после вместо совета и подсказки получу порку от мужчины, которого люблю!

После этих слов в комнате повисла тишина. Сейчас я готова была сама себя выпороть за то, что вообще это сказала. За то, что сказала это ему после всего, что было. За то (сейчас я отчетливо это понимала), что это действительно так. Что даже то, что он сделал, не может этого отменить.

Осознание ударило сильнее, чем все предыдущее вместе взятое. Я упала на подушки, рванула на себя покрывало, заворачиваясь в него с головой и пытаюсь избавиться от слов, звучащих в сознании.

«От мужчины, которого люблю».

Но если от слов можно избавиться — усилием воли заставить себя думать о чем-то другом, то от чувств вряд ли.

— Шарлотта, — его рука легла поверх одеяла, но я дернулась.

— Уйди, — попросила. — Просто уходи. Не трогай меня.

— Даже не подумаю, — покрывало поползло вниз, я вцепилась в него с удвоенной силой, но тщетно. Эрик сдернул его с меня, оставляя обнаженной во всех смыслах.

Обнаженной, потому что я сейчас сказала то, что не должна была говорить.

Не должна, не должна, не должна!

И чувствовать не должна тоже.

Я должна его ненавидеть после такого, но я не могла. Не могла, хотя внутри все сжималось от боли, стоило вспомнить, как меня перекинули через колено и все последующее унижение. А вот себя за такое я ненавижу могла, и сейчас отчаянно ненавидела. За свою слабость. За то, что готова просто расплакаться у него на глазах. За то, что когда его ладонь легла мне между лопаток, я отозвалась на это прикосновение всем своим существом.

Отчаянно.

— Эрик, если ты сейчас не оставишь меня в покое, я уйду, — подняла на него глаза. —

Если ты сейчас не выйдешь из этой комнаты, я уйду даже несмотря на то, что сказала раньше. Пойми, ты очень сильно меня обидел. Ты действительно сделал мне больно, но не рукой, а своим поступком.

Говорить было сложно, поэтому я говорила быстро. Чтобы успеть сказать ему все.

— До встречи с тобой я не могла даже представить, что в отношениях возможно такое.

Возможно, я мало знала об отношениях, и еще меньше о том, что такое любовь, но сейчас это сводит меня с ума. Меня сводит с ума сама мысль о том, что я могу однажды захотеть

чего-то подобного. Захотеть, чтобы ты делал мне больно, и раз за разом это принимать, как само собой разумеющееся.

Закусила губу, чувствуя подступающие слезы, и тут же продолжила.

— Я не знаю, зачем ты так поступил, но точно знаю, что как прежде уже ничего не будет. Если ты хочешь видеть рядом с собой девочку, которая покорно идет к тебе, чтобы ты мог ее наказать, это не про меня. В следующий раз я буду сопротивляться, и в следующий раз тебе действительно придется использовать магию. Надеюсь, ты это понимаешь. Очень надеюсь, что ты это понимаешь, потому что если нет...

Он смотрел мне в глаза и молчал.

Молчал так долго, что я готовилась уже услышать очередной отказ, слова, что это его комната и все в том же духе, вместо этого Эрик поднялся. Мрачный и тяжелый, как небо за окном, взгляд, скользнул за мое плечо.

— Попрошу Сюин подать завтрак. Что ты хочешь?

— Не знаю. Мне все равно, — при мысли о еде желудок болезненно сжался. — Только не кофе. И не бекон.

— Как ты смотришь на то, чтобы после завтрака съездить на ярмарку?

— На ярмарку?

— Да, ты говорила о ней. Она проходит в небольшой деревушке под Лигенбургом.

Нахмурилась, вспоминая.

Ах, да! Та ярмарка, о которой говорила Луиза. Ярмарка, о которой я рассказала Эрику и на которую так хотела поехать.

Когда-то.

Сейчас казалось, что безумно давно.

Первой мыслью, разумеется, было отказаться, но я представила, как сижу дома. Как снова и снова возвращаюсь к осознанию и нелепой откровенности своих слов, от которой становилось просто невмоготу, и кивнула.

— Хорошо.

— Замечательно. Тогда после завтрака Сюин поможет тебе собраться.

Он вышел, не дожидаясь моего ответа, а я снова закуталась в покрывало и закрыла глаза.

Мобиль неся между заснеженных полей, напоминая о дне, когда мы с Эриком впервые выбрались за город. Тогда, в лесу, состоялся наш первый настоящий поцелуй, поцелуй, которого я хотела, который согрел меня лучше наброшенного на мои плечи пальто или любой магии. С тех пор прошло около месяца, мне же казалось, что целая вечность. Вечность, за которую я успела повзрослеть, лишиться наивности и многих иллюзий, которые были мне свойственны.

В книгах, которые я читала, любовь была похожа на взаимовыгодные отношения.

Прикрытая пологом благопристойности, как невеста фатой, она не содержала и сотой доли тех чувств, которые я испытывала к Эрику. Как можно любить и ненавидеть одновременно? Одновременно, наверное, нельзя, но я прошла этот путь от ненависти или от того, что считала ненавистью, к тому, что чувствовала сейчас. К тому, когда хочется бесконечно долго смотреть в глаза мужчины. К тому, когда засыпать в его объятиях невероятно уютно, и хочется подарить ему всю себя. Всю свою нежность, все тепло, оберегать его ото всей боли и ото всего, что может ее причинить.

Вот только Эрику это было не нужно. Он наслаждается болью — чужой, и, как ни странно, своей. Я поняла это, когда он ушел, поняла так же отчетливо, как то, что осталась одна, когда дверь в спальню закрылась за ним. То, что тянет его назад, цепи его души — это привычный для него мир. Он не хочет с ними расставаться, ему нравится считать, что обратная сторона его личности — тьма, без нее он не будет собой.

Возможно, это действительно так, но сейчас я не представляла, что с этим делать.

Больше не представляла, потому что все мечты рухнули вчера.

Ему не нужна женщина, которая будет его любить. Ему нужна та, кто будет его ненавидеть.

— О чем ты думаешь, Шарлотта?

— Ты правда хочешь это знать?

— Если бы я не хотел, — он на мгновение повернулся ко мне, — я бы не спрашивал.

— Ты все время спрашиваешь, Эрик, но ничего не меняется. Что бы я ни сказала, ничего не меняется, — я отвернулась и бросила взгляд в окно: туда, где тяжелые тучи давили на лес, рискуя напороться на крючковатые ветви и прорваться густым снегом.

Наш разговор не клеился с самого начала, и неудивительно. Сюин помогла мне одеться, и я была запакована так, что могла бы валяться в сугробе часа два, прежде чем почувствовала бы холод. Как при всем при этом мне удавалось выглядеть еще и весьма изящно — загадка, но я выглядела. Не только изящно, но и вполне себе привлекательно: рыжие локоны выглядывали из-под шляпки, падали на темную зелень накидки, оттеняя ее. Приталенное пальто подчеркивало фигуру, в ботинках ногам было не только удобно, но и тепло. При всем при этом я мерзла изнутри. Не просто мерзла — стыла.

Даже живя в мансарде, вбегая с мороза в свою непрогретую комнатушку, я никогда такого не ощущала. Зато сейчас ощутила во всей красе. Ни одно даже самое теплое пальто не согреет, когда на душе лютый холод.

В противовес этому на улице было тепло. Наконец-то отступили морозы, заливающие улицы Лигенбурга обманчивым солнцем, и мягкие холода позволяли дышать без желания спрятать нос в шарф. На улице, разумеется: в мобиле было скорее душно. Настолько, что я развязала ленту шляпки, отстегнула накидку и даже несколько пуговиц на пальто расстегнула.

— Скоро приедем, — коротко произнес Эрик, и я кивнула:

— Хорошо.

Хотя ничего хорошего в этом не видела. Собираясь на ярмарку, я даже не предполагала, что находиться рядом с ним будет настолько тяжело, а когда мы выехали за город, разворачиваться было уже поздно. Но что же поделать, если я сама так решила: в конце концов, никто меня не заставляет находиться там целый день. Побудем немного — и уедем. Мы повернули направо, и лес повернул вместе с нами. Еще немного — и дорога превратилась в колею. Эрик ненадолго остановился, чтобы расчистить ее одним взмахом руки, я же осталась в мобиле. Глядя на то, как снег взмывает ввысь, подчиняясь магии, осыпается и тает, позволяя нам спокойно ехать дальше.

Странно, но магия тоже больше не вызывала во мне трепета. Если честно, трепета во мне не вызывала даже магия жизни, пытающаяся достучаться до меня изнутри слабеньким теплом. Точнее, пыталась достучаться она, когда мы только выезжали, а сейчас притихла: видимо, чувствуя, что я ей не рада.

Наверное, сегодня я сама себе не была рада.

Слова: «Я люблю», — сорвались с губ случайно, но ответа на них не последовало. Ничего, кроме предложения поехать на ярмарку, и пусть даже ответ был для меня не столь важен, я все равно не могла об этом не думать.

К счастью, расчищенная колея изогнулась еще одним поворотом, за которым уже была видна деревушка. Отсюда можно было разглядеть многочисленные лотки и ледяные домики, несколько огромных горок, с которых каталась не только малышня, но и взрослые, а еще в центре возвышалась огромная, пушистая ель, украшенная разноцветными шарами, лентами, бантами и игрушками.

Сваленные под ней разноцветные коробки наверняка были пустыми, но сейчас живо напомнили мне про подарок, который я спрятала в комод. Те самые часы, которые мне все-таки удалось купить для Эрика (мистер Стейдж, догадываясь о предпраздничной суете, выдал нам крупный аванс), а еще белье. Мне хватило денег на безумно красивый комплект в салоне Хлои Гренье, и его я собиралась надеть в праздничный вечер, чтобы потом порадовать Эрика.

Вот только теперь все это не имело смысла.

Вряд ли мы будем вместе в этот вечер.

Вряд ли мы будем вместе.

Эрик как раз заглушил двигатель, и я отвернулась, делая вид, что старательно затягиваю ленту под подбородком. Хлопнула дверца, а я принялась застегивать пуговицы. Накидку решила оставить в машине, поэтому когда он подал мне руку, она травяным покрывалом сползла на сиденье.

— Возьми накидку, Шарлотта.

— Нет. Мне не холодно, — я передернула плечами и зашагала по расчищенной дорожке к основному веселью.

Чуть поодаль стоял еще один мобиль и несколько экипажей, у ледяных домиков и лотков царил суета, но меня привлекло другое. Справа от ели, сразу за небольшим катком, огороженным частоколом деревянных столбиков, возвышалась ледяная фигура. Точнее, две ледяные фигуры: девушка в объятиях мужчины. Вокруг них собралось много людей, поэтому застывшую композицию видно было только урывками, когда кто-то отходил, и в толпе образовывалась «дыра».

— Хочешь посмотреть? — проследив мой взгляд, спросил Эрик.

— Хочу.

Мы направились к ней, но предложенную Эриком руку я «не заметила». Не хотела его касаться, не хотела чувствовать прикосновения, которых скоро больше не будет.

Людей на ярмарке и правда собралось много, возможно, именно поэтому я не сразу заметила вышедшую с катка пару. А когда заметила, было уже поздно: встретившись взглядом с его светлостью герцогом де Мортеном, я замерла.

Замерла не потому, что мы расстались не самым лучшим образом, не потому, что его взгляд снова тяжестью лег на мои плечи, и даже не потому, что их с Эриком встреча в прошлом вышла весьма напряженной. Просто сейчас меня обожгло взглядом темных, как ночь глаз: пронзительных, яростных, как... как у женщины на картинах. Сейчас я как никогда отчетливо поняла, что этот образ, впечатавшийся мне в память с холстов, нашел отражение в лице де Мортена. Те же резкие скулы и высокий лоб, даже крылья носа, с той лишь поправкой, что черты женщины были немногим мягче. По-женски, но семейное сходство было очевидным.

«Жена моего брата».

«Я был безумно влюблен в нее, Шарлотта. Сходил по ней с ума».

«Я чуть не убил ее и Анри. Готов был убить... только чтобы она принадлежала мне».

«Тереза была единственной, кто в меня верил, единственной, кого мне удавалось любить — больной, извращенной любовью, поэтому я закрыл ее собой. Поэтому она спасла меня, вытащила из-за грани».

Эрик ездил к ней, чтобы узнать про агольдэра.

«Жена моего брата».

Кто она де Мортену?

Сестра? Кузина?

Не в силах справиться со свалившимся на меня осознанием, я так и смотрела на его светлость. Из ступора меня вывело прикосновение Эрика, заставившее вздрогнуть. В ту же минуту де Мортены направились к нам, и это заставило окончательно прийти в себя. Каким бы теплым ни было наше общение с Луизой, ее супруг устроил мне самый настоящий допрос. Правда, теперь я понимала, почему, и все эти мысли роем пронеслись в моей голове, пока расстояние между нами стремительно сокращалось. Стремительно — потому что герцог, видимо, вознамерился взять нас на таран.

— Добрый день, месье Орман. Мисс Руа, — на этот раз его светлость начал разговор первым, и даже взял мою руку в свою, чтобы коснуться губами кончиков пальцев.

— Добрый день, Шарлотта. Месье Орман, — Луиза улыбнулась, как всегда, безмерно светло. На миг даже показалось, что солнце прорвалось сквозь завесу туч.

Впрочем, тут же погасло, когда герцог протянул Эрику руку. Мгновение, пока тяжесть взгляда де Мортена соревновалась с отражением зимнего неба в глазах Эрика, я почти не дышала. И не поверила своим глазам, когда он ответил на рукопожатие. Сама же я запоздало опустила в реверансе, отвечая на приветствие.

— Не ожидал встретить вас здесь, — его светлость кивнул в сторону торгового ряда.

— Сам не ожидал, что здесь окажусь.

Напряжение по-прежнему звенело между ними натянутой струной, но теперь начинало ослабевать. Или мне очень хотелось в это верить.

— Шарлотта, пройдемся? — Луиза улыбнулась и взглянула в сторону катка. — Дарен остался с Хлоей, но мне бы не хотелось надолго выпускать их из вида.

Мне не оставалось ничего иного, как принять предложение, тем более что ее супруг едва уловимо кивнул Эрику совершенно в другом направлении. Подавив желание оглянуться, я

пошла рядом с Луизой, которая, кажется, совершенно не беспокоилась о том, что оставила за спиной.

Теперь ее слова о случившемся в столовой: «Представляю, но не могу рассказать», — предстали передо мной в совершенно ином свете.

Всевидающий!

Как же я сразу не поняла о том, кто передо мной? Ведь Тереза — это женское обличие герцога де Мортена. Вопрос крутился на языке, но я не могла его задать. Не могла, потому что это нарушало все приличия, потому что тогда мне пришлось бы все объяснить. Или солгать, потому что вряд ли я имела право раскрывать тайну Эрика. А лгать женщине, которая так ко мне добра, не хотелось.

Пока я размышляла об этом, силой воли удерживая себя от того, чтобы посмотреть в сторону удаляющихся с каждым шагом мужчин, все приличия нарушила ее светлость.

Одним простым коротким вопросом:

— Шарлотта, вы с месье Орманом в ссоре?

— С чего вы взяли? — спросила я, когда первое изумление отступило.

Уж от кого-кого, а от герцогини я такой бесцеремонности не ожидала.

— Отношение женщины к мужчине всегда заметно, — негромко произнесла она. — Если, разумеется, она не достаточно искусственная, чтобы научиться это скрывать.

— Скрывать — что? — спросила я.

Сейчас мне действительно хотелось узнать, чем я выдала себя.

— Положение рук, отстраненный взгляд, разворот плеча. Нежелание касаться, хотя мужчина стоит рядом с тобой.

Мы остановились у выхода с катка, и Дарен помахал рукой. Он внимательно наблюдал за пока еще неумелыми движениями сестры на коньках. Оберегая ее от падения и глядя по сторонам, чтобы кто-то случайно не налетел на Хлою. Людей на катке было достаточно даже несмотря на то, что коньки в наше время стоят недешево, а деревенским и вовсе не до них.

— Удивительно богатая ярмарка, — сказала я совершенно невпопад.

— Да, сейчас сюда приезжают многие, — Луиза улыбнулась. — После того, как мы с Винсентом начали ездить на нее каждый год, об этом пошли слухи, несколько лет назад об этом даже написали в газете. Кто-то считает это чудачеством, кто-то, наоборот, подхватил и тоже приезжает, чтобы посмотреть, что же такого нас здесь привлекло.

Мы пошли дальше, по вытоптанной вокруг катка дорожке.

— Значит, вам здесь нравится, — сказала я, чтобы поддержать разговор и не возвращаться к теме нашей с Эриком ссоры.

— Очень. С некоторых пор это наша семейная традиция. Например, вон ту ель, — Луиза указала на огромную елку, стоявшую в центре так называемой ярмарочной площади, — вырастила Лавиния.

— Леди Лавиния?! — ахнула я.

— Вам не стоит таиться, Шарлотта. Лавиния тоже вас почувствовала. Вы ведь маг жизни?

— Почувствовала?! —

Но... как?! Ведь когда мы гуляли вместе, на мне стояла защита от агольдэра и моя магия была запечатана под ней!

— Да, маги жизни смотрят гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Они чувствуют суть человека, и, пожалуй, единственные, кто способен разглядеть мага, даже если его сила спрятана.

Мне на щеки плеснуло краской, но герцогиня не стала заострять внимание на том, что сказала.

— Она сделала это по нашей просьбе, в нашу первую с Винсентом совместную зиму, — ее светлость указала на верхушку ели, которую венчал огромный фонарик, — чтобы вырастить такую красавицу естественным путем, потребовались бы долгие годы. Лавиния сотворила это за несколько дней. С тех пор это вроде как местная достопримечательность. Считается, что если коснуться нижних веток, удача не оставит тебя на протяжении всей жизни. Впрочем, это не единственный здешний талисман.

— А какой еще? — с любопытством спросила я.

— Эта ледяная скульптура, — герцогиня кивнула на пару, которая сразу меня заинтересовала. — Здесь живет очень талантливый мастер, который принимается за ее создание за неделю до начала ярмарки. Если дотронуться до нее вместе с возлюбленным, вас ничто не сможет разлучить, а ваша любовь будет вечна.

— Красивая сказка, — сказала я и отвернулась.

Сделала вид, что рассматриваю выращенную леди Лавинией ель, на самом же деле просто не хотела, чтобы ее светлость сейчас на меня смотрела. Учитывая, что она читает людей, как открытую книгу, а у меня все чувства написаны на лице.

— Шарлотта, я спрашивала о твоих отношениях с месье Орманом не просто так. Дело в том, что мы с Винсентом хотели бы пригласить вас на Зимний бал, который устраиваем ежегодно.

Я споткнулась о ледяной нарост, который, видимо, просочился между деревянными столбиками, когда заливали каток. Ее светлость едва успела меня подхватить.

— Спасибо, — пробормотала я, понимая, что если бы не Луиза, сейчас улетела бы носом в сугроб. — Вы сказали — пригласить на Зимний бал? Но ведь его светлость...

— Винсент умеет признавать свои ошибки, — серьезно сказала она. — Пусть даже не всегда об этом говорит.

Зимний бал у герцогини...

Помню, как замирало сердце, когда я готовилась к помолвке Лины, после которой должен был состояться бал. Тогда все это казалось мне таким близким, таким желанным, волшебным и ярким событием, от предвкушения которого кружилась голова.

Но зимний бал у герцогини — разве такое возможно?!

Разве туда приглашают таких, как я? Или даже таких, как Эрик, пусть даже его богатство ничем не уступает состоянию Вудворда.

И уж тем более разве туда приглашают таких, как мы, вместе?

Ведь мы не супруги и даже не помолвлены.

— Не понимаю, — пробормотала я. — Все равно не понимаю, как вы смогли его уговорить...

— А я не уговаривала, — Луиза хитро улыбнулась. — Это была его идея.

После такого заявления во мне кончились последние слова, потому что именно в этот момент я осознала, что она не шутит. Нас с Эриком действительно приглашают к де Мортенам на Зимний бал, и от того, что я сейчас скажу, зависит многое. Если не все. Всевидающий, как же мне хотелось пойти!

Так отчаянно, так безумно, хоть раз закружиться в танце. Бал у Вудвордов казался мне сказкой, но этот праздник наверняка будет прекраснее любой сказки. Я слышала (от виконта, мужа леди Ребекки), что сильные маги устраивают целые представления с помощью своих знаний. Что в небо взлетают фейерверки, а во время танцев над парами распускаются яркие цветы или падают искрящиеся магические снежинки...

Как жаль, что я всего этого не увижу.

Но наверное, я могла бы это написать.

Наверное.

Если хватит вдохновения.

— Мне очень жаль, ваша светлость, — я глубоко вздохнула, чтобы протолкнуть засевший глубоко в горле ком. — Но мы с месье Орманом действительно в ссоре, так что вряд ли это будет уместно.

Мы уже обошли каток и вернулись к тому месту, на котором разошлись с мужчинами в разные стороны. Теперь мне еще сильнее захотелось домой: отчаянно, невыносимо, оказаться как можно дальше от этого места, чтобы избавиться от странного саднящего чувства в груди.

Чувства, что мы с Эриком могли бы кружиться в огромной зале, когда его рука лежит на моей талии, а взгляд устремлен только на меня. Чувства, что сердце заходится от нежности, и нет в мире другого мужчины, на которого я смогу так смотреть.

А ведь и правда нет.

И не будет.

Осознание этого выбило из меня даже желание зареветь, как малышка, которой не купили леденец. Ревела она так горестно, что мне и вправду захотелось к ней присоединиться, даже несмотря на то, что я давно уже не ребенок.

Пока я справлялась с желанием купить ей леденец и хорошенько стукнуть себя по голове, чтобы избавиться от непрошенных мыслей про бал, отозвавшихся во мне такой бессмысленно-щемящей надеждой, Луиза огорошила меня очередным вопросом:

— Могу я узнать, почему?

Наверное, во мне не осталось сил удивляться. А может, ее светлость просто была единственной, кому я могла рассказать обо всем, что меня тревожит. На миг мелькнула мысль, какой стала бы наша жизнь с леди Ребеккой, если бы в нее не вошел виконт Фейбер, но я от нее отмахнулась. Если бы меня не увезли в Лигенбург, я бы никогда не встретила Эрика, и говорить было бы не о чем. Даже с самой любящей матерью.

— Ему не нужны мои чувства, — ответила я как можно более коротко.

— Он сам тебе об этом сказал? — Луиза направилась в сторону ледяной скульптуры, и я последовала за ней.

— Разве об этом нужно говорить?

— Но ведь подтверждение, что нужны, ты хочешь услышать?

На такое я даже не нашлась, что сказать. Отчасти потому, что ее светлость была права: я бы очень хотела услышать, что Эрик меня любит. Отчасти потому, что была уверена в том, что никогда этого не услышу.

— Я была чуть моложе тебя, когда совершила ошибку, разлучившую нас с Винсентом на долгие годы, — Луиза взглянула на меня. — Я не могла поступить иначе, Шарлотта, потому что когда я призналась ему в любви, он сказал, что я ему не нужна. Сказал, что наш будущий брак не имеет отношения к чувствам. Сейчас я понимаю, что в те годы он не мог сказать ничего другого, потому что для него это было... чересчур. Чувства в нашем обществе, особенно яркие — они всегда чересчур. Особенно для того, кто готовил себя к другому.

Пораженная такой шокирующей откровенностью, я бесцеремонно уставилась на нее, но Луизу это не смущало. Кажется, ее ничего не смущало.

Даже сорвавшийся с моих губ вопрос:

— И что вы сделали?

— Сбежала с собственной свадьбы.

«Разве можно быть неиспорченной и учудить такое?» — вспомнились слова тех дам в театральном буфете, которых я осадил. Вот теперь я точно не представляла, что сказать, поэтому брякнула первое, что пришло мне в голову:

— И стали актрисой?

— Актрисой я стала далеко не сразу, — Луиза улыбнулась. — Сначала мне пришлось побыть гувернанткой, но все это время я мечтала о большем. О чем-то, что позволит мне стать свободной, по-настоящему свободной от условностей нашего мира, от мужчин, от... чувства к Винсенту. Правда, любая свобода — это самообман, если делать ее целью. К счастью, я вовремя это поняла.

— Как вы это поняли? — я уже перестала считать неловкие вопросы, потому что весь этот разговор из них состоял.

Удивительно, но неловким он не был. Гораздо более неловкими были донельзя церемонные беседы с леди Ребеккой в присутствии виконта или все эти обремененные приличиями расшаркивания, которые мне прививали с детства, как эталон поведения.

— Когда поняла, что готова от нее отказаться даже несмотря на то, что мы с Винсентом совершенно разные. Когда мы встретились снова, он был еще более жестким. Гораздо более жестким, чем когда мы расстались с ним в прошлом.

— Он вас... обижал?

Слова сорвались с моих губ сами собой. Просто потому, что сил молчать больше осталось. Не осталось сил ходить вокруг да около, улыбаться и говорить возвышенными словами, избегая того, что не давало покоя.

— Обижал ли он меня? — Луиза почему-то улыбнулась и закусила губу. Глянула через мое плечо, и я на миг похолодела, потому что решила, что к нам подошли его светлость и Эрик, но нет. За моим плечом было много людей, но наших мужчин не было видно. — Еще как.

Тогда он доводил меня до слез, временами казалось, что я его ненавижу за его нестигаемую жесткость, если не сказать черствость.

— И как же вы с этим справились?

Затаила дыхание, ожидая ответа, который был так для меня важен.

— Вместе, — взгляд ее светлости стал далеким, как если бы она разом шагнула из настоящего в прошлое. — Однажды случилось то, что могло раз и навсегда поставить точку в наших отношениях. И когда это случилось, я снова готова была сбегать, но в этот раз Винсент мне этого не позволил. Он пошел за мной, и, хотя признался он в этом не сразу, я поняла, что важна для него. И что если кто-то не любит нас так, как нам хочется, это не значит, что нас не любят.

— А как понять, что нас любят? — я сцепила пальцы за спиной и тут же их расцепила, чтобы не выглядеть напряженной. — Если об этом не говорят.

— По поступкам, — ответила Луиза. — Слова — бесценный инструмент, но бесполезный, если не имеют под собой основы. Слушай свое сердце, Шарлотта, а не слова.

Мы уже приблизились к скульптуре, и, заметив ее светлость, перед нами сразу же расступились. Люди улыбались и Луиза отвечала им тем же. Когда какой-то малыш подергал ее за пышную юбку, она наклонилась к нему и, совершенно не стесняясь толпы, подхватила на руки. Его отец, простой деревенский мужчина, смущенно протянул руки:

— Давайте мне моего сорванца, ваша светлость. Он же тяжелый.

— Вовсе нет, — Луиза посмотрела на завернутого в одежды мальчугана, которому было от силы года два. — Хочешь посмотреть поближе?

Малыш кивнул и она шагнула ближе к ледяной паре.

Ее светлость была права: создатель композиции был настоящим мастером своего дела. Создавалось такое чувство, что влюбленные просто застыли. Застыли, но по-прежнему согревали друг друга в объятиях: мужчина обнимал девушку за талию, склоняясь к ней, а она запрокинула голову, глядя ему в глаза.

Скульптору удалось сделать их живыми: даже взгляд, даже прикосновение руки к руке, вышли удивительно нежными и настоящими. Дотронувшиеся до пары молодой человек и девушка — судя по одежде, зажиточные горожане, отступили, обменявшись улыбками, и я тоже шагнула к ней. Возле ледяных влюбленных поставили табличку: не касаться обнаженными руками, и мне вдруг подумалось, что Эрику это точно понравилось бы. Дотронулась до изящных девичьих пальцев, заточенных в лед.

Как раз в ту минуту, когда толпа с другой стороны тоже расступилась, пропуская его светлость.

И Эрика.

Весь мир как-то разом отодвинулся, смазался расплывчатым фоном. Включая супруга Луизы и остальных собравшихся на ярмарке людей. Остался только Эрик, и когда его взгляд упал на мои пальцы, я поспешила отдернуть руку. Но не успела.

Одно движение — и он накрыл их своими.

Теперь нас разделяла только ледяная скульптура: она, и еще то, что случилось вчера.

Должно быть, Эрик прочел это в моих глазах, потому что шагнул еще ближе.

— Я хочу провести с тобой всю жизнь, Шарлотта, — сказал он.

Сказал достаточно громко, чтобы это могли услышать все, и мне стало неловко. Настолько неловко, насколько вообще может быть, потому что в эту минуту вернулись и лица, и голоса окружающих нас людей, а впрочем... голоса не вернулись. Не было их, осталась только тишина и взгляды, устремленные на нас.

— Я хочу показать тебе страну, где родился и вырос. Хочу показать места, где небо такое же синее, как самая яркая краска в палитре. Хочу пройти с тобой босым по прибою и вдыхать сиреневую горечь лаванды.

Наверное, если бы он поцеловал меня на глазах у всех, это и то не было бы так...

сумасшедше-остро. Правда, сейчас в его глазах не было ни капли сумасшествия, только нежность. Так не свойственная ему, надежно запертая под тем, что он привык считать своей второй сутью, и от этого еще более пронзительная. Не представляю, почему Эрик решил сделать это сейчас, но для него, столько лет отвергавшего мир и людей, это наверняка было настоящим испытанием.

— Я хочу сделать тебя счастливой, Шарлотта. Самой счастливой женщиной в мире, хочу объехать с тобой весь мир, чтобы снова и снова возвращаться туда, где мы будем засыпать и просыпаться. Вместе.

— Эрик, остановись, — прошептала я еле слышно. — Тебе вовсе необязательно...

— Обязательно, — произнес он. — Мне нужно сказать тебе то, о чем я так долго молчал. О том, что ты заслуживаешь гораздо большего, но ты рядом со мной. О том, что ты самая прекрасная и самая светлая девушка в мире, которая почему-то выбрала меня. О том, что даже если бы я мог о тебе мечтать, я бы никогда не придумал тебя более светлой и удивительной, чем ты есть. Просто потому, что никогда не верил в то, что такое возможно. Раздался женский вздох, и я растерянно осознала, что он принадлежит не мне.

— Я не смогу исправить того, что сделал, но я могу сделать наше будущее таким, как ты пожелаешь. Таким, каким ты его заслуживаешь. Если ты позволишь мне это. Если захочешь со мной быть.

Прежде чем я успела что-то ответить, он обошел скульптуру, не размыкая наших рук. Свободной достал из кармана пальто коробочку, раскрыл, и у меня потемнело перед глазами. Должно быть, от сияния камня на обручальном кольце: солнца сейчас не было, но раскрывшемся изумрудными лепестками цветку он был совершенно не нужен. Грани камня впитали свет снега, впитывали свет отовсюду, отражая его: на миг даже показалось, что вокруг стало ярче.

— Становись моей женой, Шарлотта, — произнес Эрик, глядя мне в глаза.

И я поняла, что меня не держат ноги.

Нет, ноги меня не держали весьма натурально: голова закружилась, и я бы просто села на лед, если бы он меня не подхватил.

— Я выйду за тебя, Эрик, — сказала громко.

Гораздо громче, чем могла себе позволить по этикету.

Просто голос сорвался, наверное, но даже мой голос утонул в овациях, донесшихся отовсюду. Не сразу поняла, что эти овации — в наш адрес. И уж тем более не сразу поняла, почему руку обожгло холодом, а когда поняла, замерла.

Вот так, лицом к лицу.

Улыбка в его глазах для меня была гораздо ярче, чем блеск камня, поэтому я едва взглянула на кольцо, которое он надел мне на палец. От поцелуя, на холоде зимы опалившего костяшки жаром, по телу прошла дрожь. Не ледяная, в его руках моей ладонке холодно не было, а дикая, горячая, как пламя в камине. Возможно, именно поэтому сейчас я чувствовала себя как маленькая печка. Щеки горели, уши тоже, и подозреваю, не только от прикосновения руки к руке.

Мне казалось, что сейчас я открою глаза и проснусь, но сон все не заканчивался.

Он длился, длился и длился, я смотрела на Эрика, не в силах пошевелиться. Нас поздравляли совершенно незнакомые люди, и эти незнакомые люди подходили к нам, чтобы коснуться моего запястья или пожать руку моему мужчине.

Моему мужчине...

В моем мире такого просто не могло быть, равно как не могло быть уверенных, сильных объятий, из которых (несмотря на множество собравшихся вокруг) мне не хотелось высвободиться.

Смущения не было, было только тепло.

А еще звонкий голос Хлои, ворвавшийся в наше странное совсем не уединение:

— Мисс Руа, поздравляю!

Именно он заставил меня вытряхнуть себя из оцепенения и повернуться к девочке. Дарен тоже стоял рядом с родителями, серьезный, собранный, просто маленькая копия отца.

— Спасибо, Хлоя, — прошептала, чувствуя идущее от сердца тепло.

— Поздравляю, — улыбнулась Луиза.

— Поздравляю, — сухим эхом отозвался ее супруг. — Я пришлю вам приглашение, Орман. Подумайте, время еще есть.

Эрик только едва уловимо приподнял бровь, и я, понимая, что что-то не так, поспешила попрощаться.

— Что-то случилось? — спросила, стоило нам отойти от ледяной пары.

Теперь она пользовалась еще большим спросом, чем раньше.

— Ничего особенного. Де Мортен пригласил меня на Зимний бал, я отказался.
— Почему? — заглянула ему в глаза. — Мне бы очень хотелось пойти.
Какое-то время Эрик молчал, но потом все-таки произнес:
— Он хочет использовать тебя как приманку. Как приманку для поимки агольдэра, Шарлотта.

Эрик

Шарлотта широко распахнула глаза. Он видел, как удивление в них сменяется недоверием, а после и вовсе — отчаянием. Каким-то глухим и грустным отчаянием.

— Зачем? — негромко спросила она, пряча взгляд.

Эрик мягко сжал ее пальцы, не останавливаясь. Уводя все дальше от шума и суетного веселья ярмарки к кромке леса, где в ожидании застыли мобили и экипажи. Изначально он не собирался ничего ей говорить, но сейчас, когда она сказала: «Мне бы очень хотелось пойти», промолчать просто не смог. Де Мортен упирал на то, что все безопасно, и что там будет Тереза, но никакие аргументы не могли убедить его в том, чтобы поставить Шарлотту под удар. Даже если этого удара не случится, даже если вокруг действительно будут расставлены магические ловушки невероятной силы.

— Почему бы вам не проделать то же самой со своей женой? — поинтересовался он.

Де Мортен ушел от ответа в излюбленном стиле политика:

— Не забывайтесь. Вы сейчас говорите о герцогине Мортенхэймской.

«А вы о герцогине де ла Мер», — подумал Эрик.

Разумеется, он не мог этого сказать, потому что от титула отказался сам. Он столько раз от него отказывался, что уже сбился со счета. Но если чтобы ее защитить, ему потребуется принять этот проклятый титул, он его примет. Примет все, только чтобы никто не смел посягать на его девочку. В том, что де Мортен не отступится, он был уверен. Прочел это в глазах герцога, поэтому и сказал то, что сказал:

— А вы о моей будущей жене.

— Давно вы успели сделать ей предложение, Орман?

— Давно вы в курсе моей жизни, де Мортен?

В глубоко посаженных глазах мелькнуло раздражение. Раздражение, так напоминавшее ему Терезу, и снова Эрик удивился тому, что эти воспоминания больше не имеют над ним власти. Это была удивительная свобода от отчаянной, полубезумной любви-наваждения, столько лет державшей его на привязи.

— Ваша... подруга была приглашена к нам к обеду. Я не заметил у нее на пальце кольца.

— Ваша наблюдательность не знает границ, де Мортен, — Эрик усмехнулся. — Я собираюсь сделать ей предложение сегодня. Здесь. И вы при желании станете этому свидетелем.

Брат Терезы раздул ноздри, но с ответом не нашелся. Или предпочел оставить его при себе, что в сложившейся ситуации было верным решением.

Сейчас, глядя на погрустневшую Шарлотту, Эрик был уже не настолько уверен в том, что решение сказать ей правду было верным. Но правда заключалась в том, что он больше не хотел от нее ничего скрывать. Не хотел использовать отговорки, недомолвки и пустые слова, чтобы защитить ее от чего бы то ни было. Потому что защитить ее он способен сам. Ото всего. Ото всех.

Пусть даже это его светлость Мортенхэймский, лучший друг ее величества королевы Англии.

— Его жене угрожает опасность, — отозвался он, отвечая на вопрос Шарлотты.

Вот теперь она вскинула голову:

— Луизе?!

Эрик усмехнулся.

— Вижу, вы неплохо подружились.

В глазах его девочки снова мелькнуло сомнение:

— Эрик. Как думаешь, Луиза об этом знает? О том, что... меня хотят сделать приманкой для агольдэра?

У нее очень живое лицо, на котором, как на холсте под умелой рукой художника, отражается любое чувство. Странно, что он не разглядел этого сразу, но сейчас вдруг осознал, чем была вызвана ее грусть. Это настолько его поразило, что он даже остановился, подхватил ее под худенькие локти, с тревогой вглядываясь в лицо.

— Ты поэтому расстроилась, Шарлотта?

Она плотно сжала губы и замотала головой.

— Я не расстроилась.

Оно и видно.

— Не знаю, — честно сказал он. — Не могу быть уверенным в том, что она не в курсе происходящего, и точно так же не могу утверждать обратного. Де Мортен — специфический тип, как и все политики. С него станется держать это в тайне даже от собственной жены.

— Думаешь, он не сказал, что ей угрожает опасность?

В больших глазах отразилась тревога, и Эрик покачал головой.

— Можешь не сомневаться, герцогине Мортенхэймской ничего не грозит.

— Если бы это было так, зачем им ловить агольдэра?

«Потому что эта тварь опаснее, чем любое порождение магии смерти», — подумал Эрик.

Но вслух этого говорить не стал. Скоро все закончится, он увезет Шарлотту в Вэлею, а потом в свадебное путешествие. Надолго, в Иньфай, в Лацию, в Загорье. Он покажет ей каждый уголок этого мира, а пуританская Энгерия с ее мрачной зимней тяжестью и обезумевшим от жажды мести монстром навсегда останется в прошлом.

Какая-то часть его сопротивлялась этой мысли, как сопротивлялась в свое время мысли о том, что он должен просто уйти, оставив Фьет-Лао на растерзание палачам. Но тогда все зависело от него, это был только его выбор, сейчас — нет. Сейчас рисковать будет Шарлотта, слишком много людей будет в этом замешано, слишком много факторов, из-за которых все может пойти не так. Де Мортен уповал на Терезу, и Эрик тоже верил в нее: та, что вытащила его из-за грани была невероятно сильна, он доверил бы ей свою жизнь, не раздумывая.

Свою.

Но не его девочки.

Его девочка.

Никто больше не посмеет причинить ей вред или подвергнуть опасности.

— Эрик, мы должны помочь! — в сознание ворвался высокий голос Шарлотты. Она взволнованно посмотрела на него и сжала его руки: с необычной, несвойственной для нее силой. — Я хочу помочь. Мы должны принять их приглашение.

Он с трудом удержался, чтобы не сказать: «Нет».

Просто, коротко и категорично, но после того, что случилось, такой ответ мог просто подвести черту под их едва зарождающимся доверием.

Доверие.

То, к чему они так долго шли и то, что он не собирался терять. Уж тем более не из-за де Мортена и этой потусторонней твари, которую случайно освободили сыновья Терезы.

— Ты же понимаешь, что это опасно? — спросил он.

Хотя сейчас ему просто хотелось схватить Шарлотту в охапку и утащить подальше: от этой демоновой ярмарки, от де Мортена, от любых мыслей о таком.

— Понимаю, — сказала Шарлотта. — Но я не хочу, чтобы пострадала ее светлость.

— Поэтому хочешь пострадать сама?

На миг по ее лицу скользнула тень сомнений: скользнула, и тут же исчезла.

— Эрик, ты очень сильный маг. Его светлость де Мортен тоже, и если я правильно понимаю, никто не собирается приносить меня в жертву, — она улыбнулась.

Не хочет приносить в жертву? На твоём месте я бы не был так уверен.

Жесткие циничные слова чуть не сорвались с губ, но все-таки Эрик сумел их удержать.

Сумел, потому что глядя в ее глаза, понимал, насколько это для нее важно. Шарлотта действительно хотела помочь, она всегда хочет помочь. Таскает с улицы кошек, помогает

престарелым соседкам и никогда не думает о себе. О том, чем это может обернуться для нее.

— Я не могу этого допустить, Шарлотта.

— Почему?! — она упрямо сдвинула брови.

Если бы кто-то ему сказал, что одна невинная девочка получит над ним такую власть, он бы рассмеялся этому человеку в лицо. Сейчас же именно она побуждала его подбирать слова и объяснять, вместо того, чтобы раз и навсегда пресечь такие мысли жестким отказом.

— Потому что де Мортен не представляет, с чем может столкнуться.

— А ты представляешь?

— И я тоже. Даже Тереза... — он осекся, но потом продолжил: — До конца не понимает эту тварь, хотя с магией смерти и ее порождениями она на «ты». Агольдэры не изучены, потому что таких тварей в мире были считанные единицы, и их сразу уничтожали.

— Неужели они настолько опасны? — Шарлотта закусил губу.

Кивнул.

— Но тогда его непременно стоит поймать. Неужели ты не понимаешь?

Понимал. Он прекрасно это понимал, и глухая, ворочающаяся внутри ярость была порождением протеста осознанию этого.

— Эрик! — Шарлотта заглянула ему в глаза. — Я не думаю, что он сумеет причинить мне вред, если рядом будешь ты и де Мортен.

— Мы не сможем быть рядом, Шарлотта. По крайней мере, совсем рядом, иначе он к тебе не сунется.

— О... — она замерла, и на миг ему показалось, что решимости в ней поубавилась, но в следующий миг Шарлотта решительно сжала губы. — Что предлагает де Мортен?

Сумасшедшая девчонка.

— Де Мортен предлагает магическую ловушку, которую ты активируешь, как только почувствуешь агольдэра. Она запечатает его рядом с тобой, а потом придем мы.

— Мы?

— Я. Де Мортен. Тереза.

— Тереза его сестра?

— Неожиданная смена акцентов, — Эрик улыбнулся.

— Так да или нет?

— Да, — он посмотрел ей в глаза. — Как ты догадалась?

— Я художница, Эрик. А они больше чем похожи, но дело не в этом, — Шарлотта подхватила его под руку, увлекая за собой. — Стал бы он рисковать сестрой, если бы считал, что не сумеет справиться с агольдэром? Ведь она тоже там будет.

Он покачал головой.

— Терезы не будет в клетке с этой тварью. В ней будешь ты. Неужели ты этого не понимаешь?

— Понимаю, — она вздохнула. — И мне страшно, Эрик. Мне очень страшно, когда я его вспоминаю, у меня по коже идет мороз, но я понимаю, что не смогу спокойно спать, если угрожающее ее светлости, и... кто знает, может быть, и другим людям чудовище, останется непойманным. А ты сможешь?

«Смогу, — чуть было не ответил он. — Если ты будешь в безопасности».

Почти ответил, но понял, что так говорить не стоит. Отчасти потому, что она ждала совсем другого ответа, отчасти потому, что он знал, что это ложь. Шарлотта права: его силы достаточно, чтобы перекинуть себя на другой континент (пусть даже после этого ему придется пару месяцев восстанавливаться, и не факт, что получится), он проводник и видит грань, что бесценно в поимке агольдэра.

— Нет, — сказал Эрик, и она улыбнулась.

Слабо, но все-таки улыбнулась. Ему.

— И что же нам делать?

— Пока не знаю, но я что-нибудь придумаю, Шарлотта. Де Мортен пригласил меня к себе, чтобы обсудить детали и возможности ловушки. Он хочет заманить агольдэра в оранжерею в Мортенхэйме. Именно там лорд-канцлер, граф Аддингтон, встретил свою смерть. Именно туда он вернется, чтобы отомстить герцогине Мортенхэймской.

Шарлотта изумленно ахнула.

— Агольдэр — граф Аддингтон?! За что?!

— Это долгая история, но если коротко — благодаря страшному проклятию Луиза обернулась змеей и убила Аддингтона, пытавшегося уничтожить де Мортена.

— Змея должна умереть, — пробормотала Шарлотта, стиснув его руку так, что он почувствовал это даже через пальто.

— Суть в том, что именно в оранжерее он хочет запереть тебя и дожидаться, пока тот за тобой придет, но этого я не допущу, — пресекая попытку возразить, покачал головой. — Мы примем приглашение и пойдем к де Мортенам, если ты пообещаешь мне одну вещь. — Какую? — она вскинула голову.

— Не делать глупостей и не соглашаться становиться приманкой. Даже если сейчас тебе кажется, что это наилучший и самый простой выход, поверь, это не так. На балу будет Тереза, и я предложу им свою помощь. Вместе мы найдем способ сделать это иначе. Просто поверь мне и обещай, Шарлотта, — Эрик остановился, внимательно глядя ей в глаза. — Обещай мне это. Сейчас же.

Он не отпускал ее взгляда, улавливая все эмоции. Каждую частичку сомнения или беспокойство, способных подтолкнуть ее к тому, чтобы рисковать собой. Смотрел — изучая, дожидаясь ответа.

Без которого не двинется с этого места.

— Хорошо, — сдалась, наконец, она. — Обещаю.

И когда это произошло, Эрик облегченно вздохнул, притянул ее к себе и поцеловал в висок. Нисколько не заботясь о том, что она снова напряглась в его руках (непривычная к таким откровенным проявлениям чувств на людях). Правда, тут же расслабилась и запрокинула голову, когда он погладил ее по спине.

— А я со своей стороны обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы эта тварь никому не больше не навредила. Договорились?

Она кивнула, расцветая улыбкой.

Такой солнечной и светлой, какую Эрик видел только у нее. И кажется, впервые за долгое время он чувствовал себя по-настоящему, безгранично счастливым.

Глава 11

Шарлотта

— Та-ак, а теперь поднимите руки.

Девушка, которая снимала мерки, порхала вокруг меня с таким проворством, что я просто не успевала вертеться. В просторной примерочной салона Хлои Гренье, где все это происходило, горели яркие светильники, на столике лежал лист бумаги, на котором швея не менее проворно все записывала.

Не знаю, каким чудом они согласились пошить для меня платье к балу у де Мортенов, потому что до праздника оставалось всего-ничего. Тем не менее в понедельник, сразу после работы, Эрик встретил меня на мобиле и отвез сюда. Подозреваю, что чудо тоже звали Эрик, потому что встречавшие нас сотрудницы магазина как-то очень восторженно на него смотрели, и сразу же принесли каталог моделей и ткани. Правда, предварительно предложив кофе с ольвижским печеньем, от которого я отказалась, и на которое вместо меня согласился Эрик.

Если честно, в последние дни я его вообще не узнавала. Он улыбался чаще чем когда бы то ни было, а под его взглядом не хотелось спрятаться за шкаф. Вот и с девушками он беседовал очень мило, я бы сказала, чересчур. Когда одна из сотрудниц принесла ему огромное блюдо с выложенным цветком печеньем, посмотрел на нее так, что она покраснела.

Я же уткнулась в альбом с эскизами, после чего занялась тканями. То и дело мысленно отвлекаясь на воркование девушки про Ольвиж (она была уроженкой Вэлей). За это время я

выяснила, что в любом салоне Хлои Гренье обязательно присутствовала одна из ее учениц, а еще — что Эрик одной из этих учениц понравился.

Это было видно по кокетливым взглядам, которые она на него бросала, и которые провоцировали странное желание попросить кофе и себе, после чего опрокинуть ей на юбки. Странное чувство, которого я раньше не испытывала, поэтому и постаралась побыстрее определиться с выбором и, гордо вздернув нос, прошла в примерочную. Вторая девушка оказалась родом из Лигенбурга и вела себя гораздо более скромно. Ну и вообще, больше внимания уделяла мне, но все равно я вертелась на подиуме, стараясь не думать про кокетку, которая строит Эрику глазки. Вертелась я, конечно, не так долго, но мне казалось, что прошла уже целая вечность.

Особенно учитывая то, что я стояла здесь в одних панталонах.

Как мне объяснили, в этой модели корсет вшивается в платье (чудеса, да и только), поэтому я то и дело пыталась прикрывать грудь руками. Непривычно было стоять под взглядом совершенно незнакомой девушки вот так.

— Ну, вот и все. Можете одеваться, — она ослепительно мне улыбнулась. — Давайте я вам помогу.

Она с присущим ей проворством облачила меня в мое платье, после чего подхватила свои записи, а заодно и все, с чем вокруг меня бегала, и выпорхнула из примерочной. Я подождала пару минут, рассматривая себя в зеркале и отмечая румянец на щеках, а потом неспешно вышла в зал.

Сцепив руки за спиной, Эрик стоял у оформленной цветами стойки. Облокотившись на которую, ольвижанка о чем-то воодушевленно ему рассказывала, но вынуждена была прерваться: заметив меня, он тут же повернулся и шагнул навстречу. Знаю, что это было невежливо, но мне понравилось. С ума сойти, мне понравилась бесцеремонность, которую я всегда считала верхом невоспитанности.

Хотя... какая разница!

Эрик помог мне надеть пальто, а я украдкой взглянула в сторону сотрудницы магазина: та делала вид, что занята чем-то своим. На стене за ее спиной застыл узнаваемый силуэт девушки в бальном платье (такой же был на вывеске салона Хлои Гренье снаружи). Рассеянно скользнула по обитому парчой креслу, тяжелому, с позолоченной спинкой и ножками, и столику в том же стиле. Вспомнила, как Эрик сидел в этом самом кресле, а она разливалась певчей птичкой, и снова вздернула нос.

Пусть это невежливо, не хочу на нее смотреть.

Не хочу — и все!

Вторая девушка тоже вышла нас проводить, вот ей я улыбнулась от души.

— Отличный выбор! — прошептала ольвижанка, стоило Эрику подхватить пальто и поблагодарить за теплый прием. — У вашей спутницы чудесный вкус.

— У невесты, — заметила я.

Прежде, чем успела поймать сорвавшиеся с губ слова.

Щеки у меня вспыхнули еще до того, как мы вышли на мороз: прошлой ночью недолгое потепление вновь сменилось холодами. Видимо, зима решила основательно поморозить лигенбургцев до праздника. Эта мысль промелькнула в моей голове еще до того, как Эрик произнес:

— Поверить не могу, мисс Руа во всеуслышание заявила о том, что она — моя невеста. И не постеснялась же.

Я не ответила, и он распахнул передо мной дверцу.

— Куда только подевалась ваша природная скромность?

Глубоко вздохнула:

— Тебе обязательно надо мной издеваться?!

— Необязательно, — донеслось до меня сверху (я упорно избегала на него смотреть). —

Просто ты такая милая, когда ревнуешь.

Что?!

Дверца захлопнулась раньше, чем я успела ответить. Впрочем, Эрик тут же обошел мобиль и сел рядом со мной. Заурчал мотор, проснувшаяся магия разогрела салон.

— Я не ревную, — сказала я, глядя на него.

— Ну конечно, — уголки его губ дрогнули.

— Не ревную! — повторила упрямо. — С чего мне тебя ревновать?
— Значит, не ревнуешь? — затянутые в перчатку пальцы скользнули по рулю, а потом легли на мой подбородок.
Кто бы мог подумать, что этот простой жест способен вызвать волну жара во всем теле. Теперь уже мое лицо горело совершенно от других мыслей, тем не менее я упрямо повторила:
— Не ревную!
— Поэтому и метишь территорию?
В светло-серых глазах сверкнули искорки смеха.
Я — делаю что, простите?!
— Я вам не собачка, месье Орман.
— Конечно же, нет. Ты просто ревнивая девчонка, — фыркнул он, отпуская мой подбородок и напоследок коснувшись пальцами щеки. — Ревнуй, Лотте. Мне нравится. На такое заявление я даже не придумала ответ.
Мобиль сорвался с места, захрустела под колесами ледяная крошка.
Сначала я подумала, что не стану с ним разговаривать, но потом решила, что все-таки стану.
— Вы самый беспардонный тип, которого я знаю, месье Орман.
— Да, немного у тебя знакомств.
Я швырнула в него ридикюлем, который он перехватил на удивление легко (словно не на дороге смотрел), и так же легко вернул мне на колени.
— Не смейте говорить со мной в таком тоне!
— Но тебе же нравится.
— Что именно?
— Когда я говорю с тобой в таком тоне.
— С чего это вы взяли?
— Возможно, с того, что ты согласилась выйти за меня замуж?
— Когда я соглашалась, вы были милым.
— Милый — это точно не про меня, Лотте.
— И это говорит тот, кто был весьма мил со своей соотечественницей?!
— А говоришь — не ревнуешь, — Эрик широко улыбнулся, а я плотно сжала губы. — Вот. Сейчас ты снова милая.
Вот теперь я решила, что точно не стану с ним говорить до самого дома, и действительно молчала. Поскольку извиняться за свою беспардонность он не собирался, уже поднимаясь по ступенькам я решила молчать и дальше.
Да!
Так и буду молчать, пока он не скажет, что...
— Мне не нужна другая, Шарлотта. Надеюсь, ты это понимаешь.
Он распахнул дверь и слегка подтолкнул меня в холл, оставляя свои слова морозу.
Навстречу нам вышел Тхай-Лао, и ответить снова не получилось, потому что сначала у нас приняли одежду, а потом иньфаец протянул запечатанный конверт.
Мне.
Прежде чем я успела это осознать, он уже лег в мою руку: запечатанный сургучом, с почтовым штемпелем Фартона.
Подписанный изящным почерком леди Ребекки.

Дерево, которое чуть не поссорило нас с Эриком, теперь стояло в кадке в библиотеке. Не представляю, где Тхай-Лао нашел такой горшок, но он больше напоминал клумбу, в которой этот некогда засохший росточек, а ныне огромный распушившийся цветок с древесным стволом и бесчисленными крупными листьями, чувствовал себя замечательно. Изначально Эрик хотел его выкинуть (я узнала об этом, когда мы возвращались с ярмарки, он случайно проговорился), чтобы ничего не напоминало мне о том случае, но я возмутилась такой жестокости и сказала, что если цветок выкинут на мороз, я верну ему кольцо.

В результате растение осталось жить в доме, и стало моим подопытным: вот сейчас, например, я пытаюсь управлять его корнем. Не знаю, с чего, но Эрик решил учить меня

элементарным защитным заклинаниям, доступным магам жизни. Именно поэтому сейчас корешок выползал из горшка и подбирался к ножке кресла, чтобы вокруг нее обвиться. На то, чтобы осознать принцип действия этого нехитрого маневра, мне потребовалось часа два, и сейчас я потела, чтобы все сделать правильно.

Вообще про защитные заклинания магов жизни Эрик рассказывал немного, но вся их защита заключалась в обращении за помощью либо к животным, либо к растениям.

Наверное, угроза в лице стула для меня была недостаточно основательной, поэтому корешок и полз так медленно.

— Шарлотта, тебя бы уже раз десять убили, — донеслось из-за спины.

Ай!

Я чуть не упустила корень, он нервно дернулся в воздух, но я тут же вернула его на пол.

— Кажется, кто-то говорил мне не отвлекаться, — возмущенно выдохнула я.

— А ты уверена, что если тебе понадобится защищаться, тебя ничто не будет отвлекать?

Стиснув зубы, посмотрела на корень и направила в него магию. Он рывком добрался до вожаемой ножки, вцепился в нее тройным захватом, и я выдохнула, отпуская его.

В ту же самую минуту корень стремительно втянулся обратно: на моих глазах тяжеленное кресло пролетело пару футов и с громким хрустом впечаталось в горшок.

Я сглотнула.

Для клубмы этот... эта... это вместилище для цветка оказалось слишком хрупким. Оно развалилось черепками, земля рассыпалась, а кресло, прочно прикрепленное корнем к стволу, начало заваливаться. Вслед за боевым недодеревом, разумеется.

Подхватил его Эрик: одним взмахом возвращая на место и заставляя застыть в магическом поле. Так оно и стояло теперь, в горке земли, переливаясь изумрудным сиянием и напоминая праздничную ель.

А вот праздничной ели я точно не буду касаться, иначе осколки игрушек придется собирать по всему дому.

Тяжело вздохнула.

— Ты молодец.

Что?

— Для первого раза весьма недурно, — Эрик подошел и обнял меня со спины. — Если бы не медлительность в начале, я бы вообще сказал — отлично.

Отлично?!

— То есть вот то, что я разнесла горшок, не считается?

— Ну знаешь ли, когда тебе приходится защищаться, не до размышлений о горшках. Тем более, если бы ты просто его оставила, до тебя бы могли добраться.

— Кто? — уточнила я. — Кресло? Или ты о ком-то конкретном говоришь?

Не считая агольдэра, мне никто не угрожал, но я сильно сомневаюсь, что агольдэра удержит корешок растения. Особенно если учесть, что это нечто бестелесное, пусть даже и очень злое.

— О гипотетическом противнике, — отмахнулся Эрик. — А вот если его размажет о стену...

— Не уверена, что я хочу знать продолжение.

— И правильно. Ты, кстати, знаешь, что я договорился о домашней примерке?

Повернулась в его руках и оказалась лицом к лицу с ним.

— То есть?

— То есть тебе не придется ездить в салон мадам Гренье, портниха все привезет сюда.

Столько раз, сколько потребуется, в удобное для тебя время.

Я моргнула. На этот раз растерянно.

— Зачем? — прошептала удивленно.

— Затем, что ты и так много всего делаешь, Шарлотта, — серьезно сказал он. — Весь день на работе, потом занятия магией... Лишний раз ездить куда-то — не самый лучший вариант.

У меня перехватило дыхание.

— Не надо было...

— Надо, — Эрик скользнул губами по губам. — Я понимаю, что ты хочешь успеть все и сразу, но не хочу, чтобы ты уставала.

— Я не устаю, — призналась честно, глядя ему в глаза. — Мне в радость все, что я делаю.
— Не сомневаюсь, — ответил он. — Но отдых тебе тоже не помешает.

Не дожидаясь ответа, меня подхватили на руки и понесли к лестнице. Мы даже подняться по ней не успели, когда несчастное дерево за спиной все-таки рухнуло вместе с креслом.

— Эрик! — воскликнула я, пытаюсь повернуться.

— Тхай-Лао разберется, — ответил он.

И, толкнув дверь плечом, вышел из библиотеки.

— Я могу сама, — пробормотала я, смущенная тем, что меня несут на руках.

— Можешь, — отозвался он, спокойно вышагивая по коридору.

— Эрик, ну пожалуйста. Поставь меня на пол.

Как ни странно, он действительно остановился. Поставил и внимательно заглянул мне в глаза:

— Тебе не нравится, что я ношу тебя на руках?

— Нравится, — сказала я. — Просто ты не можешь делать это постоянно. И потом, если ты будешь постоянно носить меня на руках, я разучусь ходить. А мне бы очень этого не хотелось.

Попытка перевести все в шутку не удалась: он взял мои руки в свои и коснулся губами пальцев. Прямо в коридоре.

Несмотря на то, что Эрик уже обнимал меня на людях, мне все равно стало не по себе. Ну вот как он не понимает, что для меня это слишком?

Впрочем, все мысли выветрились из головы, стоило ему втянуть мои пальцы в рот. Мягко, но так бессовестно-откровенно, что мне снова стало нечем дышать: на этот раз потому, что жаром окатило от макушки до пят. Я дернулась, но Эрик меня не отпустил, продолжая этот странный не то поцелуй, не то ласку. Скользнул языком по подушечкам, вызывая совсем уже непристойные мысли, а потом прикусил пальцы.

— Ай!

Кончик указательного дернуло так, что я вздрогнула, и Эрик тут же встревоженно выпустил мою руку. Я удивленно смотрела на крохотную ранку, из которой выступили капельки крови, но еще более удивленно на нее смотрел он. Всевидящий, я никогда не видела у него такого лица: не то растерянного, не то виноватого. Впрочем, Эрик тут же поднес мою руку ближе к свету.

— Шарлотта, когда ты успела порезаться?

И правда, это больше напоминало порез, на внутренней стороне пальца, у самого ногтя.

— Не знаю. Наверное, на работе... — присмотрелась повнимательнее. — Ой! Или в тот вечер, когда мы с тобой поссорились. Я тогда кое-что разбила в ванной...

— Разбила? — Эрик нахмурился.

— Да. Ты разве не помнишь? Я сметала осколки в уголок бамбуком и могла случайно зацепить крупный.

— Осколки? — хмыкнул он. — Я не видел никаких осколков.

— Наверное, Сюин убрала, — предположила я.

— Наверное.

Он снова поднес мою руку к губам, но на этот раз коснулся пореза осторожным поцелуем.

— Пойдем. У меня есть зелье, которое все поправит.

— У тебя есть зелья на все случаи жизни, — снова попробовала отшутиться.

Мне в самом деле было неловко, потому что никто и никогда обо мне так не заботился.

Даже Ирвин, когда мы были детьми.

Мысли об Ирвине пришли не вовремя: я вспомнила наш последний разговор и поняла, что так и не написала ему. Больше того, ни разу об этом не задумалась, хотя мы с ним поговорили очень тепло, а ленту я постоянно вплетала в волосы, за редкими случаями дней-исключений.

Надо будет ему написать. Пожелать чудесных праздников, спросить, не собирается ли он на бал к де Мортенам.

— Шарлотта? — Эрик заглянул мне в глаза, и я слегка покраснела.

Слегка — потому что не представляла, что он ответил про зелья.

— Я немного задумалась. Извини.

Он улыбнулся:

— Я говорил, что зелья здорово облегчают жизнь. Пойдем.

Мы поднялись наверх рука об руку, а в спальне меня усадили на кровать и обработали порез мазью, напоминающей вишневое варенье с мерцающей дымкой. Это варенье нанесли на порез крохотной кисточкой. Кожу слегка защипало, а когда мазь впиталась, и мерцание вокруг пальца растаяло, от ранки не осталось и следа.

— Удобно, — пробормотала я.

— Очень. Магия вообще удобная штука, — Эрик убрал баночку и кисть, после чего упал на кровать. Закинув руки за голову, весело посмотрел на меня: в эту минуту у меня даже создалось ощущение, что он помолодел лет на десять, и что рядом со мной совсем другой человек. Мальчишка, мне незнакомый, и очень светлый, несмотря на свою внутреннюю тьму.

— Ты правда больше не хочешь меня наказать? — спросила я.

— За что? — он нахмурился.

— Ну не знаю. За что-нибудь.

Сама не представляю, зачем я это спросила.

— Шарлотта, мы кажется договорились, — он мигом стал серьезным, — что я не стану тебя наказывать.

— Нет, мы не договаривались. Мы просто решили быть вместе, Эрик, — я убрала руки за спину, чтобы чуть откинуться назад, но передумала. — Точнее, ты сделал мне предложение и я его приняла. Но ты не обещал, что не станешь меня наказывать.

— И ты это приняла, — кивнул он.

Я не ответила.

Вряд ли под «приняла» мы имели в виду одно и то же. Руки я вернула на колени и теперь не знала, куда их деть.

— Я обещал, что сделаю все, чтобы ты была счастлива, — Эрик оттолкнулся от кровати (матрац слегка спружинил), и сел.

Я чувствовала, что он на меня смотрит, но не находила в себе сил к нему повернуться.

— И я это сделаю. Зачем мне наказывать тебя, если это делает тебя несчастной?

— А ты сможешь быть счастливым рядом со мной, если наказаний не будет?

Ну вот. Кажется, я все-таки это спросила. Запоздало, наверное, но сейчас мне действительно важно было услышать его ответ.

— Я счастлив каждую минуту, что ты рядом.

— Правда? — на глаза почему-то навернулись слезы.

— Правда, — он развернул меня лицом к себе. — Я счастлив, когда счастлива ты, Лотте.

— И... тебе точно не будет плохо, ну... из-за той внутренней тьмы, которая...

Я смотрела ему в глаза, ожидая ответа. Мне нужно было понять, что из-за меня ему не станет плохо. Что рядом со мной ему не приходится постоянно сдерживаться, и что потом это не вырвется в мир и не причинит ему вреда.

Эрик молчал долго, но потом все-таки произнес:

— После того случая в подвале я ни разу не чувствовал ее.

— Ни... разу?!

Он покачал головой.

— Ни разу. Такого не случалось с того дня, как отец провел обряд замещения. Сколько я себя помню, она всегда была во мне, но сейчас ее нет.

Затаила дыхание.

— И она больше никогда не вернется?

— Не знаю. Но даже если вернется, я сумею с ней справиться. Ради нас.

Не дожидаясь ответа, он притянул меня к себе и поцеловал. Так мягко и упоительно-нежно, что все мысли вылетели из головы, а вернулись лишь когда он отстранился.

— Ты будешь читать письмо?

Его слова быстро спустили с небес на землю.

Письмо.

Письмо от леди Ребекки так и осталось нераспечатанным, я убрала его в тумбочку, и мне почти удалось о нем забыть. Почти, потому что когда мы ужинали, я старалась говорить о чем угодно, только чтобы не вспоминать конверт с тонким запахом ее духов, а во время занятий магией мне действительно удалось выбросить письмо из головы.

Сконцентрировавшись на учебе, я ни разу о нем не вспомнила. Возможно, не вспомнила бы вообще, если бы не Эрик.

— Нет.

— Нет?

— Не хочу. Думаю, я прочту его после праздников.

— А что изменится после праздников, Шарлотта?

Не знаю. Думаю, ничего, но я была не готова к тому, что там будет написано. Если я прочитаю еще хоть строчку о своем недостойном поведении или о том, что должна приехать в Фартон, чтобы не позорить ее еще больше...

Честно говоря, я думала, что смогла отпустить случившееся, но я не смогла. Так и не получилось: стоило вспомнить, как леди Ребекка подхватывала меня на руки и кружила над луговыми цветами, а после — как кормила меня пропитанными снотворным булочками, внутри все переворачивалось. Всевидящий, да она даже ни разу не вступилась за меня перед мисс Хэвидж, а ведь достаточно было одного слова, чтобы эта картонная старая дева перестала меня третировать. Она позволила отцу запереть меня в темноте, одну, совсем кроху, и все это — зная, что я ее дочь!

— Я знаю, о чем ты думаешь, — Эрик коснулся моей руки.

— Неужели? — это вышло резко, но он руки не убрал.

— Моя мать меня ненавидела.

От скупого безразличия этих слов я вздрогнула. Вздрогнула, потому что меня прошило морозом, как строчкой швейной машинки: больно, до одури, и этот мороз плеснул в мою кровь, заставляя поежиться. Я повернулась к Эрику, но на этот раз он сидел неестественно прямо, опираясь раскрытыми ладонями на колени и не глядя на меня.

— Я нашел ее дневник, спустя много лет после ее смерти. Сын чудовища и дитя насилия — такими эпитетами меня наградили, — он усмехнулся. — Она ненавидела меня и желала «выжечь из моей жизни», как и любое напоминание обо мне. Ненавидела, но держалась из-за меня, не наложила на себя руки, не пыталась сбежать, чтобы не оставлять меня одного с отцом. Парадокс, правда? Поэтому пока твоя мать жива, Шарлотта, позволь ей быть с тобой откровенной. Возможно, она сожалеет о том, что сделала, а может быть, нет, но поверь, знать это гораздо лучше, чем оставаться в неведении.

— Не думаю, что она ненавидела тебя, Эрик, — хрипло прошептала я.

Ком в горле изменил мой голос до неузнаваемости.

— Ты говорил, что твой отец запер ее и держал в неволе. Она ненавидела его... и себя.

— Теперь это все неважно, — Эрик поднялся. — Я просто хотел сказать, Шарлотта: прочти письмо. Что бы там ни было, тебе станет легче.

Он бросил взгляд на тяжелые часы на каминной полке и направился в ванную комнату, на ходу расстегивая жилет. Я же смотрела ему вслед, не в силах двинуться с места.

Думая о том, что он только что сказал.

И о том, что ждет меня за печатью конверта.

Моя дорогая Шарлотта,

если ты сейчас читаешь это письмо, значит, ты нашла в себе силы простить и идти дальше. Ты всегда была сильнее меня, но к сожалению, я поняла это слишком поздно, равно как и то, насколько я ошибалась на твой счет.

Мы с твоим отцом любили друг друга. Любили не в том романтическом смысле, который принято вкладывать в эти слова авторами сентиментальных романов, нет, это было нечто гораздо большее. Когда мы познакомились, он путешествовал по миру, чтобы запечатлеть красивые места на холсте. Да, он тоже был художником, и магию ты унаследовала именно от него. Она была светлой, удивительно светлой — такой же, как он сам, такой же, какой у нас родилась ты.

Я вышла за него замуж вопреки воле отца, вышла и уехала в Вэлею. Рауль де Кри, так его звали. Возможно, ты не согласишься, но его имя до сих пор отзывается в моей душе теплом, а на губах — улыбкой. Долгие годы я не позволяла себе думать о нем, но сейчас, когда я наконец осознала, сколько лет потеряла впустую, я могу себе это позволить. Могу позволить думать о единственном мужчине, которого я любила по-настоящему. Думаю, что Рауль был тем единственным, кого я вообще любила, но с его смертью это чувство меня оставило.

Хочу, чтобы ты знала, он погиб, спасая тебя, Шарлотта.

Рауль происходил из семьи графа де Кри, это достаточно знатный род в Вэлее. Насколько мне известно, его старший брат унаследовал все состояние, но не смог им достойно распорядиться. Он был казнен за жестокость и бесчинства, которые творил над своей молодой женой и другими женщинами, все его имущество было арестовано тоже, а дом выставлен на торги. Но я отвлеклась...

Рауль утратил расположение отца, потому что выбрал стезю художника. Тот категорически отказался принимать его увлечение, лишил наследства, но он не побоялся отдаться страсти, которая с малых лет горела в его сердце. Его картины пользовались спросом, он писал, как умалишенный, продавал их, а на вырученные деньги путешествовал. Так мы и познакомились.

В Фартоне его привлекла красота моря, холмов и обрывов, но встретив меня, он впервые в жизни задумался о том, чтобы отказаться от своего увлечения. Он собирался вернуться и просить прощения у отца, чтобы жениться на мне, но я его отговорила. Я видела, насколько для него важно дело, которым он занят, и понимала, что мой отец никогда не примет такого зятя. Поэтому мы тайно обвенчались в небольшой часовенке, к югу от Фартона, а после вместе уехали в Вэлею.

Лишь оттуда я написала отцу.

Разумеется, он рвал и метал, обещал приехать и забрать меня, но к тому времени я уже носила тебя, Шарлотта. Конечно, я ответила, что никуда не поеду, а если он попытается увести меня силой, я устрою ему скандал. После этого мы не общались больше трех лет. Больше трех лет — время, что я носила тебя и была рядом с Раулем, эти годы стали самыми счастливыми в моей жизни.

Мы жили в Лавуа, это такое чудесное место, которое невозможно описать словами. Поля аламаньены и лаванды, море в нескольких часах езды, бескрайнее небо: днем синее-синее, а ночами усыпанное искрами звезд. Домик для нас Рауль построил своими руками. Разумеется, ему пришлось нанять рабочих в помощь, но многое он сделал сам. Он расписывал стены детской, и к твоему рождению у тебя уже была своя комната. Впрочем, когда ты только-только родилась, мы не оставляли тебя одну.

Колыбелька, а потом и твоя маленькая кроватка, стояла в нашей спальне, а твоя комната дождалась, пока ты немного подрастешь. Но так и не дождалась.

Тебе было два с половиной года, когда в нашем доме случился пожар.

По версии полиции, это был поджог. Они говорили о том, что скорее всего ночью в дом забрались бродячие воры или нонаэряне, а потом подожгли его, чтобы скрыть следы. Как по мне, так брать у нас было нечего, кроме нас самих и картин Рауля, которые он собирался отвезти на продажу, но я снова пишу не о том.

В ту ночь мы немного посидели с тобой на крыльце, как и в предыдущие вечера, чтобы крепче спалось, а после уложили тебя и легли сами. Нас разбудила ты, отчаянным криком, и когда я распахнула глаза, все вокруг уже было объято огнем. Он был за дверью, за окнами, едкий дым пробирался в комнату, заставляя задыхаться. Я бросилась к тебе, подхватила на руки, а Рауль накинул на нас покрывало и вытолкнул через окно. Нам удалось выбраться, но когда я отняла тебя от груди, ты уже не дышала.

Твой отец использовал свою магию, все свои силы, чтобы ты жила.

Вокруг нашего сгоревшего дома осталось выжженное поле аламельны. Выжженное не смертоносным пламенем, а живой силой Рауля. Он вытянул все силы из цветов, чтобы вернуть тебя, Шарлотта, и отдал всего себя, чтобы ты могла жить.

Думаю, что было дальше, ты уже догадалась. Я осталась одна с тобой на руках, потерянная, растерянная, убитая горем. О случившемся написали отцу, и он приехал, чтобы забрать нас. Условием нашего возвращения стало то, что я должна назвать тебя своей воспитанницей и не говорить, что я когда-либо была замужем. Отец придумал историю, согласно которой я поправляла здоровье и отдыхала в Вэлсе на побережье океана: так он говорил всем знакомым после моего побега. Вероятно, если бы я не вернулась, он объявил бы, что я умерла, но тогда мне было ни до чего.

Я не знала, куда идти и выбрала самый простой путь: приняла предложение отца. Так я вернулась в Фартон, в мир, к которому оказалась совсем не готова. Я думала, что смогу быть с тобой, ты будешь сыта и здорова, у тебя будет крыша над головой — и это самое главное. Как оказалось, не только. Каждый день видеть тебя рядом с собой и не иметь возможности назвать дочерью — это сводило меня с ума. Я была не готова к миру без Рауля, не готова к ненависти и презрению в глазах отца, поэтому когда в нашем доме появился виконт Фейбер, я посчитала это избавлением. Я согласилась выйти за него замуж, чтобы сбежать от отца, но все оказалось гораздо хуже.

Оказывается, пожилой граф де Кри искал меня, искал нас с тобой, чтобы сделать своими наследницами, но мой отец об этом умалчал. Он отказал ему, когда отец Рауля написал в Фартон, сказал, что в состоянии самостоятельно позаботиться о своей дочери, и что я не претендую на деньги их семьи. Я узнала об этом от второго мужа, спустя год, во время серьезной ссоры. К тому времени граф де Кри уже умер, а наследство полностью заполучил его старший сын.

Я не стану оправдываться, Шарлотта, я выживала как умела, а со временем утратила последнее, что связывало меня с Раулем: любовь к тебе. Сожалеть о сделанном уже

поздно, но я хочу, чтобы ты помнила о своем отце. Хочу, чтобы ты знала, что в этом мире был человек, у которого хватило сердца и смелости за тебя умереть.

Ты унаследовала от него не только страсть к живописи и магию, в тебе бьется его сердце, Шарлотта. И смелость в тебе тоже от него.

Сохрани их.

И будь счастлива.

Я сидела, подтянув колени к груди и глядя на падающие за окном снежинки. На подоконнике в мастерской было вполне уютно, а большего мне сейчас было и не нужно. Только касаться босыми ногами босых ног Эрика (он сидел напротив меня) и смотреть на зарождающуюся метель. Погода в этом году, определенно, сошла с ума. Сколько я себя помню, таких резких и частых перемен не было никогда.

— Хочешь погулять?

Его вопрос прозвучал очень уж неожиданно.

— Но ведь сейчас ночь.

— Боишься ходить по улицам Дэрнса ночью?

— Нет, — сказала я и спустила ноги на пол. — С тобой не боюсь.

С ним я готова была гулять ночью где угодно, даже в районе, где жила раньше. Даже в самом значном портовом, если, конечно, мне бы в голову пришла такая мысль. Я доверяла ему безоговорочно, и так же безоговорочно, должно быть, мой отец доверял леди Ребекке. Мог ли он подумать, что она от меня откажется? Я никогда не любила себя жалеть, но сейчас иначе не получалось. Не получалось не думать о счастье, которое было таким коротким и оборвалось в ночь пожара, не получалось не думать о том, что любое счастье можно разрушить.

Наверное, лучше мне было бы вовсе не появляться на свет.

— Шарлотта! — Эрик взял меня за плечи и заглянул в глаза. — Не уходи в себя.

— Я не в себя ухожу, — пожала плечами. — Я гулять собираюсь.

— Ты не виновата в том, что случилось.

Ну да, конечно.

Покорно кивнула и вывернулась из его рук, направляясь к дверям. Вопреки всему, с моих ресниц не сорвалось ни слезинки, хотя внутри творилось что-то невероятное. Творилось — после того, как я прочитала письмо, а сейчас начало затихать.

Наверное.

Оделись мы достаточно быстро, и так же быстро вышли на улицу. Валил густой снег, и от него вокруг становилось светло. Дэрнс, такой нелюдимый из-за холодов, мгновенно преобразился. Огней в окнах домов почти не было, зато был теплый свет фонарей, в котором снежинки казались вьющимися вокруг шаров пчелами. В эту минуту я отчетливо осознала, как соскучилась по лету. По яркой зелени, по дыханию свежести из распахнутых настежь окон мансарды, когда можно сидеть на подоконнике и смотреть на розово-сиреневые лоскуты заката в вечернем небе. Этим летом я размышляла о том, удастся ли мне, и как скоро, скопить сбережений, чтобы поехать к морю, а теперь...

— Люди иногда совершают ошибки.

— Правда?

Я не повернулась к нему, глядя прямо перед собой. Вообще у меня сейчас было такое чувство, что мороз отступил из города, потому что пробрался в меня. Вот я и замерзала, и может быть, так будет проще. Потому что тогда я больше не смогу чувствовать, и...

— Она осталась одна, Шарлотта.

— Поверить не могу, — хмыкнула. — Ты ее оправдываешь.

— Я никого не оправдываю, — Эрик остановился, и мне пришлось тоже. — Просто пытаюсь сказать, что ошибки людей не имеют к тебе никакого отношения. То, что твоя мать спасала себя и тебя именно так — это ее выбор. Не думаю, что он дался ей так уж легко.

— Тем не менее он ей все-таки дался.

— Да, и тебе остается просто это принять.

— И жить дальше? — я улыбнулась.

Очевидно, улыбка не удалась, потому что Эрик схватил меня за плечи и как следует встряхнул:

— Не смей от меня закрываться, Шарлотта!

— Не смей мне приказывать! — я рванулась из его рук и отступила назад. — Ты понятия не имеешь, что я сейчас чувствую. Мой отец умер из-за меня, он отдал свою жизнь ради... ради чего?!

— Наверное, ради того, чтобы мы сейчас могли с тобой говорить, — он шагнул ко мне. — Или ради того, чтобы спустя много лет ты улыбалась так же светло, как когда он держал тебя на руках.

Я сглотнула.

— Не смей... — прошептала сдавленно. — Не смей мне этого говорить.

— Почему?

— Потому что... он думал, что ма... что леди Ребекка его любит, а она отказалась от него, отказалась от меня и сбежала в спокойную жизнь с другим мужчиной! Всевидающий, да она даже фамилию мне придумала, чтобы никто и никогда не узнал, чья я дочь. Никто и никогда не узнал бы, если бы ее муж не вышвырнул ее на улицу, и в ней не проснулась совесть! Или желание облегчить тяжкую ношу своей бесконечной лжи! Она...

— Узнал бы.

Два коротких слова выбили из меня воздух.

— Что?

— Узнал бы, — повторил Эрик. — Я отправил Фьет-Лао в Вэлею, чтобы он выяснил все о твоих родителях.

— Зачем?!

— Тогда я хотел узнать, откуда в тебе магия смерти.

Я покачала головой.

— Мне страшно, Эрик. Страшно, что даже такие чувства, как у родителей, могут однажды разрушиться.

— Если чувства можно разрушить, значит, их просто нет, и сожалеть об этом не стоит.

— Как у тебя все просто, — заметила я. — Есть в этом мире хоть что-то, о чем, по-твоему, сожалеть стоит?

— Нет, — он шагнул ко мне вплотную. — Потому что у меня есть ты. Потому что я жду дня, когда смогу назвать тебя своей женой, как не ждал ничего и никогда. Потому что я жду дня, когда возьму на руки своего сына или дочь, и увижу в них твое отражение. Все это возможно только благодаря твоему отцу, Шарлотта. И за это я никогда не устану его благодарить.

Последние слова пришлись на хрупкую трещинку во льду, сковавшем сердце. Наверное, именно поэтому оно сначала дернулось, а потом забилося сильнее. Слезы все-таки хлынули из глаз, а Эрик привлек меня к себе. Скрывая их и меня ото всего мира, от надвигающихся темными великанами особняков, от кружащей над нами метели, ото всего, что давило на плечи с той самой минуты, как я прочла это письмо. Я плакала до тех пор, пока во мне не осталось даже всхлипов, плакала, отпуская всю боль, от каждой невнимательности леди Ребекки, от каждого взгляда свысока, от каждой ее лжи: «Никогда больше не называй меня мамой, Шарлотта», — до раскрывших мне правду строчек.

Не знаю, сколько мы так стояли, когда он осторожно отстранил меня за плечи и заглянул в лицо. В его глазах было столько чувств, что я чуть не разревелась снова, поэтому и не нашла ничего лучше, как спросить:

— У тебя есть платочек?

Вместо ответа он стянул перчатки и мягко провел пальцами по моим щекам, стирая слезы. А потом коснулся их губами, обжигая горячим дыханием, чтобы в следующий миг прижаться щекой к щеке.

— Нет.

И не надо, подумалось мне.

— Я не знал, что у этой мрази был младший брат, — глухо произнес Эрик. — И уж тем более не мог представить, что он окажется твоим отцом.

Рауль де Кри.

Да, иногда у судьбы странные шутки. Камилла была замужем за мужчиной, который оказался старшим братом моего отца. Два брата: один — жестокий и бессердечный, находящий удовольствие в издевательствах над теми, кто слабее его, и другой — бесконечно светлый и добрый. Готовый на все ради жены и дочери.

Эрик подхватил меня под руку, и мы, не сговариваясь, направились по улице в сторону особняка де Мортена. Сквозь снежную круговороть впереди медленно выступали очертания домов. Уютных, за окнами которых у камина собираются семьями. Там, где слышны смех и радостные голоса детей, где родители обсуждают, какие подарки они приготовят к Празднику Зимы, до которого осталось всего-ничего.

В моей семье все будет именно так.

Смех, радость и счастье. У моих детей никогда не будет гувернанток, которые поднимут на них руку, я никогда не позволю им чувствовать себя ненужными и одинокими. Мои дети будут знать, что я их люблю. Я буду говорить им об этом перед сном, закутывая в одеяло, и с утра, когда они будут просыпаться. Я всегда буду рядом с ними, что бы ни случилось, и... Эрик тоже будет.

Я читала это в его глазах, когда он смотрел на меня. Читала и знала, что ошибок своего отца он никогда не повторит. И не только отца, своих — тоже.

Украдкой взглянула на него, но он этот взгляд поймал.

— Какой ты видишь нашу свадьбу, Лотте?

От такого вопроса несколько растерялась.

— Не знаю, — пробормотала смущенно.

Как-то раньше мне не доводилось думать о свадьбах, но в мечтах это было что-то очень скромное: небольшая часовенка, платье без турнюра и простенькая фата. А вот как себе это представляет Эрик...

— У меня есть одна идея, — произнес он. — Мы можем пожениться в Иньфае.

Да, такого в моих мечтах точно не было.

— Океан, рассвет и прибой. Повсюду цветы, арка из вьюнов.

И такого тоже.

— Подумай над этим, — он улыбнулся. — Там такая природа, от которой твоя магия будет в восторге.

Я фыркнула.

— А я?

— И ты будешь, — усмехнулся он. — Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Эрик, туда добираться полгода!

— Раньше было полгода. Сейчас, на дирижабле, от силы пять дней.

— Никогда не летала на дирижаблях... — пробормотала я.

— Это тоже потрясающе.

Главное, чтобы от избытка всего потрясающего у меня не случилось какого-нибудь... потрясения. Для Эрика это все в порядке вещей, но для меня...

— Джон и Ричард меня убьют, — вздохнула.

— Джон и Ричард? — Эрик нахмурился.

— Да, мои коллеги. Помнишь?

Он хмыкнул и пристально на меня посмотрел.

— Какое отношение они имеют к нашей свадьбе?

Я вздохнула. Не объяснять же ему, что мужчины, едва увидев кольцо, тут же забросали меня вопросами. Когда, где, а Ричард еще и всячески намекал, что намерен быть гостем, потому что на свадьбах вкусная еда, балы и красивые мисс. Боюсь, в случае с Иньфаем его постигнет грандиозное разочарование, потому что даже самый простой билет на дирижабль

стоит очень недешево, да и красивых мисс там не будет. Точнее, будут красивые, но не мисс. Пока что я смутно себе представляла, как иньфайская культура сочетается с энгерийской.

— В общем, это на тему гостей, — тактично заметила я.

— Зачем нам гости, Шарлотта?

Действительно, зачем. По большому счету, мне даже приглашать некого.

Или... есть?

— Я бы хотела съездить в Фартон на праздники, — сказала неожиданно даже для себя.

Сказала и замерла: стоит ли туда ехать? После всего, что было, возможно, стоит все оставить, как есть?

Эрик кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо? — я приподняла брови. — И ты даже не станешь меня отговаривать?

— А должен? — он хмыкнул. — Там твоя мать. Если бы я мог поговорить со своей матерью, я бы поехал даже на край света.

Я осторожно коснулась его щеки пальцами, разворачивая к себе. Приподнялась на носочки и поцеловала в губы, вложив в этот поцелуй всю свою нежность.

— Я люблю тебя, — прошептала еле слышно.

Навряд ли эти слова могли вместить все то чувство, которое я испытывала к нему, но я хотела передать хотя бы его частичку. Чтобы Эрик мог почувствовать его вместе со мной, но того, что услышала в ответ, не ждала.

— И я люблю тебя, Лотте, — произнес он, серьезно и глубоко. А потом развернул меня в сторону парка и указал на стоящую на мостике пару, укутанную вуалью метели. — Не одни мы такие сумасшедшие.

— Не сумасшедшие, — сказала я. — Счастливые.

— Разве это не одно и то же?

— Не знаю, — ответила я. — А это так важно?

— Нет, — Эрик коснулся пальцами моего подбородка (в последние дни он не упускал ни одной возможности такой вот случайной ласки) и улыбнулся. — Пойдем домой.

Глава 12

Первый раз я увидела в зеркале незнакомку, когда собиралась в театр. Второй раз — сегодня: не было у этой утонченной девушки в платье серебристо-голубого цвета ничего общего со мной. Кроме удивленно распахнутых глаз, разве что. Струющаяся ткань, когда я ее выбирала, показалась мне очень красивой. Именно поэтому я остановила свой выбор на ней, но «очень красивая» — не то слово, которое было к ней применимо. Невесомая органза искрилась и переливалась в свете ламп, из-за чего выглядела еще более воздушной, сотканной из магии.

Прическу мы с Сюин выбирали долго, но все-таки остановились на локонах, свободно падающих на спину и подхваченных на затылке гребнем. Открытые плечи и неглубокое декольте, пышная юбка, которая расплескалась по полу волнами. Вшитый в лиф корсет был гораздо более щадящим, чем тот, что мне приходилось носить ранее. Именно поэтому я сейчас не чувствовала себя полупридушенной: за обедом было слишком много всего вкусного, и я слегка забылась. Не первый раз за последние недели, надо сказать: аппетит у меня был просто зверский.

Если бы не волнение, наверное, я бы съела гораздо больше, но при одной мысли о высшем свете Энгерии у меня потели ладони, а сердце начинало стучать быстро-быстро. Мы с Эриком, конечно, гости четы де Мортенов, но появление Патрика и Джулии Рокенфорд в их обществе не мешало говорить про последних гадости, хотя Патрик и Джулия уже женаты. С другой стороны, не все ли мне равно, что будет обо мне говорить высший свет Энгерии?

А ведь еще нам предстоит встреча с братом Эрика и его супругой.

Я потеряла ладони и закусила губу.

Оперлась о туалетный столик, вглядываясь в свое отражение, пытаясь выровнять дыхание и успокоиться, такой меня и застал Эрик. Шаги я услышала слишком поздно, а когда услышала, не успела даже обернуться: он приблизился ко мне и невесомо коснулся плеч: — Шарлотта, ты прекрасна.

Пальцы скользнули по обнаженной коже, заставляя меня покрыться мурашками. В отражении рядом со мной застыл самый красивый мужчина на свете. В нем не осталось ничего от образа Ормана: широкие плечи, уверенный, сильный, но теплый взгляд, резкость его лицу придавали разве что чуть подрагивающие крылья носа и хищный разлет бровей. Темно-синяя рубашка и брюки, темно-синий шейный платок, серебряная строчка на жилете на пару тонов светлее прочей одежды сочеталась со снежной прядью в его волосах и светло-серыми глазами.

— Ты тоже, — прошептала я, не в силах пошевелиться.

Кажется, волнение достигло своего апогея, и теперь я не представляла, как вообще сдвинусь с места. Не говоря уже о том, чтобы сунуться в зал, битком набитый аристократами.

— У меня есть для тебя подарок.

— Подарок? — прошептала побелевшими губами. — Разве их не вручают в праздничную ночь?

— До праздничной ночи осталось совсем чуть, а к тому времени он будет уже не актуален. Закрой глаза.

Несмотря на то, что мне меньше всего хотелось это делать сейчас, подчинилась. Прикрыла глаза, чувствуя, как Эрик отстранился. Легкий шорох сменился щелчком, а спустя пару мгновений мне на шею легла тяжесть ожерелья. Я открыла глаза раньше, чем Эрик отвел мои волосы в сторону (чтобы застегнуть украшение). Открыла, и сейчас смотрела на паутину бриллиантов, брызгами расплескавшуюся по коже. Сотканная из тонких нитей, она собиралась узлами более крупных камней, а самый большой каплевидный, в оправе из белого золота, подчеркивал едва заметную ложбинку между грудей.

Всевидающий!

Сколько это украшение стоит?!

— Нетерпеливая, да? — хмыкнул Эрик, щелкая застежкой.

— Эрик!

— Что? — он протянул мне футляр, в котором лежал браслет, серьги и кольцо.

Огромный футляр, большая часть которого пустовала, и неудивительно — основное его содержимое перекочевало на меня.

— Тебе нравится?

Нравится ли мне?

— Кажется, я понимаю твою задумку: теперь все будут смотреть на него, а не на меня.

— Смотреть все будут именно на тебя, — хрипло сказал он, возвращая локоны на место и прикрывая обнаженную спину. — Это лишь тебя оттенит.

— И не позволит сдвинуться с места, — фыркнула я, стараясь скрыть смущение.

— Если потребуется, понесу тебя на руках.

— Ой, нет! — воскликнула я, наигранно выставив руки вперед.

Эрик коротко улыбнулся:

— Примерь остальное.

Дрожащими пальцами надела серьги, затем кольцо. Эрик помог застегнуть браслет, и только после этого я повернулась к зеркалу. Комплект смотрелся не просто богато, роскошно, и я попыталась возразить:

— Не думаю, что стоит привлекать к нам лишнее внимание.

— Шарлотта, ты отводишь украшениям слишком большую роль. Поверь, если ты придешь туда без них, ты привлечешь гораздо больше внимания.

Вздыхнула: пожалуй, он прав, но...

— Я не хочу снимать другой подарок, — показала колечко с изумрудами.

— Это всего лишь на одну ночь.

— Даже на одну ночь не хочу. Мне кажется, это плохая примета.

— Такой приметы не существует, Шарлотта, — Эрик привлек меня к себе (осторожно, чтобы не помять платье), и коснулся губами губ. — Давай, я сделаю это за тебя.

Прежде чем успела возразить, он стянул обручальное колечко и положил на туалетный столик.

— Видишь? Ничего плохого не случилось.

Судорожно вздохнула, согреваясь теплом его рук.

— У меня тоже есть для тебя подарок.

— Правда? — глаза его сверкнули.

— Правда. Сейчас. — Я неловко высвободилась и подошла к комоду.

Сюин помогала мне одеться в моей комнате, и сейчас это значительно упростило задачу. Я достала коробочку с часами с логотипом Льюиса Талбота: стрелками, между которыми застыли витые инициалы «Л.Т.», и протянула Эрику.

— Вот.

Я предполагала, что его ничем не удивишь, но мне хотелось, чтобы ему понравилось. Мне очень хотелось, чтобы ему понравилось, поэтому сейчас я с волнением вглядывалась в его лицо. Как легко дрогнули уголки губ, когда он взял коробочку в руки, как его пальцы вдавили кнопку в корпус, и крышка подскочила наверх. Улыбка сменилась тонкой линией губ на короткий, едва уловимый миг. В ту же минуту уголки его рта снова дрогнули, и Эрик захлопнул коробочку.

— Не понравились? — слова вырвались сами собой.

— Понравились.

— Но ты их не наденешь, — я отвернулась к зеркалу.

Тщетно скрывая разочарование: я действительно очень мало знала о нем, но так хотела, чтобы...

— Шарлотта.

Коробочка снова открылась.

— Не стоит, — я резко обернулась к нему. — Не стоит, Эрик, правда. Ничего страшного, не нужно надевать то, что...

Он развернул футляр ко мне, и я замерла.

Внутри, на темно-синем бархате, ничего не было.

Не веря своим глазам, я смотрела в раскрытую коробочку, пытаюсь осознать то, что произошло. В этом доме не было никого, кто мог бы взять часы: ни Сюин, ни Тхай-Лао на такое не пойдут, но часов не было.

— Я не... — растерянно взглянула на Эрика.

— Шарлотта...

— Я не знаю, как так получилось! Это не розыгрыш, Эрик, возможно, может показаться, что у меня на такой подарок не хватило бы денег, но на новой работе...

Он положил футляр на туалетный столик, взял меня за плечи.

— Шарлотта, я знаю.

— Знаешь? Что ты знаешь? Я ведь готовила тебе подарок, хотела тебя порадовать, и...

— Ты меня порадовала, — серьезно произнес он. — Ты даже не представляешь, как.

— Чем? — усмехнулась я. — Пустой коробочкой?

— Вниманием.

— Дорого ли стоит внимание, — пробормотала я, пытаюсь вывернуться из его рук, но он не позволил. Напротив, сильнее сжал мои плечи и как следует встряхнул:

— И это говоришь ты? Женщина, которая отказывалась принимать от меня подарки? Или если бы я не принес тебе это, — он подцепил пальцем украшение на моей груди, — ты бы расстроилась?

— Нет, но...

— Но — что, Шарлотта?

— Ты бы не расстроился, если бы открыл коробку, и вместо этого, — я повторила его тон, — получил возможность надеть на меня пустоту?

— Расстроился бы. Но ненадолго, потому что главное у меня в руках, — произнес Эрик, глядя мне в глаза и поглаживая пальцами плечи. — Потому что я знаю, что тебе наплевать на все подарки мира, что тебе нужен только я. Так почему ты думаешь, что для меня важнее это?

Он кивнул на пустой футляр.

— Не думаю, — прошептала сдавленно. — Но я правда очень хотела сделать тебе подарок...

— Сделаешь еще не один раз, — он отпустил мои плечи и коснулся подбородка. — Напишешь много чудесных картин, которые будут выставляться в лучших залах мира, и у тебя будет возможность дарить мне любые подарки, если это для тебя важно. Правда, самый большой подарок ты мне уже сделала, когда согласилась стать моей женой. И я знаю только один, который будет мне настолько же дорог.

— Какой? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Наш ребенок, Шарлотта.

От такого на щеки плеснуло краской.

— Эрик... — смущенно пробормотала я. — Не думаю, что нам стоит говорить об этом до свадьбы.

— Говорить об этом мы можем когда угодно, а вот к воплощению этой идеи точно приступим после свадьбы.

Я покраснела еще сильнее.

— И, пожалуй, после того, как пообедем весь мир.

— А мы пообедем весь мир? — улыбнулась.

— Разумеется. Я хочу показать тебе каждый его уголок, — он поцеловал меня в губы. — А теперь пойдем. На экипаже добираться дольше, чем на мобиле.

Наемный экипаж мы решили вызвать, потому что ехать в таком платье в мобиле не представлялось возможным. К тому же, Эрик заявил, что в Мортенхэйме ночевать не намерен, а игристое вино лучше не сочетать с вождением. То есть приглашали-то нас, разумеется, как и всех — на бал, праздничный ужин и фейерверк, после чего гостям предлагалось остаться и на следующий день, но он был непреклонен в своем желании вернуться в город.

— Эрик, кто мог их взять? — кивнула на пустую коробочку. — Ведь у тебя по всему дому десятки защитных заклинаний и сигнальных артефактов, я просто не представляю...

— Я представляю.

Что?

Моргнула, растерянно уставившись на него.

— Агольдэр, Шарлотта. Вероятно, это был он. Больше никому.

Пока я силилась объять сказанные им слова, Эрик продолжил:

— Я обещал тебе, что займусь вопросом агольдэра, и я им занялся. Помня о том, что обычные ловушки и сигнальная магия в его случае не работают, воссоздал и переработал одно древнее заклинание. Помнишь, я рассказывал тебе о некромагии во времена армалов? О том, что они могли заключать в оболочку призрака сознание?

Помнила я весьма смутно, но сейчас кивнула. Если честно, эта тема казалась мне настолько жуткой, что даже сейчас по коже прошел мороз.

— Разумеется, агольдэр — не призрак, но я предположил, что создатель первого монстра частично опирался на опыты тех магов. В те времена призраки обретали форму, подчиняясь темной магии, и я решил кое-что проверить. Поставить сигнальные нити, способные оповестить о вторжении потустороннего существа, которое становится материальным.

— И он... приходил? — во рту неожиданно пересохло.

— Приходил, — коротко отозвался Эрик. — Нарвался на нити и быстро сбежал.

Подозреваю, что он проделывал это не раз и не два, в надежде обнаружить тебя без защитного заклинания. Подозреваю, что он с каждым днем становится все сильнее, поэтому и смог взять часы. Приходил, когда меня не было дома.

— Зачем?! — вырвалось у меня.

— Чтобы отомстить. Чтобы показать свою силу. Не знаю, — он пожал плечами. —

Вероятно, эта тварь считает, что становится неуязвимой.

— А это не так?

— Не так. Когда у него окончательно сформируется физическое тело, его можно будет заключить в ловушку, похожую на ту, какой пользовались в древности. Воссозданные призраки не всегда отличались покорностью, особенно когда обретали сознание. Специально для них существовала клетка, похожая на клетку Каори для людей. У нее иной принцип: она затягивает существо на место его гибели и запечатывает внутри. Безо всякой

приманки. Вываться оттуда оно уже не сможет. Возможно, придется доработать это заклинание, перестроить под агольдэра, но с помощью Терезы и де Мортена это не проблема. Аддингтону не так долго осталось метаться по этому миру.

Рассеянно кивнула.

— Надеюсь. Ты сегодня расскажешь об этом де Мортену?

— Разумеется. При одном условии.

Изумленно вскинула брови.

— Обещай мне, что сегодня будешь развлекаться и отдыхать, Шарлотта. Агольдэр — не твоя забота.

Легко ему говорить.

— Шарлотта! — строго произнес он. — Мы договаривались, что ты не станешь в это лезть.

— Помню, — вздохнула. — Но я не могу спокойно об этом думать...

Эрик нахмурился, и я покачала головой.

— Хорошо. Только после праздника ты расскажешь мне все, о чем вы договорились. Ведь это касается и меня тоже.

— Договорились, — он легко обнял меня и так же легко отпустил. — А теперь пойдем.

Энгерийская привычка демонстрировать свое равнодушие к приглашениям и задерживаться минут на сорок не по мне.

Фыкнула: действительно, в Энгерии считалось позорным приходить строго к назначенному времени. Это показывало твою чрезмерную заинтересованность в приглашении и расположении хозяев дома, а еще навязчивость. Если честно, не хотела бы я оказаться среди «задержавшихся» под взглядом его светлости де Мортена, еще вколотит в пол — выковыривай потом.

Эрик подхватил меня под руку, а я подхватила с туалетного столика обручальное колечко и положила в ридикюль.

— На счастье, — пояснила смущенно. — Чтобы вечер прошел хорошо.

По губам Эрика скользнула легкая улыбка, он подтянул чуть сбившуюся перчатку повыше, к моему локтю, и мы вместе вышли за дверь.

Мортенхэйм возвышался над снегами, выступал из темноты огромной, переливающейся огнями величественной скалой. Приникнув к окну, я не сводила глаз с этого замка, обещающего самый незабываемый и удивительный вечер в моей жизни. Вечер с мужчиной, которого я люблю.

Перевела взгляд на Эрика — он сидел напротив меня, глядя совершенно в другую сторону. Казалось, его вовсе не волнует ни предстоящая ночь, ни замок, от которого я не могла отвести глаз вот уже десять минут: с той самой поры, как экипаж чуть-чуть поднялся в гору, оставляя за спиной дорогу и неожиданную полонку. На полпути колесо угодило в глубокую яму, припорошенную снегом, и надломилось. Если бы не Эрик, наверное, мы бы не двинулись с места.

— Я ничего не смогу поделать, — воскликнул кучер, указывая на колесо: оно действительно выглядело ужасно. — Прощу прощения, мистер, но нам...

— Снять его, вы, по меньшей мере сможете?

— Зачем это? — кучер подозрительно прищурился.

— Просто снимите, — раздраженно произнес Эрик, и тот подчинился: поставил подпорку, а негодное колесо швырнул на снег, бормоча себе под нос что-то про дурные приметы вбалмошных богатеев. Впрочем, долго ему бормотать не пришлось: с рук Эрика сорвались изумрудные нити, которые оплели колесо. Оно восстанавливалось на глазах, изломы срослись.

Кучер, который все это наблюдал только сдвинул цилиндр назад: так, что тот чуть не свалился с его головы.

— Волшбой колесо восстанавливать — тоже дурная примета.

— Дурная примета — торчать посреди поля, когда опаздываешь на прием, — хмыкнул Эрик. — И если вы сейчас же не поставите его на место, я вас оставлю здесь.

Дождавшись, пока колесо вернется на место, он подал мне руку и указал на карету:

— Шарлотта.

— Теперь мы точно опоздаем, — пробормотала я.

— Не опоздаем, — отмахнулся Эрик, захлопнув дверцу. — Дольше спорили, чем дело делали.

Судя по часам на цепочке, которые оказались у кучера, мы подъезжали к владениям де Мортена вовремя. Точнее, по владениям герцога мы уже ехали, а вот раскинувшийся перед нами замок был не просто невероятным — роскошным.

Впрочем, наш экипаж тоже был роскошный: внутри — два светильника-артефакта, такие же, только более мощные, освещают путь. Сиденья скамеек больше напоминали диванчики, в одном из которых я утонула, а Эрику даже не пришлось активировать согревающее заклинание, тепло внутри тоже сохранялось за счет артефактов. Больше того, здесь было настолько тепло, что я сняла серебристую, в тон платью, накидку, и положила ее рядом с собой.

Почувствовав мой взгляд, Эрик повернулся ко мне и улыбнулся.

— Что такое, Лотте?

— Любуюсь замком его светлости.

И тобой.

Он приподнял брови, скользнул по приближающемуся величию равнодушным взглядом.

— Замок как замок.

— Замок как замок?! — воскликнула я.

— Да. Разве что сверкает, как праздничная ель.

Я шумно вздохнула.

— Неужели тебе ни капельки не нравится?!

— Я рад, что нравится тебе, — он подался вперед и взял мои руки в свои.

Нет, я просто не понимаю! Как... как можно оставаться равнодушным к такой красоте?!

Разумеется, он много где побывал и много всего повидал, но это выступающее из сгущающейся тьмы чудо, окруженное массивными квадратными стенами, это чудо со старинными башнями и, наверняка, невероятно огромным холлом внутри, с витражными окнами, и подземельями...

На последней мысли я осеклась.

«Мы в подземелье замка моего отца, мисс Руа».

Что я знаю об отце Эрика? Что он был бессердечным чудовищем, что держал свою жену взаперти и выжег из сына магию, чтобы заменить новой силой. Но... кем он был?

Решив, что сейчас это не подходящая тема, сделала себе заметку спросить после праздников. Или когда-нибудь попозже, когда Эрик сможет говорить об этом так же легко, как мне сейчас думается о леди Ребекке.

Удивительно, но он оказался прав: после того письма мне стало легче. Пусть правда оказалась не самой приятной, а временами очень жестокой или проникновенно-грустной, я понемногу отпускала сидящие занозами в сердце обиды. Вытаскивала их и выбрасывала одну за другой, позволяя любви залечивать ранки. О том, какой будет встреча с леди Ребеккой, я тоже предпочитала не думать. Послезавтра мы уезжаем в Фартон, там все и решится, а сейчас...

До ворот оставалось всего-ничего, и волнение вернулось, а вместе с ним вернулся и бешеный стук сердца.

— Значит, замками вас не впечатлить, месье Орман, — сказала я, глядя ему в глаза.

— Нет, — Эрик покачал головой.

— А чем впечатлить?

— Сегодня ночью я тебе покажу.

Сказано это было так, что я вспыхнула ярче артефакта, а пока приходила в себя, экипаж уже преодолел последние футы колеи, и колеса загромыхали по мощеному двору замка. От неожиданности я отпрянула, выглянула в окно: двор освещали разноцветные фонарики, переливающиеся, подмигивающие, раскрашивающие полумрак классикой палитры. Здесь не было яркого света, но за счет снежных воротников на стенах и подчеркнутой такими же мерцающими огоньками подъездной дорожки (прямо по камню!), создавалось ощущение, что я очутилась в сказке.

Возможно, так оно и было, потому что когда к экипажу подбежали слуги в расшитых ливреях, сердце вообще пропустило удар. Эрик помог мне закрепить накидку и поправить волосы в тот самый миг, когда распахнулась дверца.

— Милорд. Миледи, — мужчина склонился, указывая в сторону высоких дверей и широченной лестницы, которой мог позавидовать даже Королевский театр.
Ой, мамочки.

Я чуть не споткнулась, когда выходила: к счастью, Эрик был рядом. Он меня поддержал и вовремя увел в сторону от щербины на камне.

Широко распахнутыми глазами я смотрела на стоящий перед нами экипаж, тоже весьма богато оформленный, а вдалеке у ворот уже цокали копыта лошадей (приехал кто-то еще).

— Ой, мамочки, — повторила я.

Теперь уже вслух.

— Не волнуйся, Шарлотта.

— Не волнуйся? Тебе легко говорить!

Каждый шаг по лестнице давался мне с трудом, ноги словно свинцом налились.

— Помнишь, что ты сказала, когда мы собирались гулять ночью? — Эрик наклонился к моей щеке.

— Что?

Я сейчас имя-то свое забуду, не говоря уже о том, что я там сказала.

— Что рядом со мной ты ничего не боишься.

— А...

Ни на что более осмысленное меня не хватило, потому что слуги распахнули перед нами двери, и просторный, высоченный и огромный холл поглотил нас в прямом смысле этого слова. Сначала над нами раскинулось ослепительное сияние роскошной многоярусной люстры, а ввысь взметнулись гобелены, на которых были изображены магические схватки. Витражные окна и правда были (видимо, именно они служили здесь основными источниками света днем), но рассмотреть их не хватило времени.

К нам приблизился степенный дворецкий с лакеем, которые забрали верхнюю одежду, на приветствия которых я ответила сквозь какой-то странный шум в ушах, и только потом — Луиза и его светлость. Все, что мне удалось отметить — это совершенно потрясающее платье герцогини: цвета вина, как лепестки темной розы, подчеркивающее и без того яркую внешность. Оно, то есть платье, было из плотного атласа (женщинам ее возраста полагалось носить такие ткани), а рубиновое ожерелье лишь оттеняло его. На этой мысли на меня напал ступор.

Глаза распахнулись еще шире, так и остались, словно в них вставили спички, а в рот словно ваты натолкали. Сейчас я при всем желании не смогла бы выдать из себя ни слова, и от этого мне вдобавок ко всему стало трудно дышать.

— Орман, — жесткий голос де Мортена и улыбка Луизы. — Мисс Руа.

Его светлость даже коснулся моей руки губами, и когда я склонялась в реверансе, мне почудился скрежет моих коленей: настолько деревянной я себя сейчас чувствовала.

— Де Мортен. Герцогиня, — Эрик на удивление легко поцеловал Луизе руку.

— Как добрались?

— Превосходно.

— Мисс Руа, вы прекрасно выглядите, — понимаю, что это был дежурный комплимент, и на него достаточно: «Спасибо, ваша светлость», но во мне неожиданно проснулась говорливость:

— Благодарю. У вас чудесные гобелены. И все чудесное, ваша светлость тоже чудесная. То есть я хотела сказать, что у вас чудесное платье. Но и то, что в платье, конечно, тоже. Кажется, умение вовремя замолчать, это не про меня, потому что у Луизы расширились глаза.

— Простите, — сказала я, — я просто переволновалась. Меня действительно очень впечатлили гобелены.

Неожиданно ее светлость рассмеялась:

— Да, я вижу, — сказала она. — Уже несколько лет говорю мужу, что сцены магических битв — это не совсем то, чем стоит встречать гостей, но пока побеждают традиции.

— Традиции — то небольшое, на чем держится мир. Проходите в залу, — де Мортен чуть отступил в сторону и кивнул на ожидающего слугу. — Почти все гости уже прибыли, ждем лишь немногих, в том числе ее величество Брианну и принца-консорта.

Они с Эриком обменялись серьезными взглядами, которые могли значить примерно следующее: «Время поговорить у нас еще будет», а потом мы шагнули вслед за слугой. Почувствовала, что прибыл кто-то еще из гостей (потянуло холодом), но оборачиваться посчитала дурным тоном.

— Ты слышал, что он сказал? — прошептала я.

Эта новость перекрыла даже впечатления о моем позоре.

— Что именно? Что все гости уже прибыли?

— Про ее величество! — выдохнула.

— Шарлотта, — Эрик пристально на меня посмотрел, — не падай в обморок. Тогда мне точно придется носить тебя на руках.

— Я... Что?! Хватит надо мной издеваться! — уцепилась за локоть под фраком.

— Издеваться? Я даже не начинал! «У вас чудесные гобелены»!

Возмущенно вздохнула, но в этот момент перед нами распахнулись очередные двери:

— Месье Пауль Орман и его невеста, мисс Шарлотта Руа.

Все взгляды устремились на нас, и я сглотнула. Что ни говори, а представление вышло необычным. Как принято появляться у нас в обществе? С братом, супругом, с отцом или с дедом, со всей семьей. Незамужняя женщина может появиться с женихом в общественном месте только в присутствии дуэньи, матери, того же брата или отца, а я...

— Граф и графиня де Ларне!

— В засаде он сидел, что ли, — процедил Эрик.

Прежде чем я успела обернуться и посмотреть, кого он так «рад» видеть, с нами уже поравнялась пара. Прежде чем успела осознать, кто передо мной, мужчина вскинул руку.

— Прошу внимания!

Голос его: сильный, низкий, глубокий, произвел тот же эффект, что и наше появление. С той лишь разницей, что после объявления нас с Эриком внизу зашептались, а сейчас все голоса стихли.

— По недоразумению или по недосмотру, моего брата представили его псевдонимом, который он выбрал, чтобы вести собственное дело. Не далее как несколько дней назад он принял титул отца, который ему возвратили за особые заслуги перед страной и короной. Встречайте: его светлость герцог де ла Мер и его будущая супруга.

На этом мой запас потрясений, очевидно, иссяк, потому что я только моргнула. По залу волной пронесся вздох, поглотивший еле слышное от Терезы:

— Не стой как вкопанный, Эрик.

— Ты что творишь, братец? — процедил он, когда мы двинулись к лестнице.

— Заткнись и иди.

Очаровательные у них... семейные отношения.

Украдкой взглянула на брата Эрика: высокий, волосы удивительного медового цвета, а глаза — им в тон — как кофе со сливками. Увы, отнюдь не теплые, во взгляде — опасность. Это я уловила, когда Анри (кажется, так, Эрик его называл), повернулся ко мне.

Сил чему-либо удивляться уже не осталось, поэтому когда лестница кончилась, и Тереза взяла меня под руку, я даже не подумала вырываться.

— Пойдем, Шарлотта. Я тебе все расскажу и покажу.

Расскажете? Да, мне определенно хочется знать, что здесь происходит.

Взглянула на Эрика, но он только кивнул:

— Иди, — и в одно мгновение свернул в другую сторону вслед за братом.

М-да.

Почему я начинаю думать, что «чинить колесо волшеббой» — плохая примета?

— Значит, ты та самая Шарлотта, — графиня де Ларне окинула меня изучающим взглядом.

— Определенно, — я вернула такой же.

Похоже, моя смелость ей понравилась, потому что уголки тонких губ приподнялись:

— Тереза, — коротко представилась она.

— Я знаю.

Определенно, я сегодня в ударе.

— Вот как. Эрик обо мне рассказывал? — улыбка стала чуть глубже.

Ну как сказать. Я видела вас обнаженной и в цепях, на картинах, от которых волосы дыбом.

— Да.

— Забавно.

Тереза была хороша собой. Действительно очень хороша, хотя классической красотой ее внешность отмечена не была. Резкие черты и высокий лоб, тонкие губы делали ее слишком жесткой для женщины. В платье алого цвета, с темными, как смоль волосами, уложенными в высокую прическу и открывающими длинную шею, она неизменно притягивала внимание. Только сейчас я заметила в ее волосах инеевую прядь, в точности такую же, как у Эрика.

— Наше знакомство вышло несколько необычным, — произнесла она. — Но я уверена, что Эрик потом вам все объяснит.

Да, Эрику многое придется мне объяснить. В частности, о том, почему он ничего не сказал про свой титул.

Герцог де ла Мер, с ума сойти...

Герцог де ла Мер?!

Я чуть не наступила на подол своего платья. Виконт Фейбер как-то говорил о нем, упоминал в разговоре с леди Ребеккой: Симон Эльгер, герцог де ла Мер, сильнейший маг, замешанный в заговоре против вэлейской короны или даже бывший ее идейным вдохновителем.

Всевидящий!

— Думала, что мне объясните вы.

— Я? — Тереза приподняла брови. — Я просто хотела с вами познакомиться. Поговорить с женщиной, ради которой Эрик снял маску.

Да, как-то не так я представляла свой первый выход в свет.

Хотя может быть, и так: на нас глазели. Нет, не так, как на ярмарке, когда Эрик делал мне предложение, а украдкой, из-под вееров. Мужчины — немногим более прямо, скрывая под свойственным этикету внимание любопытство, лишь считанные единицы смотрели спокойно или не смотрели вовсе. Людей здесь было море, и мы шли сквозь это разноцветное море, провожаемые взглядами и шепотками. Такими приглушенными, но я никогда не жаловалась на слух.

«Красивое платье, вы не находите?»

«Да, очень необычный фасон...»

На сыплющиеся на нас взгляды Тереза отвечала свысока, иногда слегка наклоняя голову, иногда просто игнорируя.

— Граф и графиня Уитмор! — объявили за нашими спинами.

У Терезы дернулась бровь, но она не обернулась, и я тоже не стала.

— Здесь можно будет отдохнуть, — Тереза шагнула влево, увлекая меня за собой. — Если устанете от танцев.

Бальную залу украшала огромная ель, а ее — многочисленные игрушки. Нити фонариков оплетали высокие потолки, стекали по тяжелым портьерам, занавешивающим высокие окна. Музыкантов усадили в просторную, празднично украшенную нишу: я заметила их, когда мы приблизились к стене со столами, накрытыми белоснежными скатертями. На них красовались кюшонницы с напитками, бесчисленные ряды бокалов поблескивали в свете люстр. Чуть поодаль стояли ряды стульев для желающих передохнуть, ниши с диванчиками уже были заняты ожидающими первого танца.

— Бал будет продолжаться несколько часов, а после нас пригласят на праздничный ужин.

Она кивнула в сторону дальних дверей, и я замерла: чуть поодаль вместе с отцом стоял Ирвин. Он наверняка слышал, как нас объявили (акустика в зале построена таким образом, чтобы музыка и оглашение вновь прибывших были слышны отовсюду), но в нашу с Терезой сторону сейчас даже не смотрел. Он не ответил и на письмо с поздравлениями, которое я ему отправила, почему?

Впрочем, надолго задержаться на этой мысли не удалось, потому что сзади раздался негромкий, отдающий сталью голос:

— Леди Тереза.

Приблизившийся к нам мужчина был высоким, почти не уступая ростом брату Эрика.

Отличало его не столь основательное телосложение, как у Анри, но от этого он не казался менее внушительным. Взгляд, который выдает суть человека, сейчас скользнул по мне, зацепив крючьями пристального внимания, и впился в Терезу.

— Вы все так же очаровательны.

— Лорд Фрай, — она подала ему руку, которой мужчина легко коснулся губами. — А вы все так же изобретательны. Не ожидала вас здесь увидеть.

— Положение обязывает. Представьте меня своей очаровательной спутнице?

— Мисс Шарлотта Руа, будущая герцогиня де ла Мер. Лорд Альберт Фрай, бывший друг моего брата.

— Как это грубо с вашей стороны, — моей руки тоже едва коснулись губами, но мне почему-то захотелось побыстрее ее отнять.

Особенно когда лорд Фрай улыбнулся, но в глазах, напоминающих холодную болотную топь, улыбка не отразилась.

— Правда не бывает грубой, она бывает жестокой, — холодно отрезала Тереза. — А теперь прошу нас извинить.

У меня не возникло даже интереса, чем продиктована такая беспардонность: лорд Фрай вызывал у меня одно желание — как можно скорее оказаться как можно дальше от него. Вспомнив про Ирвина, глянула в сторону дверей, но его там уже не было.

— Как вы познакомились с Эриком, Шарлотта?

— Я принесла картину в музей.

— Картину? Вы пишете?

— Да.

Только сейчас поняла, что такого было в «Девушке», заставившей Эрика обратить на меня внимание. Яркие краски, пепел и тлен, переход из мира смерти в мир жизни, женщина на грани двух миров. На грани. Осознание этого коготками царапнуло глубоко в груди.

Да, кажется, зря я думала, что не стану ревновать его к Терезе.

Мы уже развернулись, и я поискала Эрика взглядом, но тщетно. В огромной, наполненной людьми зале, его не было. Точнее, не было их: Анри я тоже нигде не видела.

— Ближе к полуночи выйдем в парк, это гордость Мортенхэйма, — продолжила знакомить меня с программой праздника Тереза. — Именно там состоится магический фейерверк.

— Магический?

— Да, в отличие от обычного он не вызывает желание пригнуться к земле или набить уши соломой.

Тереза говорила с совершенно серьезным лицом, и, если честно, я не всегда понимала, стоит ли вообще улыбаться в ответ на ее слова.

— Виконт и виконтесса Эрден!

Лавиния и Майкл вошли в залу: ее ладонь покоилась на сгибе локтя супруга, который улыбался так широко, что мог затмить люстру. Правда, сутулость его никуда не делась, но по всей видимости, виконта это совершенно не смущало. Он сверкал глазами так, что оставшаяся за спиной ель могла ему позавидовать.

Наши с Лавинией взгляды встретились, и, как ни странно, именно это окончательно привело меня в чувство. Супруги Эрден направились к нам, но к моему удивлению, Тереза не спешила им навстречу. Напротив, замедлила шаг, а после и вовсе остановилась.

— Леди Тереза, — приблизившийся Майкл дотронулся до ее руки, но Тереза ее отняла, не позволив коснуться губами пальцев, из-за чего улыбка виконта тут же прокисла, а плечи ссутулились еще больше.

— Майкл. Лавиния, — сестре она улыбнулась.

— Тереза. Шарлотта, — Лавиния, как всегда, излучала тепло. — Рада вас видеть.

В платье абрикосового цвета она напоминала весну, которая каким-то чудом заглянула на Праздник Зимы.

Удивительная женщина!

Несмотря на улыбки, между сестрами ощущалось напряжение, природу которого понять мне было, увы, не дано. Тем более что стоило нам обменяться приветствиями, как к нам хлынули остальные. Казалось, не было в этом зале человека, который не хотел поздороваться с супругами Эрден или Терезой, а заодно посмотреть на меня. Я готовилась к тому, что за моей спиной будут шептаться, или что к нам с Эриком вовсе никто не подойдет, но точно не к такому потоку внимания.

— Мисс Руа, у вас потрясающая прическа. Передавайте комплименты своей камеристке.

— Леди Лавиния! Вы отлично выглядите! Мисс Руа, мы с супругой безумно рады с вами познакомиться.

Подходящие не скупилась на комплименты, я получила с десяток приглашений на танец от мужчин, и предложений побеседовать в перерывах между кружением по залу — от женщин. Последние были весьма завуалированными и звучали как надежда продолжить знакомство в самое ближайшее время. Скажем, за бокальчиком крошона, пунша или лимонада, если захочется перевести дух и освежиться.

Когда поток желающих быть представленными иссяк, у меня кружилась голова и хотелось на свежий воздух. Но еще больше хотелось к Эрику: я не представляла, куда он так надолго пропал.

— Хорошего вечера, леди Тереза, — произнес Майкл. — Мисс Руа. Надеюсь, еще увидимся.

— Всенепременно, — сухо отозвалась она и добавила чуть мягче: — Лави.

— Сестренка.

И снова мне показалось, что между сестрами какая-то дистанция, но спросить о ней я не решилась даже когда Эрдены отошли. Тереза, несмотря на видимое расположение, казалась мне далекой и очень жесткой. Холодной, если не сказать больше, поэтому на ее вопрос:

— Все хорошо? — с ответом я нашлась не сразу.

— Да, — подбирая слова, снова окинула взглядом зал. От запаха хвои кружилась голова, повсюду витало ощущение праздника, но с каждой минутой мне все больше хотелось к Эрику. — Просто для меня все это несколько непривычно.

— Вы впервые на балу?

— Впервые.

— И наверняка не ожидали такого интереса?

— Не ожидала, — призналась честно. — Я думала, что меня встретят иначе.

— Из-за того, что вы с Эриком пока не женаты?

Кивнула.

— Необязательно нарушать правила, чтобы стать предметом всеобщего внимания, — Тереза хмыкнула. — Достаточно надеть не то платье, или наоборот — слишком то платье, оступиться во время танца или всех своими танцами затмить. Здесь все следят за каждым твоим шагом, подмечают недостатки и достоинства быстрее, чем ты успеешь их осознать. Она передернула плечами и добавила:

— Добро пожаловать в высший свет.

Почему-то мне показалось, что то же самое мог сказать Эрик.

Именно с тем же выражением, со свойственной ему насмешкой, приправленной изрядной долей цинизма.

— Вы не возражаете, если мы найдем Эрика? — спросила я.

Тереза покачала головой.

— Думаю, они уже закончили.

Закончили — что?

Ответа на незаданный вопрос я, разумеется, не дождалась. Тереза просто кивнула мне в сторону дальних дверей, через которые нам предстояло пройти на ужин, и мы направились к ним.

Эрик

Эрик обернулся, провожая взглядом Шарлотту с Терезой: пока она с ней, он будет спокоен.

— Ты что творишь? — повторил свой вопрос уже жестче. — Я не собираюсь возвращать себе титул.

— Это я уже слышал, — хмыкнул Анри.

Цепляющиеся за его брата взгляды словно отражались от невидимого щита. Сколько лет прошло с тех пор, когда он увидел его впервые, но этого, нового Анри, Эрик почти не знал. Взгляд графа де Ларне стал жестким и резким, обворожительная мягкость, от которой млели все женщины, растворилась за прожитыми годами без следа.

Глава Комитета, и этим все сказано.

— Со слухом у тебя все в порядке, но явно не с последовательностью.

— С последовательностью тоже, — Анри едва уловимо кивнул. — Обрати внимание.

Эрик так же незаметно взглянул в сторону, куда указал брат. Равнодушно, походя, словно рассматривал залу, выхватывая взглядом из толпы одного мужчину. Этот мужчина смотрел в точности так же: лениво и расслабленно, но держался совершенно иначе. Собранный, подтянутый и напряженный, как хищник перед прыжком.

— Единоличная власть Королевской службы безопасности, — прокомментировал Анри. — Лорд Альберт Фрай.

— Это должно мне о чем-то говорить?

— Думаю, тебе будет интересно узнать, — Анри толкнул створки дверей, пропуская его в анфиладу, — что лорда Фрая не приглашали в Мортенхэйм более двенадцати лет. Некогда он был весьма дружен с де Мортеном, но потом допустил непростительную ошибку: отправил Терезу шпионить за твоим отцом и подверг ее жизнь опасности. Они не разговаривали очень давно, но как видишь, Фрай снова желанный гость.

— Из-за агольдэра, — хмыкнул Эрик.

— Из-за тебя, — Анри чуть повысил голос, а потом резко свернул в коридор. — Мортенхэйм под завязку нашпигован его людьми, тебя отсюда не выпустят. Ормана не выпустят. С Эльгером все сложнее, попытка тебя арестовать — конфликт международного уровня. Именно поэтому, — брат рывком вытащил из внутреннего кармана фрака бумаги, — ты сейчас подпишешь документы о возвращении титула. А потом будем думать, что делать дальше.

Если бы не сосредоточенная физиономия брата, Эрик бы рассмеялся. Впрочем, раньше серьезная физиономия Анри не мешала ему глумиться. Не помешала бы и в этот раз, если бы не Шарлотта. Из-за этого он оставил ее с Терезой и теряет время вдали от нее?

Эрик резко остановился, и Анри вынужден был сделать то же самое.

— Да, изобретательности тебе не занимать, — жестко произнес он. — Я не подпишу документы, братец. Я уже говорил и повторю снова: меня не интересует титул. Ценю твои старания и спектакль, который вы устроили на пару с Терезой, но...

— Ты совсем идиот? — ноздри Анри шевельнулись. Он понизил голос до резкого, едва различимого шепота: — Хотя судя по тому, что явился к де Мортену — да.

— Я приехал к де Мортену, чтобы договориться с ним о поимке агольдэра, — холодно произнес Эрик. — У меня есть мысли на этот счет, и думаю, что это действительно сработает.

— Думаешь? — хмыкнул Анри.

Тень от светильника легла на его лицо, расчертив на две половины. Именно это почему-то заставило Эрика подумать о маске: брат никогда не скрывал своего лица. Визуально. Но лучшего игрока, чем Анри Феро, графа де Ларне, представить было сложно. Знаток людских слабостей, он манипулировал ими столь же умело, как актер театра кукол своими марионетками.

Невероятно, но он сам чуть было не попался на его очередной трюк.

— Думаю, да. Еще я думаю, что теряю время с тобой, пока Шарлотта вынуждена развлекать твою жену.

Эрик развернулся, но рука брата резко легла ему на плечо:

— Не так давно была убита еще одна девушка. На месте преступления найдены часы. Часы работы Льюиса Талбота. С гравировкой: «Дорогому Эрику от Шарлотты».

Он остановился, словно в невидимую стену влетел. Медленно обернулся, потряхнул руку брата с плеча, вглядываясь в непроницаемое лицо:

— Ты лжешь.

— Не лгу, — жестко припечатал Анри. — И ты это прекрасно знаешь, иначе не остановился бы. Пойдем, Эрик. Это место совершенно точно не предназначено для разговоров такого рода.

«Для разговоров такого рода вообще нет мест», — подумалось ему. Тем не менее он направился вслед за братом, и спустя несколько минут они вышли на небольшой балкон, справа и слева обрамленный колоннами. Видно было, что этот балкон достраивался (потому что камень и мрамор были гораздо менее старыми, чем ближайшая замковая

стена), и летом, скорее всего, служил, для отдыха — вид на раскинувшийся поблизости парк в теплый день, должно быть, согревал сердце. Сейчас обугленные холодом ветви деревьев тянулись ввысь, к такому же угольному небу, и только от снега становилось немногим светлее.

— Люди Фрая беседовали с Льюисом Талботом, точнее, с его помощником, который занимался гравировкой и общался с девушкой, купившей часы. Описание — точь-в-точь твоя Шарлотта, — голос брата ввинтился в сознание, заставляя коснуться ледяных перил. Холод зимнего вечера забирался под фрак, но этот холод был всего лишь весенним ветерком по сравнению с тем, что сейчас окутывал сердце.

— Какого демона ты потащился в Энгерии?! Какого демона купил дом, где мы жили с Терезой?!

— Не смей на меня орать, — вглядываясь в поглощающую даже ночь темноту, Эрик впервые за долгое время почувствовал ворочающуюся у сердца тьму. Ту, что радостно потянулась к нему, раскрывая свои наполненные безумием объятия.

— Не смей?! — прошипел Анри. — Я говорил тебе быть осторожнее. Говорил, когда ты вернулся из Иньфая. Говорил, что если возьмешься за старое, последствия могут быть непредсказуемыми.

— Когда я вернулся из Иньфая, — в его голосе насмешка крошилась льдом, — ты сказал мне, чтобы если я оступлюсь, ты меня размажешь. Слова «будь осторожен, братик», там точно не фигурировали.

— Не паясничай, — в голос Анри ворвалось рычание. — Хочешь сказать, что если прямо после этого бала люди Фрая по предписанию ее величества обыщут наш бывший с Терезой дом, они ничего не найдут?!

— Обыщут дом? — вглядевшись в деревья, можно было заметить тонкую, пока что неразличимую паутину проводов. Когда праздная толпа хлынет гулять, зажгутся разноцветные огоньки-светлячки, и этот парк из устрашающего превратится в волшебную сказку. — На каком основании?

— Ты меня вообще слушаешь?! — прошипел Анри. — Де Мортен и его цепной пес считают, что ты снова слетел с катушек и убиваешь по схеме Аддингтона. Они считают, что никакого агольдэра не существует.

Эрик повернулся к нему. Медленно, прищурившись, взглянул в лицо брата:

— Часы исчезли из моего дома в Дэрнсе, Анри. Шарлотта хотела сделать мне подарок...

— Шарлотта, Шарлотта, Шарлотта! — ее имя Анри действительно почти рычал. — Ты помешался на свой Шарлотте, Эрик! Между тем как именно она, с наибольшей вероятностью, была информатором Фрая.

Сорвавшаяся с руки изумрудная плеть с шипением утонула в рассеянном ее золоте мглы, когда брат шагнул к нему вплотную.

— Не вздумай снова использовать магию. Каждая ее искра в Мортенхэйме сегодня фиксируется. Если попытаешься открыть портал...

— Не вздумай впутывать ее, — процедил Эрик ему в лицо. — Она тут...

— Ни при чем, разумеется. Тогда откуда у Фрая записи ваших разговоров в Дэрнсе? Твоих вспышек гнева, твоей выходки, когда ты посадил ее в клетку Каори?!

Холод на сердце стал тяжелее. Упал камнем, напоминающим пролежавший во льдах булыжник, в самую его глубину, заполняя его собой целиком. Перед глазами стояло лицо Шарлотты: ее светлая улыбка и сияние глаз. Усилием воли отогнав наваждение недоверия, Эрик плотно сжал губы.

— Она. Здесь. Ни при чем.

— Что ж, думаю, это в любом случае прояснится, — безразлично отозвался Анри. — Когда мы переместимся в кабинет де Мортена для беседы, а пока...

Он сунул ему в руки пакет бумаг и достал футляр с иглой. Отступил на несколько шагов:

— Подписывай документы, Эрик. Подписывай, или даже я не поручусь за твою голову в ближайший месяц.

— Нет.

Кажется, до брата не сразу дошел его ответ: по крайней мере, удивление — невиданная роскошь для Главы Комитета, сейчас сполна отразилась на его лице.

— Нет?!

— Нет. Твоя забота мне очень льстит, братец, но я не собираюсь играть в ваши политические игры. Я не собираюсь впутывать в это Шарлотту, — четко, глядя ему в глаза, произнес он. — И тебе не советую. Надеюсь, мы закрыли этот вопрос?

Сейчас он сдерживался, только вспоминая ее лицо. Только чувствуя свет, исходящий от этой удивительной девочки. Девочки, которой удалось то, что не удалось никому: даже ему самому, знакомому со всеми практиками и испытаниями Джинхэя. Именно Шарлотта помогла справиться с его внутренней тьмой, тьмой, разъедающей его изнутри. Той, что сейчас с радостью обнажила когти, готовая вот-вот сорваться с цепи.

Де Мортен не арестовал его раньше исключительно из-за его магии. Понимая, что справиться с ним не под силу даже ему, герцогу Мортенхэймскому, не говоря уже о самых обычных людях.

Зато бал — идеальное место. Бал, где соберется множество людей, и где любая его попытка применить магию, чтобы защищаться или сбежать, будет означать, что он виновен. Весь мир обернется против него, совсем как когда-то. Его снова загоняли, как дикого зверя, снова, хотя все эти годы он только и делал, чтобы удерживать в себе зло.

Для всех них он так и остался злом.

Поэтому Эрик вспоминал ее лицо.

Шарлотта. Лотте. Его девочка... Его счастье.

Он думал о ней — и тьма отступала, с недовольным шипением заползая под те самые камни, которые с хрустом крошились на сердце.

— Шарлотта близко знакома с лордом Ирвином Лэйном, верно? — голос Анри ядом втекал в сознание. — Ирвин Лэйн — один из лучших соглядатаев Фрая. Не так давно вернулся из секретной миссии в Рихаттии, и сразу же отправился в Ольвиж, чтобы разузнать о тебе. Удивительное совпадение, правда? И еще более удивительное — не так давно твоя бесценная мисс Руа передала ему письмо. Не из вашего дома в Дэрнсе, Эрик. Из своего театра, куда ее устроила Луиза Биго. Герцогиня де Мортен, которая принимала ее в своем доме. Девчонку с улицы, художницу с ужасной репутацией. Исключительно по доброте душевной, верно?

— Заткнись, — тихо сказал Эрик. Очень тихо. — Просто заткнись, Анри.

— К твоему счастью, я не выпускал тебя из виду ни на минуту. А когда узнал, во что ты вляпался... — Анри цедил слова. — Понял, что снова нужно вытаскивать тебя из этого болота за шкирку. Подписывай документы, и покончим с этим.

— Твоя жена шпионила за тобой, — насмешливо произнес он. — Когда приехала в Ольвиж, чтобы подобраться к моему папочке. Именно поэтому ты не веришь в то, что Шарлотта меня любит?

Наконец-то глаза брата сверкнули. Сверкнули расплавленным золотом и яростью.

— Твоя жена шпионит за тобой и по сей день, Эрик. Камилла де Кри работает на меня. С того самого дня, как вы обменялись брачными клятвами.

Воцарившуюся на миг тишину разорвал судорожный вздох.

Вздох, который совершенно точно не должен был доноситься со стороны выхода на балкон.

Медленно, очень медленно, Эрик перевел взгляд на вошедших. Тереза мелькнула перед глазами смазанным фоном, а вот лицо Шарлотты отпечаталось удивительно четко, как особая техника мазков на холсте.

Расширенные глаза, в которых недоверие сменяется осознанием.

Она выбежала в коридор раньше, чем Тереза успела ее остановить. Негромкий голос Терезы:

— Эрик... — прозвучал, как выстрел.

Он впечатал бумаги в грудь брата с такой силой, что в запястье плеснуло болью, а потом бросился за ней.

Я бежала, не разбирая дороги. Светильники и стены сливались перед глазами в смазанную пелену, пока за спиной не раздался его голос:

— Шарлотта!

Только тогда я метнулась в сторону, в первый попавшийся переулок коридора, из него — в первую попавшуюся дверь, а потом — в следующую сквозную. Отдернув спасительный полог ниши, укрылась за портьерами и стоявшим перед ним латником. Сердце колотилось как сумасшедшее, стучало в ушах, не желая униматься. Хлопнула дверь, шаги Эрика прозвучали совсем близко, и я зажала руками рот, чтобы не выдать рвущееся из груди дыхание и всхлип.

Камилла.

Камилла его жена.

Я не могла поверить в то, что услышала, но я слышала это своими ушами. Его брат сказал, что...

— Шарлотта!

В голосе Эрика звучало отчаяние, но я только зажмурилась.

Нет, нет, нет.

Не хочу его сейчас видеть. Не хочу его больше знать!

Как можно было лгать мне в глаза, как можно было делать мне предложение, когда связан брачными узами с другой?!

Шаги начали удаляться, и тогда я зажала уши, чтобы не слышать больше звучащих жестких слов его брата: «Твоя жена шпионит за тобой и по сей день, Эрик. Камилла де Кри работает на меня...»

Что это значит, я не знала и знать не хотела. Все внутри разрывалось от боли, от страха, от осознания того, что все кончено. Я никогда не смогу быть рядом с мужчиной, который так меня обманул. Не смогу, потому что... что я узнаю о нем еще? Что я о нем вообще знаю? Эта мысль посещала меня не раз и не два на протяжении нашего знакомства, но оказываясь рядом с ним, глядя ему в глаза, я забывала обо всем. Забывала о том, как все началось, забывала, на что он вообще способен.

Да, Эрик спасал меня.

Да, он был со мною нежен, но он же был и жесток.

Сейчас все то, что я так долго отодвигала в глубины памяти, выбиралось наружу и душило меня змеей. Буквально: мне не хватало воздуха, щеки горели, глаза пекло. Что, если бы я узнала это, когда мы с ним уже уехали бы в Вэлею? Или когда...

Осознание: ледяное, как морозные ночи, скользнуло по спине, перекинулось на плечи и грудь, подбираясь к сердцу. Теперь понятно, зачем ему нужна была свадьба в Иньфае.

Понятно, почему не нужен был на ней никто лишний. И уж совершенно точно понятно, что с Камиллой он разводиться не собирался, особенно принимая титул герцога.

Пауль Орман, богатый промышленник, и Эрик Эльгер, герцог де ла Мер.

Очень удобно: две судьбы, две жены и две жизни. Две маски.

Был ли он хоть когда-нибудь со мной настоящим? Искренним? Или все это просто извращенная игра, за которой больше ничего нет?

Мысли металась в голове, и я отчаянно старалась удержаться в их сумасшедшей метели.

Он же спас меня.

Он же... разве мог он лгать? Вот так, глядя мне в глаза, когда говорил, что...

Все, хватит себя утешать, Шарлотта. Хватит искать ему оправдания. Ты прекрасно знаешь ответ. Тот, кто вел двойную жизнь, тот, кто годами скрывался под личиной Ормана, прихрамывая и меняя голос на людях, способен на все.

Не знаю только, зачем ему понадобился этот спектакль со свадьбой.

Он же и так меня получил. Получил, и... наверное, я сама это спровоцировала. После того наказания, когда отстранилась от него, когда он понял, что может меня потерять. Что еще предложить глупой девице, которая разобиделась в пух и прах?

Правильно, колечко!

От осознания этого внутри плеснуло невиданной доселе злостью. Злостью на себя, за свою безграничную наивность, и даже слабое удивление столь несвойственным для меня

чувствам не смогло этому помешать. О да, я злилась на себя. Злилась, как никогда в жизни и ни на кого.

Глупая, глупая курица!

Я изо всех сил ударила кулаком в стену и ойкнула: костяшки обожгло болью даже через перчатку. Затрясла рукой, в полной темноте, в которой виден был лишь подол и носки моих туфель из-за просачивающегося из коридора неяркого света. Только сейчас осознала, что этим могла себя выдать и замерла. Прислушиваясь к тому, что происходит снаружи, почти не дышала, но из-за портьеры не доносилось ни звука.

Выждав еще с пару минут, я осторожно отогнула уголок и выглянула из-за рыцаря: справа никого. Слева тоже.

Глубоко вздохнула и вышла в коридор.

Ну и что мне теперь делать? Бежать из Мортенхэйма через поля? Уехать я все равно не смогу, уехать одна тем более, это спровоцирует страшный скандал, а я не была уверена, что готова к скандалам. Особенно к скандалу, когда придется смотреть его светлости и Луизе в глаза, и объяснять...

Ой, нет.

Не хочу.

Не могу, я просто не выдержу. Лучше дожидаться конца вечера, уехать, как и планировала, и завтра же утром подыскивать себе жилье.

Завтра утром, ха!

Завтра праздничное утро и как минимум несколько дней никто из арендодателей не станет заниматься вопросом жилья, но я в любом случае могу попроситься к миссис Клайз, хотя бы на время. Ведь это именно она переслала мне письмо леди Ребекки, и когда мы с Эриком ездили к ней, чтобы поблагодарить, была очень рада нас видеть...

Нас.

Мы с Эриком.

Не было никогда никаких «нас», и чем быстрее я это пойму, тем лучше. Главное не увязать в этой мысли, потому что если сейчас я в нее упаду, как провалившись под лед на реке, выбраться уже не смогу.

Дыши глубоко. Дыши глубоко, Шарлотта.

Я снова вздохнула полной грудью, обхватила себя руками, огляделась.

Да, так и поступлю. Сейчас вернусь в зал, и поговорю с Эриком. Думаю, он поймет, что находиться рядом с ним я не захочу, тем более что большинство танцев у меня уже расписано...

Всевидящий, о чем я думаю?!

Готовая разреваться прямо тут, сдавила виски руками, когда услышала всхлип. Слабый всхлип, доносящийся со стороны дверей, через которые я пришла. Тихий, сдвленный, словно женщина, как и я, пыталась удержать в себе слезы.

Осторожно, по стеночке, приблизилась к приоткрытым дверям и замерла, не зная, как поступить. Наверное, стоило уйти, но сейчас я не вполне отдавала себе отчет в том, что делаю. Стараясь не слушать шорох собственного платья, который сейчас казался громче скрежета несмазанных петель, подхватила подол и толкнула створку двери.

Сидевшая на диване женщина вздрогнула и подняла голову.

Мгновение мы смотрели друг на друга, не в силах поверить своим глазам.

И этого мгновения мне хватило, чтобы осознать, что передо мной Лавиния.

— Шарлотта?! — она поднялась, даже не подумав прятать покрасневшие глаза и заплаканное лицо. — Что ты здесь делаешь?

От меня не укрылось, что ко мне обратились на «ты», впрочем, судя по растерянному лицу, я застала ее врасплох. Наверное, в другое время я бы почувствовала себя неловко или начала извиняться за то, что нарушила уединение, но сейчас только прошла в комнату и плотно прикрыла за собой дверь.

— Я пряталась, — призналась честно.

— Прятались?! — изумление на лице Лавинии сменилось непониманием, равно как и обращение. — От кого?

— От месье... — я запнулась, закусив губу, но потом все-таки продолжила: — Эльгера. Наверное, это правильно. Называть его так.

Огляделась, понимая, что оказалась в музыкальном салоне. Здесь было очень много золота: в обивке стен и мебели, в узорах каминных полок — два камина раскрыли свои темные пасти, уставившись друг на друга. Если честно, я не представляла, сколько нужно тепла, чтобы обогреть эту просторную шестиугольную комнату, больше напоминающую залу. Ослепительную в своем сиянии, в котором даже Лавиния терялась, как искорка на фоне солнца. Единственным исключением в этом безграничном блеске был черный лакированный рояль, стоявший в центре комнаты.

Лавиния проследила мой взгляд:

— Я играла на нем, — произнесла негромко. — Матушка очень любила слушать мою игру.

— Любила?

— Да. Когда была жива.

— Всевидящий... — я осеклась и прикусила язык. — Простите.

— Это вы меня простите, — Лавиния приблизилась к роялю, коснувшись затянутой в перчатку рукой закрытой крышки. — Я не должна была задавать тот неловкий вопрос. С губ сорвался смешок.

— Я первая ворвалась к вам без спроса.

Она смотрела на меня не так, как обычно. Изучая, пристально, и кажется, совершенно не стеснялась дорожек слез на щеках. А может быть, и вовсе о них забыла.

— Не думала, что встречу в этой части замка кого-то.

— Она всегда пустует?

— Нет, просто сейчас все в зале. Дожидаются ее величества, — последнее прозвучало пренебрежительно. Пожалуй, даже чересчур пренебрежительно для Лавинии, но, когда я взглянула на нее, она уже смотрела в сторону дверей, через которые я пришла.

— Наверное, и нам стоит там быть, — заметила я.

Не то, чтобы я этого хотела, но понимала, что это неизбежно. Пожалуй, именно сейчас я отчетливо поняла, что мне придется снова встретиться взглядом с Эриком, придется танцевать с ним первый вальс, снова чувствовать его ладони на своей талии, его обжигающую близость, от которой кружится голова. Все это промелькнуло перед глазами так быстро, так отчетливо, что я мысленно содрогнулась.

Не хочу туда возвращаться.

Не хочу все это испытывать...

Всевидящий, как же я этого не хочу!

— Вы говорите то, что считаете верным, или то, что чувствуете, Шарлотта? — снова этот взгляд: пристальный, испытующий.

Непривычно колючий для Лавинии.

— Не знаю, — ответила честно. — Я бы с удовольствием осталась здесь.

— Так давайте останемся, — она оттолкнулась от рояля и шагнула ближе ко мне. — Или еще лучше... пойдёмте, я покажу вам оранжерею.

Вскинула брови:

— Вы серьезно?

— А почему бы и нет, — глаза Лавинии сверкнули. — Не думаю, что кто-то нас хватится.

Меня — вряд ли, а вот ее...

— Вы же сестра его светлости де Мортена, — улыбка не желала держаться на моих губах, и я оставила эту затею. — Или вас не смущает то, что будут говорить?

— Де Мортен, — голос молодой женщины дрогнул, словно перерезанная струна, но она тут же тряхнула головой. — Вы напрасно считаете, что обществу есть дело до кого-то, кроме себя, венценосной четы и хозяев.

От того, как отстраненно и холодно это прозвучало, я содрогнулась. Последнее и вовсе не вязалось с образом Лавинии, какой я успела ее узнать, но боль и не на такое способна. Кому как не мне это знать, как искажается сердце, когда отчаяние окутывает своей ледяной паутиной. Когда никто не слышит твоего крика, который застыл в груди и мешает вздохнуть. Вряд ли виконтесса Эрден плакала здесь от хорошей жизни. Вряд ли сейчас так смотрит, вряд ли позволяет себе подобные откровения и не утирает слез из-за какого-то пустяка.

— А ваш супруг? — я просто не могла не задать этот вопрос.

— Ему будет все равно, даже если я провалюсь сквозь землю, — губы Лавинии искривились, словно речь зашла о чем-то крайне неприятном.

Я вспомнила виконта и замерла.

Замерла, потому что воспоминание о липком взгляде Майкла сейчас промелькнуло как яркая вспышка. Во время обеда в городском особняке де Мортенов в Дэрнсе он заглядывал мне в декольте, нисколько не стесняясь Луизы и собственной жены. А ведь я не одна такая: сегодня во время знакомства Майкл не упускал случая награждать подходящих леди восхищенными взглядами и сыпать комплиментами, хотя Лавиния стояла рука об руку с ним.

Неужели... виконт ей изменяет?!

— Матушка заботилась об этой оранжерее, — сдавленно пробормотала Лавиния, сцепив пальцы, голос ее дрогнул. — Заботилась, пока у нее оставались силы. Только она меня и понимала.

Последние ее слова и стали решающими. Они, и еще слабавольная мысль о том, что проулка позволит отсрочить встречу с Эриком хотя бы ненадолго. Поэтому я кивнула:

— Хорошо. Пожалуй, нам действительно стоит взглянуть на оранжерею.

— Рада, что вы согласились, Шарлотта, — Лавиния подхватила меня под руку и увлекла за собой.

Мы стремительно пересекли гостиную, прошли через двери, мимо моего «рыцарского» убежища. Коридоры сливались перед глазами в однообразную картину, но я даже не пыталась за ними уследить. Да и зачем? Если Лавиния знает этот замок как свои пять пальцев. В том, что она его знала, не оставалось сомнений, иначе мы не могли бы с такой скоростью петлять по коридорам, где не встречалось даже слуг.

Почти: с мужчиной в расшитой ливрее, торопившимся куда-то с подносом подмышкой, мы столкнулись в переходе. Лавиния бросила на него злой взгляд, словно лакей чем-то ей помешал, и тут же ускорила шаг. Галерея анфилад пронеслась перед глазами с такой скоростью, словно мы летели, а не шли. Буквально, потому что я уже начинала задыхаться.

— Леди Лавиния, не возражаете, если мы пойдем помедленнее?

— Нет! — это прозвучало так, что я вздрогнула. Впрочем, Лавиния тут же добавила уже тише: — Разумеется, я не возражаю. Просто... немного задумалась, со мной такое бывает.

Улыбка на лице Лавинии смотрелась неестественно, словно приклеенная. Да и не было особого повода улыбаться. Об этом подумалось отстраненно: точно так же, как и о том, что анфилада уже закончилась. Прозрачный стеклянный коридор, окутанный зимней тьмой, вел прямо в оранжерею. Странная тишина, укрывшая зимний сад де Мортенов, сейчас казалась звенящей, и в этот звон врывались только наши шаги и дыхание.

Оранжерея.

«Он хочет заманить агольдэра в оранжерею в Мортенхэйме», — слова Эрика прозвучали, как набат.

Я остановилась: прямо под нависшими над стеклянным переходом ветвями. Остановилась так резко, что Лавиния чуть не улетела вперед, а меня дернуло следом за ней.

— В чем дело? — глаза виконтессы недовольно сверкнули.

Нет.

Нет, ну правда же. Этого не может быть!

Не мог же его светлость использовать сестру, чтобы привести меня сюда? Или мог? Иначе почему она так торопилась?

— Зачем мы здесь? — спросила холодно, глядя Лавинии в глаза.

— Я хочу показать вам оранжерею...

— Не лгите! — выдохнула я, чувствуя, как изнутри поднимается волна гнева. — Ваш брат велел привести меня сюда, верно?!

Лавиния нахмурилась: недоумение, мелькнувшее в ее глазах, было настолько искренним, что я опешила.

Ошиблась?

Сомнениями и стыдом меня накрыть не успело, потому что за спиной раздался поспешные шаги и голос Майкла:

— Лавиния, милая, я вас везде обыскался! Куда же вы так внезапно исчезли?

Обернулась: раскрасневшийся, запыхавшийся виконт подлетел к нам. На его бледном лице заплясали тени, когда деревья за стеклом хлестнул ветер.

— О... мисс Руа... Лавиния? — взгляд заметался с жены на меня. — Вы разве не знаете, что ее величество и принц-консорт вот-вот будут объявлены? Пойдемте, нам пора...

Договорить он не успел: Лавиния сжала кулаки, и метнувшаяся мимо меня тень ударила в Майкла. Я даже не сразу поняла, что произошло, когда тянувшийся из оранжереи вьюн хлестко обвился вокруг шеи виконта, с силой дернул его за собой и, протащив по полу, впечатал в ближайшее остролистое деревце.

— Слабак, — прошипела Лавиния, а затем обернулась ко мне.

Искаженное злобой некогда хорошенькое лицо сейчас напоминало страшную маску.

Широко раскрытыми глазами я смотрела то на нее, то на обмякшего виконта:

удерживающий его вьюн обтекался искрящаяся зелень.

Знакомая мне зелень магии искажений.

— Идите к нему, мисс Руа.

Что?

— Я сказал: иди к нему, — в высокий голос Лавинии вплетались незнакомые резкие нотки, уродуя его до неузнаваемости. В подтверждение сказанных ей слов Майкла вздернуло над землей, и виконт захрипел.

Не в силах поверить в увиденное, я на миг замерла, чувствуя, что мне не хватает воздуха, а потом бросилась к виконту. Попыталась ухватиться за впивающийся в его шею отросток вьюна, и магия с шипением ужалила перчатки. Вздогнув, отпрянула: руки прошило болью, на серебристой ткани и на коже остался длинный опаленный след.

— Отпустите его! — вскрикнула я, обернувшись к Лавинии: — Вы же его задушите!

— Надеюсь, — она направилась ко мне широким, совершенно не женским шагом, на ходу сдирая перчатки вместе с тонким браслетом и отбрасывая их в сторону ненужными тряпками. — Магия жизни в сочетании с магией искажений — потрясающе, правда? Говорят, покойный герцог де ла Мер практиковал слияние магии искажений и знаний армалов.

Майкл дергался, тщетно пытаясь избавиться от жалящей шею удавки, и я сделала то единственное, что могла: направила свою магию в гибкий стебель, расслабляя его.

Изумрудные всполохи на миг стали ярче, а затем погасли. Растение безжизненной плетью упало на пол, и виконт рухнул вслед за ним. Кашляя, задыхаясь, с вытаращенными глазами попытался отползти назад, укрыться за мной, но в грудь его ударил поток искрящейся зелени, и Майкла отбросило назад.

— Не надо! — вскрикнула я, но поздно.

Звук, похожий на разрывающий воздух удар хлыста, раздался совсем рядом.

Мои запястья захлестнуло лианами, как кандалами, подтащило к дереву и оплело, словно веревками. Зелень по стеблям текла ядовитой кровью, пока что не обжигая, но шипя, точно клубок готовящихся напасть змей.

— Неплохо, — Лавиния кончиком туфельки отбросила ставший бесполезным вьюн, перешагнула через него и направилась ко мне.

Пальцы ее, подчиняясь странному ритму, словно игре на фортепиано, двигались быстро-быстро. Я даже ахнуть не успела, как земля оранжереи вздыбилась и фонтанами ударила ввысь, осыпая меня комьями земли и мраморной крошки. Плиты крошились под ногами, корни растений устремились ввысь, оплетая купол оранжереи страшной, искрящейся изумрудной паутиной. Густой и непроходимой, как дремучий лес: не прошло и минуты, как мы были укутаны внутри непроницаемого светящегося страшной магией кокона.

Взглянув на неподвижно лежащего Майкла, сдавленно всхлипнула.

— Зачем? — прошептала отказывающимися слушаться губами.

— Зачем? — Лавиния приблизилась ко мне вплотную. — Когда эта рыжая дрянь меня убила, я мечтал только об одном: добраться до нее и свернуть ее хрупкую белую шею. Сколько раз она заявлялась сюда... со своим муженьком под ручку или со вдовствующей герцогиней! Разряженная в пух и прах шлюха, которой самое место гнить на кладбище для бездомных бродяг. В отличие от этого невинного цветочка, в котором я сейчас обитаю, она совершенно не боялась плохих воспоминаний. Мерзкая тварь! Змея!

Последние слова сорвались с ее губ с шипением, но раньше чем я успела их осознать, на меня обрушилась страшная мысль.

Аддингтон.

Аддингтон в теле Лавинии!

Как такое возможно?!

— Сначала я думал только о том, чтобы ей отомстить. Нет, думал — не то слово, изначально меня вели инстинкты существа, одержимого местью. К счастью, у меня было время, чтобы набраться сил, — хмыкнул Аддингтон. — Эти нищенки, жизни которых послужили мне, недостойны даже того, чтобы о них говорить. Вы, мисс Руа, настоящая драгоценность. Именно вы сделаете меня неуязвимым.

Нищенки?!

Разом вспомнились статьи об убийствах бедных девушек и ужасный рассказ Эби.

— Вы убили их! — выдохнула я.

— Разумеется.

Говорить с ним в облике Лавинии было не просто страшно, это было дико, противоестественно, жутко. Тем не менее я не отводила взгляда, из последних сил цепляясь за окружавшую меня действительность. Мы в оранжерее. В оранжерее. Я — маг жизни. Я должна защищаться.

Корни растений. Ветви.

Все здесь может мне помочь.

Главное сейчас — не поддаться страху, который душил меня изнутри под аккомпанемент шипения пугающей магии и треска ломающихся веток.

— Вас отсюда не выпустят, — сказала я. — Даже если вы меня убьете, здесь де Мортен, его сестра, и...

На упоминании Эрика я запнулась, и этой паузой воспользовался Аддингтон:

— Говорят, сын герцога де ла Мер даже превзошел своего отца. Догадываетесь, что это значит, мисс Руа? — мой подбородок сдавили изящными пальцами Лавинии. — Да, мне помогли прийти к этой мысли, но после смерти фигуры такой величины, как Симон Эльгер, мир остался без лидера. Без настоящего лидера. Его сын — мальчишка, слабак, не интересующийся политикой. Да что там, он даже титул принять отказался! Никчемность!

Последнее Аддингтон словно выплюнул, и меня снова обожгло страхом.

Чувствуя, как леденеют стянутые лианами руки, едва заметно пошевелила пальцами.

Помимо враждебной, я чувствовала окружающую меня живую силу. Повсюду.

Надо просто собраться, собраться и...

— Если Эрик не собирался прогнать мир под себя, это еще не значит, что он слабак, — произнесла я. — Это значит, что власть в кои-то веки досталась тому, кто способен справиться с ее искушением.

На миг пальцы сдавили мой подбородок сильнее, а потом Лавиния запрокинула голову и расхохоталась.

— Как же ты на нее похожа, — процедил Аддингтон сквозь смех. — Похожа на эту мерзкую змею. Такая же шлюха, и точно так же болтасешь обо всякой ерунде, чтобы меня отвлечь.

В эту минуту я обрушила все свои силы на окружающую нас природу.

Справа и слева стрелами взметнулись корни, захлестнули щиколотки под платьем и рывком отбросили агольдэра от меня. Его опрокинуло навзничь и швырнуло к запечатанному паутиной корней выходу из оранжереи. Следующий поток я направила в удерживающую меня лиану, и уже спустя мгновение, чувствуя бешеное бьющее в ладони тепло, под сумасшедший стук сердца рванулась вперед.

Свободна!

Меня чуть потряхивало от переизбытка магии, пульс стучал в висках. Лавиния неподвижно лежала на вздыбленных полуразрушенных плитах, тем не менее расслабляться было рано. Усилием воли отбросила сковывающий тело страх, осторожно шагнула вперед. В прошлый раз Аддингтон застал меня врасплох, но сейчас я улавливала малейшие колебания магии жизни вокруг, чтобы суметь предотвратить атаку. Надо расплести кокон, и выйти отсюда. Надо позвать на помощь, чтобы спасти Лавинию и Майкла!

Сосредоточилась на обтекающих купол и стены корнях, потянулась к ним своей магией.

— Надо же... котенок умеет царапаться, — красивые губы изогнулись в усмешке. Лавиния приподнялась на локтях столь стремительно, что я едва успела отпрянуть. В следующий миг с потолка на меня градом обрушились отростки в мгновение ока выросших корней. Спеленали, превратили в живую мумию, дернули вниз и поволокли по полу. Боль, пронзившая тело, было такой дикой, что я задохнулась криком. Перед глазами потемнело, должно быть, я на миг лишилась сознания, потому что когда открыла глаза, надо мной уже склонялся Аддингтон. Все тело было тяжелым, как бесполезный сгусток, я не могла пошевелить даже пальцем, от макушки до пяток снова и снова прокатывались всполохи жалящих тело искр.

На мою грудь легла ладонь, мягкая ладошка Лавинии, от которой сейчас веяло ледяным холодом.

— Сколько же всего интересного мне еще предстоит узнать благодаря знаниям мааджари, — пробормотал Аддингтон. — Да, милая Шарлотта, ты — всего лишь десерт, мне нужен де ла Мер. Нужно его тело, в котором я получу такие возможности, какие никому даже не снились.

Эрик?!

Он хочет... Всевидящий! Он хочет превратить его в свою марионетку, как Лавинию?!

— Мы изменим этот мир, как хотел Симон, — хмыкнул Аддингтон, и ладонь его вжалась в мою грудь чуть повыше сердца. — Сын Эльгера все-таки завершит дело отца. Леди Лавиния и это ничтожество...

Взгляд его ненадолго обратился на Майкла.

— Подтвердят, что агольдэр существует. То есть существовал, потому для всех де ла Мер меня уничтожит. А вы, мисс Руа, тоже внесете свой вклад, когда поделитесь своей силой. Это будет последнее, что вы сделаете, но не переживайте. Вы войдете в историю, как трагически погибшая возлюбленная герцога, который вернул магии былое величие и объединил все государства под ее знаменами. Все, что нам осталось — это его дожидаться. Ладонь на моей груди становилась все холоднее, а потом словно вспыхнула огнем. Под ней разлилось знакомое тепло, которое хлынуло сквозь меня в потустороннее чудовище.

И тогда я дико, отчаянно закричала.

Эрик

Шарлотта исчезла. Как сквозь землю провалилась: последнее, что он видел — это мелькнувший за углом краешек подола, а дальше только стремительно удаляющиеся шаги. Она бежала от него, его Лотте от него бежала, как от самого страшного чудовища, из всех сил. Позднее, отслеживая каждый фут пройденного пути, Эрик заметил, где она могла спрятаться. Демонов рыцарь так надежно укрывал нишу, что заметить ее в такой спешке просто не представлялось возможным. Разумеется, когда он обнаружил это укрытие, Шарлотты там уже не было, не было и нигде поблизости, его встречали лишь распахнутые двери музыкального салона и тишина.

Если бы он знал, к чему приведет поганый язык братца, выдрал бы его с корнем. Сейчас это желание только возросло, равно как и желание побить Анри головой о стену: сильно и методично, с толком, с расстановкой. Чтобы в его светлую голову наконец-то закралась мысль, что чувства людей — не игрушки и не средство достижения целей. Впрочем, Анри всегда был таким, и сейчас интересовал его меньше всего.

Эрик вернулся в переполненный зал, на входе дальних дверей столкнувшись с сутулым хлюпиком, мужем младшей сестры де Мортена. Он встречал его в доме удовольствий, где виконт в красках рассказывал одной из девочек свои любовные похождения, а та слушала его с напускным интересом на хорошеньком личике. Сейчас именно Эрик налетел на него, но виконт спешно забормотал извинения.

Эрик не удостоил его взглядом, отмечая островки лиц в людском море — заинтересованных, взволнованных, восторженных: все здесь ждали объявления ее

величества с супругом. Разумеется, Шарлотты он не нашел, разумеется, она бы сюда не вернулась.

После такого.

Эрик стремительно пересек зал, направляясь к главной лестнице. Ему было решительно наплевать и на венценосную чету, которая вот-вот войдет через эти двери, и на все правила приличия, требующие освободить проход для главных гостей праздника. По традиции объявят сначала королеву и ее мужа, затем — хозяев, а потом пары обменяются партнерами в первом танце.

Первый танец.

Шарлотта так его ждала, ждала этого праздника, он видел, каким счастьем загораются ее глаза всякий раз, когда они заговаривали про бал. Ее первый бал.

И он снова все испортил.

Будь проклят тот день, когда он согласился на это приглашение.

Будь проклят Анри.

Будь проклят он сам, потому что эта девочка заслуживала совершенно иного. Хотя сдается ему, он проклят с рождения.

На подходе к лестнице Эрика зацепило взглядом. Пристальным и колючим, едва мазнув по стоявшим в стороне мужчинам ответным, он нашел Ирвина Лэйна. Лорд смотрел на него так, словно не прочь был связать по рукам и ногам прямо здесь, и тьма внутри снова радостно ощерила зубы.

С ним он еще разберется.

Потом.

Пусть только сунется.

— Ваша светлость... — лакей осторожно заступил ему дорогу. — Сейчас будут объявлены...

Эрик отодвинул его с дороги попросту отшвырнув в сторону. Кто-то за спиной ахнул, и это «ах» мигом подхватила толпа. Толпа, явно готовая растерзать, и где-то за ними — лорд Альберт Фрай со своими подручными. Ноздри едва уловимо шевельнулись, пальцы сжались в кулаки: если сейчас его кто-то попробует остановить, надежды де Мортена оправдаются.

С этой мыслью Эрик взлетел по лестнице.

Как же он себя сейчас ненавидел!

За свою слепую доверчивость (вроде не мальчик уже), за то, что не распознал рядом с собой шпионку братца. Да, Камилла была хороша, находясь все это время рядом и докладывая обо всем Анри. Она действительно отменно сыграла свою роль, и все же осталось кое-что, о чем братцу по какой-то причине не донесли. Той ночью, когда Камилла уехала из Энгерии, их брак стал недействителен. Они подписали документы о разводе, и магия стала тому свидетелем.

К демонам Камиллу!

К демонам всех, кроме Шарлотты. Если бы он не использовал прядь волос в заклинании поиска, когда ее увезла мамаша, мог бы сейчас найти ее самостоятельно, без помощи де Мортена.

Эрик распахнул двери и шагнул в коридор, в который из бальной залы хода по этикету уже не было. Пролетев его насквозь, оказался в холле, где де Мортен и его жена расшаркивались перед королевскими особами. Они как раз закончили разговор, Эрик успел поймать на себе взгляд ее величества, оформившейся темноволосой красавицы, но не остановился.

Обогнув опешивших правителей Энгерии по дуге, он шагнул к де Мортену и прошипел ему в лицо:

— Шарлотта пропала.

Брови ее светлости приподнялись, де Мортен же, напротив, остался невозмутим.

— Не можете уследить за собственной невестой, Орман?

От того, чтобы раскатать герцога ровным слоем по полу, его удержала только мысль о Шарлотте.

— Отбросим церемонии, де Мортен. Я знаю, зачем я здесь, и именно ваши демоновы интриги послужили тому, что я сейчас обращаюсь к вам за помощью. Шарлотта исчезла, и

на ней нет защиты. Если агольдэр решит до нее добраться, она станет легкой добычей. Если вы так жаждали меня задержать, у вас по всему замку наверняка раскинута поисковая сеть. Найдите ее.

Последние слова отрезало лезвием тишины.

Недолгой.

— Винсент? — глаза герцогини расширились. — О чем он говорит?

Вот теперь лицо его идиотической светлости слегка дрогнуло, словно ему довелось глотнуть прокисшего пудинга.

— Бросьте, Орман, — произнес он. — Я ценю ваше представление, но мы оба знаем, что никакого агольдэра не существует. Уйдите с дороги.

Эрик не двинулся с места.

— Найдите мне Шарлотту, — повторил жестко. — Найдите мне ее сейчас же, де Мортен, потому что если с ней что-нибудь случится по вашей милости, я оправдаю ваши самые худшие ожидания и не оставлю здесь камня на камне.

Ее светлость слегка побледнела, особенно когда на ладонях ее мужа вспыхнули боевые узоры армалов. Его руки были прикрыты перчатками, но свечения сильной концентрированной магии скрыть не могли.

— Не советую мне угрожать, — хлестко произнес де Мортен. — Особенно в тех обстоятельствах, в которых вы оказались...

Он неожиданно осекся, сдернул перчатку с правой руки.

Боевой знак погас, и на ладони герцога проступил узор, отдаленно напоминающий карту.

Что это такое, Эрик понял сразу: Мортенхэйм. Весь Мортенхэйм как на ладони, и это даже не фигура речи.

— Что-то случилось? — спросил он. Язвительно, жестко и в то же время чувствуя, как все внутри холодеет.

— Вспышка магии возле оранжереи, — процедил де Мортен скорее себе, чем обращаясь к нему. — Еще одна.

Эрик впился взглядом в карту.

— Отдайте ее мне.

— Винсент, что происходит? — в голосе герцогини звенела тревога.

— Отдайте мне карту! — прорычал Эрик. — Где ваша демонова оранжерея?!

Он слишком поздно заметил выступивших из тени Фрая, Лэйна и еще десятих.

Десятерых.

Человек.

У всех окруживших их на запястьях светились боевые артефакты, но Эрик только поморщился. Тут впору либо сомневаться в умственных способностях де Мортена, либо в собственных силах.

Вперед шагнул именно Ирвин Лэйн: ему артефакты были не нужны, поэтому под его перчатками светились узоры-усилители магии. Видно, де Мортен постарался.

— Пауль Орман, именем ее величества королевы Брианны, вы арестованы до дальнейшего выяснения обстоятельств. Чтобы не усугублять свое положение, прошу вас пройти с нами по доброй воле.

Идиот.

Эрик мысленно прикрыл глаза, не позволяя рвущейся на свободу тьме подчинить разум.

Четверо справа, четверо слева. Спереди Фрай и Лэйн, сзади еще двое (он чувствовал, как сгущается концентрация боевой силы).

Ближе всего де Мортен. Пожалуй, самый сильный противник.

Секунды.

Счет идет на секунды, а у Шарлотты, возможно, нет и того времени.

— Не делайте глупостей, Орман, — сухо произнес герцог. — С тем, что происходит в стенах моего замка я вполне способен разобраться сам. В ваших же интересах...

Он шагнул к нему столь стремительно, что де Мортен не успел отшатнуться.

Рукопожатие вышло крепким, кто-то выругался. Краем глаза Эрик отметил огненный вихрь

— атаку Лэйна, которой тот намеревался отшвырнуть его в сторону.

Удар сердца — и время замедлилось.

Широко распахнутые глаза герцогини.

Вспышка золотой мглы, поглощающая магию демонова прихвостня вместе с его силой.

Эрик не скупился, и вуаль хэандаме накрыла Лэйна с головой.

Чьи-то поспешные шаги, крик Терезы:

— Остановитесь! — и миг предельной концентрации слились воедино.

Он нырнул в перехваченную с ладони де Мортена магическую карту, определяя точку всплеска.

Одновременно отпрянул, уходя в сторону от атаки сзади (еще два идиота бросились на него с артефактами) и открывая портал.

Последнее, что Эрик услышала перед тем, как в него шагнуть, это крик Анри:

— Назад! — но разумеется, не остановился.

Разрыв пространства поглотил его с головой.

Буквально. Внутренности скрутило дикой, болезненной судорогой, перед глазами полыхнула тьма. Портал сомкнулся в считанные доли секунды, а потом он, должно быть, потерял сознание, потому что когда открыл глаза, над ним в тумане полузабытья мерцала зеленая паутина из сросшихся ветвей и корней. Оплетающая купол, она запечатала оранжеую. Собственное тело было тяжелым и непослушным, он не мог пошевелить даже пальцем, не говоря уже о том, чтобы подняться.

— Хм... Де Мортен нашел способ воспроизвести заклинание печати портала, — сестра Терезы склонилась над ним. — Силен, ничего не скажешь. А если мы сделаем так?

На глазах Эрика сквозь женские черты стали проступать черты Аддингтона. Он не успел даже вздохнуть, как молодая женщина осела на пол, а в грудь ударил неестественный холод. Этот холод сковал по рукам и ногам и без того неподвижное тело, но только на миг. Потом в него плеснуло чужой, неестественной силой, мертвой и страшной.

Силой агольдэра.

Эрик осознал это сквозь отголоски пытающихся прорваться воспоминаний.

«Агольдэры мало изучены...»

«Оно никогда не обретет материальную форму...»

Последние слова Терезы он вспомнил в тот миг когда Аддингтон пошевелил пальцами. Его пальцами.

Не обретет, если не получит власть над чьим-либо телом.

Внутри разливались чужие ярость и злоба, ненависть: отравляющая, иссушающая сердце. В миг, когда бывший лорд-канцлер поднялся и повернулся к лежащей на полу Шарлотте, все внутри оборвалось.

Она была жива — ее грудь слабо вздымалась.

— Забавный феномен, — пробормотал Аддингтон, перешагивая через неподвижно лежащую Лавинию. — Сознание девчонки отключилось сразу, а ты еще пытаешься сопротивляться.

Агольдэр обращался к нему, его губы даже не шевелились.

Его. Губы.

Он хотел позвать Шарлотту, но не смог произнести ни слова.

— Отпусти ее, — произнес он. — Отпусти ее, или я тебя уничтожу.

— Правда? — агольдэр провел руками по фраку, стряхивая с него пыль. — И как же ты это сделаешь, Эльгер, если я слышу каждую твою мысль?

Ему не раз и не два доводилось чувствовать себя сумасшедшим, но то, что происходило сейчас, напоминало кошмар. В этом кошмаре он приближался к Шарлотте уверенными шагами, чтобы выпить из нее остатки сил. Он знал, что стоит его ладони коснуться ее груди — и все будет кончено.

— Надеюсь, что мне удастся вытряхнуть тебя из сознания, — хмыкнул Аддингтон. — Да, определенно удастся, в знаниях мааджари наверняка найдется что-нибудь интересное...

— Остановись, — осознавать собственное бессилие, полнейшее бессилие за много лет, было страшно. Но еще страшнее было смотреть на нее и понимать, что он ничем не может ей помочь.

— Зачем? — хмыкнул Аддингтон. — Девчонка знает наш секрет, и она умрет. Понимаю, что ты хочешь дотянуть до момента, когда сюда примчатся де Мортен и вся его боевая компания, но увя. Пока они добегут, ее маленькое сердечко уже остановится, а мы будем рыдать над ее телом. Скажи, Эльгер, ты умеешь плакать?

Он опустился рядом с ней на одно колено, и в этот миг Шарлотта открыла глаза.

— Эрик! — всхлипнула она. — Ты...

И тут же осеклась, глядя в его глаза.

В том, что она все поняла, не было ни малейших сомнений, она узнала его по одному короткому взгляду. Или, точнее будет сказать, не узнала. Но вместо того, чтобы испугаться, рванулась к нему, вцепилась во фрак с криком:

— Отпусти его! Отпусти, отпусти, отпусти!

Движение справа — и взмах руки рассыпал корень, летящий к его запястью.

— Пора заканчивать с этим, — Аддингтон потянулся к ее груди, глядя в сверкающие глаза, надежда в которых сменялась отчаянием. — Откуда только силы взялись...

«... когда Агольдэр попытался его развеять, у него ничего не вышло: тот был уже слишком силен. Он уничтожил его с помощью глубинной тьмы, раскрыв воронку и вливая в безумного монстра смерть. До той минуты, пока она не превратила его в тлен».

Каждый раз, когда внутри просыпалась тьма, Эрик шагал под водопад.

Водопада здесь не было, но ясность ума и предельная концентрация из практик Джинхэя все еще оставались сильны.

Он полностью отпустил разум, а потом ворвался в него с той жесткой и неумолимой силой, с которой укрощал все свои страхи и слабости. Долго против Аддингтона ему не продержаться, а значит...

Заклинание печати, которым он закрывал Шарлотту, Эрик выучил наизусть. Поэтому набросить его на себя труда не составило: запирая внутри магию и агольдэра, в своем теле, как в клетке. Бешеная злоба Аддингтона на миг сменилась изумлением, но было уже поздно — Эрик раскрылся навстречу тьме и смерти, позволяя ей хлынуть в тело мощным неиссякаемым потоком.

Из-за запирающего заклинания вырваться в мир она не могла, но он все-таки отступил от Шарлотты.

Шаг.

Другой.

Третий.

— Что ты делаешь?! — взвыла запертая внутри тварь. — Ты убьешь нас обоих!

Эрик не удостоил его ответом.

Вой Аддингтона вливался в хлещущую в тело глубинную тьму. Агольдэр бился, запертый в его оболочке, и разрываемый на части тем, порождением чего являлся. Тщетно пытаясь перехватить контроль над телом и разумом, но Эрик держался за ее взгляд. Просто смотрел ей в глаза, понимая, что должен уничтожить эту тварь до того, как остановится сердце. Отчаяние в глазах Шарлотты снова сменила надежда, а затем... страх.

Она метнулась к нему:

— Эрик!

— Уведи ее.

Собственный голос показался чужим, таким он и был: жутким, надтреснутым, ломающимся.

Почти как у Ормана.

Через Ормана говорила Смерть? Эта мысль почему-то вызвала кривую усмешку. Особенно когда поднявшийся с пола виконт, пришедший в себя, с вытаращенными глазами вцепился в Шарлотту и потянул за собой к запечатанному пока выходу. Откуда в этом тщедушном тельце взялась такая хватка, одному Всевидящему известно, но виконт волок ее за собой, несмотря на крики Шарлотты, отчаянно пытавшейся вырваться.

Он смотрел им вслед под хрипы Аддингтона, затихающие внутри. Мир вокруг давно утратил краски, обернувшись изнанкой жизни, но ему уже доводилось здесь бывать. Доводилось чувствовать слабость и холод, видеть, как тлен пожирает даже камень.

Боли не было, был только холод и пустота.

Потом исчезли звуки, поэтому, что Шарлотта выкрикнула сейчас, он не расслышал.

Удары сердца превратились в удары малыша, дорвавшегося до фортепиано, по клавишам.

Такие же редкие.

И глухие, если надавить ногой на педаль.

Эрик упал — сначала на одно колено. Потом просто — на искореженные плиты, лицом вниз. Последней мыслью была мысль о том, что Аддингтона больше нет (внутри было бесконечно пусто), и что Шарлотта в безопасности. С последним ударом сердца прервалась даже эта мысль, и Смерть снова раскрыла ему свои объятия.

Глава 14

Шарлотта

В миг, когда Эрик упал, мое сердце остановилось. Только что я слышала его биение под глухие шаги и хруст каменной пыли под ногами, а сейчас нет. Даже хриплое, сбивающееся дыхание виконта, бормочущего себе под нос, что мы должны отсюда вырваться, стало тише. Я больше ничего не видела и не слышала, и уж точно не представляла, что могу схватить руку в кулак и изо всех сил ударить Майкла в лицо.

Он взвыл, пошатнулся, удерживающие меня пальцы разжались.

А я бросилась к Эрику. Пролетев разделяющее нас расстояние, упала рядом с ним, переворачивая на спину, судорожно рванула жилет, затем рубашку: он не дышал.

Сердце под моими ладонями не билось.

— Нет, — прошептала я сдавленно и беззвучно, не слыша собственных слов, задышавшись, глотая вместо воздуха пустоту. — Нет... нет, нет...

Сковавший тело лед напоминал небытие или дикий, первобытный ужас. Этот ужас захватил меня с головой, липким потом плеснул в ладони, дрожью прокатился по спине. Я вытолкнула себя из него усилием воли, возвращая в реальность, стягивая потрепанные перчатки и разогревая остатки магии, которую не выпил Аддингтон.

Всевидающий, мне же ее хватит?!

Хватит же?!

Сила отозвалась вяло, плеснула в ладони, а после и в тело Эрика, мягким голубоватым свечением.

Тщетно.

Я не чувствовала отклика, остатки магии утекали сквозь меня, не в силах помочь.

Та слабая искра, что билась во мне, не могла вернуть его к жизни.

«Нам удалось выбраться, но когда я отняла тебя от груди, ты уже не дышала...»

«Вокруг нашего сгоревшего дома осталось выжженное поле аламельны. Выжженное не смертоносным пламенем, а живой силой Рауля. Он вытянул все силы из цветов, чтобы вернуть тебя, Шарлотта...»

Строчки из письма мельтешили перед глазами, и я с трудом сконцентрировалась на окружающей меня жизни. Потянулась к ней, чтобы услышать отклик, раскрылась на полную, и почувствовала, как в меня хлынул доверчивый свет и тепло.

— Простите меня, — прошептала так же беззвучно.

А потом упала на грань. В полумраке между жизнью и смертью тянущиеся ко мне нити казались особенно яркими. Я вбирала их в себя, не отнимая ладоней от груди Эрика, чувствуя, как отчаяние отзывается в каждой клеточке моего тела.

«Я справлюсь, я справлюсь, я справлюсь...» — шептала мысленно.

Всевидающий, как мне справиться и остаться с ним?

Взгляд зацепился за созданный Аддингтоном купол, свечение в нем померкло, лишившись подпитки магией искажений, но...

Подхватив близлежащий корень, торчащий из земли, пустила силу в окружающие меня отростки. Миг — и сквозь серые краски в сплетение корней и ветвей ворвалось свечение совершенно иного рода, теплое и согревающее. Оранжевая вспыхнула магическим солнцем, оживающая сила собиралась в ней, текла сквозь меня и Эрика, как кровь по сосудам. Я впитывала ее, чтобы потом отдать резким ударом сердца, на выдохе.

Ему.

Удар вышел такой силы, что на миг показалось, будто я сама стала солнцем.

Или молнией.

Удар плеснул мне в пальцы и в его грудь, Эрик судорожно дернулся, и я вместе с ним. Жар, разбежавшийся по телу, мог запросто меня сжечь, и сжег бы, дотла... если бы искра не рассеялась в «сосудах», окутывая мягким теплом.

В ладонь снова что-то ударило, и я не сразу поняла, что это биение его сердца.

Ровный, мощный, удар.

Второй.

Третий.

Вместе с его судорожным вздохом в мир вернулись звуки. Истошные вопли Майкла, который орал, чтобы его выпустили отсюда, тихий стон Лавинии откуда-то сбоку.

Из глаз хлынули слезы, я ревела как сумасшедшая, но все-таки продолжала пропускать сквозь нас тепло, снова и снова, и сила окружающей нас жизни бежала от меня к нему, по раскинувшейся над нами кроне, собиралась во мне, и снова прокатывалась по телу Эрика, согревая.

Я осела на пол, рядом с ним, не отнимая ладони от слабо вздымающейся груди, не размыкая живого круга.

Вернулись не только звуки, но и краски: глядя на оплетающий нас кокон, я видела, как искореженная жуткой магией природа превращается в странный волшебный сад. По крайней мере, мне так показалось...

С этой мыслью я потеряла сознание.

С этой мыслью провалилась в темноту, чтобы окунуться в море аламьены.

Запутавшись в коротких ногах, упала на теплую землю, прямо в заросли. Упала, но не заплакала: передо мной открывался целый мир. Муравьи тащили какие-то зерна в свой домик, похожий на горку (я помнила, его мне показывал папа), прямо над цветами порхала бабочка с огромными разноцветными крыльями. Вокруг жужжали шмели и пчелы, но меня интересовала именно она. Оранжевый, синий, желтый и черный — эти цвета на ее трепещущих крылышках сливались в удивительной красоты узоры. Бабочка села на раскрывшийся белый цветок, и я потянулась к ней, чтобы схватить...

Но вместо этого схватили меня.

Подбрасывая в воздух и снова подхватывая.

— Шарлотта!

Сильные руки отца без труда удерживали меня на весу, рыжие волосы переливались на солнце, а в теплых карих глазах искрились смешинки. Я очень любила, когда он так делает, но сейчас...

— Бабочка!

Папа проследил, куда я указываю, и осторожно опустился вместе со мной рядом с цветком.

— Бабочка, — сказал он, мягко перехватывая мою руку, когда я снова потянулся к ней. —

Но мы не будем ее трогать.

— Почему?

— Потому что на ее крылышках пыльца, и если ты возьмешь бабочку в руки, она больше не сможет летать.

— Никогда?

— Никогда.

Отец отпустил мою руку, но я больше не хотела брать бабочку. Пусть лучше летает, а я буду смотреть на нее издали и любоваться...

День неожиданно сменила ночь. Глубокая ночь, когда повсюду был запах дыма. Он обжигал грудь, и я кричала, кашляла, пытаясь избавиться от этого жуткого чувства. Меня подхватывали на руки, но дыма становилось слишком много, и дышать было больше нечем. Я снова соскальзывала в темноту, здесь было жутко и холодно, а еще очень темно. Черные

щупальца вливались в меня, заставляя леденеть еще больше, я звала папу с мамой, но они не отзывались. Было страшно, было очень страшно, но неожиданно в этой непроглядной тьме вспыхнула искорка света. Теплого света, разбросавшего душившую меня тьму, и я вынырнула в летнюю ночь.

Я снова была в сильных руках отца, его лицо было белее мела, белее луны, которая висела над нами.

— Доченька моя, — хрипло выдохнул он. — Слава Всевидающему...

Его руки разжались, и меня снова швырнуло в темноту.

Не сразу, но я поняла, что эта темнота — из-за плотно прикрытых век, что сдавленные всхлипы принадлежат мне, и что огненные дорожки на щеках — это мои слезы. Чьи-то пальцы стирали их, удивительно нежно, негромкий голос позвал:

— Лотте.

В этот миг все случившееся обрушилось на меня неумолимой силой лавины. Я вздрогнула, широко распахнула глаза и встретила взглядом с Эриком.

Бледный, осунувшийся, тем не менее он сейчас сидел рядом со мной.

— Лотте, — повторил он, но тут же исправился. — Шарлотта...

Я смотрела на него и не могла наглядеться. То странное чувство, когда внутри все дрожит от напряжения, а тишина кажется невыносимо, мучительно долгой. Когда хочется обнять его, впитывая биение сердца и окунуться в эту родную нежность. Когда все остальное неважно лишь только потому, что он жив, мы оба — живы, и это и есть самое настоящее счастье.

— Мне так много нужно тебе объяснить, — хрипло произнес он. Потянулся к стоявшему на тумбочке графину с водой, но передумал, лишь глубже подался в придвинутое к кровати кресло. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответила я.

Хотя вряд ли могла передать этим коротким словом то, что сейчас чувствовала.

— Я и Камилла... Мой брат не знал, о чем говорит. Мы разведены, и...

— Замолчи, — прошептала я.

Сдавленно, потому что мне снова не хватало воздуха. Эрик осекся и растерянно посмотрел на меня, так, как мог бы смотреть мальчишка, которого отчитывала строгая гувернантка. Всевидающий, ну и мысли у меня...

— Я чуть не потеряла тебя, — произнесла еле слышно. — Я чуть тебя не потеряла, Эрик!

Я почувствовала, что руки у меня дрожат.

И губы тоже.

В общем-то, дрожать им было не положено, ведь все самое страшное осталось позади, но они дрожали. Напряжение, лопнувшее внутри невидимой струной, отпустило, и меня затрясло. Не знаю, кто из нас первый рванулся вперед, но я утонула в его объятиях раньше, чем успела вздохнуть. В родных и самые близких объятиях, в руках Эрика, который прижимал меня к себе крепко и в то же время бережно.

Эрик наклонился ко мне, и я потянулась губами к его губам, принимая наш первый поцелуй, падая в него, как в пропасть, чтобы взлететь. Он целовал мои губы, лицо, собирая со щек горячие слезы, а они все текли, текли и текли — безостановочно. Горячие, очищающие, светлые, как самая искренняя радость. Я отвечала ему, скользя ладонями по сильным рукам, по плечам, по груди. Прижалась крепче, вплетая пальцы в его волосы, судорожно вдыхая — рывком.

Воздух ворвался в легкие, и я засмеялась.

Прямо ему в губы. Смеялась и плакала, глядя в сверкающие глаза, повторяя сквозь короткие поцелуи, на выдохе:

— Я люблю тебя. Люблю... люблю...

— Лотте, — тихо произнес он, на миг еще крепче прижимая меня к себе. — Моя солнечная... светлая... я тебя не достоин...

Последние слова и вовсе прозвучали глухо, болезненно, сдавленно.

Я отстранилась, гневно сверкнула глазами.

— Эрик, — выдохнула я. — Еще раз услышу такое — выпорю!

Слова сами сорвались с губ, остановить их я не смогла, а вот он остановился. Вскинул брови:

— Шарлотта! Ты, кажется, была против такого воспитательного процесса?

— Ради тебя сделаю исключение, — я глубоко вздохнула.

А потом мы оба расхохотались. Это больше напоминало безумие, и может статься, так оно и было, но мы хохотали до слез. Эрик все еще прижимал меня к себе, и сквозь это безудержное веселье прорвалась первая осознанная мысль: где мы? Эта спальня мне определенно не знакома. И вторая — его волосы больше не отливали серебром, ледяная прядь исчезла. Последнее поразило меня настолько, что я даже смеяться перестала.

Скользнула кончиками пальцев по густым светло-каштановым волосам, перебирая их.

— А...

— Это твоя заслуга, Лотте, — он перехватил мою руку и поднес к губам, мягко целуя.

Так нежно, что внутри что-то дрогнуло.

Снова.

Впрочем, ответить мне времени не дали: скрипнула дверь и вошел высокий, лысеющий мужчина с саквояжем. Целитель в нем угадывался сразу, то ли по тому, как сосредоточенно он нахмурился, увидев меня в объятиях Эрика, то ли по звону склянок, когда саквояж приземлился на тумбочку, потеснив графин.

— Месье Эльгер, — он поджал губы. — Я разрешил вам находиться здесь с тем условием, что вы не будете злоупотреблять эмоциями. Любыми. Несмотря на то, что основная угроза вашей жизни миновала, я должен убедиться, что не будет никаких побочных эффектов, а эмоции могут спровоцировать осложнения.

— Сколько себя помню, все говорят мне, что эмоции могут спровоцировать осложнения, — Эрик не спешил меня отпускать. — Но никто не говорил, что любовь исцеляет.

— Очень мило, — сухо произнес мужчина. — Но вам в любом случае лучше вернуться в постель. Сейчас, пока вы полностью не восстановились. Вы прекрасно знаете, что мисс Руа ничего не угрожает. Магическое опустошение, которого я опасался изначально, обошло вашу будущую супругу стороной, так что...

Они говорили между собой, а я с трудом успевала за их мыслью.

— Кроме того, нам с мисс Руа нужно кое-что обсудить. Наедине.

— Я вполне могу присутствовать при осмотре.

Вот тут я слегка покраснела. Надо отдать должное, Эрик продолжал вгонять меня в краску со свойственной ему бесцеремонностью.

— При осмотре можете, — лекарь нахмурился. — Тем более что он будет поверхностный и магический. Но у меня к мисс Руа один вопрос, который я предпочел бы задать лично ей.

— У меня нет тайн от Эрика, — сказала я.

— Вы уверены? — целитель многозначительно на меня посмотрел и даже кашлянул.

Простыл, что ли?

— Уверена, — сказала я.

— Гм... что ж, — мужчина поправил камзол, взглянул на Эрика, потом снова на меня. — В таком случае позвольте вам сообщить, что вы скоро станете матерью.

Удерживающие меня руки дрогнули.

Или это дрогнула я?

Перевела растерянный взгляд на Эрика, но он, кажется, выглядел еще более изумленным, чем я.

Матерью?!

Как такое возможно?!

Все эти мысли нахлынули одновременно, вместе с осторожной, тонкой, как ивовый прут, трепещущей внутри радостью.

— Все в порядке?! — целитель пристально на нас посмотрел.

Я не нашлась что ответить, и только кивнула. Что касается Эрика, он вообще застыл изваянием, и если бы целитель не приблизился к нам, руки бы не разжал. Тем не менее мужчина снова негромко кашлянул, после чего Эрик отпустил меня и поднялся. Отошел от кровати на несколько шагов, вернулся снова: напряженно, недоверчиво вглядываясь в меня. Этот взгляд заставлял меня нервничать еще больше, гораздо больше, чем слова целителя.

Леди Ребекка ничего не рассказывала о том, откуда берутся дети, и с Линой мы тоже такое не обсуждали. Больше, о чем говорили — это поцелуй, поэтому все мои познания о...

возникновении детей сводились к туманному «от папы с мамой».

— Мисс Руа! Ложитесь, пожалуйста и расслабьтесь, — недовольно произнес целитель, его взгляд, устремленный на меня, словно говорил: «Я же предупреждал». — Мне нужно, чтобы вы и ваша магия находились в состоянии покоя.

Легко ему говорить!

Как я вообще могу расслабиться после такого?!

Ребенок?! Малыш?!

У нас с Эриком будет малыш?!

Попыталась снова поймать его взгляд, но за широкой целительской спиной Эрика было не видно. А может быть, он просто снова отошел подальше?

В этот момент меня накрыла дикая паника.

Почему он молчит?!

Почему не скажет хоть слово?!

Лекарь недовольно хмурился, но с его рук все-таки сорвалась мягкая магия, окутавшая меня коконом. Кожу слегка закололо иголочками, по телу прокатилась теплая волна, и все. Мужчина удовлетворенно кивнул, отступил.

— С вами все в порядке, мисс Руа. С ребенком тоже. Вам придется полежать в постели еще несколько дней, но за то время, что вы провели в магическом сне...

— В магическом сне?

— Да, я погрузил вас в него, чтобы вы быстрее восстановились. Словом, за это время ваша магия снова стала стабильной и теперь набирает силу. Если будете следовать моим рекомендациям, через пару-тройку дней будете, как новенькая. Никакие дополнительные зелья вам не нужны, — он хмыкнул. — Тем более в вашем положении. Просто больше отдыхайте. Месье Эльгер...

Целитель повернулся к Эрику.

— Мне нужно вас осмотреть. Возвращайтесь...

— Оставьте нас.

Это прозвучало так резко, что даже я вздрогнула. Мужчина снова нахмурился:

— Я могу подождать в ваших комнатах.

— Вас позовут, — коротко отозвался Эрик, а потом повернулся ко мне.

Я смотрела на него, силясь понять, что он чувствует, и не могла. На нем снова была эта идиотская маска, которую Эрик надевал всякий раз, когда пытался закрыться. Но почему именно сейчас? Почему от меня?!

— Почему ты мне не сказала? — тихо спросил он, когда лекарь вышел.

— Я не знала, — прошептала растерянно.

— Ты — женщина, Шарлотта! Как ты могла не знать?!

— Но я не знала, — я приподнялась на руках и села. — Как я могла узнать?!

По маске прошла волна, на миг открывшая недоверие.

— Ты сейчас серьезно?

— Зачем мне тебя обманывать? — мой голос дрогнул, я судорожно скомкала пальцами покрывало. — Я не...

Вот тут я снова покраснела.

— Я не знаю, откуда берутся дети.

— Что?!

— Леди Ребекка мне ничего не рассказывала, — пробормотала я, чувствуя себя донельзя глупой. — И я... Мне больше не с кем было об этом поговорить.

Сквозь недоверие на лице Эрика проступило самое что ни на есть настоящее изумление, а затем он прикрыл глаза.

— Счастье твоей... леди Ребекки, — вздохнул он, — что в праздничную неделю мы к ней не поедem. Иначе я бы не удержался от того, чтобы высказать ей все, что думаю.

Эрик шагнул ко мне и опустился рядом со мной на кровать.

— Дети, Шарлотта — это продолжение близости между мужчиной и женщиной. Когда я говорил тебе о детях... — он глубоко вздохнул. — Я понятия не имел, что... Всевидящий!

Я подняла на него глаза.

— Она не рассказывала тебе, что когда ты вступишь в брак, кое-что в твоём теле изменится?

— Говорила, — я кивнула и даже не покраснела.

Почти.

Это случилось, когда мне было одиннадцать лет, я здорово перепугалась, но леди Ребекка объяснила, что так бывает у всех женщин раз в месяц, и что потом, когда я состарюсь, оно прекратится.

— И ты ничего необычного не замечала в последнее время?

— Ой.

Действительно, это «раз в месяц» у меня не случилось, но за всеми событиями я даже об этом не задумалась. И не сказать, чтобы сильно расстроилась, потому что когда оно случалось, у меня дико болел живот и кружилась голова.

— Словом, именно это взросление позволяет тебе стать матерью. Лотте, когда между нами все случилось, я думал, что позаботился о такой возможности. Больше того, я был уверен, но...

— Позаботился?! — я моргнула.

Эрик покачал головой.

— В общем... есть определенные средства, которые позволяют избежать рождения детей.

— Избежать? — переспросила я. — Ты хотел избежать нашего ребенка?

Эрик не то зарычал, не то хрипло вздохнул.

— Я не хотел создавать тебе проблем...

— Разве малыш от любимой женщины может быть проблемой?

На этом выражение его лица стало каким-то совсем потерянным, я же искренне не понимала: как так получилось, что... он что, не рад нашему малышу?!

— Ты не рад? — у меня задрожали губы.

Я бы и хотела скрыть свои чувства, но увы, не могла: сейчас я была настолько распахнута настежь, что у меня при всем желании это не получилось бы.

— Не рад?! — Эрик перехватил меня за плечи и заглянул в глаза. — Да я с ума схожу, потому что... потому что больше всего на свете хочу, чтобы ты подарила мне сына. Или дочку, похожую на тебя.

— Тогда почему...

— У людей есть множество причин желать или не желать детей, — хрипло произнес он. — Но мне нет до них никакого дела. Я просто хочу сказать, что когда все случилось между нами впервые, я еще не думал о детях. Но сейчас...

Он перехватил мое лицо, глядя в глаза.

— Ты мое счастье, Лотте. И большее счастье, чем быть с тобой — это разве что знать, что скоро нас будет трое.

Я всхлипнула и прижалась к нему.

— Я люблю тебя, — произнес он, проводя ладонью по моим волосам. — Я люблю тебя и то чудо, которое ты мне подаришь. Хотя я еще ни разу не видел его или ее, я уже с ума схожу от нетерпения. Хочу держать нашего малыша или малышку на руках. Хочу обнимать вас. Хочу сделать вас самыми счастливыми на свете.

Когда он положил ладонь мне на живот, я не выдержала и снова разревелась. Эрик укачивал меня на руках, как если бы я сама была ребенком, но я все равно плакала. От счастья.

От радости.

От сознания того, что в мою жизнь после долгой стужи наконец-то пришла весна, и что эта весна никогда больше меня не оставит. Потому что моя весна — это он.

* * *

Сюин помогала мне с прической. Иньфаянка появилась здесь в тот же день, что я пришла в себя, на этом настоял Эрик, и за ней тут же послали. Нам пришлось задержаться в Мортенхэйме: целитель не рекомендовал меня куда-либо перевозить, и Эрик решил остаться. Что касается случившегося той ночью, он мне все рассказал. Рассказал довольно отстраненно, избегая лишних деталей, но теперь я знала гораздо больше, чем мне хотелось бы.

О том, что Мортенхэйм должен был стать ловушкой вовсе не для меня, и о том, что де Мортен использовал приглашение, чтобы заманить нас. К моему великому облегчению, Луиза ни о чем не догадывалась. Разочаровываться в этой удивительной женщине не хотелось, а впрочем, мои чувства вряд ли можно было назвать разочарованием. Скорее, они заставили меня о многом задуматься и сделать соответствующие выводы. В частности, о

том, что иногда подлость идет рука об руку с благородством (и речь здесь, как ни странно, не о титулах, что даны от рождения).

— Добавим украшений? — Сюин закончила с прической и кивнула на комплект — подарок Эрика.

Я покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Тогда, может быть выпустим пару завитков?

Кивнула, и иньфаянка мне улыбнулась.

Я же снова перевела взгляд на украшения, что были на мне в ту ночь.

Агольдэр уничтожен, виконт Эрден жив, Лавиния поправляется. Как объяснил Эрик, Аддингтону удалось так легко захватить ее сознание потому, что однажды, когда она была совсем юной, Лавиния попала под его внушение. Это знание тоже считалось давно утраченным, но мааджари его успешно применяли, и граф Аддингтон владел им в совершенстве. Как выяснилось, не только им: он захватывал тела людей и убивал тех несчастных девушек, чтобы подставить Эрика. Оставлял на местах преступлений следы, которые явно указывали на него.

Брат Эрика извинился передо мной за слова, что мне довелось услышать, но на него я точно не держала зла. Граф де Ларне, Анри, как он попросил его называть, действительно хотел защитить брата, а в пылу ссоры наговорить можно много всего интересного. Он узнал о планах де Мортена лишь когда приехал в Мортенхэйм, за несколько часов до того, как должен состояться бал. Именно тогда ему пришла в голову эта идея с титулом, поскольку бумаги все равно были при нем: на праздничной неделе он собирался уговорить Эрика его принять.

Собственно, по этому поводу я и наряжалась. По иронии судьбы, подписать документы Эрику предстояло в кабинете де Мортена.

— Ни один высокородный ублюдок больше не посмеет смотреть на тебя свысока, — заявил он. — И не попытается использовать в своих целях.

В тот момент я ответила, что это не самая лучшая причина для принятия герцогства, а он ответил, что для него — единственно весомая. Несмотря ни на что, отношения между ним и Анри по-прежнему оставались весьма напряженными.

Сразу после подписания мы собирались вернуться в Лигенбург. Праздничная неделя уже подошла к концу, поэтому поехать в Фартон именно сейчас мы не успевали. Договорились, что отправимся туда позже, когда будет четыре выходных в честь первого месяца весны. Эрик настаивал, чтобы я бросила работу, но я отказалась. Разумеется, я не останусь в театре до последнего, но декорации к спектаклю-премьере не брошу.

Стоило подумать про театр, как в дверь постучали.

— Доброе утро, Шарлотта, — Луиза вошла в спальню. — Вы уже закончили?

— Доброе утро. Да, я почти готова.

Сюин сделала реверанс и отступила, я поблагодарила девушку и отпустила ее собирать вещи. Вещей было немного, но их тоже нужно подготовить к отъезду.

— Тогда пойдем, — Луиза кивнула мне. — Уже почти все собрались.

Мы вышли из комнат и направились по коридору в сторону лестницы.

— Я вызвалась зайти за тобой, — негромко произнесла она. От привычной солнечной ее светлости сейчас осталась звездочка на темном ночном небе. Она не хмурилась, нет, но в уголках чувственных губ не таилось привычной улыбки, а взгляд был каким-то уставшим и отрешенным. — Чтобы сказать, как сильно я сожалею, Шарлотта. Не в моих правилах оправдываться за что-либо, но...

— Вы тут совершенно ни при чем, — я покачала головой.

Луиза плотно сжала губы.

— Я должна была догадаться.

— Возможно, я тоже, — я пожала плечами. — Но теперь все в прошлом.

— Не удивлюсь, если ты никогда больше не захочешь говорить ни со мной, ни с моим мужем, — она внезапно остановилась. — Но я действительно искренне, всем сердцем сожалею о случившемся. И так же искренне надеюсь, что наше знакомство принесло тебе не только горе.

В ее глазах отражалось столько боли, что мне стало не по себе.

— Вы подарили мне надежду, когда я больше всего в ней нуждалась, — сказала я. — В тот день, когда я пришла к вам, и вы предложили мне работу в театре. По сути, я была для вас никем, но вы выслушали меня, не выставили за дверь, хотя могли бы. Наша прогулка с леди Лавинией и Хлоей, тем зимним днем в парке... в то утро вы спасли меня снова. Этот день навсегда останется для меня одним из самых теплых в моей жизни. Я очень рада нашему знакомству и горжусь им.

В глазах Луизы сверкнули слезы, она подалась было вперед, словно хотела меня обнять, но передумала. Только губы дрогнули чуть сильнее. Потом она кивнула, и мы продолжили путь.

Заподозрила я что-то странное, лишь когда мы оказались в холле, совсем не похожем на главный, из которого ветви разрастались по всему замку. А потом еще несколько коридоров — и мы вышли к оранжерее. Увидев стеклянный рукав, я резко остановилась, особенно когда услышала шаги. В ту же минуту мне навстречу вышел Эрик, и я растерялась окончательно.

— Спасибо, что привели ее, — он не улыбался, но голос его не был жестким.

— Спасибо, что позволили это сделать, — Луиза все-таки слабо улыбнулась в ответ. — Мы перед вами в неоплатном долгу за жизнь Лавинии и ее супруга. Жаль, что мой муж так и не удосужился это признать.

Впервые в жизни она выразилась так резко, взгляд ее сверкнул в тон словам. Луиза попрощалась и, развернувшись, направилась обратно по коридору, по которому мы пришли. Я проводила ее растерянным взглядом, а потом так же растерянно посмотрела на Эрика:

— Ты передумал подписывать документы?

— Тебя это разочаровывает? — в глазах его сверкнуло веселье.

— Что?.. Нет! — я не успела возмутиться, как меня привлекли к себе и поцеловали.

— Я уже стал герцогом, Лотте. Этого не отменить.

— Что?!

Я заморгала, а Эрик подхватил меня под руку, увлекая за собой. Стеклянный рукав, усыпанный снежинками, казался волшебной дорожкой, по которой мы прошли внутрь. А внутри... внутри раскинулся настоящий волшебный сад. Оранжерея по-прежнему была густо оплетена ветвями и корнями, но вместо ядовитого сияния магии мааджари, насыщенная, сочная зелень искрилась силой жизни. Повсюду распустились цветы — огромные, оранжевые и красные, фиолетовые и голубые, над ними порхали бабочки, и чувство создавалось такое, что здесь, в этом месте, наступило вечное лето. Светлое, теплое, полное ярких красок, уюта и радости.

— Это сделала ты, — произнес Эрик, окинув взглядом окружающую нас красоту.

Я же не могла отвести от нее глаз.

Не в силах поверить в то, что вижу, снова растерянно посмотрела на Эрика.

— Но... как?! Разве я не должна была...

— Вытянуть из них силу? — подсказал он.

— Да.

— Могла бы. Но ты спасла не только меня, когда заиклила свою магию. Ты поделилась силой не только со мной, но и с ними. А они — с тобой.

Я снова моргнула и запрокинула голову. Бабочка, кружащаяся над нами, решила, что я цветочек, и села мне на нос.

— Так и стой, — в голосе Эрика слышался смех.

От щекотания тонких лапок я чихнула, и бабочка снова вспорхнула вверх.

— Ты станешь моей женой, Лотте?

Вопрос застал меня врасплох. Я недоуменно смотрела, как Эрик достает из внутреннего кармана фрака бумаги и знакомый мне футляр с иглой.

— Что это?

— Это магический договор, — он развернул бумаги и протянул мне. — Заклинание, которое свяжет наши судьбы навсегда.

— Но...

— У нас будет лучшая свадьба на свете, — он улыбнулся. — Наскоро ничего толкового не придумаешь, поэтому я предлагаю обвенчаться уже после рождения Рауля.

— Эрики, — сказала я.

Он тряхнул головой.

— Кто бы там ни собирался нас порадовать, он родится уже маркизом или маркизой.

Собирать венчание впопыхах я не хочу, поэтому братец подсказал мне такой интересный выход. Что скажешь?

Я удивленно посмотрела на бумаги в его руке.

— Это правда сделает нас мужем и женой?

— Правда. Эта клятва сильнее любого венчания, Лотте. Это тайны армалов и мааджари, которые связывали себя нерушимыми узами со своими избранниками. Со временем мы станем чувствовать друг друга, как самое себя. Радость, беспокойство, даже если ты уколешь палец, я это почувствую. Понимаю, что решиться на такое непросто, но...

— Я согласна, — сказала я.

— Согласна? — глаза Эрика сверкнули счастьем.

— Разумеется.

Игла обожгла палец, но он тут же поднес его к губам, и охлаждающее заклинание сняло оставшиеся неприятные ощущения. Капелька крови заискрилась на договоре, и следом вспыхнула его.

— И что теперь?

— Теперь...

Эрик подался ко мне, обнимая за талию, второй рукой подхватил мою руку, словно собирался вести в вальсе. Вальса не случилось, зато случился поцелуй: нежный и очень короткий, потому что по оранжерее пронесся ветер, взметнул остатки каменной крошки, зашелестел в листьях, окутал магией, жаром и искрами. Задохнувшись от ощущений, я смотрела, как мое запястье оплетает сияние, как оно связывает наши руки магической нитью, а после проступает на коже узорами.

Я рассматривала согревающий кожу, сомкнувшийся на запястье браслет со странными символами. Потом перевела взгляд на такой же на запястье Эрика.

— О-ой, — выдохнула тихо.

Наверное, никогда не устану удивляться возможностям магии.

Эрик улыбался:

— Я хотел, чтобы это случилось здесь, — прошептал мне в губы. — Там, где ты сотворила чудо.

Я окинула взглядом сияющий жизнью сад и снова посмотрела на Эрика.

— Теперь если ты захочешь меня отшлепать, потом тебе придется лечить две пятые точки?

Пару секунд он непонимающе смотрел на меня, а потом расхохотался.

— Ты только поэтому согласилась? — спросил, кусая губы.

— Разумеется, — ответила я, с трудом сдерживая смех.

— Везде корысть... — Эрик наигранно-тяжело вздохнул, а потом поднес мою руку к губам. Поцеловал запястье и добавил: — Поедем домой, моя герцогиня.

Глава 15

Места, по которым мы ехали, нельзя было назвать живописными. Их можно было еще назвать прекрасными, и то с большим приближением, потому что они были невероятными, волшебными, невозможными! Несмотря на то, что я жила здесь уже несколько месяцев, налюбоваться красотой Лавуа не могла. Мы переехали в Вэлею сразу после того, как состоялась премьера спектакля. Я позволила себе немного оживить декорации, после чего дикий виноград с картонного фасада с моей помощью пришлось пересаживать на фасад театра. Луиза в обиде не осталась, наоборот, пришла от этого в восторг: в истории про эллениари стремительно разрастающиеся вьюны, наливающиеся цветом и ягодами, были очень кстати.

С герцогиней мы расстались очень тепло, да и вообще, можно сказать, сдружились: после праздников она много времени проводила в театре вместе с Хлоей, присутствовала на репетициях, наблюдала за тем, как проходит подготовка к спектаклю, но почти никогда не

вмешивалась. Позволяла актерам импровизировать, а всем сотрудникам театра создавать атмосферу на сцене такой, какой ее видят они. Возможно, именно поэтому он имел грандиозный успех, и уезжала я со светлой грустью в сердце: попрощаться с ними мне совсем не хотелось.

Ричард и Джон даже пришли провожать меня на вокзал: мы с Эриком ехали в удивительно красивом поезде «Стрела Загорья». Как ни старался он затащить меня на дирижабль, я отказывалась, и муж сдался. Решил, что возможность полетать у меня еще будет, но лучше пусть она будет после рождения малыша. Тем более что «Стрела» была самым быстрым и современным поездом, особенно после того, как на него поставили новую совместную разработку магов и ученых: магические ускорители.

— Как ты себя чувствуешь, Лотте?

Этот вопрос задавался мне чуть ли не каждый день, причем с такими интонациями, что я начинала чувствовать себя ожившей статуэткой, способной надломиться от каждого неосторожного движения. Эрик вообще считал, что сейчас мне лучше обойтись без лишних переездов. В итоге все мои «путешествия» ограничивались прогулками вокруг дома и единственной поездкой в Ларне, небольшой городок неподалеку от нашего дома. В конце концов я возмутилась, не могу же я постоянно сидеть в комнате и смотреть в окно только потому, что ношу малыша! И Эрик предложил выбраться в одно безумно красивое место.

— Превосходно!

Разве можно чувствовать себя иначе?

Летом, когда воздух напоен ароматом цветов, когда ветерок врывается в экипаж и играет занавесями, и все внутри поет от счастья. Особенно когда кое-кто начинает особо активно толкаться, вот как сейчас.

После принятия герцогства на плечи Эрика легло гораздо больше дел, поэтому в нашем доме постоянно мигали кристаллы связи, не переводились посыльные со срочными депешами и всякие серьезные месье. Журналисты тоже попытались с нами пообщаться. Пару раз, но потом больше не появлялись, из чего я сделала вывод, что Эрик им отказал. Дом в Лавуа достался нам в подарок от супругов де Ларне, в знак примирения между Анри и Эриком хотя это примирение можно было назвать условным.

«По крайней мере, они не пытаются убить друг друга при встрече», — сказала мне Тереза в одной из бесед и улыбнулась.

Но у нее вообще было достаточно странное чувство юмора, в этом я имела возможность убедиться.

Вообще-то, сначала Эрик хотел от подарка отказаться, но потом я его уговорила, когда сказала, что до рождения малыша хочу пожить поближе к природе. В Ольвиже, как и в Лигенбурге, почти повсюду был камень, что касается Шато ле Туаре, родового замка Эльгеров, Эрик отказывался меня туда приводить.

— Сначала я его полностью обновлю, а потом посмотрим, — сказал он.

И я не возражала: даже при первом приближении от этого каменного монстра веяло тяжелой, давящей силой. Конечно, камень — это всего лишь камень, но даже он способен впитывать чувства и сохранять память о человеческой жестокости, которая навсегда осталась запертой в этих стенах. Сильная и ядовитая магия отца Эрика по-прежнему незримо витала в холле и в гобеленах, тянулась холодом по странной, раздвоенной как язык змеи лестнице, втекала под плотно запечатанные двери и путалась в свисающей до пола паутине.

В ту минуту я подумала, что когда-нибудь, возможно, приду сюда, чтобы отогреть это место и заменить самые страшные воспоминания Эрика на более светлые, но не сейчас. Не хочу, чтобы наш ребенок родился здесь, и носить его здесь тоже не хочу, так что в этом вопросе мы с мужем были более чем солидарны.

Впрочем, мы вообще редко спорили. В последнее время так и вовсе разве что по каким-то пустякам. То ли Эрик щадил мои чувства и трясся надо мной и малышом, которому вскоре предстояло появиться на свет, то ли действительно смягчился, но в его словах все реже проскальзывали нотки резкости и цинизма, не говоря уже о том, что он начал чаще улыбаться.

Вот как сейчас, например.

— Чему ты улыбаешься? — я приподняла брови, глядя на него.

— Любуюсь своей женой и будущей мамой.

— Не налюбовался еще? — смущенно пробормотала я.

— Нет. И никогда не устану.

Я смутилась еще больше и снова уставилась в окно. По обе стороны от нас раскинулись лавандовые поля, ароматная горчинка которой дурманила голову. Поля аламельны остались ближе к нашему дому, а вскоре, как обещал Эрик, нам предстояло увидеть еще одно. Самое большое в Лавуа.

— Смотри, — Эрик указал в окно со своей стороны. Там дорога изгибалась, и сразу за этой волной раскинулась небольшая деревушка. Черепичные крыши уже разогрело солнце, а по небольшой утоптанной колее шел парень, подгоняя длинным прутком горляющих гусей, один из которых постоянно пытался цапнуть его за ногу. Чуть вдалеке виднелась петелька речушки, прячущейся в лесу.

Такого буйства природы, честно говоря, я не видела даже в Фартоне.

Здесь пейзажи сменяли друг друга столь быстро и столь неистово, один прекраснее и живее другого, что сюжеты возникали один за другим. Правда, стоило подумать про Фартон, как настроение слегка потускнело.

Мы все-таки отправились туда весной, но леди Ребекку не застали. Со слов экономки, чопорной сварливой особы, мой дед умер сразу после Праздника Зимы, отписав все свое состояние дочери. После чего та собралась и уехала, куда — не сказала и адреса не оставила, «Бессовестная и безответственная особа, мне же надо этот дом держать, а если деньги кончатся?»

— Лотте, — Эрик коснулся моей руки, чувствуя настроение. — Устала?

— Нет, — покосилась на корзинку с едой, которую укутывало охлаждающее заклинание. — Просто проголодалась.

— Хочешь что-нибудь сейчас?

Покачала головой.

— Подожду, пока доберемся. Иначе я стану совсем круглой.

— Тебе это не грозит.

— Грозит, — я положила руки на живот: огромный, который уже не скрывали даже самые свободные наряды.

Все дело было в малыше, который рос не по дням, а по часам. Какая у него будет магия, оставалось только догадываться, равно как и то, мальчик или девочка появится на свет.

Предпочтений у нас с мужем не было, а в доме были готовы две комнаты: одна для Рауля, другая — для Эрики. Впрочем, мне почему-то казалось, что вторая долго пустовать не будет.

— Ты самая прекрасная женщина на свете, — произнес муж, осторожно притягивая меня к себе.

— Самой прекрасной женщине на свете сейчас не помешало бы размяться, — сказала я.

— Скоро уже приедем.

Мы поехали в экипаже, потому что дороги в Лавуа пока еще были не предназначены для автомобилей, а тряска на ухабах и кочках — не лучшее, что можно предложить женщине в положении.

И правда, стоило экипажу спуститься с холма, а потом чуть его обогнуть, как впереди раскинулось поле. Огромное белоснежное поле, как если бы перед нами расстелили кусочек зимы посреди лета, вот только зиму эту при всем желании нельзя было назвать холодной. Она расцветала огромными белыми, тянущимися к небу, цветами. Казалось, нет в мире больше ничего кроме этих цветов и неба.

— Если свернуть направо, попадем к морю и к замку де Ларне, — хмыкнул Эрик. — Он сейчас возводится заново.

Ох, да! Лавуа — земли его брата.

— Как и этот дом.

Эрик указал в другую сторону: туда, где заканчивалась аламельна и начинался лес.

Сердце пропустило удар, а потом забило сильнее, потому что даже сейчас, глядя на отсюда кажущихся крошечными, суесящихся у сваленных досок и камней, рабочих, я поняла, где оказалась.

Там, где сейчас велись работы, раньше был дом, где я родилась, умерла и родилась снова.

Дом моих родителей.

Сначала я не поверила своим глазам, но по мере того как экипаж приближался к месту строительства, осознание этого все отчетливее накрывало меня с головой.

— Зачем? — спросила я, закусив губу.

— Зачем — что?

— Зачем ты решил восстановить этот дом?

— Я тут ни при чем, Лотте, — Эрик отпустил меня, но только для того, чтобы внимательно заглянуть глаза.

— Ни при чем? Но тогда кто...

Наверное, я бы догадалась сама, по его взгляду. А может быть, не догадалась бы, но в любом случае это стало неважно, когда я увидела сидевшую в поле женщину. Заросли алабамы укутали ее пуховым одеялом, и если бы не темные, собранные в густой пучок волосы, заметить ее было бы сложно.

— Анри стоило немалых усилий ее найти, — негромко произнес Эрик. — Она пересекла границу Вэлен и исчезла.

Да, об этом Эрик мне рассказал сразу, равно как и о том, что леди Ребекка пропала. О том, что Анри взялся за поиски, он мне не говорил, но сейчас это было уже неважно.

— Оказывается, все это время она жила здесь.

— Здесь?

— В этой деревне. Помогала по хозяйству одной из женщин за кров и жилье.

Не в силах поверить в то, что слышу, широко распахнула глаза.

— Зачем это ей? У нее же осталось наследство отца!

— Думаю, об этом тебе лучше спросить у нее самой.

Леди Ребекка явно была погружена в свои мысли, потому что в нашу сторону повернулась, лишь когда экипаж уже начал сбавлять ход. Заметив его, поспешно поднялась.

— И... что мне ей сказать? — почему-то шепотом спросила я.

Столько раз представляя себе эту встречу, сейчас я растерялась. Охватившее меня волнение плеснуло в кончики пальцев, и в противовес ему в груди тут же разлилось тепло.

Удивительно, но магия жизни всегда меня защищала, словно даже оставив этот мир, отец все еще меня оберегал. Любое волнение мой дар забирал, смывая его словно волной, и чем дальше — тем отчетливее мы с ним срастались воедино. Я не просто слышала и чувствовала быющуюся вокруг жизнь, я видела ее потоки и становилась частью всего сущего, иногда совершенно внезапно растворяясь в шуме листвы или журчании ручейка, в дыхании ветра или мурлыканье мисс Дженни.

— Думаю, слова найдутся сами.

— А если нет?

— У тебя найдутся, Лотте. Ты умеешь их находить, как никто другой.

Экипаж остановился, и Эрик не стал дожидаться помощи кучера. Спрыгнул, подал мне руку и помог выйти. Лицо леди Ребекки, отразившее изумление, на миг отдалилось, а потом снова приблизилось, окружающий пейзаж слегка поплыл перед глазами. Эрик ободряюще сжал мои пальцы, и только потом отпустил. Он вообще редко оставлял меня одну, но сейчас остался возле кареты.

Я же неуверенно направилась к... матери.

Она стояла на обочине, прижимая руки к груди: непривычно простая — воротник рубашки скреплен камеей, длинная юбка орехового цвета без кринолина или турнюра. Какое-то время леди Ребекка, смотрела на меня, а потом пошла мне навстречу. Мы остановились друг напротив друга, взволнованно изучая и отмечая каждую черточку, каждый штрих, каждую перемену, словно не могли поверить в то, что произошло.

— Надо было догадаться, что рано или поздно вы меня найдете, — она взглянула за мое плечо. — Твой... Эрик всегда отличался настойчивостью.

— Мой муж, — поправила я.

Леди Ребекка слабо улыбнулась, скользнув взглядом по моему животу.

— Очень за вас рада.

У моей магии была еще одна особенность: возможность чувствовать эмоции, и сейчас я чувствовала неуверенность. Напряжение, но главное — горькое, глубокое чувство вины, от которого даже жаркий летний день подергивался сумрачной дымкой.

— Почему ты не осталась в Ольвиже? — спросила я.

Она передернула плечами.

— В Ольвиже мне нечего делать.

— Я недавно вступила в наследство.

Титул отца, которого его семья лишилась, теперь будет принадлежать моему сыну. Мне, как прямой наследнице, достались все земли и состояние: точнее, то, что от него осталось. Старший брат Рауля основательно разорил казну отца, частично спустив средства на свои жестокие забавы и возможность их прикрывать, частично — на азартные игры. Оставшуюся сумму я переписала на имя Камиллы и Эммы, а что делать с землями, пока не решила. Хотя уже задумывалась о школе-пансионе, где лишившиеся родителей дети обретут дом.

— Да, я слышала эту историю, — наигранно-спокойно отозвалась леди Ребекка.

Только голос едва уловимо дрогнул, я же подумала о том, откуда она могла слышать?

Значит, все же следила за моей судьбой?

— У де Кри остался роскошный особняк в Ольвиже, сейчас он пустует, и ты вполне могла бы жить там, — сказала я.

Она покачала головой.

— Нет.

— Почему? Он принадлежит тебе по праву, а мне он совершенно ни к чему.

— Я верю, что тебе он не нужен, Шарлотта, — леди Ребекка снова слабо улыбнулась. — Пойдем? Прогуляемся немного?

Я кивнула, и мы направились прямо в поле, она осторожно отвела ладонями гибкие стебли, я же просто повела рукой (не хотелось зацепить или поранить цветы даже случайно) — и они расступились сами, позволяя нам пройти. Только сейчас поняла, что мы идем по тому самому полю, которое некогда было выжжено для спасения меня.

— После того, что произошло, — она опустила глаза, — тебе действительно будет сложно понять, почему я поступила так, а не иначе.

Подлетевшая к нам бабочка попыталась усесться ей на плечо, но леди Ребекка от нее отмахнулась.

— Всю свою жизнь я руководствовалась так называемыми правилами приличия... всю свою жизнь после Рауля, — поправилась она, горько усмехнувшись. — Поэтому я вовсе не удивлена, что ты предлагаешь мне переехать в городской дом и вести светскую жизнь. Но знаешь... дело в том, что мне это больше не нужно. Мое место здесь, рядом с ним. Когда мы только познакомились, он научил меня жить... жить, не оглядываясь на условности высшего света, не думать о том, что за спиной скажут другие. Наслаждаться каждым днем и быть счастливой. Думаю, теперь ты как никто меня понимаешь.

Взгляд ее скользнул по моему животу, потом обратился к Эрику.

Он по-прежнему стоял у экипажа, спокойный, но в то же время не отпускающий меня взглядом ни на минуту.

— Наверное, я ненавидела вас за то, что отняла у себя сама, — сдавленно прошептала она, но в ее голос тут же вернулась твердость. — Когда мы с Раулем только познакомились, я была наивной мечтательницей. Такой же, как ты. Другая я не позволила бы себе убежать на край света за мужчиной, которого полюбила. Он много путешествовал, знакомился с интересными людьми, с самыми разными. Ты, должно быть, не знала, что Миллес Даскер тоже живет в Фартоне?

Не ожидавшая такой перемены темы, я удивленно приподняла брови.

— Да, Рауль был с ней знаком, эта женщина, тогда еще совсем молодая, происходила из довольно знатной семьи. Миллес Даскер на самом деле зовут Милена Дарни. Она с детства обожала сочинять истории, но ее родители, разумеется, воспротивились желанию дочери быть писательницей. Тогда она сбежала и переехала в Фартон, где работала школьной учительницей, а вечерами начала писать свою первую книгу. Она полюбила простого учителя, который преподавал в фартонской школе для мальчиков, и вышла за него замуж. Когда мы познакомились, у них уже был чудесный малыш.

Не зная, что на такое ответить, промолчала. Порыв ветра подхватил мои волосы: удивительно ласково, словно играючи, коснулся щеки.

— Когда мы прощались, она подарила нам с Раулем книгу «Сладкая горечь свободы» и пожелала счастья.

«Сладкая горечь свободы»?!

Так значит, та книжка, что я нашла в доме виконта, которую я привезла с собой в Вэлею — это подарок?! И память... об отце?!

— Я хранила книгу все эти годы, пожалуй, это было единственное, что я сохранила от... Она запнулась, и меня вдруг обожгло. Обожгло болью, отчаянием, горькой злостью на самое себя.

— Не единственное, — сказала я и перехватила ее руку.

Так быстро, что леди Ребекка не успела ее отнять, а я уже скользнула пальцами по шраму, выглядывающему из-под плотной манжеты. Ожог, который она не стала сводить, и теперь я понимала, почему. Не знаю, как она его получила, но мне отчетливо представилась молодая женщина, прижимающая к груди самое дорогое, что у нее есть. Огненный ад, рушащиеся вокруг балки и она, закрывающая меня от того, что творится вокруг. Думаю, она даже не помнила, как обожглась.

Ветерок снова подхватил мою прядь, следом — ее, выбившуюся из строгого густого пучка, и тут же отпустил. Таким же легким флером меня коснулась надежда, вновь сменившаяся отчужденностью и болью.

— Теперь это все в прошлом.

— Если бы было в прошлом, — сказала я, — ты бы не вернулась сюда.

— Я вернулась, потому что эгоистично хотела искупления, — леди Ребекка пожала плечами. — Потому что хотела понять, что мне мешало тогда... много лет назад, когда отец потребовал от тебя отказаться, точно так же наняться на работу в этой деревушке, и...

Она вздрогнула и осеклась. Я шагнула к ней, не задумываясь, шагнула и обняла, насколько позволял выдающийся живот. Малыш снова толкнулся, и этот удар отозвался в ней, она широко распахнула глаза и попыталась отстраниться, но я не позволила.

— У тебя скоро будет внук, — заметила резко. — И если ты откажешься еще и от него, я тебя не прощу. Никогда, слышишь?

Пару мгновений леди Ребекка просто смотрела на меня, а потом разрыдалась. Я прижимала ее к себе, согревая теплом магии жизни или своего сердца, глядя на бескрайнее поле аламьены, которой играл ветер. Не знаю, что позволило ему вновь вернуться к жизни, но сейчас я была безумно этому рада. Огромные белые лепестки раскрывались, цветы тянулись к солнцу, совсем как много лет назад.

И кажется, я могла даже слышать голос отца, путающийся в шелесте ветра.

«... На ее крылышках пыльца, и если ты возьмешь бабочку в руки, она уже никогда не сможет летать».

Леди Ребекка была той самой бабочкой, которую взяли за крылья.

Общество, отец, страх за мою и за свою жизнь, отчаяние страшной потери — все это сыграло свою роль, но сейчас, спустя долгие годы ее сердце понемногу оттаивало и оживало. Для себя я решила, что сделаю все от меня зависящее, чтобы ей в этом помочь, остальное зависит только от нее.

В тот момент, когда я об этом подумала, ветерок снова подхватил мою прядь, скользнул прохладой по обнаженной шее, словно пальцами прикоснулся. Следом подхватил прядь волос леди Ребекки — и тут же снова отпустил.

Что это за странный ветерок такой?

Леди Ребекка уже не плакала, только всхлипывала тихонько, и я позволила себе отстраниться. Странная догадка, которая меня посетила, отозвалась в самом сердце, и я нырнула на грань.

Тишина, белая аламьена и... легкая, едва различимая дымка, окутывающая нас.

Меня и леди Ребекку, тянущаяся, касающаяся истончающейся серой вуалью.

— Папа, — прошептала я, не в силах поверить своим глазам.

Особенность проводника с каждым днем становилась от меня все дальше. Мало того, что я научилась ей управлять, так и беспокоила она меня все реже: чем сильнее становилась магия жизни, тем дальше отступала смерть. У Эрика тоже — он признался, что тьма больше ни разу не пыталась сквозь него прорваться, и сейчас я смотрела на отца, понимая, что вижу его в последний раз.

— Папа, — повторила, с трудом сдерживая слезы. Перевела взгляд на леди Ребекку, которая растерянно смотрела на меня, и добавила: — Мама... он здесь.

— Кто? — переспросила она еще более растерянно.

Вместо ответа я подхватила ее ладонь, позволяя тающей дымке коснуться ее руки. У призрака отца не было ни формы, ни сознания, но он тянулся к нам в попытке согреть даже сейчас.

Леди Ребекка вздрогнула, когда прохладный порыв скользнул по ладони.

Вздрогнула, а потом замерла и потянулась к нему второй рукой.

На грани все краски съедены, но для меня мир вдруг взорвался ослепительным буйством цвета. Я видела, как мама касается ладонями призрачных ладоней отца, как вместо неясной дымки проступает его полупрозрачный образ, как ветер подхватывает рыжие волосы, и как они неуверенно улыбаются друг другу, а рядом стоит маленькая девочка и держит бабочку на раскрытой ладони.

Этой девочкой сейчас была я сама.

Пусть все это пронеслось только в моем сознании, пусть было всего лишь игрой моего воображения, но я стояла и улыбалась. До той поры, пока краски не померкли снова, а тонкая призрачная вуаль не растаяла над полем, подхваченная и унесенная ветром.

— Это правда? — прошептала леди Ребекка. — Он был здесь?

— Правда.

Теперь краски возвращались в мой мир постепенно, возможно, в последний раз расцветивая для меня грань.

Глубоко вздохнув, я указала в сторону экипажа.

— Вернемся?

В глазах леди Ребекки мелькнуло сомнение.

— Не думаю, что...

— Эрик хочет с тобой познакомиться, — сказала я. — И я думаю, что это правильно, потому что когда ты приедешь к внуку, желательно, чтобы ты была знакома с его отцом. Я протянула ей раскрытую ладонь, но леди Ребекка покачала головой.

— Лучше так. Тебе сейчас тяжело ходить, — она подставила мне руку, предлагая на нее опереться.

И я оперлась.

Медленно, сквозь расступившиеся цветы, мы вышли обратно на дорогу и вернулись к экипажу. По мере того, как мы приближались к Эрику, напряжение леди Ребекки возрастало, я чувствовала это не только по каменной руке, но и по эмоциям, текущим от нее ко мне.

— Леди Ребекка, — тон Эрика был светски-учтивым, особенно когда он поднес ее пальцы к губам.

— Ваша светлость.

От меня не укрылось, что он назвал ее девичьим именем, и она не поправила. Похоже, развод с виконтом — дело решенное и всего лишь вопрос времени.

— Хочу, чтобы вы знали, что стреляла я именно в вас, — взгляд ее сверкнул, а рука под моей напряглась еще сильнее.

— Я это прекрасно знаю, равно как и то, что вы не представляли, как действует долговая метка. Иначе бы мы с вами сейчас не разговаривали, — Эрик отпустил ее пальцы и протянул руку мне. — Я действительно думал, что вы хотели убить Шарлотту, но я привык думать о людях гораздо хуже, чем они есть. Ваша дочь научила меня совершенно иному. Он обнял меня и привлек к себе.

— Так или иначе, если бы не ваше письмо, я бы ни за что не подпустил ее к вам.

Леди Ребекка немного расслабилась, но я все еще чувствовала настороженность в каждом ее вздохе.

— Рад, что мы наконец-то познакомились, — продолжил Эрик. — Мы с супругой будем рады вам в любое время, и двери нашего дома всегда будут для вас открыты.

Настороженность растаяла, на смену ей пришло спокойствие. Глубокое спокойствие и уверенность, которая отразилась в ее улыбке и словах:

— Я тоже очень этому рада.

— А я скоро стану тетей! — с гордостью заявила Миралинда, обнимая меня ну очень осторожно и заглядывая в глаза.

— Уже совсем скоро, — подтвердила я, обнимая сестренку в ответ.

О том, что леди Ребекка пересекла границу Вэлей вместе с ней, и пропала тоже вместе с ней, мне не сказали, чтобы не волновать. Оказывается, маме пришлось буквально выкупить Миралинду у виконта Фейбера: то есть отдать большую часть наследства за то, чтобы тот отказался от дочери и позволил ее увезти. Бывший муж не мелочился и не отобрал у мамы все исключительно потому, что сам не представлял размеры ее наследства (дед был страшным скрягой и даже когда давал за нее приданное, весьма поспешил, ссылаясь на неважное положение дел). В итоге у мамы остались деньги только чтобы восстановить дом и на первое время после, именно поэтому она нанялась на работу в той деревушке.

Когда я узнала об этом (узнала, надо сказать, весьма специфически: в тот самый знаковый день примирения, когда Миралинда просто подбежала к нам), разозлилась так, как никогда раньше. Кажется, впервые в жизни я накричала сначала на Эрика (видите ли, он считал, что об этом леди Ребекка должна рассказать сама), потом на нее (она считала, что Эрик мне уже рассказал), а потом заявила, что если они не поедут с нами, я останусь жить в этом поле. То, что настрой у меня серьезный, Эрик понял, когда я хлестнула его веткой придорожного куста по пятой точке и ушла в аламень. В итоге маме с сестрой пришлось собираться и переезжать к нам — до того времени, как будет восстановлен дом, а я сказала, что если она попытается спорить по поводу дальнейшей помощи, я рожу прямо здесь.

Спорить почему-то никто не стал, но злилась я еще целый вечер и все следующее утро. За это время я припомнила Эрику и Камиллу, и их свадьбу, и то, что он ничего мне не рассказал. На самом деле он женился на ней, чтобы защитить: после того, как избавил ее от мужа, Камилла все равно была под угрозой — де Кри вряд ли оставил бы ее в покое, равно как и его друзья. Поэтому Эрик предложил ей такой выход, и она согласилась. Их брак был новомодным, а проще говоря — подписным: когда молодожены обмениваются брачными клятвами, подписями и кольцами без венчания. Расторгали они договор по магической доверенности — особому документу, заменяющему присутствие нотариуса и не требующего свидетелей.

Я обещала себе не вспоминать эту историю, поэтому потом мне было очень стыдно. Это была наша единственная с Эриком ссора после случившегося в Мортенхэйме, и когда мы наконец помирились, он пообещал, что больше не будет ничего от меня скрывать. Даже если правда окажется неприятной или суровой, потому что не хочет однажды оказаться на месте де Мортена.

Де Мортен и Луиза не помирились до сих пор: об этом мы узнали от Терезы. Она и Анри приехали к нам в начале осени погостить. Поэтому сейчас мы дождались, пока спустится мама, и втроем направились в столовую. По этикету полагалось, чтобы к столу меня вел Эрик, но мы любили нарушать этикет, а если честно, вообще его не придерживались. Тереза уже была в столовой, стояла у окна, отодвинув штору и глядя на едва наливающийся золотом лес. Услышав наши шаги, обернулась, отметив меня улыбкой, а после сдержанно поздоровавшись с мамой и Миралиндой. Она в принципе держалась достаточно отстраненно, особенно с теми, кто не входил в ее круг. Каким-то чудом мы с Эриком в этот круг попали, поэтому нам иногда даже перепалили улыбки.

— Если меня не покормят, я сейчас кого-нибудь съем, — донесся голос мужа из-за спины. Они с братом вошли в столовую одновременно, и Эрик тут же обнял меня за плечи.

Миралинда хихикнула:

— Только не меня!

Муж сделал страшные глаза:

— Тебя обязательно!

Сестренка с визгом бросилась к столу, а я улыбнулась. Какое счастье, что виконт Фейбер ко всему прочему оказался еще и жадным! В его доме Миралинде не позволили бы даже меньшего веселья, а за подобное и вовсе грозило наказание.

Тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли и образы, повернулась к Анри:

— Я еще не успела лично вас поблагодарить, граф. Спасибо за то, что помогли в деле с наследством.

— Я просто чуть ускорил процесс, — отмахнулся он.

Городской особняк де Кри мы все-таки продали, и эти деньги перевели на счет матери и Миралинды. Когда мама об этом узнала, она разрыдалась повторно, но я не позволила ей отказаться. Если честно, я не хотела оставлять дом, где жил этот ужасный человек, брат моего отца. И уж тем более после того, что рассказал мне Эрик во время нашего примирения. Оказывается, Фьет-Лао выяснил, что поджог совершили именно по его приказу. Узнав о кошмарных делах, которые тот творил, отец отказал старшему сыну в наследстве и хотел вернуть младшего в семью, но не успел.

Совсем чуть-чуть не успел.

Эрик, словно почувствовав мои мысли, мягко привлек к себе и заглянул в глаза, словно спрашивая: «Все хорошо?»

«Все хорошо», — так же безмолвно ответила я.

— Влюбленные, пойдемте к столу, — хмыкнула Тереза. — Пока еда не остыла. Не знаю, кому как, но лично мне холодное утиное рагу с апельсиновым соусом напоминает листья папоротника под паутиной с лимонными корками.

Каковы на вкус листья папоротника под паутиной с лимонными корками, я так и не узнала, потому что когда Тхай-Лао снял крышку, все еще было горячим.

Подумать только, как все может измениться в одну минуту. Прошлой осенью в это время я размышляла, как мне собрать денег на новое пальто, а вечера проводила в компании «Девушки» и мисс Джени, сейчас же я в кругу семьи, рядом с любимым мужчиной, от которого жду ребенка. По нашим подсчетам, Эрика или Рауль должны были появиться на свет во второй половине сентября, а значит, ждать осталось совсем немного. Эти мысли наполняли меня теплой, уютной радостью, заставляя улыбаться невпопад.

Вот как сейчас.

Поймала взгляд Терезы: привычно тяжелый, задумчивый, и улыбаться перестала. Она очень привязана к семье, и, вероятно, сильно переживает за брата. Увы, тут я ничем помочь не могла, его светлость де Мортен отвечает за свои поступки сам. То, что он поверил лорду Фрау и графу Вудворду, нажаловавшемуся на то, что Эрик сломал ему руку и якобы обещал убить, это его ошибка. Конечно, немалую роль здесь сыграли и показания Ирвина, представившего Эрика чуть ли не злом во плоти. Ирвин, пожалуй, был единственным, с кем я так и не захотела встретиться перед отъездом. Не могла его простить, как ни старалась: за ложь, за лицемерие, за то, что использовал нашу детскую дружбу, чтобы подобраться к Эрику и вручил мне ленту, ставшую артефактом-передатчиком.

Единственное, что я сделала — это заглянула к Эби, попрощаться и справиться о его здоровье. Он достаточно тяжело пережил удар золотой мглой, и, насколько мне было известно, лишился магии. Кухарка рассказала, что Ирвин сейчас в приступах беспросветной злобы и когда появляется у отца, постоянно на всех срыгается: так, что даже горничные ходят по стенке. Больше я расспрашивать не стала, а вот с Эби мы расстались очень тепло, обещали друг другу писать, и обещание сдержали. Впрочем, Эби я отправляла не только письма, но и немного денег, чтобы та по возможности заглядывала к миссис Клайз и помогала ей по хозяйству.

— ... в Тритт, — донеслось до меня.

Я вернулась из собственных мыслей, растерянно заморгала, и Эрик наклонился ко мне:

— Тереза ездил в Тритт, — произнес негромко.

— Эрик, я все слышу.

— На слух ты точно никогда не жаловалась, — усмехнулся он.

Тереза приподняла бровь.

— В Тритт? — удивилась я. — Зачем?

— Изучала все, что смогла найти про агольдэров.

По спине пробежал холодок.

— Но ведь...

— Да, этот отбыл куда положено, — отмахнулась Тереза.

— Просто моя жена не может спать спокойно, зная, что упускает что-то по некромагии, — поддел Анри.

— А мой муж бывает дома по большим праздникам, но я ему об этом не напоминаю, — заметила она.

— Это называется: не напоминаю?

Тереза очаровательно улыбнулась.

— Так что там с агольдэрами? — спросила я.

Она взглянула на Миралинду, но потом нехотя произнесла:

— Если бы Анри отпустил меня сразу, всего этого могло бы и не быть.

— Если бы де Мортен не навешал на порталы ловушек, всего этого могло бы и не быть. До сих пор вспоминаю каждый фут каждого коридора.

Открывать порталы способны только те, кто обладает магией искажений, поэтому помощь в оранжерею пришла гораздо позже. Тем не менее сейчас мне не хотелось об этом вспоминать.

— Давайте не будем ворошить прошлое, — предложила я.

— Как здорово, что есть женщины, которые умеют прошлое отпустить, — коротко улыбнулся Анри.

И дернулся.

Судя по всему, Тереза пнула его под столом.

— Агольдэры, — напомнил Эрик.

— Агольдэры способны не только захватывать тела, они способны развивать сознание и обучаться, как люди, — сказала графиня. — Разумеется, если создать им изначальные условия и предоставить возможность набрать силу. Иными словами, Аддингтон сумел все это провернуть — собрать осколки с твоей кровью для поиска, выкрасть часы, залезть в того бродягу, который на тебя напал, а после и подчинить Лавинию, которой изначально избегал, потому что она могла его узнать, исключительно потому, что ему удалось полностью восстановить знания. Вопрос в том, как... Даже лорд Адриан лишь частично осознавал происходящее, что касается агольдэров, обычно они ведомы исключительно своей ненавистью. Видимо, Аддингтон изначально нашел способ сохранить память на случай скоропостижной кончины.

— Или ему помогли, — пробормотала я.

День за днем ужасные события в оранжерее понемногу забывались, благодаря магии жизни меня даже кошмары не мучили, но сейчас слова Аддингтона вдруг прозвучали весьма отчетливо:

— Когда он удерживал меня в оранжерее, он сказал что-то вроде: мне помогли прийти к этой мысли...

— Ты уверена? — Тереза вскинула брови.

— Да, после случившегося это напрочь вылетело у меня из головы, но...

В столовой неожиданно воцарилась тишина. Я огляделась: Миралинда сидела с открытым ртом, а мама слегка побледнела.

— Эм... — сказала я. — Простите, пожалуйста. Я вам не рассказывала, что... В общем, неважно, все это в прошлом. Еще рагу?

В подтверждение своих слов я взглянула на блюдо, где лежало горячее.

— Он что-то еще говорил? — переспросил Анри.

— Не думаю, что это лучшая тема для обеда, — резко произнес Эрик, накрывая мою руку своей.

В эту самую минуту малыш толкнулся так, что я дернулась.

— Ай...

Следом дернуло низ живота, неожиданно сильно.

— Ой...

— Лотте! — Эрик вскочил. — Все в порядке?

Я вцепилась в край стола и улыбнулась:

— Почти...

— Почти?!

— Да, — я сдвинула руку мужа, глядя на него широко распахнутыми глазами. — Кажется, наш малыш собирается появиться на свет.

В главном зале королевской художественной галереи Вилль д'Оруа было не протолкнуться, а на меня было устремлено столько взглядов, что я не сразу услышала голос распорядителя, обращающегося ко мне:

— Ваша светлость... кхм, ваша светлость!

Когда он чуть повысил голос, я обернулась. Высокий лысеющий мужчина во фраке вырос рядом, как многолетнее дерево под влиянием магии жизни: быстро и очень неожиданно.

— Ваша светлость, одна мадемуазель спрашивает, можно ли с вами переговорить. Я бы, конечно, сразу ее отправил, но вы просили сообщать, если это по поводу искусства, и...

— Жиль, вы все правильно сделали, — ответила я. — Пригласите ее.

— Сию минуту.

Распорядитель исчез так же быстро, как появился, а я снова повернулась к картине. Над ней я работала чуть дольше, чем над остальными (временами приходилось прерываться, потому что слезы текли сами собой), но я все-таки закончила ее к открытию выставки. На огромном полотне раскинулось бескрайнее, пронзительно-высокое небо, а под ним — поле аламыены. Мужчина и женщина стояли, соединив руки, а рядом с ними маленькая девочка держала бабочку в раскрытых ладонях.

Эту историю я назвала «Бабочка», и именно возле нее собиралось больше всего людей.

Выставка, открытие которой состоялось несколько часов назад, моя первая выставка в Ольвиже, на которой были представлены не только мои работы, но и работы многих молодых художников со всей Вэлеи. Изначально мы с Эриком хотели представить на ней и «Девушку» (он все-таки восстановил ее для меня), но потом отказались от этой идеи. Она нашла свое место в гостиной нашего городского дома в Ольвиже. Как символ того, что объединила нас во всех смыслах.

— Ваша светлость, — снова распорядитель.

За его спиной стояла худенькая темноволосая девушка, на вид не старше шестнадцати лет, а впрочем, возможно, дело было именно в ее телосложении. Одета более чем просто, с зажатым под мышкой альбомом, она взволнованно и серьезно смотрела на меня, и на миг я словно перенеслась на четыре года назад, в Королевский музей искусств в Лигенбурге.

— Мадемуазель Жюстин Орини, ее светлость, герцогиня де ла Мер.

— Ваша светлость, — девушка сделала реверанс.

Альбом поехал вниз, и она едва успела его подхватить, заметно смутившись.

— Можно просто Шарлотта, — сказала я, когда распорядитель отошел. — О чем вы хотели со мной поговорить, Жюстин?

— О своей картине. Я написала ее недавно, но мне отказали, когда я пыталась подать ее на выставку. Знаю, что вы очень заняты, но возможно, кто-то из ваших помощников мог бы на нее посмотреть.

— Давно вы пишете? — спросила я.

— Несколько лет.

— Здесь ваши наброски? — я кивнула на альбом. — Могу я посмотреть?

— Разумеется, — она протянула мне свои работы, и я отметила, что ее руки слегка дрожат. — Но это только эскизы.

Я открыла альбом и улыбнулась: на первом же листе малыш тянул в рот огромное пирожное. Мать наклонилась к нему, чтобы вытереть перепачканную мордашку сына. На втором толстый добродушный мужчина выставлял на прилавок поднос с пышными плюшками, его круглое лицо лучилось счастьем — сразу видно, что он рад тому, что делает. Точно так же, как и Жюстин. Дальше можно было не смотреть, но я все равно не удержалась и очутилась на набережной Ланэ. Перегнувшийся через парапет мальчишка болтал ногами, проходившие мимо девушки так тесно сплелись руками, что сразу видно — о чем-то секретничают.

Я закрыла альбом и вернула его Жюстин.

— Чудесные наброски.

Девушка слегка покраснела.

— Спасибо, ваша светлость.

— Та картина, о которой вы говорите... Это ваша единственная работа?

— Нет, конечно нет, — она улыбнулась, прижимая эскизы к груди. — Я пишу с утра до ночи, когда не занята в лавке булочника, я его помощница. Просто мне кажется, что это самое лучшее, что я когда-либо создавала.

— Ты знаешь о школе «Штрихи аламыены», Жюстин?

Ее глаза вспыхнули, но тут же погасли.

— Знаю, но пока у меня нет денег на обучение.

— Деньги на обучение тебе не потребуются. Приходи завтра, к десяти утра. Учебный год только начался, мы еще успеем поставить тебя в группу.

Девушка широко распахнула глаза.

— То есть... то есть мне просто прийти, и вы... возьмете меня учиться?

От волнения она снова чуть не выронила альбом, но тут же снова прижала его к груди.

— Да. Всем нашим ученикам полагается стипендия, — добавила я. — И жилье при пансионе, потому что совмещать серьезную работу и обучение будет достаточно сложно, у нас очень интенсивная программа.

Эта школа стала моим детищем. Сбылась моя мечта — писать сколько захочу и дарить такую возможность другим. В школе, которую я открыла в Ольвиже два года назад, обучались как девушки, так и юноши. «Штрихи аламыены» принимала подающих надежды детей и взрослых, всех, у кого не было возможности оплатить обучение, зато было искреннее желание серьезно заниматься искусством. Наш первый выпуск состоится только через год, но уже сейчас я видела, какие надежды подают наши ученики.

— То есть мне придется уйти от месье Вирана? — она, казалось, искренне расстроилась.

— На полный рабочий день выходить ты точно не сможешь, — я испытующе посмотрела на нее. — Но если захочешь, вполне сможешь продолжать ему помогать в свободные часы и по выходным.

Жюстин серьезно кивнула, сцепив руки на груди.

— Я согласна.

— Тогда жду тебя завтра в десять. И не забудь свою картину, я лично ее посмотрю.

На худеньком лице расцвела счастливая улыбка:

— Спасибо, ваше светлость! Я приду... приду обязательно!

Я знала, что она придет. И скорее всего, мне понравится ее картина, потому что горящие глаза девочки говорили о многом. Равно как и ее эскизы, и то, что она не побоялась настоять на встрече со мной.

— Ты, кажется, нашла себе новую ученицу? — голос мужа раздался за спиной, и я улыбнулась. Кто бы мог подумать, что гувернантку и художницу можно совместить. Преподавала я только утром, до полудня, а после бежала домой, или, точнее сказать, летела на крыльях. Пусть даже Эрик был очень занят и стал частым гостем во дворце у его величества или в ведомстве Анри (производством мобилей сейчас полностью управлял Тхай-Лао, а Фьет-Лао стал нашим бессменным дворецким), мы с ним всегда находили время друг для друга и никогда надолго не разлучались.

— Подслушивал? — я обернулась.

— Наблюдал.

Эрик подошел и встал рядом: под сводчатыми потолками, украшенными барельефом, в окружении многоголосой толпы и картин, рядом с ним я снова вспомнила Королевский музей искусств в доме графа Аддингтона. Тот музей казался мне гораздо менее уютным, чем Вилль д'Оруа, а еще тогда я даже представить не могла, что Эрик станет моим мужем. Всевидящий, да я бы пальцем у виска покрутила, если бы кто-то мне такое сказал.

Подумав об этом, улыбнулась.

— Ты уже отпустил прессу?

— Скорее, она отпустила меня.

— Надеюсь, больше перепуганных журналистов не будет?

— Больше не будет, — искренне покаялся он. — Просто когда ты носила Рауля, я считал лишними некоторые вопросы.

При мыслях о сыне я снова улыбнулась, и Эрик тоже. Наш малыш напоминал солнышко (особенно когда улыбался) и был очень похож на моего папу в детстве. Его портреты были единственным, что я сохранила из дома де Кри, а маленький Рауль помимо внешности деда сохранил магию своего отца. Способность к управлению водной стихией проснулась в нем

около года назад: в тот день он неосознанно создал свой первый туман, чем перепугал няню до полусмерти. Она как раз собиралась его купать и отвернулась, чтобы достать полотенце. В ту же минуту ванную окутали клубы тумана, такого густого, что поглотили все на расстоянии вытянутой руки. Мы с мужем прибежали на ее крики, а Рауль в этой пелене заливался смехом, гоняя по воде игрушечного утенка.

— Пройдемся? — Эрик подал мне руку, мы направились по залу.

В другой стороне, как раз напротив огромных часов: знаменитых, являющихся особенностью Вилль д'Оура, расположилась еще одна моя картина. Ту, что я начала еще в Лигенбурге и привезла с собой в Вэлею. Подойти близко сейчас не представлялось возможным, и, хотя перед нами все расступились бы, мы предпочли остановиться чуть поодаль, тем более что и так помнили каждый ее штрих. На отмеченном снежными искрами холсте застыла невероятной красоты женщина, с раскрытых ладоней срывались снежные вихри, а за спиной раскрывалась словно запечатанная в хрусталь алая роза. Капельки-слезы блестели на лепестках, но лицо женщины оставалось бесстрастным. Равно как и легкая, тронувшая ее губы улыбка.

— Ты удивительно точно передала ее образ, — негромко произнес муж.

Пожалуй, только мы и знали, кто изображен на картине. Я слегка изменила черты Камиллы (с ее опасной работой лишняя известность вовсе ни к чему), но главное здесь было не в чертах.

— Ледяная роза, — добавил Эрик.

Да, картина называлась именно так, но сейчас он точно говорил не о картине.

— Она не сказала Анри о том, что вы развелись, — напомнила я. — Значит, не все, что она тебе говорила, было игрой.

— Сейчас это уже неважно.

— Важно, — сказала я. — Она действительно любила тебя, Эрик. Она не предавала тебя, просто... была рядом.

Он улыбнулся, притягивая меня к себе.

— Давай лучше поговорим об Эрике...

— Нет! — наигранно-испуганно воскликнула я. — Нет, я пока не готова!

— Разве? А кто вчера говорил, что скучает в этом суровом мужском царстве?

— Я такое говорила?!

— Не дословно, но... — Эрик понизил голос до шепота, а потом увлек меня за собой, в сторону выхода.

— Куда?! — воскликнула я. — У нас же открытие!

— Не думаю, что нас потеряют...

— Должны зайти Тереза и Анри!

— Я на них уже и так насмотрелся.

— И мама с Миралиндой! Они ради такого даже в столицу приехали!

— Ну вот и пусть любят картины.

— Его величество...

— К демонам!

— Эрик! — возмущенно воскликнула я, когда муж все-таки вытащил меня за двери. — Ты совершенно невозможный, невоспитанный...

— Ужасный, — подсказал муж, увлекая меня в длинный затемненный коридор, из которого вдалеке доносились голоса.

— Нет! — успела только пискнуть я, когда под его рукой поддалась панель, и мы оказались в потайной нише, укрывшей нас ото всего мира.

— Ты что делаешь?! — искренне возмутилась я, когда его ладонь скользнула по моему плечу, стягивая платье.

— Эрику.

— Эрик!

Он рассмеялся: негромко и хрипло.

— Брось, Лотте. Я мечтал это сделать с той самой минуты, когда оказался запертым с тобой в нише, а ты так трогательно краснела...

— Ты не мог этого видеть! — выдохнула ему в губы.

— Зато мог чувствовать, — бессовестные пальцы моего бессовестного мужа скользнули по полушариям груди, заставляя меня вздрогнуть. — Знаешь, мне тут пришло в голову...

Он подался ближе, обжигая шею дыханием, скользя пальцами по второму плечу и обнажая его.

— Если бы я не сказал тебе настоящее имя... как бы ты меня назвала?

Я приподняла брови:

— Георг?

Эрик ненадолго остановился, и в тишине было слышно только наше сбивающееся дыхание. Всевидящий, мы оба сошли с ума!

— Лотте, серьезно?! Какой из меня Георг?

— Серьезно? — еле слышно выдохнула я. — Никакой.

Эрик сдернул верх платья так резко, что я содрогнулась от пронзивших тело ощущений, а потом коснулся губами груди, обжигая нежную кожу коротким укусом.

В эту минуту мне стало не до имен, не до выставки и не до гостей.

Изумрудная вспышка на миг осветила его лицо: потемневшие глаза, взгляд, от которого жар прокатился по телу, а дыхание стало прерывистым.

— Моя Лотте, — хрипло произнес он.

Жадно.

Сумасшедше.

Неистово.

А потом накрыл губами мои, и окружающий мир ненадолго утратил резкость.

Остался только он.

Только я.

Только мы...

Сейчас.

И навсегда.

КОНЕЦ

/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAQ//gAMR2FsbGVyeS5ydf/bAIQABwCHBwgHCAkJCAwMCwwM
ERAODhARGhIUehQSGicYHRgYHRgnIyoilCIqIz4xKysxPkg8OTxIV05OV21obY+PwAEHBwCH
CAcICQkIDAwdLDAwREA4OEBEaEhQSFBIaJxgdGBgdGCCjKiIglIojPjErKzE+SDw5PEhXTk5X
bWhjt4/A/8IAEQgC5AIAAwEiAAIRAQMRAf/EABwAAAEFAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAQCAwUGBwE
A CP/aAAGBAQAAAAAD5w9xbjyue93wPFHkPGOK97jDIKEpX5xSXHm+qS97jK+Nj+Q7zyvLabbX3
3Q08W51PvI93nvKePdMdZb8UyqJTzjikKJdb8+niFKH73jTb6WWvFqZR7zjLiW1u854hxrqf
NubZQRJds22SrxUIC2VORwWwr9m2o5JudOn3hna/Y2p+HiMsHR5LTnOMI8X7zUb5KnGVLQSa
lKeM7TYmJeqvICyUfPpg8R1Gygv2+qW+kHFqCK9EgxUVWUtNIaa8810vzrTsBx1RIjVgiWCy
V8X5yIN8pTBPbjvO1SaaEdTYgZGL7xIXUjvOM9aYRzxCWnW3XVIhEvqSSBI2inNHvvOuRzQD
jvXTFvLLPqaXmVmGNpTJSlpxDEeSU2hvpvq1L4jxHU+g1O+aJWNbh6w9OPvkwjcc55aCnHeSM
rEdHQmMReSGV1kcZ0Jot5ktUYqYBZ6aCryfR7fevek+Xs/KBbDMFKgBYhznSHyEPSZiI1luP
KfeU035vzSB1PK48EgoU/gylpQ24Mwvhk7cjb2VVGx2bjgNdj0jlmvFtHSrzyIOOacMUNx1
0HoojJRDRiW4p5tZYb5HGvKFEIe0GWIjE43VLdOONqi60yEcRLSQRl0idY5aNpgxrbSWzQm
YiONJJWSmKZcSl4d8jzXlx4hB+wPOvdIxtXsDVKvVSoDFCE2mOjG7bJNSabDGUI5IwRqhRA
gfOnEkNRyB+q40+V5PeRgrz1oucqe3S6JG3yxDRdQYzfJXKWeKhOWi6uwEtbDMVB8yC85HFe
j4xJhyx2PCvISwsp/neRzCHV+kDCI8AW9WyGZpCnX5W6iiRyn520AolrrldeDbQ++G8KHEr
bLKjX0Rxxw3nWnC3R/NNzUZF8cbIfSRLKmiq16INYsszn9g00ThAWWim54eoNIYW24SODDORr
3XCHo15L3WmXHUo8x56M461xx9y8uiANht9dmD69pmg2VpEJCWtWodqUdNQjS2jURXIYZl0
4nxPPPsjBq7xHhuIQtPnFkdKeknhXwHDZeM0y1GydWiJeNy9y7V0Rph+bkZFsGmU5rpnQz
1jy8YkdDPINC9aIGS4hflkGmS1hhIpslmTFvdTF2zIiJu90KxQMWwmYKqlaY4foVfgASmgm/
KVpGecKZHWyOwkogIdbyPdeKPsduhqxGdSRP6CcBoVesMs911xycYkmbioOMhWIWrvs2Yaix
m2l2W/5S9DkMeciGPWe9xFPik98ow46esELXgh2HJrSr81YqNYRosZvLuHzJumx9Zx6IZkrp
oefRAbTLOhi3ShlUmPSQuvsL0WylMZ1BtqUUCZnNwMUpoNdgkNYfrkPoMI2xC08pcvsMkJW8
opwj1q1OmQTFUMawiepB2bxY73K225p9gNSRmVZaUfly8lHPwrzK4uwBa9ERPZWaMzOap5Es
/rskLWczqcU/MXKbpSfFTF6h9CpVGfqUV1FW49ottfkDozHozx8nLSbg8QyhUfZaxaLaIw5I
G5rYq0XMdI9MocPB1yKbMtGgZ4zIyV+vWbz1IHuOW1lpip8d1G1uybzmd0hmwWZcgRW1wZgo
k1V6zqFz9ANzOVXlXojU45iKqI4UMCXP3WlxS7I3TXMpuCDRZrNYPiKX1y8O6TISBkHjbdvm
VkoOwwQgoxsdARkt1i9wkBp5jSdwHyXRafWB62C3P2yqRMvL3TQ64aHAj5YAtNJ8uWPm7Pap
9eHD3s415mMbehW7DU6xJREcAqeBP1/iGdjddX0yNoFcPp4Une6lDGy9lss2HXR4enDKTRfL
KIJlWgyaq6dAkivMBRctEDQjIAbIokeW3MXi5sj3tbsnWc0r1wqDbek1SF7K2Is+epNZUCIp

FB87M25wF1xTLd2nD+s+rg/a1DLbG5ElRgqbu7JXQmWU9aa3n1Ot4VSktRqgj7a5CImIGJPI
C4xnnXrLpk74OErBjdmsZy2aNQWpO11IGYrrio7wSVt3qPuV80uLHpuYM2UvPbDqVLITYiQI
oAupXVmbi49OYqItemzbpSWsulrfJ9fzukRwszIuwbq7N+rL0vJV23Q5VmMm5HOCiYySNLm
djoq5+cMnqTK1C6CVCVLroGYuE23SJvsj5WaTd2O5B42PEuErnYEefpAjixbQHL11kC71z14h
yB7OuoWTZM/Eu1yrxXWRyKb6XrdDzN0u46jOe8pdEmLoarNsyZC44ubjmesRpHoKwFjxL8bb
oGutbFesM9HVVW6a5nMdLabVJGWRAYmf1XSqJWKI8VbdYsfiPH5zJ28nuPUFIff9nw+hGQrcf
5yxVUN/1yLtgMFEWixR0Rbdkp9XmJMKxTXoRdVyfQ4qp1F8q4avZEFEI51K2t/uHUhoXvkXC
MUkLw4qUxwLJDv0xea/m9HFNrFVVT16sFBcnGOztKrNhqw0zXhKeQTdddsy3G1UqZrTwuAVI
dpKgruE6iLlays4WvCKK1z6ABGy/MkG3GrmycprdLKahQDKzCWGHtsXUX6m6bcdctqyOP0mc
spzPy5XQVgS1UugkbFGAxCJmshEW6DtaInJc6YkpgQo1OvztOhwX4nkON6ORDGVxZl1q1
uGKKqEvYJGO+XYIVniK3YnJOy+jZKqiBKirTueiGCQOV5mHO8lekMaHdaEqHi0CsCk19KHK8
8/atjuhJ/mqXOzMrWcXLq1VLp7E/ITt0h6247UYt9e4aTahgJjOxsgJ9ufbLduehUuLjnQC4
OHXFJR2Ocese06HJSaeZ5Y7J1jOrNA5hWogaytqHtEYAWzWe7ZbrvINRsLSKZUXEyxTztm1
SrQsdEw1logoUYFrjQz8xY5qyWSSYrVmtUpH0WuXdyg5XAKip9x33iwtL1mwSPho+t0+rAQk
bIPHSIj02qV2lh4lphkcCYZEhfKmbFNzR6PNzFqslTNq8ABfWM5zshanGxK36zfTQk0e2zE1
d7OIEWKT6QnLpolXr8JCQ47Lloc0MOySTYtPuhSwoSlibXYsQRsDcUD5VDyJUjckAUZ/wBS
gplfD1OniyNMgYjop87rNphYSvQcOIwO0MQK02WTZNouUqWprLp2x2P5wrG6WCHGcdJqeSg6
NXYaHAC+2GRHfNMVKLbEqcilSVj+gvQKFF1+HjGUoGaD61IyN20SylmqZzyctpfy3X5fVgJ
CRNeLFjsjgYyKjht21wFzYgyg4AWqAwQknoO7QMNAxsRAwg3SWY8dTMrNXm62aUMSDUJW0R3
ytGoR6csk3pz78fmuUR7I3j/AKqXxuOi4GwyUNTK9Apu+qXmCga+NFQMgw+aAH5qPk5a53Kz
yMya/TRrHXvnA9MNxtNvuO3TYihxwMnzFhRH05IJGi67YSIBqLz9mybDbmIWghw4mEAyEjxx
+iQx5lovNsKIJOTgBO14+As1JmYSSo42vhWV6Lj67mNYsX0KwzHQ8DbJIOh1oWzarPGQUVGx
oETEsMpejlthV48q0Xu3kSenIVMCHmafOgcvcPVdEjK/JWGGQDGGQzVwWJDVxNtKaOLFIK0a
SioeMFjgomNFQw6G4yBXiyLVeLg/LxonL4vDMyfNuY8jdTK6vRKwVPoBio8Y6Uia9WbLYh60
IHcJOySENDxbQgUTFR/m3AF8ja6Q7ar3dpJA8zGzR3z3Tmna1bt0Cpdilxc25pmihDeRzkbT
HLKUOAyS7Z7ExHDBJCjglWAQGWf5EfWje2e+6AD6TMhrSRhuePMROg7NmNVYHKdcRfdhY5xm
Mp9dIJMpkVLQWlzHAzzoyEFZFqFZFeEYQFWCXLBofp6Ww7G3IjJsJlb9dNZySDaaYOUjklst
0ZBr1KMkyhRAxWnJK3WosQCDBi+Ew1VCCiHUx1XcLv15JlVregrmTnWM941KbV19WtrMcz5/
gA9w1gujWGdFdEnoNHFuO3BdZjo6NGUiFgGyYRbIsM9I3WQmmzVGi2p6pYkGiYgNToghtsZi
eeWIAPsJPuOWiZk67Dx1qjXJO1CVOKYBCLHqEW+XFXnUuzJcRY7UgjsmLLGc+flV2Ui7hUnj
58j0Kvnpq+hVuagDW7ZwOaluQQ9zLoNZj2ROLKqsIuVjerBDnDYc++pJVLgGzLuU52kl+Sr
xplnlKzMQ7lcl+g63IMV2yx0q/LwljZGbIp9chldthpE1AVrTpZinAVwWbNgu2E8o0hD9qJ
ZwIF50iOITJJUWNZiesfQUjHWCuQlzhZl0YfpVpmqZDx0dHCx7x8maDYQKnWwQAZ0ytjtESp
LCO6J6Sgaa3wf00+42KB4e7bJEjWWpR+gcdjGES485Erk6+GCEPKGkxwNGArTXma7MLjWkly
g6JNM6cZN0eGL4XOOdTHx/GN+ffPrab9VZGBOKs/AqdyWPedWptimVmsRLwyexQBJQI7rj6
ZCXePIGTnc9NkZu1ExcSBGh2fbIkGzxcUXdqWRazB9i9TouAMsNjCsAAI1YgyDvCNqiAJNca
ISnXrJYZ6VPrbEhny7Her3IgVmjVsLYLGzC3qscstgh+wBJUqVny636ZappqmO1uA6EiJcTE
hmlRjflKclJKx6pIUuDK4UXQdTtHogOvZ3W93jHQLPXJefXTi4qZmzfUKAKNOt1CdjuclrdZ
BTEtpjhiyY5COq6/L63tubVZyck275MRNVgCbFLxcqEwRIRN14xUTY2wy8wPXqWZAKTrtVhh
2leFjhHY8ZsFg0qPET5SyZzadj08ebbJsGCoEa1XXj9B1UeHhZlvpgK6kYDYC5tYILKjB3rT
SIUAGNCjw2ARmWBTjQhJlko2QkLJplxmPDR+fbWauUcUAlmvomXZrpbL0I8ishWF82QTX49
cCuTEqkbFghgx4ooiGhi3B0Wc8zz8jIPHSUjLLdl1cpMXlpWg6jJ2TyIuJijR4J4axrflSI2
AJrzcJ+tRkPEgBxgwYw7DTq2XJ6TJJedeNMfPIDJbixKhOYYVudgJkpl2twaJECKcbsHSJGS
YhRo6DQ9KQUOTCRYsYCE2wAU4vxZ5phClGFKUdLFGBr5X7NhZ30Qkl15UCrsjHgPJnuLkZQMl
gl1NAVhjoWHjRgIOFpoLvXVGSBZRTy+kErNNIIGesjA57Z9SU6I8LGurPAHeVNp8TIyI9Zci
IZhM1CQsOGGCIw2KO490mUNNMbYdJLfeNKkeMgBVit7HPK8G/GhvVFitvrmUqINdeiYlysNg
ybURDR8eOMOyWl5xZUoYWT5p8xSnzy5KiIc9F1zfkqZDfjUrIfG4+5Ne6Sc2ePW3YSOHFsEP
DQseK0yy0HxayJQkop5pwlantjzszqg97iLDpvAdkKHhJYlaBmpZ0txktBjkHGtwCBZJ6vwc
aMyy02JxSnj3ySCEuPLU8aefnlOH22uz1vVUBP6oScbYaqR9V4fV6FZ5OrmqcWPBKgxEtT8F
CRwjDKGhE9W6S8++9xx9b75JZ9OpDGyrFtvaRcXaM0XZ4QHTKfAbTlt1lqWa773YcceG6tZE
BGiDttIDR1Trrz7v1vPPvuvnwdBb+hz8v1pGU7ATWqzD6lVKzttHqu04zoE9mBr6eKCA7EN
EtyEPGhDIQgFPIOOKdceS468646QaNQxtz9Q9M5nOhEZY/y4VQHZc0ht5ymTvuPnk+T5ILl4
L7y1QYIyOJCb91bvVrd8p1xbjr5fKMzuEdTtGGouivZgQTcakFsmXQe/Zmxo+OmkOeT5kFwB
ZLpUNGil5wJv3lRUpa/dcc6844Q7Tub/AFWM6aBQtLXmBj1yp4W05XB71nAmkYs+QtXONjda
QSU56BFZ8kNn3VLUrqu9cX111bq65KbVW6rpAGb6u7nNkjbHSovb8sh/oTDJHRcMU+4vyEtd
6w+U8TERrPOAte75fV9X7zi+uuOLdhrBMo9c3cxnecKhDo8OywoklWJeSrSH3Heo4353nXll

KhhEej2/d71SlK74ucf76IsbrCoSdmqUhZrMxZEoolzjavcH6Do1aLkg7dTp2XzXSQqO482R
6SiQWeAI95XerV3vTN9zms3nPd9pkfbs52LD75QHEioV5zuWEWYhbzm1C33KJW1419U/LV2v
WD/SVIy597y0mcimEx/Pe71Sl+V1W85zVFOb3ncPMXATNrxWxWwz56yryfmh1nevlJv6FyKV
uGKfWYhyfbxin0LQM1ecdbJHOjBWwfe91XerV1RX0vVnMYR9M0bNl/Sma5doz2dtBb9luqIw
FFq+m8Gxzv1zkshdcX+l/j/YLZi+vQWFvrWv3EtiIB973e9Urq/K+is0iYN36ZpOac+i80zu
/j1FgLXco2+MxtNi+n/kmvp+osLtVkd60+PNStdHOCAYB9xD3PDrE4D33uK91Sl+Vv+Z1B1
/fKbT/bdV820eijMPXXONtr2Y82gTFONfTGDW+wYz9V/I+pWGr3asZe+6w51CW0tB+973feU
rq+/QeWVJ0j6RUO36byXRM9bZ1f12dyqubE/WvyKDxn6Pwq5zmQfUXyfqN0yXU6tmbzrKV
e aQpgP3ve773eqU59EZvS9Koe3U2nqc2rI7FSyrpIUX2tVjM9faxDqV/ReUWiSz7dfmr9C+X
Poaq5Y860I7zzKPBe973ve73qpa2KeIrd+iap3khYaml7U6hVvbwQKBIQrPeekfe9xARKA5b
oC1r73fcG8F3nPe95Xu9UpSyZiPI991XettoT6Rj+IR73k+5xSmveWvnV98yB1zvEjhc973
vd93vVdW5JGc8vylDx1DfucSryG+e9xxSHfMp644nivcHDQrvk8jPJ973le93y1Lem+e4tSu
qWtLsK8R7jafE9551p1I6XVOe8r3BQmlc93kT7nve933u+U45JybXOOd75Tq+tKShHkNo8r3
nnWlpY4txbvlSwaO6yvqoHvue97vu+V51ywlSj47xPnVu8bWhKONNd733luJ95COvrd75XG
I9hwdTqv/8QAGgEAAwEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAgMEAQAFBv/aAAGBAhAAAAADdd2co6KndiwOu
Pe3hWOAWbsIlxGWK2gmdiCLOIMbStY81veM3cZzTTj6WuSgDPeXgGAdpuLyNjTMFTVixxmcy
ycrVgJ6rSYfR5W8vNYzBy0JuNxaBI mca06bz7zsz0LDHjGVem/1cUK5NatXQd3YF64gqKTK
FQhr2e9ysGNOIG81/RoEtc/M5qvLSbrvYKeAGJGkd3GbGk+PWNcGL81LNv8AcV8nPjPFIgE8
IoW1zgRuasO8VWN9T2PH8Ppdu+i1cmvI/Mrp5OEZjm+XNx+j6njeRvnlv1dMUe1U15NlFCPc
0nTeUjXWew4Pks81JfU+ID550VN8ttTc4i1j4IwmKz1fC8wF+S76n1Z4xe93m1WDMGPIN0Cs
TS1XICjyG/V+ihRab4rKAFs/BO2pMHERr8IUSI9g2HWY5wWEtdMWiG1Minxs5eNiAO+quizG
MJ1KVKrgbyxuaqDp86OIU16n0c5cHHQ+WZVfIULR6DMmUkkd5a0ZR9NYYLDqGzQB6PkPKQO
/m5IjZnJ8xCn/W+kIKUDmsSs/GSB03npzxox5+LJj/rr1LWrGUpiK7yLfFVnoekL0eYrbSR4
uW/RV4oAVRTFDnpeTYsAif7Goj8vrau8Ki72KimwVnWqLzvQT3FSiBFro4O9Vs0foUehTqQw
J7DRDxalaxEieVIPoZK59lbCSnghtdH2gAtMDb4suH6bOmltvykzRgeZ6O6aVzGxDm0748d5
9ipqK735qFZFY/ABMxaDXmCD0UsTu+rZoSiLMz4Z1Awu41qNw5ypbfXZwwpdKpKrmWWDGb8X
yw6iZmzaTHaRHgeeansDp8NbsjIDloGO9jrmcGfJiJBUegiwJfMe85jxDHyzXnnpUklISUQu
mfR6PnJTYB0QR1YTGzuaXvpatM88ZuvY0hr5CjPWkmmuM2TrVSwrX8pE6Tc9h9iooe9NJaw
N1AzvJrKiBSZSe5h6Ir87azLdDsTisaRumpaojc5rN7shKs8zMzQxQlhul1Iqk1zWmRlnl2V6
GCXbq1Dg6ZqAJOaxxMaZeXZRg4JdxgoMEdZihNE2MJjGFFaWD2b3bgAlhjWTjOJmekbeW7Gc
oWakuzA4O1wqlwJzS9LY3JqcQSenLziUPNMTYiLjJhSl6Xmen5V20Im9jx7ZVly9cYaYRdx
GxFVMN3n1Pw4/R8u+PmJHmkvuyPN0jWyhVqNohrguxiB0Qb3L7RIHtzbTvdxdmcOFvLHsEc
3pM7d1j39uduDmYRZix7s7OOPs3iZSfbndy87DLMWPd2dpf/xAAaAQACAwEBAAAAAAAAAAAAA
AAACAwEEBQAG/9oACAEDEAAAAIAInjFCA7nM4IV0ccnPEB9z5jhDpOFCuHHC4kGkpDWTkwM8
ESHLBrFoQhlhiVdzSNbTiOXF6OXVu1UPcK0Ir2nxXbDWkuHBIzLCqVA1UJOwdAbnVIBBjYu1
gdYgVRNqM5E6dQGuBejIKpZpPh18az3SaF9aIlAygN4q3aRaTHm3s49B6zLphJMcXcqr0yg9
awusjzDbNw+tfV6Id0m0TGE1q7uZqOWvO83Y9ZaJGH3NkHRFsKFI8V6qbDQ27HU8j1lVRA8c
rCKw+OIdGtQC45SAKZ0roVaeLu7MWgT5ZNq8NeJ1qucg7qVpkbGw0U5vlvY7q7ZL83RdoqSE
a6qlZVMqIARsaUujM8z6/cNd9Hm6RPkAXr18zmTUTGjM3Xc1NB3olRpL8tQsmMqDWP5Am0Fa
lxNR9/oEZ2BFZHyAXRXCh0KWTzxtL02LpRdsSDZvGzHl6lroX0WaecdmroL0T7MVZvS7jFY
JwZfnrKoscNilVdYz9xTTZnpKy5ij7YyfVfO01m13Pq1rZ5W7Dq1qlyJvEl6LGybK/kqcFYe
xlamok7mjZCjUjiZfjqkb13q/hyM3tlqufbGjqj6Kx2dm8L2Woy4tegnO8YVpjHvDIRolk7d
honpVM11gNjsjPL06sbzpOtc9h5ubY2cfRuzXqWNO7SW/QHzyl2hk0M6bDpcy/RyB1GBfGAR
2NK1BMzcdt+rl0FlbeZt1KeLcTUvbc5LWAjftxWxFHo38HzrKbNWYTdihQqr6z6CMfSgKx6D
8YObcv5Pn83h077zt06qeM96UGtAk3P5rAtR14h2l6fWGMUuuxs1balxAGpBTA9az84ZnRLn
3wdWFNYNmKMOiAlNhamhZRX6Gy92gDVVsmOuOySXZtqOtdpN0ch9DO6zqG+xcW/kYykq0b9W
nF5cWF17VJMFoHc0n3LT1PTXxityi4VZlyhl8LWqCrUy7V3SvWGnOVXQuPR6nUKPXCq150
PpLVITb0L1qBRWSC4nU0mVMxIQ7idLasJrJfbs2LQV66hVEu1izsuWsiSk2HUNqbbT7FsUIS
ACM7tLATYcYwXc44OURce6zykqBakn6Dz+STGkAzzLBkbATaey1ywUKloV6HATAPXMEIWmkw
+Sy1NiRAYWtCtbAMkPS0DY15mRytdwrMwAwI1wOry+f0TaLuVMzMoY+10CiSuhdtqEQ21Qt3
YaISvdRgFqz0QAtGm/O0qgJs2c3T5ZLiZrJPoZZ7oEDXXKnerV2Tbp30Wmj0zXWff1nuil6K
8U3DXvJuVZF7Y6QHmdxPmJGBCoAxAdM83u7jnilkxNnu6IFNeAiIkPKYGTiOniKltdMdwVV8
uYgiLpCCK57uKeH/xAAKEAAACAwACAwEAAwEBAQAAAAABAgADBAURBhASExQVIDBAFv/aAAG
B AQABAGH/AAG+/wBP0/T9Ptm9CKYkP3/gRx8svXsf4C9evkrPkj10y+0DBZ9diEdfPXU69idd
f5669dBks9MAYfTL89ddehOlBnzAIZ3D776+fnqEfMBMI+evmdQ++yYGgHz18kflPiOHfXH
llfEcbxfgq4o+O8XObo5ieNYuSyy/luVw+I49NXktAG3jPGxqsnpjFhANv1I9jpVx2rZyEadk

fM7siCfp7+IwhHowHrsGddddEcld5Lf5Hw777uI8j3+OVZthy8xu5rPfPK8CquTk9HJZfKOM
2rfgxLwfF7aa08Y1eNZKrKKRi8i3+MV8znJ6677I6IHsQj5EZSYDFjrFrZBFbuGdFab2g1fv
/Ja1bUf+T+n72XXP1Vocl2u/lZ+VO3Zy76RoW7+Q1n7/AKWVVPZaATD6MANfy16CAez6EJEC
kZrdGZ1UoegoVkM0qFE+YsB77+waQ4Vohclj5/Er8fH5mv5ndhg9E+j7YgqWA9gn0PR9IrVz
Do10tBAOIX50LcELe19A+q5WNSLUiMtiV+gD666MaBmVyPQgFQ0+uqW0wQAp/kjqCAfNVlZz
+Osz2pXKAK0Ui9GAHQhCjr5AAQdblPRjIAB1Om9GLDCWYQ+IVBaCQvasVnYV/XXyROulVaE
xjIFKcpWszwAgxarAocAddVr8hFyfoL7aFw3UAKrCoPDFb4CPArt99dIFH5PDmYAQRSPQhE6
j+liLnxLQs+lllfJgSpFP5hqatqAWge1H5m7901tS6nV+23jvhh0Yj2WVCWKpviTsnqodFWI
9OBK/wDJhgjHtTV6AX0CW3WLMrjPmsKkciOpWGiYGPGVZTi/hmpc9IWN+QwETQsE7slcthn
ZIPpyF7MVSU9A+jDBGhgganfTyH7KHfTtsYTMq06buSg3W6BZ2D8UZ7g4sOYUGuWUnj6Kc1G
2hkYfZyiss0UOHfSEQiAuyVn19PKn7BU9w+jLAD6FgvTR+ruWmBmv023Wse4CIg4+m3T8W50
pEp017LKxfVXnZl0Qr1AOxADLA8aqVuZ9CdmJLWqnzBB6M7ed0zS5budh1jFD9KiUfi6UFpV
EiLY8x5Kch45+KPEHjBWms58tm2sr2V6cI4hNgYN6eVv9qrQQR+bV01GsgTvs+rJ2DfDOgx9
Ke65VWeRfYtzV/T1qqRWwn54K6Klqak02U2UbsobLdySuhWnS79vWBpqC211K8ZPSEQKASrL
FMPoQ+riYsMPrrqD0sUsKmE/F88/VbEupXVOMX+Um9tF3LjnV3XV21UJYwLCMacjZV0LyT8n
ZTpxk/NaqBUZ+oP5d5swZoa2QQ+rIZ2AU+v9CKimtlp2ZUrLo7zMdS5jYEllsq/g55XVY6cP
Vfb9QmjLbrtZ7lTYtYwZjHpAZP1addD1TXcguUXAQL08b1TU9RrKiH132CqLXQZ3F/Rn0Hs
bjM7cW3HUV0UDJqMV05VLA57Asto9bZHQcEK1N1Qsx/x3ztUV+OIXkctaaU150LTshf3xke
u3jrxxX0q/IixVpCzXGhEYLKpxOn9WXpB+h0vfXXztxlgNI4/P8Ax3o1ZNFHUoPG37hqWxzO
iPnjaN1FVW3JbTurCkAR/fG09/N1V2V69GKFAILG6+4tWoDETEMNiHQ9nLZtDR4ot5C94DNC
5a18v0OOCJWOPu1LaFHyU/OsMBRerjcAoHp/QmCCddPVsx1YIqoiVxpSrJXFSzNOPmwp9n7
LdVoE+eTc+hMS8Rbn2GNL5sDggTLZjs5RL5WCQrzcVvVbUnJJbZtpZOoYxgnGxU+q1+dea2
voRQipWinJ+dtYjKT84qeSbjtyy3b/Jldv690z4Vcc4y2nbYb+RbkrbXWwCGObDpNM/OoY15
KctVnfQ+ZGS/0Y0aCCceFigT9Hr5HI6qlVFVS2mkp2V/NVtUQ2X1TByK6W02bKjZfmuhHykq
wrxMaFp1bjdchQSsZ5xra4jKUGE2NuqvTk+OvkTZYpBTqYtlOpIAsA303JWmdPzXNTZebq
6gyIHHzdKtF1MXedybM1/J6cCV1/LCtTLXon5aePuzfFqWIsyTiZrllbKeOdrjR3ervcwK+z
7rAWnXXydWxHdb1oFQFQpWphsFKtm+PnJTs8gbKvz+VSmy0YDWSpUyo8o+OrqybGyWaqVDD
M3GjYIDU2aZdPdt55H+TsekCdEH30jKwACXpytrYzXF9D1tVRsRa7NB0aXC3E2vWwSowrips
0GFOsuv+dnVpobUansOxXIM49dq/ii/WS6q3jteyy4JdpaidQ+hEXPzxcd+U+oa6VodJ8/I
XTU9h5YX2qxrLriqhklMUUV3361szbkHFG3HjJDS8agkxx66GC8euyKj5BWUvusfj9A0dbTRV
8EEH0JUuJRPyfj246ylSFzBFBne3kbr67mbuxTK491BuS1BY6JbYynMMOh7+PsLkWPq069Kr
xxA0JauJbDSLqBXYHLYWbiKtmWni9eFQ9TExvSykYwAIsSW1qlFWaj4+AvI6urZVWswPepFb
8jiqvWwK0Vs9P5NVjXkq0vLzfJV5/QNF1FanDBNMzxUapUy46aFSicqtGbZm46zToK2UWUdH
0opGNRK3AQMGtItK/P577LDLYIJWbm6Mpc1qi3sUGaWzWMb8g6sX0err601WtUEObDiTuyCc
Vs+UvEsNxsdlfiqBuQuLNBFIExDoL+Na2M6Y1pHXXMufTehGn1CKX2rENjCZm3rltou3RTQW
bOLFukomGWsZUah8XLxLxVqZq8WfXRYG3f2Bs0O5adLKTx5ChVWoFXXGtQ9cwxhPt5XGg
UgGuW12K1VTWvles22Lma4eBPEMLWEQ5pawFsyu9WteJ06dXE3YswWrTp1vpNGpsurQRG9LK
F46r5SB6g0cZFRHXXLmN/i45QYssWttqIVn5aAtywRgs4XhrJdTpVjFeiWIEMS7katAxvycq
rSwNsspldn8vdVxr3NG9CZZx0AA+aqRVZciVqJcu0aCERNZUIPzMYKfky19Gdx1114nxjRp
luKwQTMxIUrn9lctzfhipi2YUL22RDYhtstcpDBBMk4wiLAKg4ZMqoAjpyXpvaB20WpYlq1vM
p1U/MD2CsWpxvGYc61tXOV10UtMljCmUnQ2a3S99+pa5VotamxnFpDv99iH0JknGqK0QGpmZ
pmiRTbdtHgS01ptsWMyoigaspxs9qPfe31kx5aaKiSdA2y8oRKW0is0y1jZqdrbZczuLqzYj
LklrCFOj7xNxZWLFiS1GbPKos5K3DVyOPRkZI/qt/wBcCrl0amei+9WJitnz5qMGbtoZfNi
6a1lZpNbJ71nTHDKyn1iqvjsXM+2ZCfeQ8Xqurlix4HzxPW5OPpryclxtuPQfilPyNNV119
euy8yqzVWRnTJkzJVO2jte+mWLoz0yo9ksaFtl62VsrLCHFmy8IWBQJYB76olaVynQm9dzcr
S2Z1Km+MtW+vVYuzgd2CpSTPn8vx/P6JFr1eNZFxV5hOy11V1d4Ppaa4rVODiNE1S2WfzYxY
v9lzY1iyyD0PWdKvRCLPkqJS1FtR1ajTr43ViwX/AEw38P8AX1PjpJtyfU4jyyP2rs+TO75/
OI2Z+2NlBSWznik0ixLEdLFIK/BQoVESggg9ZJxkVVznGcFuBDUKZTOdt47mVZo6+IPK8MV
FqW4OOUybp+Ni8ZyDBkSoN9NNQtVT++zIT9BjGNZ4Kq0uLFeWh/RjGFVikWLBOSY4+JEGgJQ
TOFSuctYrcJqd2fsGKeS4x8v48Suq+1zcX7x3WQQMbP1c3VEAWC1bq2itKlWU2xy5aWgxiWE
YGCWfYsQKmGjJWoQ9iPCuYUqzcg/li2v5AOdTk1t6WBP4W/K+urZfexYzxHk2Yt2Szf0l92c
rejvYtgDIMODpbHlhuDRvQ9MojKoWVyoZJkKOPa/G2hlyqG2W6WMN36E8bXy2Pi+YC9rLU2
+P30GH3nsotnZLM9gWrYRZVfU8uZFW5+DzObS7WHu2MW9Vn5Za1cKfIGt8luJwa3RkZpec8E
5YaM/wDR2cP82zx6nl6lmPkab/kqRfTu8eYelmGqEs1jWPnzvnsH9jfpveqrJj15M1TvY1hf
1aTAPIEMtiijFiwHG2EiJFah2ZqurrUP80y7Ldm/i8Y12q7i68+ay+6uMGVpryauAbPxGW1
oY7WOJQv52LpLmnMtHFY+TFzM9jWR53b6EAUmWRBbEiwEHGePIgKGo/vr0V5RI0a05CrITyv

3XVvy5q66Hw1zALRbCgSzOZdXjzAmMXbRZSK17ue5hmqoD0y9bWJctH9WehD7tiy0JBFgOGY
GDK9b671OSn9Aef0IzvlCc+n00tRl1Vf2t0yUX7c/KXKLHN1RqanKGlhusAoQRmvFVTGLXzU
gtcDHhjixfRg9WRJbK4IsEwHAvCy/TiayqkxTzp6WNHPG128fZyR3JXXdq5x9Ktg5dkII+f
hVeWte9Yrb7LP6o0fys0VXjH8XoFD1FHqen4M7EeVy6V+kgmA8cyyytXzRnpYxTytbMJYZwu
a2cpoGprBb3PotxfOqfnroyw67ViKq9ENKK9XFucZlYPaCImSjl/RjJozsAIYssFfpTOPr47
PbopsMVWlZsKTnVE7J68ettPOW1x6ylrmdzJyXH+QFTHNulE/NB8sxdnWfa9Q2ZtIPwsvue5
rDYrd2mydytlFs9qOOShUcP9K3dctKHyEQQtWKtVGvl3rlFttBT579PFGlnc3PaNLTGdbrT
flqynBZlrrs3pus1U60Z7WseOGgbs2vc7+qZ9WNVK1lcx206/wBP0FId37Z5fPrnFMZrRUHn
DOzooTNouo766nzYUGDir5TVZM+hNR0UzbuvryLRxNvGLxFWMPZW+h7XZmWdMtxEEE67ZapR
UM65WXO8M7rMxT6tl66UQNHNaz2siyuVoGsz9dEXQzge002V1sLpkS4Y6Nt5pwPbhOnUueZq
NOi68u9n6mxbTer6mFilY0ppdEWqIQbTkfskRIspmvZAvO5qRXlik7aAJKLrIthUrWNNvH4g
rjPXfHmRdi+qZctdtV1r5aqMV91r2OS/owoEVNFXxk45V3MwSLyqL6tlZUARfGbBLaHV9eay
qqFSP06Cqql1Hi2C/TeJxOC5rliWkzKmkVU2UCxY0+8UvtZ1R6jU9TISiopqbFVw35OmvUb7
LajSUnehhZ/IW9bf5J1i9Lv0XTVs5Cl6QzT5QABOzY5EII4PE5WUi2NAtVVeaylbaZ8mqqv6
suz22XaNf4WcaeNHEJxn8Rq7K+7dBvewFpUUNbLLoPST7+wwBldhlJSzdSkMAWtavgAhx1Ou
OzWmyY0lhQBLGd1fLCtCNVYbhRe1tFriV4/3VNI07Ty9mtypgyjplnysthMBnSJ8ipa606+
tqiKBBXXRVmOWZM1bKwnD5Wmg5UvLDNX8XUIFTMvzTLwXvXpJ+bXnUvI2aa7NtEtHXTKoPp5X
FlbhrJ167SVJWtaoj0W1/NSXLWka8marH/DsxaMF2d1K8HmvKr108Feekiytq/xzgCqWR4ZY
omVuRzMgqNS12V3J8fDgehGKxPSSwmd99gpYlmeY8l4uYtROQoz1Y6MuVVJtu/S/JqxJnCGW
TOlh6Raksu0X/YbIVVUea1U6FWIQRvEs6M7Wlm/R2h9MREgiSz/IKyucHWA9b9LRXnvw5+No
pbQ/JaOW/s13Ua3ozcc8rF8zLoiCpDa00H6U4jW/ZohK4y9CZbNddoM7Z3LKyFY/poIs6SWT
v/CyocLGLmJsFWCrj/47R9WjYracgf6r0ZuToN1H5XC1b5TXa9Mc6YsWYp2haOtyCXoIDLWd
2saxnZ2cv9sxJlgiF/S5xnXOuRKETNdm31XBzcdL6NWunInHy191If6ytXaCyPTWn5Sxqo5
0RIJihisIZpSqWKPWA3bS6urhgQysDDDDDB6DEsYkU99hUQAouhdlegX/AK00hwzPbdzVat9c
BSGpuWz4+WNjkhPN8WCZiYsSEmVxVqztTZUyWVsrBgywwgifPXRRAURVChOgQVAUFIPWBv0/
T9dLcjWpE4mntlttdz2XXliwLg8oRMsmERMYXoDoXsymy8MLA4aMHDe2E669LFCgexFn19/a
FSG7Lo6HlFqe1cyegXdXvuZ/rv6LXFYJmLENWysZZATHHZNFjxw8JLuzE+jD766WLBBAOp2D
BFglaoKKAde4u7kauAp+vr6LK1z/AF9K30WsKkHMXPaN9ra5ulfSPppVbYXjx4YwaEeuvXfa
xYIsBLfQIICOGDKUNlv62v8AyXmnXxlX0GZ/sPbYG+0b6+nZSGzGwgqSUym0l1kY9saLHDx4
0aGGGE+h04pUhgWYntSD32GDKyto1pv/AJha/kclbN9/bWBw7MG+kYv9swcNna1IYN9K/wBP
LCHuH00DsXDh4YfXZPvuLAQQwbuBvr6+gyspDcgxP0nAbOG4KoZzQH/ifwv4n8DtMoxHH/Ct
zVKMSQ1ij6Dlq/3bFe0sfppmuuWyPGhP/BYCCCCG+vr6+u+wVKsDycJnib+TmoxXZyr/pXvNL
s1nHaS/GPdaiVfTyLiywlvmmkh1cshr7izfVs+++0eyPGh9n/QnfYIP19Bvr6BBDK4bloYZ4
ieWpazhjzTfXCHmzGHfEY5mbhjyrB7yllb7yrh/v7+y7kPZOw0qsvjRoYfR9H/Anc7B77DBg
QQ30rBuVB9eO8dy2X64nLy+X64zJvz5s3LTvis3K0IuTNzmbBluq/JatlP0r/f2X+3P19PPr
6JRnjQw/8B/gHvsHsHsHsFW3FvXil3PaAeAu57R34+/kDVaLdHfCnQxPDWcrbnv3W8SON2cj
eHV/v6+vss5D2TtW7U3BoYf8H/j3Owe++wQVa+N68TTnz345PID345PIo0T1wcvhnAzk4k5c
4Jw55ufQf7+vr6+ifokkEGKbA0P+D/0HsehASWiL48Od9eNjyH143PI/SeuCl8M4GcpKpzZ3
ThJzx7DBvr6+vossBaAgqQbQ0Psw/wDQf6E7cY04Cnmcv8LgKOdy/PA5ucyHjOKxcmvB59IM
4NOXRx07c/L6OBTnU7BDfQb677JBb1332DYp/wAH/oPY9j04C/2v9p/a8No5jlBZ/a/2w5kc
1fenKaSt/d6tufYeZlPJDNc30G7777777BHpD2rWBgf+9VY4n+m/qG4tF/qP6leF0Ypj4yz
gHT20w4TwC8FbwUycNu44zPwTeOfI8Z5DisXC3+O4MJ8b1Z+P4y/gO6PH9vCg9+jFKlwf+9N
3A38zq/nZNytWn3JckOVp0483K3JZcPbQTNp4zPKPVdvK1GeO4ef2zxec/Pfz5bKjvnfjx8p
hPC1+UkQRS0UtEa2H/weMznYB68XnKI5p3+M5/JrZwFuimGNMdfOv4qPLB64acdx3MaiZ4IP
IJ4rPMRVOWnfjc8vmKjirfKiIJ3FhgPbQ/8AamrjcXK8LxHF3RV4Hj+cwRE4nj/JOPnj3GeQ
8dDGnBcDzWXxfjKeO9cPmpweY2RV4fi/LOL8U4nyDivG+O05t2bxXi/JOP8cXxbB5TxkEMB
gZ4rWf8Ag4DR5FbxbvlllPacj5Du9eP3+S2Txy/m9cMMwaXfxDR5dr9cVfy27fyUM8Us8iv8A
DrvMtOG3mr+/EX80tzTw27zDQIPQ9GdmH/weMznz3BPEzznvxa3yhZ4ytthPeTP5Ho78Mnlp
7niGDzHefRniB5yeHTzWZZ5F68Rnmp52eFzy+CD0fXZ9At/38ZnPhFnjc5z347p8pSceYYT
w9bvPDZ5WZVVUNF3ozxE8zPEJ5kck8hM8SnPUc7p8OnlpHtwD7P/AHUeOLzuU0eO5Kl8dnOe
0e81ZeUtlGfD4/zdf9P/AEvjWTyLBmy8Bw/lXI+0q8ezcJw3jvG+SYM/BctTr47xbLyRM8az
eT5hABHg/wBH/rj1/wD0n/0o8mHk9br5Ds5b3n1Wc36qv4TluW1/y/5nC1czy9Vp5F39ifz/
AOw/sP7A7/5ltteuzT8jbZs6gjwwezD/AOJAT3/z66GydH/XRHXRrroD56669NDB/g/+Esk
f8zOuuuvR/0J0B0R7AnXXXXTRoP8dn/wAAf8uj666/4j116P+ep16cGCH31/4KUInU6/2Yf+
g/2PfXXrpgfRHrr/ALCCUA/8B/g+z6P/AAHo+yIPY/yY0MH+Ov/EAEsQAAEDAgMEBgcECAQF
BAIDAAEAhEDIQQSMRAiQVEFEzJhcYEGl0JSkaGxFCRywsuWm1Ric4LRBkCS8BVdu2PhNERQ

8YOyFnSi/9oACAEBAAAM/AfQPNO5pyPJdyCagWnbda7L6ekAZU3hZ+5a/q+BQ9AeGzhs5qPQ4
o6q+wISyp4hcNsa7Y9E+gdp9FzV4LekbZ43TuKcDzW6Fl8FnEjX9TZWXNWVldRsHkrbRy2N5
oSjrGy0hO90rTmPbU8lmHeF8UUdkfqpF1Kur+h3LD4yn0mysxsFjGA8s0qrW6YGBely1PWdz
W6pmH6XyU2hrOpYRCpVegK1Mx1+JDqrOcU9E0dJYdpptc17wwtcJsVhcV0pj+jn4OiKLGetc
1mUsVP8A4L0k91Ci9+HPq3FgJuqeKqtxOjTQa8AA+248Exv+KalLqWFj6uQtLZEFVf8AiVYM
wuVjDlaGsgEBMp9F9HH7NSpvriahDA02VD7TVxNaMoAp3959kcHjsTQPsPMeHBRCxVZ1Wv0d
g6QwtLICOqbMnmsNiuiKXSIHDihUzZa1MWHiAqNWviK1cNLA0UxPN6fgMfUpEAuo1OIkWRLM
EMNgmhjqQqPNOlxPeFCps/w1Tho6+llqP576pv6Tp0atGnUZUBkPbOglUvvsfS09HUWZKvV03
tphvFZ/8NNrMwII1s/VZhTBOUIuxdSlXwjXUiwmXs4jxVLF4/GNr4Wi8FjngZBYjkmHo40n9
GsoVzWs4Usm4FTb/AIeoYoYDD1K3W5L0gbBUP/5Jh6AwdJjCGU30ywRvXKwuM6R6V6OqY0i2
ISYSyo1gaWQuj8RjeJ8CzBUH0sgD3vp7xcAsEB0rhDgqDHg5aJZTAOq5bDonHXZCNCiCu+69X
U8kVwvFGi0kqUeGyD6dkQuKB09Hisfhv8OY3E06Tw91Wk9luDDMrCuwxuCbON6RY2ilGojV
Y3HdK4AU6Lsr6DGud7sG8p2D6fwmCZ0eCKbG0mp3s2TuWKw3+JaLWUXdUa4ewxaNT8F0jhsd
iaAPV0qvENALx4qjV6I6UZWqZKZc3M7uT8f0xgKWGpFuFw7xkYOQ9oquf8Wz1To63P8A0jiu
lcN0niKfX1mNLPYJ4HksVV6L6LzseXxD51Dnc0/fo7BUn4UVC92eoTMB3AWVaqMP0i2id6k
Ot/hI5oOIBdAnXkunei+uw+EY57K+UitSEyByWKpdE4foyrUNbHV3gubOYtHJYronovo6gxp
zmt1r3D3xoFiK1XDY6nh3euY0VBHZd3rpal0h0SMP1mQUMCpHZtrKZ0j/iF/2dk0BUb1rhp3
rGVulekW18NUbh8S0tBLSAA2wWovvTIHrKDG1ma/dpK6ZxLOkaOJluGZUfVFSpyboGrH4b/C
1N1HrGP63PbXIV0jisa/ra1WpSawzJkSViqXSOMmk4ZKT2nxKxY6F6Sb0nmy/wDJ6zXN3LpW
j/hmj9lbVfbr827rlKxzun8BiKzR11Zwqvpt/wCWG2uukspjsXhp6ujUPBgGcePFVKnS+Gcx
hiYSXHKiVSn0nis7S0moSPAnVBviue2dpmStyp5bW8UAdhUn0IN006rKdgrU87Bve0FCIUbb
7NO+yrDcNR+XTLJRp1LGCDYrET+3qf6i qpdmNR2YcZusQXA9c+R/EVUfdz3OI5mVUDCWPOU6
tmxVR12uI7wq+aetdPOVUeZc4k95Vdwg1HfFVXtaXuceYJVWpQnrHW1Eq6xNolliZiqRyDyA
r55Mz2IUqa1HETxKrgft3/6iq5sazyPxFPw+DrYanu9Y8Fzxrbgq0Wrv/wBRVbFupOJLCym1
lieCe9sOrEjxT8uXrnZeUpzJy1C2eRhVRMVXSe9Vanae53iZWJEueB+IqsH5s783Obp7iC5
znHvunsO49zfAwnk3cXO5kyoV/Q4bNTKLWvkcvqpKDbTdQpWXZBXL0IumvmEQYXVJVJ4cVnbn
Zr9ds2KO2WkLK5ruYV2uHFO4BGURw19MOEIEOHdCyuIPBahZqcTdQFMbAVom8gmToE3SE3kE
OSyolKyPNGdkKZOyEAp1QEQiWvJ7keCk7LKVwKnTYPQA1KJGYX2OjqsuY+ynaA5i2AfNqVoVI
9ANYO5xCBoAajVGVAOcJ47LH0jyXrYQFd1tbql1dUNbvNg+SDSDrCbmllohANBnbZDmrrk5Rx
RTjonJzeIKJRRViSpBKg8SmjTVaLimMiwWasTHJbr/AfXZ/UOe2PSuhpzTtE8ix8iULwMuqp
0xLmnOD8F1jXM5ogkFcE4tjlsGwOueDvyUYbz2jntlBRs1Cd1s8IC9aD/CnDNHER8UUU4ug8
EEToi0AoEIXXJP4iVyV/BNB0Q5K0DZPirXW9A0RnNlcGZ4KypZDJObY1zYdqi0VJFo/PYCNII
b0pUiF1pEC6AA3iv4/knAnMPggbhAYip5O+K307rnhWuiC21jxUCUyq6HSHG/wCHxRFNw7xG
z6IDVXCttejnmjMFRaYyZjzQLhuNnzRqkHuT9AJVQaC955p950KkqOCloKgBGJap7bbd1oV8p
vHJGFDgFZBouAmuOuirLdupvwQcNfkmhoE6J/VZrwTM/+VIMI2KuY2Sx4PL89kK36iSmtYye
KDAcnjdabvzUEbvX2MdfjzFinDGVQX5t0LfCqZiQ2IjXiFnIAsTw5JrqLnGqZ6s5hweH6pxF
J47/AD5I5s5OvHkQfzXq5j2tmnh6OQS/4lcArGDqp4p7RDG5Vi+Z+KqMEulYPEPBqMh/NZWd
dT3m8woKlwCjZ1Ts4/3KNQmKYARJmHqGRPJW2X2Q1bsLc2Am4VSkZa4gHiEHOOebgwe9NBy/
ApmrXX5I6s/wH1Ck6qTYbbK226C3grM2cNmW3wV1lj6j/eKHwwgMrXWBH+ygx+c6Rc6hOhp
bT7RJdPGU2q4yzLB05eGwNYzvK3Sp1TQ4EtIqVK6qkKpG8ez3d6c8kucVCL3JzxwRZq13yCo
NO+KjVhz2K7mnhl/sqzYDxPLv8E+I/Ew2cwptGH0zNN2ncodO0QZ2XnZuuRhAEpsyFdbrdgB
EDUX8dkAougB3aMFv5qmwZdb3CbMi3ii6bcFZbtX8P5hac/Rttg7LqtTiT5FUH67p+SoyPW
Nv3qdCqTBv1G+EpszWNO58ysxngFvSgQgfDin0KjckXbxVemGV2PcA8CYJsVitOvf8VVqRne
THNFNjW6bHemuXWPaoCUIaxjZDQqo4NcJmF2nFU3G1ctP4liGiHEVG/xf3VBw4sPEHRP1pk
LFtGV1LM3kjYOpnJzkZh/clfZXDMHR+adyRYbhBBdgjCgJzrnYHINVwp1KISIRCzCJRF81wm
Apo0UI0C0qA4O5bq3atvZ/MK8+hN9t1xGwjUQtE8cUUNNEeSJ1NIPgrrMY7lh6MznjwVLEFj
mtNk6pRyF26Bp4IkYUSuK7lddy/aVDZrW6+KozAeqT9D80fZBUN3iIWHGs+QVCj2atVvIIWE
rD9oAfgn6sf/AL8UWENqVqrCq1YzRxubuJuqtbc1KNRgD9JhHMqi6se5OC5oIDggGuAXcv4S
r3shmlITCZzwUm6lsoZC4g6x3IIWAcQpbYcdURKNyNfmhftPwfmpbrsKGy+wyUY7wm5KZqk7
+iGZzWiAFGyx2GIVPjLvkm8GgKnIimJ7zKfEFxj2Qj7stLj3BVIEiPFbpm6yutBBuE7O+nE
ZgsrnDKi9jmx3ozdqz0uyN0qMCxrbZiSUSUXnNwQKYW6JyFzUc1Xw/ZNuRuEwjI4Afwu0VJx
zUppnuMhYkVGt+0vg8YXVYh4ae8eagmNU68uCOshPGqOVsIgwVBuoMEQUZsraaKDogW7IapW
YrNNNoaOHem6uunzAUNTjoiBULuLbIgAglls8FKj0ZR3G+ys9Rz/eM7CoarI7LKXBYVgll/mq
DP2bZ+Sq1D6u1k98kZpWalIOV4170+wzCyfrzT2myffVfFo8UXUyDoJ+ah3cgaYKfK2EE2EFK
y742NDhOiPW06gu17Rckk3RImExtLJ1Lc3vESnPMnY1urxaE6ARcJwewtzX1IPY4cL6oiq4D
TmnZ9YsU5r3N7ynROwrkVADvFE5jHigLjzRIJAmEOUIO60cMv5hRroUMjp4lQ4j0zFEqWEa

o7RsnshP8EwhpBgjVZXSEZnSU4gmDbVRHZv3qoGZbbul1iCZlyrd6dMOCMjkSg1ymizwVGlq
8Kk4wHhDLKw7PbWGJ7DisJWEAlp7ws7XBGnULTqnvJyiYupwNIHyUXTeSYPJBz3GFVrXA3Rx
Oiwwq+ucQBrlGq6Pw7fVUwfGVg3sZmptnkbhYE2NGkG94/sui8XejV6t/wAlicMd9luYuCjm
dHFHSVDpc0x3LNTJPDYBB5Cyc18tVOpcHq3cuCrNu2mY+KOXQym1MPXql8QQ380KtjaoPnCt
yKlw8Lrv2CUA7bZfXtmiZCvO2+wopxlDiQFRbFi75KwDWrmJzEk6gLLIIGUGU4HXgdkrfsvX
U/xBOdVeOUppwwVPeIGW8cV1ge6mx8N1KxLDNx4p9XACqfdVR7nWtKqUwxzMhkfBYhrw2Afmi
dQslVvgurwjnx2g4k9wTbN91M5JnJU+SoPHW1N2mPmqWUU6RgDQaIwTMcwnHMOXKcDd2xwO7
dNqt+z1hmYdWH8l9kqWOam/sO/Iqn1WbNv8AJOmOKAEE78p4GUR8E46na4aEpxXV9D0ub6jn
H6fkoqOU2qCe/ihEhx10QzTzAUXVleFdHY+q+GNkp7bOBGwjZb0HnieKaFeVIWbq+6VulfB
Ft+C71omvqsq+/Z3ihUwzabvZkfBEE5IXVtc50LL0WB3JriQeaaFbKpUtNU1uiNZ+Ha3UuhD
C9ExxIyJz2jkmEiQm5QXRA0nsj+5XWDdY53foqzz4LJu5d35lZT3bC3wVO3Wf6uITMXhj3
uBJE0396qBz6bmGx+CqCznWWUkfPmoPoAuE2E3WHw9UNoukfG3NMHReDESTTJ8yUWvxxCw7W
Uepu5/DiffGk8hze4hS3WQo1U7LqdhGlae4rNUGYZhkOvkqb+wcrvqqlM5XtgqNs2UejZdlD
admbd5rUTcarMjU3V9yLe5FgzRaVAUluQqYmlPCVIp0maMN9sBBIM1X+SdjKnXVOxO6EwNiE
3kqT2ulkFZXuars8wrkITkdodO5Op1Oqe7dJseRTqtFtYwCdLqfU8NYef5J0tv7AU+gx1Ca
jZk5o7u9Pq1RYy2c7yLAJzejqIMerYYPaIZVSq8ObGaOxxI5pznUnhrcrakNtG7luE4V7xfS
FYLh6QFPPaUQ+4tHC6Dk19MtqDd+iewBxFjoo2yRthdyiLnRGmwvdCLnQrxszVmjx+i6vpF
o9+Wq6NKNma/K5OyFqxNV0Qo7h4ckMlt03AverpF2ZOq4N9V2pqyfNXQWZ4A8EcRiaWCpa
e0e7im0aYaBoPQ9Y5RfkV6wrQrrKc+0EK9HK/wBpuR/5FOaS2btMIS3wTSENh5JpqUGNhs0m
EjLc5RwKIPVAK5XBl+/ghSwdSkXWA+Wv5osY6q0y8N4910+pQ6x5AyxB4AhA9W5nZdmM983X
Z8Ff0vULe8kd/dZzkcPHvTXAteJadU6hUy6g9k8wo00lDiUy1gD33XeUZVFxqsqMI3VuLDJs
WiU0u5JlNjyTqCE3O05/kqTS7ecfgsq9aXH2Gly6jGMe3g8OH1QOnKQqcnrqoC6PPvW+awpN
nZfFH2XrMreKDscxo/5bY89V+i3/AI27R10+6CfqqKriMU6gXt7ObLxWHr/ALN3lxG2V61X
K0KEweK6uoJ00PgV1OJNImx/NGW1I7WviEjB9lNLVBRTiVWw76bqFR43ALdy6mkHVDmeSSJ
1knUpmJIPs/kVTouENmO0O5PgZKhc0yN7u5pj6GFI1yctFGTwR9ImnqRdXkP+P8A4UW9rkGB
B+K4LrqJb7Qu1aj0NU+cuXe1A8FnaI43R4uVNj6LwZB49yDO1qOEIQ3leQswEcEKsuAItx7l
KhtZ50yEBZn0/AJrmNpuO836JskuCDD/AOma7yQqn9iB5JvBc05xAb8VnxjzZeYRq4OrTGoI
dCM7A2uJ4gj5LpGm99ChTBDqpu6wWGqY0sNMU67eLDLXLK2SsUHKUaGYd6xf/NwTx3hMrODh
5q8dx+SkB3NW7wtHfFHq8PW49k+S6/o8P5R/ZXZ+EITCB0KPEprnMm4lB9ICLoMfTLy0y/Bd
WKhabtoMRe3GnNmhzb+aovZRBO9J8/9hUPsDM+obZMGVd3pfdRzDiuKzmSfBR2rQjEtbKe6
5fA5Nt811NQFvZdcKHFFtqUaTXOdSJp5d68GcmgB4iHwBN8oVBnrabnS1t+RCdVpiHZSfqs1
Gie4oVS0T7PFZKzmoOIRHtX5DYKdF0ukkR3AJz6fXHSYTqbgQUKjRn1WGOjIVCJyiUzgitq1
zom0KD3+60q7HcijSrEo+N/IovOYqFEv90SmUqFJntNuT/EdVR60Py3mbcyspFFmqrQynTsT
7R0WLwmIdTJFQAxYJlaHhsHio3u+fiv2jPMbJlpWfB1WH2DKzYoszuUFn4AiHbO9VC9rW+Pw
TXU7gG4+aNWqw6E1BTc3WCfyKY3C1XNaOz+SpUsLiXhoGanfx4LIxleHOLnFoYOpegZDUxTk
w3TkBzWbIp2Aa+g2lhi09qTCfmu4wTdAgQgepi42cF1mEqc2by4ou4onKOOvwQeILrv7PGIT
QMpAIARdUpwB2N4efFAPpZGhusch4rq2UmxoCiXthNNfNM7gLvE2WV3OFLjsP2agR3/JMdTf
TqHXnw705hIIsn0zmYU6LhGFvzbZTXNki9WGA6rrMRTZwcNNaGO4KFxW5UnuHzUuKbRpuqHg
LL7TiXPdzQyRCD5IMIUGW4IVG/70Kcwh/umHLK/uKh4UVajfeav2zf4Spc3uEKEZ2CaoJHY4
6aoMu4gCVWGLq1c7XU3xu6EZeXgp66nVILfZg8Ex9Ko1+Z7NA3QnKnUGglouMtOkD2QO/miX
sccoDRcnRSGWsZj47YOnoAtCI0KrUrBxRMZmjyWHf7UeKa7Qg8VlcPeBCG8pJXqSzQHU8bce
eB/8IQZJMpoMgXUmgDxc/wCSPqWTNigX30GqbTaSM05YJKjmp4XIYbK/rmb/ALIKb6xg7IcH
N8CpcgPVv7MWPL/wNUpjLVM5OPBGsIRVRnK/enPMue1NbimGbNa6/kuupUnxvFkny2BRh657
2rPTa7m0LFNZuszhEV6RaLnUclbYDIQBg+yYPgVDoOjxIKmaLu03snZ6xh8lGKcOaipCuo0Q
IT208VUa+A2lOk8YXWYOhmscxGmpHgnOqkAOLgBujgAnhtQ9VoR8ypndhUy3K58AvkTfyQyt
EuibAaTIInuXq6A/F9Vd3ifStO1pRGhVWmZEjwWIHEHxCmTzW+PFD6+hv4bxet5ngo+EJzuq
DR7ATfaKZTswQiTrF9eSDxnIvLT9ZXq+9ZKzeRaJRpHKRmpn5IEZ6TrLrWz7bdU9/GG96aL
N+KP+yETJ4c1Vp/Z8gytZIB4niqdenTfTIBe2cv1XxU0cQzm2fgmUujsPUf7g+Sw1Vp3wZER
yTRoFARgoystfxXWYWeLfyRmnWahWYKgl9rxW8F968l6zyUoyEOV1loYpn/UpX8Cn4TDsdqH
HMBYlK+/1qr3R1lh+SaXvEDeMmDp8Fhy2rlfDgT5+CY2oWvaXB0cdE5rqj3G0NhvDgpp0D3v
+oW87xPpS1MqUWum5VZvDMEQnBc00oFZHqR5qdu/hv60XObA4KITN3LF07scMo4tAKZjJJdv
8HfkiCZEEGCOWwHdesmDNxVqbvIrrqBHFqCJLdRqOYVOrdtnJ9g5XIUKJlJozW5JjqbADOV
8pzKJYDen6ykebTqFSxGHI/aZ2vDmh1sA93xRfhq+H9qjU+RWFkuNJ7HfFVmhLMS71ZaqJKm
s096z06zP93Cz4Zw5FZKuU6OsVkpPafFtKnKnPyXrB+ElkpwuCtyY4wjSjvaD8Qh9mpNl3t
PguprUzGtFsHlw/JVazsSMxLA2QO9ZauLFW5M5f7KKVJ3e6USyi2ILmA+RuERSw/9XzW+/8A
Edt9u6F6hmym4uloN1Sd2bFVcoc2DIVh3qf5InmrrcarbW0206rzDWB3nKLul1/Swfmnm7z4

BPPPBjuf+W0TPisjhWpEhp5cCuvo9Z7QG94KCihUiwJhBz3U3AtB0lOpPXVVRUZ2T/uFkcHN
7LtfmEOWUhuwF10Zcp4jNAn4olOrYcsH7Snen382oUcRfsP3SPFGmym9p36T8j+/kUyn0m8z
asyPNtx8kCIKbKAGqptF3Bda7KxZKob7out6r4D5FbuKHItUPd4yswo1R7bL+IWxo5z+bQE1
1RMPkpbYJ7g9oZJgGB4x+aqvNFuXQAOjhdMr5A6luTIBHswurc12WPZjwWb7RA3t1H7bWiwk
JtSkyhlEFs5ulcqfqPV72QhjuO7wKPUttERr4BZXE8CgDsvt9WF6luy7vFXW43wCzU6gNx1
KufxFZ3wopN9DM7I3Ruik5isu/x0arkk3K1bwKjMw6Cx/CVc7Mh8LrcFZnESrDPrzQgtNwUM
jqLuybtPenMcQeCzAt5preAKwldhGXK6YJ4tP9kaVXqj2mE5lBlMbit22YZlms7/AJjIPi3R
OfSpGHPp7p5Pp6LFMGWuwVI46FCs9jAwztGJKLG5n1ypMNH902nTdWeLxZE9Y88bLfqhX/
AKn+IS56z4Efwu+oWTooA+635ph4wnDS/gquIsEKFwNry772kucfoi3qutLDV5/27lRZTC08
/O6NQUw0DeqJuGp9U0yXXcU1z31m5s2pCJDj4x4xxTC5ptLuwO9PkXlgj/ZRzQG9oafJGII
OoRPBX2+rCf1Ih3knDVnwTSXX48VcLdHgjlqfhP0UPb5r1vwXq2eG3qaBjV1lmdsl45Dbld
k7dPms7Wu97/AHx2cV12FqUdcolqyucwjXRPE5SnixCFc2G9GnNDNKzXXUYw+7UC6ylSxY17
FXxGhTSicY+/JRBnij9kFQa06k/FZa7iOyTi81oQn1QHv0aB8VneXO0FyuzT5DM7x5eS9Uzv
ut6sfBQK/wCIKXVPNTnDmQs3RzjzQnVQsIUmtSmVMTD/2jac5hvpLC1sSwBxNSjn4Ea2JK
OVpL8w58wSqBkbqh7LCHfBG5J1sgxuZwaJMeZWSoKfNskomsCOwQ0m+jhafMLDsqrq5cS7d
Zmn5JrcZLhwCY+pblqnAlp4K+31QXqB47BL7e0m8JHgqmRtwbIhj81M6ai4W808pXrPgvVt8
Bt9Yg8m/VX2X28eSzUXuPvT+e3qqrXJpcXs0mfCUQYQ4cU0Vh7r/qmUzYD+EcyoBCio9qFSGH
jVn5rPSrUj7TPMe5JgeBQc5jxxGzNgsS3uZmB3CFmc1S8U/ZYJcoa3v3j5lv6xx1MrsDk0L
drnwW648yu0urw4HePldf07L/wBv8pTnGy6uN6ZTvtlM8BJ+S+84iBHq2R43VbGOqndDg3ed
Fyq/rG1TRDBpkteUK+FqU3AAuYZy/WFFKlclrWhu9Y27lmZRp1GPMuLpaezwwkqrLHAXcYHwK
b1xpNoF78kmBewTOuLqNAME93aJnVUvtzw49mihLSAbG/mvWG/CVvbYpBNNEX47N6p+JXC3W
+C3X/hP02b6imzw2/eKnpbh8Fmw/Z9kcPLXZIWqz0iXcNRzWVzqb/wDfIrLI8/8AyiauY8rK
QstVrueqBoVB3LLV+KvBQe4RoNk4bFeAWNxdPMfVU/ed+SpYXKQ4ugi5UYevU998KBU/CAvV
HwHzXrD4BRhqx71ut8FMd7lZjRzTYp0zxBXVvezkSFcFVn1Ps9sgYbxcFhsSGnfYW5rDUrq
euz03nODEc08HE1XW6wFrGm0A8+9O62lXzSQ1zd4H+ypsDg6q0cdVSfUzlqAgO4GbJ1RtB2a
A4tj4IUqnXs3tzKR4cfgm/aqz6emckJld+McyjvgEl3NqY5rcojejxmxVxzyhb+2aSHUWJF1
UHEH5JwL8zDrwuqc9r42W43wUMf+Eq4W8V6tvht+81fH0oolDqQnFVs//wBLRQVxWSp4o5g/
gBHkusaGHX2D+SF2Ot+SdTfMy0pgpTxOidBa4rK5x7jGzRymAEMNQFTetmo6+Tl4qUhtc3ms
mCw7eNys1N5W58FvsPML7rWHephespjzU4im3wWTFUfwn6rs1h7WqkJ+HLCGgtqOvzI0WLa9
rKFMkG0gal0Gvo03gVQJr1tcs+yE5/UU6D3OY2rmc9xu4prqZpk83QVmokAQcoURe4T2Yd8a
B1u6QqtQtp06vV1qZLcj/bbwTK9l4ijSyOaYrU+R5qi/DVXtZlYIIdHciagLeAk+azOJ71vb
fUr1Pns3n+P5KbEJuRsWsNFVFN8VOHEK4V3Lcb4KylxEXCnE1fxn0LqVdrAmsowBY93Kynin
LnsBpTEyCDP5rKSw6tss+p3hx5q2R2it9FaRqNVKgtXBCTxOLqt3KPZH8Xob2GbzbVqjV2EQ
COWiDqFYcwCpeApqzyCnFt/EFGJYeULrqApn2mW8QnzGVZKB7mf+VUq0aL6WJ6t3zfLmCvT
YBQp74ElzjxPNVPtFJ1w1oPyCqNe/IddJ4rE1S49VujRV80AQSm/Z6ocLh05v6dFPSN5IzA2
10VcvbWw7slQblQcwNFVOELqsTOmiLaZdN3H6rdW8VdWlep80QInjs3n+P5K4W43wC9XU/C
VvNUZlujY1rHHkCvvNT8R2XUNUrK3MV1IYd5UhrYj/xs71VqtzgAM0zEwr3F0M/VHR31TWgO
bYtsRzHPyUo+aFSIfVZH9x1UVCCrA8j9U7HPB7NNnbcmUaLaNIHIEI7ATTwjwUFQaJ9l1yy13
d6u3uUGVBLEay1oW8V95B/iUvJ8FFPCu701hnJqi4xoOXNeppEmTBj4rq6dY5fZHzMIUKjHH
TSO5OFRwmwBDFApuUtdrldF9AFv6Dd4HvQmeCpucHN7Q/JNY54B4m6mncddSeYhZiL2Cut7Z
ZTR8000jLQbocCR5qoC+HzfiFUHsT4FDIyxFuSaWPgg2K3mrVabIw1c/wOWbEv8AFQpK4KSs
rQwLae9OqGyeF3X4LEuwwzN0N6pvdDhdVC6m0QD38+SytzfaJcODQnVqTa7O1pUE8eB811T/
AOEyW/2VpWUrM0q7XKpjH9WzzPJU2U2YegNxxH3jzKyt2BWJC6ynVbx1UgFXCmm8qCF2Kg81
vFbxPJXWSjgvxL7qCRN0JsPFCp1fc1OawjN2iPkU4OaOSgXMgJ76xDfdP/IQCeVijlpzo4HR
UxVfJm5TAKax54lEy3gQoAhAaLeO31bwvVO/Fs3nf74K63W+CY5rpaJAsV6xg8Vqt7wsoCAw
tZvHKHhU6RZOjRmPkuvr0QwDO92VVMmcrxdS5CmyU57p5reWUQmrrXO4bzRPIO1WHwXVVKb3G
Hic3cuveRG7lytvrJ1ThIPwXVVSXXY4Q8dxVNwLZMd3yKIJAVqO5SFUxFRtGm2XEpmGpChSu
fbd7xQY3MfRg5x5oiRw1arqaTvJaoOaabldHJZWeJWZ7Qr4RnJs/FThKXehyQ5IcWpho0y4
e0R5aqkwNk63McF6vEYyJm2J53WWqdRKilIDIC4mxhMD3QVyKdkmdl9sU6iotY5rnRdUnaPH
xUuf47LBbr/wlB1RvmtVB+ewOseIQBxbuIamCoKnWEmDFuar4iCxzTHBVqB9bTc3xU7vBQ2
VNQJpCaOKfh3FzdDYjgQutdLnvI4AulYOGuqajhB+CbVc53Mk7B2SY5FNJmIP/6rfCe+oKbG
lzibAKngGfLjWf8AtH8u4JnNQNUNKIwpQyKHROpmRopp1PIrtKwcs0P+KkjuWeqzxWbEM8QE
OppNTRdNTVPFS7uQOHw9NsANbBCY5oHFCeKnwXepOq9W7xOy+yy3HS6LrwPknNPH4pzPeCd/
1EWtuJVEhwiCUDBNy4K8qyBXVPrAe3fzTqL6geJAKovAEwTwtXCCA5vI3Cwlbepeqf8WrE
4X9oy3vC4USVV4BVTqFUTiinBRslsH/7Q7TdeXJPYKtZ2EnNZtUmPIBMN3Uh8VRYp2bUwewE
33AqfEJrxZxVRmokc0SrkFC7H6cE6k5/FrhYrfcokKCQVu+C383utWfFvuxhadw2FHmjzKPM

ojinc07mjzTp1V1uO8dl9m6pY9VzoyQE7i0hFcwmcoX8Z+qc1zdI8IW8swUhNpdIMY50B1OP
OUw6hCo5jm2g6cFi3S5uVx4XhdIUx5MQ0lvBSJQc0tcAQdQUxjXVsO2w7TPzCbzRQKIZBKo1
aZfVJy8Ggx5INYwVacgTBBMxIkXRvVx+MbTEhjd555D/wAo02ta1mVrRAHIIjis/oNaM2ng
nNdEyFhsSN05XclVov3gpTqR5sKyOD2XaoW8FAKime8/RZsW08IfYf1F9m47xVgr7d16hvjvF
NOoBVIk7ipHSQpFnrEMkh8j4pxG9rJXFC/cYGycbU7oCqUIp1d+n8wg5rXtMtIkIRomqNkFC
rmr4Zt9XMH1CewrmEV9r6qXAGo0uJImBwAWHP13YV7eMl2hgIEGjzfd3RwWDbl9U93PeVHM
ctJrQsRhsSxlOpID3AFPHeqTu02O9Qd14KdxCGx3kpR4rO3q6zc7PoJSOekczPoi5scVF2+b
U1whQrKGsau3UKk7b7In8R2wFZXJV1uO8Vor7bPW6dmu3df4FEGO9ykwi2I8Gla/JZsZXP8A
EdnXYTqp36X09NtaatFoz8W80JPAqo3gqvUOcx4Y6mRqsRUc/FvcM0bvcJ7+Kd1TfHPfvT+5
O95Q4GbpUjwVCsPbptKgKAAjzTufxQ4ghNeL/FOadpHZKvOWEQZR1WbVSWWhSQeZgLqcIwcTt
ugZ2dpawgg46KxQ+qut13irBXV1K3XKBYI+6rmyHNWW67wW+PBa+aNkGtceQK9aR3yVcRyWu
2sw6cOY5LAuaDkqTyXRx7Tag8pXRL9MUB4tWfF2MRTp9SLdlisE+pnq0Q5ywwaA6qjTpGdX
ODfzUZgKkTYwhSkFmdnI8EaxBLQ0ch6Bh+Aeebqf9IncApM+hluqNUlmbK73ToURwhQVIlFp
giyBA8UGSe9NB7KOYnyCL8TSpe7r4oBoA0CKC5qNmScVCHEKDZS0nuUTb2nK63X+KsNui3HK
2wEqUyNFuulJ05q67UrdELJhazv4VNUrmhwRco1XW4qh+ML7NXzMg4+7f71NAo4ky3g7kpAc
wy06ElTBOWY4Jr2yBBTKjCyo0OaeBTXS/CHKfcKr0HllWmWu7/RfRqsqsMOYZCFal140e0R5
+jAKzOIVaYy1BmYqFdssPlxRAVYoss7wB2Wouf4InPXI3aQ+agPrO8B6B2xmPer7I0ml1uHw
RESea35K3H+KsFdXULcd5KQdlzt3SuS7fmrKocGWSaTJCxDKm9ScCTpCxCzPrajWE+zcN5KpR
pGqSHsABJb3p+IokSquffBB70TiA73WkrrMLm9w/VZXXCr4bsO3eLTom16LX5CwkaFEaBFEL
D4lmStTDh9PBVWS/Cu6xvu+0nNMOBBHoGh0bhKbtCuY+foy6FUc3go1hdWZaU1o3wVTqN3Lk
6IgmDJKcRp/vmjUeGNE803C9FtpgXe9oKFDCsZ3bQpCtsknxWpUlzbh/Ct0+C081cLcf4qwV
9u6/yU/Bd5Tsx3yqnvD4KpluBx4p2Q7qc7gmNENfvOPKxVajTqPyghsRNvIrEOAlnWWzZ83
DuWFbl68ZADYgSnit1tPNlebHVdZQqML3CW9gfRfZaoo0yKdpzGZ84VKtDcSWPZYjymHEKh
BinScmbK0IYatSqU5Lcw4hVGg1G74EEyxKCbUyMETkFr+Cq/amUy52QkMIBsjSoinUcXPbUy
yeW1zdFg8YPXsh3vt1WJo71N3W0+bRceSgB0OjRNq4/DsySCb+AUu9CxWd0lNAVpkqbRoFJK
sRFhqnl1nZiLGWR/ZsEnjH0TcOMzu39Fnp4cf90Lh3ejbZ2vFdrxVyyWf0qx8FcK4W5U/ErBX
27r/ACWvhsv5BaLv4lMAO9PhdYh7mUgAx0TEyqtCDneS8y7u7pQfXNQ5i5O7BPx4L7HSdS6
lrTENb/dCs6a8CNDHJYHDAw7NmMmB+SqYk1n0Rkcl9yqtd7W4hpfUIs6IuhQY0VRNouZHms
1F7xDWh26RwngVjWgNA3eNmprxvQARBAJaf7FUKN2M1/5nLuIT2k1JngqlXF1HPfIZjvciK
osYzzH0QaWDWfls6zPIB3XQVKfSNisNiv29KT7wsVhej6pfTzHOIk8Fmv6Hs/FSVZQoabq6J
jrLfw81uufp7IXUloa2AeKsO8BZ6Y7jKm/oWK3Rs7firu2b0c2qyu3z/ACUPHJbIUnmrN8Fd
X2btTyUHRdxQLuOg4KkPaCcTlouGeN0eajD1qD6xBdEmZk90KH9VTJYIu7Ux+SGRzbRC5BOG
KqCU46lEbrNVUoP6zrr8QbgrDYZoIpu63mNFmfi6TbsoN9gce8p5c8PrW1ax12qniXMfTaW
NZqOBceAPFdV1nUuLY4kx8Fi2VX0A2Q4XeVNOiGuaf4Q0td5ptFlNpOZ43j3nkFkrOJc0vOv
GO7VMrOFEvYJ7ijwB+SABBNyMKU2dZQUHeAtPBW2BrSUXuk7ABsqO1NkAc3JODVsiabGO7z
8UwRxaVFN05KDCj0eCujv+K3js9Z/SrK7f8AfJHMTyr+L8lujuW8VfZu1PJb3xRKZT3nXNob
zUsh6tjhU1a02Ed6pmqXCnOsv4DuCpFr4EQFBAFgoDvA7Jxdb8SyMnidmpKJdKOcHisOHA2P
MaL7GSw0+EsYNL8Sq9at1ryXZu0O7kqLgC/GW4CHERcUG+rzX1c/cCp06fV4eoXvPaqx/wDq
nuT+aLqYo16gzSA17uSj0YKtszvjgNjQqaHAJ3KEBT1WCFLKWDP81SZF8x5BOrNlwjkosdki
E4oowrK2iJRl3iocdm+49y3fJXH++C3wtYr4rdb4LeV9m6/yQLz5qBmOg4ptdzjK2DI+gVR
rTTLZHJdUxwtc6DQQt1/4V6xoW5PcdmbHVP0BJKLnTsHE2TdQE/EYqnT/qd4BXKa/wBiHNJE
n3R/dPG6f7JxulJ4N0HaKNrsPFHEb9LgeLVTrMFSk8PYdCPSy7o1XchtPvJwGqNZ+QuhNFuv
g+CrMdmbWYnU2Q8tnuWZXB5rjsZF0yE1MITFTdKyudCuvWf0q3kuz/vgFvBblY9/5LdCuoOw
llTxCo0i99TM6NALSnlsE7vFo0EcPFYiTo1gtA1Cd75+SqCfWceSq5X7405LfYe9erPmrBZH
Vj/1CPkPQ5o/8Spsi29PjC3im/aLbxgCPBU6rSMuXuT6et281KhcD6GKwL81F9uLTToVgsZDK
sUavI9k+foMo7zhm7k+vU3W5nHgnMMPYwnkQhIjVQo1XeinONpzcIXSmrqFQ+SxLe1RITyR
uu+Cc8WpP+CLwBlQylZShfaUVqu0rrf/AKSt3yRdrwJ/JDOPFblYd/5Ldar7XdVUMWkLOHAz
Z0yOEXVRm7w+aDbA89mvitx/4VLm+KhpHcfotF+y8Cr7AxOqGU7B4llSmd5qZi6PWNseI5FC
pjakclb8AiPWA70plZuR3gQslxdn0nZCPocVjcJDGuZ0/cdf4LA4nKHE0qh4HT4qmBuuDihU
eS98IUWVGnlw0Tar7NMNHaJldY7d3dJVWnqDHPuFjPrOiQBzWGpB2Wj1jh7xgBU+NWk3uyld
Q7ODTcB7h/uqRcLEKjOio8AEOasEA1ycZRg7LFCaOuzldyl63x4Kyu7xK34W7VW41OmcpKE6
FCNCmNo1d4TwEqtnLRpOif7jviE7rGeqdoeSd/03fL+67Xq39o8Fuu3H6clNVninFxa0cITW
i66yk0gWbaecq5suAUBjeaysRdUJ71k+0ToKeb/SiS5x1uU/KE4GW6rPLajTMf7IZJLLt5ck
PQzHuGqg2V0KNNtWt+0doOQQG61WIRKqDRUNAgNI5HIy3nmmUylTdVjNunAeU8k6oCylGXie
LigGM9U7rluJzT4I1crg0tOeIPEJjg81jF0MxDMwZ3kT8FQInrXFUKTtwXCJiEGNc5x4IXyh
G670No3llcVmMlb48CrIN+CPWeaMVbcluN8FTpsqifY+qw/ufMprKpy8DZB1Zp47N9ng78tn

b/Et0+BQ68E8GIF7zCGUMJ7TvyTKuGewxf5IseRClyzVh3LLTPgvVg/xLJSxp/7IHxMLdKMJ
/NVHQHU5RouyPmOEiFTqDMyx18VBg7CSGjUoUm5Rqi4rMftVRth2B381IB5oveso2Tw4KHr1
NWqfZ5qZwtKq8QzhaUcK1gi9oCLZfkmTvju1CGbONRqOHinUWNb1O8T8T3pzn5nVCQ5uunk
nOEZrRqpuU2iIGqc7NJWq12EqJXepzK5EcUVLVLdCuPBHPmjiG1YHFQBO0r1jl65njs3qf
9Wzef+JANPggxjxJK18VKbIJaCRostUVgLVRPNxUEqXOcuy3vQDGD+Nfd655vYPqdt0zQrM
yAQ5vJOovPeFRU67QREosJBRAc/j+SzuITsXXFP2dXnuTaNNaIAFhyWd3ctTt3Z7lvlii9v
suF1SqVM5e7Nl481nGZ18gJEqoNL+N16umcxtPIHDwVSS9IUZDwn8iqFZhL2zmtHemMPdwTK
NswHdqmu3kLrVQURwUlcincrlscqOFYyriSHPNw3UBUXesdhm5CeNIRFKm1tBkHRw/LZ21b0
PWORzCNVV41PovD4rw+K7x8V/wB35hQIDx5IZXHMRc2vtbi8K6l7QuzxTqTyCOMFRPinPNgn
8YUYdzJuagd8lLh47WnuTxoUeITqZljvEKIXZcQ5ZbNOwYTDjMN913/2RJhRDQslMBS4q63T
4LeC6zdVNjdwGyqPa4FXT6bg4EiVm/5d+YsnE2Ec05lNxx4hVKjHOY0ugXCquYN0ku4DuT94R
pqnIqLqFOypXqOYzXJ5BYNjZqVC4rDufJquDNTwhUosDWXJuM2gUb1V7fjdUnZWjQcYzNgpz
7BC700aiq665FVO5PP8A9KoBr8k/mqvByrT2yqnWNLnaFHJIcdOaePacq3v/AERrnrW9o9qy
p0e2Zfy5Kdt1z2OCPIo96MozIV7rrsQazxuUvm7gso8FJL11mIHIKGHZmf5otZdMrSDTbu8Z
IK6kaR80DPggc4W+s9LZ1bbIPlzamR3FNpdt5k8lTpBz272byC9rRuXQcDyT6ozMj6LFZtB
4qsYkgeqrX3dFRBEh/nAWHdu9WQeEFYSluMLs5F8p+qqMLDTpMe03tvaJ9M5qrwP4NL+COY
+shNl7ZKzFXxb8tk8U1zCOSsvWHy2XXFCEASpOy6cWxJhEDVWW10adU7ApVoeCIXMlehJQwu
EYzj2neJXBZKUC12nK0bIcPFHqwnB4g8VUDt3nEo5MsaFdtbysspUghQUaTw4a/3XWNIEOfR
G0KnQY1j3A5+Y4LqTmolubgCq1Yta+oYvm4hVGSetzjgY5quyW9VAabk2zKjWOV7yXm+bN8k
1lNrTXAbHDVUhusdYD4qq0ZWPdA0VV7jLtUS6VYK6uu2oJugEjmiNQ9X2cPQ5IIEAyoTj
MJWV2ilcxddQFTiLFQduaFbYVHofaMY0ns098+St81mcSpMLLRapcVZS9q3UcyORXK7S3lZb
kq6kTsggptekW/DxVdpLS42sq4BGYxyCxAphk2iFVcDvFP5p7vaRl3gFvbLrdC3lddvW9mW
VMzzst/0ZKaVS4IUUw6BDLoo4I5VmZUPniLeIwV5ClSpiy7kOWwxoi3b1WEz+1VPyC1UBZ6v
mstMdwUIZkAQrK/JNy9oLWFGdHNSlqy1CpCh2whyGbrW6O18VqpVtlkZPgt47IIVgt9/js7a
g7QAt/0u9HmnOdZOjMUGBC6mEQ4O5L1hFIK2CLQJQATQgqdQZSmuRaSQE6pWZTA7RhNpNa
xujGws9RQWqakr1avsgyVAMJ2ZHq9k50CoVIDpUhcdekEFCvQLDxCgkEIAJt77LLfd4BAOKah
KsFDnd52drbMorfV/RvsDn7wQYyyOZyLjor3UHxRqtFk0Hmm0+CbTFymhHRE9ynis1pBTajZ
5rJietjsCyiVxWisFugK6gSVmdA0Wq3lNEKy7SgqQrLM0qHQszYUHZBhAPz8HIRpshWW8fDY
e5FWWW8dmquoVpU3W+fSKKAhZ6ae95hVW+yqrWqOEJglTGISWtMJ0m6xFYwxhKxdKn1j2WHf
te0i6lJzFBI1Hmg4ItUujZvK8rK2Atdm8vu4W6FqoKtyvUgFQZ2QZXX0HDIhLhBDkh3oQhm
NuCCCCCudt9hyqAt7YLXTV4JvMKlzCYF1Z1TD7SpG9lS7lSHtBM4IKHESq+I3icjPmVg6cer
zHm66gWshOU35hHC4hzPZ1Ye7a59ZjG6uMJrYNBZNds16iUS4nggBZTJW7s3gvULdHgrHbI
W6pEq3gszduRyyvkd1x+svt0V9lh4JqnSE7uTke5QnBVho5Yn307iipKp5n1XNkzbuV9v3y
n8Cg7DTF6ZsfHbmxDqx0pj5lXRlAhAoAbLQrLd2bwXqT4rdCsfBX2WWqmyyP2ZX7IMoVqOQ6
i7V3Ky/hV13IK/pFFEpo0kp3EoIbAOPoBBDYFFH+pQdkrLiKLj7y6zCVI93b1OAp+8/eOyyy
oEIBqAFtVOzd2XC9WfFWCs7wV1HocVZS2duUoOAEOKCGwT6lQ9M7Ts7l3L+HYUeW2abo7iiU
YU13cUepz+4ZWfDNJ5LJXqN5OXW1qTObgEBAGg2QrKICMASp2XCtsu1bhVgrOV919kqyh0KR
Cyu12ZTKztL0eniitUUQnd3p9/olFFFHYPdp9CXRzsuC3fd81lqfiH0XWU3NPELrML1U7zDIR
o4yq085Wau+sdKY+Z9CSFdXV9m8FbZotxWWq3tl1BUjZBlTBV52lrlmGccfQ70P1R9E7Cijs
O2DKbmzDSf8A7QGp7lbuGi6WEAXGqr4eq6tr/qHNPxNXO+NF1GBpDi/fPn6F9m8VfZfb2Vbb
vbLq2y2yJas7Dtgqdw8dgQQQ/wAy/D16pGhNxxVGp2jIWGcP2oTTFRIQeK6uwyOP0RxGJp0/
edfwQ0Gg9K5267bBWG3fO222WqDOyCdsFCowP+KCHP8AWX/X+sf47ekalJr29XDgD2uax2Do
mrVDcgPArKH1z4BV3AEDVV2gnKpIA4rEHl8VWGrm/FVffZ8VXPtM+KykjKq72BzQIPesTyHx
WI5D4rE8h8VWpsLnAQO9OqnK0hV+bUabspIT6hkQqg5LgrK6sNmuyWq+0A5ToVB/yg/URWft
Jp4sEzBYnnpBrJMdWLLqKFOlyF/EoufUE8EWmlfnsLqtWTwUPo+B2U6Vcmo6BkKlxPMo/aQJ
9kp3XVd49sp3vFF2G19oojFVBNrfRaL7u8/wFaL1jnnuAUUXH04OyDtgrraZb7Q0/wA56894
G3/1g/ChU6bpk9ltIOPkpJKmtV/CofR8DsmtW/CvWUPApziABJkex+V4II4HZ97/AKCvXVfx
n6qynCf1lffav19FoowlQ/8AbKsFldgme8S8qMoFElLdsidtlloQ0cOP+bnqzzZtfhcOaz3
XrAGOQW4/EN1gB3gNgp0RWJl1QfAlrKXXA3pj5bKVGlNa/OXgSVhq1MGs/Jl0cujiRiKZZisz
wbDmv0hV8vpsospCqHZnuF+7uVKhWlj+3ct511XspggZjElMwtEU2meZQaRiA7WxH9k/F1so
dAFyV1lB9OYlsSnsr9QTvZosn1ekg5vYoDKnVqBa3XVEGDqP1N9sXWZuU/5sOoUe7MNtV9LE
U3PJazLIHJVovFHNuZQY2PLqtPNugSAqgcyiDulsN4Yvrsk5YBhH7uOG8n0KrKrO01PxNZ1V
8Zncth+1kT7BU16xn23bH1MEC9xMOIunux1YOcSGmB3KpRrMdTcQZT6WDrVGneDV1mMa9xxy
Xkqk7pCjTjJk9DCuewwZA+Kv+slQVO9/mpw57nDaRTxLuZavv8A/QNnrcR+EL73T/17PW4j
8IW/hvB3offT+Ar11X8bvrs+4f1lff8AE/jXrGfiCjo7E/hXU9HY6vxdFNvmp6Ro+f0X3E/j
H6i2yR6OZsKP8zNOoO5XRc4NHFADENHs5Qv0g78Ddm/ifAL74z+WNnrMR+ELfw/gVdE2AnZ9

9P4CvXVfxnZ9wH43L7/ifaxr11P8AGFHRtfy+q+z9G4HD8XTUcv0IS8CvuH9bflD/Qgqb/wCZ
1V1vOqe6LeKq024g1KbmyWxIhYqpjnvZQe5sC4bKxn7rV/0FVqRr9ZSeyY7QhYmrinOp0XuG
TUCU7NkynNMR3qvRdXNWk5kgRIWlxDqBo0y6A6V0gD/6Z/wWKZjaTn0XtAm5CyY/ED+Kfiqz
cQajqbgwssSqTKs/OwtlxieKmE+ngcr2FpzmxEK03HVy5hAc6x1lVSriaQYxzoe2YExdfacO
aXNZ8AV1+Oq5ey3db5J5x9N4YcoDpMWT34GMLjnGgn9XZXUbZEK/8Ambrq6TG8dSukP3hy
6R/eXLpH95csZiq7jVxBLGDTnKq0qoo4d8Eds/kn9Z1mbfmZ710j+8H5LpEf+4PwC6S/6/yC
6Q/6o+AVSvUNSoZcVjqTWsZXIaBYQFXxBBrVC6NEWua5puDI8l0j/wBUfALE4rL1z5y6LEYy
uNGpIJ1XSZ/9yfgNmNwzMIgTlbMxAXScft/kETJJuf1diNnBRskT/kalV2SmwudyAldIn/2l
T4LpP91d8l0l+6u+S6QYxz3Ydwa0STZOe9rGiXEwAukv3Z3yXSP7s75LpA1Bmwzo8ljKcvfQ
eG842YrF3pthvvHRYkA5KtN5Hsg3T6by1wIcNR6LsX1kVqbMsdo81WbE4mjfvVd53cRRPgVX
pgufXpCxOvLZUxVFtRemJ4cU/BhpdVY6TG6dNmKxFFIRtSnvCYIYxutW18Vv5JGsKq8S3F0
yO4Sn4BrS6ux8mlGqr4yg2qytTE8CbrF0ab6hq0oaCU/GueG1WMyx2jqsWBPXUvmjhq3VF7X
W1aZCGNaYxLGunsalCgzPVx1No7xGzr2Z6eNpuHcJX2Oi6o7FMJ4NiJ2XBV1DhtkQomf5CrR
eH0nlruYVWvgi6q8udnNysSzpGu1leo1oiwcRwWM/eqv+squeiseK2Il5s0Ode6LSCDBHFvSr
g3uqvLyKpEnwCxtPHV6bKxDWmwXSDWD15k+Cq4noXGvquzOEiU7E4mnRHtG/ghgMAGUd0u3W
9yqMeHteQ4cUOKsAcSB94oftO8c/SyVcLR/6dAKcRX/AFD8L4O2Po1GvYYLTITajKOOPEdcrD
e7nbDRwnXOG9Vv8A0r7RjSxp3KW6PHjsno5/84/QL9K4ny+i/SUf9pyilhPxOXrGeIUYHEn/
ALTtn6UpfhcowlD+ZsFHB0qPt5BUD/WvXYfWHzbbIUHZIB/yP3F/wDMK/Slf+n6InQbfuNX
+cfoET0riW/xqXI0sFXwuQEVDm8lmrVq3utgeanF06XuM+uzLjxTPZrNLcf1OIrUvceR8PQ6
3FYen7z2hZ+IMR/DDfgpxOI/AFFbCfhdtbi6OJ6Oef2gzU/xBVMV0g3DuaRIrPrO4BN6P6Pe9
tnRkpjvROyej6v8AOP0C/S+L8R9F+IR/Lcop4L8T1NRg/iCy9GYw/wDaOyelqX4XfRRhcN/M
P0X2nF0KPvvAXX4/pQjRr2sH9N19+oD/ALM/M7YOyDCKKCgQr/r3VqrKbYlXgSvsOFBrZzjM
k95VPE1+v+0CmXa5lSwtd9RuLZV3IgL11T8ZTnODWiSdFXwWDIrWc92aOSrUcTXxerKkQeXj
sL3tYNXGB5r7DherJl7jmcqjK5xeaWPgRyMbH4quMRmy06Lx5nkn4fEnEAyys6fA8vQpUxQx
tSpnfGZgGgVTC9IVg94dnJf17+arUKTsVUMdc0ZW93NVatJmKYRFEHMPHbja+NpnCjepkOLj
oFQo4jEV2N360ZvJYj7ZRpubFIMlnedhe5rRAkxdN6OwYpZ87iczj3plJ/25j/2joe08+YRE
dIPfqCGNH5oY/CSHZX0Zc3l4FUcbjT1rhFLeye8qeJoVKL+y8QV9kxdbD5w/IYzBMgY81ZN2
hg4eKZisCXmt1fUy++hQbiq+K0mGouf+SqYfCoR1Hy7EQ9F4+3Nf+zYGub3Ttt6E3/yVWvgA
ajssa4tBT3dJPYTzJRA8pTsBUe8MD8zYWZxdzMoggg3VfG4V3XXNM5Z5qq/EOW2INkeZ21K3
R4NR+YtcW/BVT0gWOeSwNBaOWyuzpGITY7df2x3BVcRj64c+WseWsHKnt1X6O6Ar1+sINV+W
iOXMhPqPL3uLnHUIVnjE0XPJYwAtHiq32inhg+KeTMRzO3GU8dRGEfD3uy9x8UMBgKul1cBD
RzJWM6QqB+IqTGg0A21H9EjO8uio4CeSq1elsS17yQx2Vo5BVft1WlnOQ0ycqr06eGoseQyp
mzjnCqUsXQfTcWnOLhVcN0XiqtJ2V7W2PmiSSTJKf/xMsDjLNNxI5wqgo4SsmHHK4kkc4X2b/
AA3jKvtYmq1g8GqQ/CYhjntY8ZR4qr9poUM56vq8+Xvk+hw9CFI/wAh+jj/ADCv0rX/AKfp
6H3XefzPyX6Tr+X02/d8RT5Pn4qMcx3OkNg+3vqnSlRcV11V7/ecT8dr8ViqVBnaeYVPr6OC
o/ssK3L57N/Gf0r9KD+U3bmqlMa8djdZ4ldZiKWdabUt5/ifQ/RJ/nO/JfpfHfzSv0m/+SVf
Bf1r71Q/mN+q/Q2M8B9dn6VP8lyvgR+NfZ8D0VgfcP7/F6+7Yz8YX6So/8A9cfU+hf0JUFX
/X/o3/8AI5fpXEE09DLhQo/jC/SVby+m3qsdkJtUbHmFP2Wp+IHZ9m6I6QxHGp6pvoN6NwF
fpOsN8iKITnvc9xlzJPjstjT+BfpX/8Tdj6tVINglzyAPNUOiuJ9miyT3lVMRXq1qh3nuJ
Pofot/8APd9Ap6Vx385y/SNT+UVvYLwevvWH/mN+q/Q+L8B9dn6Tf/Jd+S+19LdFUEg8T4ar
7T0piX8Acrf6bL7riv5gX6SpfyB9T6NtsbJH64mwEI0b0aMwI33arEP6TruReW7twO5VxrS
ePJdYcX1tPdNMC45re8F6iv+NfpCp4Da6m9r2m7TITel+jJp/tBeOThwWlqVRSFN2adi0TKd
OhgaRitEb55v2VsTU6uizM5YI9cfamZKY1v2l0ji6raVHCv6ilZvf3rpP90eulP3R3yWJwbM
T19IsLi2J7ljK+OfXp0SaYpiT4KviqnV0WZnRoq+HxDq+Jp5S0Qwa68VIZg2H+Kp/b0H1XtY
wS5xgBV8JgXU6zMrjVJjyXSdbH4qozDEtdVcQZGixuExb316JYOrjULF4x+G6ilnyh03C6Ub
XouOGgB4J3hzVTE9H4ijTEvcBHxWLwWTr2Zc8xedFXZXfiSyKTqRDXd8hNw/WY8606BYzxcU
SZK4bCVetplud8ieSrvxLa4pnqhTALu+f8AMVsHW62lGaJuXSFvU/9K6T/AO3/AKV0j7IH
/SVj/wDpUfgf7oz1hAkuzKu0fsKf0VXF0yx1GmJ48fQr4d+ak8tKx9Rhbma2dS0XU7K1B+ek
8tdzCqVXmhXfLtWuP0WKbj8Q1mJqBoIsHGFf/wB5q/6ysZ+81f8AWVXp4QVK9Z731L7ziYCr
vxNSjRqFtNu6Y4qrRdmpvcx3MGF0h+91f9RT3uLnuLnHUm/oOaQSCNCFj/3ut/rK6Q/fK3+
srpD97rf6ysf+91v9ZWP/e63+srHfvdB/VVWqx11V740kkrf0m5aeIqNbyDiAsTVEVK9R45O
cTsxwiMXW/1lYuqzJUxD3N5E+Il/y0kfrCDYonXbjA3IMTUDeWY//IWJ/W2/W2/+GgAf/Py6
eX+cv+ttsv8A5X1f+cvtv+tsr+h//8QAKBABAAICAQMEAWADAQEAAAAAAQARITFBUWFxEIGR
saHB8CDR4TDx/9oACAEBAAE/EKfW3i/QwZ8LOtCOY6g+IRDmV6Kg94YqvEs0Zl9ASVUEjLim
o1AGloVESzV+0e0uGIIsk2RuXcLbLZ9BmaYaYUWy5tlawQ5yVK6IpTASpEYA4T5jFka/mFix
4nRox+dkRJRE7RRvxHNjiJcrgjm4ux8TFJr98VcNh9Qqly1y2AqYG7lNUZgRBY36B4gksdfr

kqUppidDKSJ2nYljiUwOpDaOXAE4MLEtDxuOwmIWZUTU5QQW0jEU5mNcvZ0YIaJh6kVdV5Io
zxGxCKoiFPocMRqXA4HMoW5QKt1gndAyK4gBm1ljCYi8NoRwIOalyzAonpHtoBtcaCCFZQgL
wU5ggUntHNCwFMu/f7yoN1K5txy4GZ8ZjzmltgB1mN24pAV6FkF0ZljnUQgty1xD2qoky+Zc
CZvhhZMzYRQ1C1S/ESmeJlOLHNh8ZCl+cNNQL0EuyBBQ/wBZtpww58zFgckEvET5EI1b9YwG
g6ODokQK/wBm8cewTvM03RQFisDFp9zyoNlxuNKZZUOzALAA59MFGs52LxVIQCS1ljsZ89VT
mEUB0xAf278jkNlrYKyuU40a+FyFMCumM6pzbrXSI0S652AQe4zT6Jmp3bGBUJ6tgQYnPPu4g
GsXVarNfAPxnbG3OWZ1VWckrsETFRzyrGw1ggZQXxGjWVqZR/HcOYyqUUqFLNqG4qLe17FcS
mmcBCIMLhcyiaqyZWu4JpgiA8kCphNUTSyOcz3FrS3EcJ5kmnz1b08ZV0qPhsqGRs/IzKIze
ebZSfDO1VUyP2/3Aitg+JviEI03rEBmYToHWw2G0gWgqL9ntjhzJL4c15EWXI2iwPOIU5TYM
0uTO52ZHE1OvMwQ0r0bywgCHYSoyVReze6dMyS+qRDECbG1w0RCiG3NFsVQTacRyRNMK0MkK
7EIUxRBnpXTn0WlgaxFHIIn4Nm3FpHGXiZ363A0HNpkQftJucATGGVHC9nZEW9YsLqWEN5qcA
iKcbi6faDDMqK6pqOGABrdQCswAqsxnLCZqOY4iG1ALhLTZwkFKYuIHHV7kawnPxElS4JqAt
vmFTMdYKUq4Nrg+u3wqeKl4PZA0kcFsNLINZCi9HhgwPYColypGFC0HNuIIQ5SPX3qIwLSys
t10ibV20UjceYctyTNBaRQTnMdBzBWisiJwVYdyYewwA2mq5X1uLlewFaYkXxqXUqqaYNeHS
JUSxZcAo3d45rOppxaM2EpWVK6QrQ5baNufloy/Mz1D1KeLiAtAABBd3Cs/5QgQKFqPFxUo
JISL4KsIIWt8vpl6sYlmmXuzEUt3O9gioRcgHAEhZAoFOXpmKOARKPS00HJGnMV8c15gw
IRPSG1ZdQifwlewyFCMkplvjxgbBF40JTdHibBLCi0hJ84iynN1iMJELPeFSYP1GpZKl1iw
XDSdYiYNQDxChKIEcdWsdVkoUySoiRaVUXvSRkljNwjaRHTKCrMMEZT2i1OCLKAY4lgsD90B
qS3sI7CCY7cQaWKEwbXrF4NwfOZXQInFVHavEELMrC3fuqZFbxZG0VrbzLNcuOsQEXuvWALG
YMIIdytgzBSkYIogoE1G9VuMXUOmKEoRMxRSDOQY6ZigrdDgwnnzHq2QwSD4I5xNwirX0klj
UkR8qcnUYBlgWZd84ghANjCpbp0IKnVgNXWpSw1ynmX7crSof023pYIMi4aYIUbsub9nhjL7
xRDMLiA8kON8XAOLiyAoXcCVtEiXzTEcES5XECogBw7qDtw+IJQGal8XBVgdJOE5xi5kFMS
0Xd0jcCKBXiNf5MJUmcYyckdGk4DvHKS7iG1hZh1HKObbhhH0z0Oo3Osh6MbusY1WHq5ijQq
pdU63CPEBmgND0eGGgjaJ0SZX1S6NqviY7YKPwajjZTNds36hIcIfzGXUQZrzLk0u4FBzFKq
AtADBEW8Rmkr5zHRuBw4Ze60PcGpY54fbcLu16QnRA4SgpI7g4Ij0kCCpCmANi5wCfTDVoc
xK2GokDuxFRNnUPdDMCnIwhm4Q12TDkVqDTKrviANqu7JVeZYdEgGmIytfle0BodSiFgx3Oj
LQCIL5KTiul0FQNYlOsS88wawXUmZ9ADdRuaJrxe7rVQ7aGgxD4LGcEyjaxEeCTPbdZ8OSXy
j4geAK0eMNU4uPASumTOarjwMjCMmggaoRHCMHdjfaM8oKl3j0anzT8zcL6EtdxUlcjpiKTq
RmKuOVgNtXLahDargw1qotVL1l4YMRobPQg+wwit2jVOI11JadGM6xi/IMKZSXYil5Zesj0/
bFRUaWLd0UXNlKG7hFE4ym1lWLcsiGWAdtUCvtOerqFNVtdy602xCgGPBDohQVWyVx1hFl+F
kzNF5SUwLGBYB8cy0PpzT0KSt7xKFUWEJsiVRFFdPTf0ylERW33OamNGUp1HRjwnjxCCm/Kw
Me7bVtZQISuGQ9yPCZnQGt01AmLOIieqzQoqEHbVrdMPmGRzGLPEHZCNeXs294NMEZZJELXG
jBMQUYPDiVzN/GYc0kEat4l4DVwgCVA66PDDUUBqpU3D+AhbsH5YdFhlat+ZZMh4MoowedMH
k1o58wcBtf3RuIcxZxVZNUz3IQcIIJhMejgU45xLBKwHtArUeVzmdzkYhYaYeM7liAWoVGtIW
S6QkeWFGJEGDxBsS4ritw9iwsJkaenzLhdwtCNxthhpWwPSUGRoXCrECBKhpMxswjMIl8xm
V5IIHY+vQFX0MwiOo6s2cv0yqygGV6BBE7PiFXNFVb4lQCss2P8AM9o+sE9gl3hY0VW0QJUr
vG5LRVew0isUw8lGYBdX6irOQYeSFyBbTkZTowDHTFCG8Lqm1+omCVnfyfCFQydm182kEAjs
SM/NBCLedUfMUsHlhPJBUt8pTGVqTbpdSTjrMgIJ1xLJqkjoW4yde8ZddZGYV1YVHdFkaAVR
KrhILyTuQcbAQLliWcu8cZlu3isDGtIwpYwa2qXl5K8xAivZm/0MkMC1RihNzgnELVdYcvE
pQsVw4Ejr3jmEMNPrJDy38wnW+mIA2FRul8CvsRvp1OA7yx8fuxYo5lwl13rKwOkYbCoWD
kUmHvuIpmY9xwA27FtLMYVqDb+yVtppm4xUOYDWAbea5hlB4PkQzUMZWBoBOAEM7LwPqMDvHI
m6uHZwxItD7EQqabB4Vx5JhsOq5rq17lmZXC8cw+CNu0xxM5TkYoCYId9al4Gtx9pCKQiyUJ
3IsgB4jAgFwcJSxKQW5bChoXljA0JZTqFlutRUvTrLYlrHiVFACvMCsOC/ErtJWo+79GoWw
tW18MvBniHmaYd8EzoBfER88CplqIuVSnkNQZsvOGOufcZ0Qi1gcQSkqQMKZY4ZWCBgq1Mkf
ucEFIDES7VI3mrCLkXEFyi1yyvGAsAlWg8ovTD2f3K6qva0KUg6rHMAN3LoWeaZ0noyVd4dp
D7NVLxt6zV+BVxu85VSLEU5B8GVVVQ0Hkh21hcVLaNmIdicNuWCK5Sq4ShV5ywC05QVQR4qZ
UsIUzgqFXaGFR6b3KSAozGNdUIGoYQ6FpZnDitBouFxBhS5TrA177kvKFAvIcd4yx
1K0e78BgALFEC3VRjFwWuXFaeJtEKjcsS7tlfkhYWKqOH4qoBuykepKAG4Zh1iqxxCVWL2IG
S3SfwOY+gGtft+bmbDDLfgVFmf4PgMxuulP3MwT81sQIIfRL0qWz2SMaRRbSXsl3704IQ5OF
hcNgmFPcjY6mtCmVyR3HWI3glkXlhi8cwsJuDcLXxCNijDIpvt55iMhnOb2rAiFyVwbIpSsD
5uFe40jvC2PcVZI20TMOwJeIM074iypkWmlsSmWCh2rN3EdAbHCRJBd67y92MquesuKQ4yZBp
4iDTMR3YrDNLCMvY+0beFIB/AmvJrPFgsVD1NvvFVJBb4bIFCYfkTnQb4e0FBoWpAQJUZl9S
pjQ3iyrl1c8k6XcaBgekK1eEiZcRjliadpdloVF0txCjMC7jeqhar9COI/HgErpAXR2VvMvF
xMI8puWkb26BCmWi6uZRKZZdalyxa7bIkBwl0hQHiGwcHPpu4L0C1DMxc3ggBssjGnzKkMxP
a8w2QTS6XiFuIXVRkfUJIKUY4I9H4KikCyilLbGBzfTxEC2qX0SIscq18Mc1cFD7I2FggVAX
K3xCiCvFaxLBmOsFMQpKBQ49oR4LVZ5LqVY0A8M7l dozW7zcUWB1414FKrjYE233IJhNYIu6

yXBBjAFeGEIbRbi3sgKsYgqc+itYm4cGWZDKsua8scryyjcWYi5UoNZuOGklmlFGpQaFcxmg
sDF+KhAddVb3jvsBaiNrarYPmNwIF+6VdbPcl7HXcGtNWLJKjHEaVcyyOn2zCu5gihvS4UWX
i4c8KjLeRHRBchJajmxmKUZ8kvuQtXQgcJVHljDvDZUAhzy8QsE2sQyLIVUEay0vXhHqGf8A
rMDFo7VvuZEmyxAOw43XnlfBB6BzAqtlqQpZiHZImjfJc+8TKWs1KhGidV9S49QFJnkhAVVM
FgoBANjT67zCJdvfx0lvUM1QfiKUU0b0ErMtDZb/AMwCgBXb/dAGAglnROY1URt7t2QBAYq2
POo3YKKIFobBwxwtUkaUvnMrA1zmXtXzM3Z0lw3AWiLiEgS7BBDhzDepl4PzkUog2P8ApcWj
GbGsysdeqRtNAFvUF4LZWsBKTF1BEohtgloLRn+ZrQIV4gwVZG0Onq82cwhrUIG0vIthwvk4
hvILd5XrHMFcGLpQfMGuiBaN4zB3zkNBBNeP9CNDeU3e+ABHvhjNIJbe3QjdDVKSHU0bXCSk
reVXeDWR7cRy5YSALppjIOOnIuLFDL65SphrnuELY3hXG63BqlC98JCbFZHErcE5izdzcGRS
R4zHmoiZV8w6J/pzDUDXY9mYuC4YhjrACu9sU6bh2oqERy2QVLNdIOKMycZAKeHxFEvkh5IS
0dovfujLuK9At5iGApqLEqDtKjV2qKWwxnL1YQKXcMtRwKwPliaL4glt7bIVBlm453pUcVcx
HoIdFhh8Zs+VMcFw2CawBCpMkdQHDqrJeWtcsJUoZ1vErMoSd1mE82wfSO3A5cLgNw4Bxj8E
/wCESqrTb7URrROrthDYWyn5IZ029MK61ySuuLhKiFD+EhplcBGoN05nlkpjnTfEas2DbKHJ
NEQQiMRcMnhWOB5lphHltw90JDoI5gPI2Ie6R0TQoKhWxw3FgUlvdMArmLTz4YcCylIOYhtr
NR0GKjMDwnwLpD5IVWocB5gNe1O0Z072mK8XO8SzEsd0EmzUOMQ5uXLKwZiPEa3HdygSXmJT
rOIJRicW3AfkmbWrH4uHWISRViQPEHXZSGLfEa2Yqly3dWo1dOleGPPNI67jalHe4MfhKU
WacbXMKQal3X4h8FDKlvF5qYOmhl46RiH1hcqYnOgumnZjvVohthkacHq2t+EibbUedo86nX
IwxPIDtrjwajwU+Nbh57SyakHKqkjOXNLUBpEG6BcxwMTIoO1jh7kYEzeYi10MENRMekgXEQ
L2rbuAuW3KgApApIFF33jG8h239xMgx9QI3WpbwCLQSGjBmNTSeYN6Nwhot73AdkpO6dvSOO
VOHtHoIVbngb8UxbPC9x1F0xaGmh3HZRjRHZBS64Fw0XsrZLauJDu09C66TJPaO8jfZMQILz
ZBGIo4DgZUG0AAHAS8MBUrsh6uj6IYvqEMPTwwUOBz3OsPZpA5VaRDWPGWYHG5a1N1EeKFZv
mVe3sVGzY7jZEt75IGNYewAeGhCHGY6HgcZ2etG1HpdX9i6M5VEXxHC/X9sUt2iHos+htl8
K6w4+cMxw1gb8PUGHJRnoHb9wPpcP2dyIlhXwrMBxxEgVKIwEegj2J7AlrRQAGK8QDKX95oF
hqVdy1WGg64ILA2CGx/0yjVsR5X1zH2xIEQfi4hpMhsjd0n6vU0lwsRtdRLI9wTv18Ry2hx/
6CK618IjAidGyVQwBfnAI2FgvyVR33f3xTS1cA1FHB+XETiUY4mUN2vLxBczWFTUySWg6a/M
YU2YZmalFjS9yDV01D2yGULr+oyvkBGINNwMCMx7ICozxKqDcVY0gh1syus9qBpFFmRaTZKu
E+2vGe7MreQI3QoHYyZbksKHUfMUQuX2x4pUVGZmg3HkmFTKqq/YxaWENH9w2WKWlzfJ2gjJ
e+V9SaqqzmBXlqnfk95QphuIq4cxkmNvAuJsLGxzDMJpgfhjcgdjMHUA2urH7itNrydrCJ1E
5INpdhZ8Tje7R1NnwRQVYRa4jdlmQQe4O4Qr5mVuMZ3/ANiEjXySihzqY3jd4CBBolp6kIX
vnA9HjvAFaJ4aI87luSFjFXjBHCLKQ+XgMHqICBcdn9gAkYxRChDzZv4ghoeg1Af8HYx08kP
eKyMfaFZFQfiK0dFO+sABYk+5aGHVpJN0RSJboYfHuQSohvEBR2wNaXiLpQ9qca+K9nP4IhE
hG01JIN7hP1CkoB7lQDayU/cHAmBv3izKInWXuWhyR1jKB5KIUBpLgCwDDPuMvY5OkUCqbXB
UHF6nK91mEaa8rdJsnTF5lhudsdpSrTCzhi2US5R8w2hAhpwh8JcDqCDVOWjMUgBQfEWNgAP
BP1FZlp5+mYBqn5vRMO7GwoLgriPmEIHVNd2DDbMnQJbUKbGBWYCXhAipVhIYqMOW0HXWNvk
B3DBHHuQWAhUVDwwe7GKUUb33/rKa1315VB4osqrJISokzAY7GEvB/wBSza4pF77we8soMB9m
EBE+yNI+zChgezL7OI/cJIVEACrkMy1vBmbFHDRWSq8ROWodrQQKI2zTOE6hkggNsXnFAiH
ezpQQY5p2mucnQEIwiWmRBcDmypyv3mKO5sbarG7YMhCAqmB4trZSEnrEXsXMSGiWS3RpHszB
IdK1qaRbg+mYOx+460DHmp7D24DZYWKGTejjXK9j9s9YoXhDmleV1CzU3akBkdr94YdKEMt
ri7OvqsQMIXLil5gJ6yhbUYwChx1UVaCu8rGh+yWMnyfZEF7yX/T41KwqCBToLlpcOYzFFmO
uoD+CZWdV5rpArOCVkoVp+J2h9yzQWYOrGsrW+ektGiowjbcsmahgqLgKfgv2ioM1XaGiZOz
wxXHwxW+n+SY3uzmr0fgRMOylfMKEbFmKaUPaFpCc3d4qipWg7Xa608LpLEI2/cTKUkVIsNa
MLUH5pwIHWnQKsMVUC85aymISSgVdAkpflidqBQtqZtuEGdSeU3GrSO+IEABw5IcEZLYMN/s
jSaywj2/Upn9olTAGqY5KvGoyJG1RmLNvaM7t1jK6nm2VAhD11Ub0FWTtqEasveNPgIJsGzr
mGLBmfa648xnUqIA56RXeHzLWBU5S5DW0ITHKEKaGk8DKc138yyQRblvF7yfeJSQ0gsCsHcY
5KrgywxoqKACj3jc73v6uEi7D4KakVnqqlJQg8TmN1D2G982TvnPkuUH32sRAhk6RLpQWlrm
4tdAOUQOsIdLQnVNPuR+XHuEc3h0xL+EtT+4ZgxBdIIOUzAbNwZ50wvYBmLcJUBJwAEajANW
BSdW3MbmQr2gVhdYWJYyoqtjwRyTdri3L2R4WpTWtobjw6kg0f/SMJxNoEIIqXCR66+ISGZmK
pgxn8xMj9VKVa8ROHJX3hX1oQ0Hv9pQl4m1sq/6cRnyIyw1aXcY/YOk7wttdbDcGR8L5gG1s
Oa6wuIIJ4oOywgI57Yd/VDtCxtU/SZ5vgku9NTqHMMtobVggoGjrS2VaEe8LUO6GXRuWOb0i
3oiVaNaJGEQbO874peXLKESU64RXmJupB7C2IianpLeMhxFfe8Xu6/IkFgFD5llaWB0hAvVL
llvP8RqvUfkGXd5gNjW4aTB3ioaFdShgkR/IEalqZD3KvCMCwtCxi8jBHXZ0SIVAggyZbBCy
M5fiD2B9oGn/AExpmlNpbRBbDQ7kw8XcQVPB0zLfJUDuQrpUobqXuf1FvFS+YvWy+5WlwtGD
+R+CavB28GYmoQ5MgwKxcfEGGd5vyqe9rTf6lURzJxTSnT/UxSQrgoOldniETcD7TA3+Ymbz
4yFDfVslTgF1qqlipaNSrbthnQ4o/bB1VUPwxB1vWQjAJELTfBDTYtWeFRGLqofKTFH8tU+S
EQvapCuUwQAgwXSpdTr9hE5dwlZ+2IgzlkUAc/wgGYz+shqhMCE5DAJi2O41mQ3qyIC8BfMx
mMr8P+rhigb7zS7D9R9jbCeQYUCb3rT2MS1z5w0QTXF9sCJzobeap9Sz/BmCTFglYLxBKif3

WpQXmGJG8zx2hKt+YlZBBrkuU5vt+ZUU0twmSpdNPVbiAvcYJSx9wdCAAS/4eF5nI5XA/RGS
gaFHnDajFFkP2RFwEwDN8U7BqOgmpRSQIyxUPwkaYGaHxdSyaRyRg15zs8qPdg7fTtOU4rB+
l6MFoS2x3KMGF1Q+7mIEROr+sX7OJnMyPchKPLtDSCn3iDqoj3+7UbglMJZURFS+/YiATWu
7La3bFdnLQPF2D3smGYQCFyJPgzCFv5yM1LLoZRRqgQT0ZjDAAftgwihBLGFvDCK1ukq+GaH2
+QOKeSZi7scZ2xZgoM4yAS7/AIPluX2m2QJlQ6dhlUcJcAWiZPblMamIDuprqJN4ELZPxMu8
z6B1/wBqDDzDZsiBmifDKYBWCKmuLl+k3Je5aDbHJOIRbqqwF0Xajuyqzb2KhP8AsRHUcKu3
rm8DMxWmvQTDyp+yEaKrRuOikBjrO8eSbR+yMdtXo+EovSqSCA5HS2OpZo2RpgvGXatTcVuo
g9GIJARG47TYkd2Xz/ocommtBpTl5ah89hWa1kOCRhXchiXdK+XKhoEbOrqAstZ+zCgd8VDe
X92ApcEsLnB4gIZ1tdcmPYuNXON+QWLrpRleJq0WLoNQQARkYXsDcF17nfr8xZ7VebUolmQi
7QocBH5yHUHh/gM4yMLfUxj49jbMKWAtjYmXuiTqKDhb+xKZp9hErVoSTMyS1/H3L0W3IsiL
I90P3U0Qt4wzfzPmJSPQRVmv3oIQ2qGvEGYOMTyRDAEqxpALF3C9KY8wBGVTK6qC19JZUCjbk
FoeBHAck5ERJtQe5jUwll335JSFsddmLtkMMvzb2cCAAKrKyzLHRgqps/MMiNROdaeSKhcum
wyfEVEig+GW9ofj0QmMiLtmTNbBD5oiutY2gl8rCawHRA9iebb+VS3sPygF5QPY/7D8Ck6BB
+WoniKMAQC4DNYoIafgXFi7sSLleRmR2rEEUEK6eA4LR5yEqlscGlncjwygJExTQxPQXLhN
EcFbw+rBqoaiKIUFh0hfVwT4wQZkV60l/sZZCUheVdZhpVT0m0m8GYC2foITTUJbDDRd4skv
JicJUo9izAWKzWYj1j8pR74vnEhjnG/OoxUdQX6GkYV2n4lr1d7GNuy4ijkMOT087IXl6fKT
CU/kPoYANeVn2RmoTp7Rfgl4N/6iC2csIZ5K+IJm+MGXcxfLBc8hHuZhmAi9Gf4Y73eV4g
BTMDXW7vAOm73zU92HbxDIezV3aYA4f6Er65fiJz7VOAl/GYVq3d+INHQ7uiO9izRHLLtvZR
rSVfnaXHLm3sYXyQ7VDQIQG0ILT9UDOAwxR4K7fPBzLDV/FBQs69Ia9iDpaWvtDBQMMC7ZV0
QLe4ZisoMC4tWMEihcVCm4I8Lgb+IQMVzGuHMHGxfHoXN/MET3Jb48Out/egCcZmT5JWuhgN
QivaoiKZgi2voMVP3ELYKhF7g7HggGm9nW4EdaEWtKdDTfnH1AYSyF5OYO9GSxw8CI9SJWwM
1Z3IF5ipwpISzCqlKOq+soHWEhho0QUELE4yVRt4aXwykBhiPJnwNsNZsN4S2fNKMmcMfBO
/f8AWEH2fLFR6JF3SGawSfBC5pz2ihIVWQlV7oeFLbIF17WQlk4rQxcNdYd5jyWk96orGGuL
Rz5AktVSCycx5KWvQ7riGVlh0yu+9DG6Ng7FVrXrB7xyzzKX18cRJbyXnQWUy7eYXvXBN2ID
OEM+sMFa+mGt26W+SKoXNQNEYBA3r/ZDUNlqCz/VQb6ntaSnw5mQnM3zI5qLEsjgg67zdNwf
EtaK3lhwEF17y2AxPY5IWkds0Y9vDfEIPJ8DxOc1BV47ee6UoUWl6VE9vkLcZUFMuY7gUS3
ig8nEzETJkgIHO/MKgWujmH4o266YTaM7g0xaHifzc+Gvgg0Dq/hBOAZ+KgrvMuHsRI3F/tD
VaH8o5lwn/4g2HADzg6IQ2mZYGxHhEjBFpULrIBZ6ZTNR0JVeP54IN4WwL2XEDBvDdjmUCy
JX84hhVAdSQU7sES4YL7L3IseuuXpKj3rQsle81Kv2lahpqCh4PVNVCPuqG/f9AcHR9JXAI7
GWUNmySOBJezt9SvQ813lp4UrSGZbKLpXKHnjzBbcOCsJn6B+wFI0pfZOQhkKRBwXLZBFVNP
DF4Ncqs1qmw2S+yFv9x6BxLj0ZchywXwwh4sulL61YD3g8otLySueKWS9wlNzLbWOBVgjNF+
YkZhLmdOFPqKwZdwBOJ9sMHsUQfWV9RO3H4mWMAPhlc2iGoKxpjTtlwY8pLlbBWCwsE1zBXO
Ed0uAWEBOojmOmEGLA2Fx0ow9AveHbLOZaMOIvKKn7kAAIFatDGqNVF3ckbuOpZWWhUWCAld
gv4qIMHJDJULhKd0pdOqLpL4wQD3B9PSrq/6Ib/BiIe5DXIC9shpH+Gd8EQ/zZY0WsS+Uau
2hPxEWlwh8whMXTVQOJYVD04WiCnSFEUCzsxtmtLdEdD5VHfksMXhe9Sy5029SMhYy8s4/d6
fv4zUPRf/mTvDUuG9ry1VsL175CnZ3RXE39xOIGF95dWi7LO4ZQD7w+ODXvHt8MleIJdE8wR
3eR8kCzt7wog+RB2NKlIC5ASmTUDfwJVwpsuVshqs3Vi64jLXU4ZGurCaGB1Bpa4lQmqU8Y
i92RSOcJf6ojqLwkWYtq5lJpFmE5HzqoQaPGfLNV08TvGr5Tz/Eh/wAfh8NyhjB8R0qZZNPN
+ahbsDuFuk1PaH8koSxDeaKIVicRSHX1RXDS2Fw92NYyvGNyWU2eY65gJcRdFTEUJOIa9DKs
ExdhVyWXM42O3oKZHWqgMy0p+L6rAoo0ZA1RaNaMWgKXZwc51qJwblK3h3ER2koLmLfROWUr
N/LkIX4qVEDxBsMwqhZaRuZq/jDLUIHu0vnSWOghHM7iroynl2Ori33afYCED0GsvMuQspG
Vd1vm7iDAWfKj8oW/EShaHPKxvw5XgBV7xlVG+DdwKC6CwtjTdwE1GKmbY8ZCLY5RV6sYhZt
HbPMIyrleIKKVC+9DpDW5d0Ev7XoH5T6QAIQLsjk9KhkQlXaxmUrZEKsr9GG4BAxTD9h0qIm
avYwjdmNCVdviOzFLEbGJfUbT4jS8sU4nUIeJUGNxXiK+tmRRZZAc7Zs+jaqLWNsOU+ImtOG
mBMO7qHYlM88mJeCOnBdC9+GbZN+e8utm8PJmMR1Jh4aH2sVayv5NEI72VrEfpDTfzO5mBFS
zaz9RB5wEdYBA7J7DEKi2qmG64vBG+4BHItFpLsP49F6wM2bJbQPWifsymsUcHB3YSV4d8
qNEaiwGzmYV1I7T5uBsgbrx0ZRKi7HslxRhcy4vTUQrxArZTcqGxl61nKS/7ISBsB9E3JjJf0
cRSOK/DUbbFcmISjDf2hqXAWUs42pflZQ8xeg1Fle7F6WUVXhGGazSZzgXjvNgVAocsQVZRw
ytDqtiBxmNCEMfiwae1xCINZ5nZKz/AYwKyjS1uMC6dxih03YJ5g4hhrVYNWkQ1+nFIguWIT
UOtHc5EU6LIQjFg2HfSVevayNp9AmTymJOMMEFvBB0NCGP8AIEKR3QgmcDD0Su3MtJb7ESHg
UGh4Zg7FTNnPVKU2W1HBC52rWYWGuJzMzIdaqW8ASWoNuE0sJnbiCA7+Wn1GRBHQuFDNc/P+
pXwHzX7hygh7sZrAmWt+aiqBvP7yhjLupqXQatWfTAMBF4sMO8LrYMcRAIsOYnfNgJ7MsHeh
IJWDnHIXEG5XbImyQ3UxZ1mOrSA6vHeCxWcsziWVl0OmCMteFja3jt2jRM3ulAuB31kpUqdE
Xh9kmoJ7lElDpzAnwiXiRnUMMqpr5oBiKsngh3tJHVWQ725TKG/+jMd/BE2bwEtnM6yC5Tg/
JFrd3mcljLxc4UNmPUGh0mv3xYlhTIFRhVfMonYlvaxlulPkhM1KU2eZ/yIJYUeFr7Q068s
HJ4IZV5jXLecCKKNITgFYjKivfMWuxqsolVAl4HfvFL41bKSITmBJehWPkY8PaPBzABxTzCv

KqKMQUEFxaCHIy1GrqwF+IDQzfCsDkJANy7pK1ip8PTvFJF5A0YgzlKlXmWgYmOut9VL9DpO
Ixo51GAh0ZkzLq52TpDyrw9olDwxROuIgLwzv4fiFe0Viss3iZ2I/SORVSnDU8sQm2F1Zics
e4suJ5jV75+kOUOYDVQXf2/cAHqZQ++EskcehC0wOTUGTDSf6QzhQGuzUuul1mutQeyEcFFx
N2ukfPwIBXZwfrYLAJOowOzLLwEoeGXccHkhVZny3WOPWR8EhpTZLICRjuoDg1ljAxxCI+gt
taagaXQAGKkCnmVkoTBB9XDkQ5VWCnw2Kc95ypQLsqc3OiLcT5phyoqwEuruDfeDatZpNkDk
Rp5hRYfnyini1csHRVQqJ8EVvDL13qdZKtiNSM83zvE4qmSF142RL4h8wLI5bXE80uKx1n5u
aCC4NsJb4v3DwLPc4m3s9HLyzMP6qVKNp+YgdXMSQaoAXQ7uJAUC3hOkMK4d7gV1emV4bI9x
nuQIokr176vM7xgGBYMW1Z8RhIRTZS3K6U8LyUHqg9pd3Vts/blzLtWDHErt2mIqiJ7RX7PC
NZIxInmKuC5TihgLc9TJGJSnhqa1jhnPUC6ZbtN8cMreT+JU5Q8w3w9yWwxev+5T1d+o9Ro9
iDXUNswLm2LapSoF23KnXJAp0C2Q64NykUypHBqcNwy7XMXpnrMXNvYi/KKxdCGr4huWYII2
h5ka2MOMmVj1Y6Xu+oy/dK3w+kKdFE4Us/cvTtXIYbuCZe2CtNtQo3d1MT8b4jAudP1UfB10
Ai6kivUuuUcVBRO7b/JLwPcEoGjKU6uadUhot1iU9VJBoxvZnqrHbpiRnRr/AG5BfW3wZiL1
Q9eKVdyrrlyeLpHauuB/TzEpcMSk5ji90MBxsYOW0sCCS6s5xrB3ggy0PyMGmgCJLEBsJkdy
WfNPoBK8leLhKrmZ/ojbr0tVyR0nKFgoBniyNs46zLHgJW8zb2ljGNHUji8EAQZgnQgxZQ
J4xBCVfzr3HEYOJ2AB+oQGIE7Xr5cR3rbcRvSCx6i2OcK8yrVZAcMLxdYdBP3MmaltViTlh
/JE1hbOHXN89gEjYOy3D4YJDcConrEdYh3gHBKbscJK5032ObL9GKVEkFQ7u4b7WYuvtb6R
oVZEyGoLX4L+YDD9jBNGNoU7mHfjOYVKedsGMUjG3ctPeW10D8z9yMC4whzrrKaeOzJ+FE
fcP6IEsb9VqU3Lbi6N/rMz2I7gsIE6Phh7nSd+YrxNOZYe79xHssAbEaif5URWJJrVHBKRX
QXVKALr1fkEsQKIQYi3HargCEU6SCMZRIUDf48WJc5I3dy6txZiVlq/0yihg7qP6x+I+OL3
3LidfzvrH7QpEpH0Cby6r847g+hVNkYCy0JTThsYVx/OPxnoxoGVzUeA6pj5giiXP7giu4v7R
/iUt1WUCoRyCyfLNLkJthhsjsWLvVHoEDw/oQRqtGFhMXxDyNwQ8iK3y+hM13gA/j7EB36I4d
PpvX3m42uODU7S97+5Q/AbCcdfKlRmWGu6eEOGVFeTWEBAtAyyYo7wRLgsluEBfmJkC+DXJr
UwtDpEFilJWhL1Zk7ku0SvCPIrunkZSSJT+wY30zcJsB4hxAkzKbl7PVeMyPEVwHkrNKjw9S
WSsXrrAU7u4sIvv1jlnL5mVhDI31nmrICQ7YMijIXhxHz1ii3tjzQt9XUurIrs5D0LWE9YNB
OI6iAyhFmaDKaXXlihn84txeZWgx6jgKbnLDjbKovYlnK8Ph0ErAKIsLq/EpscfSbMywc8k
ceHxG9OgfmK4tX6fqQZhUtc5YCv5uK/M+piRzf0Szywpi1+hM/GR/nGv0c33nJ5I4w3+rZlh
6pprvyWAAFZdHmL7zePrFoZnBEnsOALTTG2WKbrdgv3MrxogRo3dYIRQUFF7HT4II3CcOtcI
lrmKtLOsN3MpbboxKYxVEqHJbFQnhS5SsHqneArMBXWPVq5jq3+V9KwdkjqhZXDOzPcmOgy
Ub1pZjAuKt5vYI42Xdaij6EYywVXsLgRfEi7XADffEp+2q/ORzkTFUsKGBcZNOzBe8IFRqZ
iuUPGENa5XAEYZotnLy6EicU/wCqEQM4Llml9V8kG/lkyuom+fbHcTk6MSk9IN2/tEw8nocs
bQfeZH4n5H0huTswkBK/Uj+JN/mJdphiFK5llycJiGVfwRYNA2LqyguzuhCdhRwNpuJkAWqC
NAYuZJCnm3i0K4ILCbxCDAQ5aUEdyKxYzdfSDUFGFQ6Iyhmaax4GUUF2W45iffN2lp1JmDEF
arlCGqFTmHSogJlqjNalmEq2yKqE6WKOTVkBvTijgFBgiO/EaMzJWx1zh1Jsg5RzftETQh3i
MKq3U6KXBPf+e0FRQMTLrRHGDWWhSPYJupGXQJ5XL/PJ37dl4SrdR1NKV1gAq/NGW82IL+oN
jSUz50Jzl6YLi0zUWCOIMkafxwQXyRZiDD+XNvxPgX9RcPMvm4H0n4KL5IlndXEv8kLciuq
JkWoFzvUo9sQKjmywpLT2OvGcxYcrgYYIyYmZhfz/RMJPdeBBasHQYU5y7YqEYCKk+IULQbJ
Smu6+Eh65sFtwvA+CLUiq7cKXXJB7UFRQXOCj9rEJ6pPwHBE3LnazCmqp9cOG2BkFnDG9HO
J6QUQzFUZqJjGYFZBDMelOess4CIhcllU3kuzAwDpJMAOhzHGq9Rt+CZYymQhZF3iZ5I1o/c
xANQuHf6Evb49KqTVOUrIUf7SJwavMyM3m/BPpkBF5mvw/Xoop6xRDeYuqVu4ENF7htuqXe
YIDEUy9wKAvlgEW3wSAlvdU2zC18x5rp/hhUQ1/j3HfUwgr5VQ/Mu1h6LLLyu3pNF3eKgilS
jh8qZQpV8ENq+XMzIvZhnKnpBcGC4fRjv6d/+8ma5KsMa+lg16e157ekCu1RQMPpK1ONSG5m
ShE1dyYBfhv+Rhy/OG8ykT1pf0QcDPedhh+SikYNVK8BCoJgcygXU6ZBLhAR2SiEw05UDGDI
Jez4gsPfMy7p/In4ZBz8xvlgFVc48ij1hHUXSJrIsLYaA5ho4cGTyLE7fnlzc+W4Gwg11/cr
6ASn3X4Yhh1KGeAWYmJBesCU0OhD2hiXVOM+SNpYXVwAlmiBpI01+IqNkx2PR1mHarhtQbCH
VxrXSb3nJYtel+GHM+ismL6zXXKqj1Btj3WUDKqLhl4rplCBsSW6EziVtah6q9gg18xhD8NH
JPN1GRX3xhlrrLpq5WsxRlzlWrhUtxgIx22Wt3z+oqhZS8oBeIBg8wtXBPsCWjmkAOxY+kR7
BLz8wc7l2YFsAhxLuDRsxjQWaOT1Aq3lZRblkMHBLtw/mj7lxIo6rfsTDF3k0rKA4hS7SHEs
qx0K8PZleLJMctX7xDATlmi5wYDMz4MX+S+a3ljtyayvKnBftCrs6YpQ0OoUETewjXfHT/c
XJ5rQHRQrhI79gmXQ0Dj3Y3p2NEbOeSteyQvfCCLLeluGGKDjy6U13T7Nh50hC2tXRJ12Mt3
1GWHVfeYn2sMD48ie1GLQQKQjcsXqQebUUHjFBHbTCLmVJun6ivmxu5gEaZl4nfpJv5/Us9j
0wpLvhn2xmHsfUUmNJDfMfUy8BHoCnPLWN0fYIVpVLAX1AhM4+n0Jbv+jvKw937e/ouuzo6S
Vootlsmv1MduLXheIFWtp1eliba9GkY6JhRszCM3kwVe0XCMiJ4myGruiPVnatfiFbgzn2Tk
mOogxeTmwlx6rl3+iwE6VLNaiYQlISq31ov3CM6WrUDizGM25uWCWx63xG6Vhw6ZxITtMfPA
jl6kFgzJMLKhKpXcWeZmW5IGxRwofxGQLmOSkR5jbqYU8daJRI3Jl4UJ1PRxMbeRmMM1MFIW
IRAhFF+pOUio2wDmUrMX7/1COc6ZkF4iCIRPiNGirH1NELI96x+kKF2QvNvdixf5wH+X3KIU
35LUTJSq+6EGFtlCCu3VDP8ANiVG3YHwxep2wNRdRylq40QKh0XGuViuoijGverDR4ELs47w

axLmvo8J8kqFNYhaULjoHTTSeJT6zNhW4r/5DqilraPAaqDYaSFzEEG/wHWAChQV5e/txGvp
COw+bkRsNrbA18sGs4Irx1YazyxbDmUIAER4LKpSFYZJaJkPshQpgJkPxCYFyra2vjUmlqFG
usukzS8LgswsMYiWOg9uGUjQEw4WfEfaJqEGGrLc159IRBcehPJvDXtLwZcoS7zGzuwmJ9A
l3wvqZcnhDdMg/EqCNDfMUaGCzcC3nH1FBurpKT479IjrAUXz+iJB6vqOwYq+1wF80BRtwjX
cid0Ag14uUMGq0aiZXwM8mZd3rMPQk3ra/h/EzQ7kxGlqHEICkY9EbZlOAJty8PeVes6pwkH
/tHLhWeESgjbhlmwfbMG/VhwlilpDquLiG33lapm8pEXHNAL+TuQHZ3AKTRhlaLkva0lz0qy
cJepx3LzVeXKNECg6ENdECET4OwF24uVJ1zCABbbsjpa7vMoAOGXMNXpKlw7HLLh+iMgpc1L
bjlg8XcuVuWOKy1CrTt+T1Y+hspLZ6uiLrk1ADqg0MccoFmCW1OU+oKIO9zV8wikl34/qVFV
bERT+CF6+UJxmRzbFyYfx0IE2WrtVgFHxixMTMUwyAZDoOPeIZEQPCTReIsdwVmCDgRA6kAi
vwBH7hBVY12INtU5VIw5LjfEezf+mVIMFmqfAaJUAkj97KgVvazA9V5uPZKl27lDsTwhmWGG
6wDxCXeaKSwRemdG3MTldHkhSs6+4qFV0v6vtGZhghGH2Q9gkY6XziJD+8D1th6MtCl4KQ9jt1
Th6MyZfy8ywpYGI5qdHMMLYYJgEaDawk68H+iFSiwTBBE0rkPtMyMQoVbwCaCYy7jj2PqMgY
19S1z0ik2biK03Oy+YPCY+oRpuudTPV/Cc8X4S8I+EP/AISXq/ARWUmPVwMHQbliDKdWEbuA
FzrqRTyyoFLesVK+c68pb4PEIYi0zLzfDDQihwzobIFuSiMAzKRERckVSrWZxaUOE0gUvc92
BW4lscpcV6FbjJRccQWQ5Mqy4X4go2xUyfkVHUyVfXgHWYmVcOoM1ZKks8x9sbthlhREDox0
KNayTkFAtoXZzCoF46OS5FZHhjT2aFWWvnMCi0N2wdrYOX1oKL8Jbz1kq4imgotWXwtwvKx
pARDWmFUz2TWSIsGuSz1LFbBVw9xEOULY3joS7KczSjVURn4/UeZYjPEbCLIGH3ca3j/10mbU
v8oqY5caQ2Sh7zSm5Yg50yrmYMQ47zgtUTBT2VLQIgYkXWYq7Q85XHKPGgH2Tinp7xrMWAZY
4iqx2o5OWeQi8nmDITAsdYZym8dEb0HoYiwl1bHlqR5zDm3UjZ941bIbvDqBEu05iR4CfCp
npimQwrRuWR6Coh0TMmF4vtCiA8B5c3mIsVzuJ2S0VEbQr3j5VNGBXdeJvHUV55ILqO85geB
IHResWRLyWAVlp3GPFg2/Z+2PTxNK9CJkINbmSOKEJ1QrGG+cREMVZhgVKlFhYQhhXocaJds
AVLSMFRh0mCZxcWmv/lwKCS511JG0ajcZeYIFaIryQvRbbZW2y/SJiB5bQecliOKIeNvMRPe
PfvEjUUIEObhaJK4ma9I30gCM0cSxkdhBDFnliGFy+kdBZl1XEqTYuguZ9RQvBBpa+LWWnOL
KrUF3/2S9/EXcROOJ8RENTgftg4+0tz4Si89fqaxrmkTUr8VqdCZpI0SW6mkgSHkqEGZjfZM
LT0igBA2rkl3EV2j7pePchuEsEVIES6XouGqBpol66Q9smZKhVQQ1ZCYQctTNxQBm4ADiOR5
i0IzvEAwLitmhe1r0s5EPHj0Ri8RIBBYdSFJ0YCiM9cwqQGxhhCWmBNexEB4jCx8zNlmtND0
P3BNhxGPaLMZD7SiL30h/AjsY46OI0FXca2KiWFGZQCVHEjIw7cExdlcPEanaKLblSyraAjP
bylZUlk8MwLIWl9IMVqkFteJAazLnBCHA+nAzgBHvDCoR8kLRwR+ZiXfRGEwt7oWKPSMK2J3
lxWOimlotmqmVISz6J1ZW9SYQ+hDJ2JDsx64TcOZqpcVHtBCCqWjX9MtaOq4o0yyAW9SXTfe
fMqPcY1A2PGYgtkxc4SrWGNxZRFoQWkrOLOKKlcbMxV3YeiF5BUaMaxCVlocUblmLxNU3B2K
j1MCjFfzKQg9FplYFAmdYI+TLi3lm9ctxYEEYssuYqgV98OBxOIsQZAlTH8MweMoZWwjManki
WUsFLuJzBiZ6+IcBgv3JeYQg5CWV6lizcd8eO7qcSorIYBLPY/cXMwfGNFEUozEYHcx9kNox
XEuX6GYFxFhLhiNbyuB4j2Lj+HHBSMS4UHZqVm6AjgeDmNO7V5mfL6FkeUdyBSJwFaY6Gsz7E
N/teHTuJGFbYhqowiEIdJkToS4lhwk5MU55mmIh+My+faXw9ZjX6Ab7xnTrPaEqTzNCOQgnC
3uEJimb5RJqMRmCdVlzF8M44zpmPEMN8RfWmc73N3pOSD5IxaRC4gTawZa0QF2JtMAOZ6RK8
QjQQIKytinmNnKrlFuEjNarH1TcpgJagc+ZMVAHQKi0AKycjhgHu73DlzuHdCEsIPM4gYDx
ACm5jcXBvRESyopJC0tD0AqXpZyo+9mMG/2li3zHqrip8T8Ux4yTKvMGp8QVZBjjnUJ/94QJ
0RjmylrZxD9cCBcsNTWphBG1K8HjJFvLuM79Jzg+IAXR517VwxykDy5UxVzRpK2+MKX8xaW
iTcEF0wwh9+Tw7zAJlhUzGjhX3IUe07GxExC8oveFNMrgW+klS1FrEbNvglaHPpmhm+Vi8Xd
PxZQieUUDjMuIIK5IPss0SXVGHPosoRUP/wlgoyd8ROIoWIAOu02QigRKNQ23UyuJVKb5heF
QPuT5l9CIs08MOHWcYZ1WdandZ3ZZTlIDpCtRd8Ktsd9sN/7qlBXiGzfETgO5xQXHJkrhRT
Zfn1NI6nnM2+bgRcIYVKsulA8TP6HgvR1A2sbtMTBuoM40vDLwbMwjMjmXkbJhAD8PJkzSxY
7gXqC5YqNDKXlZCNF368heLm+55yqCoLfmOck4FRMWENQaTMtwPiJ/4gTIPEPMecB6J25mix
7ECM4xFUYDDoJBUBcdvhLcMjSB4imlrHhYoYQ0HYikCK0RxZCSEWX0ZwfQrEj+aKFXg9KvWa
0JxcAILZ0hO3cIkIppwxwI4jrAvtL7BMrZHVSPoYoyCzmEdmOwbjDDFe6Cu2C7Qy1+8ULmTW
PNwAy3LAhqt9IWR9JtRCNcqVovygq8gU/ZAEdX4ixrVXvkQGmITWFhHcjc7AeoyhPF+IhBlG
XE9fRXkvRG+3pt8kyTevV9aO8wPM/DmUQisMKeZiFh5Y1bhgDqkrJ04ZskdwVTpshlo27Mr3
hpW4qZVMmdSsGWdyMeYiY6wTEBW2DjsS4Ec8oATpZe8REPpnKpnQJejdYqxQDkRIHktHtwI4
AA5e8WqNIPkQCQYB0lyws7MHjCEK6SySvmdISfyid3R6XKRYp6PXce+XHIKZ2HeZXwynf0cl
nuyZfMvUv9yPYdZJguZQ3GcwewSpjTzAyMORgnei1WK2GMlZQzfoMuKHdBMXBuYBuFMWpZHh
VYixPQONgv0s3pLCL7dRjl836YZig50nkZSEelETvHAahvkgzGA8NmCTUUECHodyWq9WYSWp
fM708pS+EpNxm3LzOSH2zOZIEsXoFqShOzCcyIZgdcMKkbyQh3G3VmCDbg94Ym5DbYyLtfj6
BSKkuEXFhMUy+vJSDCh3ykJO5lINyqYrvh01iKGHoDo8IozQLbuCPzMK9ATPDHJgFrZEzBVE
eOYpIHzGCABRldVyyqfJK9hsgg3IuvRSPoouNgNXlqC/2SrQbMjZmPVrflCsvymKriFFPbL5
Ab7zcSgRZkuSur0KlkvExXOOGHv6bSiPmMWPZjPeXbBibJp9Xo5h6ZAwxDGHq/R6lr9/SWN3w
U2mrnDKCzfmMWqQKQfECXi63CVGixO+igMtiwHmyEFyMfdU4IAMRy95T7nWWlSkr69tXjSVr

HmN5V+JWC+ZVcw+6Znnp9+mFVfosCXHszLS5kiFlrK4149DNzRxL0bC+/tH6N8ehfRRj6ENR
kMiGs/L6oyzLIQaTvehVMkWpinCo79GTyYQ9+FUyzHK36I1ObLeB+4xHVDYQGVYootYUkJz8
PQ5dVzLCFJdvrnYd52I+iE9adRfjIE8rKA8xiMGW4MZiJnv0WQLFJZFukU6yGEaWM/Dyeuql
mPoWKXLgxQgYT3IVnn/kChITGTws/EtGGuSx1HMeJLy3EvKmIuNQfE2WOMGKn1g68ErDftqr
juzXjRF8f1QwhX84HnFRS2tWuOZBsUFxQGVpysGOLH80YYpeLe4L4jF3OYaeIN1ZbKgAqe9a
j7hcF81xBsKREeEmGa7j3zTDGCsasQIR14NQojOrrLgIbcmnvCilUkPp29GPMT/EMGDMhCcv
QMvQHFhOfcwRiNpfamWIXaT2tWmboKvlfSTaSo4VIP0hHLccY9GBOAwWdtZJQRZZeSFCKLBQ
V6K0VNpGWs/umMqPAQFW0SrYFXAlMVizkeGUuloxnJBrtGlv5khGFA9Iduubz6JDjHGoZbh
JOWalhp64ZfUwVCjzH3xqA3Cx5fU3Kg9SD6myDCLh6Egk7/Q05nclOtR8iTavRX6ksr0mYbm
TTq8D7Y4zKKmqSzFiDFGb/dtHgiwm/nxv9m55F9mPhQ8naUGDqCZekReVr0uO5eiYNQHJku5
lGcPvNlwHUVI+geuvRz6BD0OIXDEtqDBiZcGKDF39M1eQnkYKUfzKCaGB90d9v0KGm/7OX0y
mqp62PMKWUejLMmHFTKE77/2x4hlY+dLo/zc9h/VHwZh86iv+XEeqnncxbmDcPTV63LFeZsO
uZfPmJwzmoYrBBE/wH1IM49BuEYRegvYMGmLUVXcJGHGsGPKME3WOK0chjFDB2hFX+oVttBb
siqD24HPCqlegOfcr8srMi9u0uLuVhqGAUP4FxO6aVdB++tVUvZEaAVXBBgqtpRW11gPCWU
QXAKZehOmLfArBWjH4pWhIFUamardNCqp9cJsJBLIAj2NkvBOYNDDAYWPS1EGJ6Z9D6kMs9
/QZf+C4cxQX0U4I0sRhSwlFERadX/OX3YrrKN03iD4gJK93yu5/8uGbLjb95D2nmWP8Ai2q1
KIARcGiEvaiviU5DJYD5PMtdq0AXG71CgN15gqJ+Aiu1yyx5mgmXyTqnzJW0RV8w7pkhl
A1EdfS+mVlpUz6HUGxluVF4TAJDpyhZtPaXhMpqf4lp6iUbTINX7IJ/9CK/9sK+UpwCOjKfy
sP8ApQf96GkB7wAWtrAiUSxCLl6ij7s0IUetJhGBAiTSdRjYrgpFByqLjgZDIrKfPUVaRc4J
9aoi+9qWNIsMNPDCVkuU/lkE7BzXjdXDFX5BH7XGx3SHG70ylNZCJ3PcvEfNBasomVBtURsv
A8giNagIwnM4MGLhYm6vEpOpbiVpgvKelw9gyr0l2PS5iEj0kZlx6UzBIv8Aif4HqPXiCU0w
9uKFdUIQ0gOojVFssQKwMaugQNIkMrR6BAs/wA6RKXW8mBHhoLsQnQVF0GVg7FavgbYoKLA5
uHgMAJggRN+ktARUOoQ9j90DHkaaKh2lcTCnHsjjFRWOw1M7dvc5Is9oiYF3+qIvqhbupqIN
P7pfo30QjAdfolu4/X0a817pakDt1jiukRC+JmLKm4EklnMJ8j6WXH1PS/QhCmEv0t5pAP5a
xCkWHiEnn0hdZh+obVoweDECpNlzBrGC80oc4u95qBm8hIp/s0PRvHGz+UYNBwi9vr+tEdxF
4td4iKwV7jmUeIOgREFVvyrFxB4UjAun1ZkfWfmcB9W+yE6REwhoTYbr+KEDLsvF5gfh2pYr
6UfKSzHDwWNJEstOpShj1TcsWQ8TiGv8xh6DB9GGB0VfsPYVXq4KycA6NETvqZmLTOFIgnX7
YylQAYq4Ag7mHc1QJSgUA5oCQwrRLY1IUUSmHchoU1AyHryKCPe4O55IucZ9v0ecbbDooLe4X
E6DWhBED8iilTVT9FshqcxXhggPvKKjN+MY4tztvopSEFUC4tYCewuo4h4Ak1l4QPJ+vSxj
fTXC6wdK2dZS8+/U00yvO0wxJbo84rltkQcuwww/zZKQyDaDggcBYnNjZB9JXuJaDGknE7gA
DZOuza4rH/xP8BbjV0Q3RFSpPEWIZuyi1GS23yjlgIj0Y31FB3jL+iUnWL9BjaARd1HFUHNj
0RmXnXcgsQvwwhVNEW5nARB164xOKFUWqxiBj4YO8ph5GXLInQ7qB6JhUMrWETpgvC30Il+hF
Sva6EfQ9WpGDFxhYkuItCYGTWlOWVxQ7dgi0SFVyrDjfhNQCNx7UjjPluZYuduAQpQpXBZen
acJHuBbmRhyQuTNZEG8kYtf+JBg+lwe7Ozw/XCB9FHjww7r9c59CbmT9pn8NBYE5ETYyeOfd
cTPiO0HWw+BywzVB8n6Ml7Tf25MDNNnu/sZoTvJMeqzs/XCuPhNy8cGx6/Sj/j4wg9qN/bzg
WEILCHn6b7wmF5qEWGzcUGJ4yGuxmf8AyHcuEGDKS+X64PpDZKl8QfwSvMuGIR4+QilziISO
hhSZHMEOppb3jp2Ecvox7iLn2jQxlwr7wKSXV55vll4By8yokEqj6FTxeV5dJH+vhLf78YTH
tfdGN7fsaKVY37eEYd76pZ6PiECpZ4S6i3zHZNc+gcMf8g9SDCDF7XABbBVVahEiYolNZgfK
OVA3uHh13i+fMSNxX6i9/wCuLCVyip0SPaMI57EW52ike6HBtuBNy4fYgtWGDzHWziKL2FQx
s6QKWoh1Ab/bA3QPRkDKMO6lSBc6aIYPmZpMaZbYTsb/AKIqVGMdOFysXmZpHCCGF9WdMf6U
FTKxMcEYFX5jdl44Qg+QYrWgXkHsQW5aj0+pZEsrSQIS1VWBDIHypHmOHpbBj0BBiKmgBk
iVjiDTM89f8AzshBDm7QUw/VsFy/M8pPMP8AWtGN4vCsXd6lQD8XBnNDU10fQT06j46PkmA
MVSQqlW12xhOjk7DLc0O0eqlbOoYYJfucBqamiQgLaC4UM3r7uYbwl5U+iZNs2pS91gZ9KjW
5WikeySjU9PUBfD6QyhuetuPyuGm35gUu0cTN+bovwvoHAAACK53q0o1Ca6QTLhzHs9Kg4gq
Dw+rOif+F+nMJSvPQcEYGHqQ9KiZi3kHqMMirVy+hg+KFBAClqq2ufQJVECUxJRM/RO2G8wa
jKYVlSt6SQQGcek5iog+jAJepf8A1PUcRSj4jd59BJxBfU9XmeEMHobeqplH1SBBFPod2YIh
AzK9Co+qYYDcFQXZOJolwgWH/sECloSjOCPqSmJ6ECBj0DdwMehgPTGYx9DETMBBKhIEjgpl
QLISj0V6KiYmC4bgzLSvUi4/zP8AIhAJmGvRBGKhT0ePQgSsSqJ0QY9ElZido6jH0CVAz6CL
lLxcYkr1kiIoxEixQOZVRYe0M4IXLSnpCa/wPXicn+Bm0ADysAkSUQJx68eg9HUBiOvRYgQ
TicyiBmpRKMTmL79CQegWl+g1APQ+tTWCGAqxCOOIGICf//EACARAAICAwEBAQEBAQAAAAAA
AAECAAMEERIQRBMgFDD/2gAIAQIBAQIAiwTrvvlljofNNXzqKpAAE0QUCFdhTXwU2AxiNjjk
sGJMrgiEQPRYHBSjHQQgggnSwDjWiKpbUhAKutbJEixZegMWv89GckK+yfNADziBBSaSoCjl
QCq6rls08SbmzHiiN4YIB44CrUpl4SBgpWqJLLDcL/2VERkCulhVgFW2CCCJ5q0oymE2kIAb
lchmc9RZRdoxZYxR1RhHh8DI3lqgfqLzZoGfkFrmQzsLA6mKSIYwtDwOl6lUVVYDLZvkgAT9A
SNLMlbvAflcx44ssf6Az0sZURVgJGh5bArloCgAlvHMvBZ4jGyoKtjZeUAXqupbjgoAABr15
joVerQURAYQwAuQKwqGGDPq3a1tpgZAEc9pYp0IxxvWTUuka0Yy8mImMVn06jNWzdb4btLXR

kVWEEMxmB80Ryk0KrwYmgQjEVR9eyB8oK+/nFpeEixSp8rikGGKukGhZloAVZZQa7PqDcy0U
hvmndsdfiqkE1SpXkgCbNlt9djG0MSSf9CW57FhMm3Tz5ytYzhxAykMBQGhhJhfskGRZem2N
QZbDkz9bLjDGHzpknPypUAoUWoOemdySsJMBRLC2sshsYPlk1IHhDT5Nl6it4AoISltYtYux
cl0hDQmoRg45YgZFOiywQDAutdUar82UBYoSXQxjabDiQxhaayW266YcsQn5uNSlsNAFrZSI
AIhvFn14tNVuPewKJ4sZbQotlCDLqslgAqnzoAE5avnQi+On+e1b0dUVjVeJzoS0CNAEDTio
M1QmKAXJLFYYsQXRnTisl8C21mCUZKnSi2KXtV62IsR6SuKlUBaEnwxPLo7I9rEEuv8Answ
i2I+3Nqk7xxtpkPVVSIQAiIC8layptS2l6+1G0emBsmm2IWry+sl4BUoN92NjiuitdNCPCK
jWXjx6iVhDrWhigmpoLWfWPVow1LcRSqiEGDxpUazYzD87AAseIFBFatRkYxmq60TWriZiu
XTJFouI1DK2pV1RSbRpSDjwupEQ2G3ENFdMDB7BzUtVdVIqauGLDErrMJMcbyLKwUQCAuwdf
OTXp3CFsegJGhYE+JHKNObIRqCaA2GcwsoWGBfzsfFRH6j13EVTKrLH/AEqdrWAUoQsCFOeX
gB8ERTDZWjVK4yDesCCbJqlpBVqgZ2pvrFfa5coEq5WVyyyq1LHYwQGhzUFnBWPkTASQ1VitW
yrdHteurBFf+hfK45oRRaBEilxVaPC2zLDUzWVJi14q1EH6HQrfNoyZmVpczl+aoI0Zam3MZ
gSWjFi5rDnHCwRT0QRfGVcpc20811sEAhjhTtTESDBaEOsESLBB4SZeGgAIVVCFWUCEMGSSl
BKyDsk15sFCGBB2YJajV1IIFCgGEaI0RpYYIihJLEsSVKsCrBt7EclyQgH8Ea5ZSv18Wlzk
kkkFSCCCDFlgsICGKSfAIYQQRRm97MMIEEUg7UgrGlsx1aL4f4PgjeH0FYwPjAeLB4sBBJ
CLGIP9b2ZqGGCAmMI0Hgg87FyuLlsLpd41/+17Fc5N137i9LmvssVyAULiE+CDzLfk110pbR
YboGBYEFa3w1z48wZ80XDPmMD4paGbB2CDMyLUJTDKJfKAJqBM+Up9AMMVpmlcqYsab2GP
uwQQco0kGozV0AtePjJag7zo4xZ86WG8URvdkmb3sQG5UNASuXVKpimVNetV8ipq666Knx8
hKlaH/gCPFG/kTexCxIIoyxbrosSYPCPQBEG973vey3RbYO4STve9/8lif8D/A9MMP9if/E
ADoRAAICAQMDAgQEBAQFBQAAAAABAhEhAxASlJFBUXEEIGGBEyMwMiRykaEUQILBJTNTYrEF
QFCCg//aAagBAGEDPwDZryyXqSJbNfNW9GdrKEUJm2U7JFrZ+hrdodjSL7fJxHykS4xSfbP
9D8SceLVuHr2JXrpY9X6Ki9TTUab/CXdifw604tOU5tYfozLBPz5EnBxrv8AevqXq3fTO0vs
JRzVcW7K09WMpK65LPqhcYZV/iLyZ+Itq+MezFSWManrhJwimr4LN+bI/jcU3iKff6lnqxe
B00VxsNjLWB3tyjVKxJ0+w45RaW1ovSx3i/7MeLQ14FQkyLVKrElGSXchxdRXYjx7ZLXgbdt
LA/RDfhCapiSbPRGC9kdjO9PbNjIVReR8abs4zr1LS2/5i8UYvakNGTIDt2YruiKTx3GIvGK
OO3mzDyUnk7Faeye175LwKPCA2vUuvJjZu2dDMdhNkF5K7MI25NlqmhSSado6mO++DNzf1Kj
g46doc0mzP2FSKZnbt8mbKaYpPe5L32UVbzRFrsRZA6aHFUeW9ls4aqj4fcoRTO8DenXk4Jt
stlDk1RXoUrFS3yLKKim5FPuNHlitrKKVGGZ/eZ/cYKZgR9RpLI200KenF+qTEL0E6MdxNEYZ
SSOIocjHhkuFFJWit8swJ2Ohp9zI66RvyZvddLG5Uhok+yJLDTG0sDloxF5ZGCTySX1NFNqL
cvZEHfRLJp6nZiP0Y3ayxkqtmSVI0MztIjJlITen3L2VFbXFCTpoTEi3hDcYR8ykkLTioo
UVKTqkjU+Im+qop4RQ2yUJfuwR1dL/uWzrvsroT06+rKedrR1M6r9BPuinj51QnFpmWy0NC7
jevCT7RwvdlyJR04aUXTm7fsheNqmls4ySfhl09kdViznyWvvv1M/dvXyWjG1Js5SmvUzQuw
37CTj7oyN/EJ+OCOMmmixrVaLicdSLOWnH6YKbKs5JJt71Vu+bEuSfoJ/JeBrKGzO3GI3bG
5EfI6+hcnyVoSSob1tNLwi+5Hi00fmKXhnl1KkYf2ZaOlNFlVkd3vllbPdbdSKks4I+Mjbu2
JIVtengaapWOiWmljKKPzU9mz8pHVXr/wCS2dK/1Wzr7o7tITSxtbnLLsXoLehnFp+lnKuQ
0/oNnB18WXaeGU8jpxpDi16M5xi6yh1RkUo0jqkdUX6oa0ysbJ4FyaI3RT26n7nczvUWzO1n
VZTRaFKNEo4asUkqeROSb7ilydJOLyRwIH3G9D16Nf3JJ5PR4LSKnL2MR90Xofcck+Pccv6Z
OMrGnflybM7dUvc7nUzBTPy37GWd/ltHkdUvU4yQlqp+qyXCmNfA6jXfpr+qHwk7S7tHRFF
Udcvq0ZRejKpNDHwb+hUJNLwqF48E+bMZFaMmX7mGVN7JyqytNisdtfTeotmFtaaOMjpfEeF
tcVpr3Z3MnYuT2/C1Y+nkg4pYdjCuvTuK6Q0jC9xpmTudxc5Ho12Hy+5+UMk4ybe1ujKiYow
mW+w4M6kzIm8JLDQ4znH/S2tql7rappi1NKM6HSX1LbdeNuoz8j5t09nytFaf2MiXw+svK/
3wRThCTVU7b9RJWsjtDoly749Bdjzs50VHitsoprVis11CatCa264oS+HgvcRXkdO1WRjR1f
JCXeJo3dFxY1ZKCXpOKYpcY3Tcu77JE9GbjGd16dmR1GuWHukWhJN+CVdi7y2IIvRipKmiWn
bWYs5RVbN6l+iOOlBeiMDskSHbszv1MmniTNVPwyoswacoRhONrih6epKPo9+0ZP2YmSTlnA
qqmYwh36MzTyRfKxQmJxaY4TaOxh/VpGFXzdW1RwS5M9UQclK/LfsOc/dmWac2nJWzSk6SaF
x5Qd/QfKvJPTmJvBpasemQkqLFFS19N5SvOEND9nL4p12Spjmlj6syvp/uY26du48Gdk0dT
Exqf3ILT43kypqsMb7qhOLXZlSk/oJ0rp2Rw2s+pNZcrbJRdpnLEu5atHSltk4QSEcYy4/dl
5cbbZxcYeruRcbfnbsY26ntkxtpkdhzyONRjFV5OcnyWIq6ITV019ClaikO+V5FN0pUyccTd
57j1dV8Vh14NjQmRxROHZkpyztb5PalaVktRqWphJ4iRhNKPYSNSQIFb4MHU9uo/8mSqOUrb
tod2VJFKfsItpWKVR9CELx14Zf8AmdEYqkQ1Y00amhLKx4e7nKhRSS3TSQI3xZwjaJSX7R+h
9BNWjqe3UU/uX1Fyz4KXbbrgfuXqtslTkmNTa7r5Iyi00miMrem6+jNVS4uDs/Dg/U6baoVX
YpeHRYeEO+xJO+JOD32IpC2pHUzCs6vsSruSiknQu63b1PZFNDUqMyY1n1Oor5KdjfVJlibF
KXBeuSONG4rC/uc0vw2OUU1LI3OGnDqkhpXN2xLZ13M5Lk9qd7YMB4eyv2MUdsbVvZbMGDrZ
G67MpNOhJ34ZPM4x13FDu8+SNYae/OySy6S7sg7eaXmhO8u2cYrZNIqKZLFMZ4THhlxE/GRx
lW2Bj2pbXqJehSJSqcdMdZdsqUjLiJu/Jc78eR6b4xjT8N9makcSnFP6I1nbbpf9pPurqlRK
80Ze1SX1E0rwdCr1HbsoTZGuwqqiyntGCyyD8kZdtuU6M+xcPMUYspiaZ1MqZVbRU+Esp9jS

dcoI00qSSMbVLbrgdCOhe47sY0x8G2fiyfoJEWiMY0ss19Z3WCSzIlp5j2I8Hbyd2VBIQsc2
0iKfYWFcfKVDbtlw9tnSa7o/EjFn0MEkO87dUTFUXFGpJumanmSJJ5kfltWavw3Ko2azVLRy
fE6rzaIwVzkQjIEPux6lqVJ7LHFZGsMThg6VFFQMnf3OuRTsyVLbhNwfZ5W7GMuaJLwyVYTJ
5bXyepH0RFeBym9uOpB7cpy/oKXbuTTofdowU0d/c65GCi0mWjs13RaT+RGf0qls3X0Z0/bb
InNY27GVt1vZ90WminW1P3/X5J/QlfYkpZL7b5e+dut70zzva/VyVGRQpacZpO26SKj7GLHd
fN1C3xvT+XP6Lo9T8rTUvDsQJg6vkVwL9C4/Jn9HBYkNQin6GGYR1Gd8nY7mPnp1+rhlzFZ
gwZ+bBj9C1+jGNXJI0v+pH+pCSbUk0jR/wCrD+ppcnU4v7kIRuTSRpal8JJ7I0YS4ynTNC6/
EVkNNXN0iE4qUXaNBnr8RWaenXOVWaPBT5ri/JpSi5qacV3ZpajqE02aMZcHLq9KZDTpzdWQ
1FcXa3v9Ffg3Su0R/B0+lftQoObX+Z2QfxmunFUlhURajwhFNSTPxfi4Qf7YZaOn8SP7oZ+3
IF09r19Jf6Yyf+x/xRe3+xdoWmtSEn/y+38o9XV1PiJLzSP4d/zI/gv/AM0fw0fuf16n8x/H
6P8AKi4V6K/70fw+n7b0y1+hJ6ad9N5RrS+GSWpdxGjBrf4ud1f+b221P8AFzuSvNkvwp8X
ToktKHJ5rbVevqzc7jFfGq//AFF9StefptqPWhFNdSpJd/uPT0oQdWl4JfhJp4vKNRfB1z8f
2NV/Cyqdc4/QIU3y6bqvqT/AMdHr3T9ESIDWknjkl9kSWHg37fJ4/Q/K+5+Vp/yrb+O1vb
bh8b/Mi9NrZKl/Xb8Ofr9zxFfVnCEY+h/wAR1P5Skfj/ABM9Z9o4jt+R/wDZH8I/5EfwkPZn
5Mv5hL45N9IC/wCxXwee7pv3bs/I0/bbP6U5riqo1oxiuEXSruavPUINJJ1Sv0NZfEy1HBVL
67OfGUXU4u0zUIJSmkq7JZyS4vjV+LNeXxTU+Nxa9DX/wBUP6M1ZfGTIDi35fgltROMZRuw
vuLS01BbT1o8U0ka8tN6kFVXZmvp6a01KFL6M1NFVzi43bJ6mtzclXp9CWrdDimkShpqLax6
fL4/RpfoRXZJf/JZ/wDff//EACERAAMBAAMBAQEBAQEBAAAAAAECAwAEERIQBRMgFBuW/9oA
CAEDAQECAMcd58+O2DIw3QKP38ZgzOW7DAh2cN0WD+g2OAxHr16AKgZ8cccRZSRBMuGNFYMC
FGIJ9/O6CdGB3pGYHUDZhxaMupT+vYwdWafS/DuwSQPWLf0NgXJdWJIdu7NFvcjX52ApmWft
MSN32CSHLPYt3DULAUvqGrRReO3EMDeIzuWISQKszvEnHAPIJMwyvMhVirv0vEM+wJ592x5c
Qy51ki0m9EikFO8ug+Tb34MRIFkIFi924c1xUqRQTAY4LNolMZHTZWZySvUt12Mc2/j5Deq7
gvEZi5vrEMipwTwhRWd3Zh0MrfJbtXO7OfO4oG64pVJh0MeUwE9xeL7C2Iz/+gWFS6v2G9oL
sHnb0WY0yqMhoYU9BuRTnrb8jj4gDrn8dH9IXBCKMco5Pz3Kvol8H7DEoZtQ0pz1dvyaDAzB
FU5UhpK6sWwIw3JDr3N/TMW7D/0hlZWY+P17in4MuikCysOcrJDULZsQDnzhpGWd/TMX/pwS
SGU98+DQ/Czogi7qy84HKFY/G+2ZrC4cs5ZklDgVkoIwww38uRxfy1a7NBPn6LAKvnHH53yG
cnLmYqyceXbAaL4Bz6UQXwsxh8/T3GBDF8SccTcv8RBgrAAAh8jToA2QFeODViMp366wYuuY
ksvRNyQFmJ4BPvVSCrKexiYzIIQZtzoXBf8AqHlnLY6+AUTENfBYEZQ6+BpvlUTNUOh7Iqv
MY13BU9MSbZNMbjmAbj8iC0FG3kr3F6NPE1b8+89PNq79Juy3pXDZtQuQ/8A0I3GpxQ06rbj
d/1FAqKWTE1MtxuQuJs3KoGAAQVCh9U9qrRXcUpoVGbX47H0Mk2E+O87KrSrK3r10fJIIA+d
U3LtlZr1iyPFFzcmH6Bo8Rrxwg3QBHMYqh4q2py6vhlxYN7qORBkheHITjmQdm5bSTjciHMa
bw746jO16FeNxuTy68jnW7Bng2BBolLioVePi/wDT+fVT3Q9Q5CZoInfMv2gFbcP3apdaTPXx
c45Iok9W89xmOTc2qASoEff8rsm93bLuMBv14lluJ4nSNmOGYcpbgOoA4/zr9RIKcwZJhOSe
TW53jxBgf0H5FngICPDkcy+Xu5piAOgJs25KqaHs5M+fIMrgzDcx8+WkqUmGCH1TltZICEBP
Fr2+LEGFV1HAT6zvylJy8yEq7PEMegtKUhKqCPZweTOW5A5Aoz+mODFndyIVpOrzbjCI3RkF
RKAQOZeQ5YcG4NrOZnjB0sAdfTTkQpJVXJ85iDki3Hf2W6kKCQAlrK6uGeFekt9F3TjsdyT
JeUzJHHMrZDylqY5GyiQcJmo3KpzORYP/wCcQKS/MpwKQ4TV4yTE1amOIR7r0dz0VZGQRZhQ
xXcgtiXQzMXPhKhIdXEer7taWJPYedZmikNFUnpsjzfo582OII8heIyN7qzUd/ShSDgRkaq0
3V5qqqgXTPRVww8kEddQqp9c+poCo6OHZ0rB3O6ZSiBVVVABDqyFSpXydBUSdeRyCyHtj2rO
5abd hugOqzKfChQAQwZSCpQh9xSo5N1iZgLMpYzYtlrugAPJVQuUDAnEEFSrKVdYhNyBREmy
IXAWa2RpzCjoAAiizI+L8OOPwhgR5aimxliaMxUS3IJWChRhgRiCEynD6fvkoyNkoWVYKoX
/mHESX8v+ZI/8zcd4rBJMgxFFmcPp+x1DRrPK0xLFQB1wPimgAKjkiYktwPjLMAfSCNHFnl8
NXS1iNY4DiBmj8bVY5dfLuio/yQRLOHfD13LNoo5IAfAxwzmuXKbYfOuh/rpSdcs2lRivzu
mk707IUWNXqLJV3GX6f9nHPuiMd18OAA+DdAdddZcfcgO7/wc7DEH5110F6A6Pwf7H/xObVw/
2P8ABxw+D/I+nf/EADYRAAICAQIEBQMDAwMEAwAAAAABAhEhAxIQIjFBBBNRYXEjgZEGMLEU
MkIkQMEzUFJiU4Kh/9oACAEDAQM/AOCI+hEXBM9rK4vt1L+VxtFKzDsoukSRuV0NMRii1Tlj
T6cPcv8AR6/oswhW2zZF2ukhfTb+yKhNu63jWu5u1GEE39ymNqSd9DkqsxG2q63VFz05JYuv
wO5OnWx9i1oUnVvqjPzD0ybVJtdxrTtru0VToEj1FaZmXyKPRfYVJIPJjhtd9huNrQKS45P
qL0khZyJ8HXQIHLuhvfC3aJ7k3N9SW+rwJPv8pkIqk5NMi11kRTWWU7RJySM23a9C2Vwdqh5
OVW7L+Bp0WuHYStOSIKbcS4WUzJ/0853CvgiLujlo26qd9YEsreyTkubCE5XZ3Ts3Uh+qYum
1Mdp7S2sFKXqXq9ShxluLNqtmExepaKFeBmT6dXeDPBKsXui5oY4x+Was+kXQn/fk07TUYxJ
Qe6OTa5JqnRyJd2YxG2VFypR9i557m7VqXqBLS9B7V8jU3RdpPJhFqytwsHbgqosIEY2VBr2
MjnJJOR6E1NXJEojJuVkJZzWLo9EhkvUazdkZ6TmuqyhTSzmiVlq0PrOSY06tvob2kkzBYox
bk6ZfqXKh2+HcwPDLiSiexFm0UV0ZcrbPCTVdhVezovUxe3/APSjetzY06TsffhfVENkluxQ
UNWeVawh4to6Kza2jOY8HLDboEWMWK6FbRBT3CcnTLQ7MHKjI8CFRysV8zbIx7CG12GxpziJ
K2JkERtOLiLbeDy9eSiOSWH7Ep0IB36I13BOSp+jNVJLHC9GakFTp9rRVdEJEbpDpX0FR1

9qEWsGDESk2J9ePse4kPcWehs1GNxtD6Mm1jBScpMS0XnCTb+x5snN2rN8owW5tsh4eCxcqz
ITwhCkrr7j0tW5PIZF9GRvCLO41qyfqkKUbjj2HVDTYcqKg/ccapl9eD4YHZQ9w000zCXqiK
Yuw3grwm2szefg2qkiMtWetKN7Ekvl8E+hcLMC1ISr/L+ezKjTXC0x3fehqs+KOVDIRy8KZ
a/QixrKYnS7jWnpvukQq5MjdxZ+R+VGv8URUVkj/AE0vXe2zcrXC4FMuLRS8TKuksmS2jbJ0
8Cqz+jlQ3BV6jlqRjgmJFWNM3SKSTKWCUi5oWnppRIUmiUpZEtDUB7sS6ErTTOWUX24YPq
w+Gjuc6TN3Hrwwi0dmrIP2J4ZUeDOh6E3KowbY1SmkpFjLt1wj4iMo91lMnCbt7Dek4LLZ
OLqUWhJWfVv1FRysrUj8y4K7+R4Q7abMo68MlpImpPlu5F9GUhXwnqtJD07lubkJLcltSp/
DHNXXydUVTWUWsC6kdROXde/D6nXr0Zvi7grfcpDTtnJEw0fVS9rGzCGIZ+Dox8MIwjmfdPC
+HlwXqzlotNFWOMrRGWVgcW7WCljoOO1XcWsDeo/grVUFVOvsKsOjOeok6LgJDK8S1/6li2t
3QUfzg3KhPHZFRSKMWcsfgwczMlltGEXOC9WYXDJTfzw7CbsUosbg16HMmi/F6f/ANv4FFpV
ZzMtnJHht1YTrDtCuLRclbH3I7UKx1Zy2Yj8GC2zJUBo54o5fsRnODXq+NtGWzJTTLRzKxcM
ub+Fwp/j+OFRHR52hJd+q+SXZNURi37jq+CblfpZcUiomF8GPuWzN0+otn2L8QiLqyEdeEYq
qTFww2IWWVmysG5HKUvfsNLLJwVxYpwhNdJxT4XEwXGhw1pwwHUYOkhWiospITML4OUSdMT/
AClbt9D66+5S9x/1XhpXamsr4ySrUnFO9ypL0OzFTINifQa7MdCaFBfwXK3l8FTOXypPF8o+
jHfDlbP9bqeyj/AxOrFuW21SFgi82Lb9+GOEO9G0alVuNupGSFJqu5HVT9dObQ47pbbSj0XV
s0/EaalKFN+vVE9JNxdxK7IZKXwJ5RXXR0JycpCq0kMjdNU/Y2tOyM6TxJFN8EtOvVo3eK1m+
82Ra10QNMjtjtOX78OVi3sg10RptOsHMjnVqqNSMpakJNScmzzNOMu7XCxxuUfa7ogxOq+qx
PpKhtVJID2pp0Tj1VoaluXBpp90KemmqJUm//GLf/CHuZrjjaKgvrhK1GyLq3Q6pSTNWMW9q
eByl1IojCGH0Vti8qHujUhe10a2lHc3aG5VNVKvUjscuxpa0HKCWFYek82ZKHLVgvVIIwRi1hW
xPMX9jNMUfcrvq22hQi3fsj6bz/d/ETJjrQsuy4/fhGSs2uiUKQpaTbv+30NaetvUcfigw4y
u2qwbYxUaZJU3k3aUI1VslBS3RxRODaUsdkzTk3BQ2pOr7WRmqajQdrKil6l104Jl8zVb7DF
KUXL8EdNVuSpfgeqpTvCSUV6KytVwXSOPx+jLG6sqKOT78ORnMxtojpr1ZBW5Sd9i2Rg6cp
VY4PqNyw2xK4UOHM42iEswVY6EdHRjvdSbHqKUK9yJ3JTPrsQnmhaeFwqO1PLLypSSuiOnFx
08usyJa2m3O7PLUoSwtbSUn1bzwjJoyYRynJ90Y+x9OQ3PoeXBJKrMbYsbjJu7RerpWYKyT0
p7lWSeppxb9LPiy8s1NOdxDENWK7PuuK04NkptyffpttdS+wkvNivk8ye1tqxQx5qZnEjU03
iSYtVWYRg+n90X+CoNe5Labn1LZS1F8CU4P34uoTSwXox7OkZz1FJFDTtMIHEsr1NHY5b1Q9
aa7RQt1J2STprJtq6sS6yoW3+4g4OHmZfY0tJxcekJ60rs1H3NVOqJxu0dDmaQ1p/dEU3aZH
UbrdwVLAt3QTv5Ka+RSgmYSFOG0qCLPXilGi5NmTLQ4Jzl3XKS1J1J5Z5Um9RY7EdNvdG0Kc
dXxOtyQk1QtWVxhtj75bEqKjhmpG5WNwtidyEotsuFe6/gycwr68KY0s9WUy4VZ3EzoXworP
C+HRj25yjNqy4pXTNJ6MdTUje2+3U8+ntwv7UONraNJYJGpqSUIIICKi5Jslj2HlaVIXk52r
7ELdqxbqUSKt7SFtUhxRLTknFinBTKRFMi31EMb4VptIEYKFq8EW+XCOU3RhqErUV0NulXdd
Baq3Sla/yS6o05Zhpza92jQVKKuX/tgjp/4R3MtYsVJio3Ql9hq6PqO/Q6HoOMSv4HatmDDg
zFE5yeyLZ4iKtwZKDzYmVG+G2ElktSSS6WNpU2Ti0XpxsvRa9i2762YJrTerBtOPWvQ1oJNa
klaN6dyb4ZRcUV+B7J/COY+o/jipJ2KMsDhtvrwldWTXQlqy60n3PCeGjXVjniERatKccrua
i1IqsNI0i5pFzURaai5dX0ROVZG9rfoJQgmRUaRt1W/Uoi24SVxkqZ5etLTbxFkBJNkHWRUq
Zf4OVmUVNkIK2aa7EaxEcpXRDxDjc1F9zR6y8VGjwOguWpP1Zqa9LTj+ByzOf2RDSpwtrvZj
oOMpb3joKXNEktTK7j8xzkOerfZGTC+D6MTdGi1a+Tdp3w8yENXvHEiJFIgQI9jlYn3I3loi
6pi4WLg2KOhBJFFxkhCX2JafV4NFxclXQTdJmWXZhH0olMtG2coMqTE001hqmbJuPCqG0ii0
MX7HJXpwwxJORgtUPZJXwpMzw+nETOqY1NTLV8LSfpxS4V+04akY9pHQ9Mm1RjZZfBfo5Fwp
ilF8bRtdfvXrQ9uGsvFy0G4bY5boWt4qfu8CUnHhJLDGIzL1RjyokmqY0mSeXwf6MfvLzlW
8Vry03dx2pm2SZcrKxw5Szl00WY/VeDbKjp+446yMEZeN1aqilky4xZ9WhKKZysyfUmhKW17
szP2/Y711+5UkxR0nL2PrzbfVC8uWReXH4F5/XBFR6oWxv2Oh9eYlqaPsytGTfVp8lw+5X6
3GVGP2G+iJ/+LJJ5TNX/AOOX4NTZFbJV3wbnUYW/glGNShtvvQoqkiN/2o1NXHSVGrWdLBKb
2wiKE6cEmhy9JP7G/rFNFNqMEn7IlaVZZqQzKNGq47ksfJOXRWSg6kuGSs/svePdLPclH2
RNeG0mpO2ySct0204tHl+GnNYILCM7G+WwBq0+FaOo/WSR/oPv8A8IM3yhNf5/ybYR00VI5/
uXItx+D6EkKLPqS4YNyKx+wt3uQWpe3v14af9NHrX+PCH9NGljFEfMhuVqyPmT29L4afk6cV
Cn1If0aw6/54RWm208OxSk2KxbhbhYF5fQyhbPGmn+xznM/nhfhdp54bvB/DK1E/TP4HZvl
noss3zcj/SQ+eHl6UYd3l8MnMcxk+n9y5nO+GP2lF2Qbu2R2RSZp+RGCK7XsZNM5PMZdSEYt
Qbd9WxblfQ0Y+HTjuqUqfqaPpL8ohHw8VK16l04tOSbaY5yb4Rg7ds01TyQcrpkZdmRUKpii
7YpStcMfuXL4/Ybq3+nHB/7Cl/2DH+5//9k=